

*Министерство природных ресурсов и экологии Российской Федерации  
Делегация Европейского Союза в Российской Федерации  
Федеральное государственное бюджетное учреждение  
«Национальный парк «Кенозерский»  
Фонд «Поддержка памятников деревянного зодчества»  
Некоммерческий фонд поддержки культуры, науки, образования  
и здравоохранения «Вольное дело»*

## **КЕНОЗЕРСКИЕ ЧТЕНИЯ – 2011**

### **Человек и среда: гармония и противоречия**

Сборник материалов  
V Всероссийской научно-практической конференции

Архангельск  
2012

УДК 502.4(470.11)+947(470.11)  
ББК 28.088^64(2Рос-4Арх-5Плесецкий)я431+63.3(2Рос-4Арх-5Плесецкий)я431  
К35

Ответственный редактор – Е.Ф. Шатковская  
Составитель – М.Н. Мелютина

*Печатается по решению научно-методического совета  
ФГБУ «Национальный парк «Кенозерский»*

**К35 Кенозерские чтения – 2011.** Человек и среда: гармония и противоречия: сборник материалов V Международной научно-практической конференции / сост. М.Н. Мелютина; отв. ред. Е.Ф. Шатковская; ФГБУ «Национальный парк «Кенозерский». Северодвинск, 2012. – 402 с. ISBN 978-5903625-14-7

Сборник содержит материалы V Международной научно-практической конференции «Кенозерские чтения – 2011» (18–23 августа 2011 г.), посвященной 20-летию Национального парка «Кенозерский» (Архангельская обл.). Авторы из ведущих университетов, музеев, научных и исследовательских центров России, Норвегии и Финляндии представляют новые исследования, связанные с проблематикой изучения, сохранения и использования объектов природного и историко-культурного наследия Русского Севера и уникальной его части – Кенозерья. Представлены экспедиционные и архивные фотографии. Опубликованы материалы участников конференции, на практике занимающихся сохранением и интерпретацией наследия Европейского Севера.

Издание адресовано самому широкому кругу читателей, интересующихся природным и культурным наследием Русского Севера.

УДК 502.4(470.11)+947(470.11)  
ББК 28.088^64(2Рос-4Арх-5Плесецкий)я 431+63.3(2Рос-4Арх-5Плесецкий)

*Издание осуществлено при финансовой поддержке  
Министерства природных ресурсов и экологии Российской Федерации, а также  
Некоммерческого фонда поддержки культуры, науки, образования  
и здравоохранения «Вольное дело»*

ISBN 978-5903625-14-7 © ФГБУ «Национальный парк «Кенозерский», 2012  
© Мелютина М.Н., составление, 2012  
© Авторы текстов, фотографий, 2012  
© ЗАО НП «Партнер», 2012

*Е.Ф. Шатковская  
(г. Архангельск)*

## **Настоящее и будущее нашего прошлого**

В 2011 г. Кенозерскому национальному парку исполнилось 20 лет. К этой дате была приурочена Международная научно-практическая конференция «Кенозерские чтения – 2011», состоявшаяся в августе на территории Плесецкого и Каргопольского секторов Парка при финансовой поддержке Европейского Союза.

Что такое 20 лет? В масштабах времени – ничто, а в масштабах человеческой жизни 20 лет – это уже история. Поэтому для нас, сотрудников Парка, участников этой истории – эта дата, прежде всего, повод оглянуться назад, вспомнить людей, события, оценить сделанное, и, опираясь на прошлый опыт, двигаться дальше. Но современной истории Парка предшествовала другая, и если бы не работали здесь ученые в различных областях знаний, начиная со второй половины XIX в., то, как знать, как бы сложилась судьба этого удивительного мира. Историю делают люди, и моя вступительная статья в большей степени о них.

С середины XIX в. Кенозерье стало объектом исследований известных ученых различных областей знаний. Первым российским этнографом, узнавшим о бытовании эпических песен на Кенозере, был Павел Николаевич Рыбников (1831–1885). В 1860 г., «узнавая чутьем местность и людей», он собирал былины в деревнях Кенозерья. Именно П.Н. Рыбников впервые опубликовал записи былин от Ивана Павловича Сивцева. После этого имя Поромского старца навсегда вошло в историю русского эпоса. В 1871 г. русские ученые Иван Степанович Поляков (1847–1887) и Александр Федорович Гильфердинг (1831–1872) отправились на Кенозеро, где Полякову удалось, как сообщал он в одном из писем, «открыть значительные следы каменного периода», а Гильфердингу записать от местных жителей более 80 былин. Результатом этой поездки стал сборник «Онежские былины, записанные А.Ф. Гильфердингом в 1871 году» (1873). «...Здесь могли удержаться в полной силе стихии, составляющие необходимое условие для сохранения эпической поэзии: верность старине и вера в чудесное...»<sup>1</sup> – эти слова, принадлежащие Гильфердингу, являются сегодня нашим девизом. Повсеместное широкое бытование эпических произведений на Кенозере в отличие от Заонежья позволило Гильфердингу назвать Кенозеро «Исландией русского эпоса»<sup>2</sup>. В 1887 г. этнографы брат и сестра Вера Николаевна (1866–1931) и Николай Николаевич Харузины (1865–1900) провели обширные исследования народных обычаев, изучали особенности дохристианских верований на Кенозере, формирование сложного религиозного сознания кенозерского крестьянина. Карп Андреевич Докучаев-Басков (1849–1916) известный как исследователь северных обитателей, в том числе существовавших на территории Кенозерья, опубликовал жития их основателей и монастырские документы XVI–XVIII вв.

© Шатковская Е.Ф., 2012

В 1853 г. по заданию Российской Академии Наук было начато изучение особенностей гидрологии Кенозера и Лекшмозера, в конце 1850-х гг. оно заняло место в сводном труде выдающегося экономиста, статистика, библиографа, этнографа Петра Ивановича Кеппена (1793–1864) «Озера и лиманы Российской империи». В 1870-х гг. геологию Кенозерья изучал Александр Александрович Иностранцев (1843–1919), первый профессор геологии Санкт-Петербургского университета, член-корреспондент Российской академии наук, основатель школы карельских геологов. К первоначальному периоду исследований относятся работы известных ученых Александра Карловича Гинтера (1828–1899) – по флоре и фауне (1880 г.), Александры Яковлевны (1848 – ?) и Петра Савича Ефименко (1835–1908) – в области народного права (1877 г.), Владимира Васильевича Суслова (1857–1921) – по архитектуре памятников деревянного зодчества.



*Павел Николаевич  
Рыбников (1831–1885)*



*Александр Федорович  
Гильфердинг (1831–1872)*



*Иван Степанович  
Поляков (1847–1887)*

В 1903 г. на Кенозере побывал художник Иван Яковлевич Билибин (1876–1942) с фотоаппаратом. Сделанные им снимки кенозерских часовен, образцов резьбы по дереву и вышивок проиллюстрировали его статью о Кенозерье в «Мире искусства», а затем и в «Известиях Археологической комиссии». Опубликованный им материал вызвал в кругах общественности огромный интерес. В 1918 г. видный гидробиолог, озеровед, доктор географических наук, профессор Глеб Юрьевич Верещагин (1889–1944) по поручению Зоологического музея Российской Академии Наук исследовал озеро Свиное. В 1927 г. «по следам Рыбникова и Гильфердинга» отправились братья Соколовы Борис Матвеевич (1889–1930) и Юрий Матвеевич (1889–1941). «Заметно уступая по численности населения, например, Беломорью, Пинеге, Печоре, крохотное по сравнению с ними и до сих пор куда менее звучащее, чем

они, Кенозеро превосходит эти места Русского Севера по выявленному былинному репертуару»<sup>3</sup>. Результаты экспедиции были ошеломляющими: Соколовы за две недели нашли былины в 18 деревнях Кенозерья и записали 91 текст. Академик Академии наук Украины Юрий Матвеевич Соколов (1889–1941) отмечал, что Кенозерье – не только былинный край, здесь «в полном расцвете разные фольклорные жанры, в том числе и сказочное творчество». Кенозерье – родина ученого-фольклориста, писателя-сказочника Александра Николаевича Нечаева (1902–1986). Несомненно, русская сказка, народная песня запала в душу будущего писателя-сказочника именно здесь, на Кенозере. Александр Николаевич подготовил к изданию более 50 сборников русских народных сказок и эпических песен, переведенных на многие языки мира. В области архитектуры особую ценность представляют работы доктора искусствоведения, историка архитектуры, профессора Михаила Андреевича Ильина (1903–1981), который рассматривал кенозерские избы как яркое явление национальной культуры.



*Иван Яковлевич  
Билибин (1876–1942)*



*Александр Николаевич  
Нечаев (1902–1986)*



*Глеб Юрьевич  
Верещагин (1889–1944)*

Вернулись ученые на берега Кенозера уже после Великой Отечественной войны. Доктор архитектуры Александр Викторович Ополовников (1911–1994) обследовал и выполнил графическую реставрацию четырех памятников архитектуры XVIII–XIX вв. (храмового ансамбля Почозерского храмового комплекса XVIII–XIX вв., рубленой ограды Почозерского погоста XVIII–XIX вв., часовни Кирика и Улиты XIX в., Никольской часовни в поселке Усть-Поча XVIII–XIX вв.). Группа специалистов, возглавляемая архитектором Центрального НИИ теории и истории архитектуры Гали Владимировной Алферовой, выявила в районе Кенозера более 70 объектов, в том числе целые деревни, представляющие историко-культурную ценность. Результаты полевых исследований были опубликованы в монографии

«Каргополь и Каргополье» (1973). Новые взгляды на крестьянскую архитектуру, композиционные особенности организации жизненной среды поселений Кенозерья изложил доктор архитектуры Юрий Сергеевич Ушаков (1928–1996) в монографии «Ансамбль в народном зодчестве Русского Севера» (1982). Много лет своей жизни посвятил изучению топонимики Кенозерья профессор кафедры русского языка Поморского государственного университета (ныне Северный (Арктический) Федеральный университет – САФУ), в 1988–1994 г. заведующий Отделом рукописей Государственной ордена Ленина библиотеки им. В.И. Ленина Виктор Яковлевич Дерягин (1937–1994). Результатом многочисленных экспедиций стал сборник в двух частях «Топонимика Кенозерья» (Архангельск, 1987). Значительную ценность представляют материалы, собранные в результате экспедиций по обследованию деревень, памятников истории и культуры историка, члена Союза журналистов СССР Генриха Павловича Гунна (1930–2006). Невозможно перечислить в одной статье имена всех исследователей. К сожалению, сегодня известны далеко еще не все открытия того времени. Выявить, собрать, систематизировать результаты исследований, «открыть» их авторов, неизвестных современной российской публике – одна из сегодняшних задач Парка. Трудно переоценить объем работы, осуществленный русской и советской наукой в Кенозерье так задолго до создания национального парка, но – объективно – для этой цели! Эта работа стала мощным аккордом к заповедованию этой территории.



*Юрий Сергеевич  
Ушаков (1928–1996)*



*Виктор Яковлевич  
Дерягин (1937–1994)*



*Александр Викторович  
Ополовников (1889–1944)  
на Почозере*

Ее результатом стало обращение в 1975 г. Министерства культуры РСФСР и ЦС ВООПИК в Архангельский облисполком с рекомендацией по организации на Ке-

нозере природного и архитектурного музея-заповедника. Одновременно Совет Министров РСФСР поручает Архангельскому облисполкому совместно с Министерством культуры РСФСР рассмотреть вопрос о создании в 1978–1983 гг. такого музея-заповедника. Последующая работа приблизила участников процесса к пониманию необходимости комплексного сохранения культурного и природного наследия на основе принципиально новой для России и прогрессивной формы организации территорий – национальных парков, в основе которых заложен принцип территориальной охраны. И в 1978 г. Архангельским областным комитетом КПСС и облисполкомом было принято постановление (№ 456 от 27 октября) о проведении обследования территории Кенозерья для обоснования целесообразности создания национального парка.

В разработке всей необходимой для этого документации приняли участие десятки различных организаций и специалистов. По заданию Управления культуры Архангельского облисполкома в 1980-е гг. на территории проектируемого национального парка работали экспедиции ведущих музеев Архангельской области, Архангельского педагогического института. Результат – подробный отчет в 4 томах, включающий в себя физико-географическую (Н.И. Асоскова, Г.И. Манихин, Б.В. Ермолин, Л.Ф. Зеленова, Е.В. Зуева), социально-экономическую и демографическую характеристики (М.Н. Белогубова, Е.П. Шерстюков), этнографическую (А.Н. Давыдов), археологическую (А.Я. Мартынов), историко-культурную проблематику (Г.Н. Колпачников, В.Н. Булатов, Г.В. Тюрин, Л.В. Федорова, Л.П. Комягина, В.Я. Дерягин, З.С. Дерягина, П.Е. Овсянкин). Вдохновителем и организатором этих работ была Валентина Васильевна Филиппова, заместитель начальника областного Управления культуры.

Одновременно студенческий отряд с говорящим названием «Атеист» Архангельского педагогического института под руководством Геннадия Николаевича Колпачникова, проректора по научной работе, Владимира Михайловича Лопатко, главного архитектора Архангельской специализированной научно-реставрационной производственной мастерской (АСНРПМ) приступил к ремонтно-консервационным работам на памятниках архитектуры. На долгие годы был приостановлен процесс разрушения 16 объектов культурного наследия, в том числе благодаря финансовой поддержке Архангельского отделения ВООПИК и огромной заинтересованности в спасении памятников Кенозерья Марфы Ивановны Меньшиковой, бессменного руководителя этой общественной организации на протяжении многих лет.

Наконец, в 1989 г. решением Архангельского облисполкома были образованы два ландшафтных заказника: Кенозерский и Лекшмозерский, в декабре 1990 г. решением Архоблисполкома создается объединенная дирекция Кенозерского национального парка. А ровно через год, в декабре 1991 г. вышло Постановление Правительства РФ № 84 «О создании государственного природного национального парка «Кенозерский» Министерства экологии и природных ресурсов РСФСР в Архангельской области».



*Порженский погост. Геннадий Николаевич Колтачников (крайний слева), Николай Николаевич Коренев (крайний справа)*



*Валентина Васильевна Филиппова (вторая справа) в экспедиции по Кенозеру*

Становление Парка происходило на фоне смены социально-экономического и политического строя общества, в эпоху глобальных перемен, на стыке не только столетий, но тысячелетий. И поэтому столько всего вместились в эти 20 лет! И победы, и поражения, и горести, и радости. Мы теряли своих родных и очень близких нам по духу людей. Но мы и приобретали – настоящих друзей, надежных партнеров. Мы совершали ошибки. Но у нас есть и достижения. Мы все это время учились жить в новых условиях, и старались работать так, чтобы сохранить эту легендарную землю. Это были и трудные, и одновременно счастливые годы. Трудные – потому что в эти переломные годы нового смутного времени проблема выживания стала важнее всех других и вопросы сохранения природного и культурного наследия уже мало кого волновали. Счастливые, потому что не смотря ни на что нам вместе с местными жителями, учеными, реставраторами, органами власти и управления всех уровней, духовенством, многочисленными партнерами и друзьями удалось заложить прочный фундамент для будущего развития территории для живущих и будущих поколений.

В очень сложные 1990-е гг., когда казалось, что нет никаких перспектив развития, в Парке сложилась замечательная команда профессионалов, энтузиастов, романтиков. Это Сергей Афанасьевич Синяговский – первый заместитель по природному и культурному наследию, в чьи обязанности входила не только научная деятельность, но и экологическое просвещение, и развитие туризма. На этом посту его сменил Денис Владимирович Тормосов, изучавший культурные ландшафты и систему расселения. Тамара Александровна Синяговская, создавшая музейный фонд и ставшая его главным хранителем (и мы до сих пор – единственный Парк в России, имеющий в своем составе музейный фонд). Евгений Александрович Бастрыкин – главный архитектор Парка (сейчас – главный архитектор г. Архангельска), отвечавший и за реставрацию, и за строительство, и за капитальный ремонт. Мы сами проектировали,

сами строили, и, в основном, все наши объекты были построены именно в те годы.

Николай Николаевич Коренев – начальник Плесецкого сектора Парка, к сожалению, рано ушедший из жизни. Работая до Парка председателем Кенозерского с/с, он являл редкий пример чиновника, так предано заботившегося о сохранении памятников Кенозерья. На этом посту его сменил Сергей Александрович Евсеев, который и сейчас трудится в Парке. Николай Иванович Попов – сначала тракторист, затем механик, а сейчас – начальник Каргопольского сектора Парка. Бессленный бухгалтер Плесецкого сектора Парка Татьяна Александровна Калитина, ревностно приумножающая наши финансы, хранящая материальные запасы Парка так, что каждый раз, попадая в наши запасники, удивляешься: «Чего у нас только нет!».

Капитан, морской волк Александр Вячеславович Балакирев был первым, кто показал мне практически все деревушки, часовенки Кенозерья. Татьяна Сергеевна Дьяченко, начальник отдела кадров, которая знает обо всем и обо всех все или почти все. Наши народные мастера, возродившие и бережно сохраняющие традиции, Юрий Викторович Тишинин, Елена Николаевна Беляева, Владимир Дмитриевич Шевелев. Мария Михайловна Аникиева, так давно работающая в Парке и так ярко проявившая свои долго скрываемые таланты.

Наши преданные своему делу госинспектора, лесники, егеря, лесничие, помощники лесничих, мастера леса во главе с главным лесничим: сначала Сергеем Евгеньевичем Котловым, затем Владимиром Петровичем Лукичевым, а с 1999 г. Александром Владимировичем Козыкиным (сейчас он – директор Пинежского государственного заповедника). Мастера на все руки – они охраняют территорию от браконьеров, леса от пожаров, обустраивают рекреационные зоны, они – лицо Парка, они – первые, кого встречают туристы, наши старейшие сотрудники: Александр Геннадьевич Полвинен, Анатолий Александрович Капустин, Валентин Васильевич Портнов, Сергей Александрович Боголепов, Михаил Владимирович Тишинин, Николай Егорович Кармишин, Николай Алексеевич Нефедов. Лесничий Лекшмозерского лесничества Константин Станиславович Воробьев пришел к нам молодым специалистом, отслужил в армии и снова вернулся, лесничим Кенозерского лесничества трудится бывший начальник опергруппы Иван Александрович Роймуев.

Не было бы в Парке такого количества зданий, мостов, часовен, построенных и отреставрированных в 1990-е гг. из собственных пиломатериалов, если бы не наши плотники, столяры, станочники, рамщики Николай Николаевич Боголепов, братья Владимир Николаевич, Василий Николаевич и Николай Николаевич Боголеповы, Сергей Васильевич Ершов, Сергей Евгеньевич Аникиев, Александр Николаевич Подгорних, Михаил Николаевич Капустин, Сергей Викторович Овчинников и другие. И, конечно, руководитель кенозерских плотников, сам потомственный плотник Сергей Павлович Аникиев и наш «штатный поэт», инженер-сметчик Надежда Ивановна Шеламова.

То, что в других организациях списывалось, у нас продолжало ходить, плавать,

ездить благодаря мастерству, профессионализму наших трактористов, водителей, капитанов Сергея Александровича Боголепова, Владимира Викторовича Худякова, Александра Юрьевича Попова, Василия Николаевича Макарова, Игоря Александровича Коренева. И их опытные руководители, вечно занятые проблемами ремонта, топлива, поиском запасных частей механики секторов Александр Иванович Спицын и Юрий Александрович Венгер. Тщательно хранит ГСМ Сергей Васильевич Попов, закупает материальные ценности Владимир Петрович Соловьев, дотошно учитывает и контролирует их списание заместитель главного бухгалтера Евгения Юрьевна Варакина. Здесь перечислены далеко не все пришедшие в Парк в 1990-х гг. сотрудники, которые и сейчас успешно в нем работают.

Через Парк прошло много людей, кто-то вышел на пенсию, кто-то уехал в другие места, кто-то, к сожалению, умер, кто-то перешел на другую работу. Были попутчики, случайные люди – о них совершенно нечего вспомнить. А были такие, которые оставили глубокий след в душе и в сердце. Это госинспектора Алексей Александрович Боголепов, Василий Алексеевич Нефедов, Николай Никитич Болознев, Иван Тимофеевич Фокин, Евгений Эдуардович Монастырев, Михаил Васильевич Калинин, Николай Иванович Аникиев, Виктор Алексеевич Юрьев, Александр Владимирович Башкирев, Виктор Васильевич Федотов, лесничий Кенозерского лесничества Олег Геннадьевич Григорьев, водители Сергей Васильевич Прокопьев и Александр Михайлович Сидоров. Это создатель фольклорного коллектива «Кенозерочка» Нина Федоровна Пиялкина, комендант Валентина Андреевна Портнова, бухгалтер Каргопольского сектора Парка Валентина Васильевна Морозова, ее муж – тракторист Владимир Александрович, начальник Плесецкого сектора Парка Татьяна Павловна Пилогина, главные инженеры Лидия Александровна Богданова и Александр Анатольевич Неверов, хранитель музейных фондов Зинаида Ивановна Вахрамеева и ее муж – комендант Владимир Иванович, главный специалист лесного хозяйства Елена Петровна Попова, токарь Александр Михайлович Гусев. Ни один праздник не обходился без Галины Ивановны Емельяновой, она денно и нощно заботилась о посетителях Парка. Много лет бригаду лесоводов возглавлял Николай Федорович Подгорних, а сейчас трое его сыновей трудятся в Парке, трое братьев Аникиевых, двое из которых, Михаил Егорович и Андрей Егорович, были госинспекторами, а третий, Владимир Егорович, – капитаном. Запомнились и те, с которыми было и трудно, и весело. Это «штрафной батальон» во главе с бригадиром Анатолием Евгеньевичем Разиным, в кратчайшие сроки построивший всю базу детского экологического лагеря на Масельге. Да разве можно в рамках одной статьи перечислить всех, трудолюбивых, скромных, умных, честных тружеников?! В Парке все-таки было совсем немного случайных людей!

Никто не считался со временем и не гнушался никакой работы. Все делали все. Мы были молоды, мы умели мечтать, в нас был дух здорового авантюризма, поэтому мы выстояли практически без адекватной поддержки государства. Конечно, не всем нашим мечтам суждено было сбыться, но именно в те суровые 1990-е гг. была за-

ложена прочная основа всех направлений деятельности Парка, которая позволяет нам сегодня их творчески развивать.

В 2000-х гг. наш коллектив пополнился новыми талантливыми кадрами, но о них я напишу уже к 25-летию Парка. Сегодня уже они, сохраняя преемственность, воплощают в жизнь маленькие и грандиозные идеи. Вот говорят: «Нет незаменимых людей». Я согласна с этим, но все-таки лишь отчасти. Многие из тех, кто работал в Парке раньше, кто трудится в нем сейчас – незаменимые. Каждый выполняет свою задачу, каждый из нас вложил свой кирпичик в монументальное сооружение под названием «Кенозерский национальный парк». И когда-то известное лишь узкому кругу ученых, общественности Кенозерье стало одним из ведущих национальных парков уже не только России.

Конечно, все эти годы мы были не одни. У нас было надежное плечо, был тыл. Это, прежде всего, Павел Николаевич Балакшин, глава администрации Архангельской области в 1990–1996 гг., который, не смотря на жесткое сопротивление лесопромышленного комплекса, поставил последнюю точку в многолетней борьбе за сохранение Кенозерья, подписав Постановление о создании Парка. Его первый заместитель Аркадий Федорович Личутин, в рабочем графике которого вопросы, связанные с Парком, были на одном из первых мест. Анатолий Антонович Ефремов, глава администрации в 1996–2004 гг., который, особенно после посещения Парка, был щитом, каменной стеной от всяких поползновений VIP-овских застройщиков, от бесконечных проверяющих. Это после него у нас были маски-шоу с ОБЭПами, заказные статьи и пр. Его заместитель по социальным вопросам в 1997–2004 гг. Тамара Дмитриевна Румянцева была и остается настоящим другом Парка, с ее участием дети из сельских школ поступали в высшие и средние учебные заведения. Ее значительная поддержка уже в новой должности – генерального директора БФ «Вольное Дело» Олега Дерипаски – позволила вывести наши детские экологические лагеря на новый уровень, на протяжении двух лет при финансовой поддержке Фонда осуществлялась реставрация каменной церкви Петра и Павла в деревне Моршихинская. И этот сборник увидит свет благодаря финансовой поддержке БФ «Вольное Дело».

Всегда откликались на любые просьбы о помощи председатель областного Собрания депутатов в 1996–2000 гг. Вячеслав Иванович Калямин (1940–2001), трагически ушедший из жизни, и председатель областного Собрания депутатов с 2000 г. Виталий Сергеевич Фортыхин. Не могу не упомянуть и Льва Евгеньевича Вострякова, начальника управления культуры администрации области в 1994–2002 гг., оказавшего огромную помощь в подготовке документации по созданию Парка и ее согласовании с большим количеством различных местных, региональных и федеральных ведомств.

Вся мировая практика подтверждает, что добиться эффекта в охране природного и культурного наследия можно только рассматривая их в единстве. Это положение зафиксировано в Конвенции ЮНЕСКО «Об охране природного и культурного на-

---

следия» (1972 г.), ратифицированной Российской Федерацией. Поэтому Кенозерский национальный парк с момента своего создания осуществляет деятельность, связанную не только с охраной биологического разнообразия, но и историко-культурного наследия во всем его многообразии. Это и определило особую специфику Кенозерского национального парка – сохранение, изучение и полноценное развитие всех видов наследия – природного и культурного, материального и нематериального.

Последовательное изучение историко-культурного и природного наследия Кенозерья в целях его сохранения и рационального использования началось с момента создания Парка. Сведения о Кенозерье и Лекшмозерье были существенно дополнены и расширены в Генеральной схеме развития Кенозерского национального парка (1991–1994 гг.), генеральный подрядчик – институт «ЛенГИПРОводхоз» (компания ИНВЭКО), г. Санкт-Петербург. В разработке разделов Генеральной схемы участвовали различные институты, лаборатории, предприятия Архангельска и Санкт-Петербурга. На несколько лет она стала базой для организации деятельности Парка. В структуру Генеральной схемы вошли достаточно полные на той стадии изученности разделы по природе, культуре и истории; социально-экономической и демографической ситуации; сельскому хозяйству; организации и ведению лесного хозяйства и природопользованию; геологическое строение и полезные ископаемые; проектные решения функционирования и деятельности Парка и др.

Из исследователей 1990-х гг. я бы хотела выделить кандидата исторических наук Юрия Михайловича Критского, который, проработав в Парке неполных три года, практически заложил научную базу будущих экспозиций, научной концепции, поднял огромный историко-архивный материал по культурным, политическим и социально-экономическим процессам Кенозерья и Лекшмозерья. Его монография была уже выпущена после его смерти, в 2004 г. Обширный материал по «небесам» Кенозерья содержится в книге доктора искусствоведения Татьяны Михайловны Кольцовой «Росписи «неба» в деревянных храмах Русского Севера» (1993 г.). Он был существенно дополнен в каталоге-альбоме «Небеса и окрестности Кенозерья. Расписные потолки, иконы, деревенские часовни и церкви, составляющие историко-культурный ландшафт национального парка «Кенозерский» (2009 г.). Комплексный этнографический материал представлен в рукописи Александра Никоновича Давыдова «Этнография Кенозерья».

Все эти годы мы активно сотрудничали с институтами Карельского научного центра РАН. Специалистами Института биологии под руководством Татьяны Юрьевны Хохловой по результатам обширных систематических исследований орнитофауны Парка впервые составлен аннотированный список, включивший 263 вида птиц. На протяжении ряда лет исследованиями болотных экосистем Парка занимался кандидат биологических наук Владимир Константинович Антипин из этого же института. Эти работы продолжает Виктор Алексеевич Смагин, кандидат биологических наук, сотрудник Ботанического института РАН, Санкт-Петербург. Современное состояние рыбного сообщества озера Кенозеро изучали сотрудники Института водных проблем

---

Севера КНИЦ РАН под руководством доктора биологических наук Натальи Михайловны Калининской и доктора биологических наук Анатолия Александровича Лукина.

Наши давние партнеры и друзья – РНИИ культурного и природного наследия и его директор доктор геологических наук Юрий Александрович Веденин. В результате многолетней совместной работы сотрудников Парка со специалистами института разработана типология и классификация культурных ландшафтов Кенозерского национального парка, пространственная градация, выполнена привязка к местности, дана характеристика культурного ландшафта как объекта наследия в различных аспектах, разработана принципиально новая система организации территории Парка, при которой культурные ландшафты являются комплексным объектом управления.

Еще один очень надежный друг – Архангельская лесоустраительная экспедиция, специалисты которой под руководством главного инженера Сергея Васильевича Торхова выполнили инвентаризацию лесов Парка, разработали режим использования и охраны лесных ресурсов в проекте лесоустройства. Ими совместно с учеными Архангельского государственного технического университета впервые выполнено геоботаническое и лесоводственно-таксационное описание растительности и почвенных условий в местах произрастания «святых» рощ, которые можно рассматривать помимо культурной составляющей генетическими резерватами. Первая ГИС среди всех национальных парков была разработана специалистами лесоустраительной экспедиции для нашего Парка.

В начале 2000-х гг. началось наше тесное сотрудничество с кандидатом филологических наук Юрием Ивановичем Смирновым. Юрием Ивановичем во время экспедиций МГУ в 1960-х гг. от Александры Михайловны Мелеховой было записано 79 текстов народной прозы. Сказки, рассказанные самой крупной русской сказочницей в XX в., увидели свет лишь в 2004 г. в сборнике «Сказки Кенского волочка». В 2009 г. была издана историческая песня «Авдотья Рязаночка», и вот совсем недавно опубликована былина «Щелкан Дудетьевич». Кандидатом искусствоведения Михаилом Исаевичем Мильчиком и его командой выполнены обмеры некоторых старинных домов и составлен каталог домов с росписями второй половины XIX – начала XX вв., как редкого исчезающего типа памятников народной культуры. Игорь Николаевич Шургин, побывавший на Кенозере задолго до создания национального парка, разработал концепцию и генеральный план Архитектурного парка «Кенозерские бирюльки» в Каргопольском секторе. Ежегодный мониторинг ихтиофауны водоемов Парка, который позволяет прогнозировать наиболее рациональное рыболовство, проводят специалисты СевПИПРО под руководством Геннадия Александровича Дворянкина. Гидрологические, гидрохимические характеристики, состояние планктона, зообентоса водоемов Парка изучают специалисты Института экологических проблем Севера УрОРАН, руководитель – кандидат биологических наук Таисия Яркиевна Воробьева. Безусловно, я перечислила далеко не всех исследователей.

Кенозерский национальный парк – единственный среди национальных парков России, взявший при организации на свой баланс почти 100 памятников архитектуры, среди которых шедевры XVIII в., известные по учебникам русской архитектуры. Техническое состояние многих памятников вызывало сильное беспокойство за их судьбу. В трудные 1990-е гг. практически было прекращено финансирование реставрационных работ на памятниках архитектуры Парка из федерального и областного бюджетов. И, как следствие, прогрессировало разрушение и нарастание их утрат. Парк решал проблемы сохранения историко-культурного наследия, исходя из собственных материально-технических возможностей, ограниченных бюджетных и привлекаемых средств. Реставрационные работы, не обеспеченные финансированием, осуществлялись буквально благодаря равнодушию сотрудников Парка, реставраторов, и не прекращались ни на один год.

Очень трудно переоценить финансовую, техническую и человеческую помощь Министерства охраны окружающей среды Норвегии, которое на протяжении 10 лет помогало нам спасти наши памятники. Из 15 полностью восстановленных памятников архитектуры 6 были отреставрированы с участием норвежской стороны. Среди них 5 часовен: Св. Николая (д. Вершинино), Иоанна Богослова (д. Зехново), Сошествия Святого Духа (д. Глазово), Святого Власия на о. Медвежий, Иоанна Крестителя (д. Горбачиха). В 2002 г. впервые в России российские и норвежские плотники-реставраторы осуществили уникальную операцию по подъему 200-тонной летней шатровой церкви 1700 г. Почозерского храмового комплекса XVIII–XIX вв. в деревне Филипповская с помощью технологии лифтинга и замены венцов в теле памятника, не прибегая к его раскатке.

Один из самых интересных и сложных объектов – Гужовская мельница на Левуозере (в Каргопольском секторе Парка), также восстановленная на средства Правительства Норвегии. Реставрация объекта началась в 2002 г., а в 2006 г. на месте руин был торжественно открыт мельничный комплекс с соблюдением всех традиций и обрядов. Гужовская мельница – первая на Северо-Западе России восстановленная действующая водяная мельница образца XIX в.

Норвегия стала нашим первым зарубежным партнером. Нас связывали и связывают теплые человеческие отношения. Мы навсегда сохраним в сердцах имена всех наших норвежских друзей: Дага Мюклебюста, Нильса Марстейна, Бьорна Францена, Харальда Ибенхольда, Анн Нордерхауг, Андеша Хаслестада, Рейдара Хиндрюма, Ойве Валсо, Бьярне Лофтхуса – автора технологии лифтинга, Ханса Сундсвалена, Тура Хагена, Ханса Марумсруда, Шура Мелумма, и, конечно, Йитки Ленды, которая всех нас объединяла.

Положительная оценка нашего сотрудничества способствовала восстановлению с 2001 г. финансирования Минкультуры РФ реставрации памятников Кенозерья. Прорывом в реставрации памятников деревянного зодчества стало принятие федеральной и областной программы «Культура Русского Севера (2006–2011 гг.)». Я глубоко убеждена в том, что если бы не Тамара Михайловна Гудима, которая, будучи

советником министра культуры, сумела объединить вокруг себя единомышленников, пройти все стадии согласования, этих программ не было бы. Тамара Михайловна – добрый ангел Русского Севера.

Далеко не все памятники Кенозерья отреставрированы или выведены из аварийного состояния, потребуется еще немало времени и усилий, чтобы вернуть их в социокультурный оборот.

Сохранение культурного наследия не ограничивается только реставрацией памятников архитектуры. Это и возрожденные традиционные кенозерские промыслы и ремесла, престольные праздники и ярмарки, сохраняемые фольклорные традиции, и, конечно, движимые памятники.

Особое место в музейном фонде Парка занимают знаменитые кенозерские «небеса» (потолочные перекрытия молельных залов часовен и церквей, расписанные на библейские сюжеты). Эти уникальные образцы монументальной живописи в деревянных храмах, аналогов которым нет в мире, сохранились в Кенозерье в значительном количестве – 17 «небес» – самая большая коллекция в России.

Во все времена с Парком сотрудничали и помогали сохранять произведения древнерусской живописи, текстиль, дерево, металл из музейного фонда замечательные реставраторы, профессионалы высочайшего уровня Ирма Васильевна Ярыгина (Санкт-Петербургское художественное училище им. Н.К. Рериха), Галина Владимировна Цируль, Сергей Анатольевич Субочев, Ирина Николаевна Тяпкина, Галина Алексеевна Григорьевна и другие (ВХНРЦ им. акад. И.Э. Грабаря и его Архангельский филиал).



*Реставрация «неба» из часовни Трех святителей в д. Немята. Ирма Васильевна Ярыгина (в центре). Санкт-Петербургское училище живописи им. Н.К. Рериха*



---

Сохранение наследия, безусловно, одна из главных функций национального парка, но не менее важная задача – презентация наследия через просвещение, образование, воспитание.

Вся традиционная историческая среда Кенозерья, включающая в себя промыслы и ремесла, культурные ландшафты, бытовой уклад северорусской деревни, фольклор и многое другое, уже сейчас востребована как мощный ресурс для развития устойчивого туризма. Поэтому вполне обосновано развитию устойчивого туризма в Парке отводится особая роль.

С самого начала своей деятельности мы занимались всеми составляющими туризма, интуитивно выстраивая их в единую систему: сохранение наследия, музейные экспозиции и выставки, работа с местным населением, инфраструктура гостеприимства, экономика. В настоящее время туристическая деятельность осуществляется в соответствии со «Среднесрочной программой развития устойчивого (экологического) туризма на территории Парка на 2011–2015 годы», разработанной специалистами Парка в целях повышения социальной и экономической значимости наследия, развития инфраструктуры гостеприимства, внедрения современных методов экспозиционно-выставочной деятельности. При этом управленческие и организационные действия по развитию устойчивого туризма сконцентрированы на трех опорных туристско-информационных центрах и 7 периферийных рекреационных центрах. Территории этих центров являются частью приоритетных культурно-ландшафтных комплексов, здесь расположены исторические поселения, обладающие набором лучших качеств традиционной среды обитания. Поэтому вовлечение их в Программу развития туризма отчасти обеспечит сохранение их целостности. Особое значение приобретает хозяйственная деятельность местного населения, его историческая память, обеспечивающая воспроизводство основных черт и структур ландшафта.

За два года реализации Программы проведен большой объем работ по капитальному ремонту объектов инфраструктуры гостеприимства, Центров промыслов и ремесел, визит-центров, обновлению существующих и созданию новых музейных экспозиций, обустройству экологических троп, разработке и внедрению этнографических и образовательных программ для посетителей, раскрутке брэндов Парка.

«Объектом показа» в Парке является вся традиционная историческая среда. Инструменты показа – экологические тропы и экскурсионные маршруты, обеспечивающие взаимодействие между природой и культурой, экологическую безопасность территории, способствующие повышению комфортности и безопасности для посетителей, увеличению рекреационной емкости. Исходя из этих условий в Парке обустроены 7 экологических троп и 7 экскурсионных маршрутов.

Посещение Парка не должно превращаться в просто отдых на природе, оно должно духовно и эмоционально обогащать, развивать вкус, формировать бережное отношение к наследию, в конце концов, уважение к традициям местных жителей и труду сотрудников Парка. Достижению этой цели способствует развитие музейно-

---

информационной и эколого-образовательной деятельности, совмещающей традиционные и инновационные формы и технологии. 15 специализированных музеев, этно-ландшафтных театров и экспозиций достаточно подробно раскрывают особенности традиционного природопользования, секреты местных промыслов и ремесел, иллюстрируют традиционный жизненный уклад, дают представление о природном и культурном наследии.

Все наши мероприятия в конечном итоге направлены на комплексное сохранение наследия, охватывающего сами объекты наследия, среду, в которой они существуют, духовную культуру исторических мест, человека, как носителя наследия.

Нет сомнения в том, что именно местное население – главное действующее лицо в охране наследия, оно является реальным носителем традиционной народной культуры, ее творцом и хранителем. Поэтому практически все реализуемые нами программы и проекты, в том числе международные, включают в себя важнейший компонент – активное участие местного населения. В течение многих лет Парк оказывает действенную помощь жителям в приобретении новых знаний: организованы циклы обучающих семинаров по развитию малого экологически ориентированного бизнеса и сельского туризма, мастер-классы по народным ремеслам лучших российских и зарубежных специалистов, различные стажировки, достигнуты значительные результаты по внедрению модели эколого-экономического рынка недревесных ресурсов леса. Создан и успешно функционирует фонд микро-кредитования местного населения. Очень важно, что все проекты с местным населением – глубокие по содержанию и разнообразные по формам проведения мероприятия.

Становится очевидным, что сегодня местные жители от полного неприятия идеи национального парка в начале 1990-х гг. постепенно приходят к пониманию выгоды сохранения наследия. Главная задача видится в том, чтобы наполнить жизнь в деревне новыми смыслами и содержанием, способствуя развитию устойчивого туризма и сопутствующих отраслей, чтобы было за чем местному населению там жить, а туристам приезжать.

Да, можно сказать, что Парк состоялся. Но стал он таким, каким стал во многом благодаря нашим бабушкам и дедушкам, они помогали нам мудрым советом и добрым словом. К сожалению, уходят наши старики. Но мы помним всех наших земных хранителей, всех, кто был душой и совестью территории, без чьей тихой молитвы выстоять нам было бы гораздо сложнее: Анну Федоровну Силуянову, Андрея Александровича Амосова, Федора Васильевича Калитина, Вениамина Степановича Харина, Веру Николаевну Болозневу, Валентину Андреевну и Егора Алексеевича Аникиевых, Зинаиду Александровну Вахрамееву, Клавдию Александровну Ершову, Марию Васильевну и Николая Павловича Капустиных, Ольгу Васильевну Ушакову, Марию Степановну Крехалеву, Анну Ивановну Сивцеву, Анну Федоровну Сивцеву, Александру Ивановну Макарову, Лидию Ивановну Силуянову, Антонину Ефимовну Панфилову, Александру Степановну и Николая Александровича Третьяковых, Анну Федоровну Привалихину, Татьяну Степановну Филиппову и многих других наших

---

---

бабушек и дедушек. Это о них писал академик Дмитрий Сергеевич Лихачев в одной из своих книг: «...истинно интеллигентных людей я встречал в глубинках Архангельской и Вологодской губерний».

Прошло больше 150 лет с тех пор, когда на этой земле побывали первые исследователи. Опустели многие деревни, заросли пашни, изменился быт жителей, формы хозяйства и промыслов, утрачена былевая традиция. Но что-то и осталось...<sup>4</sup>

#### **Примечание**

<sup>1</sup>Гильфердинг А.Ф. Онежские былины, записанные Гильфердингом А.Ф. летом 1871 года. СПб., 1894. Изд. 2. Т. 1. С. 8.

<sup>2</sup>Ведерникова Н.М. К истории собирания и изучения духовной культуры Кенозерья. Научная справка. 2001 г. // Научный архив ФГБУ «Национальный парк «Кенозерский». Ф. 1. Оп. 2. Д. 176.

<sup>3</sup>Смирнов Ю.И. Былины Кенозера по записям 1927 года // Культурное и природное наследие Европейского Севера: сб. / сост.: П.С. Журавлев [и др.]. Архангельск, 2009. С. 414.

<sup>4</sup>В статье использована литература: Небеса ручной работы. Расписные потолки и иконы из храмов Кенозерского национального парка: каталог-альбом / авт.-сост. Т.М. Кольцова, М.Н. Мелютина. М., Легейн, 2010; Среднесрочная программа развития устойчивого (экологического) туризма на территории ФГУ «Национальный парк «Кенозерский» на 2011–2015 годы. Архангельск, 2010 г. (рукопись).

---

---

## **Наследие Кенозерья: природа, история, культура**

*А.И. Анциферова  
(г. Архангельск)*

### **Реконструкция средневекового пути «Кенский волок» и водно-волокового судна «берестяной каюк»\***

Территория Кенозерья, географически и по целому ряду историко-культурных параметров является частью региона Поонежья (бассейн р. Онеги). Одновременно, Кенозерье тяготеет и к восточному Обонежью (бассейн Онежского озера), с которым связано водно-волоковыми путями, использовавшимися различными группами прибалтийско-финского и русского населения. Одним из таких водно-волоковых путей являлся известный с глубокой древности Кенский волок.

Начало активного продвижения русского миграционного потока на север и северо-восток, к берегам Белого моря, относится к IX–XI векам. В это время уже существовало понятие «Заволочье», т.е. территория за волоками, бассейн р. Северной Двины и р. Онеги. Привлекательность лесных и озерно-болотных ландшафтов этого края заключалась, прежде всего, в их малой населенности, в обилии пушным зверем и рыбой, в перспективах развития торговли.

Чтобы попасть на Север, новгородцам приходилось преодолевать целую систему водно-волоковых путей. Озерно-речная сеть Приладожья и Поонежья являлась оживленной транспортной системой, единственно возможной в этом таежном крае, по которой осуществлялся грузооборот между Москвой – Великим Новгородом и Архангельском. Главный поток грузов шел через водораздел Балтийского и Белого морей по маршруту: оз. Ильмень – р. Волхов – Ладожское озеро – р. Свирь – Онежское озеро – р. Водла – ее приток р. Мышьи Черевы – волок (6 верст) – оз. Волоцкое – р. Волощева – оз. Почозеро – р. Поча – оз. Кенозеро – р. Кена – р. Онега – далее вниз к Онежской губе Белого моря и к Соловецким островам. Именно этот путь на восток и север новгородцы предпочитали другим, т.к. он на всем протяжении был достаточно безопасен и недоступен ни для внешних врагов, ни для внутренних соперников.

В 1496 году оживленность Черевского направления Кенского волока заметил московский писец Юрий Сабуров, в результате на провоз по нему товара были наложены высокие пошлины<sup>1</sup>. Повышение оброчной пошлины привело к тому, что маршрут был проложен южнее и соединил р. Водлу и оз. Кенозеро через р. Кумбаса и оз. Кумбасозеро. Следующий писец при составлении «Писцовой книги 1563 года» по поводу Черевского волока заметил: «... а гости той дорогою ныне не ездят, а ездят новою дорогою»<sup>2</sup>.

Преимущества Кумбасозерского направления Кенского волока были оценены

© Анциферова А.И., 2012

\*Исследование осуществлено при поддержке гранта Российского гуманитарного научного фонда (проект № 10-01-18130е)

торгово-промысловыми людьми. Маршрут Кумбасозерского пути был в два раза короче Черевского направления и более безопасен, т.к. порог 4 степени сложности, расположенный на р. Водле между устьями рек Мышьи Черева и Кумбаса оставался в стороне от основного водного пути.

В начале XVIII века Поонежье оказалось в стороне от основных торговых путей, рассчитанных на внешний рынок. В Военно-статистическом обозрении Российской Империи за 1853 год отмечалось, что древний торговый путь использовался Адмиралтейством для доставки снарядов и припасов в Архангельск. Старые торговые пути оставались важными только для населения Водлозерья и Кенозерья и территорий Поонежья. Вплоть до начала XX века водно-волоковые пути от оз. Водлозеро на Кенозеро и р. Череву и р. Кумбаса, где происходил обмен рыбы на хлеб, соль и промышленные товары, продолжал существовать.

Окончательное исчезновение волоков и потеря экономического значения этого водного пути произошли в советское время в результате строительства Беломорско-Балтийского канала. В целом торговый путь из Великого Новгорода к Белому морю через Кенский волок во многом определил формирование культуры края.

Учитывая историко-культурное значение данного торгово-транспортного пути осенью 2010 года была организована экспедиция, в состав которой вошли историки, этнографы, археологи, мастера – берестянщики. Маршрут экспедиции охватывал Кумбасозерское направление Кенского пути: оз. Кенозеро (от деревни Манино) – волок (18 км) – оз. Кумбасозеро – р. Кумбаса.

Полевая экспедиция предусматривала сбор общей историко-этнографической, топонимической и этноархитектурной информации об объектах природного и историко-культурного наследия, расположенных вдоль Кумбасозерского волока. Из собранного материала были выделены сведения, подтверждающие возможность использования маршрута экспедиции в качестве одного из направлений развития социально-экономических и историко-культурных связей на Русском Севере.

Географическое направление Кумбасозерского волока – строго с запада на восток – имеет соответствие с наиболее распространенным в Поонежье волоковым вариантом. В непосредственной близости от волоков на берегах крупных водоемов в XI–XIII веках начала формироваться сеть населенных пунктов. Поселение, существовавшее на западном конце Кумбасозерского волока, располагалось на северо-западном берегу озера Кумбасозеро и имело одноименное название, восточный конец пути был отмечен деревни Манино, возникшей на западном берегу озера Свиное, входящего в Кенозерскую систему озер. Традиционно деревни, обслуживавшие транзитные волоковые пути, относились к категории крупных населенных пунктов. По свидетельству И.С. Полякова, во II половине XIX века деревня Кумбасозеро расположена у оз. Кумбасозеро, которое достигало до 4 или 5 верст длины и до 2 верст ширины<sup>3</sup>. В I половине XX века в деревне Кумбасозеро насчитывалось до 45 домов, около 20 домов находилось в деревне Манино<sup>4</sup>. Данные населенные пункты имели схожую хронологическую историю: возникновение их предположи-

тельно относится к XVI–XVII векам. Однако И.С. Поляковым, путешествовавшим по Олонецкой губернии в 1871 году, на пахотных землях деревни Кумбасозеро были зафиксированы остатки жилища и многочисленные орудия труда периода каменного века<sup>5</sup>. Археологом А.Г. Едовиным, принимавшим участие в экспедиции по реконструкции Кумбасозерского волока, на восточном берегу оз. Кумбасозеро был открыт новый памятник – стоянка и селище Кумбасозеро II, которые зафиксированы по находкам в виде фрагментов ямочно-гребенчатой керамики, кремневых отщепов и орудий эпохи неолита (V–IV тыс. до н.э.), а также развал красноглиняного сосуда и фрагмент белоглиняного тонкостенного сосуда, датируемые XV–XVII веками<sup>6</sup>. Таким образом, получил подтверждение факт существования здесь поселения с глубокой древности до позднего средневековья.

Первоначально перетаскивание водно-волоковых судов происходило вручную, в дальнейшем при транспортировке лодок стала использоваться конная тяга, что ставило охотников-промысловиков и торговцев в определенную зависимость от местных жителей. Население, проживавшее в маркирующих концы волока населенных пунктах, следило за расчисткой дорог, за плату предоставляло лошадей для переволакивания торгово-транспортных судов и грузов, оказывало услуги по текущему ремонту судов и предоставлению временного жилья. Информанты – кумбасозеры неоднократно подчеркивали, что несмотря на низкий уровень плодородия сельскохозяйственных угодий, окружавших деревню Кумбасозеро, и незначительные урожаи, население деревни отличалось благополучным экономическим состоянием. В первой половине XX века, по свидетельству информантов, кумбасозеры продолжали предоставлять для людей, следующих транзитом из Карелии в Кенозерье или обратно, лошадей и сани-волокуши, на которые устанавливались лодки.

Жители деревни Кумбасозеро обладали самоназванием «кумбасозеры» и имели четкие представления о границах расселения своей группы, а сама территория бытования группы была отделена от ближайших соседей не менее, чем на 20 км. Самоназвание «кумбасозеры» базируется на притяженности поселения к самому важному географическому объекту на территории их расселения. Одним из факторов, культивирующих особое этническое самосознание кумбасозеров, являлось расположение поселения в очень важном, с их точки зрения, месте, которое на протяжении всей истории населенного пункта находилось на пересечении социально-экономических и культурных связей Водлозерья и Кенозерья. Несмотря на открытость поселения внешним культурным воздействиям, кумбасозерам в течение длительного времени удавалось сохранять различные элементы локальной специфики в традиционной культуре, которые в настоящее время зафиксировать достаточно сложно в связи с переселением части кумбасозеров на территорию Кенозерья более 60 лет назад и ассимиляцией с местным населением.

В связи с трансформацией деревень Кумбасозеро и Минино в 1950–1960-е годы в разряд утраченных деревень часть жилых и хозяйственных построек была перевезена в другие населенные пункты, часть разрушилась под влиянием объективных

и субъективных факторов, что очень осложнило обследование поселений. В результате работы с информантами было сделано заключение о рядовой, уличной планировочной структуре деревень Кумбасозеро и Минино, возникших на высоких берегах озер Кумбасозеро и Гамозеро. Жилые дома располагались фасадами друг к другу, т.е. береговая линия в обследуемых поселениях не использовалась как структурообразующий элемент. Отличительной особенностью архитектурно-планировочной структуры деревни Кумбасозеро являлось наличие крупного культового объекта на краю поселения с трансформацией деревенской улицы в площадь.

При исследовании сохранившихся или руинированных жилищ отмечено распространение в данных населенных пунктах домов – комплексов (домов – дворов), объединяющих под одной крышей или под системой крыш жилые и хозяйственные помещения. Преобладающим типом дома – комплекса в обследуемом районе является «брус» (с однорядной последовательной связью жилой и хозяйственной частей и общим направлением коньков крыши). По свидетельству информантов, в обоих поселениях большая часть домов была одноэтажной, но имелись двухэтажные дома, которые в настоящее время зафиксировать не удалось. В деревне Кумбасозеро детальному обследованию подвергся единственный сохранившийся дом, построенный в конце XIX века (ил. 1). Дом – комплекс на высоком подклете, состоящий из жилых и хозяйственных помещений, разделенных сенями с однопролетной лестницей. Отличительной особенностью данного дома является наличие большого чердачного помещения под трехскатной кровлей, не встречающейся в кенозерских деревнях.

Собственно жилые помещения в домах на обследованной территории представлены избами – четырехстенками с печью у входной стены и ориентацией устья к передней (лицевой) стене, с тремя-четырьмя окнами по лицевому фасаду. Пространственное развитие и функциональное усложнение таких изб связано с разгораживанием их шкафными перегородками. Жилое пространство дома в деревне Кумбасозеро также разделено расписным двусторонним филенчатым шкафом – заборкой с цветочным орнаментом и двухстворчатой дверью с идентичной росписью на два довольно просторных помещения (ил. 2). Матица расположена продольно относительно входа в избу, что характерно так же для большей части кенозерских домов. Из других особенностей избы отмечена русская печь на деревянном подпечье с лежанкой и практически открытым шестком (колпак имеет недостаточный вынос над шестком), что так же распространено в кенозерских деревнях. При визуальном осмотре внутренних помещений дома были зафиксированы предметы интерьера конца XIX – начала XX века как традиционно крестьянского, так и городского характера, что позволяет сделать вывод о занятии отхожими промыслами одного из хозяев дома. Обнаруженные в чердачном и хозяйственных помещениях предметы свидетельствуют о занятиях жильцов дома сельским хозяйством, рыболовством, охотой.

Обследованные во время экспедиции деревни Кумбасозеро и Минино относятся к линейному типу сакральной структуры, который в своем пространственном вы-

ражении имеет сложную организацию и состоит из нескольких почитаемых объектов, которые охватывают пространство деревни и округу, маркируя ее основные точки и границы. В результате экспедиции зафиксированы различные сакральные объекты: 1 церковь – церковь во имя св. Пророка Илии (деревня Кумбасозеро), 3 часовни: часовня Казанской иконы Божией Матери и Георгия Победоносца (деревня Минино), часовня Николая Чудотворца (деревня Кумбасозеро), 1 кладбище (деревня Кумбасозеро), 2 «святых» рощи (деревни Минино и Кумбасозеро), 1 священное дерево – остатки «святой» рощи (деревня Кумбасозеро).

Обследованные «святые» рощи, по мнению информантов, принадлежат тому святому, в честь которого в роще построена церковь или часовня. Так, в деревне Кумбасозеро находилась Ильинская роща, рядом с деревней Кумбасозеро располагается Никольская роща, у деревни Минино – Казанская «святая» роща, названные в честь святых, которым был посвящен тот или иной культовый объект. Особое место занимают расположенные на кладбищах «поминальные» рощи, к каковым относится единственная «священная» ель, оставшаяся от «святой» рощи, посаженной некогда на кладбище у Ильинской церкви (деревня Кумбасозеро). Анализ состава деревьев обследованных «святых» рощ показал доминирование хвойных пород. Во время экспедиции собирался материал по календарной обрядности, связанной с рощами. По информации, зафиксированной в результате опроса информантов, установлено, что жители деревни Кумбасозеро 7 июля праздновали в «святой» роще день Иоанна Крестителя («Иванов день», день «Ивана – травника»), что полностью соответствует подобной традиции, распространенной в Кенозерье.

Во время экспедиции обследованию подверглись культовые объекты: деревянная церковь св. пророка Илии в деревне Кумбасозеро, часовня Казанской иконы Божией Матери и часовня Георгия Победоносца в деревне Минино, традиционно маркировавшие волок и являвшиеся общественными центрами населенных пунктов.

Наличие двух часовен, расположенных в непосредственной близости друг от друга, редкое явление не только для Кенозерья, но и для всего Русского Севера. Часовни деревни Минино построены в 500 м от деревни вдоль дороги, ведущей от оз. Кумбасозеро к оз. Кенозеро. Часовня Казанской иконы Божией Матери (ил. 3), датируемая концом XVIII – начал-ом XIX века, относится к типу часовен – пятистенков. Стык скатов крыши закрыт охлупнем и увенчан крупной главой с крестом. К притвору часовни пристроен пониженный объем каркасной паперти на предместье, покрытой двухскатной тесовой крышей с охлупнем. Ограждение паперти решетчатое. На паперть ведет крыльцо в две ступени. Очевидно, паперть появилась в период ремонта в конце XIX века, когда фасады часовни обшили тесом. Стены молитвенного помещения и притвора стесаны в «круглый угол». На восточной стене сохранились следы первоначального потолка из досок, положенных по двум балкам. Помещение освещает единственное окошко с южной стороны, обрамленное тремя косяками с подоконной доской. Гладкие стойки (квадратного сечения в нижней части и круглого в верхней), поддерживающие крышу паперти, чуть заужены кверху.

На них сохранились следы окраски в синий, зеленый и белый цвета<sup>7</sup>. Вторая часовня деревни Минино, посвященная святому Георгию (ил. 4), принадлежит к тому же типу кенозерских часовен, что и Казанская, т.е. часовен-пятистенков, но почти в два раза больше. Прямоугольный в плане, рубленный в «обло» объем перекрыт тесовой кровлей по следам и самцам на два ската. Он включает молитвенное помещение и притвор, к которому примыкает крытое на два ската низкое крыльцо. Над притвором возвышается четырехгранная в плане рубленная звонница, установленная на самцах и слегах. Ее угловые опорные столбы дублированы столбиками решетчатого ограждения звона, перекрытого пологой четырехскатной крышей с завершающим ее узким невысоким шатром. Крыша молитвенного помещения увенчана довольно крупной, обитой лемехом главой на высокой конической шее. Стены часовни горизонтально обшиты профилированным тесом. Крупные прямоугольные окна на фасадах, два на северном и одно на южном, обрамлены простыми наличниками. В притворе часовни расположена лестница, ведущая на колокольню<sup>8</sup>.

В отличие от часовен деревни Минино обследование культового объекта, находящегося в деревне Кумбасозеро было затруднено по объективным причинам: деревянная церковь с посвящением св. Пророку Илии в настоящее время находится в полуразрушенном состоянии (ил. 5). Конструктивные особенности церкви, декоративные элементы, сохранившиеся фрагментарно, а также архивные материалы<sup>9</sup> позволяют датировать данный культовый объект началом XX века. По свидетельству информантов, деревянная церковь была поставлена местными жителями на месте другой церкви, сгоревшей в конце XIX века. Продольно-осевая композиция церкви включает пятистенный алтарный прируб, храм и квадратный в плане притвор с колокольней, к которому прирублено крыльцо под двухскатной крышей. Двухсветный четверик храма был покрыт вальмовой тесовой крышей и увенчан предположительно одной главкой или крестом (количество и размеры глав установить не представилось возможным в связи с их утратой). Алтарь перекрыт пятискатной тесовой кровлей. Четверик притвора ниже и уже церковного. По фрагментам полуразрушенной колокольни над притвором можно сделать вывод о ее форме в виде четверика. Стены алтарного прируба и ярусов колокольни обшиты тесом. Углы всех объемов подчеркнуты вертикальной обшивкой в виде лопаток. На северном и южном фасадах храмового четверика по три окна, расположенных в один ярус. Над центральным окном к конструкции кровли примыкает двухскатный козырек. По два таких же окна с каждой стороны находятся в алтарной части и притворе церкви. Окна обрамлены классицизированными наличниками с треугольным фронтоном и орнаментальной резьбой в виде накладных резных розеток и ромбов. Слегка увеличенный испод, служащий как бы основанием, базой всего оконного обрамления, и навершие, уравнивающее достаточно динамичную композицию, задают этому наличнику ярко выраженную вертикальную направленность. Фасады церкви завершены гладким фризом. Карниз, проходящий под свесом кровли, украшен накладными «сухариками» и ромбами, сохранившимися фрагментарно. На карнизе

сохранились следы охристой, зеленой и синей краски. Внутренние помещения церкви в данный момент не подлежат обследованию в связи с обрушением потолочных перекрытий и сгнившими полами. В притворе церкви участниками экспедиции была обнаружена киота (ил. 6), по местному божница, окрашенная в зеленый цвет и расписанная цветочным орнаментом белого и красного цветов. Данный тип домашних иконостасов характерен и для кенозерских деревень.

Еще одним культовым объектом – часовней с посвящением Николаю Чудотворцу, поставленной в «святой» роще, была отмечена дорога из деревни Кумбасозеро к деревням Заволочье и Яблонь Горка, маркирующим Черевское направление Кенского волока.

Во время обследования кладбища деревни Кумбасозеро были выявлены существенные отличия от кенозерских кладбищ, которые, прежде всего, заключаются в месторасположении кладбища относительно поселения. Захоронения деревни Кумбасозеро до 1920-х годов концентрировались вокруг Ильинской церкви и «святой» рощи, располагавшихся на южном конце деревни. По свидетельству информантов, старое кладбище в начале 1920-х годов было закрыто в связи с организацией в церкви сельского совета. «Новое» кладбище было перенесено в другое место («Девкина Гора»), удаленное от населенного пункта на 2–3 км. Поскольку деревня Кумбасозеро была заброшена в середине 1950-х годов, то сохранившееся фрагментарно «новое» кладбище является индикатором существовавшей в данной местности традиции захоронения. Другой отличительной особенностью кумбасозерского кладбища является отсутствие собственного названия, что является непременным атрибутом кенозерских кладбищ.

Из предметов архитектурного декора в деревне Кумбасозеро особый интерес представляют декоративные обрамления окон, зафиксированные в достаточном количестве для констатации определенных выводов. Обследованные наличники относятся к категории наиболее художественно выразительных и пышно украшенных резьбой с развитыми составными элементами: богато декорированной надоконной частью в форме антаблемента, относительно простыми широкими боковыми досками и фигурно вырезанным исподом (подоконной доской) (ил. 7). В основании надоконной части положена тонкая горизонтальная полочка. На расположенной над ней широкой лобовой доске (очелье) помещается фриз с накладным узором, выполненным в технике сквозной пропиленной резьбы. Мотивы его разнообразны: это овалы, круги, полукружия, ромбы, завитки и их комбинации, напоминающие узоры традиционных вышивок и браного ткачества. С обеих сторон, над боковыми досками, очелье обрамляется прямоугольниками с волнистой поверхностью. Фриз венчает нависающий многопрофильный карниз, украшенный выпиленными зубчиками прямоугольной или треугольной формы (городковым поясом), иногда дополненными глухими кружками, прямоугольниками, треугольниками. Боковые доски выполнены в виде полотенец, свисающих тремя-пятью (чаще всего четырьмя) резными кистями. Испод имеет узорный контур в виде двух сходящихся волн с

полукружиями между ними. Место их схода украшено глухими кружками. Под оконным проемом, поверх испода и боковых досок, располагается еще одна горизонтальная профилированная доска, служащая как бы основанием оконного проема; она украшена аналогично верхнему карнизу резными поясами: городковым и из глухих узоров. Обследованные обрамления окон наиболее полно и гармонично сочетают в себе качества каменной и деревянной, городской и деревенской архитектуры.

Не представилось возможным провести натурное обследование хозяйственных построек и бань в связи с их утратой, однако информанты по истории как деревни Минино, так и деревни Кумбасозеро свидетельствуют о преобладании в I половине XX века в обследуемых деревнях бань, топившихся «по-черному». Бани относились к двум планировочным типам: с постановкой печи в углу рядом со входом и ориентацией устья к боковой стене, но наиболее представлены были бани с печью в дальнем от входа углу и ориентацией устья ко входу.

В целом этноархитектурное обследование деревень Минино и Кумбасозеро, во время которого отмечены как общие, так и отличительные черты, дало возможность выявить пути проникновения в район Кумбасозерского волока из пограничных территорий, расположенных в восточной части Республики Карелия, архитектурно-строительных традиций, наиболее яркими признаками которого являются планировка бани с постановкой каменки в дальнем углу, конструкция самцовой крыши с бесперерубным фронтоном, двойная припазовка бревен в срубе стен. По ряду указанных признаков Кенозерье объединяется с восточными территориями Карелии. Данный факт является подтверждением существования социокультурных и торговых связей Кенозерья и Карелии, откуда в XIX–XX веках через Кумбасозеро шел основной поток торгово-промысловых людей.

На протяжении всего периода реализации проекта собирался топонимический материал, который позволил сделать предварительные научные заключения. Топонимия исследуемой территории складывалась в течение длительного времени и имеет разные этноязыковые истоки. Выявлен ряд топонимов с финно-угорскими языковыми истоками, которые перемежаются с бесспорно славянскими моделями названия географических объектов. К выявленным гидронимам дославянского происхождения относятся названия р. Кумбаса, оз. Кумбасозеро, р. Гузеньга, р. Максара, р. Ендрика. В настоящее время указанные выше гидронимы не поддаются удовлетворительной этимологизации, исследователи относят их к «речным суффиксам» доприбалтийско-финского топонимического пласта. В связи с неокончательной выясненностью этимологической основы гидронимов, невыяснена и этимология ойконима «Кумбасозеро». Противоположная ситуация сложилась в отношении этимологической основы ойконима «Минино», которое происходит от имени «Мина» (в переводе с греч. – месячный, лунный), распространенного среди славянского населения. В конце XIX века деревня Минино имела название «Минин конец», «Минин конец на волоке» или «Минин наволок»<sup>10</sup>, сохранившее имя перво-

поселенца или владельца этого участка Кумбасозерского волока и доказывающее расположение населенного пункта на маршруте транспортной магистрали.

Еще одним доказательством использования маршрута экспедиции в торгово-транспортных целях являются камни, маркирующие дорогу. Самый большой камень размером 1,7 м х 2,0 м х 1,2 м (ил. 8) зафиксирован на западном высоком берегу оз. Кумбасозеро посреди деревни Кумбасозеро, который, по свидетельству информантов, играл значительную роль в жизни деревни и использовался местным населением в качестве определенного визуального ориентира. Напротив, в месте подхода к оз. Кумбасозеро основной дороги, ведущей из деревни Минино, на возвышенности находится другой камень чуть меньших размеров. Подобные камни – валуны встречаются на всем протяжении Кумбасозерского волока.

Второй важнейшей целью экспедиции являлась реконструкция и практическая апробация лодки, изготовленной по типу распространенного средневекового торгово-транспортного водно-волокового судна. В результате историко-архивных изысканий об основных типах водно-волоковых судов, применявшихся на Русском Севере в средневековый период, их тактико-технических характеристиках и особенностях был сделан вывод о возможности использования в качестве водно-волокового судна каркасной берестяной лодки «берестяной» каюк, т.к. это судно относилось к категории судов легких, крепких, вместительных, имевших безопасную удобную форму, пригодную для плавания как по мелководным рекам, так и по большим озерам.

Авторским коллективом посредством сопоставления полученных данных о размерах судов и численности экипажа, качественном и количественном содержании грузов были разработаны тактико-технические характеристики типового средневекового водно-волокового судна «берестяной каюк». Летом 2010 года А.В. Шутихиным из материалов (кора березы, льняная крученая нить, применявшаяся при сшивании скалин (листов бересты), драница (щепанная сосна), послужившая материалом для каркаса лодки (шпангоутов, бортов и стрингеров)), известных в средневековую эпоху, по средневековым технологиям была построена каркасная берестяная лодка (ил. 9). Тактико-технические характеристики изготовленного «берестяного каюка» (вес – 32 кг, длина – 5 м, ширина – 1 м, высота борта – 40 см, экипаж: 3 – 4 человека, грузоподъемность: 50 – 150 кг)<sup>11</sup> наиболее полно соответствуют техническим особенностям типового средневекового водно-волокового судна. Полевые испытания каркасной берестяной лодки, изготовленной по типу средневекового водно-волокового судна «берестяной каюк», были осуществлены в сентябре 2010 года на маршруте, совпадающем с пешеходной частью Кумбасозерского пути (деревня Минино (Кенозерский национальный парк, Архангельская область) – оз. Педозеро – оз. Святозеро – оз. Кумбасозеро – деревня Кумбасозеро). Сухопутное расстояние от деревни Минино до оз. Кумбасозеро составляет 18 км. Более 15 км реконструированный «берестяной каюк» с зафиксированным в нем снаряжением экспедиции весом более 50 кг переносился двумя участниками экспедиции (ил. 10). В местах совпадения

дороги с берегами двух озер (оз. Педозеро, оз. Святозеро), каркасная берестяная лодка использовалась по прямому назначению: под управлением А.В. Шутихина перевозила все снаряжение экспедиции, суммарный вес которого составлял более 170 кг (ил. 11). Реконструированный «берестяной каюк» также испытывался на большом водоеме – оз. Кумбасозеро, площадь зеркала воды которого составляет более 12000 м<sup>2</sup>. В целом «берестяной каюк» прошел по воде около 30 км. Причем испытания каркасной берестяной лодки проводились в различных вариациях: перенос лодки сквозь заросший кустарником лес; плавание с экипажем в составе 2 человек и грузом около 50 кг по мелководной каменистой р. Гузеньга, впадающей в оз. Кумбасозеро; плавание по оз. Кумбасозеро при сильном встречном ветре с экипажем в 3 человека и грузом более 20 кг; плавание при сильном попутном ветре под парусом и т.д. При всех испытаниях ремонт потребовался один раз: 2 трещины размером до 5 см, образовавшиеся в результате испытаний, были заклеены смесью еловой смолы с жиром. Все варианты использования «берестяного каюка» доказали его выносливость, несмотря на хрупкость бересты, из которой он изготовлен, легкость при передвижении по суше, на воде – маневренность и устойчивость, т.е. способность противостоять внешним силам, вызывающим его крен или дифферент, и возвращаться в первоначальное положение равновесия после прекращения их действия.

Во время экспедиции из подручного материала – коры березы А.А. Полежаевым было изготовлено походно-промысловое снаряжение (лапти, котелок, тарелка, ложка, стакан, черпак для каши, супа; чехол для топора, крошни для переноса тяжелой в лесу; пестерь – традиционный заплечный плетеный короб; солоник под соль), которое подверглось практическим испытаниям в полевых условиях, что позволило сделать вывод о легкости изготовления и возможности использования подобного снаряжения в походных условиях<sup>12</sup> (ил. 12).

Таким образом, в ходе экспедиции были собраны сведения, подтверждающие возможность использования предполагаемого маршрута экспедиции в торгово-транспортных целях в период Средневековья, в Новое и Новейшее время. В настоящее время «берестяной каюк» экспонируется в экспозиции «Рухлядный амбар. Открытый показ фондов», в ближайшей перспективе берестяные каркасная лодка и походно-промысловое снаряжение войдут в экспозицию «Кенозерский ковчег».

#### Примечания

<sup>1</sup>Макаров Н.А. Из истории церковно-приходской жизни Кенозерья в XVI–XX веках // Культурное и природное наследие Европейского Севера: сборник / сост.: П.С. Журавлев [и др.]; отв. ред.: Н.М. Теребихин, Е.Ф. Шатковская. Архангельск, 2009. С. 214.

<sup>2</sup>Там же. С. 214.

<sup>3</sup>Поляков И.С. Три путешествия по Олонецкой губернии. Петрозаводск, 1991. С. 167.

<sup>4</sup>Здесь и далее воспоминания жителей Кенозерья (Поспеловой (Дорофеевой) Зинаиды Александровны, 1934 г.р., м.р. – д.Кумбасозеро, м.п. – д.Горы; Силуяновой (Дорофеевой) Лидии Ивановны (1935 – 2009), м.р. – д.Кумбасозеро, м.п. – д.Семеново; Головковой (Поспеловой) Зои Ивановны, 1937 г.р., м.р. – д.Кумбасозеро, м.п. – д.Усть-Поча;) приводятся по записям, сделанным в рамках реализации программы паспортизации деревень и хранящимся в электронном научном архиве ФГБУ «Национальный парк «Кенозерский» (сокращения: г.р. – год рождения, м.р. – место рождения, м.п. – место проживания информанта).

<sup>5</sup>Поляков И.С. Три путешествия по Олонецкой губернии. Петрозаводск, 1991. С. 169.

<sup>6</sup>Едовин А.Г. Отчет об археологических исследованиях на трассе древнего Кенского водно-волокового пути в Плесецком районе Архангельской области в 2010 г. / Научный архив ФГБУ «Национальный парк «Кенозерский».

<sup>7</sup>Небеса и окрестности Кенозерья. Расписные потолки, иконы, деревенские часовни и церкви, составляющие историко-культурный ландшафт Национального парка «Кенозерский». М., 2009. С. 226.

<sup>8</sup>Там же. С. 240.

<sup>9</sup>Макаров Н.А. Церковные приходы и монастыри Кенозерья и Среднего Поонежья. Архангельск, 2007. С. 27.

<sup>10</sup>Критский Ю.М. Кенозерье: история и культура: (очерки, материалы, исследования). Архангельск, 2005. С. 128.

<sup>11</sup>Шутихин А.В. Отчет о реконструкции водно-волокового судна «берестяной каюк» / Научный архив ФГБУ «Национальный парк «Кенозерский».

<sup>12</sup>Полежаев А.А. Отчет об участии в экспедиции по реконструкции средневекового пути Кенский волок и водно-волокового судна «берестяной каюк» / Научный архив ФГБУ «Национальный парк «Кенозерский».

*В.А. Бахтина  
(г. Москва)*

**Стихи Кенозерья  
(по материалам экспедиции Б.М. и Ю.М.Соколовых 1926—1928 гг.  
«По следам Рыбникова и Гильфердинга»)**

Экспедиция братьев Б.М. и Ю.М. Соколовых, известная в науке под названием «По следам Рыбникова и Гильфердинга», работала на Кенозере с 4 по 16 июля 1927 года (12 дней). Участниками экспедиции, помимо Соколовых, были студенты 2 МГУ В.И. Чичеров и П.А. Грушников, будущий писатель С.П. Бородин, жена Ю.М. Соколова В.А. Дынник, филолог – зарубежник. Экспедиция обследовала около 40 деревень, в нижеследующих были произведены записи: Поромское, Першлахта, Телицыно, Щенник, Рыжково, Суетин-остров, Мыза у Суетин-острова, Усть-Поча, Мамоново, Майлахта-Ряпусово, Росляково, Федосово, Зехново, Вершинино, Щанниково, Спицино, Семеново, Городское.

Как известно, Соколовы преследовали цель вновь пройти по маршрутам своих великих предшественников для последующего аналитического выявления и объяснения тех процессов, которые произошли со старинами в переломное послереволюционное время. Записанные экспедицией былины, исторические песни и частично баллады составили обширный сборник «Онежские былины»<sup>1</sup>. Экспедиция Соколовых несколько расширила объект своих поисков на всей территории Заонежья, уделив внимание и другим околобылинным эпическим жанрам – в первую очередь духовным стихам и балладам. Все записанные в 1920-е годы материалы, не вошедшие в сборник онежских былин 1948 года, были недавно изданы в двух томах<sup>2</sup>.

Если баллады, хотя и в незначительном количестве, не были обойдены вниманием П.Н. Рыбникова и А.Ф. Гильфердинга, то духовные стихи ими были полностью проигнорированы. Поэтому цикл стихов, или, как здесь иногда говорят «статей», собранных экспедицией Соколовых, был первой и самой ранней по времени фиксации классических произведений этого жанра. На Кенозере было записано 33 текста, из них по 2 варианта «Голубиной книги» и «Вознесения», 3 варианта мучений Егория, по 5 вариантов сюжетов «Егорий и Олисафия» и «Алексей человек Божий», 4 варианта «Трудника» или «Пустынника», как стих назывался на Кенозере, по одному варианту «Оники-воина», «Лазаря», «Иосифа Прекрасного», «Осафия царевича», «Милостивой жены» и более поздних старообрядческих стихов: «Похвала пустыне», «Горе», «Жизнь человеческая», «Умоляла мать родная», «Марья», «Вдовки».

Последние два стиха оригинальны, редки, не представлены ни в одной из известных коллекций духовных стихов. Стих «Марья» (Бахт. Т. 1. № 131) повествует о девушке-отшельнице, пустынножительнице, которая на время поддалась уговорам

© Бахтина В.А., 2012



гостиного сына и пошла по гульбищам, но через три года все же вернулась в келью замаливать свои грехи. Стих «Вдовки» выражает утвердившееся в народном православии отношение к вдовам, как к невестам Бога. В уста Иисуса Христа вложено предостережение вдовам не выходить вторично замуж: «А уж как не выйдете-то // За вторых мужьев, // Так и ваши-то венцы // Будут светлыи, // Посвятыяе будут мисяца, // Покрасняе будут красна солнышка. // А выйдете, вдовы, за вторых мужьев, // То ваши-то венцы будут черныи, // Поцярнея будут грязи болотняи, // Потямнея ноценьки осенняя» (Бахт. Т. 1. № 132).

На Кенозере была зафиксирована новая версия стиха об Онике-воине, записанная в деревне Обрезково от М.С. Малашева (Бахт. Т. 1. № 58). В отличие от традиционных вариантов смерть неожиданно соглашается на просьбу Оники предоставить ему отсрочку, которую Оника употребил на постройку нового жилища-убежища: келью срубил, «всю железом обил», «ни окошечка», чтобы «смерти не зайти», «стопудовый замок повесил». Но смерть все равно явилась. Такой поворот позволил исполнителю уйти от религиозной трактовки темы – смерть, как расплата за земные грехи, и усилить общеполитическую трагическую и страшную для неверующего человека мысль: от смерти не уйдешь и не спрячешься. М.С. Малашев скептически оценивал возможность будущего воскрешения: «Одни говорят, встанешь после смерти-то, а я веры не иму: откуль костье-то возмется, выгнило все» (Бахт. Т. 1. С. 444). Текст в такой трактовке был записан единожды и неизвестно, насколько широко в Кенозерье бытовала данная версия сюжета и известна ли другая, традиционная интерпретация, когда смерть отказывает Онике в отсрочке на год, на месяц, на неделю, на часочек, на минуточку, указывая на его несправедливые поступки и многочисленные грехи.

В целом репертуар духовных стихов в районе Кенозерья типичен для северной традиции и для Заонежья, в частности. Однако наличие некоторых оригинальных сюжетов и версий, о чем было сказано выше, позволяет предположить, что:

1) возможно, были и иные неизвестные в других регионах или малопопулярные сюжеты, не записанные участниками экспедиции;

2) с большой долей вероятности репертуар региона вообще не был исчерпан из-за незначительных сроков пребывания экспедиции на Кенозере, а также из-за приоритета в поиске былинных сюжетов;

3) в конце 1920-х годов картина объективного состояния культурной традиции все более подменялась политической и идеологической целесообразностью: духовный стих, как пережиток прошлого, выпадал из культурной составляющей на всем постреволюционном пространстве.

Осознаваемая членами экспедиции невозможность публикации этих текстов привела к тому, что многие из них не были подготовлены к печати. Принятая в экспедиции коллективная форма записи текстов предусматривала разделение труда: из группы в составе двух-трех человек один (по предварительной договоренности) записывал все стихи до цезуры, другой – после цезуры, или один писал начала стихов, другой середины, третий – окончания. Такая система предусматривала обяза-

тельное и незамедлительное сведение (соединение) текстов на месте, когда еще можно выяснить (а иногда уточнить со сказителем) неизменно возникающие при письменной фиксации устного текста спорные моменты. Однако, эта черновая работа не всегда была проделана, и только спустя десятилетия мне пришлось восстанавливать тексты, ориентируясь только на фрагменты их в рабочих тетрадях членов экспедиции, что естественно порождало массу вопросов, на которые не у кого было получить ответы. Даже в тех случаях, когда текст или его часть полностью фиксировались двумя собирателями, возникали разночтения и неясности. Например, в тетради С.П. Бородина вышеуказанный стих «Вдовки» назывался «Жили были две вдовы», а в тетради В.А. Дынник «О вдовьих венцах». Разночтения обнаруживаются и в стихе «Марья». В тетради С.П. Бородина стих 14 записан так: «Да ведь состроили Марье келью», а у В.А. Дынник он представлен двумя стихами: «Да ведь состроили те дедья, // Да ведь построили Марии келью». Стих 18 у С.П. Бородина: «Да гостиный сын ходити»; у В.А. Дынник: «Да весил гостиный сын» и т.д. Начало стиха об Алексее человеке Божьем от А. Ножкиной из деревни Мамонова (Бахт. Т. 1. № 61) в тетрадях Б.М. Соколова и В.И. Чичерова, которые записывали стих вдвоем, после сводки звучит так: «Во римськоем во Орохлинськоем // Да у великого у кн<язя> Ефимьяна // Да не было ни сына, ни доцери». В.А. Дынник, присутствующая при этой записи, самостоятельно записала начало стиха таким образом: «Как во том ли во римськом городи, // Как у славного у князя да Ефимьяна // Да еще не было у князя отродия, // Дак еще не было ни сына, ни дщери».

К проблеме индивидуального восприятия собирателями устно исполненного текста добавляется и проблема адекватности передачи произведения самим исполнителем. Особенно это касается новых стихов, бытующих преимущественно в рукописной традиции. Изобилующие церковнославянскими, они нередко искажались настолько, что утрачивали смысл. Приведу один пример. Стих «Жизнь целовещеская» на Севере не зафиксирован в устном исполнении, его читали по стиховникам. Вероятно, этим обстоятельством можно объяснить многие неточности при попытке устного исполнения этого стиха Н.А. Ножкиной из деревни Нямятово. Так, вместо «Смотри, он длани простирает» было исполнено: «Смотри, он зла не простирае»; вместо «Ты спишь, а враг твой бдит всечасно» было пропето: «Ты спишь, а враг твой скоро бдит» и т.д. При подготовке неопубликованных материалов экспедиции Соколовых по полевым тетрадям трудно было ответить на постоянно возникающий вопрос: «Как было исполнено на самом деле?». Впрочем, наличие некоторой доли относительности при фиксации и обработке фольклорных материалов неизбежно возникает при оценке фольклорного собирательства с позиций критической текстологии.

Но вернемся к кенозерским стихам, которые, как было сказано выше, репертуаром, а также особенностями сюжетов, поэтическими приемами, характеристикой образов в целом не выделяются из заонежской традиции. Экспедиция Соколовых застала состояние этого жанра в стадии некоторого забвения и разрушения. В чем

конкретно это проявилось? Почти во всех записанных на Кенозере стихах наблюдаются утраты отдельных эпизодов, ведущие к логическим несостыковкам, не всегда оправданные композиционные перестановки, потеря или переосмысление мотивировок, забвение финальных фрагментов. Скажем, варианты стиха о мучениях Егория утратили вступление с сообщением о набеге неверного царя и гибели отца Егория, что объясняет пленение Егория и его муки (Бахт. Т. 1. № 29, 30); скомкано вступление и в стихе о Егории и Олисафии: в нем традиционно Арахлинское царство включается в число тех земель и царств, которые были уничтожены Богом за грехи (Бахт. Т. 1. № 36, 39, 45). В стихе о голубиной книге (Бахт. Т. 1. № 16) утрачена характерная для данного стиха диалогическая форма (разговор Волотомана царя с Давидом Евсеевичем). Популярный стих об Алексее человеке божьем ни разу не был записан в полноценном варианте. Причем, утраты касались весьма существенных мотивов и эпизодов. Например, в варианте С.Д. Сидорова и А.С. Сидоровой из деревни Щанниково (Бахт. Т. 1. № 62) опущен эпизод с чтением рукописания Алексея, из которого отец узнает в умершем калике своего сына; забыта существенная деталь при описании прощания со святым – народ не реагирует на деньги и золото, щедро рассыпанные князем Ефимьяном, но устремляется к почившему старцу. В некоторых вариантах выпущены характерные для духовного возрастания Алексея мотивы его скитания на чужбине, напрасные поиски его слугами отца (Бахт. Т. 1, № 65, 69) или обязательная для данного сюжета сцена венчания Алексея, его поведения на свадебном пиру (Бахт. Т. 1. № 68) и т.д.

Но некоторым исполнителям даже при отдельных сюжетных потерях удавалось сохранить традиционные эпические приемы: общие места, повторы, ретардации, подхваты и пр. Встретилась экспедиции и талантливая исполнительница – Авдотья Тимофеевна Артемьева из деревни Першлахта, внучка знаменитого кенозерского сказителя И.П. Сивцева (Поромского). От Артемьевой было записано 25 эпических текстов, из них 6 духовных стихов.

В текстах, собранных экспедицией, наблюдается тенденция к обытовлению духовного подвига святых и их деяний, к стремлению осмыслить их жизненный путь в реалиях обычной человеческой жизни. Известный в небольшом числе вариантов так называемый большой стих о Егории, включающий его мучения, освобождение и путешествие по Руси, представлен на Кенозере единственным текстом от И.Ф. Сидорова из деревни Щанниково (Бахт. Т. 1. № 19). В варианте прописана лишь устроительная, преобразующая землю, созидательная функция Егория в его поездке по Руси, но утрачена духовная его миссия, связанная с насаждением и утверждением христианской веры, а расправа с царем Кудряянищем осмысливается скорее как богатырский, а не духовный подвиг. Та же тенденция просматривается в тех вариантах стиха о Егории, в которых отсутствуют мотивировки и причины мучений святого, т.е. не подчеркнуто его страдание за веру (Бахт. Т. 1. № 29, 30).

В варианте № 69 от В.М. Спициной нарушена внутренняя логика характера и поступков Алексея человека Божьего, определяемая высокими помыслами духов-

ного служения и полным игнорированием материальной стороны жизни. В тексте рукописания Алексея появились далекие от его истинного отношения к миру и людям жалобы на плохо обращавшихся с ним слуг. Традиционно Алексей с благодарностью и радостью воспринимает насмешки и издевательства слуг, оценивая их как посланные ему Богом испытания, необходимые для его духовного возрастания. В других вариантах стиха произошла утрата символического смысла таких предметов, как пояс и перстень Алексея, которые святой, покидая дом, оставляет жене. Эти знаки прощания, вестники беды или передатчики информации о святом в кенозерском варианте вручаются обручной княгине с прозаическим пожеланием – «чтоб носила». В двух из записанных на Кенозере вариантах Алексей, покидая дом, объясняет молодой жене причину своего ухода желанием послушать, что о них говорят люди. Это объяснение, далекое от его истинных целей, не соответствует его внутреннему желанию, всецело устремленному к духовному подвигу (Бахт. Т. 1. № 62, 68).

Вместе с тем кенозерские стихи содержат детали и мотивировки, свидетельствующие о том, что в первой трети XX века на Кенозере жива была вера в чудесное; мир кенозерца был одушевлен и почитаем, наполнен существами, с которыми люди не просто сосуществовали, но и общались. Сохранялась вера и в силу как молитвенного слова, так и иконописного изображения святых образов. Олисафия всю ночь молится перед рисованными или вышитыми ликами Христа, Богородицы, прося о заступничестве (Бахт. Т. 1. № 38, 39). Неосуществимость просимого не умаляет саму веру. Поняв, что ей все же уготована смерть от змея, Олисафия покоряется судьбе, полагая, что ее молитвы до Бога «не доходные». Егорий становится спасителем своего злейшего врага Кудряянища: чудесно восстанавливает его руку, сожженную в огне. (Мотив очень редкий, встретившийся только в одном печорском варианте, записанном Ончуковым). Топоры и пилы, которыми по приказу Кудряянища мучат Егория, сами выступают в роли одушевленного мстителя: «на невернова забросались» (Бахт. Т. 1. № 30). Чудесные объяснения названий природных объектов, естественные для кенозерцев, проникают и в духовный стих: вариант текста о Егории и Олисафии (Бахт. Т. 1. № 38) завершается объяснением названия «Змеиная гора» в связи с сюжетом стиха.

Стихами или «статьями» на Кенозере называли не только духовные стихи, но и баллады, исполнявшиеся в пост. Не останавливаясь подробно на кенозерских записях баллад экспедицией Соколовых, отмечу лишь один сюжет «Князь Михайла и рябинка», который, во-первых, не был записан ни Рыбниковым, ни Гильфердингом и, во-вторых, на территории Русского Севера приобрел популярность только на Кенозере и на нижней Печоре. Стих, повествующий о превращении свекровью снохи в дерево, вообще принадлежит к числу редких: только по одному его варианту записано в Орловской, Курской губ. и у казаков. Поэтому каждый новый вариант его следует расценивать как ценность. На Кенозере в 1927 году стих был записан от трех исполнительниц: от М.А. Лоскутовой (Сок. – Чич., № 262, вторичная запись –

Бахт. Т. 1. № 238), от А.И. Губиной (Сок. – Чич., № 268), от П.П. Дмитриевой (Сок. – Чич., № 229, предположительно повторная запись – Бахт. Т. 1. № 239). Ю.М. Соколов отмечал «изумительную красоту» кенозерских вариантов «и в мотивах, и в композиции, и в образах»<sup>3</sup>. По свидетельству А.В. Кулагиной, баллада о Михаиле и рябинке не была забыта на Кенозере еще в 70-е годы XX века<sup>4</sup>.

В местных вариантах в качестве дерева-снохи фигурирует рябинка, которая была предметом особого суеверного почитания у заонежских крестьян. Ее использовали в различных магических действиях, упоминали в заклинаниях, о чем в начале XX века писал Н.С. Шайжин<sup>5</sup>. П.Н. Рыбников приводит, в частности, заклятия от лесного лиха, обращенные к хозяину леса, («от лиха честью избавь»), при произнесении которых обязательно применялись «рябиновые батожки»<sup>6</sup>. Рябина на Русском Севере использовалась для общения с лешим, которого иногда даже называли рябинником. Известны общеславянские поверья о том, что рябина произошла от девушки, и потому рубить ее, как в балладе делает князь Михаил, считалось грехом<sup>7</sup>. Б.М. Соколов, выступая с отчетом об экспедиции в Москве, обратил внимание на особое почитание деревьев на Кенозере, на обилие священных рощ: «Вот роща у д. Вершинино и Шишкино; вот роща у Тайницкой Лахты (залита). Там лесные «часовни», «кресты» с приношениями. <...> Теперь сюда совершаются крест<ные> ходы. И такие обычаи: как во время водосвятия вся толпа вдруг нырнула под воду. Культ дерева. Вот сосна с придорожным крестом у д. (Бояриново) Кривцова. Или вот придорожный крест на реке Онеге»<sup>8</sup>.

Общение кенозерцев с духами, с низшими мифологическими персонажами было столь тесным и органичным, что оказывало влияние на их представления о происхождении и функционировании некоторых эпических сюжетов. Историческая песня о войне 1812 года «Разорена путь-дорожка от Мажая до Москвы» (а исторические песни в местной терминологии были теми же стихами или статьями), по уверению местных крестьян, являлась песней лешего. Б.М. Соколов, делаясь в Москве своими впечатлениями от пребывания на Кенозере, в частности, рассказал: «Один сказитель предложил нам спеть песню, какой его мать научилась у лешего на болоте, сидя на кочке. “Да и теперь на Дьяковом болоте поет», – подтвердили бабы»<sup>9</sup>.

Лежащее в основе этих свидетельств указание на связь лешего с войной не случайно, оно коренится в верованиях кенозерцев. В свое время П.Н. Рыбников, не приводя обстоятельных доказательств, попутно заметил по поводу поверий заонежан: «Когда у людей заведется усобица, ведут между собой войну и лешие: сходятся целые войска их и бьются между собою нещадно до тех пор, пока не прекратится человеческая война»<sup>10</sup>.

На северо-востоке России бытовали рассказы о том, что лешие воюют между собой и с водяными, о том, что стан главного лешего, «атаман-лешего» находится в Сибири, что наши лешие «больше воюют с французом-лешим, которого владения как раз подходят к Сибири». В архангельских быличках, записанных в XX веке, леший не только провожает мужиков на войну, но

и оказывает им помощь в сражениях<sup>11</sup>.

По следам Рыбникова и Гильфердинга после братьев Соколовых была снаряжена еще одна экспедиция студентов МГУ под руководством Э.В. Померанцевой. Материалы ее до настоящего времени не опубликованы. Введение их в научный оборот, а также записей последующих экспедиций Московского университета, Института языка и литературы Карельского научного центра РАН и др. поможет выявить те изменения, которые продолжались в устной культуре Кенозерья с конца 20-х годов XX века до настоящего времени. Но отправной точкой в сопоставительном анализе, если говорить о духовных стихах, останутся записи экспедиции братьев Соколовых, как самые ранние и самые первые. Понять и правильно оценить феномен кенозерского стиха можно лишь рассматривая его на фоне северной и общерусской традиции в единстве со старинами, историческими песнями и балладами, с которыми духовный стих веками соседствовал и взаимообогащался; основываясь на сведениях о местном церковном, иконописном, книжном искусстве; опираясь на систему местных верований в сложном переплетении языческо-христианских элементов в ней.

#### Примечания

<sup>1</sup>Онежские былины / подбор былин и научн. ред. текстов акад. Ю.М. Соколова; подг. текстов к печати, примеч. и словарь В. Чичерова. М., 1948. В дальнейшем ссылки на изд. в тексте: Сок. – Чич. с указанием номера былины.

<sup>2</sup>Неизданные материалы экспедиции Б.М. и Ю.М. Соколовых. 1926–1928. По следам Рыбникова и Гильфердинга. Эпическая поэзия / вст. ст., подг. текстов, научн. коммент., справ. аппарата В.А. Бахтиной. М., 2007; Т. 1. Народная драма. Свадебная поэзия. Необрядовая лирика. Частушки. Сказки и несказочная проза. Творчество крестьян. М., 2011. Т. 2. В дальнейшем ссылки на издание даются в тексте с указанием тома, номера варианта или стр.

<sup>3</sup>Соколов Ю. За былинами // Неизданные материалы... Т. 2. С. 511.

<sup>4</sup>Кулагина А.В. Балладные песни // Баллады. М., 2001. С. 18.

<sup>5</sup>Шайжин Н. Олонецкий край (по данным местного фольклора на 1909 год). Петрозаводск, 1909. С. 205.

<sup>6</sup>Рыбников П. Заонежские поверья // Песни, собранные П.Н. Рыбниковым / изд. подг. А.П. Разумова, И.А. Разумова, Т.С. Курец. Петрозаводск, 1991. Т. 3. С. 185.

<sup>7</sup>Агапкина Т.А. Рябина // Славянская мифология. Изд. 2-е испр. и доп. М., 2002. С. 419.

<sup>8</sup>Из впечатлений Б.М. Соколова о поездке на Кенозеро // Неизд. материалы... Т. 2. С. 587.

<sup>9</sup>Там же. С. 588.

<sup>10</sup>Рыбников П. Указ. соч. С. 185.

<sup>11</sup>Цит. по кн.: Власова М. Русские суеверия. СПб., 2001. С. 298–299.

М.Н. Власова  
(г. Санкт-Петербург)

## Водная стихия и водяные Кенозерья

Повествования о сверхъестественных существах, которые появляются у воды и в воде (о водяных духах, «хозяевах» вод и побережий, и о чертях, бесах, нередко с ними отождествляемых; о нечистой силе неопределенного обличья), бытовали в России повсеместно. Некоторые из них имели общерусское хождение, другие отражали региональную специфику.

В Олонецкой губернии, включавшей в XIX веке и Кенозерье, записано значительное количество текстов, актуализирующих представления о разрушительно-созидательной деятельности водяных «хозяев»<sup>1</sup>. По мнению Г.И. Куликовского, это не удивительно для местности, 1/7 часть которой занята водой и где насчитывается более 2000 озер и множество рек. «Вода здесь повсюду преследует человека: отправится ли он пешком или поедет на лошадях, он наткнется или на реку, или на озеро, которое надо переехать на расстоянии 20, 40, 70 верст. Часто озеро это нельзя ни обойти, ни объехать, благодаря той же воде, болотам. Не мудрено после этого, что культ водяного разработан здесь до мелочей, что в языке народа масса обозначений понятия болота, озера. Так, болото зовется болотом, янгой, радой, льевой; тундра, пурвиж, согра и т.д.; озера зовутся: ламба, ляга, бачага...»<sup>2</sup>.

Водная стихия является для края «то доброй матерью, то злою мачехой», намывающей береговые дюны и заносающей песками русла рек и каналов, затопляющей покосы и общественные земли – «на месте, где стояла деревня, после ловят рыбу, “встает невод”, как говорят мужики»<sup>3</sup>.

Разрушительные бури, наводнения, а также некоторые изменения ландшафта – появление островов, исчезновение протоков – в севернорусских мифологических рассказах нередко связаны со значимыми эпизодами «семейной жизни» водяных: сватовством, свадьбой.

«В двадцати верстах от Петрозаводска на юго-запад находятся два озера – Машезеро и Лососинское, на расстоянии одного от другого около десяти верст. Из них вытекают две речки, кои на половине своего течения соединяются в одну общую речку, называемую Лососинскою. Водой этой речки действует Александровский пушечный завод. В 1800 году здесь было наводнение... Вода прорвала плотину, разрушила рудяные сараи и даже унесла в Онего несколько домов, стоявших на северном его берегу, у самого ее устья. С изумлением и страхом толпы народа смотрели на это явление. В их глазах это событие было ни чем другим, как свадьбой в водяном царстве друголюбных.

“Машезерский водяник сосватал, – скажут, – за своего сына дочку водяника лососинского, а в Машезере жить нельзя, тесно, да при том надо переезжать водой, а

© Власова М.Н., 2012

переезжать-то нельзя. Лососинские, положим, до соединения речек доедут легко, а там ведь в Машезеро надо идти против воды, а друголюбные против воды плыть не могут. Вот и уговорились выехать с обеих озер; у соединения речек соединить и молодых, а оттуда и плыть вместе в Онего. По этому уговору-то они и едут теперь большим свадебным поездом в Онего, где им жить будет просторно, и с собой везут приданое, а сверх того заводские сараи, руду и прочее. А сами едут скрытно, смешали все свое добро с песком и глиною, так что мы ничего не можем видеть, кроме серой массы, стремящейся с шумом. Шум этот – их музыка. Они веселятся, а мы-то грешим, горюем. Вот не говоря о казенном имуществе, общественных местах и заводах, сколько, видите, разорили частных домишек со всем именем, оставили бедных в одних платьях, а там все увлекли в Онего, да еще веселятся. О, Господи, прости нас грешных!»<sup>4</sup>.

Сюжет о катастрофической по своим последствиям «свадьбе водяных» в XIX веке записан и в Вятской, Пермской губерниях<sup>5</sup>.

«Водяные любят иногда пошалить. Вощерма, речка вообще скромная, шуметь не любит, да и нечем: воды в ней для мельниц едва достает. Нашли вдруг дождевые сильные перевалы. Вощерма вдруг зашумела, поднялась, вышла из берегов, и пошел по ней страшный вал воды, который на пути своем прорвал все плотины на мельницах, стащил и вешники, а в иных местах и клети, сорвал все мосты.

Мужички поглядят на все разрушения по Вощерме да и примолвят: “Дьяволы эти водяные! Небось не по-нашему разгулялись со свадьбой-то, да и поезд-от, знать, через горлышко хватил; вишь, как разомчался. Ведь это коней же они, видно, сдержать не могли, коли все мельницы на Вощерме прорвали”. – “Нет, робя, не то, – замечает другой, – поезд был шибко велик; у иной мельницы и сколь воды наплет, что и ужаси! Тутешны-те водяные не пускают, знать, пыжатыся, пыжатыся, а нет – те прорвут-таки, враг их заверни!”»<sup>6</sup>.

Версию из Петрозаводского уезда, опубликованную Е.В. Барсовым, можно сопоставить с текстом, бытовавшим на Водлозере, где одним из участников свадебного действия становится кенозерский водяной:

«В Водлозере живут, по преданию, два водяных: один у Пречистенского погоста, другой у Ильинского. <...>. Тот и другой погост расположены на островах, причем узкий пролив отделяет Пречистенский погост от материка, а Ильинский погост отделяется узким проливом от другого острова. В проливах, по преданию жителей, помещаются водяные. <...>.

Оба водяные являются совершенно самостоятельными господами, каждый в своей части озера. Они то дружат друг с другом, то враждуют. В настоящее время оба водяные породнились... <...> У водяного ильинского была дочь; за ней сватался водяной пречистенский и водяной – владелец Кенозера, которое в ту отдаленную эпоху было соединено с Водлозером. Как пречистенский, так и кенозерский водяные часто навещали ильинского. Кенозерский водяной первый посватался, и ему отказали. Посватался затем пречистенский водяной, и старик – ильинский – отдал за

него свою дочь. Кенозерский рассердился, ушел к себе в озеро и, чтобы никогда не ходить больше в Водлозеро, засыпал большими камнями дорогу. С тех пор Кенозеро не сообщается больше с Водлозером»<sup>7</sup>.

Существенная особенность сюжета о «свадьбе водяного», провоцирующей природные катаклизмы, – приурочение к местной географии и конкретным обстоятельствам жизни. Водяной выступает здесь и как олицетворение водной стихии (несется «мутным валом»), и как сверхъестественное существо, этой стихией управляющее. Такой параллелизм сохранялся на протяжении веков. В I тысячелетии н.э. восточные славяне «нарицали реку богиней», а зверя, живущего в ней, – богом; «вероваша кладезям и рекам»; жертвовали «рекам и источникам и берегиням»<sup>8</sup>.

Вплоть до начала XXI века в мировоззрении крестьян Русского Севера вода – опасная, но насущно необходимая, всепроникающая стихия – остается «живой»: ее можно потревожить, оскорбить действием или словом. «Бредешь в реки – ничего ругаться нельзя и нельзя обдумывать. Где-нибудь упал, скажи: “Господи, благослови!” И вставай. <...> И на болоте. И на море не ругайся. Хорошо – несет. А если не снесет – сразу придет, болеть будешь. <...> Воду нельзя вечером будить. После шести часов воду нельзя тревожить. Вода спит»<sup>9</sup>. «Скажут: что ты, не ходи ты, ради Бога, полоскаться, вода спит»<sup>10</sup>. «Ну, раньше ж верили, и все, что живое все, и вода живая. А вообще-то да!... Воде мешать нельзя – как ты к ней относишься, так она к тебе относится»<sup>11</sup>.

Обличья водяного «хозяина» в поверьях и несказочной прозе севера и северо-запада России XIX – XX веков разнообразны – от «смутно-персонифицированных» до вполне конкретных. Голова у него как сенная копна<sup>12</sup>, он покрыт зеленоватыми волосами, постоянно их расчесывает<sup>13</sup> и напоминает персонифицированную, оживотворенную реку с ключьями волос-водорослей и сучьями-гребнями (когда водяной, гневаясь, чешет спутанные волосы, река бурлит и покрывается пеной)<sup>14</sup>. Водяной – «ни человек, ни рыба» – «играет» («гилит») в воде, заставляя ее «клубиться и пениться»<sup>15</sup>.

Водяной – рыба (щука<sup>16</sup>, сом<sup>17</sup>, подкамешник – «лежня» или «чертова рыба», налим<sup>18</sup>, огромная рыба либо рыба, ведущая себя необычно<sup>19</sup>); человек («высокий здоровенный мужик»<sup>20</sup>, старик<sup>21</sup>, почтенный большак – глава семейства<sup>22</sup>, «похож на человека, только почернее наших будет»<sup>23</sup>).

Многочисленны былички, в которых водяной-человек (либо существо, напоминающее человека) наблюдает за порядком в своих владениях; «распоряжается» водой и рыбой; наказывает тех, кто ему досадил либо помогает угодившим ему людям. Фрагмент подобного повествования записан и на Кенозере:

«Мужики вытянули сети, а в сетях водяник. Вот и думали, что с ним делать. Один говорит: «Давай его на берег!» А он (водяной): «Нет, нет, нет», – забормотал. Другой говорит: «В воду?» А он: «Да-да-да!»<sup>24</sup>.

Данный текст наиболее близок по построению к началу олонецкой былички, опубликованной Е.В. Барсовым: «Раз, говорят, в так называемом Бесовском ручью,

где Лачиновский завод, вытащили водяного лембоя, – небольшой недоросточек, волоса пестрые, весь истыкан. И спросили его: “На гору тебя?” – “Не-не”. – “В воду?” – “Да-да”. И стал он просить и молить: на гору непошто, пустите в воду. “Если спустить, так будешь ли рыбы давать?” – “Буду-буду”. Ловцы сжалились и пустили его в Бесов ручей. После он, ахти, много рыбы давал»<sup>25</sup>. В сходной олонецкой записи, также включающей краткий диалог – вопросы и ответное еле разборчивое бормотание, водяному грозят «наложением креста»<sup>26</sup>.

Тексты из Архангельской губернии (области) более развернуты, но динамичный обмен репликами в них отсутствует. В записи конца 40-х годов XIX века (носящей, к сожалению, следы литературной обработки), водяной-ребенок лишен дара речи и только «плачет, томится» либо радостно сверкает глазками. В прочих записях облик водяника варьируется: он то дитя, то «недоросточек» с твердым, как кость, телом, отождествляемый с водяным чертушкой, чертенком. По-разному описана и ситуация поимки сверхъестественного обитателя вод, однако мотив «уловления» рыбацкой удачей остается неизменной основой этой версии сюжета, неоднократно записывавшегося на протяжении второй половины XIX–XX веков.

Можно предположить, что в кенозерской быличке отсутствует окончание (водяной отпущен и за это дарует рыбакам богатый улов), однако этот текст сопоставим и с двумя записями из Шенкурского уезда Архангельской губернии, которые исчерпываются поимкой водяника, возвращаемого в родную стихию без всяких условий<sup>27</sup>.

Представления о разноликом «хозяине» рыбы и о дарующей улов «живой», оживотворенной воде (в частности – о «живых» озерах) в поверьях и несказочной прозе Кенозерья соседствуют.

«Онково озеро у Зехнова, у самой деревни. В этом озере ловят рыбу – окуней, лещей. Это озеро особенное. Пойдешь ловить, то ни с кем не говори и чтобы тебя никто не видел. А пришел с кем-то – не говори. Если оборвалась рыбка – не ойкни, а ойкнул, – можно возвращаться, ни одна рыбина больше не клюнет. Изо всех озер одно такое. С этим озером не шутят»<sup>28</sup>.

В подобных текстах, бытующих на севере и северо-западе России, нашел отражение ряд правил и обычаев, соблюдение которых необходимо для успешного промысла: незаметный («тайный») уход из дома; соблюдение тишины; запрет рассказывать кому-либо о своих намерениях, хвастаться уловом, ругаться, злиться при неудачах, и т.п.

«Озера, лежащие вне селений, поросшие по местам травой и, по зыбкости берегов, не всегда доступные, называются в народе “глухими”. Идущий туда на рыбную ловлю, неведомо никому, возвращается с добычей, но чуть скажет прежде о своем намерении, труды целого дня бывают напрасны, рыболовные снасти приносят одну траву»<sup>29</sup>. При ужении нельзя выражать своего неудовольствия, а хладнокровно пожелать сорвавшейся рыбе счастливого пути, проговорив «не моя и была»<sup>30</sup>. В Паэзерских озерах (Олонецкой губернии. – М.В.) «рыбу ловят молча; уходя из

дома, не сказывают, куда пошли; если сказать, что пошли рыбу ловить, не скоро с озер выйдешь, а то и совсем туда ускочишь»<sup>31</sup>. На Ольховских озерах (Мурманской области. – *М.В.*) «пока не знает никто – ловят, а как проговорятся кому мужики, ну хоть кому, похвастанутся, – так больше ничего и не уловить! Все сетки спутает и разбросает, новые выбросит на берег»<sup>32</sup>.

Такое поведение, в числе прочего, диктуется боязнью беспокоить либо злить капризного водяного, от которого, согласно общераспространенным поверьям, зависит улов. За водяным следует «ухаживать»<sup>33</sup>, что, впрочем, отнюдь не сулит благополучия: «Есть у нас одно озеро, в которое лучше с неводами не езди, потому что водяной не дает рыбы, а накладывает полную матицу коневих говен. У нас в это озеро мало не ездят (почти не ездят), только тот поедет разве, кто не знает»<sup>34</sup>.

Однако коварство водяной стихии далеко не всегда персонифицируется в образе водяного. Своенравным, непредсказуемым – подобно живому существу – может быть и само озеро. Есть «озера с норовом» (к ним нужно идти незамеченными, для этого делают даже большой крюк)<sup>35</sup>. Ольховские озера (упомянутые выше – *М.В.*) по убеждению местных жителей – «плохие»<sup>36</sup>. Неудачный лов в изобильном Чудиновом озере рыбаки «приписывают нерасположению к ним озера, которое, по временам, не дает вовсе рыбы» (отчего и прозвано «Чудиновым»)<sup>37</sup>. В некоторых местах стараются умиловить и озеро, и водяного<sup>38</sup>; провести грань между «живой» водой и ее «хозяином» трудно.

К «живым» (оживотворяемым) водоемам относится, по всей вероятности, и Оньково озеро, характеризующее жителями Зехново как «особенное».

### Примечания

<sup>1</sup>Ср.: «Главная работа выпала на долю водяных, которые делают новые озера и реки; такого происхождения Задний ручей у Кузаранды и одно из Лобских озер, близ Тихвина бора». В этих местах постоянно трудятся водяные: «то ручей пробьет себе новое русло, то озером раскинется прежняя болотина»; см.: Майнов В. Поездка в Обонежье и Корелу. СПб., 1877. С. 129. Об этом см. также: Георгиевский М.Д. Кое-что об олонекских рыбаках // Олонекские губернские ведомости. 1901. № 37. С. 2; Криничная Н.А. На синем камне: Мифологические рассказы и поверья о духе-«хозяине» воды. Петрозаводск, 1994. С. 18. Власова М.Н. Явленные озера // Традиционный фольклор Новгородской области. Вып. 3: Пословицы и поговорки. Загадки. Приметы и поверья. Детский фольклор. Эсхатология. СПб., 2006. С. 370–373.

<sup>2</sup>Куликовский Г.И. Зарастающие и периодически исчезающие озера Обонежского края // Землеведение. 1894. № 1. Т. 1. С. 18–19.

<sup>3</sup>Там же. С. 18.

<sup>4</sup>Барсов Е.В. Северные сказания о лембоях и удельницах // Известия Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии (далее – ИОЛЕАиЭ). Труды этн. отдела. М., 1874. Т. XIII. Кн. 3. Вып. 1. С. 90.

<sup>5</sup>Осокин С.М. Народный быт в северо-восточной России. Записки о Малмыжском

уезде (в Вятской губернии) // Современник. 1856. № 11. Т. 60. С. 26–27; Мельников И. Дорожные записки по пути из Тамбовской губернии в Сибирь // Отечественные записки. 1841. Т. XV. С. 77–78. В единичной олонекской записи свадебный поезд водяного, появляющийся из проруби, «гудет», однако едет степенно и тихо; см.: Майнов В. Поездка в Обонежье и Корелу. С. 128–129.

<sup>6</sup>Осокин С.М. Народный быт в северо-восточной России... С. 26–27.

<sup>7</sup>Харузин Н.Н. Из материалов, собранных среди крестьян Пудожского уезда Олонекской губернии // Олонекский сборник: в 4-х вып. Петрозаводск, 1894. Вып. 3. С. 321–322.

<sup>8</sup>Аничков Е.В. Язычество и Древняя Русь. СПб., 1914. С. 292–293.

<sup>9</sup>Архив собирателя М.Н. Власовой (далее АС). Папица Терского района Мурманской области, 1983 г.

<sup>10</sup>Мифологические рассказы и легенды Русского Севера / сост. и коммент. О.А. Черепановой. СПб., 1996. С. 195 (арх.).

<sup>11</sup>АС. Варзуга Терского района Мурманской области, 2008 г.

<sup>12</sup>Рыбников П.Н. Заонежские поверья // Песни, собранные П.Н. Рыбниковым. 1-е изд.: в 3-х т. Петрозаводск, 1864. Т. III. С. 227.

<sup>13</sup>Георгиевский А. Народная демонология // Олонекский сборник: в 4-х вып. Петрозаводск, 1902. Вып. 4. С. 57–58; Зеленин Д.К. Описание рукописей Ученого архива Императорского русского географического общества (далее – ИРГО): в 3-х вып. Пг., 1914. Вып. 1. С. 263 (волог.).

<sup>14</sup>Сборник народных рассказов (по части демонологии русского народа), сост. Д.К. Гераковым. СПб., 1869. Вып. 1. С. 13 (новг.).

<sup>15</sup>Харитонов А. Очерк демонологии крестьян Шенкурского уезда Архангельской губернии // Отечественные записки. 1848. Т. 57. № 4. С. 146; П.С. Ефименко. Материалы по этнографии русского населения Архангельской губернии // Труды этн. отдела ИОЛЕАиЭ. М., 1877. Кн. 5. Вып. 1. С. 165.

<sup>16</sup>Георгиевский А. Народная демонология... С. 59; П. Рубинов. Живые остатки язычества // Новгородские губернские ведомости. 1863. № 19. С. 222 (волог.), РО ИРЛИ. Р. V. 3-3-28. Л. 48 (арх.).

<sup>17</sup>Остряков П.Г. Суеверия в Новгородской губернии // Новгородские губернские ведомости. 1861. № 46. С. 397.

<sup>18</sup>Иваницкий Н.А. Материалы по этнографии Вологодской губернии // Сборник сведений для изучения быта крестьянского населения России. М., 1890. Вып. 2. С. 125; РО ИРЛИ. Р. V. 3-3-28. Л. 48 (арх.).

<sup>19</sup>В житии Иова Ушельского, нечистый водный дух «яви хождение аки рыба велика» и «нападше на лошадь и за лодку хваташе, потопить хотя». – Ф.А. Рязановский. Демонология в древнерусской литературе. М., 1915. С. 40.

<sup>20</sup>Георгиевский А. Народная демонология... С. 57; Рыбников П.Н. Заонежские поверья. С. 227.

<sup>21</sup>Богатырев П.Г. Верования великоруссов Шенкурского уезда Архангельской

губернии (Из летней экскурсии 1916 г.) // Этнографическое обозрение. 1916. Кн. 111–112. №3–4. С. 54.

<sup>22</sup>Рыбников П.Н. Заонежские поверья... С. 230.

<sup>23</sup>Харузин Н.Н. Из материалов, собранных среди крестьян Пудоожского уезда Олонецкой губернии... С. 320.

<sup>24</sup>Кенозерские сказки, предания, былички / вступ. ст., сост., примеч. Н.М. Ведерниковой. М., 2001. С. 71.

<sup>25</sup>Барсов Е.В. Северные сказания о лембоях и удельницах... С. 89–90.

<sup>26</sup>Г. Р-в. Народная легенда // Олонецкие губернские ведомости. 1865. № 9. С. 138.

<sup>27</sup>Ср.: «А то и на моей памяти (правда, был я еще маленьким паренком), рассказывали мужики с Юмзенги: у них под горою озеро, и рыбы в нем довольно. Вот мужик и пошел осматривать верши. Вытащил одну, глядь – ан там ребенок! Испугался мужик, думал – утопленник, да со страху и опустил вершу опять в воду. Однако видит – ребенок живой, плавает в верше да ищет, койда выбраться бы. Вынул мужик его, принес в избу. Собрались все глядеть на такое чудо: ребенок, как есть, только молчит да поглядывает на всех. Наглядевшись вволю, решили отнести назад, чтобы беды не нажить. Только опустили в воду – он нырнул и поплыл в глубину. Да сколько потом ни лавливали рыбу в этом озере – и сетями, и бродниками – а не попался больше ни разу... <...> Да ведь это не старый был, слышь, ребенок еще! Ну, с глупа и залез. Ведь они тоже женятся и ребят водят, как и люди»; см.: Воропай И. Записки об охоте в Шенкурском уезде. Пермь, 1891. См. также: Богатырев П.Г. Верования великоруссов Шенкурского уезда Архангельской губернии. С. 44–45 (здесь тоже повествуется о водяном-ребенке).

<sup>28</sup>Кенозерские сказки, предания, былички... С. 104.

<sup>29</sup>Архив Российского географического общества (далее АРГО). Р. 24. Оп. 1. № 24. С. 8 (новг.).

<sup>30</sup>Георгиевский М.Д. Кое-что об олонецких рыбаках... С. 2.

<sup>31</sup>Барсов Е.В. Северные сказания о лембоях и удельницах... С. 89.

<sup>32</sup>Балашов Д.М. Сказки Терского Берега Белого моря. Л., 1970. С. 356.

<sup>33</sup>Иваницкий Н.А. Материалы по этнографии Вологодской губернии... С. 125.

<sup>34</sup>Иваницкий Н.А. Сольвычегодский крестьянин, его обстановка, жизнь и деятельность // Живая старина. 1898. Вып. 1. С. 71.

<sup>35</sup>Георгиевский М.Д. Кое-что об олонецких рыбаках... С. 2.

<sup>36</sup>АС. Кузомень Терского района Мурманской области, 1987 г.

<sup>37</sup>АРГО. Р. VII. Оп. 1. №15. Л. 45–45об. (волог.).

<sup>38</sup>Георгиевский М.Д. Кое-что об олонецких рыбаках... С. 2.

М.Н. Власова  
(г. Санкт-Петербург)

### Серия «Былины» «Свода русского фольклора» – фундаментальный научный проект отдела фольклора ИРЛИ РАН (принципы и проблемы публикации; былины Кенозера)

Идея создания «Свода русского фольклора» или «Большого академического корпуса фольклора», поддержанная крупнейшими писателями – А.М. Горьким, А.Н. Толстым и ведущими фольклористами этого времени – Н.П. Андреевым, М.К. Азадовским, Ю.М. Соколовым, возникла в 30-е годы XX века. «Большой академический корпус фольклора» должен был стать итогом многолетнего собирания и изучения фольклора народов СССР. Пути решения столь масштабной задачи обрисовал в 1940 году А.Н. Толстой. Предполагалось «привести в движение все наличные силы фольклористики, “вскрыть все архивы”; энергично взяться за собирание фольклора, упорядочить все, что имеется в напечатанном виде; установить принципы отбора произведений» и начать при этом с русского фольклора, дабы на основании приобретенного опыта развивать «чрезвычайно трудную и большую работу дальше»<sup>1</sup>.

Деятельность, прерванная Великой Отечественной войной, в полной мере возобновилась лишь с начала 1954 года. На совещаниях в Свердловске и Ленинграде «в повестку дня был поставлен вопрос о выработке практических рекомендаций к изданию научного Свода, по существу отличающегося от антологического проекта 1938 – 1940 гг.»<sup>2</sup>. Первый научный проспект «Свода русского фольклора», созданный под руководством профессора М.О. Скрипиля, был представлен в 1956 году на Всесоюзном совещании фольклористов в Институте русской литературы (Пушкинский Дом). В Свод предполагалось включить не образцы народного творчества, а весь в пределах досягаемости рукописный и печатный материал. Стремясь к исчерпывающей полноте Свода, составители Проспекта предложили, наряду с текстами классических фольклорных собраний, максимально использовать публикации, почерпнутые из разрозненных источников, а также архивные и экспедиционные записи<sup>3</sup>, расположив их в каждом из разделов согласно продуманной схеме. Схема эта была, однако, не вполне ясна для самих авторов Проспекта, что положило начало длительной дискуссии, в частности, – о наиболее целесообразных принципах публикации былин, то есть об архитектонике раздела «Былины»<sup>4</sup>, открывающего Свод.

«Учитывая, что каждое собрание, во-первых, есть факт достижений научной мысли на определенном этапе и, во-вторых, каждое собрание отражает в большей или меньшей степени народное сознание не только той поры, когда создавались сами произведения, но и когда они были зафиксированы записью в живой устной традиции, – сектор народного творчества в Своде совместил две задачи: издание

© Власова М.Н., 2012

новых и затерянных в печати материалов и переиздание классических сборников, – отмечала А.М. Астахова. – Бесспорно, что для былин (так же как и для сказок и песен) самой совершенной формой было бы расположение по сюжетам, однако это отодвинуло бы самое начало осуществления Свода еще на несколько лет, ибо потребуется самая тщательная предварительная работа по выявлению определенного материала в записи на протяжении всех веков собирания. Поэтому практически более прост и более осуществим для Свода тот принцип, который положен в основу Проспекта, т.е. принцип географический и принцип времени записи – в их сочетании»<sup>5</sup>.

«Из трех возможных принципов издания былин: по издателям, по сюжетам, по местностям, – полагал один из авторитетных участников обсуждения, В.Я. Пропп, – наименее удачен первый, значительно лучше и вполне возможен принцип географический, наиболее же совершенным можно считать принцип издания песен по их содержанию»<sup>6</sup>. Отдавая предпочтение «необходимой ему, сюжетологу, сюжетной конструкции»<sup>7</sup>, Пропп подошел к данной проблеме взвешенно. «Система расположения по сюжетам имеет один недостаток, – констатировал он, – конкретный быт, жизнь народа, замечательные мастера, формы массового бытования не могут быть непосредственно изучены при расположении по сюжетам. <...> Для изучения фольклора как одного из проявлений местной и в совокупности – национальной культуры необходимо расположение по исполнителям, то есть по существу по географическому принципу. <...> Географический принцип имеет ряд преимуществ. Тома, включающие, например, беломорские, или пинежские, или печорские, а также сибирские, центрально-русские, казачьи и др.<угие> [былины], в научном смысле представили бы нечто цельное. Такие собрания, как Рыбникова, Гильфердинга, бр<атьев> Соколовых, записанные не только в одних и тех же районах и местах, но часто от одних и тех же лиц и их семейств и потомков, напрашиваются на объединение. <...> Основное достоинство географического принципа состоит в том, что народная поэзия здесь прикреплена к земле, к людям, к народу. Все, что записано, например, от Рябининых, Касьянова, Кривополеновой и т.д., предстало бы собранием – вместе с той экономической, исторической, этнографической почвой, на которой эти произведения создавались. Одно из преимуществ географического принципа издания состоит также в том, что в вводных статьях нашла бы уместную характеристику деятельности тех крупных собирателей, которые отдавали свои силы собиранию в данных районах»<sup>8</sup>.

С учетом всех научных и научно-организационных факторов (в том числе – практической осуществимости проекта), географический (или «областной, ведущий к уяснению ареалов распространения тех или иных разновидностей фольклорного материала») принцип был рекомендован рядом ведущих эпосоведов для дальнейшей работы над Сводом<sup>10</sup>. В 1984 году, в связи с обсуждением академиком Научным советом по фольклору концепции и материалов первых томов серии «Былины» – «Былины Печоры», подавляющее большинство участников обсуждения

поддержало тот же план издания.

В период с 1957 по 1984 год, в частности – в разделе «Проблемы издания Свода русского фольклора» ежегодника «Русский фольклор»<sup>11</sup> увидели свет многочисленные исследования, посвященные проблематике Свода. С.Н. Азбелевым был подготовлен реестр неопубликованных записей былин (850 текстов), снабженных основными паспортными данными и сгруппированных по сюжетам и по регионам<sup>12</sup>. Неоценимый вклад в создание фундаментального проекта Свода – как «предпосылки нового движения русской и интернациональной фольклористики, исторической культурологии и собственно истории этносов»<sup>13</sup>, внесли крупнейшие ученые – академики Н.И. Толстой и Д.С. Лихачев. В тезисах «Несколько замечаний о составлении “Свода русского фольклора”» Д.С. Лихачев изложил свой взгляд на задачи и структуру издания, призванного отразить достижения русской и советской фольклористики, «к числу которых следует отнести изучение местных традиций, особенностей исполнителей, теснейшую связь с лингвистикой, этнографией и исторической наукой»<sup>14</sup>. Д.С. Лихачев указал и на две возможности организации материалов Свода – жанрово-географическую («зональное расположение серии былин» в сочетании «с учетом особенностей собирателей и исполнителей») и зональную (объединение «зонального принципа расположения материала с принципом расположения <...> «по собирателям» в целях «объединения единым принципом всех жанров»)»<sup>15</sup>.

В 1984 году, выступая на обсуждении томов серии «Былины», Н.И. Толстой выявил близость его собственного понимания «диалектологии народной культуры» и основных идей обсуждавшегося труда<sup>16</sup>.

В итоге материал серии «Былины» был систематизирован согласно триаде: жанр; местная традиция; произведение (сюжет) в вариантном бытовании. В серии «Былины в 25 томах», начиная с «Былин Печоры», рельефно предстает фольклорная природа объединяемых явлений эпической культуры этноса. Каждое сюжетное гнездо текстов-вариантов, версий той или иной былины в записях от прошлого к современности отчетливо прорисовывает вариант общенациональной традиции, где «герои являются теми же Муромцами, Добрынями, Микулами и т.д., и где царят те же общерусские идеи созидания и защиты отечественной государственности и русского человека»<sup>17</sup>.

Региональный принцип расположения сочетается в томах серии «Былины» с сюжетным принципом объединения совокупностей местных записей. «Географические отстояния демонстрируют включенность регионального в единство высшего порядка – национальное, этническое, демонстрируют свою неотторжимость от него»<sup>18</sup>. Посюжетное комплектование выявляет корневые связи вариантов, конкретные былинно-сказительские традиции – плод коллективного, в веках, сотворчества поколений. Так, по мнению ответственного редактора серии «Былины», А.А. Горелова, «снимается проблема неизбежно-субъективных построений при конструировании полного “древа” вариантов одного сюжета, где всегда есть исчезнувшие звенья; отпадает головоломка размещения сюжетно-вариантных контаминаций



произведений; исследователи сюжетов получают материал для тонкого, “в филигранях”, анализа причинно-следственных, репертуарных и личностных обстоятельств, дававших версии, варианты редакций произведений»<sup>19</sup>.

Функции отсутствовавшего до недавнего времени в науке Указателя сюжетов былин, их версий и вариантов выполняет в нашей серии развернутый сюжетно-вариантный комментарий Ю.А. Новикова, опирающийся на публикации былин и рукописные материалы томов Свода, которые находятся в стадии подготовки к печати. Том «Былины Кулоя» (СПб., 2011) прокомментирован с учетом Указателя Ю.И. Смирнова<sup>20</sup> (этот указатель будет ориентиром и в дальнейшей работе над Сводом).

Во вступительных статьях и Приложениях большое внимание уделено творческим биографиям сказителей, являющихся «носителями и движителями репродуктивно-импровизационного искусства»; обрисованы этапы собирательской деятельности, вклад собирателей XIX–XX веков в изучение региональных эпических традиций<sup>21</sup>.

Одна из основных задач издания «Былины в 25 томах» – «не только собрать воедино огромное количество былин, записанных собирателями в прошлом веке и в наше время, но и дать научно достоверную публикацию текстов, снабдив их замечаниями, содержащими самую разнообразную информацию»<sup>22</sup>. В поле зрения составителей попадают все известные записи той или иной былины либо ее отрывка, публикуемые с учетом требований, которые предъявляются к академическим научным изданиям типа Свода, что выдвигает на первый план практическую текстологию – «тщательный анализ текстов, прежде всего опубликованных, с целью максимального их приближения к первоисточнику»<sup>23</sup>. Понятие первоисточник (оригинал, основной текст) былины неоднозначно. Каждый былинный текст – в зависимости от методики, условий записи, особенностей коллекции в целом, прочих причин – имеет свой особый первоисточник (полевая запись от руки, магнитофонная запись, текст, перебеленный сразу же в поле или какое-то время спустя, опубликованный текст); иногда первоисточников несколько. Текст первоисточника может быть полным или ущербным, записанным одним собирателем либо группой, фиксирующим пение или сказывание былины. Первоисточнику свойственна и «внутренняя» специфика (знаки, пометы, сокращения слов, используемые собирателем, описки; ошибки исполнителей, неверные расшифровки магнитофонных записей; редакторская правка, и пр.). Перечисленные особенности находят отражение в комментариях и «в совокупности определяют методику текстологической подготовки былин для переиздания, в основе которой лежит “индивидуальный” подход к каждому тексту», сопутствуемый детальным и критическим анализом первоисточников.<sup>24</sup>

Важнейший компонент серии – музыковедческие статьи и нотировки былинных напевов; компакт-диски с архивными звукозаписями былин.

К настоящему времени вышли из печати шесть томов собрания былин, подготовленные Отделом русского фольклора Пушкинского Дома: «Былины Печоры» (в

2 т.)<sup>25</sup>, «Былины Мезени» (в 3 т.)<sup>26</sup>, «Былины Кулоя» (в 1 т.)<sup>27</sup>. В печати находятся «Былины Пинеги» (в 1 т.)<sup>28</sup>. Первый том «Былин Пудог» проходит редакторскую подготовку в издательстве. Ведется работа над последующими томами серии.

«Былины Кулоя», которые впервые объединяют весь корпус эпических записей данного региона, включают материалы А.Д. Григорьева (1901 г.) и О.Э. Озаровской (1921 г.), не имеющие параллелей в позднейших экспедиционных фондах в связи с угасанием местной эпической традиции. Записи кулойских былин вызывают огромный интерес в европейском эпосоведении, обостренный вниманием к сложной судьбе эмигранта А.Д. Григорьева, выпустившего в 1939 г. в Праге II-ой том знаменитого собрания «Архангельских былин и исторических песен». Совершенно новыми являются помещенные в томе «Былины Кулоя» документы по истории публикации собрания А.Д. Григорьева, почерпнутые из зарубежных научных и семейных архивов. К изданию прилагается компакт-диск с отреставрированными фонограммами 1921 года.

В «Былинах Пинеги» представлен полный состав старших эпических произведений русских крестьян, проживавших на территории бассейна реки Пинеги. Основа тома – материалы собраний А.Д. Григорьева и О.Э. Озаровской, дополненные текстами, собранными в последующие годы. Прилагаемый компакт-диск содержит архивные звукозаписи образцов пинежских былин.

«Былины Пудог» станут, вероятно, одним из самых объемных изданий серии: разные по времени записи версии и варианты 33-х выявленных сюжетов распределены по четырем томам. В первый том, в числе прочих, вошла былина «Добрыня и Алеша», особенно популярная на Пудогe и представленная в основном корпусе 81 записью в диапазоне от 1861 до 1986 года и в интерпретации таких талантливых сказителей, как Андрей Пантелеевич Сорокин, Никифор Прохоров, Григорий Алексеевич Якушов, Потап Трофимович Антонов, Иван Терентьевич Фофанов, Матвей Федорович Нигозеркин, Трифон Иванович Суханов, Федор Андреевич Конашков, Никита Андреевич Ремизов.

Во второй половине XIX века, когда проводились экспедиции П.Н. Рыбникова и А.Ф. Гильфердинга, былина «Добрыня и Алеша» (или «Женитьба Алеши») прочно занимала первое место в эпическом репертуаре пудожских сказителей. Параллельно бытовало несколько редакций сюжета. Наряду с оригинальными мотивами и формулами, характерными для той или иной конкретной модификации былины, в них обнаруживаются и общие для всего Пудожского края элементы, и близкие параллели к текстам из соседних районов, в частности – Кенозера.

Один из объективных показателей исконности и древности эпической традиции какого-либо региона – своеобразие и устойчивость былинного репертуара, наличие местных версий, редакций отдельных сюжетов, выработка и широкое распространение которых требует смены нескольких поколений сказителей. По мнению участников фольклорных экспедиций МГУ, еще в 1956–1959 годах Кенозеро являло собой «своеобразный фольклорный оазис, где былина – один из компонентов устойчивой

и архаичной фольклорной традиции»<sup>29</sup>. Здесь зафиксировано бытование «Старины о большом быке», былин «Добрыня и Скимен-зверь», «Братья Дородовичи», которые не записывались в других районах Олонецкого края.

С другой стороны, на Кенозере записаны былины, в основе которых – распространенные сюжеты – «Три поездки Ильи Муромца», «Добрыня и Алеша», «Добрыня и Змей», «Добрыня и Маринка», «Дюк», трактовка которых повлияла на традиции соседних регионов, в частности – Восточного Пудожья.

Былины Кенозера войдут в один из очередных томов серии «Былины в 25 томах», работа над которым начнется по мере сдачи в печать «Былин Пудогы», то есть в ближайшие годы. Помимо текстов XIX – первой половины XX веков и материалов экспедиций МГУ 1958–1962 годов, в том будут включены записи из архива безвременного умершего петербургского этномузыковеда, сотрудника отдела русского фольклора ИРЛИ РАН А.Ю. Кастрова, много и плодотворно работавшего в Кенозерье в последней четверти XX века.

Некоторые итоги экспедиций 1987–1988 годов подведены А.Ю. Кастровым в статье «Кенозерские эпические напевы. Материалы и комментарии»<sup>30</sup>. В ней изложены сведения, которые получены от жителей старшего возраста и касаются артельного способа исполнения напевного эпоса, бытовавшего в Кенозерье; проанализирован «ряд музыкально-поэтических образцов, характерных для репертуара сказительских “артелей”»<sup>31</sup>. В статье дано предварительное системно-типологическое описание местных форм напевного эпоса, а в Приложении к ней опубликованы две версии былины «Соломан и Василий Окулович», записанные от Г.Д. Сивцева (1907 г.р.) и А.Ф. Сивцевой (1918 г.р.) в деревне Поромское.

Расшифровка и публикация материалов обширного архива А.Ю. Кастрова, включающего записи былин, баллад, духовных стихов, без сомнения существенно дополнит и уточнит наши представления об эпической традиции Кенозерья.

### Примечания

<sup>1</sup>Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский Дом) Р. В. Кол. № 168. Л. 2 (стенограмма фольклорного совещания 20 мая 1940 г. при Отделении литературы и языка АН СССР; выступление А.Н. Толстого). Подробнее об этом см.: Новиков Н.В. «Свод русского фольклора» // Русский фольклор. М.; Л., 1957. Т. 2. С. 317.

<sup>2</sup>Горелов А.А. Памяти фольклористов – коллег, наставников, товарищей // Русский фольклор. СПб., 2001. Т. 31. С. 443.

<sup>3</sup>Для этого предлагалось «начать тщательную работу по выявлению и описанию фольклорных рукописей, особенно в периферийных хранилищах, и по возможности добиваться их публикации в областных и краевых издательствах с тем, чтобы напечатанные тексты являлись одним из надежных источников “Свода”»; «раскрыть архивы путем публикации их описаний»; активизировать экспедиционную, собирательскую деятельность. См.: Новиков Н.В. Указ. соч. С. 318.

<sup>4</sup>Впоследствии – серия «Былины в 25 томах», которая должна была включить «публикации всех вариантов былин, известных по различным изданиям или хранящихся в архивах страны и личных архивах собирателей» (Еремина В.И., Жекулина В.И. Практическая текстология былин // Русский фольклор. Л., 1991. Т. 26. С. 54.

<sup>5</sup>Новиков Н.В. Указ. соч. С. 320.

<sup>6</sup>Пропп В.Я. По поводу Проспекта «Свода русского фольклора» / подгот. текста, предисловие и примечания С.Н. Азбелева // Живая старина. 1995. № 4(8). С. 51.

<sup>7</sup>Горелов А.А. А город строится... // Русский фольклор. СПб., 2004. Т. 32. С. 522–523.

<sup>8</sup>Пропп В.Я. Указ. соч. С. 51.

<sup>9</sup>Горелов А.А. А город строится... С. 523.

<sup>10</sup>Подробнее об этом см.: Новиков Н.В. Указ. соч. С. 318–324.

<sup>11</sup>Периодическое издание сектора (после 1985 г. – отдел) народнопоэтического творчества (ныне – отдел русского фольклора) ИРЛИ РАН.

<sup>12</sup>См.: Азбелев С.Н. Неопубликованные записи былин // Русский фольклор. Л., 1981. Т. 20. С. 162–195.

<sup>13</sup>Горелов А.А. Памяти фольклористов – коллег, наставников, товарищей... С. 443.

<sup>14</sup>Лихачев Д.С. Несколько замечаний о составлении Свода русского фольклора // Русский фольклор. Л., 1981. Т. 21. С. 115.

<sup>15</sup>Там же. С. 115–116.

<sup>16</sup>«Народная культура диалектна <...> все ее явления и формы функционируют в виде вариантов, территориальных и внутридиалектных вариантов с неравной степенью различия <...> Это находит свое явное выражение в фольклоре, в котором реально бытуют многочисленные варианты текстов» (Толстой Н.И. Язык и народная культура: Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М., 1995. С. 20).

<sup>17</sup>Горелов А.А. А город строится... С. 526.

<sup>18</sup>Там же.

<sup>19</sup>Там же.

<sup>20</sup>Смирнов Ю.И. Былины: Указатель произведений в их вариантах, версиях и контаминациях. М., 2010.

<sup>21</sup>В Приложения входят также: фрагменты, пересказы, припоминания сюжетов былин, исключенные из основного корпуса текстов; словарь архаических и диалектных слов и выражений; именной указатель; указатель этнических и географических названий; предметный указатель; указатель мест бытования (записи) былин; указатель напевов; списки исполнителей и собирателей.

<sup>22</sup>Еремина В.И., Жекулина В.И. Указ. соч. С. 54.

<sup>23</sup>Там же.

<sup>24</sup>Там же. С. 54–55. В статье В.И. Ереминой и В.И. Жекулиной «Практическая текстология былин» подробно рассмотрены «разнообразные и непохожие случаи», выявленные в ходе текстологической подготовки былин, записанных с 1901 по

1929 год на Печоре и в Пудожье.

<sup>25</sup>Свод русского фольклора: Былины в 25 томах. Былины Кулоя / отв. ред. А.А. Горелов. СПб.; М., 2011. Т. 6.

<sup>26</sup>Там же. Былины Мезени / отв. ред. А.А. Горелов. СПб.; М., 2003–2006. Т. 3-5.

<sup>27</sup>Там же. Былины Кулоя. СПб., 2011. Т. 6.

<sup>28</sup>Издательский план 2012 г.

<sup>29</sup>Новиков Ю.А., Смирнов Ю.И. Северные экспедиции кафедры фольклора Московского государственного университета (1956–1959 гг.) // Советская этнография. 1960. № 4. С. 163. Об эпической традиции данного региона см.: Смирнов Ю.И. Былины Кенозера (по записям собирателей второй половины XIX в.) // Кенозерские чтения. Архангельск, 2004. С. 305–322; Его же. Былины Кенозера по записям 1927 г. // Культурное и природное наследие Европейского Севера. Архангельск, 2009. С. 409–426; Его же. Состав былинной традиции Кенозера // Кенозерские чтения – 2009. Этнокультурный ландшафт Кенозерья: междисциплинарное исследование на пересечении естественных и гуманитарных наук. Архангельск, 2011. С. 364–374; Его же. Циклизация былин кенозерской записи // Там же. С. 375–380.

<sup>30</sup>Русский фольклор. СПб., 1995. Т. 28. С. 349–361.

<sup>31</sup>Там же. С. 349.

*Т.Я. Воробьева, Е.И. Собко, С.А. Забелина,  
Л.С. Широкова, С.И. Климов, О.Ю. Морева,  
О.С. Покровский, А.В. Чупаков, Н.В. Шорина  
(г. Архангельск)*

### **Пространственно-временная динамика планктонных сообществ и компонентов их среды обитания в озерах южной части Кенозерского национального парка**

Планктонные сообщества играют важную роль в функционировании экосистем водоемов. Фитопланктон вносит наибольший вклад в преобразование минеральных веществ в органические, т.е. в образование первичной продукции. Основным потребителем образованного продуцентами органического вещества (ОВ) является зоопланктон. Интенсивность разложения автохтонного и аллохтонного органических веществ зависит от микроорганизмов, в частности бактериопланктона. Следовательно, планктонные сообщества определяют трофический уровень водных экосистем и позволяют оценить качество воды. Так, известно, что существование любых планктонных организмов зависит от комплекса биотических и абиотических факторов среды. Принцип «ведущих» факторов играет главную роль в экологии.

Озера представляют собой относительно закрытую систему, в которой связи между сообществами и факторами среды проявлены наиболее отчетливо по сравнению с речными системами. Изучение ненарушенных экосистем озер национальных парков является актуальным, поскольку результаты могут служить базой для прогнозирования их развития и сравнительной оценки состояния водоемов региона, подверженных антропогенному воздействию.

В данной работе представлены результаты гидробиологических и гидролого-гидрохимических исследований озер Масельгского, Лекшмозеро, Вильно, проведенных в различные гидрологические сезоны (в периоды зимней и летней стагнации, весеннего и осеннего перемешивания вод) 2009 года. Эти озера находятся в начале водосбора и относятся к бассейнам Балтийского и Белого морей.

Пробы воды отбирались послойно в соответствии с вертикальной стратификацией гидролого-гидрохимических показателей. Морфометрические характеристики озер оценивались по батиметрической съемке с помощью эхолота с координатной привязкой по GPS. Гидрологические исследования велись с применением погружного мультипараметрического зонда CTD-90. В пробах воды проводили измерение pH, электропроводности, концентрации растворенного кислорода O<sub>2</sub>. Определение содержания общего фосфора (P<sub>общ</sub>) и азота (N<sub>общ</sub>), минерального фосфора (PO<sub>4</sub><sup>-</sup>), нитритного (NO<sub>2</sub><sup>-</sup>), нитратного (NO<sub>3</sub><sup>-</sup>) и аммонийного азота (NH<sub>4</sub><sup>+</sup>) проводилось по специальным методикам<sup>1</sup>.

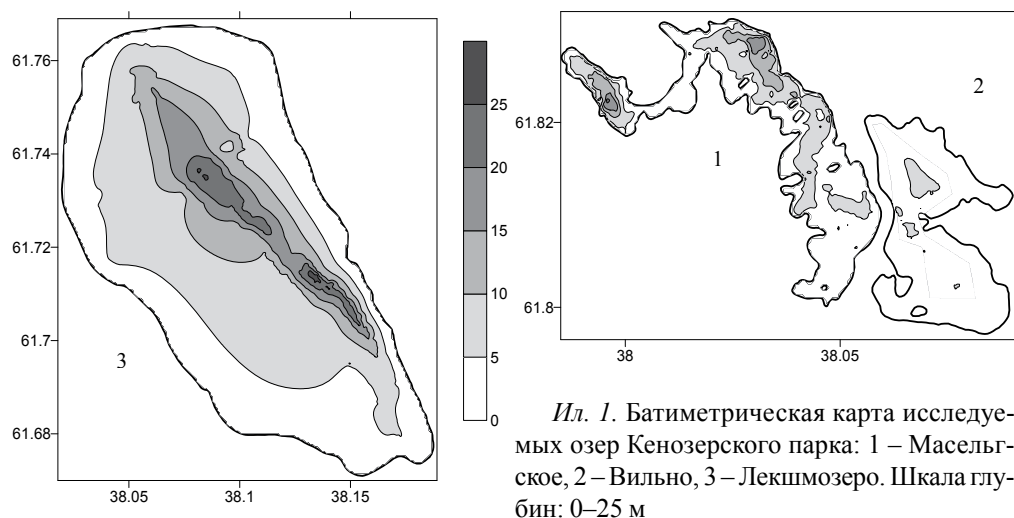
Изучена сезонная и пространственная динамика бактерио-, зоо- и фитопланктона

© Воробьева Т.Я. и др., 2012

озер. Определены численность, биомасса, обилие таксономических групп, доминирующие виды зоо- и фитопланктона исследуемых озер. Отбор проб воды для гидробиологических анализов и обработка фиксированных проб проводились по стандартным методикам<sup>2</sup>. Количественные пробы фитопланктона фиксировали раствором Люголя и концентрировали отстойным методом. Пробы зоопланктона отбирали сетью Апштейна (газ № 74) и фиксировали формалином.

Микробиологические исследования включали определение количества экологотрофических групп гетеротрофных бактерий (ГБ): эвтрофных (ЭБ) на рыбопептонном агаре (РПА), факультативно-олиготрофных (ФОБ) на среде Горбенко (РПА:10), олиготрофных (ОБ) на голодном агаре<sup>3</sup>. Определение интенсивности продукционно-деструкционных процессов проводилось стандартным методом Винберга<sup>4</sup>. Проведены также исследования количественных показателей анаэробных процессов (численность анаэробных СРБ на среде Постгейта<sup>5</sup>, интенсивность процессов сульфатредукции<sup>6</sup>, содержание метана в воде и ДО<sup>7</sup>) в озерах в сезонном аспекте.

Особенности формирования гидробиологических и гидролого-гидрохимических режимов озер обусловлены факторами, связанными с их морфометрическими и гидрографическими характеристиками<sup>8</sup>. На иллюстрации 1 представлена батиметрическая карта с глубинами.



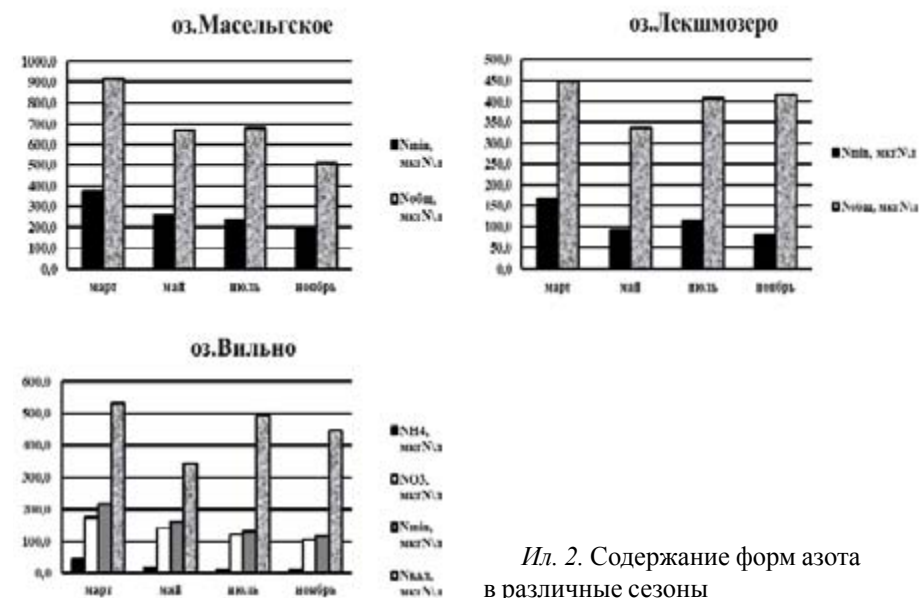
Ил. 1. Батиметрическая карта исследуемых озер Кенозерского парка: 1 – Масельгское, 2 – Вильно, 3 – Лекшмозеро. Шкала глубин: 0–25 м

Исследуемые озера являются маломинерализованными с водами, относящимися к гидрокарбонатному классу кальциевой группы. Активная реакция среды водных экосистем характеризуется в основном как нейтральная. По термическому режиму летней стратификации вод озера Масельгское и Лекшмозеро относятся к метатермическому, Пежихерье – к гипотермическому, Вильно – к эпитермическому типам. В периоды зимней и летней стагнации наблюдаются выраженные послойные не-

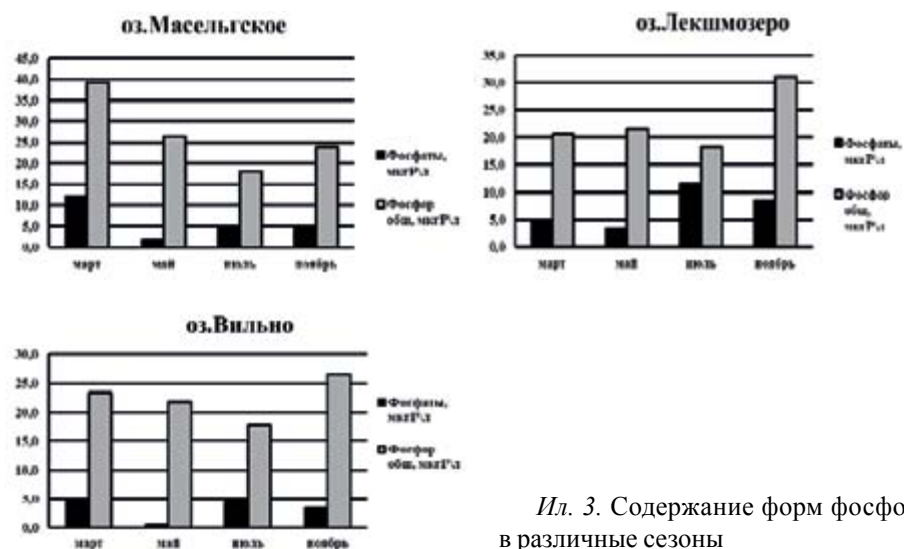
однородности в содержании растворенного кислорода на глубоководных станциях. Характер распределения гидролого-гидрохимических параметров сходен с показателями 2007–2008 годов<sup>9</sup> с небольшими вариациями. В весенний период 2009 года в озерах Лекшмозеро и Вильно отмечалось однородное распределение по вертикали гидролого-гидрохимических элементов. В глубоководной части озера Масельгского не произошло полного перемешивания водных масс до дна, в связи с чем в придонном слое наблюдался выраженный градиент гидролого-гидрохимических параметров. В осенний период 2009 года интенсивное перемешивание вод сформировало квазиоднородное распределение гидролого-гидрохимических элементов по вертикали во всех озерах.

Содержание биогенных элементов является одним из важных факторов для оценки состояния и функционирования водных экосистем. Биогенные элементы активно участвуют в биопродукционных процессах, определяют интенсивность формирования первичных продуктов и трофность водоемов. Важнейшими из них являются фосфор и азот.

Средние значения концентраций минерального и общего азота, а также фосфора представлены на иллюстрациях 2 и 3 соответственно. Средние концентрации общего азота и фосфора колеблются в пределах, характерных для мезотрофных водоемов<sup>10</sup>.



Ил. 2. Содержание форм азота в различные сезоны



Ил. 3. Содержание форм фосфора в различные сезоны

В мае и ноябре в периоды перемешивания вод в основном количественные показатели различных форм азота и фосфора выровнены по профилю глубин, кроме глубоководной части озера Масельского, где в мае сохранилась стратификация вод и характер распределения концентраций сходен с зимним и летним периодами. Характер распределения значений концентраций неорганических форм азота в водной толще в периоды стратификаций для глубоководных станций озер Масельского и Лекшмозеро представлены на иллюстрации 4. Аналогичная картина распределения по глубинам наблюдалась для соединений фосфора.

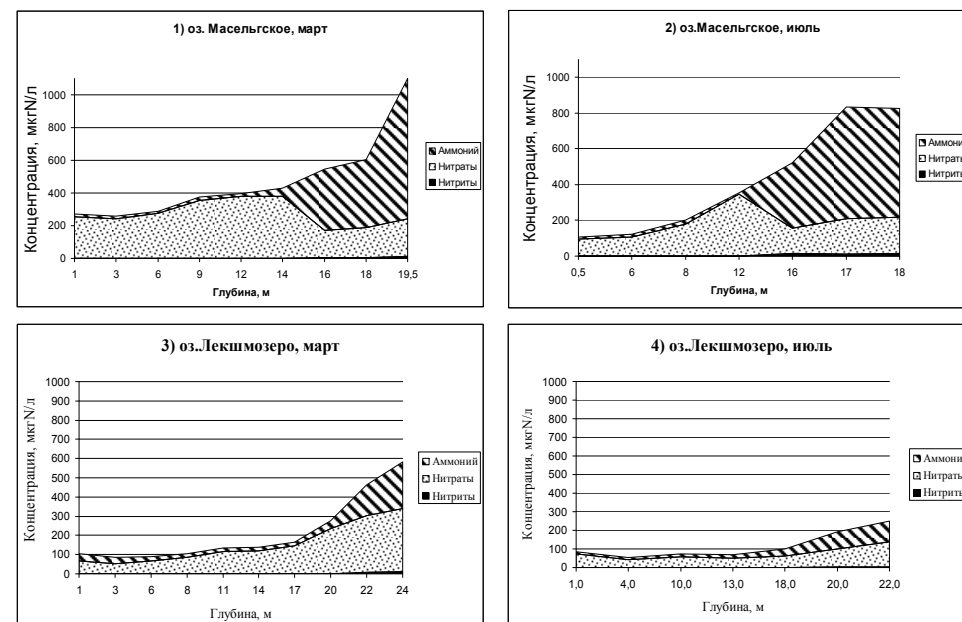
Проведенные исследования сезонной и пространственной динамики зоо- и фитопланктона исследуемых озер показали, что гидробионты представлены характерными для северо-запада видами.

Среди зоопланктона преобладают три группы организмов: коловратки, ветвистоусые и веслоногие ракообразные. Характер видового состава и количественного развития зоопланктона исследуемых озер весьма сходен. Вместе с тем, можно отметить определенные отличия в соотношении основных групп сообщества.

Зимой зооценозы имеют ярко выраженный копеподный характер, в планктонном сообществе доминируют циклопы, диатомусы, науплии и младшие копеподитные стадии. Численность и биомасса зоопланктона отличаются низкими величинами, т.к. большинство видов зоопланктонных организмов выпадает из сообщества.

В весенний период отмечается увеличение разнообразия планктонных форм. В ценозах появляются теплолюбивые виды (р.р. *Daphnia*, *Bosmina*, *Diaphanosoma*, *Thermocyclops*, *Branchionus*). В мае в составе популяции отмечалась большая численность яйценосных самок, а также молоди – как у *Copepoda*, так и у *Cladocera*. По численности преобладают копеподы (55–67% общей численности). Заметная

доля в формировании биомассы принадлежит коловраткам (24–44% общей биомассы) и веслоногим ракообразным (51–69% общей биомассы). В составе планктона отмечены организмы двух трофических уровней – мирные и хищные формы. Доля фильтраторов в ценозе составляет 90% общей численности. Характерно сосредоточение зоопланктона в поверхностном слое воды.



Ил. 4. Вертикальное распределение соотношения неорганических форм азота на глубоководных станциях в марте и июле 2009 года

Летний зоопланктон озер более разнообразен. По численности и биомассе доминируют ракообразные (копеподы и клadoцеры). Копеподы составляют более 50% общей численности планктона, на долю клadoцеры приходится 30–35% общей численности. Ведущая роль в формировании биомассы зооценозов принадлежит копеподам (до 83%). На долю клadoцеры приходится 17–63% от общей биомассы. Заметная доля в формировании биомассы принадлежит коловратке *Asplanchna priodonta*. Это крупный хищный вид, ее вклад в биомассу коловраток составляет до 95%. В Лекшмозере общая биомасса зоопланктона составляла  $900 \text{ mg/m}^3$ , в Масельском –  $300 \text{ mg/m}^3$ , в Вильно – до  $480 \text{ mg/m}^3$ . Для зооценозов характерно увеличение числа видов от весны к лету. Видовое разнообразие определяют ветвистоусые ракообразные (кladoцеры). Возрастает роль групп, добывающих пищу с поверхности субстрата (вторичных фильтраторов, вертикаторов, эврифагов, хищников, фито- и детритофагов).

Зоопланктонные сообщества имеют теснейшую физиологическую связь с фитопланктоном, оказывающую влияние на функционирование экосистемы в целом. В исследованных озерах сезонные вариации фитопланктона в основном свидетельствуют о его наибольшей активности в весенний и летний периоды. Биомасса фитопланктона в мае и июле 2009 года в фотическом слое водного столба для Лекшмозера находилась в пределах 374–1049 и 356–720 мкг/л; для озера Масельгского – 181–1003 и 394–700 мкг/л; для Вильно – 50–129 и 1106–1846 мкг/л соответственно. Но в Масельгском и в период зимней стагнации фитопланктон находился в активном состоянии, достигая биомассы в фотическом слое до 647 мкг/л; а в Лекшмозере наблюдались достаточно высокие значения (464–1839 мкг/л) в ноябре перед ледоставом. Летом доминировали по численности синезеленые водоросли (*Aphanocapsa delicatissima* W. et G.S. West); по биомассе преобладал комплекс таксонов диатомовых, криптофитовых и зеленых водорослей. Зимой в основном преобладали диатомовые, весной основной комплекс включал диатомовые и динофитовые водоросли, осенью в Лекшмозере доминировали диатомовые, а в озерах Масельгском и Вильно – диатомовые и криптофитовые.

Соотношение продукционно-деструкционных процессов служит важным интегральным показателем состояния экосистемы, количественно демонстрирующим результат взаимоотношений сообществ. Для озера Масельгского, Лекшмозера, Вильно в подледный, весенний и летний периоды 2009 года были изучены функциональные характеристики, включающие скорости образования и разложения органического вещества. Показатели продуцирования органического вещества согласуются со структурными параметрами фитопланктона. В глубоководных областях исследуемых озера, характеризующихся хорошо выраженной вертикальной стратификацией, продукционные процессы ограничены глубиной фотического слоя. С глубиной скорость образования ОВ фитопланктоном уменьшается.

Зимой в условиях подледного режима процессы первичной продукции не высоки. Они составили 6,87 мгС/м<sup>3</sup> в сутки в Масельгском и не были отмечены в мелководном Вильно. В весенний период с повышением температуры, началом активности фитопланктонного комплекса и поступлением аллохтонного органического вещества продуцирование ОВ и его деструкция существенно активизировались. Так, в озере Масельгском первичная продукция составила 39,31 мгС/м<sup>3</sup> в сутки в мае, аэробная деструкция ОВ возросла до 279,79 мгС/м<sup>3</sup> в сутки, в то время как в условиях подледного режима интенсивность процесса составила 11,29 мгС/м<sup>3</sup> в сутки. В летний период отмечено дальнейшее увеличение продуцирования ОВ. Так, в Лекшмозере первичная продукция в весенний период составила 28,61 С/м<sup>3</sup> в сутки, увеличившись до 42,84 С/м<sup>3</sup> в сутки летом. Деструкция органического вещества была максимальна в весенний период (314,75 С/м<sup>3</sup> в сутки), а в летний период интенсивность процессов разложения ОВ составила 125,89 С/м<sup>3</sup> в сутки.

Роль бактериопланктона в аэробной деструкции варьировала в пределах 22–75% в зависимости от сезона и его роли в деструкции в конкретной экосистеме. В целом

бактериопланктон проявлял деструкционную активность во всех озерах. Весной с повышением температуры воды и поступлением аллохтонного органического вещества бактериальная деструкция ОВ повышалась. Максимальная аэробная деструкция ОВ была зафиксирована в Лекшмозере. В озере Масельгском, где выражен анаэробный слой, аэробная деструкция играет незначительную роль (22–54%).

На развитие бактериопланктона в водных объектах значительно влияют пространственно-временные неоднородности процессов и явлений. Значение имеют также морфометрические характеристики водного объекта, поступление аллохтонного ОВ с водосборной площади, интенсивность водообмена и ряд других гидрологических характеристик.

Исследование количественного содержания различных эколого-трофических групп гетеротрофных бактерий в воде озера выявило их сезонную вариабельность (см. таблицу).

#### Количественные показатели гетеротрофных бактерий (2009 г.)

Сезон	Эвтрофные бактерии, КОЕ/мл	Факультативно-олиготрофные бактерии, КОЕ/мл	Олиготрофные бактерии, КОЕ/мл
Лекшмозеро			
Март	2–34	8–20	5–60
Май	530–1080	2230–6320	–
Июль	350–1080	480–1420	1430–10800
Ноябрь	330–1970	430–1430	310–1080
Озеро Масельгское			
Март	46–920	160–1230	340–1740
Май	120–290	240–630	–
Июль	40–940	270–910	220–1500
Ноябрь	250–680	480–1070	310–1070
Озеро Вильно			
Март	630–900	770–2000	1120–2670
Май	80–140	960–1150	–
Июль	50–4930	220–4480	100–6800
Ноябрь	1100–3100	1050–3070	1180–2880

Минимальные концентрации гетеротрофного бактериопланктона наблюдались в зимнюю межень в Лекшмозере, где значения численности изученных эколого-трофических групп не превышали 60 КОЕ/мл. В мае, июле и ноябре численность гетеротрофных бактерий в Лекшмозере повысилась на 1–2 порядка. Для озера Масельгского характерна минимальная вариабельность численности ГБ во все исследованные периоды. Достаточно высокие значения численности ГБ в озерах свидетельствуют об активно протекающих процессах деструкции органического вещества с участием различных эколого-трофических групп микроорганизмов.

Исследования количественных показателей анаэробных процессов показало, что в озерах Лекшмозера и Вильно вследствие достаточного содержания кислорода

по всей водной толще вклад анаэробных процессов в деструкцию органического вещества незначителен, о чем свидетельствуют низкие показатели численности сульфатредуцирующих бактерий в донных осадках этих озер (0–10 кл/мл) и высокие концентрации метана (5,56–25,71 мкл/л, 0,34–1,69 мкл/л, 2,33–7,4 мкл/л соответственно)<sup>11</sup>. В донных осадках глубоководных районов озера Масельгского активно протекают процессы анаэробной деградациии ОВ (сульфатредукция и метаногенез), которые обусловлены главным образом внутриводоемными процессами. Здесь наблюдались наибольшие среди исследованных озер концентрации СРБ (10–10000 кл/мл), высокая интенсивность сульфатредукции (0,34–1,82 мгS/дм<sup>3</sup>сут)<sup>12</sup>. Максимальные концентрации метана и наибольшая амплитуда колебаний значений его содержания наблюдались также в озере Масельгском (0,42–4414 мкл/л). Резкое снижение концентрации метана (до 0,42–0,88 мкл/л) в слоях воды с 14–15 м свидетельствует о присутствии в этих слоях мощного бактериального метанотрофного фильтра, который препятствует выходу метана в атмосферу. Однако при достижении критической концентрации осуществляется выброс метана в атмосферу путем диффузии и вскипания<sup>13</sup>. По наблюдениям местных жителей, на озере периодически наблюдаются выходы пузырей газа.

Таким образом, изучение пространственно-временной динамики качественных и количественных характеристик планктонных сообществ и содержания основных биогенных веществ ( $P_{\text{общ}}$  и  $N_{\text{общ}}$ ) показало, что экологическое состояние озер Масельгского, Вильно, Лекшмозеро можно оценить как устойчивое. Гидробионты находятся в активном состоянии, реагируя на изменения биотических и абиотических условий, тем самым поддерживая экосистемы в состоянии экологического равновесия. В исследуемых озерах активно идут аэробные и анаэробные деструкционные процессы, способствующие самоочищению вод. Коэффициент соотношения интенсивности образования первичной продукции ОВ к его аэробной деструкции ( $\Sigma A / \Sigma R$ ) составил менее 1 (варьировал в зависимости от сезона в пределах 0,1–0,9), что позволяет говорить о том, что экосистемы находятся в относительно стабильном состоянии. В то же время, существует потенциальная уязвимость экосистем озер к возможным внешним воздействиям, обусловленная невысокой буферной емкостью вод.

### Примечания

<sup>1</sup>Руководство по химическому анализу морских и пресных вод при экологическом мониторинге рыбохозяйственных водоемов и перспективных для промысла районов Мирового океана. М.: Изд-во ВНИРО, 2003. 202 с.; Методика выполнения измерений массовой концентрации нитрат-ионов в природных и сточных водах фотометрическим методом с салициловой кислотой. ПНД Ф 14.1:2.2.4-95. М.: Изд-во Гос. комитета РФ по охране окружающей среды, 1995. 15 с.

<sup>2</sup>Руководство по гидробиологическому мониторингу пресноводных экосистем / под ред. В.А. Абакумова. СПб.: Гидрометеиздат, 1992. 318 с.

<sup>3</sup>Кузнецов С.И., Дубинина Г.А. Методы изучения водных микроорганизмов. М.: Наука, 1989. 285 с.

<sup>4</sup>Винберг Г.Г. Первичная продукция водоемов. Минск, 1960. 329 с.

<sup>5</sup>Postgate J.R. The sulphate reducing bacteria. Cambridge University Press, 1984. 208 p.

<sup>6</sup>Гальченко В.Ф. Сульфатредукция, метанобразование и метаноокисление в различных водоемах оазиса Бангер Хиллс, Антарктида // Микробиология. 1994. Т. 63, вып. 4. С. 683–698.

<sup>7</sup>Кузнецов С.И., Дубинина Г.А. Указ. соч.

<sup>8</sup>Гидролого-гидрохимические исследования озер Масельгское и Вильно (Кенозерский национальный парк) / Т.Я. Воробьева и др. // Проблемы региональной экологии. 2009. № 6. С. 57–61; Современное экологическое состояние озер южной части Кенозерского национального парка / Т.Я. Воробьева и др. // Кенозерские чтения – 2009. Этнокультурный ландшафт Кенозерья: междисциплинарное исследование на пересечении естественных и гуманитарных наук: сб. материалов IV Всероссийской научно-практической конференции. Архангельск, 2011. С. 104–114.

<sup>9</sup>Там же.

<sup>10</sup>Шитиков В.К., Розенберг Г.С., Зинченко Т.Д. Количественная гидроэкология. Тольятти: ИЭВБ РАН, 2003. 463 с.

<sup>11</sup>Seasonal changes of methane concentration in boreal lakes of NW Russia / S. Zabelina et al. // Geophysical Research Abstracts: EGU General Assembly. 2010. Vol. 12, EGU2010-3677-2.

<sup>12</sup>Сезонные биогеохимические и микробиологические исследования малых озер таежной зоны Северо-Запада России (Архангельская область) / Н.М. Корякская и др. // Водные ресурсы. 2012. Т. 39, № 1. С. 78–91.

<sup>13</sup>Strayer R.F., Tiedje J.M. In situ methane production in a small, hypereutrophic, hard-water lake: Loss of methane from sediments by vertical diffusion and ebullition // Limnol. Oceanogr. 1978. V. 23 (6). P. 1201–1206.

Ю.Л. Грейдинг  
(г. Москва)

## Кенозерье 1968 года

Каждое человеческое поселение имеет право на свою легенду. А уж национальный парк без своей легенды и представить невозможно. И хотя то, что я вам расскажу, подтверждается фотографиями, прошу считать мой рассказ вкладом в легенду о Кенозерье.

В июле 1968 года, уже после многих поездок на Русский Север, я поехал в отпуск с женой на Кенозеро, о котором нам уши прожужжали наши друзья-фольклористы. Озеро произвело впечатление. Тут постигаешь саму суть сказочной русской природы. Побывать тут – как погрузиться в глубины ее души, строгой, не улыбочливой, с редкими проблесками солнца. Жителей на Кенозере было немного и раньше, а уж после коллективизации да войны заброшенных деревень оказалось больше, чем жилых. Но деревянные церкви, часовни, избы с резьбой еще стояли.

Походили. Поплавали на лодках. Посмотрели. Поразговаривали с людьми. Нашли и человека, который знал былинку. К сожалению, это был, как усмеваются фольклористы, «и-сказитель»: нам он с ошибками декламировал былинку про Илью Муромца из хрестоматии для четвертого класса.

Видели кое-какие иконы, но их осталось мало. Говорят, тут два года хозяйничал какой-то лихой человек из Ростова-на-Дону, который отправлял иконы домой контейнерами. Глядя на опустошенные церкви, я даже вынашивал планы разыскать этого мерзавца и... А что можно было сделать? Органам донести? Тем самым, которые разорили церквей больше, чем все скупщики и грабители, вместе взятые? Общественности пожаловаться? С одним представителем местной деревенской общины, красивым парнем лет девятнадцати, мы-таки пообщались. Признав в нас москвичей, он задал нам простой житейский вопрос: «Как устроиться в КГБ?» В сообразительности ему не откажешь. Кажется, он оказался единственным человеком, который нарушал гармонию бытия в такой замечательной природной среде.

Свои фотографии из той поездки я передал Кенозерскому национальному парку. Деревянная архитектура, пейзажи (слава Богу и дирекции парка) с тех пор изменились мало. Думаю, закаты на Кенозере и сейчас не менее сказочны, чем мой «закат в Ряпусове». В Зехнове даже ель рядом с часовней не слишком выросла. Часовня Параскевы Пятницы в Тырышкине сейчас отреставрирована и выглядит гораздо лучше, чем на моем слайде. Священная роща там была ну точно такой же, если не обращать внимания на сваленную сейчас в ней старую обшивку часовни (конечно же, согласно обычаю, ее нельзя ни сжечь, ни пустить снова в дело). Точно так же стояла на опушке придорожная часовня. Только тогда ее упавший крест был при-

© Грейдинг Ю.Л., 2012

слонен к стене, и нет теперь рядом корневищ огромных деревьев. Интересней взглянуть на бывшие тогда обитаемыми Тарасово и другие деревни, окруженные оградями-«косяками» – то ли чтобы скот не разбежался, то ли чтобы лесные звери его не ели. Порженский погост выглядел примерно так же, как и сейчас. Жаль только, что нет сейчас в Порженском его жителя – хозяйственного Степана Васильевича Курмина (ил. 1, здесь и далее фото автора), и нет вот этого коня и этой эскадры домов-кораблей, первозданных домов-ковчегов, каждый из которых мог бы вместить всю нашу конференцию, да еще каждой твари – по паре (ил. 2).

Конечно же, самым захватывающим для нас было знакомство с обитателями Кенозера: тогда это был настоящий заповедник, заповедник духа. Это были люди, никогда не знавшие, что такое рабство, крепостная зависимость. Даже колхозы их не слишком донимали: население разбросано по маленьким деревням, бескрайних полей тут нет, начальство в такие дали не часто заглядывало. В жителях этого края мы увидели людей свободных в самом высоком понимании этого слова. Думаю, поэтому они были такими внимательными, отзывчивыми, доброжелательными. Мы старались не упустить возможности побыть с теми, кто жил в этих красивых домах, молился в часовнях, ставил поклонные кресты.

В Интернете можно сейчас почитать описания, сделанные туристами, такого примерно содержания: «Мамонов остров весь покрыт лесом, и только в одной его части он странно оголен, что позволяет предположить, что здесь была деревня». А на моих слайдах – вот она, эта деревня (ил. 3), вот ее главный обитатель Николай Филиппович Ножкин со своей Клавдией Ефимовной (ил. 4). Тут он – благообразный крепкий старец с белой бородой, закрывающей всю грудь, добровольный хранитель часовни Ильи Пророка, а уже через несколько лет он, согласно уже сформировавшейся здесь легенде, умер от огорчения, не снеся ее переноса в Малые Корелы под Архангельск. Вот и его часовня *in situ*, т.е. на своем исконном месте, живая, даже украшенная молоденькой березкой к Троицыну дню, которая к июлю успела подсохнуть (ил. 5).

Есть на моих кадрах и другие кенозерцы – в большинстве своем люди доброжелательные, абсолютно открытые и свободные. Вот незабываемая Анна Ивановна Бутина (ил. 6), которая догнала нас на дороге из Шлепиной в Тарасово. Попросились к ней переночевать на поветь: «У нас и одеяла есть», но она привела нас в горницу, сказала: «Вот здесь и повалитесь». Тут же к ней пришли подруги, звали то ли по грибы, то ли по ягоды, но Анна Ивановна твердо отказалась: «У меня гости, из Москвы». Наутро она выговаривала нам, пытавшимся заплатить ей за гостеприимство: «Это, может, на том берегу берут за постой, а на нашем – никогда!» Вот жители Поромского острова (ил. 7), с которого в то лето можно было дойти до твердой земли чуть не посуху. Снимал я и молодежь в Першлахте (ил. 8, 9).

Наши отпуска заканчивались, уже надо было подбираться поближе к железной дороге. Вот и последнее селение у истока Кены. Посреди неухоженного скверика – странная бревенчатая будка с болтающейся на петлях дверью. Заглянули внутрь.



Пусто. Только к стене прислонена большая икона Спаса в силах. Моя Лиля, тогда самый молодой сотрудник Музея имени Андрея Рублева, пригляделась (ил. 10). Сразу видно, что такой иконе место – в музее. Стали выспрашивать, откуда она здесь появилась. Никто не помнит. Только слабый намек: «Может, из Коровина привезли». Лилия переправилась на другой берег Кены. Обрато приплыла с ребятишками в полузатопленной лодке, держа охапку икон на весу – положить было некуда. Нашла она их на повети избы. Отдали с радостью: самим не нужно, а тут говорят, что в музее выставят. Купили яиц, заклеили осыпавшиеся места желтками и папиросной бумагой. Местный колхоз отнесся с пониманием к нуждам московского музея и выделил для упаковки рубленые мешки. Рубленые буквально, топором, для того, чтобы с полным правом списать их. Тут же оказалось и почтовое отделение, поэтому мы начали отправлять иконы посылками.

Мне же пришлось везти первую из обнаруженных, самую тяжелую икону: почта такой груз не принимала, да и страшно доверить его этому учреждению. Укутали икону в оба наших одеяла, перевязали веревкой, и я тронулся в путь. Лесовоз, потом просто грузовик, потом бесплацкартный комфорт третьей полки. Попутчики сразу догадывались, что это я зеркало везу, раз так берегу свой груз, только все удивлялись, зачем его в Москву переть. Через двое суток я уже разворачивал одеяла перед работниками музея. А Лилия еще неделю отправляла иконы с почты, зашивая рубленые мешки и слушая, как телефонистка пытается докричаться до областного центра: «Архангэльск, Архангэльск!»).

*М.С. Гусева  
(Архангельская обл.)*

### **Социально-экономическое положение деревень Почезерского прихода конца XIX – начала XX века (по материалам Статистического бюро Олонецкого губернского земства)**

В рамках дизайн-проекта по устройству экспозиции «Почезерский погост: история, архитектура, приход» Кенозерского национального парка уже некоторое время проводятся поиски полевых и архивных материалов для восстановления исторического облика Почезерского погоста. В частности, по приходу очень активно велись полевые работы в форме опроса местных жителей. Результаты опросов представлены в виде статей в сборнике материалов IV Всероссийской научно-практической конференции «Кенозерские чтения – 2009. Этнокультурный ландшафт Кенозерья: междисциплинарное исследование на пересечении естественных и гуманитарных наук» (Архангэльск, 2011), а также в сборнике материалов XI Каргопольской научной конференции «Культура Поонежья X–XXI веков: общерусские черты и региональные особенности» (Каргополь, 2011). Статьи освещают жизнь прихода в «колхозный» период истории (1920–1930-е гг.). В это время приход находился уже в удручающем состоянии – церкви закрыты, но духовная жизнь еще теплилась.

В 2011 году было проведено исследование фондов Национального архива Республики Карелия (НАРК). В результате обследования удалось выявить материалы Статистического бюро Олонецкого губернского земства (далее – Статкомитет ОГЗ) по деревням, составлявшим Почезерский приход (данные за 1897–1905 гг.).

Из Клировых ведомостей Олонецкого епархиального управления известно, что в конце XIX века в приход входило 23 деревни: Филипповская, Доронежская, Строева Горка, Дедова Горка, Коковиченская, Будылгино, Потеряевская, Суетин Остров, Усть-Поча, Осташевская, Свиное, Першинская, Ларионовская, Пехтусовская, Медведовская, Борисовская, Козминская, Преснецевская, Кипозерская, Вонанское Озеро, Большая Сондола, Малая Сондола, Шипечное Озеро. Численность прихода составляла почти полторы тысячи жителей (в 1883 г. – 1428 чел.; в 1890 г. – 1425 чел.)<sup>1</sup>. Судя по материалам Статкомитета ОГЗ, некоторые деревни имели выселки: Суетин Остров – выселок Суетина Мыза, Кипозеро – выселок Пескозеро<sup>2</sup>.

Центром прихода была деревня Филипповская, где располагалась приходская церковь Происхождения Честных Древ Животворящего Креста Господня (Спасская церковь). Однако, волостное правление в 1881 году было переведено в деревню Кузьминка<sup>3</sup>. В этот период (данные за 1883 г.) население Кузьминки составляет 155 душ (76 мужчин и 79 женщин)<sup>4</sup>.

В начале XX века в деревне помимо волостного правления имелись церковно-приходская школа и две кузницы. Водная мельница, пожарный сарай и пожарная

© Гусева М.С., 2012

машина были рассчитаны и на деревню Борисовская. Видимо, она составляла единое целое с Кузьминкой, поскольку в документах расстояние между деревнями указано «0 верст»<sup>5</sup>. В Борисовской имелись также земская школа, хлебный магазин и две бакалейные лавки<sup>6</sup>. Что касается населения, то в 1883 году она насчитывала 83 души (36 мужчин и 47 женщин)<sup>7</sup>.

В целом структура почезерских деревень была не велика: часовня (кроме деревень Дедова Горка, Доронежское, Вонанское Озеро), мельница (одна на несколько селений), школа, лавки и магазин (в больших деревнях). Больница и доктор находились за 80 верст (84,8 км) – в Бережной Дуброве, зато в Строевой Горке жила акушерка, а в Доронежской был фельдшерский пункт (в некоторых документах фельдшерский пункт указан в деревне Коковиченской, там же – местожительство акушерки)<sup>8</sup>.

Жили крестьяне в двухэтажных и одноэтажных домах на одну-две половины. При этом не редкость – дома, которые отапливались по-черному. Они встречались в каждой деревне, а в деревне Подберезка (соседняя с Усть-Почей) из 5 дворов 4 отапливались по-черному<sup>9</sup>.

При доме имелись сени, двор (иногда двор с сараем), хлевы (от двух до трех), амбар, баня, овин. Встречаются, в частности в Кузьминке, погреба и колодцы. Амбары были, но не в каждом доме. Все постройки – без фундамента, покрыты тесом<sup>10</sup>.

Дома располагались на усадьбах. Под усадьбами на Руси понимались не только дома с прилегающими постройками, но и участок земли при доме<sup>11</sup>. Землю под усадьбу отводили от пахотной земли, и такая земля переделу не подлежала, а переходила по наследству<sup>12</sup>. В деревне Будылгино «при каждом доме есть небольшие огородцы»<sup>13</sup>.

В хозяйстве имелись сохи, самодельные бороны, навозные телеги двухколейные, сани, дровни (до двух), хомуты, шлеи, уздечки, седелки, вожжи, дуги, кнуты, косы, лопаты железные и деревянные, серпы, грабли, вилы сенные и навозные, цепы, топоры, пилы<sup>14</sup>.

Настоящее же богатство крестьянина – пахотная земля – подлежала переделу по душам мужского пола. Передел пахотной земли происходил один раз в 10–15 лет. При переделе учитывали «как качество почвы, так и удобство пользования»<sup>15</sup>. В Кузьминке (волостной центр) при переделе во внимание брали только количество душ, но не качество почвы, дальность расстояния и удобство пользования. При этом «кто свои полосы запустил, тому при переделе их опять и наделяли»<sup>16</sup>. В дальних деревнях (Кипозеро) земля вообще не переделялась. «Владеют ей – кто, сколько сможет обработать»; такая земля, как и усадебная, переходила по наследству от отца к сыновьям, «которые делят ей между собой поровну»<sup>17</sup>. В деревне Вонангское передел произошел более 60 лет тому назад (примерно в 1840-х гг.), «после переделов не бывало»<sup>18</sup>. Если деревни располагались рядом, то в пашнях и сенокосах существовала чересполосица с общим проходом (например, деревни Филипповская и Доронежская, Будылгино и Потеряева и др.). «Споров не встречается», – как сказано

в документах<sup>19</sup>. Приписным крестьянам выделялся надел в пашенной душевой земле с правом расчистки пахоты и покосов в подсечном наделе. Налог и повинности приписные крестьяне исполняли наряду с коренными<sup>20</sup>.

На полях сеяли рожь, овес, ячмень, картофель. При этом шло чередование хлебов: рожь, овес, пар или ячмень, овес, ячмень, пар<sup>21</sup>. Совсем небольшие участки в поле отводили под лен и коноплю. Их предпочитали сеять на подсеках. Пахать и сажать начинали в мае (лен, затем картофель), заканчивали в середине июня (хлеб). Пахали и сеяли мужчины, борошили и собирали урожай женщины. Рабочий день в поле составлял в среднем 10 часов<sup>22</sup>.

Поскольку почва была в основном скудная (глина, суглинок, песок), то урожай оставлял желать лучшего. Несмотря на то, что почву удобряли навозом (в его состав входила солома, хвоя и мох, которые, видимо, стелили под ноги животным<sup>23</sup>) это приносило мало пользы. В деревне Филипповской крестьяне объясняли, что «поля плохи, т.к. требуют сильного удобрения и обработки, земля тяжелая»<sup>24</sup>. В Кузьминке, где почву составлял красный песок, «поля очень бояться засух, скоро выгорает хлеб»<sup>25</sup>, поэтому хлебных запасов едва хватало до нового урожая, семена на новый урожай приходилось покупать. Хлеб на семена «покупают больше на Кенозерском погосте у Нечаева Вершининской волости, а часто берут и у своих торговцев – Попова в д. Доронежской и Новожилова д. Будылгиной»<sup>26</sup>, а также на ярмарке, которая проводилась на Кенозерском погосте 25 марта, и в волостном центре – Кузьминке. В 1903–1905 годах цены на продукты сельского хозяйства в среднем были такими: рожь, мука – 1 рубль 30 копеек, овес – от 90 копеек до 1 рубля, ячмень – 1 рубль, картофель – 35 копеек, семена льна – 10 копеек, солома ржи (20 пучков) – 2 рубля, сено (10 копен) – 2 рубля<sup>27</sup>.

Настоящим бедствием для почезерских крестьян был холодный и дождливый 1904 год. Тогда во всех деревнях уродился «пьяный хлеб» – хлеб забродил на корню<sup>28</sup>. Помимо этого, в 1900 году в деревне Борисовской хлеб поел «озимой червь», а в 1905-м в Кузьминке все вымерзло в холода<sup>29</sup>.

Сенокосные угодья также подлежали переделу. Делили либо по ревизским душам, либо по дворам. Сенокосы были заливные, суходольные и болотистые. Уборка сена производилась в течение 6–10 дней. Продолжительность рабочего дня составляла 12 часов. С десятины заливного покоса получали 60 пудов, с болотистого – 40 пудов<sup>30</sup>.

Подсечные наделы устраивались в лесу. В первый год производилась рубка леса (весной или в первых числах июня), на второй год – вывозка дров, выжигание и уборка<sup>31</sup>. В тот же год сеют репу или лен и затем забрасывают на 25–30 лет, как это было в Филипповской, или на 15 лет, как в Кипозере. Подсечные земли переделу не подлежали. Расчистки для пахоты и покосов были свободными: «кто где хочет и в каком угодно размере»<sup>32</sup>.

Лесными наделами крестьяне не пользовались, поэтому в архивах сохранились записи о том, что они «цены на лесной материал не знают»<sup>33</sup>, т.к. «лес никогда не продавали» (д. Борисовская), «случаев продажи леса не было» (д. Кузьминка)<sup>34</sup>. Все

необходимое для хозяйства брали с подсечного надела. Сбор грибов, ягод и охота на зверя и дичь в своем наделе происходили свободно. Для охоты в казенных дачах брали билеты<sup>35</sup>.

Ловля рыбы в своих озерах была не ограничена, однако для жителей Почезерской волости запрещалось рыболовство в озерах Колдозеро, Торосозеро, Токшезеро, принадлежавших Александро-Ошевенскому монастырю, а «монастырь ловить не дает»<sup>36</sup>.

Для скота чистого выгона не было. Он пасся в лесах за недюшевыми пожнями с 9 мая до 14 сентября с пастухом<sup>37</sup>, после ходил в полях вплоть до выпадения снега (д. Филипповская, Кузьминка)<sup>38</sup>. В Кипозере скот пасся до первых чисел октября. Выгоном пользовались без всяких ограничений. «Скот ходит, где вздумается, правильного чередования урочищами выгона не бывает. Ходит скот до 5-7 верст <...> Скота мало, а места для пастбы достаточно» (д. Филипповская)<sup>39</sup>. «Пастбища неудобны, т.к. травы плохи и скот утомляет себя ходьбой» (д. Кузьминка)<sup>40</sup>. Пастух нанимался в деревнях Филипповской и Кузьминке (в центрах). В Филипповской платили 50 копеек с коровы и 25 копеек с нетели. Кроме того, «каждый содержит и одевает его (пастуха. – М.Г.) столько дней, сколько имеет коров. В Петров день и 15 сентября пастуха дает каждый масла, хлеба, яиц, шерсти и льняного волокна». Число чередов – 40, черед равен одной корове<sup>41</sup>. В Кузьминке с коровы платили 30 копеек, с нетели – половину. «Харчи и одежда – с крестьян»<sup>42</sup>. В дальних небольших деревнях (Кипозеро) скот пасся без пастуха<sup>43</sup>. Бык был один на деревню, им пользовались бесплатно. Скот ночевал дома, доили коров два раза: утром и вечером<sup>44</sup>. Подкармливали животных в Филипповской «во время моров, когда скот тревожат овода и мухи»<sup>45</sup>, а в Кипозере во время пахоты подкармливали лошадей<sup>46</sup>. В деревне Строева Горка «во время оводов недели две гоняется на пастбище по ночам»<sup>47</sup>.

В документах несколько разделов под названием «расходы вне сельскохозяйственной жизни», «харчи», «одежда» занимало описание бытовых расходов крестьянских хозяйств.

Главная статья расходов – чай и сахар. На них в год (?) уходило от 5 до 50 рублей. Затем шла водка – от 40 копеек до 25 рублей. Керосин, спички – от 50 копеек до 7 рублей, свечи, масло – от 10 копеек до 3 рублей, пастба – от 35 копеек до 2 рублей. Церковь – от 15 копеек до 1,5 рублей, при этом крестины обходились от 40 копеек до 1,5 рублей, свадьба – 16 рублей (в д. Вонангское), похороны – от 25 копеек до 1 рубля. Если брать по деревням, то чем больше была деревня, чем состоятельнее в ней были жители, тем затрат в каждом хозяйстве оказывалось больше. Так, по всем указанным пунктам наибольшие затраты были зафиксированы в деревнях Кузьминка и Борисовская, затем Вонангское, Кипозеро, Филипповская и т.д. На обучение тратились лишь в Кузьминке (50 коп.), Борисовской (3 руб.) и Вонангском (2 пуда хлеба). Практически не было затрат на лечение (лишь в Борисовской в одном доме указаны затраты на лечение 15 коп./руб.(?)). Бумагу и табак предпочитали покупать жители Дедовой Горки (80 коп.), Строевой Горки (2 руб.) и Пескозера (50 коп.)<sup>48</sup>.

Ту же тенденцию можно проследить в питании и одежде: чем состоятельнее хозяйство, тем лучше пища и одежда. На завтрак употребляли в основном хлеб и молоко, иногда блины. В пост завтрак состоял из рыбы и хлеба либо из хлеба и кваса (летом). На обед – молоко, хлеб, рыба (уха). В некоторых домах варили и кашу. В пост обед состоял из рыбы и хлеба, иногда еще кваса (Кипозеро). Осенью и, если хватало, зимой на завтрак и обед добавляли картофель. Полдник, или, как его называли, паужин, ничем не отличался от завтрака, а ужин от обеда, но он был без картофеля даже осенью. Чай могли пить 2 раза в день, а могли 1 раз и не каждый день. Кофе пили лишь в Борисовской по воскресеньям и в Кипозере по праздникам<sup>49</sup>. Пескозеро – «пища круглый год одинакова». Завтрака и полдника не было. Обед, ужин состояли из хлеба и рыбы. Чай, кофе «пьют не каждый день»<sup>50</sup>.

Одежда (данные по д. Кузьминка) состояла из мужской кожаной обуви, женской кожаной обуви, валяной обуви, рукавиц, шуб, кафтанов, рубашек, штанов, платьев, сарафанов, шапок, фуражек, платков, фартуков. Количество и стоимость были разные. Так, валенки стоили от 2 до 5 рублей, кожаная обувь – 2, 3 и 6 рублей, фуражки – 30, 60 и 70 копеек, шапки – от 60 копеек до 2 рублей. Штаны, сарафаны и платья стоили по 1 рублю (платья могли быть дороже – 1,5 руб., а штаны можно было приобрести и за 60 коп.). Самыми дешевыми были рукавицы, фартуки и платки (от 25 коп. до 3 руб.). Самой дорогой вещью была одна из шуб в доме № 27 – 21 рубль, средняя же цена шубы – 9 рублей<sup>51</sup>. Подушки были и по 1 рублю, и по 4 рубля, перины стоили от 2 до 4 рублей.

Из стихийных бедствий помимо «пьяного хлеба» 1904 года нужно еще отметить тот факт, что приблизительно в 1900–1901 годах в деревне Будылгино случился пожар. В результате осталось 4 дома, 6 домов были распланированы на старом и на новом месте (на полевой земле)<sup>52</sup>.

Рассмотрев статистические материалы, можно сделать вывод о том, что к концу XIX – началу XX века на Почезере сложилась, а затем сохранялась традиционная сельскохозяйственная земельная община. Крестьяне полностью обеспечивали себя продуктами, но, вместе с тем, натуральный обмен уступил место рыночным отношениям. Свидетельством общины является ее характерная черта – периодические подушевые переделы плодородной земли в Почезерской округе. Закономерным было существование подсечного земледелия, т.к. плодородной земли было мало. Видимо, экономя землю, не устраивали специальных выгонов для скота. Примечательно бережливое отношение к лесу, ведь весь необходимый стройматериал или дрова брали с подсек, а лес использовали для сбора грибов, ягод и для охоты. Некоторые ограничения были в рыбной ловле, но все-таки эти ограничения были не существенны, поскольку крестьяне круглый год обеспечивали себя рыбой, которая после хлеба была вторым продуктом питания в этой местности. Помимо хлеба и рыбы в пищу употреблялись молоко и каши. Не редкость для жителей были чай и кофе, но в целом питание можно назвать скудным, поскольку даже хлеба не хватало до нового урожая, не говоря уже о картофеле, который в рационе появлялся лишь

осенью.

Свидетельством развития товарно-денежных отношений на территории является наличие двух бакалейных лавок в деревне Борисовской, торговцев в Доронежской и Будылгиной, а также упоминаемая в документах ярмарка, проводившаяся на Кенозере 25 марта. Данные торговые пункты кроме зерна обеспечивали население промышленными и мануфактурными товарами, которые в обилии были в каждом хозяйстве.

Таким образом, представленные материалы Статистического комитета Олонецкого губернского земства в значительной мере расширяют картину о приходе, отражая социально-экономическое положение крестьян, составлявших Почезерский приход.

### Примечания

<sup>1</sup>Ведомость о церкви... за 1890 год // Национальный архив Республики Карелия (далее НАРК). Ф. 501. Оп. 1. Д. 1/8. Л. 30 об.; Ведомость о церкви... за 1883 год // Там же. Д. 1/7. Л. 28 об.

<sup>2</sup>НАРК. Ф. 27. Оп. 2. Д. 720. Л. 1 об.; Д. 619. Л. 1 об.

<sup>3</sup>Там же. Ф. 215. Д. 790.

<sup>4</sup>Ведомость о церкви... за 1883 год // НАРК. Ф. 501. Оп. 1. Д. 1/7. Л. 28 об.

<sup>5</sup>НАРК. Ф. 27. Оп. 2. Д. 704. Л. 1.

<sup>6</sup>Там же. Д. 686. Л. 1.

<sup>7</sup>Ведомость о церкви... за 1883 год // НАРК. Ф. 501. Оп. 1. Д. 1/7. Л. 28 об.

<sup>8</sup>НАРК. Ф. 27. Оп. 2. Д. 729. Л. 1.

<sup>9</sup>Там же.

<sup>10</sup>Там же. Д. 619, 699, 725, 704 и др.

<sup>11</sup>Словарь Ожегова. URL: <http://lib.deport.ru/slovar/ojegov/u/usadba.html>

<sup>12</sup>НАРК. Ф. 27. Оп. 2. Д. 619, 699, 725, 704 и др.

<sup>13</sup>Там же. Д. 699. Л. 2.

<sup>14</sup>Там же. Д. 619, 699, 725, 704 и др.

<sup>15</sup>Там же. Д. 699. Л. 2; Д. 725. Л. 2.

<sup>16</sup>Там же. Д. 704. Л. 2.

<sup>17</sup>Там же. Д. 619. Л. 1 об.

<sup>18</sup>Там же. Д. 672. Л. 2.

<sup>19</sup>Там же. Д. 725. Л. 1 об.

<sup>20</sup>Там же. Л. 2.

<sup>21</sup>Там же. Л. 5.

<sup>22</sup>Там же. Д. 619, 699, 725, 704 и др.

<sup>23</sup>Там же.

<sup>24</sup>Там же. Д. 725. Л. 3.

<sup>25</sup>Там же. Д. 704. Л. 3.

<sup>26</sup>Там же. Д. 725. Л. 3 об.

<sup>27</sup>Там же. Д. 619, 725, 704 и др.

<sup>28</sup>Там же. Д. 619, 699, 725, 704 и др.

<sup>29</sup>Там же. Д. 686. Л. 11 об.; Д. 704. Л. 11 об.

<sup>30</sup>Там же. Д. 619, 699, 725, 704 и др.

<sup>31</sup>Там же. Д. 725. Л. 9 об.

<sup>32</sup>Там же. Л. 2 об.

<sup>33</sup>Там же. Д. 619, 699, 725, 704 и др.

<sup>34</sup>Там же. Д. 686. Л. 17 об.; Д. 704. Л. 17 об.

<sup>35</sup>Там же. Д. 619, 699, 725, 704 и др.

<sup>36</sup>Там же. Д. 704. Л. 12 об.

<sup>37</sup>Там же. Д. 619, 699, 725, 704 и др.

<sup>38</sup>Там же. Д. 725. Л. 14; Д. 704. Л. 14.

<sup>39</sup>Там же. Д. 725. Л. 15 об.

<sup>40</sup>Там же. Д. 704. Л. 15 об.

<sup>41</sup>Там же. Д. 725. Л. 14.

<sup>42</sup>Там же. Д. 704. Л. 14.

<sup>43</sup>Там же. Д. 619. Л. 14.

<sup>44</sup>Там же. Д. 619, 699, 725, 704 и др.

<sup>45</sup>Там же. Д. 725. Л. 14.

<sup>46</sup>Там же. Д. 619. Л. 14.

<sup>47</sup>Там же. Д. 673. Л. 14.

<sup>48</sup>Там же. Д. 619, 672, 686, 725, 704 и др.

<sup>49</sup>Там же. Д. 619. Л. 20, 21 об.; Д. 686. Л. 20, 21 об.; Д. 704. Л. 20, 21 об.

<sup>50</sup>Там же. Д. 675. Л. 20, 21 об.

<sup>51</sup>Там же. Д. 704. Л. 21 об.

<sup>52</sup>Там же. Д. 699. Л. 2.

Л.М. Евсеева  
(г. Москва)

### Вновь раскрытые иконы из иконостаса Преображенской церкви Пахомиева Кенского монастыря

Пахомиев Кенский монастырь, основанный в конце XV века или начале XVI века на левом берегу реки Кены, в 4 километрах от Кенозера, являлся на протяжении XVI–XVIII веков духовным центром Кенозерья<sup>1</sup>. Однако в 1764 году решением Синода монастырь упраздняют, а монастырская соборная церковь становится приходской. В 1800 году, как считалось, монастырский комплекс полностью выгорел, и в 1804 году начинается строительство каменной церкви, освященной в 1842 году в честь Преображения Господня. В 1867 году на денежный вклад каргопольской купчихи Насоновой в церкви был перестроен иконостас<sup>2</sup>. В 1950-х годах приходская церковь была закрыта, а вскоре и полностью разрушена. Считалось, что ни из этой церкви XIX века, ни тем более из более древних монастырских храмов на месте не сохранилось никаких памятников.

В 1968 году во время поездки на Кенозеро мною были обнаружены и вывезены в Музей имени Андрея Рублева 12 икон, происходящих из этой церкви и сохранившихся местными жителями. Живопись икон была переписана в XIX веке, но все они оказались древними и первоначально принадлежали, по моему мнению, иконостасу Преображенской церкви Кенского Пахомиева монастыря. Сохранилось 5 икон деисусного ряда, 6 икон пророческого и одна, «Распятие», из местного ряда. В предыдущей статье, посвященной этому ансамблю<sup>3</sup>, я датировала его концом XVI века, ориентируясь на отдельные открытые реставраторами Музея имени Андрея Рублева участки древней живописи.

В настоящее время реставратором музея М.В. Казновым раскрыты (пока еще не полностью) две иконы кенского комплекса. При этом сохранить, как предполагалось, позднюю живопись, достаточно интересную и важную для представления о художественной жизни Кенозерья в XIX веке, отделив ее от древней основы и укрепив на отдельном планшете, не удалось. Оказалось невозможным произвести расслоение живописных слоев, первоначального и поновительского, т.к. с древней живописи перед тем, как она была переписана (фактически записана) в XIX веке, было счищено олифное покрытие, и, таким образом, живописные слои, первоначальный и поновительский, оказались лишены разделяющей их олифной пленки (условие, при котором только и возможна сложная реставрационная операция по разделению живописных слоев).

На одной из деисусных икон, с которой работал М.В. Казнов, изображение Богоматери, написанное в XIX веке, еще частично закрывает первоначальную живопись, где представлен архангел Михаил<sup>4</sup> (ил. 1). Дальнейшая работа над памятником ста-

вит перед реставратором серьезную проблему. Дело в том, что лик архангела не сохранился: там, где он должен находиться, лежит слой нового грунта. Таким образом, если снять лик Богоматери, то откроется белый левкас. В таких случаях реставраторы оставляют, как правило, на месте утраты древней живописи поздний живописный слой. Но при таком решении данный памятник не будет иметь какого бы то ни было убедительного художественного смысла. Видимо, придется удалить позднюю живопись полностью. Возможно, удастся найти контуры лика архангела.

В то же время и в настоящем своем виде древнее изображение достаточно четко прочитывается. Небесный вестник представлен с опущенной правой рукой, поддерживающей мерило, и с присогнутой у пояса левой рукой с зеркалом. Фигура архангела узкая, вытянутая, очерк головы касается верхней лузги, а нимб выходит на верхнее поле. У архангела – зеленый хитон травянистого оттенка и красный гиматий, его крылья серо-сизые, с обильной темной и светлой разделкой этого тона. Складки зеленого хитона частые, их форма кристаллообразна, верхняя грань каждой из них отмечена сложной белильной разделкой, с градацией силы света. Затененные части складок имеют вид темно-зеленых полос, обрамленных яркой белильной геометрической формой пробелов (ил. 2). Складки красного гиматия обрисованы лаконично столь же прямыми, встречающимися под острым углом линиями. Фоном изображения служит золото, таков и нимб (яркий золотой цвет положен довольно плотным листом).

Иконография архангела характерна для ростовских иконостасов (например, икона из деисусного чина последней четверти XV века из церкви села Чернокулово (Музей имени Андрея Рублева)<sup>5</sup> и близкая ей икона первой трети XVI века в собрании частного музея «Русская икона»<sup>6</sup>). Ту же схему изображения архангела находим в иконе начала XVI века из иконостаса Никольской церкви Астафьевского погоста в Каргополье (Архангельский музей изобразительного искусства)<sup>7</sup>, исполненного ростовскими мастерами, присутствие которых на Каргопольщине не было редкостью.

Стиль живописи иконы архангела из Кенского монастыря (удлиненность фигуры, преимущественная роль линии в обозначении форм, а также насыщенный тон красного цвета в контрасте с травянисто-зеленым, сизоватая вибрирующая живопись крыльев) характерен для ростовской живописи. Структурную систему изображения складок его одеяния можно назвать классической, типичной для XVI века.

Вторая, почти полностью раскрытая икона кенского иконостаса представляет пророка из верхнего пророческого чина его ряда<sup>8</sup> (ил. 3). На записи XIX века этой иконы также был представлен пророк (в настоящее время читается «Е...ЛИА»), но изображения не совпадают.

Имя раскрытого пророка пока неизвестно (фон с правой стороны, где написано имя изображенного святого, еще находится под записью), предположительно это пророк Иезакииль. Его имя почерком XIX века указано на обороте иконы: возможно,

при разборе иконостаса перед его переделкой обозначили имена пророков, изображенных на лицевой стороне. Правда, по какой-то причине новые изображения, как кажется, написали без соотнесения с этими надписями.

Пророк изображен средовеком, не старцем, у него короткие волосы с сединой и борода средней длины, на конце лежащая двумя закругленными прядями. Его изображение заканчивается чуть ниже пояса, он показан в трехчетвертном повороте влево (от зрителя). Правая рука протянута в жесте, близком двуперстному благословлению, левой рукой он поддерживает взмывший вверх свиток с текстом своего пророчества (сохранились лишь отдельные буквы).

Фигура пророка обладает деликатными пропорциями, небольшая голова имеет округлую форму с западающей линией у правой глазницы. Глаза крупные, их взгляд сосредоточен. Небольшие уста едва видны среди прядей бороды. Коричневатые вохрения покрывают почти всю поверхность лица, оставляя только узкую полоску зеленого санкиря, т.е. тени, по краю формы. Пряди волос и бороды написаны по санкирию белилами и коричневым. Характерная особенность письма личного – отсутствие белильных движек и яркая коричневая обводка всех черт лица (ил. 4).

Травянисто-зеленый плащ окутывает левое плечо и руку до кисти, прикрывая только край правого плеча. Хитон пророка светло-синий (с красным клавом), на груди он ложится мелкими складками, провисающими в середине почти острым углом. Их освященные верхние грани залиты тонким слоем голубоватых (тонированных) белил, глубина складок прорисована темно-синими тонкими линиями (ил. 5). Так же написаны складки зеленого гиматия, но они здесь выглядят более плоскими (может быть, за счет того, что провисающие складки на гиматии не показаны).

Фон иконы насыщенный синий, надпись «ПРОРО(К)» (на фоне слева) выведена белилами. Нимб золотой (как и на иконе архангела, золото положено довольно плотным листом, яркое).

Иконография пророка традиционная и восходит к произведениям XV века.

В точно такой же позе с жестом двуперстного благословления и с взмывающим вверх свитком в левой руке изображен пророк Иезакииль в иконостасе 1502 года, исполненном художниками московской мастерской Дионисия для Рождественского собора Ферапонтова монастыря<sup>9</sup>. Показательно, что плащ Иезакииля на ферапонтовской иконе точно так же, как на кенозерской, окутывает левое плечо и руку святого, прикрывая верх правого плеча. Цветовой расклад здесь иной: при синем хитоне плащ пророка красно-коричневый.

Иезакииль на ферапонтовской иконе изображен старцем (седовлас) с бородой средней длины, расходящейся отдельными прядями, т.е. его изображение схоже с образом кенозерского пророка, но не идентично ему. Более схож с кенозерским пророком в ферапонтовском комплексе пророк Михей: он средовек с легкой сединой в волосах, у него короткие волосы и раздваивающаяся на две скругленные пряди борода. Михей изображен в той же позе и со схожим жестом, что и кенозерский

пророк, но пальцы сложены по-иному. Плащ Михея драпирует левое плечо и руку, оставляя открытыми хитон на груди и его правый рукав; свиток в его левой руке эффектно взмывает вверх<sup>10</sup>. И поза, и характер одевания, и форма свитка – те же, что у пророка на кенской иконе. Цвета одеяний Михея не совпадают с цветом одеяний святого на вновь раскрытой иконе. Таким образом, основываясь на данных иконографии, мы не можем настаивать на идентификации раскрытого пророка ни как Иезакииля, ни как Михея. Тем более, что иконография пророков в русском искусстве была неустойчива, длина и форма бороды не всегда точно соответствовали иконографии того или иного святого. Что касается поз и жестов изображенных пророков, то они могли меняться от памятника к памятнику, оставаясь в кругу композиционных схем, принятых для изображений пророков.

В то же время совпадение пророческой позы и жеста, а также формы свитка на кенской иконе и ферапонтовских памятниках говорит о знании мастером, писавшим икону кенского иконостаса, иконографических схем, принятых в художественных мастерских Центральной Руси.

Деликатность пропорций фигуры пророка на кенской иконе и, в то же время, их классическая соразмерность свидетельствуют о высоком профессионализме художника. Созерцательность, своеобразная интеллигентность изображенного им лица мыслителя (ил. 4) определяют в иконописце мастера крупного калибра, который решает своим искусством задачи общечеловеческого значения. Эмоциональный настрой образа, его внутреннее спокойствие и ясность при этом указывают на связь мастера с ростовской художественной культурой.

В качестве аналогии лику пророка на кенской иконе с крупными глазами и небольшими устами, с крупным округлым лбом можем привести икону апостола Петра из деисусного чина раннего XVI века из церкви в Астафьево, который приписывается ростовским мастерам<sup>11</sup>. Благородство типа здесь идет от живописи XV века. В ростовской живописи этот тип будет надолго сохранен. Его можно наблюдать в деисусных иконах первой трети XVI века в Ростовском музее (например, икона святого Николая Мирликийского)<sup>12</sup>.

Тонкая выразительность линий в изображении пророка на кенской иконе также характерна для ростовских мастеров. Обрисовку головы линией, близкой к кругу, западающей у абриса глаза (дальнего от зрителя), как на иконе из Кенского монастыря, можно наблюдать в названных ростовских памятниках. Этот прием принадлежит древней классической традиции русского искусства. Достаточно сказать, что его можно назвать определяющим в изображении апостольских ликов на фреске «Страшный суд», созданной Андреем Рублевым в 1408 году в Успенском соборе г. Владимира.

Пряди волос на иконе пророка выведены поразительно свободной линией, одним быстрым движением кисти. Особенно это характерно для первоначального подслоного рисунка, который хорошо просматривается на иконе. Сходные примеры мы можем указать опять же в ростовских произведениях раннего XVI века, как тот

же чин из церкви Астафьевского погоста.

В качестве особого признака ростовской живописи в кенской иконе можно отметить яркую коричневую окраску лица и рук. Подобную линию характерной окраски, выделяющую рисунок, можно видеть на многих связанных с Ростовом иконах.

Колорит иконы, построенный на сочетании синего с травянисто-зеленым, благородство и спокойствие этой гаммы характерны для ростовских икон второй половины XVI века. В качестве аналогии можно назвать деисусную икону «Иоанн Предтеча» из Преображенской церкви Ростова в Ростовском музее<sup>13</sup>, где милость Иоанна – насыщенного синего цвета, а плащ – травянисто-зеленый, близкий по тону плащу пророка на кенской иконе. С этой иконой «Пророка» из кенского иконостаса также сближает своеобразная классичность лица и характер написания одеяний: складки хитона и гиматия Предтечи обрисованы довольно часто положенными, встречающимися под острым углом линиями более темного, чем основной цвет, одеяния. Здесь они повторены, в отличие от иконы кенского пророка, белильными росчерками. Возникает характерная хрупкость, ломкость формы, что рождает мысль, как всегда в иконе, о внутреннем мире изображенного святого. В данном случае можно видеть в этих складках условную характеристику душевной тонкости Иоанна. Та же характеристика соответствует и образу пророка кенского иконостаса. Отметим также, что фон иконы из ростовской церкви, как и весь деисусный чин, к которому она принадлежала, был написан на теплом по тону зеленом фоне. Цветные фоны были характерны для живописи второй половины XVI века. Традиция эта идет из Москвы, но именно у ростовских художников и в северных иконах можно наблюдать особую приверженность таким решениям при написании целых иконостасов.

При всех приведенных сравнениях иконы пророка из иконостаса церкви Пахомиева монастыря с ростовскими памятниками как раннего XVI века, так и второй его половины, ее следует датировать последней четвертью XVI века. Об этом свидетельствует письмо личного на иконе: коричневатого тона вохрения, перекрывающие почти полностью поверхность лица и оставляющие открытым только узкую полосу санкиря вдоль формы, а также отсутствие белильных движек (или, возможно, их крайне лаконичное количество), характерное именно для этой заключительной фазы искусства XVI века. Суммарная моделировка складок одеяний также свидетельствует об этом времени.

Насыщенный синий фон иконы пророка типичен для северных памятников иконописи XVI века, в том числе написанных в Каргополе<sup>14</sup>. В качестве примера представим иконы из деисусного чина конца XVI века из Никольской церкви села Волосово на Онеге<sup>15</sup> (одна из них, «Апостол Павел», находится в соборной В.Н. Набокова-Алексеева в Москве<sup>16</sup>).

Икону пророка кенского иконостаса явно писал выходец из Ростова. Его живопись близка по манере исполнения иконе архангела. В первую очередь это касается приемов моделировки одеяний, схожести спрямленных складок и их активной про- белки (ил. 5). Однако здесь есть и явные различия: складки одеяний архангела кри-

сталлообразны, драпировка хитона и гиматия пророка более обобщена. К сожалению, мы лишены возможности сравнения личного письма этих икон, т.к. лик архангела не сохранился (а именно личное письмо в древнерусских произведениях наиболее показательно представляет стиль мастера). Разные по цвету фоны на иконах также являются определенным аргументом в доказательстве того, что над иконами работали два самостоятельных художника (ил. 2, 5). Синий фон иконы пророка свидетельствует, что ее мастер более органично, чем мастер деисусного образа, был связан с местным северным искусством.

Имеются явные различия в техническом изготовлении икон, которые говорят об их изготовлении разными мастерами. Грунт икон деисусного и пророческого чинов близки по составу: это гипс, но грунт приготовлен по-разному. У мастера «Архангела Михаила» он более рыхлый, практически менее качественный. Разнится и толщина доски икон: у иконы пророка иконный щит более толстый, что характерно для памятников северного региона<sup>17</sup>.

Технология же самой живописи икон деисусного и пророческого чинов чрезвычайно близка и показывает, что оба мастера обязаны своей художественной выучкой мастерским Центральной России. Красочный слой двух раскрытых икон кенского иконостаса исследовала заведующая лабораторией технологических исследований Государственного научно-исследовательского института кандидат физико-математических наук М.М. Наумова. Как показали ее изыскания, состав пигментов и красочных смесей икон «Архангел Михаил» и «Пророк» идентичен и практически не отличается от пигментов, используемых при написании икон в крупных древнерусских центрах. Это минералы: киноварь, аурипигмент (ярко-желтая краска), различные охры, а также синяя краска растительного происхождения – индиго. При этом оба художника, как показали исследования, были несколько стеснены в материалах. Так, они не имели зеленого пигмента. Обычно у иконописцев это природный минерал глауконит или приготовленный на основе меди искусственный зеленый пигмент. Наши же мастера для приготовления зеленой краски использовали древний классический прием: смешивали желтый (аурипигмент) и синий (индиго) пигменты. Этот прием не часто применялся русскими иконописцами XVI века, но в отдельных случаях его использовали ведущие художники. Смесью этих двух пигментов, по сообщению М.М. Наумовой, написаны позы на иконах деисусного чина из собора Ферапонтова монастыря, исполненных в 1502 году художниками мастерской Дионисия. Знание этого приема свидетельствует о хорошей выучке мастеров кенского иконостаса.

Идентичность пигментов и красочных смесей, использованных мастерами двух рядов кенского иконостаса, как и яркого плотного золота (на пророческих иконах золото лежит на нимбах), а также стилистическая близость их живописи могут свидетельствовать о том, что мастера не впервые встретились за исполнением икон кенского иконостаса, но принадлежали одной мастерской. Вероятней всего, эта мастерская более или менее постоянно работала по заказам Каргополя, чья худо-

жественная жизнь находилась в последней четверти XVI века на подъеме.

О связи с местным искусством края свидетельствует общее цветовое решение кенского иконостаса, которое в общих чертах уже можно представить. Все иконы пророческого чина, как показывают пробные небольшие участки раскрытой живописи на них, написаны в одной манере (и, вероятно, одной рукой). Все они имеют насыщенный синий фон, а не золотой, как на иконах Деисуса. Икона местного ряда «Распятие» также написана на синем фоне. Разного цвета фоны, но в пределах одного чина, известны в деисусном чине из Волосова: средник с изображением «Спас в силах» написан на золотом фоне, в то время как другие иконы – на синих фонах. В этом, безусловно, сказалось стремление к повышенной декоративности ансамбля, которое в целом отличает северную художественную культуру. Последовательное же чередование цвета фона по рядам иконостаса, как в кенском ансамбле, является исключительным. Данное цветовое решение, видимо, было предложено незаурядными ростовскими иконописцами, которые при этом исходили из местных художественных вкусов.

#### Примечания

<sup>1</sup>Здесь и далее сведения по истории Пахомиева Кенского монастыря даны по: Докучаев-Басков К.А. Подвижники и монастыри русского севера: Кенский монастырь. Пахомиева пустынь // Христианское чтение. 1887. Ч. 2. С. 254–298, 447–515.

<sup>2</sup>Там же. С. 514–515.

<sup>3</sup>Евсеева Л.М. Иконы и иконостасы храмов Пахомиева Кенского монастыря // Кенозерские чтения – 2009. Этнокультурный ландшафт Кенозерья: междисциплинарное исследование на пересечении естественных и гуманитарных наук. Архангельск, 2011. С. 282–296.

<sup>4</sup>Размер иконы 95 × 35,5 см. МиАР КП 639.

<sup>5</sup>Иконы XIII–XVI веков в собрании Музея имени Андрея Рублева. М., 2007. С. 175. № 25.

<sup>6</sup>Шедевры русской иконописи XIV–XVI веков из частных собраний. М., 2009. С. 290–292. № 57.

<sup>7</sup>Дурасов Г. Каргополье. Художественные сокровища. М., 1984. С. 74, 75. Ил. 55, 58.

<sup>8</sup>Размер иконы 52,5 × 44,5 см, правое поле стесано. МиАР КП 636.

<sup>9</sup>Дионисий «живописец пресловущий». К 500-летию росписи Дионисия в соборе рождества Богородицы Ферапонтова монастыря. М., 2002. С. 147. № 30.

<sup>10</sup>Там же. С. 151. № 34.

<sup>11</sup>Дурасов Г. Указ. соч. С. 76. Ил. 59.

<sup>12</sup>Вахрина В.И. Иконы Ростова Великого. М., 2006. С. 139. № 35.

<sup>13</sup>Там же. С. 203. № 56.

<sup>14</sup>Створки складня-кузова для скульптуры «Николы Можайского» XVI века, де-

исусный чин конца XVI века, «Илья пророк в пустыне» XVII века из Никольской церкви села Волосово (Архангельский музей изобразительных искусств). См.: Дурасов Г. Указ. соч. Ил. 69.

<sup>15</sup>Иконы Русского Севера. Шедевры древней иконописи Архангельского музея изобразительных искусств. М., 2007. С. 338–349. № 65–69.

<sup>16</sup>Шедевры русской иконописи... С. 508–509. № 122.

<sup>17</sup>Как правило, в древности художники сами готовили массу для грунта; деревянную основу иконы также выделывали они сами или их личные подмастерья.



А.Г. Едовин  
(г. Архангельск)

### Кенский волок – история и археология

Кенский волок, который связывает Водлозеро и Кенозеро, является одним из самых известных северных волоков (ил. 1). Многими исследователями было отмечено его выдающееся значение как важнейшего перевалочного пункта на пути из Новгорода в бассейны Онеги и Северной Двины – летописное Заволочье. Данная статья является попыткой расширить толкование Кенского волока – рассматривать его не только как известный по письменным документам путь от реки Черевы к Волоцкому озеру, но и актуализировать альтернативный, южный отрезок этого пути от Кумбасозера к Шуйлахте Кенозера, реконструируемый археологически. Таким образом, понятие «Кенский волок» включает обширную территорию водораздела Кенозера и притоков реки Водлы. Второй задачей является доказательство достаточно позднего использования трассы волока, что снижает его значимость в эпоху раннего средневековья, преувеличенную исследователями.

**Древняя и средневековая история региона.** Одним из важнейших вопросов при изучении каждого волока является вопрос о первоначальном его освоении. Знаком ли был в эпоху мезолита путь из бассейна Онежского озера посредством реки Водлы на восток через Черевский и Кумбасозерский волоки и обратно? В настоящее время дать ответ из-за недостаточности археологических источников сложно, хотя о чертах сходства культур бассейнов Онежского озера и Водлы с мезолитическими культурами бассейна реки Онеги археологи говорят достаточно уверенно. Наибольшее значение здесь имеют работы С.В. Ошибкиной, которая в ряде работ выяснила связь между мезолитическими памятниками Онежского озера и Восточного Прионежья<sup>1</sup>. Основное сходство здесь видится в кремневом инвентаре, прежде всего наконечники стрел на пластинах, одинаковых для обеих групп памятников.

В следующую археологическую эпоху, в неолите, когда население перешло от подвижного к оседлому образу жизни, этот путь, вероятно, уже был открыт. В период существования так называемой Каргопольской и Позднекаргопольской археологических культур (V–I тыс. до н. э.) Восточное Прионежье (западное Заволочье) представляло собой единую культурную провинцию. Культурное же единство на протяжении столетий на столь протяженной территории могло поддерживаться лишь при наличии регулярных и достаточно оживленных торговых контактов. Наглядное подтверждение этому дают находки на Кумбасозере и Волоцком озере неолитических стоянок с ямочно-гребенчатой керамикой<sup>2</sup>. В любом случае представляется ошибочной точка зрения, что путь на восток в Заволочье из Обонежья был открыт лишь в «новгородский» период колонизации Русского Севера в средневековую эпоху.

По мнению некоторых исследователей (например, А.Я. Брюсова)<sup>3</sup>, после про-

движения в середине I тыс. до н. э. в Карелию из-за Урала носителей «ананьинского» круга древностей возникла новая (прибалтийско-финско-саамская) этноязыковая общность, сложившаяся на основе местного этнического компонента, ассимилированного пришлым, уральским населением. Древнейшее финно-угорское население на территории Русского Севера принято именовать протосаамами, хотя, по мнению других ученых ареал проживания протосаамов никогда не выходил за пределы Фенноскандии.

Прибалтийско-финско-саамская общность, просуществовав до конца I тысячелетия до н. э., распалась, как предполагается, на прибалтийско-финскую и саамскую. На территории, примыкающей к Финскому заливу, формировались прибалтийские финны, а к северу и востоку — саамы. Еще далее на восток – в бассейне Северной Двины проживали представители севернофинской и пермской групп финно-угров.

В бассейне Водлы археологи фиксируют сосуществование в X – первой половине XI века двух археологических культур: бескерамической, тяготеющей к Фенноскандии, связываемой с саамским населением, и культуры грубой лепной керамики, близкой керамике юго-восточного Приладожья, и относящейся к предкам нынешних вепсов<sup>4</sup>. Кроме того, приладожский компонент древней веси (приладожская чудь или кольбяги скандинавских саг) для контроля за потоками пушнины в наиболее ответственных точках древних торговых путей основывал свои долговременные колонии. По мнению А.Ю. Жукова, пудожское предание о замке “панов” на Городовом острове на Водле имеет отношение именно к такой колонии древней веси X века, а отнюдь не к “панам” периода польско-шведской интервенции XVII века<sup>5</sup>.

После 1078 года, даты подчинения Ладоги Новгороду на Русский Север, в том числе в бассейн Водлы, стали проникать представители еще одного прибалтийско-финского этноса — карелы. Принято считать, что преимущественно ими была колонизована территория Пудожья севернее Водлы, а южнее и восточнее ее — по большей части вепсами. В XIII–XIV веках карелы и вепсы в Пудожье начали переходить к земледельческой оседлости. Начало массовой колонизации русскими крестьянами Обонежья и Пудожья пришлось на вторую половину XIV века. Колонизационный поток русских крестьян из Псковско-Новгородских земель в XV веке дополнился в Пудожье множеством крестьян из московских земель со стороны Белого озера, а затем и Кенозера<sup>6</sup>.

**Письменные источники.** Самый ранний письменный документ, фиксирующий оседлые крестьянские поселения в бассейне Водлы, относится к 1563 году. «Писцовая книга Обонежской пятины» указывает на наличие густой сети деревень в нижнем и среднем течении реки Водлы, а также на Водлозере.

В этом документе описана трасса «Кенского волочка»: «Да в Водлезерском же погосте на Настасьинской земле на Мышьих Черевах волочек Кемской, а через тот волочек торговые люди из Ноугородские земли ходят с товаром в Заволоцкую землю, а из Заволоцкие земли в Ноугородские земли водным путем в судех, а великого князя крестьяне Настасьинские волости на Мышьих Черевах через тот волочек товар во-

лочат, а найму емлют з беремени по денги»<sup>7</sup>. В той же книге узнаем и владелицу земли – это Настасья, жена посадника Ивана Григорьева, она владела волостью из 20 деревень, в общей сложности насчитывавших 22 двора (25 человек). Вот эти места – Гознаволок, Коскосалма, Рахкоев, Колго-остров, Охтом-остров, Пелднаволок, Великий остров, Выг-остров, Пог-остров, Рагно-озеро, Чюев-наволок, Коркиничи и Гостилов наволок, все они находились на Водлозере и реке Водле. На Кенском волоке отмечено три деревни – Гридкинская (Кузмин, Никонков, Данилков, Фетков), Сенкинская (Батюнин) и безымянная, где сеют Пантелейко Григорьев (не родственник ли Ивана?), Васюк Данилов, Гаврилко Ермолин и Власко Антонов. Всего на Кенском волоке на Червах тогда сеяло 9 хозяев.

Внимательное прочтение Писцовой книги Обонежской пятины 1563 года позволило получить данные и по второму варианту Кенского волока – через Кумбасозеро. На тех же землях, принадлежавших Настасье Григорьевой, отмечен «Починок пуст старой на Кумбус-озерки словет Офоновской, пуста, поля и пожни лесом заросли, обжа, засева было в поле ржи 2 коробьи, закусу 20 коп.»<sup>8</sup>. Следовательно, появление здесь поселения можно относить ко времени не позднее начала XVI века.

«Писцовая книга» 1563 года обнаруживает полное отсутствие поселений в верховьях Водлы, то есть на месте будущей деревни Водлы и всей ее малой округи. В последней из «Писцовых книг Обонежской пятины» Ивана Аничкова и подьячего Ивана Венюкова (за 1678 год) обнаруживается та же картина: на Салмозере, в Тамбичозере, Корбозере, Усть-Колоде указаны десятки жилых и запустевших деревень и починок, а на верхней Водле нет ни одного поселения<sup>9</sup>. Отсутствие поселений между территориями северных погостов не должно удивлять. При господствующей подсечной системе земледелия полоса незаселенной территории до 20–40 верст ширины была насущно необходимой, чтобы было где делать подсеки. Однако нельзя забывать, что речь идет не о редко населенных северных территориях, а о густонаселенном Пудожье. Например, озеро Водлозеро от берега Онежского озера отделяло 40 верст, но в этой полосе укладывалась часть деревень Водлозерского погоста и едва ли не все поселения Челмужского.

На ранних этапах новгородской колонизации отсутствие поселений в верховьях Водлы, вероятно, объясняется противостоянием новгородцев и местного чудского населения, грабившего торговые караваны на волоках. Даже в наше время жители Водлы помнят о Разбойном острове у слияния Сухой Водлы с рекой Вамой, где разбойные люди грабили терпящих бедствие путников. Еще напряженнее обстановка была во время освоения русскими Обонежья и Заволочья. Окончательную победу русских над «гибнущей» и «враждебной чудью» (по М.В. Витову) народные предания относят к временам Василия Темного, то есть к XV веку<sup>10</sup>.

Вероятно, далеко не случайно на Черевском волоке в Заволочье не сохранилось ни одного прибалтийско-финского топонима или гидронима, а на Кумбасозерском волоке таковыми являются не только река Кумбаса и Кумбасозеро, но и множество других – Педозеро, Шуйозеро и пр. Полное исчезновение топонимов, созданных

предшествующим народом, возможно лишь в одной ситуации: их не усвоили, поскольку местное население было быстро истреблено либо полностью изгнано со своих коренных земель. Именно это, скорее всего, случилось на начальном этапе освоения торгового пути с верховий Водлы на Черевском волоке.

Сохранившиеся до наших дней топонимические свидетельства пути через Черевский волок отражают картину заселения его русскими не из Пудожья, а из Заволочья. Гидронимы и топонимы здесь расположены в следующей последовательности: река Поча (т.е. начало), река Волошева (т.е. ведущая к волоку), деревня Яблонь-Горка или Волок (у Волоцкого озера), деревня Заволочье (т.е. расположенная за волоком), река Черева (т.е. извилистая, как кишки в животе). Новгородское же название волока звучало как Волок Кенский (т.е. ведущий на Кенозеро) на Мышских Червах.

Черевский и Кумбасозерский волоки в разные периоды истории имели разную значимость. Новгородцы их, вероятно, ценили слабо, пока Новгород владел южными входами в Заволочье, а Вологда была волостью новгородской. Действительно, в это время функционировали такие крупные волоки, сопровождаемые богатыми археологическими материалами, как Ухтомский (6 селищ и могильник) и Славенский (26 памятников). Значение Кенского волока возросло только тогда, когда Москва покорила Новгород (1471 г.), перекрыла высокими пошлинами и прямыми запретами торговлю с Каргополом, Холмогорами и в целом с Заволочьем через южные волоки. Как только необычную оживленность Черевского волока в 1497 году заметил московский писец Юрий Сабуров, он тут же наложил сверхвысокие пошлины на провоз по нему товара. Следующий писец при составлении «Писцовой книги 1563 года» по поводу Черевского волока заметил: «а гости той дорогою ныне не ездят, а ездят новою дорогою». Нетрудно догадаться, что товары из реки Водлы стали возить рекою Кумбасой через Кумбасозерский волок. Следовательно, перенос активности на Кумбасозерский отрезок пути нужно относить к началу XVI века<sup>11</sup>.

В 1568–1569 годах 29 деревень Водлозерской волости были переданы в Каргопольский уезд, взятый в опричнину. После этого, связи Водлозерья и Кенозерья становятся более тесными. Поэтому, использование волокового пути для торговли становится еще более популярным. Обычно, его использовали Водлозерские рыбаки, торгующие рыбой в Каргополе. Наличие большого количества материалов XVII–XIX веков на селищах Кенозерья и двух участков Волока свидетельствует о его дальнейшем функционировании. Однако, в рамках единого государства, когда внутренняя колонизация территорий уже произошла, эти торговые пути стабилизируются на локальном уровне и перестают иметь то значение, которое имели в эпоху колонизации. Наиболее полно этнографическая традиция, анализ археологических памятников и письменные источники по Кенскому (Черевскому) волоку приведены в книге Н.А. Макарова<sup>12</sup>.

**История археологического изучения.** Район Кенского волока ранее исследовался, в том числе и археологами. Первым прошел по двум вариантам волока в

1871 году известный ученый-естественник Иван Семенович Поляков. Сначала он преодолел северный маршрут от Черевы до Волошевы, некоторое время провел на Кенозере, а вернулся на Водлу посредством южного Кумбасозерского пути.

Вот как описывает И.С. Поляков трассу Кенского волока: «С Вами и Водлы мы своротили на реку Череву – обыкновенный путь водлозеров на Кенозеро, где встретило нас тихое течение реки, ряд самых прихотливых изгибов и бесконечная болотистая равнина, обозначенная сосняком весьма печальной наружности. Лес выступал довольно густым покровом, но многие деревья, едва только успевали окрепнуть, уже начинали засыхать или совершенно засохли, и большую часть молодых подросков ожидала, по-видимому, та же участь в этой негостеприимной равнине.

Из области р. Черевы мы приехали на следующий день, через болотистый перевал, на р. Волошево, которая, как по характеру течения в верховьях, так и по виду окрестностей, мало отличается от Черевы. Течение ее тихо, она образует ряд глубоких и длинных омутов, уподобляющихся озерам. По направлению к низовьям характер ее окрестностей изменяется: здесь выступают мало-помалу сухие аллювиальные холмы, зарастающие или травой, или прекрасными лесами. Наконец, около р. Почы заметно, что бассейн Кенозера существенно отличается от бассейна Водлозерского».

В дальнейшем Поляков описывает свою экспедицию на Кумбасозеро, после которой на Кенозеро уже не возвращается: «Предпринявши экскурсию на Кенозеро с чисто разведочной целью, я не имел времени произвести дальнейшее ознакомление с остатками каменного века, и скоро, оставивши Кенозеро, в виду постоянного ненастья, трудного обратного пути сухопутьем на Водлозеро, только на Кумбасозере встретился еще с каменными орудиями и пополнил, таким образом, недостаток в данных. Кумбасозеро лежит в 20 верстах западнее Кенозера, от которого отделено холмистым, покрытым лесом и грязным перевалом (водораздел). Кумбасозеро имеет до 4–5 верст в длину и до 2-х верст в ширину, с глубиной до 1 и 1/2 сажени. Дно его тинисто, берега заросли ситником и лесисты.

При самом приезде я начал находить в береговом щебне обломки кремней, затем нашел обломок горшка каменного периода. Сами жители указали мне на пашню, в которой они преимущественно встречают обломки горшков, громовые стрелы, разумея под этим наконечники стрел, и шиферные топоры. Пашня эта лежит при самом устье р. Кумбасы, около берега реки и недалеко от озера. Пахотный слой простирается в ней до 3–4 вершков; под ним лежит желтый речной песок. Так что очевидно, что река некогда была на месте современной пашни и теперь отступила влево сажень на 20–30, и после ее отступления накопился этот пахотный слой, заросший во многих местах кустарниками. Употребивши день на распахивание пашни и на ее боронование, я собрал довольно полную коллекцию каменных орудий»<sup>13</sup>.

Ознакомление с коллекцией И.С. Полякова, хранящейся в Государственном историческом музее (инв. № 78607/451 – 16-19), однако, показывает, что сборы были весьма скромны – сюда можно отнести несколько фрагментов ямочно-гребенчатой

керамики, два кремневых отщепа и пластинку. Возможно, материалы сборов Полякова есть и в других хранилищах, но данными об этом мы не располагаем.

Долгое время территория, прилегающая к Кенозеру с запада, не изучалась археологами. Только в 1979 году здесь была произведена разведка археологическим отрядом под руководством С.З. Чернова. Целью экспедиции было изучение древнего Кенского волока, поэтому свое внимание С.З. Чернов сосредоточил на северном, Черевском отрезке. Здесь было найдено два селища XV–XVII веков – Яблонья Горка и Заволочье, которые датированы по собранной здесь красноглиняной, белоглиняной и чернолощеной керамике. Экспедиции удалось доказать существование волока в средневековую эпоху<sup>14</sup>.

Работали экспедиции в Шуйской лахте Кенозера и на Черевском участке Кенского волока и в более позднее время – в 1982 году А.Я. Мартынов<sup>15</sup>, в 1991 году – Н.А.Макаров<sup>16</sup>, а в 2004 году А.Г. Едовин<sup>17</sup>, однако, новых археологических объектов здесь обнаружить не удалось.

**Экспедиция 2010 года.** Экспедиция по трассе Кумбасозерского волока ставила своей целью доказать его существования по крайней мере, с эпохи средневековья (ил. 4–6). В исследованиях, помимо автора, принимали участие научный сотрудник Кенозерского национального парка А.И. Анциферова, народные мастера-берестяники А.В. Шутихин, А. Полежаев, С. Шеметов, проводник Н.В. Заляжный и съемочная группа из Москвы – А. Бобков и А. Александров.

Маршрут был начат в деревне Вершинино, мы дошли на катере до деревни Печихина и выгрузились на берег – отсюда начинался сухопутный отрезок пути.

Местность в 1-1,5 км от деревень изобилует лугами и старыми сельскохозяйственными угодьями, передвижение здесь было затруднено также несколькими ручьями. Затем началась типичная среднетаежная растительность с преобладанием хвойных пород, но со значительным включением березы и других лиственных деревьев. До озера Педозера расстояние равнялось около 6 км, за это время мы пересекли три ручья и несколько сырых участков, путь занял 4 часа – шли со свежими силами и дорога не представляла никаких затруднений.

После обеда, примерно в 0,8 км от Педозера, начался самый сложный участок – старая дорога заросла и каждые 100-200 м приходилось останавливаться, чтобы прорубить тропу для переноски лодки. Поэтому путь всего в 4 км мы шли почти 5 часов. Когда вышли к Святозеру на его северном берегу уже начались сумерки.

Утром произвели осмотр западного берега Святозера до истока Святручья, однако, археологических объектов не обнаружили. Вышли на маршрут в 9 утра в том же порядке, как и накануне. От Святозера шла довольно хорошая тропа, по которой достаточно быстро вышли на основную дорогу. Правда, еще около километра пришлось заниматься расчисткой дороги, но потом дорога стала значительно лучше. От Святозера до Кумбасозера 6 км, причем последние 2 км после перекрестка с дорогой на Почу были вообще проезжими для двухосных автомобилей. К обеду второго дня, таким образом, мы достигли конечного пункта сухопутного отрезка пути.

В месте нашего выхода к Кумбасозеру находится две избы, принадлежащие рыбакам из поселка Поча, они сюда попадают на моторных лодках по реке Гузеньга, до которой от Почы хорошая дорога. Растительность восточного берега смешанная, но есть несколько боровых террас с сосняком, и даже беломошником. Правда они очень далеко находятся от уреза воды, разведочная шурфовка на них ничего не дала. К нашему глубокому удовлетворению мы обнаружили неолитическую стоянку и одновременно селище эпохи позднего средневековья именно в том месте, где зимник обрывался в Кумбасозеро, т. е. как раз на трассе волока. Таким образом, цель экспедиции была успешно достигнута. Описание этого памятника, а также других объектов, выявленных в разное время на двух участках волока, приведено ниже.

**Археологические памятники. Черевский волок. Стоянка Устье Волошевы.** Открыта в 1979 году С.З. Черновым<sup>18</sup>, изучалась в 2002–2005 годы А.Г. Едовиным. Стоянка расположена на правом берегу реки Поча в устье Волошевы с левой стороны (ил. 3). Высота террасы здесь над уровнем воды в реке 5–6 метров, площадь стоянки, ограниченной с севера дорогой и уступом второй террасы, а с запада оврагом, составляет около 12000 кв. м. Судя по подъемному материалу, собранному на разрушениях грунта в результате лесозаготовительных работ, стоянка разновременна. В центральной части стоянки, ближе к юго-западной оконечности, найдено несколько микролитических пластин и тут же фрагменты позднекаргопольской керамики с кремневыми отщепами, а в северо-восточной части, на некотором удалении от воды на отвале дороги, была найдена россыпь сланцевых отщепов, заготовок и два готовых рубящих орудия из сланца.

Инвентарь стоянки из сборов 2002 года – сланцевые топор типа рованием и топор с зауженным выпуклым лезвием и обломанным обухом, 2 скребка (кремневой и сланцевый), 4 кремневых микролитических пластины, сланцевая заготовка, мелкие фрагменты позднекаргопольской и гребенчатой керамики. Кремень преимущественно красного цвета, пластины изготовлены из серого кремня.

В 2003 году работы были продолжены – в 200 м к северо-востоку от устья Волошевы и в 70 м от берега реки Почы была сделана зачистка (шириной 1 м), выполненная на отвале противопожарной траншеи. Стратиграфия такова: отвал траншеи – 1–3 см, погребенный дерн – 1 см, белесый подзол – 9–12 см, коричневая супесь (культурный слой) – 5–8 см, рыжий боровой песок (материк).

Среди подъемного материала, прежде всего, следует выделить группу изделий из сланца – это шлифованный топор и 9 заготовок крупных рубящих орудий, некоторые из которых имеют частичную подшлифовку. Заготовки выполнены в технике скола из высококачественного зеленовато-серого материала. Помимо крупных орудий, в коллекции присутствует и два скребка из сланца. Кремневые предметы довольно многочисленны, представлены скребками, пластинами, их сечениями и обломками и продольным сколом с нуклеуса. Наличие в кремневом инвентаре правильно ограниченных ножевидных пластин позволяет сделать вывод о мезолитическом (VII–VI тыс. до н. э.) возрасте части комплекса подъемного материала. Керамика

представлена тремя типами посуды. В единственном числе встречен фрагмент венчика сосуда с примесью дресвы в тесте и с орнаментом из нескольких рядов глубоких конических ямок в шахматном порядке – такая керамика ранее здесь была найдена С.З. Черновым и датируется неолитом (V–IV тыс. до н. э.). К более позднему периоду относится развал сосуда т. н. «позднекаргопольского» типа, напоминающий валиковую керамику ананьинского типа. Фрагмент венчика украшен насечками, шнуром и рядом ямок под венчиком. Датировка этой посуды – середина I тыс. до н. э. В коллекции есть два фрагмента древнерусской круговой керамики с волнистым нарезным орнаментом – ее датировка – начало II тыс. н. э.

В 2005 году для выяснения сохранности культурного слоя в прибрежной части в центре стоянки, в 5 м от уреза воды в 125 м к северо-востоку от устья Волошевы был заложен разведочный шурф. Под тонким слоем мха не более 1 см располагался переотложенный рыжий мешаный песок с редкими находками (3 сланцевых и один кремневой отщепы) – его мощность до 10–15 см, ниже его подстилал материк – рыжий боровой песок. Шурф констатировал значительное разрушение культурного слоя. Инвентарь этого памятника будет опубликован в другой работе, которая готовится к печати.

**Стоянка Исток Волошевы.** Обнаружена в 1979 году С.З. Черновым. Расположена у истока Волошевы из озера Волоцкого на правом берегу Волошевы в 120 м от истока (ил. 3). Заложен разведочный шурф в 15 м от рыбачьей избушки. Стратиграфия шурфа – дерн, желтая супесь с камнями – 20–25 см, гумуссированная супесь с углями, материк. Собраны ямочно-гребенчатая керамика, кремневые орудия и отщепы.

**Стоянка Орловская Лахта.** Открыта в 1979 году С.З. Черновым. Расположена на южном берегу озера Волоцкого, в 300 м к западу от мыса бухты Великая Лахта. В подъемном материале собраны кремневые ножевидные пластины, наконечник стрелы.

**Селище Яблонья Горка.** Открыто в 1979 году С.З. Черновым, в 1991 году исследовалось Н.А. Макаровым. Расположено на территории одноименной деревни на террасе, высотой 5 м. Площадь селища 2500 кв.м, культурный слой мощностью 20 см, серого цвета. С.З. Черновым здесь было заложено 4 шурфа. Собраны фрагменты красноглиняной (XIV–XV вв.) и белоглиняной (XVI–XVII вв.) керамики. По мнению Н.А. Макарова, собранная сероглиняная керамика здесь не древнее XV–XVI веков.

**Селище Заволочье.** Открыто в 1979 году С.З. Черновым, в 1991 году исследовалось Н.А. Макаровым (ил. 2). Расположено в юго-западной части одноименной деревни, на 2-х метровой террасе левого берега Черевы в 20 м от реки. Площадь 50 × 50 м – 2000 кв.м. В 1979 году был заложен шурф в 20 м от входа в Спасскую часовню. Культурный слой (темная гумуссированная супесь) в шурфе достигал мощности 40 см. Заложено еще 4 шурфа на территории деревни, собраны красноглиняная (XIV–XV вв.) и белоглиняная (XVI–XVII вв.) керамика, чернолощенная

керамика более позднего времени. Н.А. Макаров в 1991 году заложил еще 3 шурфа по 1 кв.м. В шурфе № 2 зафиксирована керамика XIII–XIV веков и более поздняя. В шурфе № 3 – 3 фрагмента круговой, 3 поливной (один венчик – XII–XIII веков) керамики, один лепной. В подъемном материале также представлена керамика XIII–XV веков.

**Кумбасозерский волок. Стоянка и селище Кумбасозеро 1.** Открыты в 1871 году И.С. Поляковым в одноименной деревне на западном берегу Кумбасозера, в истоке из озера р. Кумбасы<sup>19</sup>. Стоянка им зафиксирована на пахотных полях, где была обнаружена керамика и кремневые орудия эпохи неолита (ямочно-гребенчатая керамика). Стоянка и селище нами были зафиксированы в южной части деревни, на левом берегу Кумбасы, примерно в 0,5 км от истока. В настоящее время стоянка полностью покрыта луговой растительностью, т. к. сельскохозяйственных работ не ведется. В собранном на песчаном пляже подъемном материале представлены только три находки – фрагмент поздней керамики с зеленоватой глазурью, кремневый и кварцевый отщепы. Датировка определена по находкам И.С. Полякова и нашим сборам – неолит и позднее средневековье (XV–XVIII вв.). Таким образом, получил подтверждение факт существования здесь поселения с глубокой древности и использования его в средневековую эпоху.

**Стоянка и селище Кумбасозеро 2.** Обнаружено в 2010 году А.Г. Едовиним на восточном берегу Кумбасозера, в месте выхода зимней дороги к водному пространству озера, в 30–50 м от избышек к северо-западу на песчаном урезе воды (ил. 7). Стоянка расположена примерно в 3 км к востоку от деревни Кумбасозеро к востоку, в 0,5 км к северу от впадения в озеро Святручьа и в 0,8 км к югу от впадения р. Гузеньга. Стоянка и расположенное тут же селище фиксируются по находкам на пляже и под травянистым покровом находок в виде фрагментов керамики и кремневых отщепов и орудий. Площадь распространения подъемного материала составляет около 300 кв. м, стоянка вытянута вдоль берега озера на 30–40 м. Высота стоянки над уровнем воды не превышает 0,5–1,5 м, т. е. непосредственно связана с размытым культурным слоем. В подъемном материале на памятнике представлены – три фрагмента ямочно-гребенчатой керамики эпохи неолита (5–4 тыс. до н.э.), кремневый скребок со слабо выпуклым рабочим краем, отщеп и два фрагмента пластин. Из средневековых находок отметим развал большого сосуда без орнамента с профилированным венчиком красной глины (к сожалению, форма не восстанавливается) и фрагмент белоглиняного тонкостенного сосуда XV–XVII веков. Датировка памятника широкая – от неолита до позднего средневековья. Здесь же были найдены сани волокуши из лыж, датируемые 50–60 годами XX века – свидетельство недавнего зимнего использования трассы волока (ил. 8).

**Заключение.** Таким образом, время активного функционирования Кенского волока можно отнести по письменным и археологическим источникам к последней четверти XV – 60–70 годами XVI веков. Поселения на волоках существовали и ранее (с XIII–XIV вв.), судя по археологическим данным) и позже, но товарооборот на них

был неизмеримо меньшим. Древнее выглядит по всем признакам Черевский участок пути – здесь найдено больше памятников ранней поры – с древнерусской керамикой. Рискнем предположить, что он первоначально использовался безальтернативно, лишь с 1497 года вынужденно он был перенесен на более длинный сухопутный отрезок до Кумбасозера. Последний факт как один из факторов, наряду с опричным разгромом Новгорода, обусловил и меньшую активность всего участка Кенского волока в дальнейшем.

#### Примечания

<sup>1</sup>Ошибкина С.В. Эпоха мезолита на Севере Европы // На переломе эпох. М., 2009. С. 280–295.

<sup>2</sup>Чернов С.З. Изучение Кенского волока // Археологические открытия 1979 г. М., 1980. С. 37–38.

<sup>3</sup>Брюсов А.Я. Очерки истории племен европейской части СССР в неолитическую эпоху. М., 1952.

<sup>4</sup>Археология Карелии. Петрозаводск, 1996. С. 272–310.

<sup>5</sup>Жуков А.Ю. Водлозерье и Водлозерский погост в X–XV веках. Петрозаводск, 2001. С. 255–261.

<sup>6</sup>Барсов Е.В. Преподобные Олонецкие пустынножители // Памятная книжка Олонецкой губернии на 1868–69 годы. Петрозаводск, 1869. Ч. III. С. 3–66.

<sup>7</sup>Писцовые книги Обонежской пятины 1496 и 1563 гг. Л., 1930. С. 173–177.

<sup>8</sup>Там же. С. 177–178.

<sup>9</sup>Гришина И.Е. Традиционное жилище Водлозерья (типологический анализ по материалам натуральных исследований) // Природное и культурное наследие Водлозерского национального парка. Петрозаводск, 2001. Вып. 2. С. 263–266.

<sup>10</sup>Витов М.В. Археологические данные как источник по колонизации Русского Севера // История СССР. 1964. № 6. С. 109–111.

<sup>11</sup>Логинов К.К. Этнолокальная группа русских Водлозерья. М., 2006. С. 23–24.

<sup>12</sup>Макаров Н.А. Колонизация северных окраин Древней Руси в XI–XIII вв. М., 1997. С. 91–95.

<sup>13</sup>Поляков И.С. Три путешествия по Олонецкой губернии. Петрозаводск, 1991. С. 47–49.

<sup>14</sup>Чернов С.З. Изучение Кенского волока // Археологические открытия 1979 г. М., 1980. С. 37–38.

<sup>15</sup>Мартынов А.Я. Отчет о работе Соловецкого отряда комплексной Кенозерской экспедиции в 1982 г. // Архив Института археологии РАН Р-1. № 9384.

<sup>16</sup>Макаров Н.А. Отчет о работах Онежско-Сухонской экспедиции в 1991 г. // Там же. № 15965 С. 39–56.

<sup>17</sup>Едовин А.Г. Отчет о работе археологического отряда Архангельского областного краеведческого музея на территории Архангельской области и Ненецкого автономного округа в 2004 г. Архив Архангельского областного краеведческого музея.

Ф. 3. Оп. 1. Д. 658.

<sup>18</sup>Чернов С.З. Изучение Кенского волока // Археологические открытия 1979 г. М., 1980. С. 37–38.

<sup>19</sup>Поляков И.С. Три путешествия по Олонецкой губернии. Петрозаводск, 1991. С. 47–49.

Б.В. Ермолин  
(г. Архангельск)

### Динамика среднего максимума температуры воздуха в районе Кенозерского национального парка

Анализ динамики климатической составляющей в районе Кенозерского национального парка (КНП) ранее был выполнен в ряде работ автора статьи<sup>1</sup>.

Как известно, в условиях Европейского Севера России важнейший экологический фактор – теплообеспеченность геосистем. В данной статье впервые анализируется динамика среднего максимума температуры воздуха (СМТВ).

Анализ динамики тепла в районе КНП выполнен на основе данных метеостанции города Каргополя и села Конёво. СМТВ анализировался в XX веке в Каргополе за 50 лет (1916–1965 гг.) и в Конёво за 30 лет (1936–1965 гг.)<sup>2</sup>.

Выполнен анализ динамики среднего максимума температуры за 12 месяцев и годовых показателей. Впервые на основе анализа СМТВ выявлены климатические фазы: теплые (Т) и холодные (Х) (табл. 1–3).

Таблица 1

Средний максимум температуры воздуха в районе КНП, °С

Метеостанция	Высота, м	Январь		Июль		Год	
		Мин.	Макс.	Мин.	Макс.	Мин.	Макс.
Каргополь	124	-18,7 (1940 г.)	-2,9 (1930 г.)	17,1 (1956 г.)	26,6 (1938 г.)	2,4 (1941 г.)	7,4 (1936 г.)
Конёво	99	-18,3 (1940 г.)	-2,6 (1949 г.)	17,1 (1956 г.)	27,3 (1938 г.)	2,3 (1941 г.)	7,4 (1936, 1937 г.)

**Динамика СМТВ в районе Каргополя.** Зимой в январе максимальное значение отмечалась в 1930 году (-2,9 °С), минимальное – в 1940 году (-18,7 °С); летом в июле максимальное – в 1938 году (26,6 °С), минимальное – в 1956 году (17,1 °С); за год максимальное значение составило в 1936 году (7,4 °С), а минимальное – в 1941 году (2,4 °С).

**Динамика СМТВ в районе Конёво.** Зимой в январе максимальное значение отмечалась в 1949 году (-2,6 °С), минимальное – в 1940 году (-18,3 °С); летом в июле

© Ермолин Б.В., 2012

максимальное – в 1938 году (27,3 °С), минимальное – в 1956 году (17,1 °С); за год максимальное значение составило в 1936, 1937 годах (7,4 °С), а минимальное – в 1941 году (2,3 °С).

Таблица 2

**Динамика среднего максимума температуры воздуха в районе Каргополя**

Год	Январь	Июль	За год	Год	Январь	Июль	За год
1929	Х	Х	Х	1948	Х	Н	Н
1930	Т	Х	Х	1949	Т	Х	Т
1931	Х	Т	Х	1950	Х	Х	Т
1932	Т	Т	Т	1951	Х	Х	Т
1933	Х	Т	Х	1952	Т	Х	Х
1934	Т	Т	Т	1953	Т	Х	Т
1935	Т	Х	Т	1954	Х	Т	Т
1936	Т	Т	Т	1955	Т	Х	Х
1937	Т	Т	Т	1956	Х	Х	Х
1938	Х	Т	Т	1957	Т	Т	Т
1939	Т	Х	Х	1958	Т	Х	Х
1940	Х	Т	Х	1959	Т	Т	Т
1941	Х	Т	Х	1960	Х	Т	Т
1942	Х	Х	Х	1961	Т	Т	Т
1943	Х	Т	Т	1962	Т	Х	Т
1944	Т	Х	Т	1963	Х	Х	Х
1945	Т	Х	Х	1964	Т	Т	Т
1946	Т	Т	Т	1965	Х	Х	Х
1947	Т	Х	Н	–	–	–	–

Примечание: Н – нет данных.

За 1936–1965 годы в январе потепление было отчетливо выражено в середине 30-х годов, в июле — в 30-е годы, за год — в середине 30-х и начале 60-х. В январе заметное похолодание было в начале 40-х годов, в июле — в начале 50-х годов, за

год — в начале 40-х годов.

Таблица 3

**Динамика среднего максимума температуры воздуха в районе Коневе**

Год	Январь	Июль	За год	Год	Январь	Июль	За год
				1948	Х	Х	Т
				1949	Т	Х	Т
				1950	Х	Х	Т
				1951	Т	Х	Т
				1952	Т	Т	Х
				1953	Х	Х	Т
				1954	Х	Т	Т
1936	Т	Т	Т	1955	Т	Х	Х
1937	Т	Т	Т	1956	Х	Х	Х
1938	Х	Т	Т	1957	Т	Т	Т
1939	Т	Х	Х	1958	Т	Х	Х
1940	Х	Т	Х	1959	Т	Т	Т
1941	Х	Т	Х	1960	Х	Т	Т
1942	Х	Х	Х	1961	Т	Т	Т
1943	Х	Т	Т	1962	Т	Х	Т
1944	Т	Х	Т	1963	Х	Х	Х
1945	Т	Т	Х	1964	Т	Т	Т
1946	Т	Т	Т	1965	Х	Х	Х
1947	Х	Х	Х				

Высота рассмотренных метеостанций варьирует от 124 м (Каргополь) до 99 м (Коневе). Период наблюдений по данным метеостанциям в XX веке составил от 50 (Каргополь) до 30 лет (Коневе).

Анализ данных по СМТВ двух метеостанций свидетельствует о том, что широко известное в научной литературе потепление в Арктике в 30-х годах XX века имело место и в районе КНП.

В районе Каргополя потепление проявилось в январе, июле и показателях за год (1934–1938 гг). В районе Коневе потепление имело место в январе, июле и показателях за год (1936–1938 гг). Потепления, наблюдающиеся в регионе, особенно в летний период, следует постоянно учитывать при оценке пожароопасности среднетаежных геосистем в районе КНП. В периоды отмеченных в таблицах 2 и 3 потеплений и многих потеплений, имеющих место в XXI веке, возможны как атмосферные, так и почвенные засухи. К ним в районе КНП следует готовиться постоянно и заранее.

Выявленные впервые особенности динамики среднего максимума температуры воздуха по данным метеостанций города Каргополя и села Коневе следует учитывать при физико-географическом районировании рассматриваемого региона, оценке современного динамического состояния его среднетаежных геосистем, а также при мониторинге различных природных процессов и прогнозировании успешно развивающегося на территории КНП экологического туризма.

Изучение динамики среднего максимума температуры воздуха по данным метеостанций в Каргополе и Коневе нуждается в дальнейших комплексных исследованиях.

#### Примечания

<sup>1</sup>Борис Васильевич Ермолин: электрон. библиогр. указ. / сост. Е.А. Волик. Архангельск, 2011. URL: <http://lib.pomorsu.ru/Bibkop/ermolin.htm>

<sup>2</sup>Справочник по климату СССР / под ред. А.С. Егоровой. Архангельск, 1970. Вып. 1. Архангельская и Вологодская области и Коми АССР. Метеорологические данные за отдельные годы. Ч. 1: Температура воздуха. С. 184–185, 189–190.

А.И. Зудин  
(Архангельская обл.)

## Геологическое строение территории Кенозерского национального парка

Кенозерский национальный парк расположен в юго-западной части Архангельской области на границе Плесецкого и Каргопольского районов, а также Пудожского района Республики Карелия. Протяженность парка с юга на север – 72 км, а с запада на восток – 27 км. Площадь территории парка составляет 139 663 га.

Геологическое строение парка являет собой летопись разнообразной и уникальной истории Земли на протяжении более 3540 млн. лет. История эта восстанавливалась по очень редким обнажениям и в основном по образцам горных пород из керна буровых скважин, пройденных геологами ПГО «Архангельскгеология»<sup>1</sup>, геофизиками ПГО «Севзапгеология», а также геологами ряда НИИ Академии наук СССР. К сожалению, все эти исследования носили среднемасштабный характер, что повлекло за собой довольно слабую геологическую изученность данного уникального участка Архангельской области.

В пределах Кенозерского парка сочленяются две региональные геологические структуры: юго-восточный склон Балтийского (Фенноскандинавского) щита, сложенный древнейшими кристаллическими породами фундамента, и северо-западная часть Московской синеклизы Русской плиты, сложенная терригенно-осадочными породами. Геологические образования территории парка относятся к трем структурным этажам: саамскому, лопийскому и платформенному. Все древние образования на территории парка покрыты мощным чехлом четвертичных отложений, что также затрудняет их изучение.

**Саамский этаж.** Западная и северо-западная части территории Кенозерского парка размещаются в пределах Водлозерского мегаблока (кратона) саамия (протоархея) возрастом 3600–3200 млн. лет. Основной объем этого структурного подразделения представлен гранитоидными массивами диорит-гранитовой формации<sup>2</sup> с фрагментами метавулканитов (?) волоцкой свиты. В литологическом составе формации преобладают лейкократовые кварцевые диориты, гранодиориты, плагиограниты, аналогичные мигматит-плагиогранитовому комплексу района реки Сухая Водла. Возраст плагиогранитов этого комплекса – 3210 млн. лет. Мигматиты, встречающиеся среди гранитоидных массивов, чаще всего представлены скиалитами и ксенолтами роговообманковых плагиоамфиболитов, амфибол-плагиоклазовых, амфибол-пироксен-плагиоклазовых кристаллических сланцев, интенсивно мигматизированных и огнейсованных. Лейкосомы мигматитов имеет состав плагиогранитов. Типы мигматизации различны – от полосчатых инъекционных до теневых.

**Лопийский этаж.** Лопийский (мезо- и неогаргейский) этаж представлен юго-восточным фрагментом Сумозерско-Кенозерского зеленокаменного пояса Балтийского

© Зудин А.И., 2012



щита – Волошово-Кенозерской рифтогенной структурой субмеридианального простираения, в составе которой выделяется 7 осадочно-вулканогенных толщ: волошовская, муйозерская, кенозерская, вешкозерская, починская и нюхчозерская.

Разрез лопийских отложений представлен метаморфизованными толеитовыми и комагнитовыми базальтами, перидотитовыми комагнититами, андезитами, вулканиками риолит-дацитового состава, песчаниками, алевролитами, туффитами, прослоями и отдельными горизонтами графит-кремнистых сланцев с колчеданной минерализацией. Перидотитовые комагнититы и комагнитовые базальты большей частью приурочены к нижней части разреза лопия. Максимальная мощность отложений – около 7 км, падение – 35–85° на северо-восток, восток<sup>3</sup>. С метаморфическими образованиями лопия и прорывающими их интрузиями на сопредельной с Кенозерским парком территории связаны рудопроявления никеля, меди, кобальта, золота, титана, железа.

**Позднеархейский интрузивный комплекс.** Позднеархейские интрузивные образования (*плутониты* по определению), прорывающие метаморфические образования саамия и лопия, имеют большое распространение в пределах Кенозерского парка. Возраст их определяется по прорыванию интрузиями лопийских образований и, в свою очередь, пересечением их на прилегающей с запада площади пегматитовыми жилами, чей возраст измеряется 2,6–2,7 млрд. лет. Основной их объем приурочен к лопийским осадочно-вулканогенным толщам, где они занимают до 50% от общего объема рифтогенных образований. Представлены они породами трех формаций: габбро-перидотитовой, габбро-диабазовой и диорит-гранитовой. Породы комагнитовой и бонинитовой серии представлены метаперидотитами, метадуниитами, метагаббро, метагаббро-диабазами, метагаббро-норитами и метапироксенитами; породы известково-щелочной серии – плагиогранитами, микроклин-плагиоклазовыми гранитами, гранодиоритами, кварцевыми диоритами; породы толеитовой серии – метаперидотитами, метадуниитами, метагаббро, метапироксенитами. Отмечены редкие интрузии лейкократовых и пегматоидных гранитов.

**Платформенный этаж.** После длительного перерыва в осадконакоплении, начиная с венда (570 млн. лет назад), происходит формирование осадков платформенного чехла, которые с резким угловым несогласием перекрывают образования кристаллического фундамента. В пределах национального парка платформенный этаж представлен породами ленинградского и вологодского структурных ярусов.

Первый из них сложен субгоризонтально залегающими вендскими отложениями конгломерат-пелитовой формации мощностью до 207 м<sup>4</sup>. Представлены эти отложения микро-ритмичнослоистыми серыми, темно-серыми и зеленовато-серыми алевролитами и аргиллитами, песчаниками падунской свиты (*Vpd*) с базальными конгломератами в основании и пестроцветными аргиллитами с прослоями алевролитов, содержащих ламиналитовые пленки с характерным комплексом акритарх и сероцветными песчаниками (иногда – конгломератами) мезенской свиты (*Vmz*).

Отложения вологодского структурного яруса со стратиграфическим несогласием

перекрывают отложения ленинградского яруса, а на северо-западе парка обнаружены образования кристаллического фундамента. Нижняя его часть сложена верхнедевонскими (360 млн. лет), в основном пестроцветными глинами, алевролитами слюдистыми, песками тотемской толщи (*D<sub>3</sub> tt*) мощностью до 27 м с прослоями мергелей и известняков и конгломератами в основании. Возраст толщи подтвержден находками останков рыб *Bothriolepis sh. indet.*, *B. Maxima* Cross., *Holoptychius sf. nobilissimus*, *H. cf. giganteus*, *acanthodei*, *jnychodus sh.*, скоплениями гиригонтов *Sycidium pancisulcatum* Pryn., лингулы *Lingula locwinconi* Wen.<sup>5</sup> Верхняя часть структурного яруса представлена осадочными отложениями трех отделов каменноугольной системы (карбона) мощностью свыше 220 м. Нижний карбон в пределах парка состоит из осадков тихвинской, мстинской, путлинской, егольской, понеретской и угловской свит. В пределах парка выходы пород нижнего карбона обнажаются для рассмотрения в устье реки Поршенка.

Отложения тихвинской свиты (*C<sub>1</sub> th*) развиты в понижениях рельефа размытых отложений девона. На возвышенных участках поверхности девона они отсутствуют или имеют мощность до 0,7 м. Представлены они пачкой переслаивающихся глин и алевритов, реже песков и ожелезненных песчаников. Глины – пестроцветные, песчаные породы – бурые. В глинах обнаруживаются брахиоподы *Lingula cf. sgua-miformis* Phill и споры раннекаменноугольного возраста *Himenzonotriletes (Waltz)* Naum., *Trilobozonotriletes incise-trilobus* Naum., *Trematoronortiletes aff. variabilis* Naum. Часто породы тихвинской свиты подстилаются корами выветривания верхнедевонских отложений мощностью до 6,5 м.

Разрез мстинской свиты (*C<sub>1</sub> ms*) представлен образованиями морской, прибрежно-морской, прибрежно-дельтовой, реже русловой и пойменной фаций с характерной трансгрессивно-регрессивной цикличностью. Сложена она песками и в меньшей степени песчано-глинистыми породами. Полные вскрытые мощности свиты колеблются от 14,7 до 60,5 м<sup>6</sup>. Органических останков в породах свиты не обнаружено.

Отложения путлинской свиты (*C<sub>1</sub> pl*), видимо, представляют один крупный регрессивно-трансгрессивный цикл, терригенная нижняя часть которого составляет регрессивную, верхняя – терригенно-карбонатная – трансгрессивную фазы развития моря. Терригенные отложения свиты представлены пестроцветными глинами с прослоями алевритов, алевролитов и песков. В верхней части разреза отмечается слой буровато-серого доломита мощностью до 1 м. В отдельных прослоях глин отмечаются повышенные содержания Fe<sub>2</sub>O<sub>3</sub> (14,9 %) и MnO (2,09%). Органические останки обнаружены на сопредельных площадях, где они представлены фораминиферами.

Отложения егольской свиты (*C<sub>1</sub> eg*) представляют собой единый регрессивно-трансгрессивный цикл. Нижняя часть сложена пестроокрашенными глинами, алевролитами, песками. Все литологические разновидности пород известковистые. Верхняя пачка представлена доломитами, доломитизированными известняками с

прослоями известняков. Мощность свиты колеблется от 2,6 до 13,4 м. Мощность залегающего в кровле, маркирующего слоя доломитизированных известняков колеблется от 0,1 до 2 м. В подошве свиты в глинах наблюдаются гальки и обломки карбонатных пород. Обнаружен комплекс характерных фораминифер: *Eostaffella ikensis* Viss., *E. Protkensis* Raus., *Archaeodiscus grandiculus* Schlyk и др.

Понеретская свита ( $C_1 pn$ ) в подошве сложена терригенными образованиями – глинами с прослоями алевролитов, песков, песчаников, мергелей бурого, желтого и голубовато-серого цветов. Верхи разреза представлены доломитами с прослоями известняков и известковых глин. Участками доломиты выщелочены и превращены в доломитовый песок. В средней части разреза резко меняется состав глинистых минералов – от преобладающего монтмориллонита ведущая роль переходит к гидрослюде с примесью каолинита и хлорита. Мощность свиты в пределах парка составляет 11–33 м. Среди карбонатных пород в кровле свиты отмечены находки *Endothyranopsis sphaericus* Raus., *Marginifera lobata* Sow., *Hoitinella sokolovi* Posn. и др.

Угловская свита ( $C_1 ug$ ) имеет двучленное строение. Нижняя часть ее разреза начинается песчано-глинистой пачкой мощностью 0,5–13 м. Пачка представлена переслаивающимися пестрыми глинами с прослоями мергелей, песков, песчаников, алевролитов. Верхняя часть разреза карбонатная. Она сложена однородной пачкой доломитов с редкими прослоями мергелей и глин. В доломитах отмечаются брахиоподы: *Striatifera magna* Jap., *Mitterella* sp. и др.

В среднем карбоне на площади происходит палеогеографическая перестройка условий осадконакопления в связи со значительным расширением морской трансгрессии с юго-востока. Средний карбон представлен отложениями верейской, каширской, подольской и мячковской свит.

Верейская свита ( $C_2 vr$ ) залегает с перерывом на отложениях угловской свиты. Контакт с последней часто подчеркивается глинистыми отложениями, содержащими обломки протвинских образований. В разрезе свиты преобладают пестроокрашенные глины, часто с многочисленными обломками карбонатных пород. Подчиненное значение имеют карбонатные породы, представленные пестроокрашенными доломитами и известняками. Фаунистически отложения свиты не охарактеризованы.

Каширская свита ( $C_2 ks$ ) представлена известняками (97% разреза) с прослоями конгломератов и гравелитов (до 1%), доломитов и глин (до 2%). Терригенные прослои приурочены в основном к нижней и центральной частям разреза. Известняки мелко- и грубообломочные, конгломератовидные, брекчиевидные, псевдооолитовые, загипсованные, с прослоями доломитизированных известняков. В отложениях каширской свиты определены фораминиферы: *Pseudostaffella gorskyi* Dutk. *Ps. aff. parasphaeroidea* Lee et Chen, *Ps. Larionovae* Raus et Saf и др.; брахиоподы: *Choristites radiculosis* Iv., *Ch. ex gr. priscus* Eichw и др.

Подольская свита ( $C_2 pd$ ) согласно залегает на отложениях каширской свиты. В

литологическом составе свиты доминируют органогенные известняки. Отмечаются также доломитизированные известняки и доломиты, а также редкие прослои глин и мергелей мощностью до 0,2–1,2 м. В «чистых» разновидностях известняков содержание  $CaCO_3$  превышает 50%, что делает их пригодными для производства флюсового сырья, огнеупоров, цемента, извести. Фаунистические останки в породах свиты представлены фораминиферами и брахиоподами.

Мячковская свита ( $C_2 mc$ ) завершает разрез среднего карбона и максимальную фазу трансгрессии московского моря. Мощность свиты изменяется в пределах 17–33 м. Литологический состав пород свиты довольно однообразен. Представлен он массивными, нередко органогенно-обломочными и кристаллически-зернистыми известняками, участками доломитизированными с редкими прослоями мощностью до 0,1 м розовато-коричневых и голубовато-серых глин. Фаунистические останки представлены фораминиферами и брахиоподами.

Отложения верхнего карбона, относящиеся к регрессивной фазе московско-касимовского цикла седиментации, на площади парка представлены лишь образованиями чурьегской свиты ( $C_3 cr$ ). Мощность свиты составляет 9–28 м. Нижняя граница свиты в большинстве скважин устанавливается по пластам пестроокрашенных глин и мергелей, часто содержащих обломки, гальку и щебень известняков, кремней, глин и мергелей. В целом в разрезе свиты преобладают карбонатные породы – известняки, доломитизированные известняки, доломиты с подчиненным положением терригенных осадков. Фаунистические останки представлены *Protriticites pseudomontiparuz* Put., *Pr. Globules* Put., *Pr. aff. ovoidez* Put., *Obsoletes aff. obsoletes* Schellw., *Liniproductus lineatus* Woog. и др.

Многочисленные перерывы в осадконакоплении при формировании палеозойского осадочного чехла свидетельствуют об относительно частой смене режимов поднятия и опускания территории и возможной магматической (в том числе кимберлитовой) активизации в ее пределах. О вероятности нахождения в районе парка проявлений кимберлитового магматизма говорит и обнаружение геологами ООО «Проекс» в 2007 году в аллювиальных отложениях ручья Сахар (юго-восточнее оз. Лекшмозеро) двух кристаллов алмаза и многочисленных минералов-спутников.

**Четвертичные отложения.** Четвертичные отложения покрывают всю территорию Кенозерского национального парка чехлом мощностью, по данным буровых работ, до 174 м. Представлены они моренными, флювиогляциальными и озерно-ледниковыми осадками двух оледенений (подпорожского и осташковского) и разделяющими их морскими или озерными межледниковыми отложениями, а также современными аллювиальными, озерными, озерно-болотными и элювиально-делювиальными образованиями. Отложения микулинского и ленинградского межледниковых горизонтов распространены только в локальных депрессиях дочетвертичного рельефа.

**Заключение.** Геологическая история территории Кенозерского национального парка насчитывает около 3,5 млрд. лет. Геологическое строение территории парка

недостаточно изучено, что вызывает необходимость производства целенаправленных дополнительных камеральных (по имеющимся фондовым материалам) и маршрутных полевых исследований для организации парком геолого-экологических познавательных экскурсий.

#### **Примечания**

<sup>1</sup>Пенделяк Р.Н. Отчет о региональном изучении Лачской площади в Архангельской области с целью определения перспектив ее алмазоносности, 2009 // Архив Архангельского филиала ФБУ «ТФГИ по Северо-Западному федеральному округу».

<sup>2</sup>Кислов В.П. Отчет о проведении геологической съемки и глубинного геологического картирования м-ба: 1-50000 с общими поисками на Кенозерско-Токшинской площади Ветреного пояса (листы 3-37-53-В, Г –В; 64-Г, 65-А, В) // Там же.

<sup>3</sup>Там же.

<sup>4</sup>Кислов В.П. Пояснительная записка к обоснованию работ по геолого-минералогическому картированию масштаба 1:200000 на Шардозерской площади, 2002. // Архив ООО «Природа».

<sup>5</sup>Там же.

<sup>6</sup>Пенделяк Р.Н. Отчет о региональном изучении Лачской площади в Архангельской области с целью определения перспектив ее алмазоносности, 2009 // Архив Архангельского филиала ФБУ «ТФГИ по Северо-Западному федеральному округу».

*В.В. Куликова, В.С. Куликов  
(г. Петрозаводск),  
Я.В. Бычкова  
(г. Москва)*

### **Главные геолого-геофизические параметры строения территории и их возможное влияние на био- и ноосферу Кенозерского национального парка**

Кенозерский национальный парк (КНП) расположен на юго-западной окраине Архангельской области, а его западная граница является границей области с Республикой Карелия (ил. 1). В геологическом плане КНП находится в зоне сочленения Фенноскандинавского (Балтийского) докембрийского кристаллического щита и Русской плиты, сложенной осадками венда и палеозоя (ил. 2).

Юго-восточная граница Фенноскандии и Русской плиты в составе Восточно-Европейской платформы (ВЕП) прослеживается более чем на 500 км. Базой для ее идентификации в условиях мощного четвертичного покрова и редкой сети буровых скважин являются специфические по рисунку физические поля (гравитационное, магнитное и тепловое) в пределах щита и плиты. Тепловое поле контролирует границу на всем ее протяжении от кряжа Ветреный Пояс на северо-востоке до Карельского перешейка на юго-западе, в том числе и на территории КНП (ил. 3).

Природа теплового поля в настоящее время достоверно не известна. Она может быть обусловлена следующим: 1) эмиссией горных пород в местах изменения геомеханических напряжений; 2) напряженно-деформированным состоянием пород; 3) зоной разрывных нарушений, повышенной трещиноватости или горного давления и/или микроподвижек по контактам блоков в зонах разломов и в других тектонически-напряженных зонах; обводненностью пород; 4) химическими реакциями в результате влияния подземных вод на скопления сульфидов; 5) концентрацией радиоактивных элементов (ториевая специализация) в основании разреза отложений Русской плиты (рифей, венд). В работе использован фрагмент КТП по площади структуры (см. ил. 3), созданной дистанционно-геотермическим методом (ДГМ) в НИЦЭБ РАН<sup>1</sup> зондирования Земли. Его основой является путь передачи тепла через преобразование тепловой энергии в энергию электромагнитного инфракрасного излучения, который, попадая на спутник МОАА, им фиксируется и обрабатывается. Тепловой поток имеет максимальные (по градационной линейке) величины на территории КНП по южному обрамлению Онежского озера и на Карельском перешейке. В первых двух случаях существенную роль в его интенсивности играют техногенные процессы, а территория КНП остается природным эталонным объектом. На современном геологическом этапе развития земной коры тектонические структуры служат

© Куликова В.В., Куликов В.С., Бычкова Я.В., 2012

путями переноса глубинных флюидов, имеющих первостепенное значение в конвективном переносе тепла (см. ил. 3). Территория КНП имеет сложное геологическое строение: ее северо-западная часть находится в пределах щита, а центральная и восточная – на плите (ил. 4). Такая уникальность парка существенно отличает его от соседних национальных парков, расположенных на щите, – «Водлозерского» (см. ил. 4), или на плите, – «Русский Север».

Геологическое строение докембрийского фундамента КНП между озером Кенозеро в Плесецком районе и озером Лача в Каргопольском районе Архангельской области изучено слабо. Однако авторским коллективом достаточно детально исследованы его окрестности (ил. 4, 6).

На северо-западе – район озера Волоцкого – в непосредственной близости с КНП открыты древнейшие на Фенноскандинавском щите палеоархейские мафит-ультрамафитовые комплексы волоцкой свиты.

На севере – сложный комплекс мезоархейских мафит-ультрамафитовых и неоархейских гранитоидных образований, выделенных авторами совместно с геологами Плесецкой ПЭ ПГО «Архангельскгеология» в составе Волошовской (Кенозерской) структуры Сумозерско-Кенозерского зеленокаменного пояса<sup>2</sup>.

На севере и северо-востоке – палеопротерозойский магматический комплекс Ветренный Пояс.

На юго-западе – на Андомской возвышенности – В.С. Куликовым открыта тройная точка «Атлека» – сочленение водосборных бассейнов двух океанов (Атлантического и Северного Ледовитого) и Каспийского моря<sup>3</sup>.

На территории КНП обнажаются палео- и мезоархейские структуры, которые отчетливо, как было показано выше, выделяются в геофизических полях (магнитном и гравитационном) (см. ил. 1 и др.). Особенно информативной в этом плане является карта магнитного поля (ил. 5). На карте магнитных аномалий южная половина КНП перекрыта фанерозойскими комплексами.

Крупным сохранившимся фрагментом Водлозерского блока является непосредственно граничащая с парком Черевская структура III порядка (ил. 6), сложенная древнейшими на Фенноскандинавском щите коматиитовыми и толеитовыми базальтами и коматиитами в виде пачек хорошо идентифицируемых потоков, редко с маломощными прослоями туфов (осадков)<sup>4</sup>. Амфиболиты по основным – ультраосновным вулканитам в виде отдельных фрагментов (ксенолитов и скиалитов) наблюдаются практически по всей территории блока (долины р. Волошова, Черева, Нетома, Сухая Водла – Водла и др.). Sm-Nd возраст амфиболитов и метакоматиитов района озера Волоцкого – 3.4 Ga<sup>5</sup>, амфиболитов в верховьях реки Черевы – 3.32 Ga<sup>6</sup>, в районе реки Пяльмы (Пудожский р-н Карелии) – 3.31–3.37 Ga<sup>7</sup>.

Эти породы претерпели неоднократные преобразования и, в первую очередь, метаморфизм амфиболитовой и гранулитовой фаций, а также хорошо наблюдаемую на природных объектах их тоналитизацию с формированием отдельных самостоятельных мелких массивов диоритов и тоналитов (ГТГ). В пределах блока ограничено

присутствуют мезоархейские гранитоиды (2.85 Ga), но широко развиты неоархейские граниты и пегматиты (2.65 Ga). Мезоархейские комплексы пород образуют зеленокаменные пояса (ЗП). Фрагмент одного из них – Сумозерско-Кенозерского в виде Волошовской структуры<sup>8</sup> – занимает почти треть территории парка (см. ил. 5). Все составляющие ЗП структуры имеют близкое строение, обусловленное присутствием в основании разрезов миндалекаменных толеитовых базальтов, а выше них – осадочных (кремнистые, углеродсодержащие и др.) и вулканических (коматииты, коматиитовые базальты, туфы риодацитов и дацитов) пород с варьирующими мощностями, а также изменчивыми простираниями и падениями. В мезоархее в вулканогенно-осадочном разрезе и в интрузивных массивах мафит-ультрамафитов установлены колчеданные, в том числе никельсодержащие, магнетитовые и другие рудопоявления, которые отчетливо отражаются на магнитных и гравитационных картах (см. ил. 5, 6). Проведенные с целью изучения верхней части коры сейсмические исследования позволили использовать данные для построения сейсмических моделей верхней части земной коры, дополняющих и уточняющих модели, полученные по данным глубинного сейсмического зондирования.

В 1972–1973 годах в результате наблюдений методом отраженных волн по профилю «река Нижняя Телза (р. Онега) – озеро Кенозеро»<sup>9</sup> установлено преимущественно северо-восточное падение всех границ (ил. 7), а в ряде тектонических зон, выделенных по сейсморазведке, установлены массивы основных – ультраосновных пород. Анализ геологических и геофизических материалов указывает на неоднократность подновления и активизации большинства разрывных структур. Все принципиальные различия сейсмических параметров верхней коры сосредоточены в интервале разреза от поверхности до глубины 5–7 км. Характер их изменения определяется особенностями геологического строения на уровне современного эрозионного среза, а увеличение скорости волн вблизи поверхности связано с наличием мафит-ультрамафитовых магматитов высокометаморфизованных комплексов. Сейсмические параметры интервала разреза от 7 до 12 км и далее до глубины 25–30 км стабильны для всей рассматриваемой территории<sup>10</sup>.

Таким образом, геологические и геохронологические данные позволяют выделить следующие этапы в развитии коры региона и направления крупных тектонических перемещений в ней: 1 – палеоархейский – формирование древнейшего Водлозерского ядра (> 3.5 Ga); 2 – мезо-неоархейский – образование ЗП и смещение их на юго-запад (2.9–2.7 Ga); 3 – ранний палеопротерозойский – интенсивные расколы в коре и внедрение высокомагнезиальной ветренитовой магмы (2.5–2.4 Ga); 4 – поздний палеопротерозойский – крупные надвиги Беломорского подвижного пояса на Карельский кратон (1.9–1.8 Ga) и сопутствующие им метаморфические преобразования в верхней коре; 5 – неопротерозойский – формирование платформенных образований рифея и венда (1.4–0.6 Ga).

Фанерозой представлен девонскими и карбоновыми образованиями<sup>11</sup>, сформированными в основном в морских условиях. Девонский период имеет продолжи-

тельность 48 млн. лет (408–360 млн. лет). На территории парка он представлен верхним отделом (D3) – франским ярусом (см. ил. 2 и 6), большая часть которого слагается известняками, доломитами и мергелями (0,1 км), а верхи представлены песчано-глинистыми, местами пестроцветными отложениями (0,2 км). Наиболее характерной фацией девона является фация «древнего красного песчаника» (Old Red sandstone), широко распространенная во всех странах Северного полушария (ил. 8).

Находки органических остатков в красном песчанике (панцирные рыбы, филлоподы) позволяют рассматривать эти образования как результат смешения лагунно-континентальной и лагунно-морской фаций.

Карбон (360–286 млн. лет) представлен тремя отделами (C1, C2, C3) (см. ил. 2 и 6). Нижний отдел (примерно до 100 м) сложен пестроцветными глинами, бокситами, песками, мергелями. В верхней части преобладают доломиты и известняки. Средний отдел имеет мощность около 100 м и образован песчаниками, алевролитами, органическими известняками. Верхний отдел слагают пестроцветные известняки и доломиты мощностью от 100 м. Карбонатные комплексы карбона подвержены значительному карстообразованию. Возможно, такая особенность этой части природного ландшафта КНП, как сочетание максимумов гравитационного поля, геохимических аномалий и кольцевого расположения мелких озер вокруг них, обусловлена скрытыми карстовыми воронками, которые являются также путями перемещения ряда микроэлементов с образованиями в почвенном слое таких аномалий, как ртутные, солевые Ni-Cu-Co и др. В девоне и карбоне сформировались алмазоносные трубки взрыва на территории Архангельской области (северо-восток ВЕП), поэтому вышеуказанные артефакты могут послужить стимулом для дальнейшего изучения геологического строения территории КНП.

Четвертичные образования перекрывают всю территорию КНП. По данным И.Н. Демидова, «бассейн Онежского озера, сложенный различными по составу и выраженности в современном рельефе образованиями докембрия и палеозоя, может рассматриваться в качестве модельной территории по изучению взаимодействия системы ледник – ложе от начальных до заключительных стадий последнего оледенения»<sup>12</sup>. В южной части Онежского озера примерно 23–17 тыс. лет назад в трансгрессивную стадию господствовали сжимающие напряжения в теле ледника и преобладал чешуйчато-надвиговый тип его движения. В движение по внутренним сколам в теле ледника вовлекались песчано-глинистые отложения плейстоценового и доплейстоценового возраста, широко распространенные в низинах перед склонами возвышенностей. В результате сформировались сложно построенные гляциодинамические комплексы, в которых преобладает чешуйчатое наслоение различных по составу осадков, а также мощный, до 30 м, супрагляциальный комплекс. Последний ледниковый максимум датируется периодом 17,3–15,6 тыс. лет назад, когда Карельский ледниковый поток был разделен на две лопасти – Онежскую, продвигавшуюся на юг по котловине Онежского озера, и Восточно-Карельскую (ил. 9 Б, где I – Ла-

дожская, II – Онежская, III – Восточно-Карельская, IV – Беломорская ледниковые лопасти). При этом край ледника огибал с юга озера Кубенское и Белое и протягивался на северо-восток к Няндомской возвышенности.

На иллюстрациях 9 и 10 видно, что территория КНП сохранила весь сюжет формирования и отступления последнего ледника. Средняя мощность четвертичных отложений увеличивается с 6–8 м на севере до 10–20 м на востоке региона, а в его южной части, особенно в зоне сочленения щита и плиты, – с 30–40 м до 80–100 м.

После таяния ледника образовались обширные площади холмисто-котловинного и камового рельефа Урокской и Кенозерской гряд, Вепсовской и Андомской возвышенностей (ил. 9 А), которые продвигались по суше местами с обратными для движения ледника уклонами поверхности, часто сложенной мощными толщами рыхлых образований, увеличивающими донное трение ледника и уменьшающими скорость движения.

В процессе развития ледниковый фронт отступил к Карбоновому уступу около 12,5 тыс. лет назад. Озеро Тамбичозеро, расположенное в районе Карбонового уступа на юго-востоке Карелии<sup>13</sup>, сформировалось около или более 12 тыс. лет назад (ил. 9 Б, В).

В районе глинта господствовал чешуйчато-надвиговый тип движения льда, т.е. тело ледника было разбито многочисленными надвигами и в немалой степени обогащено дебрисом подстилающих отложений.

Отделение широкой периферийной части ледника вдоль уступа вызывало скачкообразное перемещение фронта активного ледника, изменение баланса ледника и последующие релаксационные надвиги его фронта на поля мертвого льда. В результате сложно построенный комплекс рельефа, представляющий собой чередование напорных морен с зонами холмисто-котловинного моренного рельефа и обширными полями камов, протягивается вдоль глинта в северо-восточном направлении через Вепсовскую и Андомскую возвышенности и Колодозерско-Кенозерские гряды к Онегорецко-Двинскому водоразделу (ил. 9 А, Б). Значительная, до 20–30 км, ширина пояса и его большая, до 40–50 м, мощность послужили основанием для выделения его в качестве Главного конечно-моренного пояса – границы поздневалдайского оледенения, который имеет двучленное строение: внешняя часть пояса представлена напорными моренными грядами, а внутренняя – полями моренного холмисто-котловинного и камового рельефов. Исследование десятков озер в этих районах свидетельствует о начале их формирования только в начале голоцена, после таяния мощных массивов погребенного льда. Наиболее древние датировки донных отложений малых озер за счет локального таяния массивов мертвого льда: 1) в бассейне реки Водлы из речного обрыва у г. Пудож (11365 ± 95), 2) озера Тамбичозеро (11635 ± 225) и Пичозеро (10500 ± 125), озеро Лайнозеро на Андомской возвышенности (ил. 9 Б; 10). Восточно-Карельская ледниковая лопасть, испытывавшая постоянный дефицит питания вследствие перехвата ледниковых масс активными ледниковыми потоками, продвигавшимися по Онежской и Беломорской котловинам, почти полно-

стью омертвела до конца беллинга (ил. 9 В). Здесь широко развиты обширные, площадью в сотни квадратных километров, массивы моренного и водно-ледникового холмисто-котловинного рельефа. Мертвый лед, погребенный под мощным супрагляциальным комплексом, в условиях холодного климата таял на протяжении тысячелетий до пребореального, а в некоторых районах и до бореального периода. Крупные поля и массивы мертвого льда, погребенные под мощным супрагляциальным комплексом осадков, занимали обширные площади, ранее перекрывавшиеся покровным ледником, задерживали развитие озерно-речной сети и растительности, окончательно растаяв только в раннем голоцене.

Культурный ландшафт КНП в определенной степени своим существованием обязан внутреннему геологическому строению территории. Так, хотя генеральное направление береговой линии озерного комплекса «Кенозеро» ориентировано вдоль Главного Карбонового уступа (глинта) (см. ил. 2–10), общий план расположенных в КНП культовых памятников свидетельствует об их ориентировке с севера на юг вдоль линии как гравитационных аномалий, так и в пределах максимальных значений теплового поля (ил. 11).

Ранее такие закономерности были обнаружены нами в пределах Заонежья (Карелия), на территории ВНП и в некоторых других местах<sup>14</sup>. Исходя из местоположения культовых построек разных времен в пределах тектонических зон в полях интенсивного теплового поля, можно предположить интуитивные порывы человека в обустройстве своей жизни под влиянием благоприятных природных факторов, в основе которых лежат геолого-геофизические характеристики территории.

### Примечания

<sup>1</sup>Карта некоррелированного конвективного теплового потока Северо-Запада России. Масштаб 1:1 000 000. Листы Q37–Q38 (Архангельск) / под ред. В.И. Горного. СПб., 2000.

<sup>2</sup>Куликова В.В., Куликов В.С., Черепанов А.А. Токшинская структура // Вулканизм архейских зеленокаменных поясов Карелии. Л.: Наука, 1981. С. 50–61; Первые данные Sm-Nd возраста архейских базальтов Карельской гранит-зеленокаменной области / Н.Н. Сочеванов и др. // Доклады Академии наук СССР. 1991. Т. 318, № 1. С. 175–180.

<sup>3</sup>Великий Андомский водораздел. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2000. 60 с.

<sup>4</sup>Куликова В.В. Волоцкая свита – стратотип нижнего архея Балтийского щита. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 1993. 250 с.

<sup>5</sup>Коматииты Водлозерского блока (Балтийский щит) / И.С. Пухтель и др. // Доклады Академии наук СССР. 1991. Т. 317, № 1. С. 197–202; Водлозерский гнейсовый комплекс раннего архея и его структурно-метаморфическая эволюция / С.Б. Лобач-Жученко и др. // Изотопная геохронология докембрия. Л.: Наука, 1989. С. 14–45.

<sup>6</sup>Новые данные о возрасте древнейшей тоналит-тродьемитовой ассоциации Балтийского щита / В.П. Чекулаев и др. // Стратиграфия, геологическая корреляция.

2009. Т. 17, № 2. С. 124–128.

<sup>7</sup>Куликова В.В. Волоцкая свита – стратотип нижнего архея Балтийского щита. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 1993. 250 с.

<sup>8</sup>Куликова В.В., Куликов В.С., Черепанов А.А. Токшинская структура // Вулканизм архейских зеленокаменных поясов Карелии. Л.: Наука, 1981. С. 50–61; Первые данные Sm-Nd возраста архейских базальтов Карельской гранит-зеленокаменной области / Н.Н. Сочеванов и др. // Доклады Академии наук СССР. 1991. Т. 318, № 1. С. 175–180.

<sup>9</sup>Земная кора восточной части Балтийского щита / под ред. К.О. Кратца. Л.: Наука, 1978. 232 с.

<sup>10</sup>Глубинное строение и сейсмичность Карельского региона / под ред. Н.В. Шарова. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2004. С. 50–62.

<sup>11</sup>Государственная геологическая карта Российской Федерации. Лист Р–(35)–37–Петрозаводск. Масштаб 1:1 000 000. СПб.: Изд-во ВСЕГЕИ, 2000. 344 с.

<sup>12</sup>Демидов И.Н. Деградация поздневалдайского оледенения в бассейне Онежского озера // Геология и полезные ископаемые Карелии. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2005. Вып. 8. С. 134–142.

<sup>13</sup>Там же.

<sup>14</sup>История Земли в галактических и солнечных циклах / В.В. Куликова и др. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2005. 250 с.

Н.П. Лютикова  
(г. Архангельск)

### Одежда населения Пудожского уезда Олонецкой губернии (по письменным источникам XIX века)

Основной источник для написания этой статьи – документы 1890 года, хранящиеся в Государственном архиве Архангельской области (ГААО). И хотя само архивное дело называется «Сведения об одежде и обуви жителей Каргопольского уезда»<sup>1</sup>, большая часть материалов посвящена костюму именно Пудожского уезда Олонецкой губернии.

История появления этих документов такова. Когда В.Ф. Миллер<sup>2</sup> собирал материалы для своего фундаментального труда «Систематическое описание коллекции Дашковского этнографического музея»<sup>3</sup>, он обратился в Императорское общество любителей естествознания, антропологии и этнографии (ИОЛЕАиЭ) при Московском университете с просьбой разослать краткую программу собирания сведений о крестьянской одежде населения России учителям сельских народных училищ, что и было сделано.

Инспектор народных училищ Олонецкой губернии 3-го района (в фонде которого хранятся материалы о костюме 1890 г.), получив программу ИОЛЕАиЭ от директора народных училищ Олонецкой губернии и разослав ее в подведомственные ему училища, получил ответы от 38 учителей. Ответы, полученные в мае–июне 1890 года, были отправлены в ИОЛЕАиЭ (остались только сопроводительные письма инспектору от учителей, готовивших материалы) и были использованы В.Н. Харузиной при подготовке раздела «Одежда крестьян Олонецкой губернии» третьего выпуска труда В.Ф. Миллера<sup>4</sup>. Ответы учителей, поступившие инспектору в августе–сентябре, видимо, решили не отправлять. Они остались в архивном деле. Таким образом, в нашем распоряжении оказались сведения (совсем краткие или более подробные) о костюме конца XIX века Нигижемской, Водлозерской, Вершининской, Авдеевской волостей Пудожского уезда. В материалах, собранных учителем Нигижемского Пречистенского двухклассного сельского училища Т. Верещагиным, не только приведены краткие описания отдельных предметов одежды, но и сделаны рисунки женских головных уборов и душегрейки<sup>5</sup> (ил. 1).

Кроме материалов 1890 года и других архивных документов 1830–1870-х годов из ГААО, другой группой ценных источников для исследования костюма Пудожского уезда Олонецкой губернии являются материалы о городе Пудоже, собранные Русским географическим обществом (РГО) в 1850-х годах<sup>6</sup>, частично опубликованные в начале XX века Д.К. Зелениным<sup>7</sup>, а сейчас выложенные полностью на сайте «Этнография и фольклор Олонецкой и Архангельской губерний»<sup>8</sup> Государственного Петрозаводского университета.

© Лютикова Н.П., 2012

Кроме письменных источников, в работе были также использованы опубликованные в начале XX века фольклорные материалы<sup>9</sup>. К сожалению, пока нет работ, посвященных костюму Пудожского уезда Олонецкой губернии, есть лишь единичные публикации, посвященные головным уборам и украшениям<sup>10</sup>.

**Мужская одежда.** Традиционный комплекс мужского костюма состоял из рубахи, портов (штанов), пояса, обуви, головного убора и верхней одежды.

В XIX веке повседневные мужские рубахи в Пудожском уезде чаще всего шили из тканей домашнего производства – льняного холста, крашенины<sup>11</sup>, пестряди<sup>12</sup> и набойки<sup>13</sup>: «рубашка и порты белого толстого холста»<sup>14</sup> (1840 г.), «в холщевой полосатой рубашке»<sup>15</sup> (1834 г.), «по большей части в летнее время мужчины ходят в белых холщевых рубашках, опоясываясь кушаком или платком»<sup>16</sup> (1854 г.), «рубашки шьются из пестрядины или крашенины»<sup>17</sup> (1890 г.), «рубашка... крашеного домашнего холста»<sup>18</sup> (1890 г.).

Рубахи из фабричных тканей, кумача<sup>19</sup> и ситца<sup>20</sup> носили в праздничные дни. Упоминаются «рубашки красные и ситцевые»<sup>21</sup> (1854 г.), «рубашка кумачная или аглицкая с разными вышивками на груди, воротнике и рукавах цветными снурками»<sup>22</sup> (1890 г.).

Праздничные мужские рубахи чаще всего шили из тканей красного цвета. Если не было кумачовой или ситцевой рубахи, надевали красную пестрядинную: «В дни праздничные состоятельные мужчины одеваются в красную ситцевую или пестрядинную рубашку»<sup>23</sup> (1856 г.). Рубахи красного цвета надевали, собираясь на общественные работы: «При производстве работ, в особенности общественных, мужчины все вообще носят красные рубашки, – красной пестряди или ситцевые, подпоясываясь шелковыми поясами, оставляя длинные концы; а те, кои не имеют средства приобрести рубашек бумажной материи, носят белые холщевые, обшитые около ворота ситцем или красною пестрядью»<sup>24</sup> (1854 г.).

В. Желяев отмечает, что старики и в праздничные дни летом большею частью носят белые холщевые рубахи<sup>25</sup> (1854 г.).

Очевидно, покрой мужских рубах в Пудожском уезде, как и везде на Севере, был туникообразным. Рубахи шили с прямыми рукавами, без воротника, с левосторонним нагрудным разрезом; вырез ворота обшивался тканью контрастного цвета или тесьмой, переходящей в завязки; или для застежки пришивали небольшую пуговицу: «для завязки у шеи пришивают на левой стороне у плеча медную с кедровый орех пуговицу, не употребляя в рубашке воротников; рукава в рубашке полагают широкие не много длиннее локтя»<sup>26</sup> (1854 г.), «рубашки... обшитые около воротника синею тесьмою, или желтыми ленточками, с таковыми же связками, завязывая их на левом плече»<sup>27</sup> (1854 г.), «рубашка навывпуск с прорехой у левого плеча, отороченная по краю ворота крашеной тесьмой»<sup>28</sup> (1890 г.).

Рубахи всегда подпоясывались. Праздничные рубашки подпоясывали шелковыми поясами, «оставляя концы не менее аршина в длину тот и другой конец»<sup>29</sup> (1854 г.), «опоясываются длинным шелковым поясом, коего кисти висят до самых колен»<sup>30</sup> (1856 г.).

Порты даже в конце XIX века чаще всего шили из грубого льняного холста, на вздержке: «холщевые белые порты»<sup>31</sup> (1890 г.), «подштанники или порты шьются из грубого белаго домашняго полотна с веревочкой вместо пуговицы»<sup>32</sup> (1890 г.).

В будни летом ходили в одних портах: «брюков вообще не держат»<sup>33</sup> (1854 г.), в холодное время года поверх портов надевали штаны из сукна<sup>34</sup> домашнего производства: «домашняго сукна штаны»<sup>35</sup> (1890 г.).

В праздничные дни «вместо штанов, сшитых из суконной материи своей фабрики, одевает штаны из суконной "лавочной материи"»<sup>36</sup> (1890 г.). В праздники мужчины носили штаны и брюки из фабричных тканей – сукна, казинета<sup>37</sup>, нанки<sup>38</sup>, плиса<sup>39</sup>, заправляя их концы в сапоги, с подпоясанной рубашкой навывпуск: «брюки носят нанковые и плисовые под рубашкою в сапогах»<sup>40</sup> (1854 г.), «широкие плисовые панталоны»<sup>41</sup> (1856 г.), «суконные или казинетовые штаны, заправленные в сапоги»<sup>42</sup> (1890 г.).

Жилеты были праздничной одеждой. В середине XIX века их носили еще редко, даже в городе «жилетов носят очень мало»<sup>43</sup> (1854 г.). Во второй половине XIX века без жилета невозможно представить праздничный наряд молодого мужчины: «Одеваются кумачные или ситцевые рубахи, суконные или других материй жилеты, пиджаки и брюки»<sup>44</sup> (1890 г.); «праздничная летняя одежда у мужчин зажиточных, молодых – пиджак и брюки из фабричного сукна... под пиджаком жилет из цветных материй с блестящими пуговицами, рубашка кумачная или аглицкая с разными вышивками на груди, воротнике и рукавах цветными снурками»<sup>45</sup> (1890 г.).

Дополнением праздничного костюма молодых мужчин был старинный серебряный крест, выпущенный поверх рубахи, и шейный платок: «Платки около шеи держат красные или пестрые бумажные на серебряных цепочках. Носят на шее кресты серебряные, старинные, на сплетенных из золота и шелку шнурках и большею частию на рубашке, чтобы все видели»<sup>46</sup> (1854 г.). «Многие из холостых людей сверх рубашки и жилета вешают по одному и по два серебряных больших нательных крестов или – кто таковых не имеет – на шелковых тканых золотом тесемках»<sup>47</sup> (1856 г.).

Шейный мужской платок часто был подарком невесты жениху: «В свадебный день невеста повязывает жениху на шею платок»<sup>48</sup> (1903 г.).

Верхняя мужская одежда в Пудожском уезде во второй половине XIX века была очень разнообразной: балахоны, понитки, кафтаны, армяки, поддевки, сибирки, полушубки, шубы, тулупы.

Балахон – повседневная летняя верхняя одежда прямого покроя, с длинными рукавами, без воротника, из грубого холста: «балахон холщевый рядной»<sup>49</sup> (1840 г.), «балахон, сшитый из грубого холста своего производства, покроем балахон похож на обыкновенное пальто»<sup>50</sup> (1890 г.), «одежда прямаго покроя, без воротника, шьется из грубого холста»<sup>51</sup> (1890 г.).

Пониток (повседневная и рабочая верхняя одежда) шили из более плотной полушерстяной домотканины (понитчины): «Понитки же из материи, в которой уток из шерсти, основа из льна»<sup>52</sup> (1890 г.).

Кафтан – длинная верхняя одежда для весны и осени, с длинными рукавами, чаще всего без воротника или с небольшим воротником-стойкой, спереди сходящим на нет. Кафтаны шили с отрезной спинкой и со сборами или между спинкой и полами вшивали клинья, расширяющие нижнюю часть одежды.

Повседневные и рабочие кафтаны шили из крестьянского сукна серого, реже черного цвета: «Кафтан – одежда ниже колен, с перехватом и стоячим воротником; шьется из домашняго сераго сукна»<sup>53</sup> (1890 г.), «черный крестьянского сукна кафтан»<sup>54</sup> (1871 г.).

Небогатые крестьяне надевали и в праздники кафтаны домашнего сукна, новые, обшитые по полам, концам рукавов и воротнику кожей или крашениной: «Беднаго состояния носят серые суконные кафтаны, обшитые по обоим сторонам от подола черною или белую кожею или же крашенным холстом; воротники в кафтанах делаются с отворотами, но как воротник, так и обшлага обшиваются кожею или же крашенным холстом»<sup>55</sup> (1854 г.).

Выходные кафтаны шили из фабричного сукна, на подкладке из крашенины и коленкора<sup>56</sup>: «кафтаны синия, суконныя на крашеной подложке, а некоторые и на коленкоровой»<sup>57</sup> (1854 г.).

Полукафтан (полукафтанье) – это более короткий, в обтяжку, поддевочный кафтан, хотя его носили и как самостоятельную верхнюю одежду. Шили его из домотканого сукна: «Полукафтаны длиною до колена, обшитыя вокруг кожею, и по бокам с одной складкою, вместо опояски пришивают две, три или четыре пуговицы, медныя, круглыя»<sup>58</sup> (1854 г.).

Армяк – верхняя долгополая распашная просторная одежда из толстой грубой шерстяной ткани или сукна, с цельными спинкой и полами, с длинными широкими рукавами, с глубоким запахом, чаще всего с большим воротником. В холодное зимнее время армяк надевали на тулуп, поддевку или полушубок.

Армяки, как и кафтаны, шили из серого домашнего сукна: «Армяк – длинная прямая одежда с большим (у дорожнаго) и малым (у праздничного) воротником»<sup>59</sup> (1890 г.).

Поддевка – разновидность мужской одежды длиною до колен или ниже, с длинными рукавами, с отрезной спинкой, со сборками от талии, с застежкой на крючки, на подкладе, с карманами: «платье до колена; назади от лифу с оборками и по бокам с карманами»<sup>60</sup> (1854 г.). Как и сибирка, поддевка была выходной верхней одеждой молодых мужчин. Поддевки шили из сукна, казинета: «серая казинетовая поддевка на калинкоровой подкладке»<sup>61</sup> (1860 г.). Зимние поддевки шили из овчины, покрывали нанкой и сукном<sup>62</sup>: «Шьют также не длиннее колена шубы, назади со сборками; карманы приделывают с обоих боков, и вместо пуговиц пришивают крючки; эту одежду называют *поддевкою*; оне покрываются тоже нанкою и бумажною материею»<sup>63</sup> (1854 г.).

В конце XIX века эту одежду уже называли «прежней», молодые мужчины поддевки не носили: «У крестьян средних лет встречаются прежние поддевки (подобие



сюртука), которые теперь носят название «сюртук»<sup>64</sup> (1890 г.), «в прежнее время носили поддевки (бекешка)»<sup>65</sup> (1890 г.).

Сибирка, как и поддевка, напоминает сюртук, но длиннее: «Носят сибирки, сшитые наподобие сюртуков, но длинее колена 1½ арш.»<sup>66</sup> (1854 г.). «Сибирка – род длинного сюртука с карманами назад или с боков»<sup>67</sup> (1890 г.). Сибирки шили из нанки, казинета и фабричного сукна<sup>68</sup>.

Полушубок – короткая, до колен, зимняя верхняя одежда из овчин. «Полушубок – одежда до колен, имеет стоячий воротник и перехват назад»<sup>69</sup> (1890 г.).

Полушубки были нагольные и крытые. На нагольный полушубок для предохранения его от влажности и грязи, надевали балахон, пониток или кафтан, а в дорогу – армяк и тулуп<sup>70</sup> (1890 г.).

Полушубки, «для крепости крытия грубою домашнею тканью»<sup>71</sup>, были рабочей одеждой, а покрытые фабричной тканью, – праздничной<sup>72</sup> (1890 г.).

Тулуп – очень длинная, до пят, прямая одежда из овчин, с широкими полами, с большим воротником. Тулупы были нагольные и крытые: «Некоторые имеют и тулупы из баранов и овец непокрытых. Есть у некоторых и крытия нанкою или другою какою-либо бумажною материею»<sup>73</sup> (1854 г.).

Шубы шили короче тулупов, как правило, без воротника. Шубы были праздничной зимней мужской одеждой: «Мущины лет 30 и более... в праздничные дни носят шубы бараньи, длинные с маленькими воротниками обшивая их кругом нерпою. Молодые мущины носят шубы бараньи, крытые нанкою или другою какою-либо бумажною материею»<sup>74</sup> (1854 г.).

Более дорогие длинные шубы покрывали сукном<sup>75</sup> (1854 г.).

В конце XIX века богатые крестьяне шили шубы не только на овчинном, но и на енотовом меху, покрывая их сукном<sup>76</sup> (1890 г.).

В конце XIX века под влиянием городского костюма в крестьянском мужском костюме (особенно в одежде молодых мужчин) появляются не только пиджаки и жилеты, но и пальто: «Носятся драповые ватные или меховые, с воротником или без них, пальто»<sup>77</sup> (1890 г.), «ватное или черных овчин пальто»<sup>78</sup> (1890 г.).

Учителя народных училищ, собиравшие сведения о крестьянской одежде, часто отмечали, что «поддевки почти совсем вытеснены пиджаком и пальто»<sup>79</sup> (1890 г.), «старинный покрой одежды не существует»<sup>80</sup> (1890 г.).

Пальто и пиджаки шили из черного и синего сукна, покупавшегося в городах и на ярмарках<sup>81</sup>.

Традиционная верхняя мужская одежда, как и женская, запахивалась справа на лево и подпоясывалась кушаком или ремнем: «Опоясываются самыми простыми шерстяными и бумажными кушаками»<sup>82</sup> (1854 г.), «кушаки красные бумажные, гарусные и частью дешевые шелковые и пестроватые»<sup>83</sup> (1854 г.), «опоясан ремнем»<sup>84</sup> (по кафтану) (1871 г.).

Зимой носили кожаные рукавицы: «рукавицы белой простой кожи, приготовляя дома сами для себя; по подготовке рукавиц намазывают для прочности поверхность

их дегтем»<sup>85</sup> (1854 г.). Внутри надевали рукавицы-исподки, связанные из овечьей шерсти: «кожаные рукавицы с исподками /вязанные рукавицы из овечьей шерсти/»<sup>86</sup> (1890 г.).

Мужские головные уборы в Пудоожском уезде в конце XIX века мало чем отличались от тех, что носили в середине века. Только войлочные шляпы в это время носили преимущественно лишь пожилые люди: «Старики носят войлочные шляпы, уже выходящие из моды, напоминающие цилиндр, в 2 или два с половиною вершка вышины, с плоской верхушкой и загнутыми кверху полями. Эти шляпы обшиваются плисовой лентой, к которой прикрепляют несколько металлических пряжек» (1890 г.)<sup>87</sup>.

И в середине, и в конце XIX века летом носили фуражки: «фурашки самая простыя и малоценныя», «фурашки синяго и чернаго цвета, с таковыми же козырьками, по большей части, простой домашней работы»<sup>88</sup> (1854 г.); «фуражка ветхая суконная»<sup>89</sup> (1871 г.), «суконные фуражки», «на голове фуражка теплая на вате»<sup>90</sup> (1890 г.).

Зимой носили суконные шапки с меховой опушкой «шапки четырехугольные, с простою опушкою», «шапки четырехугольные, суконные обшитыя вокруг овчиною»<sup>91</sup> (1854 г.), в документах конца XIX века упоминаются «бараньи шапки или вязанки»<sup>92</sup> (1890 г.).

Летом от комаров и мошки мужчины «иногда обвязывают голову платком на подобие колпака»<sup>93</sup> (1854 г.), носят холщевый кукель в виде капюшона, спускающегося на плечи, спину и грудь, «из-под котораго бывает видно только одни глаза и малая часть лица, – для избежания от уязвления насекомых»<sup>94</sup> (1856 г.) (ил. 2).

Повседневная, рабочая мужская обувь – лапти и сапоги: «берестяные лапти»<sup>95</sup> (1840 г.), «обувь из белых сапогов, и большею частию из лаптей, сплетенных из береста»<sup>96</sup> (1854 г.), «обувь состоит из берестяных лаптей и /редко/ сапогов»<sup>97</sup> (1890 г.).

Лапти носили с холщевыми портянками, обертывая ими ноги<sup>98</sup> (1856 г.).

Повседневной, рабочей обувью были кожаные сапоги, сшитые на одну колодку выворотным швом: «сшитые из белой кожи, выворотные старинной формы, с круглыми носами»<sup>99</sup> (1854 г.).

Праздничные сапоги носили непременно из черной кожи: «сапоги черной кожи с круглыми носами», «сапоги из белой кожи в случае надобности почернить, намазывают дегтем»<sup>100</sup> (1854 г.), «на ногах сапоги не с белой, а черной кожи, на высоких каблуках», «белой кожи сапоги-«бахилы» рабочие, а черной праздничные»<sup>101</sup> (1890 г.).

В конце XIX века в праздники молодые мужчины шеголяли в сапогах с высокими голенищами на каблуках: «франтоськи» сапоги с высокими голенищами и маленькими высокими каблуками», «черные сапоги с длинными голенищами и высокими подборами, с напуском»<sup>102</sup> (1890 г.).

Зимой, кроме сапог, носили валенки: «Зимою держат теплые суконные сапоги, выделяемые Исаевцами»<sup>103</sup>, «сапоги... теплые, выделанные из овечьей шерсти»<sup>104</sup> (1854 г.), «зимою носят... кожаные или теплые валенные сапоги»<sup>105</sup> (1890 г.). Валенки и сапоги зимой носили «с портянками или носками домашняго приготовления»<sup>106</sup> (1890 г.).

**Женская одежда.** Традиционный комплекс женского костюма состоял из рубахи, сарафана, пояса, головного убора и обуви.

Во второй половине XIX века в Пудожском уезде, судя по письменным источникам, женские рубахи были в основном составными. Верхняя часть рубах называлась рукавами, нижняя – станом.

Стан обычно шили из холста: «Рубашки держат холщевыя иногда даже простыя вышитыя по подолу от 1½ до 5 вершков»<sup>107</sup> (1854 г.), «рубахи с ситцевыми рукавами и полотняным станом с вышивкою бумагою по подолу»<sup>108</sup> (1890 г.).

О вышивке на подолах женских рубах пишут почти все корреспонденты ИОЛЕ-АиЭ (в анкете был вопрос: «Развито ли вышивание шерстью, бумагой, шелком, серебром и т.д.?»), но при этом отмечают, что «прежде вышивали... теперь же вышивание на холсте выходит из моды»<sup>109</sup>.

Рукава будничных рубах шили из холста, крашенины и ситца: «сарафан и сорочка крашенинная»<sup>110</sup> (1841 г.), «ситцевых или холщевых рукавов, не доходящих на четверть до локтя»<sup>111</sup> (1890 г.), «рубахи с ситцевыми рукавами»<sup>112</sup> (1890 г.).

Рукава нарядных рубах шили только из фабричных тканей – ситца (обычно красного цвета), кумача, коленкора, кисеи<sup>113</sup>, батиста<sup>114</sup>: «Рукава к рубашкам пришиваются красныя ситцевыя, белыя коленкоровыя и даже кисейныя, батистовыя с разными цветами; но только коротенькия не длиннее локтя со сборками, обшивая кругом желтою ленточкою»<sup>115</sup> (1854 г.), «в праздничные дни одеваются белые кисейныя /травчатые/ рукава»<sup>116</sup> (1890 г.).

Рукава и будничных, и праздничных рубах уже в середине XIX века шили пышными, длиною до локтя, со сборками и узкой обшивкой на концах.

Молодые женщины и девушки летом иногда работали без сарафанов, в специально для этого сшитых нарядных рубахах с широкими вышитыми подолами: «Женщины и девицы при работе, в летнее время, держат одне рубашки, вышитыя по подолу красною бумагою от 3 до 5 вершков различными цветами (узорами) даже иногда и не подпоясываются»<sup>117</sup> (1854 г.).

Сарафаны будничные шили чаще всего из льняных тканей домашнего производства: холста, крашенины, набойки и пестряди: «сарафан и сорочка крашенинная»<sup>118</sup> (1841 г.), «сарафаны холщевыя, крашенныя и печатныя»<sup>119</sup> (1854 г.), сарафаны «из грубого крашенного или печатного холста или тканого клетками с белой, черной и красной нитками»<sup>120</sup> (1890 г.).

Дочери и жены зажиточных крестьян и горожан и в будни носили ситцевые сарафаны еще в середине XIX века: «Некоторые носят из простаго ситцу сарафаны и рубашки»<sup>121</sup> (1854). В 1890-х годах ситцевые сарафаны составляют будничный наряд женщин<sup>122</sup>, но редко являются рабочей одеждой<sup>123</sup>.

Праздничные (парадные) сарафаны девушек и молодых женщин шили из дорогих фабричных тканей – штофа<sup>124</sup> и парчи<sup>125</sup>, гродетур<sup>126</sup>: «сарафан гарнитуровой на желтой холщевой подкладке»<sup>127</sup> (1860 г.). Эти сарафаны носили как в середине XIX века<sup>128</sup> (и раньше), так и во второй половине XIX века<sup>129</sup>.

В конце XIX века большая часть сарафанов были прямые или круглые, на тонких длинных лямках: «сарафан покроя прямого, на лямках, верхняя часть не закрывает половины груди»<sup>130</sup> (1890 г.).

Старинные штофные и парчевые сарафаны большей частью были косоклинные, хотя и в середине XIX века носили прямые сарафаны из этих дорогих тканей: «штофный или парчевый сарафан, обшитый по подолу золотыми позументами»<sup>131</sup>. Позумент – плотная широкая тесьма, сплошь затканная золотными или мишуонными нитями, с орнаментальными мотивами (на Русском Севере позумент называли «хазом», «гасом»). У косоклинных сарафанов позумент нашивали вдоль срединного шва. Наряду с сарафанами носили и юбки: «юпка с парчевой душугрейкой»<sup>132</sup> (1853 г.).

Косоклинные, как правило, были сарафаны из крашенины и упоминаемые в документах 1890 года китаечники<sup>133</sup> (контуши), которые носили «в прежнее время»: «Контушь – род женскаго платья без рукавов и воротника, покроем прямой; спереди нашивался ряд пуговиц, а по сторонам его тесьма»<sup>134</sup> (1890 г.).

Во второй половине XIX века, кроме старинных парадных штофных и парчевых сарафанов, в праздничные дни женщины и девушки носили белые коленкоровые<sup>135</sup> (1860 г.), шерстяные («гарусники»), атласные<sup>136</sup> («атласники»), ситцевые («ситцевики») и кумачные сарафаны с люстриновыми<sup>137</sup> или ситцевыми «казаками» (кофтами-казачками)<sup>138</sup>. Ситцевики часто украшали «одной или двумя лентами по подолу из цветных лоскутков»<sup>139</sup> (1890 г.).

Под сарафаны надевали нижние юбки: зимой носили толстые шерстяные или тканые из лоскутьев<sup>140</sup> (1890 г.).

Сарафаны обязательно подпоясывали: будничные – шерстяными поясами (или надевали фартук, называемый «напередником»<sup>141</sup>), праздничные – шелковыми поясами: «по сарафану развиваются концы длиннаго шелковаго пояса»<sup>142</sup> (1856 г.).

В парадный девичий костюм, кроме парчового или штофного сарафана (или юбки) и рубахи с миткалевыми<sup>143</sup> или травчатыми кисейными рукавами, обязательно входила парчовая душегрейка<sup>144</sup>. «Душегрейка – одежда без рукавов, держится на лямках, вокруг – во всю длину – имеет боры»<sup>145</sup> (1890 г.).

В конце XIX века под влиянием городского костюма в крестьянской женской одежде появляются платья, заменяющие сарафаны<sup>146</sup>, хотя еще в 1854 году корреспондент РГО писал: «Ныне с недавняго времени начали шить платья и капоты; но очень мало»<sup>147</sup>.

Головные уборы девушек и женщин во второй половине XIX века в Пудожском уезде оставались традиционными: девичьи оставляли волосы открытыми («подзоры» с поднизью, перевязки), женские полностью закрывали волосы (сороки, повойники, кокошники).

Самым торжественным праздничным и свадебным девичьим головным убором был венец («корона») с жемчужной поднизью. Этот головной убор был распространен на всей территории Олонецкой губернии<sup>148</sup>. В Пудожском уезде корону называли «подзором»<sup>149</sup>.

Основу «подзора» составляли склеенные листы бумаги и ткань, с прорезанным ажурным узором и нашитыми жемчугом, бисером, цветными камнями: «Высаживаются из разных камешков, бисеру, у богатых из жемчугу; позади тех и других приделывают банты из лент, соединяя в нижних концах разными вышивками, дабы оне были всегда в прямом положении; под ленты и под подзоры повязывают жемчужные поднизы (весом от 3 до 8 золотн.)»<sup>150</sup> (1854 г.), «подзор – род короны, украшен крупным жемчугом и цветными камнями»<sup>151</sup> (1890 г.).

Под «подзор» надевали жемчужную поднизь, «жемчужну мелку сеточку»<sup>152</sup>: «Поднизь состоит из пяти вогнутых козырьков (рогов), делается она из конских белых волосов, скрученных вместе и унизанных жемчугом, козырьки пришиваются к ленточке, которою и привязываются ниже "подзора" к голове»<sup>153</sup> (1890 г.).

Поднизь носили не только девушки, но и молодые женщины, надевая их с повойниками: «В головных уборах девушек и замужних женщин есть разница: у первых повязка только окаймляет голову, а весь верх ея остается открытым, у "молодух" же /старые повязок не носят/ кроме поднизы одевается цилиндрической формы парчевый повойник»<sup>154</sup> (1890 г.).

Дополняли наряд жемчужные серьги: «жемчужные серьги около 2-х золотников»<sup>155</sup> (1853 г.), «в ушах держат жемчужные серьги (от 1 до 3 зол.)»<sup>156</sup> (1854 г.), «в уши вдеваются жемчужные серьги»<sup>157</sup> (1890 г.).

И. Георгиевский так описывает девичий праздничный наряд:

«Первое достоинство в праздничном порядке для девицы составляет убранство головы, и вот в чем состоит оно: волосы девицы заплетают в одну косу, которая обвивается шелковыми ленточками разного цвета, коих концы остаются в висячем положении на две и на три четверти; лоб девицы украшается, по местному названию, поднизью, низанной жемчугом, простирающейся от одного уха до другого, а в широте на один вершок, по коей привешивается подзор, называемый короною; в уши вдеваются низанные также жемчугом серьги<...> Стан девицы украшает штофный или парчевый сарафан, обшитый по подолу золотыми позументами, – по сарафану развешаются концы длинного шелкового пояса. Поверх сарафана одевается штофная душегрейка, имеющая в окружности от 18 до 30 зборов, из-под которой выказываются коротенькие белокисейные рукава рубашки. Оконечности рук покрываются бумажными перчатками, а иногда эти перчатки простираются до самых локтей, и замечательно то, что в них нет перстов, вероятно, для того, чтобы можно было видеть на голых перстах перстни и кольца. Из-под сарафана выказываются ноги, обутые в портные беленькия чулки и сафьянныя башмаки разнаго цвета.

Тот же самый наряд принадлежит и замужним женщинам, с тем только различием, что на голове бывает бархатный повойник, называемый в простонародии *цепцем*. Зимой этот наряд изменяется только тем, что вместо душегрейки по сарафану одевается штофная или парчевая фалтистая шубка не длиннее колен. Наряд этот есть общий – горожанок и поселянок»<sup>158</sup> (1856 г.).

Другим праздничным девичьим убором была перевязка – головной убор в виде

обруча на твердой основе, обшитый позументом, парчой или бархатом и украшенный жемчугом, бисером, цветными стеклами: «На головы девушки накладывают перевязки. Перевязка шьется из парчи, унизанной наперед жемчугом и бусами»<sup>159</sup> (1890 г.); «лента, снизу которой подложено береста, а сверху по бархату низан жемчуг, цветные стекла и другие украшения»<sup>160</sup> (1903 г.); «перевязка – лента, это вроде обруча в ширину 1½ вершка, вышитой кругом бархатом и унизан спереди бусами»<sup>161</sup> (1915 г.).

Перевязки упоминаются в документах и описаниях свадебного обряда в конце XIX – начале XX века.

В 1854 году В. Желаев описывает более скромный девичий головной убор «подбериху», которую девицы носят летом в будние дни вместо платков: «Подберихи, шитыя из разных лоскутков шириною в 1 вершок и обшитыя кумачем»<sup>162</sup> (1854 г.). В начале XX века в фольклорных текстах это название еще сохраняется: «Своей алой подберушки / С головки не сойму»<sup>163</sup> (1903 г.).

Девичьим головным убором были также ленты, повязанные по голове, или косынки, сложенные в виде ленты: «Девицы носят на головах косынки, завязывая назади, оставляя концы; а поверхность головы оставляют ни чем не покрытою; ленты... состоят из белой материи шириною в 3½ верш.; вышиваются фольгою различными цветами; обшивается различнаго рода ленточками со сборками кругом»<sup>164</sup> (1854 г.).

Девушки заплетали волосы в одну косу. Обрядовой прической были распущенные волосы. В описании свадебного обряда 1915 года есть упоминание о венчании невесты с расплетенной косой: «Когда поезд (свадебный. – *Н.Л.*) приезжает к церкви и входят в церковь, то сноха у невесты расплетает косу и завязывает волосы ниткой, чтобы не распались»<sup>165</sup>. После венчания молодой заплетали волосы в две косы и надевали женский головной убор: «Невесту убирает, украшает жена брата ея, заплетает две косы, одевает повойник и наверх кокошник и шелковый платок»<sup>166</sup> (1915 г.).

В письменных источниках чаще всего упоминаются праздничные повойники, или чепцы (мягкие головные уборы, состоящие из донца и околыша), которые носили молодые женщины. Такие повойники шили из бархата или штофа. Донце украшали вышивкой золотными нитями и жемчугом, по околышу повязывали сложенными в виде ленты шелковыми косынками. «Повойник золотом вышит по бархату»<sup>167</sup> (1853 г.), «на голове носят повойники разные, иногда без платков, вышитыя разными цветами, золотом и серебром, повязывая на оныя (вокруг головы) гасы; а иногда вяжут и шелковыя разноцветныя косынки»<sup>168</sup> (1854 г.), «чипец шьется из фиолетоваго бархата и штофа, украшается золотым шитьем и жемчугом»<sup>169</sup> (1890 г.).

Дополнением к бархатному повойнику с золотным шитьем могла быть жемчужная поднизь.

Будничные повойники шили из хлопчатобумажных тканей: «На головах носят чепцы простые ситцевыя или другой какой либо бумажной материи, обвязываясь платками»<sup>170</sup> (1854 г.).

Сороки в конце XIX века уже выходят из употребления: «в прежнее время носили... головной убор "сорока"»<sup>171</sup> (1890 г.). «Сорока – сборник с кумачными боками и атласным верхом, боковые части на половину пришиваются к средней, другою своею половиною связываются сзади головы»<sup>172</sup> (1890 г.).

Кокошник, упоминаемый в материалах 1890 года («кокошник против лба делается острым кверху и унижается жемчугом»<sup>173</sup>), – это кокошник каргопольского типа, который носили с коленкоровым платком, вышитым золотными нитями, как в Каргопольском уезде Олонецкой губернии.

Кроме золотных платков, которые носили с жемчужными кокошниками, упоминаются платки шелковые, ситцевые и гарусные (шерстяные): «На голове носят цветные шелковые, гарусные или белые коленкоровые вышитые золотом платки»<sup>174</sup> (1890 г.), «голову покрывают ситцевыми или шерстяными платками»<sup>175</sup> (1890 г.), «голову покрывают платком, оставляя один конец длиннее, коим обертывают шею»<sup>176</sup> (1854 г.).

Женская верхняя одежда в Пудожском уезде во второй половине XIX века была не менее разнообразной, чем одежда мужчин, хотя весной и осенью во время работ женщины часто использовали мужскую верхнюю одежду: «Верхняя одежда, употребляемая при работах, почти не отличается от мужской, а некоторые просто носят мужскую одежду»<sup>177</sup> (1890 г.).

Праздничной зимней женской одеждой были шубы и шугаи.

Зимние праздничные шубы были «не длиннее колена, назади со сборками»<sup>178</sup> (1854 г.). Их шили на заячьем или беличьем меху, покрывали шелковыми тканями: «малиновая шуба штофная на заячьем меху»<sup>179</sup> (1853 г.), «шубы покрытыя красным гарнитуром, или красною малинового цвета штофью или разными цветами»<sup>180</sup> (1854 г.), «штофные шубки на заячьем или беличьем меху с накладным длинным воротником»<sup>181</sup> (1890 г.). Шубы попроще покрывали нанкой или китайкой голубого, синего, черного цвета, а также сукном<sup>182</sup>.

Шугай – «род кофты с перехватом и складками вокруг талии; большой воротник его, подол, рукава и перед украшены гасом»<sup>183</sup>. Шугаи обычно шили из штофа<sup>184</sup>, подбивали заячьим мехом или делали на вате<sup>185</sup>. Нарядный штофный шугай, обшитый позументом, с большим меховым воротником в холодное время года заменял парчовую душегрейку в парадном девичьем и женском костюме.

Повседневной верхней зимней одеждой у женщин, как и у мужчин, были полусшубки, крытые крашениной или некрашеным холстом<sup>186</sup>.

Будничной и рабочей женской одеждой для весны и осени были кафтаны, курты и катанушки серого крестьянского сукна: «кафтан серого сукна»<sup>187</sup> (1841 г.), «курта серого сукна»<sup>188</sup> (1841 г.), «кафтанушка из сукна своего приготовления, или кофта»<sup>189</sup> (1890 г.).

В конце XIX века женщины так же, как и мужчины, носили пальто и «кофты суконные и редко драповые»<sup>190</sup> и «визитки (наподобие казачка) разных материй»<sup>191</sup> (1890 г.).

Еще два вида короткой женской одежды было отмечено в конце XIX века в Пудожском уезде: «машалейка, кофта без талии»<sup>192</sup>, т.е. прямая, не приталенная (1890 г.), и «нарубашечник – пиджак с глухим воротом»<sup>193</sup> (1890 г.), который носили «в прежнее времена», а «в старину шили также кофты, только те доходили до колен и покрывались обыкновенно кумачом с рисунком; сзади делались сборки»<sup>194</sup>.

Будничной и рабочей обувью у женщин, как и у мужчин, были кожаные сапоги, лапти и валенки: «сапоги белой кожи»<sup>195</sup> (1841 г.), «сапоги держат белой кожи выворотные и теплые суконные»<sup>196</sup> (1854 г.), «лапти из береста»<sup>197</sup> (1854 г.).

Женщины также носили башмаки и полусапожки: «Обувь держат самой простой работы, – башмаки и полусапожки белой кожи»<sup>198</sup> (1854 г.). Женщины «для легкости к работе в летнее время носят башмаки»<sup>199</sup> (1890 г.).

Праздничной женской обувью были полусапожки и башмаки: «Башмаки носят цветные разных цветов, а больше красного и голобаго, чулки бумажные и нитяные простыя; а иногда сапоги и полусапожки»<sup>200</sup> (1854 г.). «Праздничная обувь женщин – полусапожки и башмаки»<sup>201</sup> (1890 г.). В конце XIX века праздничной обувью женщин были «щиблеты с медными подковками на каблуках и выступки (похожие на полуглубокие галоши)»<sup>202</sup> (1890 г.).

На исходе XIX века под влиянием городского костюма изменяется не только мужской костюм, но и женская одежда: «Влияние городского костюма сильно заметно на мужчинах: поддевки и сибирки почти совсем вытеснены пиджаком и пальто; женские сарафаны заменяются платьем»<sup>203</sup> (1890 г.). В начале XX века краевед-фольклорист Н.С. Шайжин, сын священника, служившего в селе Нигижма Пудожского уезда, сетовал: «Кроме свадеб, русский наряд можно видеть теперь уже очень редко, не более пяти-шести раз в год по большим праздникам. На смену ему являются "отласны, шерстяны" и др. "пары", казачки; подноси заменяются шелковыми платками, а жемчуг с них находит сбыт в лавках и у скупщиков древних икон, вещей. Вообще русский костюм понемногу выходит из употребления»<sup>204</sup> (1903 г.).

*Приложение*

#### **Сведения об одежде жителей Пудожского уезда Вершининской волости, с. Кенозерье. 1890 г.**<sup>205</sup>

Мужская и женская крестьянская одежда в селе Кенозерье, Вершининской волости, Пудожского уезда, разделяется на будничную и праздничную. Материаль для праздничной одежды, и даже самая одежда, покупается, для будничной же и особенно зимней, большею частью готовится домашним способом.

Будничная одежда мужчин состоит из нагольных коротких полусшубков, сшитых из домашних овчин на подобие сюртука с двумя пуговицами назади, тулупов и шуб. Поверх полусшубка или шубы одеваются понитки, кафтаны, армяки. Армяки и кафтаны готовятся из сераго, домашнего тканья, сукна; понитки же из материи, в которой уток из шерсти, основа из льна. На ногах носят из домашнего сукна штаны, большие, из белой кожи, сапоги или валенки

съ портянками или носками домашнего приготовления и подштанники или порты. Подштанники или порты шьются из грубого белого домашнего полотна с веревочкой вместо пуговицы; рубахи шьются из пестрядины или крашенины. На головы одеваются бараньи шапки или вязанки (?), войлочные шляпы и суконные фуражки; на руки кожаные рукавицы с исподками /вязаные рукавицы из овечьей шерсти/.

Праздничная одежда мужчин состоит из полушубков, шуб и тулупов, покрытых сукном, казинетом, чертовой кожей<sup>206</sup> или другой какой материей; носятся драповые ватные или меховые, с воротничками или без них пальто; под низ одеваются кумачные или ситцевые рубахи, суконные или других материй жилеты, пиджаки и брюки. Опеваются кушаками, ремнями и поясами; на шею носят шерстяные шарфы, на ногах сапоги не с белой, а черной кожи, на высоких каблуках.

Верхняя будничная женская одежда зимняя, почти та же, что и у мужчин. Нижнее платье состоит из рубахи с ситцевыми рукавами и полотняным станом с вышивкой бумагой по подолу крестом или гладью; поверх одевается толстая, тканая из лоскутьев юбка, и пестрядинный или ситцевый сарафан; голову покрывают ситцевыми или шерстяными платками. В праздничные дни женщины одеваются в шерстяные и атласные /гарусники и атласники/, ситцевые и кумачные сарафаны и люстриновые или ситцевые казаки. Зимой поверх одевают шугаи и крытые материей полушубки. Шугаи шьются на вате и кроются сукном. Обувь та же, что и у мужчин. На головы девушки накладывают перевязки, замужние женщины кокошники и повойники. Перевязка шьется из парчи, унизанной наперед жемчугом и бусами. Кокошник против лба делается острым сверху и унизывается жемчугом. Кстати заметить, что эти два убора выходят уже из употребления. На перевязку и кокошник женщины повязывают большие атласные разных цветов платки. В ушах девушки носят серги из разных металлов и хрусталя, на пальцах рук кольца и перстни.

Вышивание развито в слабой степени только шерстью и бумагой: в крестик, гладь и в тамбур. Из вышесказанного видно, что как в покрое, так и в материале, городской костюм является преобладающим перед сельским, и от более редких, уже вышедших из употребления, покроях одежды и головных уборов в данной местности нет и помину.

Учитель Кенозерского училища Морозовъ.

### Примечания

<sup>1</sup>ГААО. Ф. 1353. Оп. 2. Д. 8.

<sup>2</sup>Миллер В.Ф. (1848–1913), выдающийся русский ученый, фольклорист, этнограф, языковед и археолог. С 1884 по 1897 год был хранителем Дашковского этнографического музея.

<sup>3</sup>Миллер В.Ф. Систематическое описание коллекции Дашковского этнографического музея. Вып. 1–4. М., 1887–1895.

<sup>4</sup>Там же. Вып. 3. М., 1893. С. 17–27.

<sup>5</sup>ГААО. Ф. 1353. Оп. 2. Д. 8. Л. 20 об.

<sup>6</sup>Желаев В. Географические, статистические и этнографические сведения о городе Пудоже Олонецкой губернии. 1854 // Архив РГО. Фонд Олонецкой губернии. Р. 25. Оп. 1. Д. 10; Студитов. Этнографические описания, объемлющие местность Олонецкой губернии Пудожского у. Нигижемско-Георгиевского, Пречистенского и Гакугского погостов, заключающих в себе около 3000 душ жителей обою пола на двадцативерстном расстоянии. 1854 // Архив РГО. Фонд Олонецкой губернии. Р. 25. Оп. 1. Д. 27; Георгиевский И. Этнографические сведения Олонецкой губернии о городе Пудоже с принадлежащими к оному окрестными селениями. 1856 // Архив РГО. Фонд Олонецкой губернии. Р. 25. Оп. 1. Д. 30.

<sup>7</sup>Зеленин Д.К. Описание рукописей ученого архива Императорского РГО. Вып. 1. Пг., 1915.

<sup>8</sup>URL: <http://ethnomap.karelia.ru>

<sup>9</sup>Колобов И.В. Русская свадьба Олонецкой губернии Пудожского уезда Корбозерской волости // Живая старина. 1915. Вып. I–II. С. 21–90; Олонецкий фольклор: Похоронные причитания вопленицы Н.С. Богдановой // Памятная книжка Олонецкой губернии на 1911 год. Петрозаводск, 1911. С. 195–208; Шайжин Н. Похоронные обычаи и причеты в с. Нигижме Пудожского уезда // Олонецкие губернские ведомости. 1902. № 119. С. 2; Его же. Свадьба в Нигижме: Обряды, приплач и песни // Там же. 1903. № 116. С. 3; № 119. С. 2; № 120. С. 2; № 121. С. 2; № 122. С. 2; № 124. С. 3; № 125. С. 3.

<sup>10</sup>Традиционные головные уборы XVIII – начала XX века / сост. Л.И. Капуста. Петрозаводск, 2008.

<sup>11</sup>Крашенина – льняная гладкокрашеная ткань полотняного переплетения.

<sup>12</sup>Пестрядь – льняная, полульняная или хлопчатобумажная ткань полотняного переплетения с узором в клетку или в полоску, вытканная цветными нитями.

<sup>13</sup>Набойка – льняная ткань полотняного переплетения с узором, нанесенным ручным способом при помощи печатных досок, по незакрашенному или одноцветному фону.

<sup>14</sup>Об отыскании крестьянского сына, Пудожского уезда, Морозова // Олонецкие губернские ведомости. 1840. № 40. С. 2.

<sup>15</sup>ГААО. Ф. 1312. Оп. 1. Д. 159. Л. 14.

<sup>16</sup>Желаев В. Указ. соч. Л. 7 об.

<sup>17</sup>ГААО. Ф. 1353. Оп. 2. Д. 8. Л. 25.

<sup>18</sup>Там же. Л. 28.

<sup>19</sup>Кумач – хлопчатобумажная гладкокрашеная ткань полотняного переплетения.

<sup>20</sup>Ситец – хлопчатобумажная ткань полотняного переплетения с набивным узором.

- <sup>21</sup>Желаев В. Указ. соч. Л. 9.
- <sup>22</sup>ГААО. Ф. 1353. Оп. 2. Д. 8. Л. 28.
- <sup>23</sup>Георгиевский И. Указ. соч. Л. 16.
- <sup>24</sup>Желаев В. Указ. соч. Л. 7 об. – 8.
- <sup>25</sup>Там же. Л. 9.
- <sup>26</sup>Там же. Л. 8–8 об.
- <sup>27</sup>Там же. Л. 9.
- <sup>28</sup>ГААО. Ф. 1353. Оп. 2. Д. 8. Л. 19.
- <sup>29</sup>Желаев В. Указ. соч. Л. 9.
- <sup>30</sup>Георгиевский И. Указ. соч. Л. 16–16 об.
- <sup>31</sup>ГААО. Ф. 1353. Оп. 2. Д. 8. Л. 19.
- <sup>32</sup>Там же. Л. 25.
- <sup>33</sup>Желаев В. Указ. соч. Л. 8.
- <sup>34</sup>Сукно – плотная шерстяная ткань полотняного или саржевого переплетения с войлокообразным настилом, образованным специальной обработкой (валянием).
- <sup>35</sup>ГААО. Ф. 1353. Оп. 2. Д. 8. Л. 25.
- <sup>36</sup>Там же. Л. 7–7 об.
- <sup>37</sup>Казинет – хлопчатобумажная, полушерстяная или шерстяная одноцветная гладкая ткань саржевого переплетения.
- <sup>38</sup>Нанка – хлопчатобумажная ткань, изготовленная на трех ремизках, плотная белая или гладкокрашенная, иногда с набивным узором. В XIX веке была одной из самых дешевых фабричных тканей в России.
- <sup>39</sup>Плис – разновидность хлопчатобумажного бархата с несколько большей, чем у бархата, длиной ворса; ткань гладкокрашенная, обычно темной расцветки.
- <sup>40</sup>Желаев В. Указ. соч. Л. 9.
- <sup>41</sup>Георгиевский И. Указ. соч. Л. 16.
- <sup>42</sup>ГААО. Ф. 1353. Оп. 2. Д. 8. Л. 19–19 об.
- <sup>43</sup>Желаев В. Указ. соч. Л. 9.
- <sup>44</sup>ГААО. Ф. 1353. Оп. 2. Д. 8. Л. 25 об.
- <sup>45</sup>Там же. Л. 28.
- <sup>46</sup>Желаев В. Указ. соч. Л. 9.
- <sup>47</sup>Георгиевский И. Указ. соч. Л. 16.
- <sup>48</sup>Шайжин Н. Свадьба в Нигижме. № 121. С. 2.
- <sup>49</sup>Об отыскании крестьянского сына... С. 3.
- <sup>50</sup>ГААО. Ф. 1353. Оп. 2. Д. 8. Л. 7.
- <sup>51</sup>Там же. Л. 20.
- <sup>52</sup>Там же. Л. 25.
- <sup>53</sup>Там же. Л. 20.
- <sup>54</sup>Там же. Ф. 1957. Оп. 1. Д. 125. Л. 94 об.
- <sup>55</sup>Желаев В. Указ. соч. Л. 9–9 об.
- <sup>56</sup>Коленкор – хлопчатобумажная ткань полотняного переплетения, отбеленная и

накрахмаленная в процессе отделки. Нити основы и утка довольно толстые, что отличает коленкор от подобных тканей. Коленкор выпускали одноцветным, белым или цветным, а клей или крахмал, используемые для пропитки, придавали ему глянец. Коленкор служил также основой для изготовления набивных тканей – миткаля, ситца.

- <sup>57</sup>Желаев В. Указ. соч. Л. 9–9 об.
- <sup>58</sup>Там же. Л. 9 об.
- <sup>59</sup>ГААО. Ф. 1353. Оп. 2. Д. 8. Л. 20.
- <sup>60</sup>Желаев В. Указ. соч. Л. 9.
- <sup>61</sup>ГААО. Ф. 1312. Оп. 1. Д. 498. Л. 19 об.
- <sup>62</sup>Желаев В. Указ. соч. Л. 8-об.
- <sup>63</sup>Там же. Л. 7.
- <sup>64</sup>ГААО. Ф. 1353. Оп. 2. Д. 8. Л. 28.
- <sup>65</sup>Там же. Л. 20.
- <sup>66</sup>Желаев В. Указ. соч. Л. 9 об.
- <sup>67</sup>ГААО. Ф. 1353. Оп. 2. Д. 8. Л. 20.
- <sup>68</sup>Желаев В. Указ. соч. Л. 9 об.
- <sup>69</sup>ГААО. Ф. 1353. Оп. 2. Д. 8. Л. 20.
- <sup>70</sup>Там же. Л. 7, 19, 25.
- <sup>71</sup>Там же. Л. 28.
- <sup>72</sup>Там же.
- <sup>73</sup>Желаев В. Указ. соч. Л. 7.
- <sup>74</sup>Там же. Л. 8–8 об.
- <sup>75</sup>Там же.
- <sup>76</sup>ГААО. Ф. 1353. Оп. 2. Д. 8. Л. 28.
- <sup>77</sup>Там же. Л. 25 об.
- <sup>78</sup>Там же. Л. 19 об.
- <sup>79</sup>Там же. Л. 20.
- <sup>80</sup>Там же. Л. 9, 20.
- <sup>81</sup>Там же. Л. 9.
- <sup>82</sup>Желаев В. Указ. соч. Л. 7 об.
- <sup>83</sup>Там же. Л. 8–8 об.
- <sup>84</sup>ГААО. Ф. 1957. Оп. 1. Д. 125. Л. 94 об.
- <sup>85</sup>Желаев В. Указ. соч. Л. 7 об.
- <sup>86</sup>ГААО. Ф. 1353. Оп. 2. Д. 8. Л. 25.
- <sup>87</sup>Миллер В.Ф. Указ. соч. Вып. 3. С. 20.
- <sup>88</sup>Желаев В. Указ. соч. Л. 7–7-об.
- <sup>89</sup>ГААО. Ф. 1957. Оп. 1. Д. 125. Л. 94 об.
- <sup>90</sup>Там же. Ф. 1353. Оп. 2. Д. 8. Л. 25, 28.
- <sup>91</sup>Желаев В. Указ. соч. Л. 7, 8.
- <sup>92</sup>ГААО. Ф. 1353. Оп. 2. Д. 8. Л. 25.

- <sup>93</sup>Желаев В. Указ. соч. Л. 7-об.  
<sup>94</sup>Георгиевский И. Указ. соч. Л. 16 об.  
<sup>95</sup>Об отыскании крестьянского сына... С. 3.  
<sup>96</sup>Желаев В. Указ. соч. Л. 7 об.  
<sup>97</sup>ГААО. Ф. 1353. Оп. 2. Д. 8. Л. 19.  
<sup>98</sup>Георгиевский И. Указ. соч. Л. 16 об.  
<sup>99</sup>Желаев В. Указ. соч. Л. 7 об.  
<sup>100</sup>Там же. Л. 8-об., 8.  
<sup>101</sup>ГААО. Ф. 1353. Оп. 2. Д. 8. Л. 25 об., 28.  
<sup>102</sup>Там же. Л. 7–7 об., 19.  
<sup>103</sup>Видимо, речь идет о мастерах известного в Олонецкой губернии центра изготовления валяной обуви – Исаевском приходе Вытегорского уезда.  
<sup>104</sup>Желаев В. Указ. соч. Л. 7 об. – 8.  
<sup>105</sup>ГААО. Ф. 1353. Оп. 2. Д. 8. Л. 19.  
<sup>106</sup>Там же. Л. 25.  
<sup>107</sup>Желаев В. Указ. соч. Л. 10 об.  
<sup>108</sup>ГААО. Ф. 1353. Оп. 2. Д. 8. Л. 25 об.  
<sup>109</sup>Там же. Л. 8–8 об.  
<sup>110</sup>Об отыскании пудожской мещанской дочери Чудиновой, скрывшейся с места жительства // Олонецкие губернские ведомости. 1841. № 7. С. 3.  
<sup>111</sup>ГААО. Ф. 1353. Оп. 2. Д. 8. Л. 19 об.  
<sup>112</sup>Там же. Л. 25 об.  
<sup>113</sup>Кисея – тонкая полупрозрачная хлопчатобумажная ткань редкого полотняного переплетения.  
<sup>114</sup>Батист – хлопчатобумажная или льняная мягкая, плотная, легкая ткань полотняного переплетения, которая вырабатывается из очень тонкой гребенной пряжи в основе и утке.  
<sup>115</sup>Желаев В. Указ. соч. Л. 10 об.  
<sup>116</sup>ГААО. Ф. 1353. Оп. 2. Д. 8. Л. 19 об.  
<sup>117</sup>Желаев В. Указ. соч. Л. 10.  
<sup>118</sup>Об отыскании пудожской мещанской дочери... С. 3.  
<sup>119</sup>Желаев В. Указ. соч. Л. 9 об.  
<sup>120</sup>ГААО. Ф. 1353. Оп. 2. Д. 8. Л. 28 об.  
<sup>121</sup>Желаев В. Указ. соч. Л. 10.  
<sup>122</sup>ГААО. Ф. 1353. Оп. 2. Д. 8. Л. 19 об., 25 об.  
<sup>123</sup>Там же. Л. 28 об.  
<sup>124</sup>Штоф – плотная шелковая ткань различных переплетений, сотканная с использованием скрученных из нескольких нитей основы и утка. Большая часть штофов была одноцветной, орнамент создавался сочетанием блестящих и матовых поверхностей крепового, репсового и других типов переплетений.  
<sup>125</sup>Парча – сложноузорчатая ткань с шелковой основой, содержащая в утке (реже

в основе) металлические нити с золотом, серебром или имитирующими их материалами. Золотые и серебряные нити в парче только в древности вырабатывались из чистого металла, позднее сплавы с незначительным содержанием драгоценных металлов заменили в парче золото и серебро. Обычно металлической ленточкой обвивают шелковую или хлопчатобумажную нить, что обеспечивает необходимую гибкость ткани и одновременно придает ей достаточную массивность и блеск.

<sup>126</sup>Гродетур – плотная шелковая ткань, получаемая ложнорепсовым (разновидностью полотняного) переплетением, когда при наличии в основе или утке более толстых нитей образуются мелкие продольные или поперечные рубчики – признак репсового переплетения. В крестьянской и купеческой среде эта ткань бытовала под названием «гарнитур».

<sup>127</sup>ГААО. Ф. 1312. Оп. 1. Д. 498. Л. 23.

<sup>128</sup>Георгиевский И. Указ. соч. Л. 14.

<sup>129</sup>ГААО. Ф. 1312. Оп. 1. Д. 498. Л. 21; Ф. 1353. Оп. 2. Д. 8. Л. 19 об.

<sup>130</sup>Там же. Ф. 1353. Оп. 2. Д. 8. Л. 20.

<sup>131</sup>Георгиевский И. Указ. соч. Л. 14.

<sup>132</sup>ГААО. Ф. 1342. Оп. 1. Д. 145. Л. 20.

<sup>133</sup>Китайка – плотная хлопчатобумажная ткань полотняного переплетения синего, реже красного цвета. До середины XIX века китайка и кумач четко различались по цвету, но позже встречаются упоминания о красной китайке и синем кумаче.

<sup>134</sup>ГААО. Ф. 1353. Оп. 2. Д. 8. Л. 20 об.

<sup>135</sup>Там же. Ф. 1312. Оп. 1. Д. 498. Л. 19 об.

<sup>136</sup>Атлас – шелковая или полушелковая мягкая ткань, лицевая сторона которой благодаря атласному переплетению нитей имеет гладкую блестящую поверхность. Разновидностью атласа является атлас золотный.

<sup>137</sup>Люстрин – шерстяная или полушерстяная с добавлением хлопка ткань с блестящей поверхностью. Глянец образовывался в результате обработки готовой материи.

<sup>138</sup>ГААО. Ф. 1353. Оп. 2. Д. 8. Л. 25 об.

<sup>139</sup>Там же. Л. 28 об.

<sup>140</sup>Там же. Л. 25 об.

<sup>141</sup>Студитов. Указ. соч. Л. 9.

<sup>142</sup>Георгиевский И. Указ. соч. Л. 14.

<sup>143</sup>Миткаль – хлопчатобумажная ткань полотняного переплетения, которую ткали из неотбеленной пряжи. После отбеливания миткаля получали коленкор, после набивки орнамента – ситец, после окраски – кумач.

<sup>144</sup>ГААО. Ф. 1342. Оп. 1. Д. 145. Л. 20; Оп. 2. Д. 8. Л. 20; Шайжин Н. Свадьба в Нигижме. № 119. С. 2.

<sup>145</sup>ГААО. Ф. 1353. Оп. 2. Д. 8. Л. 20.

<sup>146</sup>Там же. Л. 20.

<sup>147</sup>Желаев В. Указ. соч. Л. 11.

<sup>148</sup>Этнографические заметки о заонежанах // Памятная книжка Олонецкой губернии на 1866 год. Петрозаводск, 1866. Ч. 2. С. 32; Трифонова Л.В. Традиционный костюм Южной Карелии конца XIX по материалам «Этнографической экскурсии» М.А. Крутовского // Кижский вестник. Петрозаводск, 2001. Вып. 6; Ее же. Одежда русских Повенецкого и Петрозаводского уездов Олонецкой губернии (по материалам «Этнографической экскурсии» М.А. Крутовского) // Кижский вестник. Петрозаводск, 2003. Вып. 8. С. 131, 136; Яскеляйнен Е.И. Женский и девичий головные уборы в коллекции музея-заповедника «Кижы» // Кижский вестник. Петрозаводск, 1994. Вып. 4. С. 104; Традиционные головные уборы... С. 6–7.

<sup>149</sup>ГААО. Ф. 1353. Оп. 2. Д. 8. Л. 19 об., 20–20 об.

<sup>150</sup>Желаев В. Указ. соч. Л. 11.

<sup>151</sup>ГААО. Ф. 1353. Оп. 2. Д. 8. Л. 20 об.

<sup>152</sup>Олонецкий фольклор: Похоронные причитания... С. 206.

<sup>153</sup>ГААО. Ф. 1353. Оп. 2. Д. 8. Л. 20–20 об.

<sup>154</sup>Там же. Л. 7 об. – 8.

<sup>155</sup>ГААО. Ф. 1342. Оп. 1. Д. 145. Л. 20.

<sup>156</sup>Желаев В. Указ. соч. Л. 11.

<sup>157</sup>ГААО. Ф. 1353. Оп. 2. Д. 8. Л. 8.

<sup>158</sup>Георгиевский И. Указ. соч. Л. 14–15.

<sup>159</sup>ГААО. Ф. 1353. Оп. 2. Д. 8. Л. 25 об.

<sup>160</sup>Шайжин Н. Свадьба в Нигижме. № 116. С. 2.

<sup>161</sup>Колобов И.В. Указ. соч. С. 46.

<sup>162</sup>Желаев В. Указ. соч. Л. 10.

<sup>163</sup>Шайжин Н. Свадьба в Нигижме. № 124. С. 3.

<sup>164</sup>Желаев В. Указ. соч. Л. 10 об. – 11.

<sup>165</sup>Колобов И.В. Указ. соч. С. 88.

<sup>166</sup>Там же. С. 88.

<sup>167</sup>ГААО. Ф. 1342. Оп. 1. Д. 145. Л. 20.

<sup>168</sup>Желаев В. Указ. соч. Л. 10.

<sup>169</sup>ГААО. Ф. 1353. Оп. 2. Д. 8. Л. 20 об.

<sup>170</sup>Желаев В. Указ. соч. Л. 10.

<sup>171</sup>ГААО. Ф. 1353. Оп. 2. Д. 8. Л. 20.

<sup>172</sup>Там же. Л. 20 об.

<sup>173</sup>Там же. Л. 25 об. – 26.

<sup>174</sup>Там же. Л. 28 об.

<sup>175</sup>Там же. Л. 25 об.

<sup>176</sup>Желаев В. Указ. соч. Л. 10.

<sup>177</sup>ГААО. Ф. 1353. Оп. 2. Д. 8. Л. 19 об.

<sup>178</sup>Желаев В. Указ. соч. Л. 10 об.

<sup>179</sup>ГААО. Ф. 1342. Оп. 1. Д. 145. Л. 20.

<sup>180</sup>Желаев В. Указ. соч. Л. 10 об.

<sup>181</sup>ГААО. Ф. 1353. Оп. 2. Д. 8. Л. 19 об.

<sup>182</sup>Желаев В. Указ. соч. Л. 10 об.; ГААО. Ф. 1353. Оп. 2. Д. 8. Л. 28 об.

<sup>183</sup>ГААО. Ф. 1353. Оп. 2. Д. 8. Л. 20.

<sup>184</sup>Там же. Л. 19 об.

<sup>185</sup>Миллер В.Ф. Указ. соч. Вып. 3. С. 23.

<sup>186</sup>ГААО. Ф. 1353. Оп. 2. Д. 8. Л. 25 об., 28 об.; Желаев В. Указ. соч. Л. 9 об.

<sup>187</sup>Об отыскании пудожской мещанской дочери... С. 3.

<sup>188</sup>Там же. С. 3.

<sup>189</sup>ГААО. Ф. 1353. Оп. 2. Д. 8. Л. 28 об.

<sup>190</sup>Там же. Л. 9, 28 об.

<sup>191</sup>Там же. Л. 28 об.

<sup>192</sup>Миллер В.Ф. Указ. соч. Вып. 3. С. 23.

<sup>193</sup>ГААО. Ф. 1353. Оп. 2. Д. 8. Л. 20, 20 об.

<sup>194</sup>Миллер В.Ф. Указ. соч. Вып. 3. С. 23.

<sup>195</sup>Об отыскании пудожской мещанской дочери... С. 3.

<sup>196</sup>Желаев В. Указ. соч. Л. 9 об. – 10.

<sup>197</sup>Там же. Л. 10.

<sup>198</sup>Там же. Л. 10.

<sup>199</sup>ГААО. Ф. 1353. Оп. 2. Д. 8. Л. 9 об.

<sup>200</sup>Желаев В. Указ. соч. Л. 10 об.

<sup>201</sup>ГААО. Ф. 1353. Оп. 2. Д. 8. Л. 20.

<sup>202</sup>Там же. Л. 28 об.

<sup>203</sup>Там же. Л. 20.

<sup>204</sup>Шайжин Н. Свадьба в Нигижме. № 124. С. 3.

<sup>205</sup>ГААО. Ф. 1353. Оп. 2. Д. 8. Л. 25–26.

<sup>206</sup>«Чертова кожа» (молескин) – плотная, очень прочная хлопчатобумажная ткань усиленного сатинового переплетения, преимущественно серого или черного цвета. За прочность молескин называют «чертовой кожей».



М.Н. Мелютин  
(г. Архангельск)

### Сокровенные образы Кенозерья (на примере Думино-Долгозерского ландшафтного комплекса)

Концептуальные идеи, разработанные учеными в конце XX – начале XXI века, значительно расширили исследовательское поле, связанное с термином «культурный ландшафт»<sup>1</sup>. На современном этапе в гуманитарном дискурсе это понятие рассматривается как реальная географическая территория и как географическое пространство, которое, по мнению Д.Н. Замятина, можно «разворачивать», «сворачивать», «искривлять» вполне сознательно с целью получения его определенных свойств и эффектов.

Идея А.Я. Гуревича о том, что культурный ландшафт – это «географическое пространство, представляющее собой и религиозно-мифологическое пространство»<sup>2</sup>, нашла отражение в междисциплинарной сфере гуманитарной географии<sup>3</sup>. Предметная область этой науки включает такие направления исследования, как философская география, геофилософия, геософия, сакральная география<sup>4</sup>, имажинальная (или образная) география, семиотика культурного ландшафта<sup>5</sup>.

В изучении традиционного культурного ландшафта, рассматриваемого как религиозно-мифологическое пространство, на наш взгляд, сегодня недостаточно исследован антропологический аспект, когда ландшафт рассматривается с позиции символических значений, которыми его наделяет человек<sup>6</sup>.

Человеку свойственно связывать ландшафт, с которым он соприкасается, определенными символами. Значимым, определяющим отношение человека к традиционному ландшафту символом, является «священная тайна родины». Именно она соединяет человека со счастливым пространством и примиряет со сложностями бытия. Безусловно, территория родины имеет для каждого человека личный характер. Ареал рождения может быть просто географическим или геометрическим местом, если отношения человека и окружающего его пространства искусственны. В традиционной культуре «человек и природа (среда) взаимно подобны и внутренне едины»<sup>7</sup>. По мысли русского богослова С.Н. Булгакова, «родина есть священная тайна каждого человека, так же как и его рождение. Теми же таинственными и неисследимыми связями, которыми соединяется он чрез лоно матери со своими предками и прикрепляется ко всему человеческому древу, он связан чрез родину и с матерью-землей, и со всем Божиим творением»<sup>8</sup>.

Человеческому сознанию присуще осмысление родного пространства и своего места в нем. «Внутренняя» родина слагается с гармонией ее внешнего пространства. Знаки-символы родины могут быть чувственными и отражать радость, боль, блаженство, неудовлетворение, могут содержать обыденные или ностальгические на-

строения. Глубокую привязанность к местам своего истока, чувства, испытываемые человеком при созерцании приятных для него мест, У.Х. Оден назвал «топофилией». В традиционной культуре «топофилия» – чувство не только личностное, но и групповое, переживаемое человеком вместе с другими людьми. Абсолютная привязанность к родному ландшафту, переживание теплых, позитивных чувств выражены в старинных кенозерских нарративах: «...И все кругом угодушка»<sup>9</sup>, «Где родился, там и Иерусалим».

Включение в географическую и культурную целостность ландшафта символов, которыми люди наделяют пространство, позволяет ярче и объемнее осмыслять ландшафты выдающихся реликтовых территорий.

Уникальным природным и историко-культурным локусом Европейского Севера является территория Кенозерья, маркированная границами Кенозерского национального парка. Это окраина Обонежья, русско-карельское «пограничье», «география русской души» (по Н. Бердяеву), воплощенная в сакральном осмыслении окружающего мира. Соборность форм религиозного, социального и хозяйственно-экономического уклада<sup>10</sup>, симфония дохристианских воззрений с кругом православных праздников и образов способствовали формированию здесь особого религиозно-культурного универсума.

«Гений формы» создал в Кенозерье особое пространство с предельной концентрацией сакральных объектов – монастырей, часовен, поклонных крестов, «священных» рощ и камней. Природные объекты или явления, пространственная структура поселений и угодий, устройство быта и хозяйства до настоящего времени наделяются местными жителями сакрально-ценностным смыслом.

Сакральные (сокровенные) образы-символы локального сообщества, определяющие ценности ландшафта, важно исследовать не только на примере «действующих», но и «умозрительных» (умолкнувших, необитаемых) территорий. К такой категории относится Думино-Долгозерский ландшафтный комплекс, расположенный на южной территории национального парка – Лекшмозерье<sup>11</sup> (ил. 1).

Пространственную целостность сакрального ландшафта Вильно-Порженской культурно-ландшафтной зоны, в которую входит указанный комплекс, «держала» Макарьевская Хергозерская мужская пустынь (с 1764 г. – Хергозерский приход) с поселением для священнослужителей и их семей; с приписной церковью во имя Святого Великомученика Георгия при деревне Федоровской; с деревнями Окатовской и Турово село, составлявшими село Порженское; с приписной церковью во имя Святого Пророка Илии при деревне Думино;<sup>12</sup> а также с деревнями Ожегово, Ольсиевской (Курмино, Херново, Наволок)<sup>13</sup> (ил. 2). «Несмотря на уединенное, чисто отшельническое местонахождение Хергозерской пустыни, из всех окружающих ее "волостей" – приходов проложены к ней, если не дороги, то по крайней мере тропины», – писал К.А. Докучаев-Басков<sup>14</sup>. «Макарий» (местное название пустыни), как локус «инога мира», отделен от сельских поселений, расположенных на берегах крупных водоемов Кенозера и Лекшмозера, труднодоступными заболоченными

водоразделами. Однако дороги на Макарий шли из многих деревень, в том числе и из крупных поселений Думино и Ожегово: «Были дороги с Ожегова на Макарий, с Думино на Макарий, с Ожегова выходила дорога на дорогу на Порженское из Думина и там развилка на Макарий»<sup>15</sup> (ил. 4).

Монастырь был достопамятным местом на протяжении многих веков. Многочисленные свидетельства локального сообщества о Макарьевском монастыре записаны исследователями<sup>16</sup>. Служение Макарию продолжалось вплоть до середины XX века. «Память кенозеров хранит имя последнего подвижника Макария в уже послевоенные годы – "Филюшки с Почозера", который ходил служить за дьякона, принимал "заветы". "Филюшка" (Филипп Антонович Ликотов. – М.М.) ходил к дальнему Макарию, в Ошевенск, 7-го то августа там Макарий ведь есть, дак клали люди завет на этот праздник. Филюшка собирает все, да и перед праздником унесет все заветы. Ак давали ему тоже, рассчитывались, давали на дорогу тогды не деньги, а хлеб» (Т.Г. Гусева, д. Усть-Поча)<sup>17</sup>.

П.А. Флоренскому принадлежит идея пневматосферы (сферы духа), утверждающей наличие духовной связи человеческой личности со всем космическим универсумом. Философ писал о существовании «особой части вещества, вовлеченной в круговорот духа. Несводимость этого круговорота к общему круговороту жизни едва ли может подлежать сомнению»<sup>18</sup>. Вне всякого сомнения, «Макарий», паломничество к которому на рубеже XX и XXI веков вновь возрождено, является ярким духовным символом кенозерской пневматосферы.

Долгозерский ландшафтный комплекс располагается на Долгозерской системе озер (оз. Долгое, Черное, Невгозеро, Корчозеро, Лобозеро). Объединенные визуальными пространственными связями, на расстоянии нескольких километров друг от друга находились три деревни: Думино, Ожегово и Ольсиевская (Наволоки, Курмино, Херново), входившие в XIX веке в одно Долгозерское общество. Долгозерские поселения имеют древнюю историю. В письменных источниках XVI века уже упоминается «Волостка Долгоозерска в Петровском приходе»<sup>19</sup>: «полдеревни на Долгом озере... *Олексеевской, деревня Ожегово* на Долгом озере»<sup>20</sup>. Источники XVIII века извещают, что вдоль озера Долгого размещались также деревни *Сапинская, Соцкая, Ульяновская*<sup>21</sup> (ил. 3): «*Деревня Ольсиевская* над Долгим озерком <...> *Деревня Соцково*, пустая, изба бездворная и безверхая пустая Калины Иванова, а он Калина в церковном расколе згорел в давних годех. Двор пуст вышеписанной вдовы Марфы Игнатъевской жены Михайлова, а она вдова Марфа з детми, с сыном Иваном да з дочерью девкою Парасковьею за скудостию живет в вышеписанной Олсиевской деревне во дворе у Ивана Кондратьева»<sup>22</sup>. Деревня *Думина*, а в ней часовня во имя святого пророка Ильи<sup>23</sup> <...> Деревня *Ульяновская* пустая. Изба бездворная пустая Якова Полуянова, а он Яков умре в давних годех. Место дворовое пустое Дмитрия Ульянова, а он Дмитрий в церковном расколе згорел в давних годех»<sup>24</sup>. Картография середины XIX века свидетельствует о том, что к этому времени три деревни комплекса: Соцкая, Сапинская, Ульяновская были утрачены<sup>25</sup> (ил. 5). Вероятно, Улья-

новская находилась на мысу озера Долгого вблизи деревни Ожегово, т.к. в местных текстах сохранилось название этого мыса – «Ульянов нос»<sup>26</sup>.

Акватории озер Долгое и Черное, на берегах которых находятся небольшие группы поселений, не были связаны между собой, и это стало естественной причиной хорошо развитой сети проселочных дорог: «Между озерами Долгое и Корчозеро шла тропинка. Ходили на праздники к "Макарию". Вдоль озера Долгого была дорога к Думино примерно 2 км, сейчас завалило. С Ожегово, не заходя в Думино, тропинка шла к Порженскому мимо Корчозера, есть и сейчас эта тропинка. По противоположному от деревни Ожегово берегу озера Долгое проходит основная дорога из Масельги в Думино, но здесь через озеро существовал сокращавший путь перевоз»<sup>27</sup>. О взаимном расположении деревень рассказывает Евдокия Филипповна Басова из Лекшмозера: «От Масельги едешь, на наволоки выезжаешь – сначала Горне. Это – Наволок, Алексеевская. Через перелесок – Курмино. Потом по полю пустошь и Херново. Все они – деревня Алексеевская»<sup>28</sup>.

Думино – одна из самых крупных долгозерских деревень. В тексте старинной песни «опевается» деревня Думино:

«Не отдай меня, батюшка,  
Ни на Гужово, ни на Масельгу,  
А отдай меня, батюшка,  
Во большу деревню во Думино»<sup>29</sup>.

От уездного города Каргополя деревню отделяли 79 верст, от волостного правления в селе Лекшмозеро – 12 верст. Деревня расположена на возвышенном холме (горочная поляна) в окружении трех озер: Черного, Долгого и Лобозера (ил. 6). Слева деревню окружала Павловская поляна, справа место называлось «Островки» («Заболотье») (ил. 7<sup>31</sup>, 8). В отличие от других долгозерских поселений Думино стоит не на самом берегу озера, а в некотором отдалении от него. По этому поводу ее обитатели рассуждали примерно так: «И что за мудрецы так деревню поставили – не на озере?» Лишь Алексей Петрович Басов (1930 г.р.), выросший в Ожегове, рассказывал, что деревня стояла у двух родников, которые позже «ушли»<sup>32</sup>.

В XVIII веке в деревне Думино проживал 131 человек (мужчин – 62, женщин – 69), через столетие, в 1873 году, в 27 крестьянских дворах проживали 182 жителя (мужчин – 100, женщин – 82). В начале XX века в Думино насчитывалось 40 семей (мужчин – 98, женщин – 114)<sup>33</sup> (ил. 9). В 1880 году в деревне было открыто Хергозерское земское сельское училище, расположенное в крестьянском доме<sup>34</sup>. В 1930-х годах в Думино, по воспоминаниям местных жителей, было до 60 хозяйств. К концу 1940-х годов осталось 46 домов. Дома располагались в 5 рядов, между которыми проходили улицы. Фасады домов были ориентированы, как правило, на улицу и на церковь (ил. 10). Общественным центром деревни служила Ильинская церковь. Через Думино проходила дорога в Макарьевский монастырь, по которой можно было проехать на телеге, а также существовали пешеходные тропинки<sup>35</sup>.

Деревня Ожегово располагалась на небольшом пологом холме, спускающемся

к озеру Долгое, примерно в 3,5 км от деревни Думино. В XVIII веке здесь проживало 53 жителя (мужчин – 26, женщин – 27), в конце XIX века 84 человека. В 1905 году в 12 домах жило уже 98 человек<sup>36</sup>. Ряд домов деревни был обращен фасадами к озеру (ил. 11). Другие здания, с двух сторон образуя улицу, вытянулись перпендикулярно береговой линии. На вершине деревенского холма находилась часовня Знамения Божией Матери. Деревни Ожегово и Думино связывала дорога, проходившая по открытой местности. В памяти местных жителей сохранились названия ожеговских полян: на северо-востоке – «Площадь», самая дальняя – «Осиновка», на мысу у озера – «Ульянов нос»<sup>37</sup>.

Третье долгозерское поселение – Ольсиевская – было расположено на противоположном от деревни Ожегово берегу озера. Оно состояло из трех совсем маленьких, по 5-7 домов, деревушек: Наволок («стоит Наволок на желтом на песку»<sup>38</sup>), Курмино, Херново. По архивным документам, в XVIII веке в Ольсиевской проживало 70 человек (мужчин – 38, женщин – 32), в 1905 году в списках значится уже 133 человека. В поселении насчитывалось 18 домов.

Эти родные для крестьян деревни, по словам старожилов, – «свои Палестины». Гармоничные отношения человека с окружающей средой создают образы счастливого пространства:

«Нету, нету веселее  
Масельгского полюшка.  
Посередочке – дорожка,  
По краям – озерышка»<sup>39</sup>.

Вода, земля, горы, камни, деревья представляют собой сакралии, моделирующие среду обитания человека. Сакральная натурфилософия обладает «охранной ценностью» личности, проживание в таком пространстве называется «благобытие» (Г. Башляр)<sup>40</sup>. В сокровенном пространстве «естественное» для человека неразрывно связано со «сверхъестественным». По мысли М. Элиаде, «человеку природа никогда не представляется полностью "естественной": она всегда имеет для него определенную религиозную значимость»<sup>41</sup>. О «всечеловеческом воззрении» на двойственное понимание всего в мире указывал о. П. Флоренский: «Все имеет свое тайное значение, все причастно иному миру <...> Таинственное вырастает в обиход, обиход делается частью таинственного»<sup>42</sup>.

Одним из центральных природных символов Думино-Долгозерского ландшафтного комплекса являются воды (ил. 12). Долгозерская (Долгое, Черное, Новгозеро, Корчозеро, Лобозеро) система озер занимает котловины, со всех сторон окруженные небольшими возвышенностями. Земную поверхность пронизывают многочисленные ручьи, ключи, родники, источники. Водоемы являются запоминающимся визуальным знаком для человека. Они имеют силу притяжения: воспринимаются, воспроизводятся, сохраняются в памяти.

«Наше озеро глубоко –  
Ниточкой не смеряешь»<sup>43</sup>.

По воспоминаниям старожилов деревни Думино, земля была насыщена водами: «У Морозовых изба пониже стояла, там родник... Колодцы были на родниках. У дяди Миши Константинова родник, где колодец <...> «Много родников в Черном, Долгом (озерах. – М.М.). Зимой хорошо видно черные круги, замерзают чуть-чуть, можно провалиться»<sup>44</sup>. С северной и южной стороны от деревни Думино в глубоких оврагах протекают ручьи. «По дороге в Думино есть озеро в болотце, из него течет Кастрегенка ручей и впадает в Долгое озеро. Песков ручей вливается из Черного в Долгое», – описывает родные места В.А. Морозов<sup>45</sup>. По свидетельству С.В. Попова: «По тропе (тележнице), ведущей к Думино от Пялозера, справа встречается озерко Вовкозеро. Примерно через 1 км расположено озеро Меньшее (на карте – Манозеро), рядом озерко в болотце Костляково, а далее тропинка ведет на Большее озеро. Рядом с Большим – Кедрово, дальше Салмозерка, Жовгозеро <...> Идти на запад от Меньшего – снова 2 озера: Малое Максозеро и Большое Максозеро. Озеро Черное соединено протокой с Новгозером. С Черного озера есть тропинка на Будрозеро и Чешкозеро. В Будрозере есть рыба, называется красноперка <...> Если идти от Черного озера в сторону Большого, встретишь Левкозеро <...> На север пойдешь – Лобозеро. На север от Лобозера – два озера Креповы (Малое и Большое). На запад от Креповых – Овинное. А дальше Пирсозеро небольшое, Малое и Большое Шогмозера. Была карта у Вавулинского Ивана Михайловича, там даже были указаны тропинки, некоторые дома»<sup>46</sup>.

Деревни Думино и Ожегово также были связаны тропинками, бегущими вдоль ручьев. «От думинских полян начинается ручей Черемуховец. От Черемуховца идет тропинка на Ожегово», – уточняет К.А. Боголепов<sup>47</sup>. От деревни Ожегово «на заходе» к Думино другая тропинка идет мимо Корчозера к деревне Порженское (из Корчозера Корт-ручей впадает в Виленку и Порженку). Перед деревней Херново тоже течет ручей.

Стихия воды почиталась локальным сообществом как подательница жизни и распорядительница человеческих судеб. Старинный текст обращения к «озерушку» красноречиво свидетельствует об особом к нему отношении: «Бережок батюшка, водушка матушка, царь водяной и царица водяная с малыми детьми, с приходящими гостями, благословите воды взять не ради хитрости, не ради мудрости, но ради добра и здоровья рабу Божию»<sup>48</sup>. Мотив встречи, контакта человека с сакральным является одним из важнейших в мифогеографии Кенозерья. В мифологической и религиозной сфере, по мысли М.М. Бахтина, тема встречи (человека с Богом или божествами) играет одну из ведущих ролей: «Мотив встречи – один из самых универсальных... Он может получать полуметафорическое или чисто метафорическое значение, может стать символом (иногда очень глубоким)»<sup>49</sup>.

В Лекшмозерье до сих пор сохраняется обряд обращения к языческим персонажам и христианским святым. К покровителям рыбного промысла святым апостолам Петру и Павлу обращаются рыбаки: «Встану я, раб Божий <имя> благословясь, пойду перекрестясь, умоюсь ключевой свежей водой, утрусь тонким бранным по-

лотенцем. Пойду из дверей воротами в чистое поле, в восточную сторону, под молодой месяц, под частые звезды. Помолюсь и поклонюсь святым славным апостолам Петру и Павлу. Пойду я, раб Божий <имя>, к тихому озеру, к тихой реке и закину я, раб Божий <имя> вершу (сеть, невод и др.). Наполни, Господи, мои снасти всякой рыбой»<sup>50</sup>.

Мистические встречи локального сообщества с «хозяевами» воды зафиксированы во многих поверьях, быличках и ритуальных практиках. Исключительное положение занимает мифический персонаж – водяник. Действия водяника наделяются благоприятным положительным смыслом: «Закинув невод другой раз, увидели полон невод: налимов, лещей и сигов, которых до того времени не было и в озере»<sup>51</sup>. Взаимоотношения человека и водяного строились на основе универсального в традиционной культуре «языческого молебна», выраженного в обряде жертвоприношения («кормления воды хлебом»). В качестве жертвоприношения кенозеры для удачного улова отправляли в плавание по озеру продукты – яйца и хлеб<sup>52</sup>. Обряд жертвоприношения играл важную роль во взаимоотношениях водяника и связанного с водной стихией мельника. Водяные мельницы были важной составляющей хозяйственного уклада Думино-Долгозерского ландшафтного комплекса (ил. 13). Мельница в Думино была поставлена на Лобручье, между Лопозером и Корчезером (1894 г.)<sup>53</sup>, работала до 1961 года. Мельником был Иван Федорович Морозов<sup>54</sup>. Думинская мельница была и на реке Виленке (1893 г.) (ил. 14), мельница деревни Ожегово находилась на разливе озера Сойозера. В мифологических рассказах преобладают образы зооморфной строительной жертвы (прежде всего, петуха черной масти), которые приносились при сооружении плотины или самой мельницы. В текстах рассказов сохранены свидетельства о добрых отношениях между мельником и его мифическим покровителем, т.к. считалось, что недовольный водяной может снести мельницу во время половодья (ил. 15). Чтение особых заговоров на воду являлось неотъемлемой частью мельничного ритуала: «Вода-водица! Вода-водица! Вода-благодарица! Омой нашу меленку, чтоб прочно стояла, долго работала, на муку, на хлеба, на каравай»<sup>55</sup>. Мифологический образа водяника связан с царством смерти: «Бывало проклянут кого-нибудь, вот мать проклянет сына аль дочь, вот он и возьмет их»<sup>56</sup>. Отметим, что хтонические действия водяника не противоречат позитивному восприятию персонажа: «Люди спросят у него, нет ли такого-то человека у вас, если у него взят, он скажет, что ищите в том месте и сразу найдут»<sup>57</sup>. Отношение к гибели человека на воде рассматривается в контексте архаичной мифологемы суда водной и огненной стихии: «Озерушко взяло». Символизм вод, по утверждению историка мировых религий М. Элиаде, «предполагает в равной степени как смерть, так и возрождение. В каких бы религиозных системах мы не сталкивались с Водами, они везде сохраняют одну и ту же функцию... "смывания грехов". Их судьба – предшествовать сотворению и поглощать сотворенное»<sup>58</sup>.

С целью очищения «на воду ходили купаться в Иванов день», который со временем слился с христианским праздником Рождества св. Иоанна Крестителя. «Купала» –

летние святки, по мнению А.Н. Веселовского, изначально был общинно-родовым праздником, знаменовавшимся браками и принятием в род<sup>59</sup>. В православный праздник «Петров день», по народным верованиям, тоже происходила встреча с духом-хозяином – водяником, знаменующаяся позитивными событиями. Традиция запрета на купание после Ильина дня связывается с водяным, жаждущим человеческой жертвы. Замещением жертвы служат «Ильинские братчины» или «Бараньи воскресенья», когда крестьяне жертвуют Илье Пророку «по обещанию» «завичанных» бычков или баранов. «Едва ли можно сомневаться, что этот интересный обычай ведет свое начало из глубокой древности и есть не что иное, как остаток древних пиршеств и жертвенных приношений», – писал А. Воронов, очевидец Ильинского праздника в Каргопольском уезде<sup>60</sup>. Праздник преподобного Макария также связан с запретом на купание и жертвоприношением «завиченных» животных. Отметим, что в связи с распространением «скотских жертв» существовали легенды об оленях или лосях, «которые якобы убивались прежде, и лишь в последствии вместо них стали резать в жертву быков, овец и баранов»<sup>61</sup>. Связанные с легендой об олене элементы, которые отображены на чудотворной иконе Макарьевской Хергозерской пустыни с изображением св. Макария Унженского и Желтоводского, выявил исследователь обрядовой практики жертвоприношения Г.А. Никитин<sup>62</sup>.

Воды актуализируются в одном из важнейших актов преобразования человека – таинстве Крещения. Праздник Крещения объединял деревенских жителей под сенью локальных храмов: «Купались в Крещение, освятит священник воду и купались в Иордане. Приходили на службу в Думино из Ожегово и других деревень. Все прибегали в дом Сухаревых, т.к. они были доброжелательными и пускали всех (ил. 16). На ночлег тоже пускали, спали на полатях», – свидетельствует Александра Дмитриевна Лебедева (1911 г.р.), дочь священника Хергозерского прихода Дмитрия Ивановича Лебедева<sup>63</sup>. «Хождение на воду с крестным ходом» в часовенный праздник является традицией в Лекшмозерье. Престольный праздник церкви – день иконы Тихвинской Божией Матери (9 июля) – отмечался в Думино многолюдным стечением жителей окрестностей (ил. 17). «В... церкви д. Думино были крестный ход и молебен с водосвятием у озера, устраивался "Ердан" – колодец такой из теса, туда трапик положат. Кто заветы клал, тот в "Ердане" купался, прямо в платье», – рассказывает Анна Игнатьевна Богданова (д. Думино)<sup>64</sup>. Известны традиции совершения к часовням межприходских крестных ходов с водосвятием. По воспоминаниям старожилов, в часовню Преподобных Зосимы и Савватия Соловецких в деревне Вильно соби- рались жители других деревень, некоторые приходили из Ошевенска и Каргополя<sup>65</sup>. Особый молебен от болезней и «сглазу скота», сопровождаемый окроплением животных святой водой и крестным ходом к озеру, называли «мольбы». Молебны (мольбы) о здоровье скота начинались в первое воскресение после праздника Успения Пресвятой Богородицы и длились два дня. В первый день молебен служился в Думинской церкви, а на другой день – в часовне Св. Флора и Лавра в деревне Херново. Обряд заканчивался закланием бычка или барана и общественной трапезой – братчиной<sup>66</sup>.

Жертвоприношения священным водам, варианты которого мы представили выше, направлены на установление связи с духом-хранителем места или стихии. Согласно выводам исследователя мифологической прозы Н.А. Криничной, «в жертве содержится та бесплотная нетленная субстанция, которая служит "материалом" для возникновения духа – "хозяина", воссоздания, обновления или восполнения его жизненной энергии»<sup>67</sup>. «Духом-хозяином» священным вод в кенозерской традиционной культуре является водяник, который органично соотносится с природной стихией и локальным сообществом. Образ водяного один из важнейших знаков упорядочения хаоса водной стихии как исходного состояния бытия. По мнению Н.А. Криничной, этот «персонаж наследует функции мифического предка – родоначальника тотемного характера»<sup>68</sup>. Персонализация водяного как первопредка выражена в кенозерском рассказе о том, что «везде есть свои хозяева – "жировые" и порядок, заведенный ими, надо соблюдать, и не стоит их бояться, если с богом живешь»<sup>69</sup>.

Лоном всего живого – растений, животных, человека – является Земля. Универсальными символами ее принято считать Мировую гору и Мировое Древо. По мысли немецкого исследователя религии Фридриха Хайлера, всюду в религиях встречается почитание священной горы как центра силы земли<sup>70</sup>. «Восхождение на гору» — символическое выражение направленности к трансценденции, к Богу. Паломничество к священным горам (Фавор, Олимп, Фудзияма, Эльбрус и др.) в разных культурах мира сопоставляется с духовным вознесением (восхождением) человека. Отдельные локусы и топосы земной поверхности: горы, высокие холмы, камни, деревья, наряду с водным сакральным комплексом воспринимались человеком как предметы иного, сверхестественного мира, места встречи человеческого и божественного бытия.

Кенозерский ареал представляет собой всхолмленную водно-ледниковую равнину с множеством озер и разнообразных ледниковых форм рельефа, что способствовало созданию здесь не только островов, но и высоких холмов на озерных системах.

Согласно исследованиям ландшафтной топонимики, топоним Гора (Горка) является широко распространенным в Кенозерье<sup>71</sup>. С вершины холма, на котором расположено Думино, открываются далекие перспективы. «Горочная» – так называется первая поляна в гористой местности на подъезде к деревне Думино<sup>72</sup>. На Кряжах (что означает «высокие места») располагалась и деревня Ожегово (ил. 18).

Об освящении плотской жизни и ощущении ее божественной органичности писал русский философ Н.А. Бердяев: «Сама земля была священна <...> и все хозяйственно-материальное... Священен был плуг, которым пахали землю <...> Все священное входит внутрь, в дух»<sup>73</sup>.

В памяти местных жителей сохранилось большое количество названий полей (пожней), которые имели важное хозяйственное и сакральное значение: «Курмина поляна находилась вокруг деревни Думино, далее поляна Пески в сторону Думино, после Песков поляны: Горочная, Симово, Плоское (где начинаются усадьбы), Рогачиха –

поляна в сторону Пялозера. Ожеговская – там проходила дорога на Ожегово. Следующая поляна Павловская. Кресты – за Павловской маленькая полянка. У Роши была поляна. Островки (другое название Заболотье). Их две поляны, одна большая, другая поменьше. Есть поляны у Лобозера (Мельничная поляна). У Черного <озера> – поляна у Черного. 2 поляны по Пялозерской дороге с той и другой стороны. С Думино идти в Лекшмозеро поляны Херново, Курмино, Рюшница, Могильник, Наволок. На Долгом озере – Ульянов нос, Митин нос, Херновский нос. По Порженской дороге были 2 поляны»<sup>74</sup>. Каждая местность, по утверждению М.М. Бахтина, должна быть объяснена, начиная от ее названия и до особенностей ее рельефа: «Местность – это след события, ее оформившего. Такова логика всех местных мифов и легенд, осмысливающих пространство историей»<sup>75</sup>.

Расположение на возвышенных местах христианских сакральных объектов (часовен, церквей, крестов), возможно, связано с инверсией семантики автохтонного чудского (финского) сакрального пространства. Христианское миссионерство, по утверждению Н. Фреймана, «вкрадчиво входило в жизнь языческого общества <...> заменяя осторожно символы и фетиши язычества символами и фетишами христианства»<sup>76</sup>. Исследования топонимов возвышенных мест территории позволят, возможно, выявить существование языческих капищ и славянских курганов на месте поселений.

Образ Мирового древа относится к архетипам, которые являются универсальным языком человечества. Это язык вне времени и пространства. Мировое дерево, мифопоэтический образ, воплощающий универсальную концепцию мира, является моделью культуры в целом<sup>77</sup>. Тексты народных преданий, соотносимые с языческими древностями, сохранили верования в священные или заветные рощи, восходящие к образу Мирового древа. Феномен святых рощ или лесного культового места известен различным культурно-мировоззренческим комплексам мира: библейскому, античному, средневековому. Согласно выводам Т.А. Бернштам, наиболее распространенными признаками расположения лесных культовых мест являются: природная особенность – остров, гора, возвышенность, мыс; маргинальное положение по отношению к поселению, лесу, озеру, реке; труднодоступность; обращенность к южному направлению<sup>78</sup>. Английским исследователем лесной мифологии А. Портеусом была выдвинута концепция о расположении первых святых рощ на холмах как местах более близких к богу<sup>79</sup>. Эта теория находит подтверждение во многих культурах мира. В архаичном обществе образ священной рощи воспринимался как «многопредельный хвойный храм» (Н. Клюев), символ святости. Сакральным центром рощи являлось капище – место, где устанавливались идолы богов, располагались алтари и куда нисходили боги. Святые рощи, сохранившиеся на разных территориях Европы и России, по мнению исследователей, являются остатками священных лесов как пространства встречи человека с персонажами «иного мира».

Святые рощи являются важнейшей частью культовых комплексов Кенозерья. Вероятно, культовые рощи Кенозерья – это остатки священных лесов, где проис-

ходило поклонение дереву. Освоение человеком в период неолита мест, где сохранились священные рощи, подтверждается археологическими артефактами<sup>80</sup>. Языческую подоплеку в происхождении священных рощ отмечали этнографы Н.Н. Харузин и Н.С. Шайжин<sup>81</sup>. Первоначально культ священных рощ был связан с обожествлением природы, поклонением священному дереву, почитанием лесных божеств и духов-аборигенов Севера – местных финно-угорских народов, соотносимых с весью и заволочской чудью. В сложных процессах миграционного движения на север вместе со славянами участвовали неоднородные этнические балтийские и финно-угорские группы. Мифологические предания сохраняют широкий демонологический комплекс, что подтверждает предположение о более тесном контакте со славянскими богами – идолами.

На основании изложенных суждений можно сделать вывод о том, что святые рощи Кенозерья являются примером эволюции религиозных представлений, которая происходила путем наслаивания нового мировоззрения на сохранявшееся старое. На протяжении многих столетий новгородские насельники занимали толерантную позицию относительно традиций чудского мировоззрения. Примером туземных традиций служат обряды годового цикла, возникшие задолго до крещения Руси и лишь позднее приуроченные к святам. Язычество и православие являются дуальной моделью духовной народной культуры, воплотившейся в мифах, фольклоре, бытовой и обрядовой лексике.

В Кенозерье святые рощи стоят в одном семантическом ряду с православными святынями – крестами, часовнями, церквями. Веротерпимость местных священников, избираемых из группы мирян, привела к семантической инверсии капищ посредством замены их на христианские реликвии. «Христианской перелицовкой» (А.Н. Веселовский)<sup>82</sup> становятся возводимые на месте языческих святилищ «малые храмы» – часовни. Все сохранившиеся на территории Кенозерья священные рощи соотносятся с расположенными рядом часовнями, которые являлись ритуальными площадками для совершения жертвоприношений. Согласно выводам Н.М. Теребихина, «роща была вторичной производной от храма, но схема их отношений могла иметь обратный характер в том случае, когда храм возводился в старой священной роще»<sup>83</sup>. Святая роща в деревне Думино также соотносена с древней Ильинской часовней, поставленной здесь, по письменным источникам, не позднее XVII века<sup>84</sup>.

Священные рощи – это амбивалентные образы пространства, насыщенные атмосферой религиозного трепета и восторга. Священные рощи, воплощая гармонию между земным и божественным мирами, ассоциируются с мифологемой райского сада: «Много таинственного и поэтического в роще в летний день: шум вековых деревьев, как бы шепот невидимых теней, пение, чириканье и щебетание множества птичек, стрекотание насекомых, журчанье ключей под горой <...> таинственный полумрак – все это уносит человека в иной мир <...> на душе делается легко-светло и человек невольно опускается на колени, прославляя Творца, Его премудрость и величие»<sup>85</sup>. В святой роще теряется представление о сторонах света, нарушается

привычная ориентация пространства, возможны магнитные и биополевые аномалии.

К признакам, указывающим на расположение культовых лесных мест, необходимо отнести их неразрывную связь с водным пространством.

Границы священных рощ обычно обозначены берегом реки, озера, ручья. Это же характерно и для Лекшмозерья. Расположение культового комплекса в деревне Думино (святой рощи, Ильинской часовни, перестроенной позднее в Ильинскую церковь) в некотором отдалении от озера Черного объясняется местными жителями наличием здесь в прошлом святых родников: «Деревня стояла у двух родников. К роще идти – там родник»<sup>86</sup>.

Многочисленные источники информируют не только о почитании, но и о неприкосновенности святых деревьев у народов различных культур. Античный, библейский, средневековый контексты изобилуют подобными примерами. Согласно мнению Н. Зедерблома и В. Вундта, система табу имплицитно содержала категорию «святое», поэтому понятие «табу» и «святое» синонимичны<sup>87</sup>.

У славян священные рощи также были объектом поклонения и страха одновременно. Сакральное значение святой рощи выражалось в том, что она воспринималась как обиталище божества, поэтому в рощах нельзя было ломать деревья и срывать листья под страхом наказания богов. Деревья рощи считались неприкосновенными, потому что люди верили, что отрубленный сук лишает жизни божество, являющееся покровителем человека.

Особое место занимают рощи – некрокульты, расположенные на кладбищах. Т.А. Бернштам приходит к выводу, что святые рощи появляются с целью «обретения духов-покровителей» универсального значения (посредством различного рода жертвоприношений, часто объединяемых с «предками»). Одной из разновидностей такого культового места были поминальные рощи<sup>88</sup>. Встреча человека с миром потусторонним имеет особое значение в поминальных рощах, расположенных на территории некрополя. Из 48 кенозерских заветных рощ только 8 располагается на кладбищах.

Святая роща деревни Думино, расположенная рядом с сельским кладбищем, являет собой тип «поминальной» рощи (ил. 19). Отметим, что это одно из древнейших мест Лекшмозерья. На кладбище, в разных его частях, хоронили жителей деревень Думино и Ожегово. По мнению исследователя похоронной обрядности А.П. Конкка, особенностью погребальной традиции Кенозерья является зрительная связь некрополя с деревней, ориентация захоронения в зависимости от визуальных связей с ней, наличие на «священном острове мертвых» индивидуальной пристани поселения<sup>89</sup>.

Для различных религиозных систем характерно сопоставление образа святой рощи с вечнозелеными растениями. В русской мифологии «святым лесинкам» – ели, сосне и можжевельнику – отдавалось особое предпочтение. Образ ели, связанный с небом и божеством, хорошо известен в финно-угорской эпической поэзии. Зна-

менательно, что дерево обладало двойной семантикой: ему предписывалась хтоническая смертная символика. Вековые сосны и ели святой рощи в деревне Думино, прекрасно просматриваясь со всех окрестных озер и полей, являются до сих пор организующим началом всей округи.

Центром рукотворного сакрального пространства Лекшмозерья является храм, путь к которому, как пишет Н.М. Терехин, «развертывался в пространстве и воплощался в нескончаемой череде крестов, стоящих на периферии, которая отличается концентрацией злых сил, хаоса и мира мертвых. Образ Креста является центральным символом, путеводным знаменем <...> движения, связанного с сакрализацией пространства»<sup>90</sup>. Русский крест – это хронотоп христианского мира, который сопоставляется с хронотопом язычества, находясь с ним в отношениях преемственности. Значение креста в священном пространстве Кенозерья особенно велико. Крест, имеющий функцию молитвенного предмета («молитву бережет»), наделен божественной, «заветной» семантикой. Приношение к кресту «заветов» означало потаенное обращение к Богу. Дар кресту включал как «тканые заветы», так и лесные подношения: ягоды, грибы, ветки деревьев.

Одним из наиболее значимых мест установки креста является перекресток (росстань), наделенный маргинальной семантикой рубежа. Возведение крестов на пограничье означало разграничение территории на мир неопасный (человеческий) и мира опасный (мифологический). На росстани «прощали» и «прощались», встречали и расставались. Росстань, или «кресты», – место прощания с покойным (граница мира живых и мертвых). Функции и семантика придорожных крестов тесно связаны с образом пути-дороги. «Без Бога не до порога»; «ставили кресты, чтобы помолиться по всем дорогам», – говорили кенозеры.

Описание священной топографии Лекшмозерья показывает множество примеров крестов, поставленных на порубежье. «Стоял крест в 2 км от Думино, на развилке Пялусозера и Тамбичозера, далее крест стоял на росстани на Макарий и Порженское», – свидетельствует В.А. Морозов<sup>91</sup>.

Крест получил дополнительную народную этимологию и включился в состав сакральных атрибутов перевернутого антимира. У креста ворожили: гадали и заговаривали болезни. «В Херново жила бабушка, умела отведывать. Говорят, с лесными зналась», – вспоминает В.И. Басова<sup>92</sup>. По свидетельству информантов, здесь ворожили в связи с пропажей скота или человека в лесу. Магические действия сопровождались заговором: «Возьмешь ниточку золоту, одну конфеточку, в узелок завяжешь и на кресты сходишь, там одна дорога так идет, другая так, и скажешь: "Вот вам, хозяйюшка и хозяин лесовые! Я вам принесла подарочек не простой, а золотой, воротите мою скотинку. Напойте, накормите, на путь на правильный домой заворотите"»<sup>93</sup>.

Путь к центру сакрального пространства разворачивается через образ креста и семантически связанной с ним часовни. Часовни в большинстве своем занимают высотные доминанты, уступы рельефа, береговые мысы, острова и полуострова.

При возведении часовен мастера устанавливали зрительные связи строений с водными и сухопутными путями, с восходом и заходом солнца, с планировочной структурой жилых домов.

Общим свойством часовенной культуры является ее маргинальность. Рубежность прочитывается в контексте переходного процесса, определяемого как период синкретизма языческой и христианской культур. Часовня являлась сакральным центром деревни (мира) и одновременно могла принадлежать частному лицу. В строительстве собственных храмов (часовен) отчетливо проявилось языческое по своему происхождению, но весьма созвучное православному мирозерцанию стремление к личной, персональной встрече с Богом<sup>94</sup>.

Каждая деревня Думино-Долгозерского ландшафтного комплекса имела свой личный «малый храм». Потаенные часовни (документальных свидетельств о них найти не удалось) известны нам по воспоминаниям местных жителей. На «горушке» вблизи озера Долгого стояла часовня Божией Матери «Знамение» в деревне Ожегово, Св. Флору и Лавру («Хлоры») была посвящена часовня в деревне Херново. По словам старожилов, часовни были изрядно украшены: «Красива, как игрушечка, богатая»<sup>95</sup>. После Великой Отечественной войны здания были разрушены.

Часовню «за малостью места» «обращали» в церковь «через постройку алтаря». Например, Ильинская часовня в деревне Думино была преобразована в церковь Св. Пророка Илии в 1883 году<sup>96</sup>. Место Ильинского храма – древнее, намоленное. В архивных документах, датированных 1712 годом, уже значится Ильинская часовня в деревне Думино<sup>97</sup>.

Храм Св. Пророка Илии находился «у ельника» на развилке дорог на Пялозеро и Масельгу. Письменные источники свидетельствуют, что деревенская церковь была «построена в 1883 году из бывшей часовни усердием крестьян деревень Думиной, Ожеговой, Ольсиевской. Зданием деревянная, крепкая, с такою же над папертью колокольней, обшитая тесом и окрашена. В 1901 году с разрешения Епархиального Начальства Указом от 24 июня № 5381 холодная и малая паперть сей церкви перестроена, увеличена в пространстве посредством перестройки в теплую объемистую с нового леса, а колокольня, будучи не твердая и ветхая, над ней заново перестроена из хорошего леса на сумму 350 рублей, собранную по сборной книге, выданной от Епархиального Начальства. В 1905 году весь Ильинский храм свнутри и снаружи перекрашен на сборную сумму которой дочиталось и в расход обращено, 132 рубля. При сей церкви имеется кладбище, обнесенное деревянною оградой. Престолов в них один – во имя Пророка Божия Илии. Утварью и ризницей церковь «посредственная», кои из стареньких были пожертвованы от благодетелей. Воздухов и пелен достаточно, из которых из них хорошие Богослужбные книги 1907 года, как видно из Указа Консistorии от 15 октября 1907 года за № 6358 отпущены Св. Синодом в количестве 6 пуд. 23 фунд. по ходатайству сборщика Дмитрия Ларионова. Библии нет. Богослужение в ней отправляется в храмовый праздник, по воскресным дням, Высокоторжественным и по дням праздничным. В 1902 году в сию церковь жерт-

вовано ярославскими купцами и духовенством 3 подсвечника, несколько ветхих священнических облачений и плащаница из стареньких, ныне исправленная и есть к употреблению годная куплен. Куплен в кредит колокол весом 7 пудов 32 фунта, который оправдан ценою в 148 рублей 20 копеек, который оправдан уплатою из сборной суммы. Причта при ней нет, но предполагается быть. Земли при ней, 1905 года, июля 3 дня, отведено в разных местах 342 дес. пахотной и 242 десят. сенокосной, она не вся при церкви, к возделыванию не подручна. Дома для причта построены на средства сборной помощи, с разрешения Начальства, достаточные, у дома для священника есть сарай, а хлебов пока нет, у дома для псаломщика ни двора, ни сарая, и хлебов нет. Зданий, принадлежащих церкви, нет. Расстоянием сия церковь от Олонецкой Духовной Консистории в 400 вер, от благочинного в 97 вер. и от главной церкви в 14 верстах»<sup>98</sup>. Около церкви находились дома священника и дьякона. По свидетельству местных жителей, деревянный пятиглавый храм был похож на церковь преподобного Александра Свирского на Хижгоре. Разница была лишь в том, что Ильинский храм был меньших размеров. Церковь была открыта до самой Великой Отечественной войны, а после ее окончания разобрана на хлев.

Судьба храмов, их служителей и ревнителей была предрешена в конце 1930-х годов. Начался период арестов причта, закрытия храмов, уничтожения церковного убранства и литургической утвари, использования церковей под склад, запустения. По воспоминаниям М.Е. Хариной, «в 1937 году из Думино увезли трех человек стариков за религию (Зои Филатовой отца и дядю в Соловецк)»<sup>99</sup>. В воспоминаниях старожилов сохранились имена служителей церкви, которые на изломе истории были последними в служении Богу. Благодаря архивному документу, свидетельствующему о лишении земли Петра Алексеевича Дьячкова, священника Ильинской церкви в деревне Думино, мы узнали более подробные сведения о священнослужителе<sup>100</sup>.

Выявленные нами архивные материалы подтверждают, что последним священником Ильинской церкви в деревне Думино, Георгиевской церкви в деревне Федоровская и Троицкой церкви упраздненной Макарьевской пустыни был Петр Алексеевич Дьячков. Он родился в 1886 году в деревне Васильевке Каргопольского уезда Олонецкой губернии<sup>101</sup>. Окончил Мошинское двухклассное училище, до 1914 года учительствовал в Мошинской одноклассной школе<sup>102</sup>, с 1914 года стал священнослужителем<sup>103</sup>, рукоположен в сан диакона, а затем священника Хергозерского прихода<sup>104</sup>. В 1925 году Петр Дьячков проживал в деревне Думино Лекшмозерской волости Каргопольского уезда Вологодской губернии. Крестьяне свидетельствуют о трудолюбии батюшки, который жил в деревне Думино, а служил в Георгиевской церкви села Порженского, расположенной в 6 километрах от Думино. К священникам крестьяне долго сохраняли доброе отношение. Архивный документ свидетельствует о поддержке Каргопольской уездной земельной комиссией священника Ильинской церкви в деревне Думино Петра Алексеевича Дьячкова, который незаконно был лишен земли в 1929 году<sup>105</sup>. По описи Подворной книги Лекшмозера 1925 года, на его иждивении находилось 8 человек: жена Ульяна Ивановна

(1886 г.р.), дочери Таисья (1907 г.р.), Ольга (1918 г.р.), Клавдия (1921 г.р.), сыновья Владимир (1909 г.р.), Сергей (1911 г.р.), Александр (1914 г.р.), Иван (1924 г.р.). В документе «Справка к делу З. К. (Земельной Комиссии. – М.М.) 1929 года», в строке «состояние хозяйства» священник указывает наличие коровы, теленка, лошади, двух овец, а также собственного дома на родине в Мошинской волости<sup>106</sup>.

Старожилка А.С. Юрьева, вспоминая батюшку, свидетельствует: «У нас они и косили. Он приходил, крестил, отпевал. Сама крестить помогала, окупают и мне как крестной подают младенца из купели... Венчались. На голову венец накладывали»<sup>107</sup>. Вероятно, старшие дети священника в конце 1920-х годов уехали. «Дети ездят на лесозаготовки», – пишет Петр Алексеевич в «Справке к делу З.К.»<sup>108</sup>. Записи в Подворной книге Лекшмозера за 1930 год фиксируют, что Петр Алексеевич уехал из деревни Думино<sup>109</sup>. До 1940 года он работал бухгалтером на лесопильном заводе № 7 в селе Ковда Кандалакшского района Мурманской области. В 1940 году был арестован по статье 58-10 УК и осужден Особым совещанием при НКВД СССР на 5 лет ИТЛ<sup>110</sup>. По сведениям Веры Яковлевны Ушаковой (Стерховой), после лагерей он вернулся в Думино. На этом следы последнего священника обрываются. Реабилитирован Петр Алексеевич в 1989 году<sup>111</sup>.

Последним диаконом Хергозерского прихода был Стефан Федорович Морозов (ил. 20). В Государственном архиве Архангельской области удалось обнаружить корпус документов, связанных с биографией «служителя культа»<sup>112</sup>. Священник родился 25 октября 1889 года в семье крестьянина деревни Думино Лекшмозерской волости Каргопольского уезда Олонецкой губернии Федора Николаевича Морозова. Образование получил в Долгозерском Земском училище, в котором обучался 3 года<sup>113</sup>. «В 1908 году со мной случилось большое несчастье, – пишет С.Ф. Морозов. – Осенью 11 сентября за 7 км от деревни во время уборки ржи зашли кушать и во время обеда от сильного ветра шатер упал, двое мои товарищи сгорели. Меня брат и сестра освободили из шатра, причем я очень сильно обжег левую ногу. В течение года я лечился в г. Каргополе и Петрозаводске. В 1910/11 году по завещанию родителей жил год в Соловецком монастыре, где имел служение в церкви в должности псаломщика»<sup>114</sup>. В 1916 году распоряжением епархиального начальства он был назначен исполняющим делами псаломщика Хергозерского прихода<sup>115</sup>. По опубликованным материалам известно, что С.Ф. Морозов пожертвовал в храм прихода икону «в 3 р. 50 к.»<sup>116</sup>. В 1917 году Каргопольским епископом Варсонофием Стефан Федорович рукоположен в сан диакона. Служение проводил в Хергозерском приходе Каргопольского района до 1930 года<sup>117</sup>. «В этом же году в нашем приходе церковь закрыли, и я с 1930 года работал в колхозе включительно до 1950 года», – отмечает очень важную информацию священник<sup>118</sup>. В 1950 году по вызову Епископа Архангельского и Холмогорского Леонтия С.Ф. Морозов прибыл в Архангельск. Был прописан по адресу: Первомайский район, ул. Вельская, д. 27. Зарегистрирован в качестве псаломщика приходской общины Ильинской православной церкви, находившейся в Первомайском районе г. Архангельска, с правом совершения бого-



служения в названной церкви и церковных треб на дому у верующих по их приглашению<sup>119</sup>. Служил также в сане диакона и протодиакона. Вскоре епископом Архангельским и Холмогорским Феодосием он был рукоположен в сан священника при Кафедральном Свято-Ильинском соборе г. Архангельска. Епархиальные документы, датированные 1954 годом и подписанные управляющим епархией епископом Архангельским и Холмогорским Феодосием, свидетельствуют о том, что до 1954 года С.Ф. Морозов служил также и в Заостровской церкви: «настоятель Заостровской церкви священник Стефан Морозов переводится четвертым священником в св. Ильинский Кафедральный собор г. Архангельска»<sup>120</sup>. В 1954 году он проживал по новому адресу: проспект Новгородский, дом 130<sup>121</sup>. В семейном архиве В.А. Морозова, внука священника, хранится фотография, датированная 1958 годом с дарственной надписью семье.

О семье священник пишет следующее: «Жена Васса Некр... <нрзб.> рождения 1900 года<sup>122</sup>. Имею детей: сын Александр, год рождения 1919 г., колхозник им. Хрущева Каргопольского района, сын Василий, год рождения 1923 г., советской армии офицер, сын Иван год рождения 1930 г., работает в Морском пароходстве, дочь Мария, год рождения 1916 г., в замужестве, дочь Зоя, год рождения 1927, работает на 3 лесозаводе Архангельска»<sup>123</sup>. По воспоминаниям лекшмозер, священник, живя в Архангельске, не оставлял свою родную землю, «в Думино поп приезжал из Архангельска и всех покрестил. А потом по кладбищу прошел, всех отпел»<sup>124</sup>. Жительница деревни Морщихинской В.И. Басова рассказала о священнике примечательную историю: «На сенокосе были в д. Курмино с мужем Борисом. Приходит человек высокий, худой. Борис с ним худо поговорил, сказал: "Беглец, бродят тут всякие". Я предложила чай попить с нами. Потом он поговорил со мной, узнал, что Борис мой муж, спросил: "Как живете?". Я не похвастала. Он мне сказал, что Борис своей смертью не умрет, а я долго проживу. Откуда он знал? Так и оказалось»<sup>125</sup>.

По сведениям Владимира Александровича Морозова (1961 г.р., житель д. Морщихинской), внука священника, умер С.Ф. Морозов в 1970 году в возрасте 75 лет в Архангельске<sup>126</sup>.

Нам представляется важным, что при сборе информации о территории восполнение лакун может строиться не только на документальных источниках, но и на индивидуализированном восприятии пространства локальным сообществом. По замечанию М.М. Бахтина, «пространство осмысливается и измеряется временем»<sup>127</sup>. С позиции символических значений, которыми его наделяет человек, пространство осмысливается временем лично. Осознание времени человеком «происходит по событиям, его заполняющим, а не по каким-либо физическим параметрам», — пишет О.А. Лавренова<sup>128</sup>.

Для каждого конкретного человека сокровенные образы ландшафта имеют определенные визуальные знаки. «Тайна родины» придает человеческую ценность ландшафту. Сохранились многочисленные свидетельства локального сообщества о глубиной привязанности к родине. Последним жителем деревни Думино была бабушка

Евдокия Гаврилова. По воспоминаниям лекшмозер, родственники ее звали переехать в деревню Морщихинскую, но она, оставшись на родине, выбрала иную участь — замерзла зимой в собственном доме<sup>129</sup>.

Сакральная натурфилософия (вода, земля, горы) позволяет человеку жить в особом переживаемом пространстве. Местообитание в этом случае вызывает чувство подлинного единения с природой.

Думино-Долгозерский ландшафтный комплекс мы отнесли к категории умозрительных ландшафтов. Утраченные памятники: церковь Св. Пророка Илии в деревне Думино, часовни Успения Пресвятой Богородицы (д. Херново), Божией Матери «Знамение» (д. Ожегово), поклонные кресты, покинутые и разрушенные деревни обрели знаковость благодаря памяти локального сообщества.

Сокровенные образы ландшафта являются хранителями сферы духа территории и не приводят к опустыниванию человеческого бытия.

### Примечания

<sup>1</sup>Подорога В.А. Выражение и смысл. Ландшафтные миры философии. М., 1995; Башляр Г. Избранное: Поэтика пространства. М., 2004.

<sup>2</sup>Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. М., 1972. С. 62.

<sup>3</sup>Замятин Д.Н. Гуманитарная география: пространство и язык географических образов. СПб., 2003.

<sup>4</sup>Теребихин Н.М. Метафизика Севера. Архангельск, 2004.

<sup>5</sup>Лавренова О.А. Пространства и смыслы: Семантика культурного ландшафта. М., 2010.

<sup>6</sup>Обзор литературы по поведенческой географии см.: Голд Д. Психология и география: Основы поведенческой географии. М., 1990. URL: <http://bookfi.org/book/680483>.

<sup>7</sup>Флоренский П.А. Оправдание Космоса / сост., вступ. ст. и прим. К.Г. Исупова. СПб., 1994. С. 185.

<sup>8</sup>Булгаков С.Н. Тихие думы. М., 1996. С. 308.

<sup>9</sup>Программа «Паспортизация деревень». Паспорт д. Минино. Информант — Н.М. Тюхтина (1950 г.р., д. Минино), электронная запись М.Н. Мелютиной // Научный архив ФГБУ «Национальный парк «Кенозерский».

<sup>10</sup>Теребихин Н.М. Указ. соч. С. 46.

<sup>11</sup>Веденин Ю.А., Тормосов Д.В. Культурно-ландшафтная дифференциация территории Кенозерского национального парка // Культурный ландшафт как объект наследия / отв. ред. Ю.А. Веденин, М.Е. Кулешова. М.; СПб., 2004. С. 427, 433–434.

<sup>12</sup>Мелехова Г.Н., Носов Н.Н. Традиционный уклад Лекшмозерья. М., 1994. Ч. 2. С. 167; Государственный архив Архангельской области (далее ГААО). Ф. 104. Оп. 3. Д. 445. Л. 2.

<sup>13</sup>ГААО. Ф. 104. Оп. 3. Д. 446. Л. 2–12 об.

<sup>14</sup>Докучаев-Басков К.А. Подвижники и монастыри Крайнего Севера. Хергозерская, Макарьевская пустынь // Христианское чтение. 1890. № 11/12. С. 787.

<sup>15</sup>Программа «Паспортизация деревень». Паспорт д. Думино. Информант – К.А. Боголепов (1964 г.р., д. Анфаловская). Запись А.И. Поповой // Научный архив ФГБУ «Национальный парк «Кенозерский»; Карта Олонецкой губернии. 1918 год // Научный архив ФГБУК «Всероссийский художественный научно-реставрационный центр им. академика И.Э. Грабаря». Фонд Н.Н. Померанцева.

<sup>16</sup>Подробнее см.: Мелютина М.Н. По следам старых фотографий (Иконы из Свято-Троицкой церкви Хергозерского прихода в коллекции музейного фонда Кенозерского национального парка) // Небеса ручной работы. Расписные потолки и иконы из храмов Кенозерского национального парка: каталог выставки / сост.: Т.М. Кольцова, М.Н. Мелютина. М., 2010. С. 102–109.

<sup>17</sup>Программа «Паспортизация деревень». Паспорт д. Филипповской. Информант – Т.Г. Гусева (1933 г.р., д. Будылгино). Запись М.С. Гусевой // Научный архив ФГБУ «Национальный парк «Кенозерский».

<sup>18</sup>URL: <http://magazines.russ.ru/nj/2006/242/flo11.html>

<sup>19</sup>Критский Ю.М. Кенозерье: история и культура: (очерки, материалы, исследования) / подгот. текста В.Н. Матонина. Архангельск, 2005. С. 34.

<sup>20</sup>Там же. С. 36.

<sup>21</sup>Кенозерский национальный парк благодарит В.В. Скопина за предоставленный документ. См. карту «Генеральный план (атлас) Каргопольского уезда»: Небеса и окрестности Кенозерья. Расписные потолки, иконы, деревенские часовни и церкви, составляющие историко-культурный ландшафт Национального парка «Кенозерский». М., 2009. С. 24.

<sup>22</sup>Российский государственный архив древних актов (далее РГАДА). Ф. 350. Оп. 1. Д. 168. Л. 140. Автор благодарит А.Н. Старицына за предоставленный документ.

<sup>23</sup>Там же. Л. 140 об.

<sup>24</sup>Там же. Л. 142 об.

<sup>25</sup>Карту Каргопольского уезда 1848 г. см.: Небеса и окрестности Кенозерья... С. 83.

<sup>26</sup>Программа «Паспортизация деревень». Паспорт д. Думино. Информант – К.А. Боголепов...

<sup>27</sup>Программа «Паспортизация деревень». Паспорт д. Думино. Информант – В.Г. Малахов (1961 г.р., д. Морщихинская). Запись А.И. Поповой // Научный архив ФГБУ «Национальный парк «Кенозерский».

<sup>28</sup>Мелехова Г.Н., Носов Н.Н. Указ. соч. С. 74.

<sup>29</sup>Каргополье: фольклорный путеводитель (предания, легенды, рассказы, песни и присловья) / сост. М.Д. Алексеевский и др. М., 2009. С. 477.

<sup>30</sup>Программа «Паспортизация деревень». Паспорт д. Думино. Информант – С.В. Попов (1959 г.р., д. Анфаловская). Запись А.И. Поповой // Научный архив ФГБУ

«Национальный парк «Кенозерский».

<sup>31</sup>Фото А. Ерошина. URL: <https://picasaweb.google.com/103787828238522448161/2011072627#>

<sup>32</sup>Мелехова Г.Н., Носов Н.Н. Указ. соч. С. 58.

<sup>33</sup>Смолко Н.М. Архивные источники: рукопись // Научный архив ФГБУ «Национальный парк «Кенозерский».

<sup>34</sup>ГААО. Ф. 104. Оп. 3. Д. 455. Л. 11 об. ; Национальный архив Республики Карелия. Ф. 17. Оп. 1 Д. 60/890. Л. 202.

<sup>35</sup>Подробнее см.: Мелехова Г.Н., Носов Н.Н. Указ. соч. С. 58–67.

<sup>36</sup>Смолко Н.М. Указ. соч.

<sup>37</sup>Программа «Паспортизация деревень». Паспорт деревни Думино. Информант – В.Г. Малахов (1961 г.р., д. Морщихинская). Запись А.И. Поповой // Научный архив ФГБУ «Национальный парк «Кенозерский».

<sup>38</sup>Каргополье: фольклорный путеводитель... С. 477.

<sup>39</sup>Отчет историко-этнографической экспедиции студентов IV курса гуманитарного факультета Поморского государственного университета им. М.В. Ломоносова в Лекшмозерье и Кенозерье (2005 г.). Информант – А.И. Попова (1933 г.р., д. Орлово). Рук.: В.Н. Матонин, В.А. Добрыднев // Научный архив ФГБУ «Национальный парк «Кенозерский».

<sup>40</sup>Башляр Г. Избранное: Поэтика пространства. М., 2004. С. 19. URL: <http://yanko.lib.ru>.

<sup>41</sup>Элиаде М. Священное и мирское. М., 1994. С. 75.

<sup>42</sup>Флоренский П.А. Указ. соч. С. 39.

<sup>43</sup>Отчет историко-этнографической экспедиции...

<sup>44</sup>Программа «Паспортизация деревень». Паспорт д. Думино. Информант – С.В. Попов...

<sup>45</sup>Программа «Паспортизация деревень». Паспорт д. Думино. Информант – В.А. Морозов (1951 г.р., д. Думино). Запись А.И. Поповой // Научный архив ФГБУ «Национальный парк «Кенозерский».

<sup>46</sup>Программа «Паспортизация деревень». Паспорт д. Думино. Информант – С.В. Попов...

<sup>47</sup>Программа «Паспортизация деревень». Паспорт д. Ожегово. Информант – К.А. Боголепов (1964 г.р., д. Анфаловская). Запись Л.В. Боголеповой // Научный архив ФГБУ «Национальный парк «Кенозерский».

<sup>48</sup>Харузин Н.Н. Из материалов, собранных среди крестьян Пудоожского уезда Олонецкой губернии. М., 1889. С. 31.

<sup>49</sup>Бахтин М.М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике // Бахтин М.М. Литературно-критические статьи. М., 1986. С. 134.

<sup>50</sup>Программа «Паспортизация деревень». Паспорт д. Орлово. Информант – Ю.А. Макаров (1940 г.р., д. Орлово). Запись В.Д. Шевелева // Научный архив ФГБУ «Национальный парк «Кенозерский».

<sup>51</sup>Р-в Г. Народная легенда (Письмо в редакцию Олон. Губ. Вед. из Каргопольского уезда) // Олонецкие губернские ведомости. 1865. № 9. С. 136.

<sup>52</sup>Дранникова Н.В. Мифологический ландшафт Кенозерья // Поморские чтения по семиотике культуры: сб. научных статей. Архангельск, 2008. Вып. 3: Сакральная география и традиционные этнокультурные ландшафты народов Европейского Севера. С. 126.

<sup>53</sup>ГААО. Ф. 4687. Оп. 1. Д. 156. Л. 6; 11 об.

<sup>54</sup>Программа «Паспортизация деревень». Паспорт д. Думино. Информант – В.А. Морозов (1951 г.р., д. Думино). Запись М.Н. Мелютиной // Научный архив ФГБУ «Национальный парк «Кенозерский».

<sup>55</sup>Мелютина М.Н. Полевой дневник (2007 г.) // Научный архив ФГБУ «Национальный парк «Кенозерский».

<sup>56</sup>Давыдов А.Н. Этнографическая проблематика изучения Кенозерья // Научный архив ФГБУ «Национальный парк «Кенозерский». Разработка научной документации для проектируемого национального парка на Кенозере Плесецкого района Архангельской области: рукопись. Архангельск, 1982. Т. 2. С. 116.

<sup>57</sup>Там же.

<sup>58</sup>Элиаде М. Указ. соч. С. 60.

<sup>59</sup>Криничная Н.А. Русская народная мифологическая проза: Истоки и полисемантизм образов. Петрозаводск, 2000. Т. 1. С. 467.

<sup>60</sup>Воронов А. Древний народный обычай // Олонецкие губернские ведомости. 1887. № 95. С. 886.

<sup>61</sup>Никитин Г.А. Жертвоприношения в Карелии // Материалы по этнографии. СПб., 2004. Т. II: Народы Прибалтики, Северо-Запада, Среднего Поволжья и Приуралья. С. 345.

<sup>62</sup>Там же.

<sup>63</sup>Нефедова З.Я. Воспоминания Басова Василия Тимофеевича // Научный архив ФГБУ «Национальный парк «Кенозерский».

<sup>64</sup>Мелехова Г.Н., Носов Н.Н. Указ. соч. С. 148.

<sup>65</sup>Там же. С. 153.

<sup>66</sup>Мелехова Г.Н., Носов Н.Н. Указ. соч. С. 155.

<sup>67</sup>Криничная Н.А. Указ. соч. С. 482–483.

<sup>68</sup>Там же. С. 509.

<sup>69</sup>Кенозерские сказки, предания, былички / вступ. ст., сост., примеч. Н.М. Ведерниковой. М., 2003. С. 100.

<sup>70</sup>Пылаев М.А. Западная феноменология религии. Теоретико-методологические основания и перспективы построения религиоведения как науки о святом. М., 2006. С. 57.

<sup>71</sup>Бондарь Ю.Н., Калуцков В.Н. Природные ландшафты в топонимии Кенозерского национального парка // Кенозерские чтения: материалы 1-й Всероссийской науч. конференции / отв. ред. Е.Ф. Шатковская; сост. А.А. Куратов. Архангельск,

2003. С. 136.

<sup>72</sup>Программа «Паспортизация деревень». Паспорт д. Думино. Информант – С.В. Попов (1959 г.р., д. Анфаловская). Запись А.И. Поповой. Научный архив ФГБУ «Национальный парк «Кенозерский».

<sup>73</sup>Бердяев Н.А. Судьба России. М., 1990. С. 238–239.

<sup>74</sup>Программа «Паспортизация деревень». Паспорт д. Думино. Информант – К.А. Боголепов (1964 г.р., д. Анфаловская). Запись А.И. Поповой // Научный архив ФГБУ «Национальный парк «Кенозерский».

<sup>75</sup>Бахтин М.М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике // Вопросы литературы и эстетики. М., 1975. С. 339.

<sup>76</sup>Фрейман Н. Придорожная часовня – пережиток древнего «погребения на столбах на путях» // Советская этнография. 1936. № 3. С. 88.

<sup>77</sup>Топоров В.Н. Мировое древо: Универсальные знаковые комплексы. М., 2010. Т. 1.

<sup>78</sup>Берншам Т.А. Урочище Чупрово (природно-культурный памятник в Пинежском районе Архангельской области) // Русский Север: Ареалы и культурная традиция. СПб., 1992. С. 184.

<sup>79</sup>Porteous A. Forest folklore, mythology, and romance, London, 1928. P. 290.

<sup>80</sup>Едовин А.Г. Археологическое наследие Кенозерья // Кенозерские чтения. Архангельск, 2003. С. 65–82; Мартынов А.Я. Археологическое изучение микрорайона Кенозерья // Научный архив ФГБУ «Национальный парк «Кенозерский». Разработка научной документации для проектируемого национального парка... Т. 3. С. 4–15.

<sup>81</sup>Харузин Н. Н. Указ. соч. С. 61; Шайжин Н.С. Олонецкий край (По данным местного фольклора) // Памятная книжка Олонецкой губернии на 1909 год. Петрозаводск, 1909. С. 208.

<sup>82</sup>Веселовский А.Н. Историческая поэтика. М., 1989.

<sup>83</sup>Теребихин Н.М. Сакральная география Русского Севера. Архангельск, 1993. С. 70.

<sup>84</sup>РГАДА. Ф. 350. Оп. 1. Д. 168. Л. 140 об.

<sup>85</sup>Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы. Материалы «Этнографического бюро» князя В.Н. Тенишева. СПб., 2008. Т. 6. С. 185.

<sup>86</sup>Программа «Паспортизация деревень». Паспорт д. Думино. Информант – В.А. Морозов (1961 г.р., д. Думино). Запись А.И. Поповой // Научный архив ФГБУ «Национальный парк «Кенозерский».

<sup>87</sup>Человенко Т.Г. Актуальные проблемы феноменологического анализа религиозных явлений. Орел, 2006. С. 216.

<sup>88</sup>Бернштам Т.А. Указ. соч. С. 184.

<sup>89</sup>Конкка А.П. Комплексное экспедиционное обследование Кенозерья (2009 г.) // Научный архив ФГБУ «Национальный парк «Кенозерский».

<sup>90</sup>Теребихин Н.М. Метафизика Севера. Архангельск, 2004. С. 146.

<sup>91</sup>Программа «Паспортизация деревень». Паспорт д. Думино. Информант –

В.А. Морозов...

<sup>92</sup>Программа «Паспортизация деревень». Паспорт д. Думино. Информант – В.А. Басова (1937 г.р., д. Хмелина Вологодской обл.). Запись А.И. Поповой // Научный архив ФГБУ «Национальный парк «Кенозерский».

<sup>93</sup>Ведерникова Н.М. Фольклор как способ отражения культурного ландшафта: по материалам экспедиционных выездов 2000–2002 гг. // Культурный ландшафт как объект наследия / сост.: Ю.А. Веденин и др. М.; СПб., 2004. С. 303.

<sup>94</sup>Теребихин Н.М. Указ. соч. С. 158.

<sup>95</sup>Мелехова Г.Н., Носов Н.Н. Указ. соч. С. 155.

<sup>96</sup>ГААО. Ф. 104. Оп. 3. Д. 445. Л. 6 об., 7.

<sup>97</sup>РГАДА. Ф. 350. Оп. 1. Д. 168. Л. 140 об.

<sup>98</sup>ГААО. Ф. 104. Оп. 3. Д. 445. Л. 6 об., 7.

<sup>99</sup>Программа «Паспортизация деревень». Паспорт д. Думино. Информант – М.Е. Харина (1928 г.р., д. Анфаловская). Запись А.И. Поповой // Научный архив ФГБУ «Национальный парк «Кенозерский».

<sup>100</sup>ГААО. Ф. 372. Оп. 13. Д. 81. Л. 9, 9 об.

<sup>101</sup>Книга памяти Мурманской области. URL : <http://lists.memo.ru/d11/f466.htm>

<sup>102</sup>ГААО. Ф. 372. Оп. 13. Д. 81. Л. 9, 9 об.

<sup>103</sup>Там же.

<sup>104</sup>Олонецкие епархиальные ведомости. 1914. № 35. С. 792.

<sup>105</sup>ГААО. Ф. 372. Оп. 13. Д. 81. Л. 9, 9 об.

<sup>106</sup>Там же. Л. 5 об.

<sup>107</sup>Критский Ю.М. Указ. соч. С. 148.

<sup>108</sup>ГААО. Ф. 372. Оп. 13. Д. 81. Л. 5 об.

<sup>109</sup>Подворная книга с. Лекшмозера // Архив МО «Печниковский».

<sup>110</sup>Книга памяти Мурманской области. URL: <http://lists.memo.ru/d11/f466.htm>

<sup>111</sup>Там же.

<sup>112</sup>Автор выражает благодарность Т.М. Кольцовой за указание на архивный фонд.

<sup>113</sup>ГААО. Ф. 5620. Оп. 3. Д. 3. Л. 280.

<sup>114</sup>Там же.

<sup>115</sup>Олонецкие епархиальные ведомости. 1916. № 22. С. 435.

<sup>116</sup>Там же. № 29. С. 561.

<sup>117</sup>ГААО. Ф. 5620. Оп. 3. Д. 3. Л. 280 об.

<sup>118</sup>Там же.

<sup>119</sup>Там же. Л. 186.

<sup>120</sup>Там же. Л. 258.

<sup>121</sup>Там же. Л. 259.

<sup>122</sup>Там же. Л. 280 об.

<sup>123</sup>Там же. Л. 281.

<sup>124</sup>Мелехова Г.Н., Носов Н.Н. Указ. соч. С. 165.

<sup>125</sup>Программа «Паспортизация деревень». Паспорт д. Морщихинская. Информант –

В.И. Басова (1937 г.р., д. Хмелина Вологодской обл.). Запись А.И. Поповой // Научный архив ФГБУ «Национальный парк «Кенозерский».

<sup>126</sup>Программа «Паспортизация деревень». Паспорт д. Морщихинская. Информант – В.А. Морозов (1951 г.р., д. Думино). Запись М.Н. Мелютиной // Научный архив ФГБУ «Национальный парк «Кенозерский».

<sup>127</sup>Бахтин М.М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике // Бахтин М.М. Литературно-критические статьи. М., 1986. С. 122.

<sup>128</sup>Лавренова О.А. Время, мерцающее в пространстве. // Гуманитарная география: Научный и культурно-просветительский альманах / отв. ред. И.И. Митин; сост. Д.Н. Замятин. М., 2008. Вып. 5. С. 111.

<sup>129</sup>Программа «Паспортизация деревень». Паспорт д. Думино. Информант – М.Е. Харина (1928 г.р., д. Анфаловская). Запись А.И. Поповой // Научный архив ФГБУ «Национальный парк «Кенозерский».

И.И. Муллонен, Е.В. Захарова  
(г. Петрозаводск)

### Многослойная топонимия Кенозерья\*

Топонимия Кенозерья собиралась в 60-х годах XX века Топонимической экспедицией Уральского федерального университета (Екатеринбург), экспедиционные материалы были позднее проанализированы А. К. Матвеевым в работе «Субстратная топонимия Русского Севера» в главе, посвященной Кенозеру<sup>1</sup>. В 80-х годах прошлого столетия сбор кенозерской топонимии был продолжен студентами Архангельского государственного педагогического института (Архангельск) под руководством Дерягина В.Я. и Дерягиной З.С., полевые материалы легли в основу «Методических разработок для студентов пединститутов и учителей школ по теме: «Топонимика Кенозера»<sup>2</sup>.

Основными источниками материала для настоящей работы являются полевые материалы экспедиции Института языка и литературы КарНЦ РАН, которая состоялась на Кенозеро в 2008 году. Использованы также данные картотеки Топонимической экспедиции УрФУ (Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина). Привлекались и некоторые картографические источники.

Анализ топонимического материала Кенозерья позволяет говорить о том, что географические названия нерусского происхождения достаточно широко представлены на исследуемой территории и присутствуют во всех слоях топонимии – от более древней и устойчивой во времени гидронимии (в названиях озер, рек, заливов и т. д.) до более молодой и подвижной микротопонимии (в названиях деревень, сельскохозяйственных угодий и пр.), что свидетельствует косвенным образом о значительном вкладе прибалтийско-финского (вепско-карельского) населения в культуру региона.

Географические названия с нерусскими истоками на территории Кенозерья (как и субстратная топонимия Русского Севера в целом) представлены следующими структурными типами топонимов: собственно субстратные топонимы с субстратными основой и формантом (*Кена, Киндеша, Порма, Поча, Чаженга* и др.); топонимы с субстратной основой и русским аффиксом или аффиксами (*Нойдово озеро, Мяндово болото, Черезишный ручей* и др.); топонимы-полукальки с субстратной основой и русским географическим термином-детерминантом (*Варнаволок, Вах-камох, Венегора, Койкручей, Нотозеро* и др.). Последняя группа кенозерских субстратных топонимов наиболее многочисленна. Названия этого типа возникли в результате адаптации прибалтийско-финских оригинальных топонимов, сложных

по структуре, к русскому употреблению: \*Nuotta/järvi > Нотозеро. Основной компонент сложного топонима, выраженный географическим термином, переводился соответствующим русским словом, в то время как атрибутивный элемент сохранялся в первоначальном виде. Кроме того, здесь присутствует целый ряд топонимов-полукалек, в которых в качестве основного элемента выступает диалектная лексема, заимствованная из прибалтийско-финского источника: *-пахта* ‘болото’ (*Валганпахта, Гойпахта*); *-лахта* ‘залив’ (*Габлахта, Куклахта, Перилахта*); *-селга/-сельга, -челга, -шелга* ‘возвышенность, гряда’ (*Габчелга, Еньшелга, Куршелга, Масельга*). Здесь же обнаружено несколько топонимов, образованных по данному типу уже на русской почве: ручей *Бабручей*, залив *Глухолахта* и озеро *Мутькозеро*, что говорит о популярности представленной модели в топонимии Кенозерья.

В кенозерской топонимии выявляется четкий саамский пласт названий, свидетельствующий о саамском прошлом территории. Названия саамского происхождения привязаны к относительно крупным, значимым с точки зрения ландшафтной характеристики объектам, прежде всего, водным. В специальной литературе неоднократно фигурируют известные в Кенозерье саамские топоосновы *челм-* (саам. čol'bme ‘пролив’<sup>3</sup>): *Челма*, пролив между оз. Свиное и оз. Долгое; *Челма*, бывшая деревня; *нюхч-* (саам. njuhčč ‘лебедь’): *Нюхноча*, залив; *Нюхручей*, ручей; *Нюхчозеро*, озеро. На Кенозере и некоторых озерах в Пудожье неоднократно встречается топоним *Нюра*, называющий низкие заливные острова, поросшие травой: *Нюра, Нюрица, Нюра, Нюры, Нера*: саам. njuoŋrâ, řiŋr ‘подводный камень; мель’. Слово было в свое время усвоено в русские говоры Кенозерья и Заонежья, где закрепилось в виде *нюра* ‘подводная мель’<sup>4</sup>.

Ниже приведены саамские этимологии некоторых кенозерских топонимов, не становившихся до сих пор предметом специального анализа.

Название озера *Свиное* традиционно принято связывать с наименованием впадающей в него реки *Почи* и объяснять его как результат перевода карельского роцци ‘свинья, поросенок’ на русский язык. Причину появления названия принято связывать с тем, что на берегах озера водились лесные свиньи – кабаны<sup>5</sup>. Последнее – типичная народная этимология, т. е. попытка объяснить ставшее непонятным название. На самом деле истоки топонима глубже, чем карельское время. Озеро Свиное представляет собой самый дальний северный конец системы озер Кенозеро – Долгое – Свиное (со стороны главной водной артерии края реки Кены), что и отмечалось некогда саамской топоосновой *boasřšo, roasřš* с первоначальным значением ‘зад, задний угол’. Такая модель называния хорошо известна в топонимии Карелии и сопредельных областей, где данная саамская топооснова в виде Пожа-, Подьжа-, Поча- часто используется в наименованиях больших озерных заливов<sup>6</sup>. Очевидно, логично полагать, что озеро Свиное называлось в саамское время \*Почезером (т. е. задним, конечным озером), по озеру получила свое название и впадающая в озеро река. Позднее, в период карельской истории края в языковом сознании карелов саамская топооснова была осмыслена по-новому и сближена с карельским словом роцци ‘сви-

© Муллонен И.И., Захарова Е.В., 2012

\*Статья подготовлена в рамках выполнения проекта «Создание ГИС «Электронная картотека топонимов Восточного Обонежья» (грант РГНФ №12-04-12009).

ня'<sup>7</sup>, которое затем было переведено на русский язык уже на русском этапе истории края.

Этимология подтверждается и бытованием в архангельских русских говорах географического термина *поча, потча* 'речной или озерный залив'<sup>8</sup>, воспринятого из субстратного источника.

Небольшое озеро *Купецкое* на западном берегу Кенозера за деревней Тарасово ведет свое происхождение от саамского *куорса* 'кислый, гнилой'. Видимо, так характеризовалась особенность озера с жидкими берегами, заросшими травой. Информанты отмечают, что в отличие от соседнего озера Мошного, берега которого моховые и с них можно удить, в Купецком нельзя удить с берега.

*Мошкозеро*, озеро, из которого вытекает ручей *Мошкучей* в Кенозеро. Для названий можно предложить саамскую интерпретацию, связанную со словом *mos'ki* 'непроходимый насквозь, замкнутый (например, об озере, не имеющем сквозного прохода)' или его производным *moska, moskas* 'глухой, непроходимый лес'. Возможно, в названии заключена идея о том, что из Мошкозера нет дальше водного пути, что оно является непроточным.

Значительное количество водных объектов с названиями, допускающими саамскую этимологию, сосредоточено за северными пределами территории Кенозерского парка. Отметим из них некоторые: *Торосозеро* (саам. *doares* 'поперек, поперечный', с мотивировкой 'расположенный поперек течения реки'), р. *Ельма* (праасаам. \**ele* 'верхний', \**elema-* 'самый верхний', имеется в виду верхний участок реки Кармы), *Янгозеро* (праасаам. \**jeŋke* 'болото'), *Пышозеро* (от саамского слова со значением 'святой'), р. *Вононга*, в основе которого возможно реконструировать саамское слово \**enä* с семантикой 'большой', подвергшееся русской фонетической адаптации, и др.

При этом, анализируя древнюю топонимию, надо иметь в виду следующее: то, что принято традиционно называть в исследовании субстратной топонимии Русского Севера саамской топонимией, в действительности может иметь и другую интерпретацию. Дело в том, что подавляющее большинство саамских топооснов, используемых в топонимии на территории Русского Севера, имеет соответствия в прибалтийско-финских языках, исходя из чего, можно заключить, что, в действительности, тот этнос, который оставил в Кенозерье топонимию саамского типа, мог быть не сугубо саамским, но представлять собой образование прибалтийско-финско-саамского типа. Последнее могло образоваться в ходе распада единой саамско-финской языковой общности. Неслучайно к этимологии этих топонимов нередко удобнее подходить не с позиций современного саамского языка, а используя языковую реконструкцию, т. е. более раннее, предшествующее современному, языковое состояние. Идея о присутствии на Русском Севере особого прасаамского или прибалтийско-финско-саамского этноса неоднократно высказывалась в специальной литературе А.К. Матвеевым, И. Муллонен, Я. Саарикиви, последним по времени является мнение Е. Хелимского, который предполагает существование на территории Архангельской области специфической северо-западной группы финно-угор-

ских языков<sup>9</sup>. Именно с этих позиций он интерпретирует, в частности, название озера *Кенозера*, для объяснения которого использует известное в финских говорах слово *keno* 'кривой, изогнутый' (т.е. Кенозеро – кривое озеро). Это не значит, что топоним имеет финское происхождение. В финском языке сохранилось древнее финно-угорское слово, которое когда-то было известно древним насельникам Кенозерья, говорившем на северо-западном финно-угорском языке (родственным современному саамскому и прибалтийско-финским языкам)<sup>10</sup>. Оставаясь в рамках выдвинутой гипотезы, Е. Хелимский предлагает также этимологию для названия реки *Ундоши*, в основе которого он реконструирует северо-западный финно-угорский термин \**onto* 'поток, течение' (т. е. Ундоша – большая река).

Гипотеза о бытовании на Русском Севере особой группы финно-угорских языков, родственных саамскому и прибалтийско-финским, требует дальнейшей разработки. Возможно, топонимический материал Кенозерья позволит в дальнейшем высказаться более определенно в пользу либо собственно саамского, либо особого праприбалтийско-финско-саамского прошлого территории.

Несомненно, присутствие в Кенозерье собственно прибалтийско-финского (карельского) пласта топонимии, относящегося к более позднему времени и сформировавшегося в ходе карельского продвижения на восток в XVI–XVII веках из попавшего под власть Швеции в 1617 году Карельского уезда.

Многие топонимы сохраняют четкие карельские маркеры, позволяющие отличать карельскую топонимию, например, от вепсской или более ранней финно-угорской. Среди таких маркеров присутствие шипящих согласных: *Шалмозеро* и *Шалмучей* в западном Кенозерье (карел. *šalmi* – вепс. *salm* 'пролив'<sup>11</sup>), наличие удвоенных согласных: *Леннозеро* в том же западном Кенозерье (карел. *leppä* – вепс. *lep* 'ольха'), сохранение звука *h*, который при усвоении в русское употребление вепсских названий обычно переходит в *z*, ср. руч. *Хирбуй* (карел. *higvi* 'лось'), остров *Хийостров* на Ундозере (карел. *hiisi*: в косвенных падежах *hiije-* 'леший, черт', 'перелесок; отдаленное, глухое, наводящее страх место'<sup>12</sup>), впрочем, здесь, видимо, сохранилось первоначальное значение слова 'священная роща, место поклонения предкам', которое постепенно под влиянием христианства сменилось на современное. Соответствующая вепсская топооснова усваивалась обычно в виде Гиж- (Гижостров, Гижнаволок и т.д. в Пудожье).

Однако в целом ряде случаев развести вепсскую и карельскую по происхождению топонимию в Кенозерье не удается в силу значительной близости этих родственных языков: Венегора, Венеручей (карел. *veneh*, вепс. *veñeh* 'лодка'); Габлахта, Габозеро (карел. *hoara*, вепс. *hab* 'осина'); Кивозеро (карел., вепс. *kivi* 'камень'); Гойпахта, Койкозеро, Койкучей (карел. *hoikka*, вепс. *hoik* 'тонкий, узкий'); Маймозеро (карел. *maima*, вепс. *maim* 'малек, наживка'); Мяндово болото, Мяндозеро, Мяндомих, Мяндручей (карел. *mänty*, вепс. *mänd* 'мяндовая сосна; сосняк на болоте'); Падозеро (карел. *pato*, вепс. *pado* 'плотина, запруда'); Пихкозеро, Пихкучей (карел. *pihka*, вепс. *pihk* 'смола хвойного дерева; густое мелколесье, молодой хвойный лес'); Хер-

гозеро (карел. härkä, вепс. härg ‘бык’) и др. Можно полагать, что вепсское проникновение в Кенозерье было несколько более ранним, чем карельское. Вепсы использовали водные пути, шедшие из Пудожья и южного Обонежья, где присутствие вепсского этнического компонента считается доказанным.

Далее предложена нерасчлененная карельско-вепсская интерпретация ряда топонимов Кенозерья: будут рассмотрены материалы, не становившиеся предметом специального анализа в упомянутых выше работах, либо предложены иные версии, касающиеся происхождения топонимов и их этимологии.

**Пельчаг** – небольшой островок у северного конца о. Медвежий. Название явно входит в один ряд с наименованиями островов, а также небольших озер с основой *pel* ‘край, бок, сторона’, известных на вепсской территории. В ряде случаев основа осложнена суффиксальными элементами *-ч* и *-аг*. С позиций данной интерпретации Пельчаг – *боковой* остров, расположенный *около* Медвежьего.

**Чираки** – островок напротив деревни Тарасова, ср. вепс. čirak ‘мель, гряда на озере’. Бытует в качестве названий небольших островков на вепсской и прилегающей к ней южнокарельской территории.

**Майлахта** – залив и названная по нему деревня. Авторы «Топонимики Кенозера» связывают топоним с прибалтийско-финским словом *maja* ‘избушка, шалаш’<sup>13</sup>, что, однако, не укладывается в систему карельских и вепсских типичных топооснов. Данное слово нехарактерно для карельской и вепсской топонимии. Скорее, следует исходить из карел. *maima*, вепс. *maim* ‘малек, мелкая рыба’, в котором могла произойти утрата конечного согласного на стыке двух структурных элементов сложного топонима. Возможно и сопоставление с карел. *majava*, вепс. *majag, maig* ‘бобер’, тоже с учетом утраты конца первого элемента сложного по структуре топонима. Обе названных семантических модели хорошо известны и карельской, и вепсской топонимии. По свидетельству информаторов бобры – не редкость в Кенозерье.

**Тырнаволок** – мыс и деревня на нем. Вряд ли следует связывать с финско-эстонским словом *taarna* ‘тростник’<sup>14</sup>, неизвестного восточным прибалтийско-финским языкам и отсутствующего в карело-вепсской топонимии. Некоторый ряд примеров, среди которых *Тырышкина*, урочище *Подкорыльское* в 3 км от деревни Спициной, за пределами Кенозерья руч.ей *Тырвас* (Богдановская волость, Красновское общество) и другие позволяют полагать, что в них звук *ы* возник на месте первоначального *е*, т. е. Тырнаволок восходит к \*Тернаволок, в котором в качестве первого элемента выступает, возможно, карел. *terva*, вепс. *terv* ‘смола’. На стыке двух элементов сложного топонима произошло закономерное опрощение возникшей группы согласных. Основа входит в число продуктивных, представлена многими примерами в топонимии Карелии, где обычно отмечает места, связанные со смолокурением. Переход *е* в *ы* свидетельствует о том, что источником топонима был, скорее всего, карельский язык, в котором гласный *е* по произношению является значительно более задним, чем в вепсском.

**Тереш/Тереж/Черезишный** – ручей, впадающий в оз. Кенозеро с восточного

берега, между деревнями Матера и Майлахта; **Терижуй/Терюжейко**, ручей в бассейне оз. Кумбасозеро; **Тережиха/Черезиха**, река, приток р. Порма. Во всех представленных топонимах отобразилась продуктивная карельская топооснова для названия ручьев, небольших рек, выраженная I причастием актива: *törisijä* ‘журчащий’ от карельского глагола *töristä* ‘журчать’. Во всех случаях можно предположить, что основой для названия послужил именно шум воды. Следует отметить, что русский эквивалент названия ручья – *Гремячий/Шумячий* – известен в топонимии Кенозерья.

**Лоддозеро/Ладдозеро** – озеро в истоках ручья Тереж; **Лобдозеро/Ловдозеро** – озеро в истоках ручья Кукручей, что и подчеркивается в содержании названий: карел. *ladva*, вепс. *ladv* ‘вершина, исток’. Модель исключительно продуктивна в прибалтийско-финской топонимии в наименованиях верхних озер. Переход *приб.-фин. v* в рус. *б*, огубление *а* в *о*, а также метатеза (перестановка согласных звуков) – особенности русской адаптации прибалтийско-финских топонимов.

**Масельга** – гора на юг от деревни Зехново. Она разделяет воды, текущие, с одной стороны, в Ведягинскую лахту, с другой, в Спицынскую лахту. Название содержит в себе карельский географический термин *maaselgä* ‘водораздел’. То есть это не просто ‘земляная гора’, как интерпретирует топоним «Топонимика Кенозера»<sup>15</sup>, а более важный элемент рельефа местности – водораздел, пусть и имеющий местное значение. **Чулаки** – поляна на возвышенном месте у деревни Филипповская. Видимо, в основе некогда бытовавший в вепсском языке ландшафтный термин \**čuhak* ~ *čuhlak* ‘холм, горка’.

**Нисельга** – покос деревни Тырышкина. Это очень распространенная в прибалтийско-финской топонимии модель для называния сельскохозяйственных угодий. Представлена сложным словом, второй элемент – географический термин *selgä* ‘кряж, возвышенность, холм, гора’<sup>16</sup>, в первом же скрыто карельское *niini* или вепсское *niñ* ‘липа’. Как и в ряде других сложных по структуре топонимов, здесь на стыке двух структурных элементов произошло усечение первого элемента. Lipa, как известно, растет на наиболее плодородных почвах, не случайно именно такие места становились сельскохозяйственными угодьями.

**Кульяки, Куляки** – поляна деревни Лахта, ср. карел. *kul’ja, kul’jakko* ‘овраг’.

**Гульмяки, Под Гульмяками** – поля деревни Горбачиха: первое – на возвышенном месте, второе – ниже, что видно из названия; **Гульминское**, болото у деревни Горбачиха. В основе карельский термин *julmäkkö* ‘крутая гора, обрыв’. В топонимии русских районов Карелии он встречается неоднократно, при этом в адаптированном к русскому употреблению виду Юлмаки, Гульмяки, Гулмаки. Картографирование модели показало, что она зародилась в северо-западном Приладожье и оттуда продвинулась вместе с карельской экспансией на север и восток (ил. 1). Есть основания утверждать, что модель относительно поздняя и маркирует карельское продвижение XVI–XVII веков<sup>17</sup>. Представленные топонимы в данном контексте свидетельствуют о карельской странице в истории Кенозерья этого исторического времени.

**Вадеги/Вадежинское**, болото у деревни Минина; **Вадеги**, покосы и урочище по берегам р. Чаженга. В основе представленных топонимов – ландшафтный термин *вадога/вадега*, бытующий в Восточном Обонежье и на смежных с ним территориях, с широким спектром значений, включая ‘покосы в низких, сырых местах около озер и речек, где растет главным образом осока; зарастающее лесом болото’<sup>18</sup>, а также ‘глубокое спокойное место между перекатами на реке; прямой участок русла реки, плес; проток, рукав реки; омут, яма в реке; топь на болоте; заливной луг’<sup>19</sup>. Привлечение данных картотек ИЯЛИ КарНЦ РАН и УрФУ, а также картографирование топонимического материала позволили реконструировать в основе кенозерских топонимов вепский источник \**vadag* с семантикой ‘покос на болотистом месте’. Судя по ареалу бытования, он распространился на исследуемую территорию из Восточного Обонежья, бывшего в прошлом вепским языковым ареалом.

**Веньжино**, озеро между деревней Семенова и бывшей деревней Ведягина. В «Топонимике Кенозера» этимология данного топонима связывается с прозвищем Веньжа, Веньга, образованного от глагола веньгать ‘плакать; говорить невнятно, мямлить’ из фин. *vinkea*, карел. *vingua* ‘плакать’<sup>20</sup>. Изогнутая форма озера позволяет предполагать в основе карельский географический термин *vengi*, *venki* ‘ручей или небольшая речка, соединяющая два озера (ламбы, болота); протока’, который в свою очередь, вероятно, связан с фин. *venki* ‘изгиб, поворот’<sup>21</sup>.

**Куклахта**, залив в южной части Кенозера у деревни Зехнова. Согласно описанию, большая часть залива мелководна, а глубокая, непересыхающая часть – у крутого обрыва, на котором стоит деревня<sup>22</sup>. В качестве этимологии авторы «Топонимики Кенозера» приводят приоб.-фин. *kuk*, *kukoï* ‘петух’<sup>23</sup>, А. К. Матвеев в качестве альтернативы для приведенной выше версии предлагает приоб.-фин. *kukka* ‘цветок’<sup>24</sup> – основу, практически не использующуюся в прибалтийско-финской топонимии. Исходя из ландшафтной характеристики, логичнее связать топоним с бытовавшим в вепских говорах термином *kuk* ‘горка, холм’, имеющем соответствие в карельском в виде *kukkula*<sup>25</sup>. Название ручья **Кукручей**, впадающего в **Куклахту**, вероятно, восходит к названию залива. В свою очередь, название горы **Куколь** у деревни Тарасова восходит к указанному выше карельскому источнику *kukkula*.

**Гамозеро**, озеро, **Гамручей**, ручей у деревни Минина: в качестве этимологии А. К. Матвеев приводит приоб.-фин. *haamu*, *hoamu* ‘призрак, привидение’<sup>26</sup>. Исследователь субстратной топонимии архангельского Поморья Н.В. Кабинина сопоставляет топонимы на Гам- с фин. *Näme*<sup>27</sup>, называющим одну из финских провинций и ее население, часть которого, согласно историческим данным, в XVII веке переселялась вместе с карелами в Беломорье из попавшего под власть Швеции в 1617 году Карельского уезда<sup>28</sup>. Согласно данной версии, топонимы с основой Гам- маркируют места расселения выходцев из области *Näme*. Д.В. Кузьмин отмечает, что не все названия с основой *Näme(h)*- имеют этнонимическое происхождение – часть из них может отражать также восприятие слабой освещенности географического объекта, о чем свидетельствуют данные с вепской территории,

где информанты обращают внимание на затемненность некоторых мест, именуемых топонимами с данной основой, ср. приоб.-фин. основу *hämä-*: *hämärä* ‘темный’, *hämü* ‘сумрак’, *hämäri* ‘потемки’<sup>29</sup>.

**Ижозеро**, озеро у деревни Потеряева: автор «Субстратной топонимии Русского Севера» соотносит данный топоним с приоб.-фин. *isä*, *ižä*, *iža* ‘отец’<sup>30</sup>, Н. В. Кабинина вводит в этот ряд и саамскую лексему с тем же значением<sup>31</sup>. Однако если учитывать особенности усвоения прибалтийско-финского ларингального фрикатива *h* фонетической системой русского языка, то следует отметить, что в начале слова приоб.-фин. *h* может пропадать (передаваться нулем звука) – многочисленные примеры фиксируются в Пудожье, ср. Иргора, Иручей: карел. *hirvi* ‘лось’; Ижгуба, Ижгора, Ижлахта, Ижनावолок, Ижозеро, Ижполе, Ижручей: **иж-** (< **hi** -): карел. **hiisi** (ср. рассмотренное выше название *Хийостров*) с первоначальным значением ‘священная роща, место поклонения предкам’, активно представленное в прибалтийско-финской топонимии<sup>32</sup>.

**Канозеро/Канкозеро/Канозеро**, озеро у деревни Шлепина: в «Топонимике Кенозера» значение связывается с характером почвы: фин. *kangas* ‘пески’<sup>33</sup>. Предложенная интерпретация требует уточнения: основное значение в прибалтийско-финских языках у лексемы *kangas* все-таки не ‘пески’, а ‘бор, боровой лес; лес на сухом месте, поросшем мхом, ягелем и стлаником, на покрытом вереском песчанике’<sup>34</sup>. Н.В. Кабинина предлагает иную этимологию для аналогичных топонимов в Приморском районе Арх. обл.: саам. ин., колт. *gaŋgâ* ‘шест’, карел. *kanki* ‘деревянный или (редко) железный шест, кол’, вепс. *kaŋg* ‘шест, кол’<sup>35</sup>, которая кажется несколько искусственной, особенно с учетом того, что топооснова *kangas* ‘бор’ исключительно продуктивна в карельской и вепской топонимии.

**Римовская Лахта**, залив на юго-западном берегу оз. Кенозеро. В топонимии Заонежья и Восточного Обонежья нередко встречаются топонимы с основой Рим-: *Рим*, *Римское*, *Римова*, *Римово*, *Римовский Креж* и др. Картографирование позволило выявить общую для этих топонимов закономерность – все они привязываются к болотистой местности (находятся на берегу, окружены болотом), что, в свою очередь, позволяет соотнести топооснову Рим- с карел. *pieme*, *piemi* ‘болото, поросшее чахлым лесом; бурелом’<sup>36</sup>.

Список прибалтийско-финских топонимов может быть расширен, особенно за счет наименований водных объектов. Он свидетельствует о значительном вкладе прибалтийско-финского населения в становление Кенозерья. При этом распределение между карело-вепской и русской топонимией примерно такое же, как в Пудожье: первая преобладает в наименованиях наиболее значимых объектов ландшафта местности (реки, озера, ручьи, приметные возвышенности, обширные болота), вторая господствует в названиях т. н. культурных объектов – поселений, сельскохозяйственных угодий, которые характеризуются меньшей устойчивостью, большей изменчивостью. Они в целом более молодые, чем названия природных объектов и отражают русский период в истории Кенозерья. При этом стоит отметить, что и за



некоторыми на первый взгляд русскими названиями может стоять прибалтийско-финский оригинал. В качестве примера приведем горку *Петушки* в бывшей деревне Мамоново и *Петушину горку* в деревне Семеново. Почему появляется петух в названиях горок? Видимо, дело в том, что в вепсских говорах бытовал термин *kuk* 'горка, холм' (ср. рассмотренные выше *Куклахта*, *Кукручей*, *Куколь*), который со временем начал забываться (сейчас известен практически только в одном-двух вепсских говорах) и, в результате, был переосмыслен в целом ряде топонимов, соединившись в народном языковом сознании с фонетически близким словом *kuk*, *kukoi* 'петух'. На следующем этапе жизни топонима, когда происходило обрусение топонимической системы, он был переведен на русский язык. Подобным образом образованы многие «петушинные» названия в Обонежье.

В русской топонимии Кенозера интерес представляет, прежде всего, присутствие здесь моделей, с одной стороны – с новгородскими, с другой – с московскими корнями. Понятно, что поиск их затруднен в связи со значительной языковой нивелировкой, произошедшей на протяжении столетий в архангельских русских говорах. И все же определенные знаковые топонимные модели обнаруживаются. В качестве примера приведем название озер *Остричное* в окрестностях деревни Матера и *Острочинное* в бол. *Острочинный мох* за северо-восточными границами парка, в окрестностях деревни Кузьминка. Оба образованы от старого новгородского слова *остреч* или *острец* 'окунь'. Картографирование модели свидетельствует о том, что она четко накладывается на пути новгородского продвижения на север по Свири, далее Онежское озеро, откуда путь продолжался на север к Белому морю или на восток по Водле с выходом в Кенозерье и дальше на восток (ил. 2). Наоборот, картографирование топонимов с основой *залазь* 'высокая ель, у которой обрубаются ветви для приметы'<sup>37</sup> показывает, что их основной ареал расположен в Архангельской области, откуда модель проникла в восточную Карелию, не распространившись, однако, западнее (ил. 3). В Кенозерье и окрестностях известны руч. *Залазной* и оз. *Залазное* (Токша Кузнецова), *Залазное озеро* и *Залазной ручей* (Ряпусов., Важа), *Залазное озеро* в окрестностях Янгозера на волоке из Нетомы, *Залазной мыс* на оз. Волоцкое (д. Яблонь-Горка), *Залазной остров* на Кенозере (Шишкина), *Залазное озеро* и *Залазный мох* в бывшем Ундозерском погосте. Для того чтобы понять путь проникновения модели в Кенозерье, необходим дополнительный материал из-за восточных и южных пределов Кенозерья. Понятно, однако, что модель пришла не с запада, не с тем новгородским освоением, которое помечено топонимами с основой *острец*.

На основе того топонимического материала, который удалось собрать и проанализировать, можно констатировать, что территория Кенозерья, входя географически и по целому ряду историко-культурных параметров в Поонежье (бассейн р. Онега), в то же время тяготеет к восточному Обонежью (бассейн Онежского озера), с которым связано водно-волоковыми путями, проходившими через известные с глубокой древности Кенский, Кумбасозерский и Лекшмозерский

волоки, в разное время использовавшиеся различными группами прибалтийско-финского и русского населения. В формировании территории как историко-культурной и этноязыковой целостности принимало участие прибалтийско-финское население, проникавшее в Кенозерье из Обонежья, и русские потоки, шедшие как через Обонежье, так и с реки Онеги. По-видимому, эту особенность расположения Кенозерья как переходной зоны между Обонежьем и Поонежьем отразило и традиционное административное деление, в соответствии с которым западное (северо-западное) Кенозерье входило в состав Пудожского уезда, а восточное (юго-восточное) – в Каргопольский уезд Олонецкой губернии.

#### Примечания

<sup>1</sup>Матвеев А.К. Субстратная топонимия Русского Севера. Екатеринбург, 2004. Ч. II. С. 157–165.

<sup>2</sup>Дерягин В.Я. Топонимика Кенозера: в 2 ч. Архангельск, 1987.

<sup>3</sup>Здесь и далее значение саамских слов см.: Lehtiranta J. Yhteissaamelainen sanasto // MSFOu. 200. Helsinki, 1989; Itkonen T. I. Koltan- ja Kuolanlapin sanakirja. LSFU XV. 1958.

<sup>4</sup>Куликовский Г.И. Словарь областного олонецкого наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1898.

<sup>5</sup>Дерягин В.Я. Методические разработки для студентов пединститутов и учителей школ по теме: «Топонимика Кенозера». Архангельск, 1987. Ч. I. С. 26.

<sup>6</sup>Муллонен И.И. Топонимия Присвирья: Проблемы этноязыкового контактирования. Петрозаводск, 2002. С. 252–253.

<sup>7</sup>Словарь карельского языка (ливвиковский диалект). Петрозаводск, 1990.

<sup>8</sup>Шилов А.Л. Ареальные связи топонимии Заволочья и географическая терминология заволочской чуди // Вопросы языкознания. 1997. № 6. С. 14–15.

<sup>9</sup>Хелимский Е.А. Северо-западная группа финно-угорских языков и ее субстратное наследие // Вопросы ономастики. 2006. № 3. С. 38–51.

<sup>10</sup>Там же. С. 47.

<sup>11</sup>Здесь и далее значение карельских слов см.: Karjalan kielen sanakirja. I - V. LSFU XVI. Helsinki, 1968–1997; значение вепсских слов см.: Зайцева М.И., Муллонен М.И. Словарь вепсского языка. Л., 1972.

<sup>12</sup>Мамонтова Н.Н., Муллонен И.И. Прибалтийско-финская географическая лексика Карелии. Петрозаводск, 1991. С. 29–30.

<sup>13</sup>Дерягин В.Я. Указ. соч. С. 24.

<sup>14</sup>Там же. С. 35.

<sup>15</sup>Дерягин В.Я. Указ. соч. Ч. II. С. 11.

<sup>16</sup>Мамонтова Н.Н., Муллонен И.И. Указ. соч. С. 86.

<sup>17</sup>Подробно об этом см.: Муллонен И.И. Топонимия Заонежья. Словарь с историко-культурными комментариями. Петрозаводск, 2008. С. 188–190.

<sup>18</sup>Словарь русских народных говоров. Л., 1969. Вып. 4.

- <sup>19</sup>Словарь говоров Русского Севера. Екатеринбург, 2002. Т. II.  
<sup>20</sup>Дерягин В.Я. Указ. соч. Ч. I. С. 42.  
<sup>21</sup>Мамонтова Н.Н., Муллонен И.И. Указ. соч. С. 100.  
<sup>22</sup>Дерягин В.Я. Указ. соч. С. 24.  
<sup>23</sup>Там же.  
<sup>24</sup>Матвеев А.К. Субстратная топонимия Русского Севера. Екатеринбург, 2004. Ч. II. С. 158.  
<sup>25</sup>Мамонтова Н.Н., Муллонен И.И. Указ. соч. С. 45.  
<sup>26</sup>Матвеев А.К. Указ. соч. С. 161.  
<sup>27</sup>Кабинина Н.В. Субстратная топонимия Архангельского Поморья. Екатеринбург, 2011. С. 261.  
<sup>28</sup>Бернштам Т.А. Поморья. Формирование группы и система хозяйства. Л., 1978. С. 56.  
<sup>29</sup>Кузьмин Д.В. К вопросу об освоении Беломорской Карелии западнофинским населением (по данным топонимии) // Вопросы ономастики. № 6. Екатеринбург, 2008. С. 56.  
<sup>30</sup>Матвеев А.К. Указ. соч. С. 161.  
<sup>31</sup>Кабинина Н.В. Указ. соч. С. 217.  
<sup>32</sup>Koski M. Itämerensuomalaisten kielten hiisi-sanue. Semanttinen tutkimus. Osa I. Turku, 1967.  
<sup>33</sup>Дерягин В.Я. Указ. соч. Ч. I. С. 43.  
<sup>34</sup>Мамонтова Н.Н., Муллонен И.И. Указ. соч. С. 35.  
<sup>35</sup>Кабинина Н. В. Указ. соч. С. 242.  
<sup>36</sup>Мамонтова Н.Н., Муллонен И.И. Указ. соч. С. 83.  
<sup>37</sup>Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1955. Т. I.

*Т.Н. Нечаева  
(г. Москва)*

### **Иконы из Пахомиева Кенского монастыря: к атрибуции поздней записи**

Иконы из Пахомиева Кенского монастыря, вывезенные и описанные сотрудницей Музея имени Андрея Рублева Л.М. Евсеевой, представляют интерес не только как драгоценные образцы древней иконописи, но и как важные произведения заонежской иконописи второй половины XIX века. На всех иконах хорошо сохранилась поздняя запись, то есть последний по времени нанесения красочный слой. Представляется наиболее вероятным, что эта записка была сделана в 1867–1868 годах во время перестройки главного иконостаса Преображенской церкви, построенной на месте упраздненного Пахомиева монастыря, из которого, как доказала Л.М. Евсеева, происходят данные памятники<sup>1</sup>.

Согласно письменным документам, в храме в 1867 году на средства каргопольской купчихи И.Насоновой производился ремонт: с южной стороны был устроен придел во имя преподобного Пахомия Кенского и его постриженника Антония Сийского, а в следующем году ее же попечением был заменен главный иконостас<sup>2</sup>.

По дошедшим до нас иконам, всего их сохранилось двенадцать, видно как работали мастера, украшавшие церковь по новому заказу. При описании произведений мы обращаемся только к самому последнему по времени исполнения красочному слою, то есть к записи. Наиболее полным является комплекс из шести образов пророков, которые составляли пророческий ряд иконостаса: «Пророк Моисей» (КП 632), «Пророк Малахия» (КП 633), «Пророк Илия» (КП 635), «Пророк Иеремия» (КП 636), «Пророк Фаддей» (так в надписи на иконе!) (КП 637), «Пророк Иона» (КП 638)).

Второй по полноте группой можно считать иконы из деисусного чина, их сохранилось три: «Богородица» (КП 639), «Иоанн Богослов» (КП 631), «Апостол Филипп» (КП 641). Остальные три произведения размещались в разных частях иконостаса. «Преображение» (КП 634), по мнению Л.М. Евсеевой, являлось храмовым образом и находилось в местном ряду. Двухрядная икона «Спас в силах. Преполовление. Христос и самарянка» (КП 642) отличается от икон описанного деисусного чина композиционным решением: в верхней ее части помещены изображения праздников, в нижней – Спасителя, и размером: она выше их на 30 см. Возможно, икона входила в состав другого иконостаса, в приделе храма. Икона «Святой Исаак» (КП 640) близка к двухрядной по размеру, но имеет другой характер записи и состояние красочной поверхности.

Представляет интерес сам способ работы мастеров 1868 года с уже имеющимися в храме иконописными образами. Иконописцы не поновляли, как это часто бывало,

© Нечаева Т.Н., 2012

потемневший красочный слой, сохраняя старый состав и расположение произведений в чинах, а использовали иконные доски как материал при создании нового иконостаса, который строился уже на других принципах.

В новом иконостасе изображения святых располагались не на отдельных досках, а на протяженных горизонтальных деревянных щитах, на которых писали не едиличные образы, а группы персонажей. Для этого на досках от древних икон выравнивалась деревянная поверхность, то есть производилось стесывание боковых полей, после чего доски соединялись между собой. Такая новая структура прослеживается в пророческом и деисусном рядах. В позднейшее время уже при выемке икон из иконостаса эти щиты были грубо расколоты на едиличные образы. Во многих случаях на иконах видны фрагменты изображений соседних фигур святых.

Анализируя характер записей, их несколько слоев, можно сделать вывод о том, что столь кардинальные изменения произошли при переделке иконостаса именно в 1868 году. До этого времени видно, что в нижележащих слоях нет композиционных изменений. Мастера прописывали живопись частично, главным образом фон, поля, делали новые надписи. Для проведения такого рода ремонтных работ иконы, скорее всего, извлекали из иконостаса и для правильного воспроизведения имен святых после нанесения нового фона, на тыльных сторонах делали надписи с их именами. Такие пометы, сделанные писарским почерком XVIII–XIX веков сохранились на всех иконах пророческого ряда. После удаления позднейших записей, эти надписи, скорее всего, будут являться указаниями имен пророков в первоначальном авторском слое XVI века. Нередко новейшие изображения не соответствуют надписям на тыльных сторонах, так на иконе с надписью «Аарон», представлен пророк Малахия, апостол Фаддей, названный пророком написан на месте «Аггея», хотя имеются и совпадения, например образ пророка Илия имеет ту же подпись. Отличается также в первоначальном и позднем слоях и композиционное построение: фигуры располагаются иначе, у них другое положение рук и свитков.

Более серьезные изменения произошли в Деисусе: на древней иконе архангела при записи был помещен образ Богоматери, под позднейшими фигурами апостола Филиппа и святого Иоанна Богослова видны одежды святителей Храмовый образ «Преображение» написан поверх первоначальной композиции «Распятие».

Полностью была переписана двухрядная икона, которая в древности находилась в деисусном ряду, с изображением Рождества Христова в верхней части и фигуры святителя в нижней, поверх древней живописи мастер представил святого Исаака. Этот образ в новом иконостасе, видимо, служил дверью, ведущей в алтарную часть. На тыльной стороне доски находятся следы от дверных петель и два отверстия в средней части, похожие на следы креплений дверной ручки. Вверху и внизу располагаются специальные пазы в иконном щите, на которых, возможно, крепились дверные филенки.

Изображение святого Исаака в виде безбородого юноши с атрибутами его под-

вига – обугленными поленьями в руках достаточно редко встречается в системе иконного убранства храма и вызвано, вероятно, особым почитанием или заказом. Согласно библейской традиции, святой Исаак дитя обетования, сын столетнего Авраама и девяностолетней Сары почитался как родоначальник избранного народа, от которого произошел Христос, будущий Спаситель мира. В христианской традиции он является прообразом Спасителя. Подобно тому, как Христос шел на место жертвы и нес на себе крест, так и Исаак нес на себе дрова для жертвоприношения Авраама. Оба они были послушны воле их отцов, принося себя в жертву. В гонениях, которые претерпел Исаак, по словам апостола Павла «против рожденного по духу, со стороны рожденного по плоти», видят знамение преследования и гонения верующих христиан. Видимо, в этом была одна из причин особой популярности святого Исаака у старообрядцев, которые также ощущали на себе несправедливое гонение со стороны мира.

Все рассмотренные иконы выполнены в единой стилистической манере на хорошем ремесленном уровне. Характер письма близок памятникам середины – третьей четверти XIX века и не противоречит датировке 1868 года. Безусловно, они созданы одновременно, в их изготовлении принимала участие одна артель иконописцев, во главе с мастером, чей творческий почерк является доминирующим и хорошо виден во всех иконах комплекса. Образы относятся к произведениям северной русской иконописи с характерными для этого региона чертами. К той части художественного наследия этих земель, в которых целенаправленно сохранялись традиции древнего иконописания. Фигуры святых чуть укорочены и кажутся слегка распластанными на плоскости. Одежды выглядят слегка надутыми и покрыты множеством складок. Лики имеют особую форму с овальным тяжелым подбородком. Руки написаны упрощенно, их форма с пальцами почти одинаковой длины немного напоминает «лопаточку». В сдержанном колорите преобладают синие и красные цвета. Фон в иконах золотой, поля и позем коричневые. Исследования красочных пигментов, проведенные М.М. Наумовой, показывают, что художники использовали фабричную краску: берлинскую лазурь в синем цвете, и возможно, краску собственного приготовления красную (марс) – железосодержащая охра<sup>3</sup>.

Анализируя живопись данных памятников нельзя не обратить внимания на ряд черт, которые сближают их с произведениями старообрядческих мастеров, работавших на Выгу. Так в надписях на свитках в иконах пророков в буквицах прослеживается сходная графика и элементы орнамента поморских рукописей. В иконе «Спас в силах. Преполовление. Христос и самарянка» художник пишет у Спасителя «древлеправославное» двуперстие и титулы «ІС ХС». В письме ликов мастер использует характерную разделку сероватыми белилами, глаза имеют миндалевидную форму с темной обводкой<sup>4</sup>. При изображении складок одежд применяется своеобразный прием – завершающие штрихи на высокие светлые части наносятся параллельными тонкими линиями разбеленного основного тона, иногда эти линии образуют сеточку. Аналогичные приемы видим в выговской иконе «Богоматерь»

середины – второй половины XIX века из Петрозаводского музея<sup>5</sup>. Близкой по содержанию колориту является поморская икона «Огненное вознесение пророка Илии» того же времени из Музея имени Андрея Рублева<sup>6</sup>. На то, что приглашение старообрядческих мастеров в Преображенский храм не было случайным, указывает и редкое изображение святого Исаака.

Стилистические совпадения с выговскими памятниками находят исторические подтверждения. После 1857 года, когда произошла последняя и окончательная выгонка насельников с Выга, местные иконописцы, выйдя из монастыря, стали заниматься отходничеством, их приглашали и в православные приходы, туда, где не хотели видеть новомодную масляную живопись, а тяготели к древним образам. По наблюдениям Г.И. Фроловой, в 1859 году три выговских иконника из Шелтопорога работали в Кенозерском приходе, в 1860 году их заметили на Водлозере<sup>7</sup>. Выговские мастера, обладая хорошей выучкой и навыками, а также, являясь носителями сформировавшейся на протяжении длительного времени манеры письма, безусловно, оказывали влияние на иконописание этого региона во второй половине XIX века. Пример тому, комплекс икон из Кенского монастыря, изучение которого открывает еще одну страницу в истории иконописи Поонежья.

#### Примечания

<sup>1</sup>Евсеева Л.М. Иконы и иконостасы храмов Пахомиева Кенского монастыря // Кенозерские чтения – 2009. Этнокультурный ландшафт Кенозерья: междисциплинарное исследование на пересечении естественных и гуманитарных наук: сборник материалов IV Всероссийской научно-практической конференции / сост. М.Н. Мелюткина; отв. ред. Е.Ф. Шатковская. Архангельск, 2011. С. 282–296.

<sup>2</sup>Докучаев-Басков К.А. Подвижники и монастыри русского севера: Кенский монастырь. Пахомиева пустынь // Христианское чтение. 1887. Ч. 2. С. 254–298, 447–515; Макаров Н. А. Кенский монастырь // Плесецкие новости. 2002. 5 января; Его же. Пахомиева Спасо-Преображенская Кенская мужская пустынь // Поморская энциклопедия. В 5 т. Т. I: История Архангельского Севера / гл. ред. В. Н. Булатов; сост. А. А. Куратов. Архангельск, 2001. С. 294.

<sup>3</sup>Наумова М.М. Технично-технологическое исследование красочного слоя икон из иконостаса Преображенской церкви Пахомиева Кенского монастыря. Рукопись. 2011 г. / Научный Архив Центрального музея древнерусской культуры и искусства им. Андрея Рублева» (далее ЦМиАР).

<sup>4</sup>Ближкие приемы в иконе «Чудо архангела Михаила о Флоре и Лавре», середина XIX в. ЦМиАР, КП 1839.

<sup>5</sup>«Богоматерь» (из оплечного Деисуса). Середина – вторая половина XIX в. Карельский музей изобразительных искусств. Петрозаводск. Оpub. : «Культура староверов Выга (к 300-летию основания Выговского старообрядческого общежития): Каталог. Петрозаводск, 1994. Ил. 7, кат. 1/11.

<sup>6</sup>«Огненное вознесение пророка Илии». Середина – вторая половина XIX в.

ЦМиАР. КП 1971.

<sup>7</sup>Фролова Г.И. Иконописцы Выговской староверческой пустыни // Выговская поморская пустынь и ее значение в истории России: сборник научных статей и материалов. СПб., 2003. С. 218–219.

Г.Е. Седова  
(г. Архангельск)

### Книжные памятники Кенозерского национального парка

Русский Север является уникальной сокровищницей природных и культурных традиций. Свидетельство этому – сохранившиеся природные комплексы и объекты, многочисленные памятники материальной и духовной культуры, в том числе книжной.

Как известно, Кенозерский национальный парк является эталонной системой исторической среды обитания человека, сохранившим многовековую историю и культуру Русского Севера. Парк расположен в юго-западной части Архангельской области на стыке Плесецкого и Каргопольского районов, его западная граница проходит по границе с Республикой Карелия – территория, где селились старообрядцы, куда были устремлены археографические экспедиции по сбору рукописной и старопечатной книги в конце XIX–XX веках, которая и в настоящее время привлекает археографов и историков книги.

Кенозерский парк единственный среди национальных парков России, имеющий в своей структуре музейный фонд, в составе которого находится «Печатно-рукописная коллекция». Коллекция начала формироваться на основе случайных экспонатов, привезенных из экспедиций сотрудниками парка и обнаруженных в заброшенных домах. В конце 90-х гг. XX века несколько книг были переданы в дар посетителями парка. В настоящее время началось осмысленное формирование книжной коллекции, которая включает дополнительную информацию о культуре Кенозерья.

Значение северной книжной культуры в деле сохранения памятников письменности огромно. Первые книги проникли на Север в IX–XI веках вместе с новгородской колонизацией. С появлением в крае монастырей возникли первые книгохранилища, наладилось сочинение и переписка книг.

Расположенные в разное историческое время на небольшой по площади территории Кенозерского национального парка: Кирилло-Челмогорская пустынь (XIV в.), Пахомиево Спасо-Преображенская Кенская пустынь (XV в.), Макарьевская Хергозерская пустынь (XVII в.) Наглимозерская (Аглимозерская) пустынь (XVIII в.) – не располагали большими книжными собраниями, но то, что библиотеки в монастырях были, свидетельствуют сохранившиеся в музейных и библиотечных собраниях старинные рукописные и печатные книги.

Одним из самых известных монастырей Кенозерья была Пахомиево Спасо-Преображенская Кенская пустынь<sup>1</sup>. По описи 1766 года в книгохранилище монастыря находилось 97 книг<sup>2</sup>. Исследователю Каргополья К.А. Докучаеву-Баскову<sup>3</sup> была известна хранившаяся в Кенском монастыре рукописная книга «Извещение вкратце

© Седова Г.Е., 2012

о преподобном отце нашем Пахомии Кенском каргопольском чудотворце, в кая лета бе», содержащая Слово о Пахомии Кенском<sup>4</sup>, где описаны 18 чудес этого святого. К.А. Докучаев-Басков датировал этот корпус текстов 1742 году и высказал предположение, что его автором мог быть строитель Кенского монастыря иеромонах Макарий (1742–1756 гг.)<sup>5</sup>.

Благодаря реализации долгосрочного проекта по созданию Свода книжных памятников Архангельской области в Государственном музейном объединении «Худоожественная культура Русского Севера» была обнаружена Минея общая с праздничной (М., 1697), на листах которой сохранилась запись о том, что книга была вложена по указу святейшего Кир Адриана в Кенский монастырь Каргопольского уезда по душе патриаршего келейника монаха Герасима. Но книга была продана «по нужде монастырской» строителем этого монастыря иеромонахом Макарием за полтора рубля архимандриту Ефрему, который в 1713 году продал болшему Клещеполской волости Федору Григорьеву Мутусову<sup>6</sup>. Книга эта поступила в музей в 1977 году из сгоревшей церкви с. Прилуки Онежского района Архангельской области.

В настоящее время исследованием книжно-рукописной традиции, которая существовала на территории Парка, занимается А.В. Пигин, доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы Петрозаводского государственного университета. А.В. Пигиным в трех рукописях XVIII–XIX веков обнаружены сочинения о преподобном Пахомии Кенском<sup>7</sup>.

Ученым также обнаружено местонахождение нескольких книг из Хергозерского монастыря. По монастырской описи 1769 года в монастыре в период его закрытия хранилось около 50 печатных и рукописных книг (тех и других примерно поровну)<sup>8</sup>. В настоящее время известно местонахождение нескольких книг. Одна из них – рукописный Пролог на сентябрь-ноябрь, написанный каргопольским писцом Фаддеем в 1551 году<sup>9</sup>. О принадлежности книги Хергозерскому монастырю свидетельствует полустертая запись, выполненная скорописью XVII века: «...преподобного отца Макария чудотворца Хергозерской... пустыни Хергозерск... Каргопольскаго уезду». Другая книга – список службы и жития Александра Свирского, написанная полууставом в 1630-х годах. На книге сохранилась запись о том, что в «168 (1660 г.) сия книга прислана из Александрова монастыря со Свери<sup>10</sup> в Хергозерскую пустыню. Подписал поп Герасим Анфимов...» (БАН, Каргопольское собрание, № 10)<sup>11</sup>.

В Российской государственной библиотеке в коллекции М.И. Чуванова хранится печатный Апостол (М., 1638) с интересной записью XVII века о принадлежности книги «преподобному отцу Макарию Уньжескому и Жельтовотьскому пустыни Хергозерские...»<sup>12</sup>. В Каргопольском историко-архитектурном музее находится Толкование на апостола Петра (Киев, 1807) из Хергозерской Троицкой церкви<sup>13</sup>.

В основанной еще в 1316 году между двумя озерами — Чолмозером и Лекшмозером – Кирилло-Челмогорской пустыне, книги тоже были. В Житие основателя монастыря Кирилла написано, что занимался он «поучением книжным» с жителями

Лекшмозерья<sup>14</sup>.

В 1995 году в музейные фонды Кенозерского национального парка у жителя г. Каргополя Б.В. Берщатского были приобретены три книги кирилловского шрифта. Одна из них Евангелие с толкованием Феофилакта Болгарского (М., 1748) ранее принадлежала церкви Благовещения Пресвятой Богородицы и святого Пророка Ильи Лекшмозерской волости Каргопольского уезда Олонецкой губернии, о чем записано на листах книги<sup>15</sup>. В печатном виде книга была впервые выпущена в 1648 году в Москве, в 1698 году последовало исправленное издание. Труд блаженного Феофилакта Болгарского, посвященный истолкованию Четвероевангелия, с древних времен почитается Русской Церковью, является одним из самых распространенных, верно передающим смысл Евангельских изречений.

Другой подаренной Б.В. Берщатским книгой стал Пролог (М., 1747)<sup>16</sup>. Первое печатное издание Пролога было осуществлено в 1641 году. В XVIII веке вышло 6 изданий этого церковно-учительного сборника, который иначе именуется как Синаксáрий. Свод сокращенных житий святых постоянно из века в век изменялся и дополнялся житиями русских святых. На полях книги сохранилось большое количество маргиналий и помет.

Два вышеописанных издания входят в состав 5 книжных памятников федерального значения, имеющих в фондах Кенозерского парка, в составе коллекции имеется одно старообрядческое издание Псалтири, напечатанное в середине 80-х годов XVIII века в Вильно в Троицком монастыре, но имеющим ложные выходные данные<sup>17</sup>, что было свойственно старообрядческим изданиям того времени.

Книги были идентифицированы и описаны в начале июня 2010 года сотрудниками Архангельской областной научной библиотеки им. Н.А. Добролюбова, когда проводилось обследование книжных фондов Кенозерского национального парка. Фонд представляет собой небольшое книжное собрание, состоящее из изданий кирилловского шрифта XVIII–XX вв., одной рукописной книги, одной книги гражданской печати XVIII в. и нескольких книг конца XIX – начала XX века.

Издание гражданской печати XVIII века представлено 3-й частью 4-го тома труда князя М.М. Щербатова «История российская от древнейших времен» (СПб., 1784). Книга была приобретена парком в 2000 году у Е.С. Быкова – жителя деревни Семеновская Каргопольского района.

Рукописная книга размером 16×10 см представляет собой Ирмологий на крюковых нотах, написанный полууставом одного почерка в 80-е годы XVII века с кинварными заголовками и инициалами. На бумаге филигрань «Голова шута» с литерами «MJDD» (схож: Дианова, 1997, № 206 (1680)). Рукопись была приобретена в 2004 году у Л.В. Лариной – жительницы г. Чкаловска Нижегородской области.

Помимо них в фонде Кенозерского национального парка представлены издания XIX – начала XX веков Синодальной типографии Москвы и Санкт-Петербурга, а также старообрядческие книги, вышедшие в свет в типографии Единоверцев и Христианской типографии при Преображенском богадельном доме, которые являются

книжными памятниками регионального значения.

Среди книг XIX–XX веков имеются Прологи, Псалтири, Зонарь, Апостол, Златоуст, Требник, Месяцеслов и др. На книгах сохранились владельческие, поминальные, вкладные и бытовые записи, а также тексты молитв. На одной из книг имеется запись о принадлежности ее ранее Красногорскому монастырю, что на Пинежье, с характерной записью 1874 года.

Библиографические и научные описания представлены в электронном каталоге «Книжные памятники Архангельской области»<sup>18</sup>. Всего в электронную базу данных вошло 16 книжных памятников федерального и регионального значения, хранящихся в фондах Кенозерского национального парка.

Книги кирилловского шрифта XVIII века войдут в Сводный каталог книг кирилловского шрифта XVIII века, хранящихся в библиотеках, музеях и архиве Архангельской области, а рукописная книга в Сводный каталог рукописей XV–XVII веков, что послужит введению их в научный оборот.

Кенозерский национальный парк стал 27 участником создания свода книжных памятников Архангельской области.

Сотрудники Парка в настоящее время начали активную работу по поиску и приобретению прижизненных изданий фольклористов, археографов и др. специалистов, чье творчество связано с регионом, где расположен Кенозерский национальный парк.

Приказ министерства культуры Российской Федерации от 3 мая 2011 г. № 429 «Об утверждении порядков отнесения документов к книжным памятникам, регистрации книжных памятников, ведения реестра» как нельзя вовремя определил порядок отнесения документов к книжным памятникам. В случае введения в областную законодательную базу понятия «книжный памятник», коллекция книг Кенозерского национального парка по фольклористике может занять достойное место среди книжных памятников-коллекций регионального уровня.

### Примечания

<sup>1</sup> Пахомиева-Спасо-Преображенская Кенская мужская пустынь, основанная игуменом Пахомием, вероятно, во второй половине XV в., так как в 1508 г. здесь принял иночество преп. Антоний Сийский. В марте 1748 г., при строителе иеромонахе Макарии, последнем настоятеле монастыря, пустынь утратила свою самостоятельность и была приписана к Спасо-Каргопольскому монастырю. А в 1764 г. Кенский монастырь был упразднен.

<sup>2</sup> Докучаев-Басков К.А. Подвижники и монастыри Крайнего Севера. Кенский монастырь. Пахомиева пустынь // Христианские чтения. 1887. Ч. 2. С. 498.

<sup>3</sup> Докучаев-Басков Карп Андреевич (23.05.1849 – 09.04.1916). Уроженец города Каргополя Олонецкой губернии; работал учителем в Кенорецкой земской начальной школе (1875-1878); за труд «Подвижники и монастыри Крайнего Севера» удостоен 34-й Уваровской премии.

<sup>4</sup>Докучаев-Басков К.А. Подвижники и монастыри Крайнего Севера. Кенский монастырь. Пахомиева пустынь // Христианские чтения. 1887. Ч. 2. С. 478.

<sup>5</sup>Макарий, иеромонах, строитель Кенского монастыря (1742–1756), последний настоятель монастыря.

<sup>6</sup>Неопубликованный архив проекта Создание Свода книжных памятников Архангельской области. Фонд ГМО. Инв. № КП 10873 (139-кн).

<sup>7</sup>Пигин А.В. Книжность и книжники Пахомиева Кенского монастыря. URL: <http://www.kenozerje.17-71.com/pigin-pahomij.html>.

<sup>8</sup>Пигин А.В. Книжность и книжники Хергозерского Макариевского монастыря. URL: <http://www.kenozerje.17-71.com/pigin-makarij.html>.

<sup>9</sup>Пролог на сентябрь-ноябрь. 1551 г. Каргополь. // Рукописные книги собрания М.П. Погодина: каталог. Л., 1988. Вып 2. С. 225–226. № 617.

<sup>10</sup>По словам Я. Ивановского в 1723 году Кенский монастырь будто бы был приписан к Александро-Свирскому монастырю». См.: Докучаев-Басков К.А. Подвижники и монастыри Крайнего Севера. Кенский монастырь. Пахомиева пустынь // Христианские чтения. 1887. Ч. 2. С. 477–478.

<sup>11</sup>Пигин А.В. Книжность и книжники Хергозерского Макариевского монастыря. URL: <http://www.kenozerje.17-71.com/pigin-makarij.html>.

<sup>12</sup>Апостол. М., 1638 // Коллекция старопечатных книг XVI–XVII вв. из собрания М.И. Чуванова / сост.: Поздеева И.В. М., 1981. С. 74–75. № 85.

<sup>13</sup>Неопубликованный архив Свода книжных памятников Архангельской обл. Фонд КИАХМ. Инв. № КП 12822.

<sup>14</sup>Русский Г. Клейма к иконам северорусских святых. Ель. URL: <http://www.cirota.ru/forum/view.php?subj=36264&section=9>

<sup>15</sup>Неопубликованный архив Свода книжных памятников Архангельской области. Фонд КНП. Инв. № КП 212.

<sup>16</sup>Неопубликованный архив Свода книжных памятников Архангельской области. Фонд КНП. Инв. № КП 211.

<sup>17</sup>Библиография: Вознесенский, 1991, № 230, Емельянова, 2010. № 17.

<sup>18</sup>Книжные памятники Архангельской области: сводный электронный каталог. URL: <http://svod.aonb.ru/index.html>.

В.А. Смагин, В.П. Денисенков  
(г. Санкт-Петербург)

### Генезис и динамика растительности минеротрофных грядово-мочажинных болот Кенозерского национального парка

Верховые болота, будучи зональным типом для таежной зоны, на территории Кенозерского национального парка не преобладают по площади, что можно отнести к своеобразию природы парка. Среди крупных болотных массивов парка и болот, прилегающих к его территории с востока, большинство относятся к минеротрофному типу. При этом в их центральной части имеется выраженный грядово-мочажинный комплекс, отвечающий признакам болот аапа типа. Аапа болота, будучи распространены в подзоне северной и средней тайги, на юге Архангельской области находятся вблизи южных границ своего распространения. По составу растительности они имеют общие черты как с аапа болотами Карелии, так и с теми, что встречаются в Приуралье.

И в Карелии, и в восточной части Республики Коми состав и структура торфяной залежи аапа болот достаточно подробно изучены<sup>1</sup>, что позволяет представить развитие растительности аапа болот этих регионов во времени. Исследований же торфяных залежей аапа болот Архангельской области не проводилось. Отсутствие такой информации и возможность сравнения полученных данных с известными из соседних регионов предопределило интерес к исследованию состава и структуры торфяной залежи аапа болот, располагающихся на территории парка.

В марте 2010 года с этой целью было проведено исследование состава и строения торфяной залежи на болотах Паломох и Щучья Гладь, для чего выполнено бурение 12 скважин с отбором образцов торфа на ботанический анализ. Бурение скважин проводилось на профилях, пересекающих болотный массив. Отбор образцов торфа осуществлялся через каждые 25 см. В случае обнаружения разностей торфа, проявившихся в более узком диапазоне, он выполнялся детальнее, из слоев залежи меньшей толщины. Выбор места для закладки скважин определялся положением на болотном массиве (в центре и вблизи края, вблизи границы с водоемом), а также типичностью болотного микроландшафта и растительности для исследуемого массива. Растительность этих болот была исследована нами ранее, в 2006–2007 годах.

Зимнее исследование торфяной залежи позволило провести бурение в труднодоступных в летний период участках болот, доставлять к месту бурения на снегоходе тяжелое оборудование. К недостатку его можно отнести невозможность исследования в большинстве мест верхних слоев залежи, смерзшихся местами в условиях суровой зимы 2009–2010 года на глубину до полуметра. Они оказались недоступны для выемки торфяным буром, что помешало выявить звено временного динамического ряда растительности, непосредственно предшествующее современным

© Смагин В.А., Денисенков В.П., 2012

сообществам.

Исследование строения торфяной залежи болотного массива Паломох проводилось на профиле, пересекающем его с севера на юг от озера Паломозеро до южной окраины. Всего на профиле было заложено 5 скважин.

Оказалось, что болото, с нескольких сторон примыкающее к озеру, на большей части площади имеет суходольное происхождение. Оно образовалось путем заболачивания леса, а не водоема, как можно было предположить. Генетическим его центром, местом, где оно образовалось, является центральная часть, где к настоящему времени образовался грядово-мочажинный олиготрофный комплекс с типичными для верхового болота мочажинами, но с нехарактерными для него, почти лишенными кустарничков грядами. Здесь торфяная залежь достигает мощности 4,1 м. Последовательная смена видов торфа, происходящая снизу вверх, выглядит так: осоковый низинный (3,9–4,1 м) → хвощово-осоковый низинный (3,65–3,9) → осоковый низинный (3,4–3,65) → пушицевый переходный (2,9–3,4) → сфагново-пушицевый переходный (2,65–2,9) → пушицевый переходный (1,9–2,65) → осоково-сфагновый переходный (1,15–1,9) → сфагновый переходный (0,4–1,15).

Низинные торфа слагают лишь нижние 0,7 м залежи. В их составе заметны (10–15%) остатки осоки дернистой, вида типичного для суходольного заболачивания. Остальная часть залежи сложена переходными торфами, в составе которых даже в самых нижних слоях имеются остатки сфагновых мхов, прежде всего сфагнума магелланского. Даже верхний из обследованных торфов, образец которого взят с глубины 0,4–0,65 м, относится к переходному типу. Очевидно, что формирование современной растительности олиготрофного верхового болота произошло в самое недавнее время.

Достаточно мощная торфяная залежь отмечена и вблизи южного края болота, покрытого осоково-сфагновой растительностью. Здесь мощность залежи достигает 3,75 м, что свидетельствует о длительном существовании болота на этом участке, находившемся в понижении, имевшем резкий уступ от соседней гряды, покрытой лесом. Последовательный ряд сменяющих друг друга, снизу вверх, слоев торфа выглядит так: древесно-хвощовый низинный (3,5–3,75 м) → хвощовый низинный (3,0–3,5) → древесно-хвощовый низинный (2,0–3,0) → пушицево-осоковый низинный (1,0–2,0) → осоково-сфагновый низинный (0,5–1,0) → сфагновый низинный (0,25–0,5).

Здесь длительное время была стадия лесного низинного болота. Нижняя половина залежи сложена древесно-хвощовым торфом, в составе которого заметны остатки осоки дернистой. Среди древесных остатков преобладает древесина и кора ели и сосны. Остатки господствующей в современном растительном покрове осоки вздутой начинают преобладать с глубины 2 м. С этой же глубины появляются и остатки сфагновых мхов, представленные видом низинных болот *Sphagnum obtusum*. Доминирующий в современных сообществах *Sphagnum fallax* в растительных остатках в торфе не обнаружен (к сожалению, из верхнего горизонта взять образец не

удалось). В южной части массива растительность низинного болота сохранялась значительно дольше, чем в центре. Смена растительностью переходного болота произошла в самое недавнее время.

В северной части болота заболачивание началось позже. Древесно-хвощовый низинный торф слагает лишь придонный 25-сантиметровый слой залежи. Выше залегают уже переходный торф, аналогичный по составу тому, что отмечен в скважине, заложеной в центральной части болота. Сначала пушицевый, затем осоково-сфагновый и наконец сфагновый переходный торф. Верхние полметра залежи остались не обследованы, поэтому переход на верховую стадию не зафиксирован, но топяной мох *Sphagnum majus* появляется уже на полуметровой глубине. Сейчас на этом участке располагается топяно-озерковый комплекс с обширными озерками. Он находится в русле транзитной топи. Водяная жила отмечена на глубине 1,5 м.

К северу мощность торфяной залежи снижается. В 400 м от южного края озера Паломозеро мощность залежи достигает лишь 2 м. По всей глубине она состоит из низинного торфа. Нижняя ее половина – из травяно-тростникового торфа. Последовательный ряд сменяющих друг друга видов торфа имеет следующий вид: травяно-тростниковый низинный (1,25–2,0) → тростниково-осоковый низинный (1,0–1,25) → травяно-сфагновый низинный (0,5–1,0) → осоково-тростниковый низинный (верхние – 0,5 м).

Современная растительность на этом участке представлена мезотрофным грядово-мочажинным комплексом аапа-типа. В разных слоях залежи обильного тростника в современной растительности не отмечено, как не отмечено в торфе и остатков доминирующих ныне видов сфагновых мхов. В торфе представлены лишь остатки низинных сфагновых мхов.

У южного края озера мощность торфяной залежи достигает 2,9 м. Лишь нижний слой торфа – травяно-хвощовый – относится к низинному типу. Большая часть залежи сложена осоковым переходным торфом, верхние слои – осоково-сфагновым и сфагновым. Такой состав и структура торфяной залежи может свидетельствовать о сплавином характере развития болота на этом участке. Слои торфа сменяют друг друга в таком порядке: травяно-хвощовый низинный (2,65–2,9) → осоковый переходный (1,4–2,65) → осоково-сфагновый переходный (0,9–1,4) → сфагновый переходный (0,4–0,9).

В нижнем слое представлены остатки видов сплвинообразователей, сабельника и белокрыльника. В верхних слоях заметна доля топяных видов сфагновых мхов – *Sphagnum cuspidatum*, *S. majus*, *S. balticum*.

Торфяная залежь на болоте, прилегающем с востока к озеру Белому, относится к верховому типу, как и само сосново-кустарничково-сфагновое болото. Однако нижние ее слои, залегающие на глубине 2,6–3,6 м, состоят из низинных торфов, характерных для болот богатого питания. Они относятся к травяно-гипновому и гипновому видам, при данном исследовании нигде более не встретившимся. Торфяная залежь подстилается слоем озерного сапропеля, что также ни в одной из



других торфяных скважин не отмечено. Слои торфа снизу вверх залегают в такой последовательности: травяно-гипновый низинный (3,1–3,6) → гипновый низинный (2,85–3,1) → осоково-гипновый низинный (2,6–2,85) → осоковый переходный (2,35–2,6) → пушицевый переходный (2,1–2,35) → пушицевый верховой (0,6–2,1) → комплексный верховой (0,1–0,6).

Болото образовалось в результате заболачивания озера и длительное время было богатым низинным болотом. Затем произошел резкий переход на другую стадию развития, начался короткий период существования в качестве переходного осокового болота, после чего наступила длительная стадия верхового болота. Типичный для современной растительности *Sphagnum fuscum* и болотные кустарнички появились лишь совсем недавно.

Исследование строения торфяной залежи массива Щучья Гладь проводилась к северу и западу от озера Щучьего. При этом был заложен профиль, пересекающий непосредственно массив Щучья Гладь с востока на запад, с двумя бурениями в окраинной и двумя бурениями в центральной части. Кроме того, бурения выполнены в центральной части соединяющегося с северо-запада с Щучьей Гладью массива, так же как и Щучья Гладь являющимся аапа болотом, причем очень топким; и в занятой грядово-мочажинным комплексом центральной части верхового болота, расположенного параллельно Щучьей Глади, к северу от Щучьего озера.

Бурение показало, что болота образовались в ложбинах, по которым текли ручьи. Приручейные участки и явились очагом заболачивания. Наиболее глубокая залежь отмечена в центре Щучьей Глади. Ее мощность достигает 5,6 м.

Нижний метровый слой залежи сложен низинным травяно-хвощовым, осоково-хвощовым и редко встречающимся вахтовым низинным торфом, в составе которого имеются остатки такого типичного вида приручейных болот, как белокрыльник (*Calla palustris*). Затем на длительный период времени первоначальное осоково-хвощовое болото становится лесным. Травяные слои торфа перекрываются слоями древесно-травяного и древесного торфа. Мощность их – также около метра. В составе торфа преобладают остатки хвойных пород, сосны и ели, на долю березы приходится меньший процент. В этих слоях встречаются и остатки типичного для лесных болот сфагнома центрального. Виды травяного низинного болота произрастают и под пологом древесного яруса, их остатки встречаются по всей толще этого слоя. Затем болото вновь становится травяным низинным, но в нем уже доминируют другие виды: осоки вздутая и волосистоплодная, виды, широко представленные не только на низинных, но и переходных болотах. Много становится и остатков пушицы, которые, к сожалению, не определены с точностью до вида. Остальной набор видов низинных болот все еще присутствовал в составе растительности. Продолжают встречаться, но уже в небольшом количестве, остатки древесных пород. Эта стадия развития болота была длительной, слои осокового и пушицево-осокового низинного торфа слагают залежь толщиной более 1,5 м. Сверху она перекрывается тонким, около полуметра, слоем осокового переходного торфа, для которого харак-

терно появление остатков сфагновых мхов. Следующий метровый слой состоит из осоково-сфагнового и сфагнового торфа, в котором преобладают остатки осоки вздутой и сфагнома магелланского. Верхний полуметровый слой состоит из сфагнового торфа, в котором полностью господствует сфагнум магелланский. Степень разложения его очень низка. Это современный быстро откладывающийся торф, образующийся под грядой аапа комплекса.

Последовательный ряд сменяющих друг друга слоев торфа выглядит так: травяно-хвощовый низинный (5,2–5,6) → вахтовый низинный (5,0–5,2) → вахтово-осоковый низинный (4,75–5,0) → древесно-травяной низинный (4,5–4,75) → древесный низинный (4,0–4,5) → древесно-травяной низинный (3,8–4,0) → осоковый низинный (2,5–3,8) → пушицево-осоковый низинный (1,8–2,5) → осоковый переходный (1,3–1,8) → осоково-сфагновый переходный (1,0–1,3) → сфагновый переходный (0,5–1,0) → магелляникум-торф (0,2–0,5).

Другая скважина, заложенная в центральной части болота, находится западнее предыдущей, в рукаве болота, между островом и берегом. Мощность залежи здесь составляет 3,75 м.

Этот участок заболотился значительно позднее. Болото захватило его тогда, когда еще было лесным, но в самом конце этой стадии древесно-травяной торф слагает лишь тонкий придонный слой залежи. Сверху он перекрывается мощным пластом травяного низинного торфа, хвощово-осокового и осокового, из которого состоит большая часть залежи на глубине с 3,5 до 1 м. Верхний метр залежи состоит из осокового и сфагнового переходного торфа. Переходная стадия здесь началась позже, чем в генетическом центре болота. Участки с растительностью низинного болота по периферии массива существовали и тогда, когда центр стал переходным болотом. Сейчас этот участок занят осоково-сфагновым сообществом. Ряд сменяющих друг друга снизу вверх видов торфа имеет такой вид: древесно-травяной низинный (3,5–3,75) → хвощово-осоковый низинный (3,0–3,5) → осоковый низинный (1,0–3,0) → осоковый переходный (0,5–1,0) → сфагновый переходный (0–0,5).

Скважины, заложенные вблизи (в 30 м) от края массива, имеют одинаковую мощность – 1,5 м. По строению залежи обе скважины почти идентичны. У восточного края виды торфа сменяются так: древесно-травяной низинный (1,25–1,5) → осоковый низинный (1,0–1,25) → осоково-сфагновый низинный (0,5–1,0) → сфагновый низинный (0,25–0,5). У западного края болота: древесно-травяной низинный (1,25–1,5) → осоковый низинный (1,0–1,25) → травяно-сфагновый низинный (0,75–1,0) → осоково-сфагновый низинный (0,5–0,75) → травяно-сфагновый низинный (0,25–0,5).

Придонный слой образует древесно-травяной торф, сверху он перекрывается осоковым, осоково-сфагновым и сфагновым низинным торфом с преобладанием остатков осоки вздутой и *Sphagnum obtusum*. Образцы торфа с верхнего слоя залежи здесь взять не удалось. Вероятно, они уже относятся к переходному типу. Современная растительность в окраинной части массива представлена осоково-сфагно-

выми переходными сообществами.

Скважина, пробуренная в центре рукава болота, соединяющегося со Щучьей Гладью с северо-запада, по глубине оказалась равна той, что заложена в центре Щучьей Гладь, – 5,2 м. Оно также образовалось в наклонной ложбине, путем заболачивания медленно текущего ручья.

В месте бурения нижние слои торфа состоят из древесного и травяно-древесного торфа, общая мощность слоя которых достигает 2 м. Основная часть залежи состоит из низинного осокового торфа. Переходный осоковый и сфагновый торфы составляют верхний метровый слой залежи. Самый верхний слой исследовать не удалось, но можно не сомневаться, что и он является сфагновым переходным торфом. Бурение проведено на гряде аапа комплекса, под мочажинной верхний слой залежи состоял бы из осокового переходного торфа.

Ряд сменяющих друг друга слоев торфа выглядит так: хвощово-древесный низинный (5,0–5,2) → осоково-древесный низинный (4,5–5,0) → древесный низинный (4,25–4,5) → хвощово-древесный низинный (4,0–4,25) → древесный низинный (3,6–4,0) → хвощово-древесный низинный (3,25–3,6) → хвощово-осоковый низинный (3,0–3,25) → осоковый низинный (1,25–3,0) → осоковый переходный (1,0–1,25) → сфагновый переходный (0,25–1,0).

К северу от Щучьего озера была заложена торфяная скважина на гряде уже верхового олиготрофного болота. Мощность ее оказалась, как ни странно, меньше, чем на болоте аапа типа, – 49 м. Болото прошло три стадии развития: низинную, переходную и верховую. Заболачивание началось в более бедных условиях, чем на Щучьей Гладь. Набор видов низинного болота здесь значительно меньше.

Длительность низинной стадии здесь оказалась намного короче. Низинными торфами сложен лишь метровый придонный слой залежи, выше его перекрывает узкий, менее полуметра слой переходного торфа. Низинный торф сначала представлен хвощовыми видами, затем осоковым. Древесных торфов здесь не обнаружено. Переходный торф – пушицевый. Он сменяется уже верховым торфом, пушицевым же, затем сфагновым, образованным сфагнумом магелланским. Грядово-мочажинный комплекс образовался недавно, комплексный верховой торф появляется только с глубины 1,2 м. Характерный для гряд фускум-торф слагает слой на глубине 0,2–0,45 м. Самый верхний слой торфа взять на анализ не удалось, но он, наверняка, относится к этому же виду.

Общая картина смен торфа выглядит так: травяно-хвощовый низинный (4,7–4,95) → хвощово-осоковый низинный (4,45–4,7) → осоковый низинный (3,95–4,45) → пушицевый переходный (3,45–3,95) → пушицево-сфагновый верховой (3,2–3,45) → пушицевый верховой (2,95–3,2). Далее идет чередование магелляникум-торфа (2,7–2,95; 1,7–2,2; 1,2–1,45) и пушицево-сфагнового верхового (2,2–2,7; 1,45–1,7). Выше залегает комплексный верховой (0,45–1,2) и фускум-торф (0,2–0,45).

Под всеми исследованными залежами на болоте Щучья Гладь подстилающей

породой является глина. Следов сапропеля нигде не обнаружено. Болота образовались путем заболачивания суходола, а не на месте озер.

Судя по мощности отложившейся торфяной залежи, образование болотной системы Щучья Гладь относится к атлантическому периоду голоцена (7000–5000 лет назад). Первоначально произошло заболачивание медленно текущего ручья, образовалось низинное травяное болото. Затем оно сменилось лесным низинным болотом, существовавшим до конца атлантического периода. За этот период болото расширяло свои границы, распространяясь по дну ложбины. В суббореальный период (5000–2500 лет назад) болото становится открытым, осоковым низинным. Лишь по его краям, где происходит заболачивание прибрежной полосы леса, располагаются сообщества лесных болот. В этот период происходит похолодание и снижение влажности климата. Следствием этого явилось активное распространение пушицевых, а затем и сфагновых сообществ. По мере нарастания мощности торфяной залежи минеральное питание становится все беднее, уменьшается и видовое разнообразие растительности. Преобладающими становятся виды широкой экологической амплитуды: осоки вздутой и волосистоплодной, а также пушицы. В субатлантический (2500 лет назад и по сию пору) более влажный период происходит резкое увеличение мезотрофных травяно-сфагновых и олиготрофных сфагновых сообществ. К сфагновым мхам переходит господствующая роль на болоте. В это время происходит отложение сфагновых переходных торфов. Образование микро-рельефа, свойственного аапа болоту, произошло в современный период, несколько сотен лет назад. На протяжении всего периода своего развития болото было сильно обводненным и проточным.

Общий ход развития болота зависит от начальных условий болотообразования и положения в рельефе. Участки и массивы, удаленные от заболачивающихся водотоков, сохраняющихся в виде внутризалежных водотоков, получающие более бедное водно-минеральное питание, раньше остальных перешли на стадию развития верхового олиготрофного болота. Так большая часть массива, расположенного к северу от озера Щучьего, стало сфагновым верховым болотом уже в суббореальный период. Однако господство в растительном покрове на грядах *Sphagnum fuscum* приобрел лишь в современный период, несколько сотен лет назад. Щучья Гладь – обводненная интенсивно развивающаяся болотная система, интересная для проведения мониторинга динамики не только растительности, но и болота в целом (площадного).

История развития болота Паломох представляется более сложной, как сложна для типологии и его современная микроландшафтная структура и растительность. Трудно отнести его к какому-то известному типу болот. Отдельные его участки относятся к разным типам. Очевидно, что это сложная болотная система, состоящая из массивов и участков разного возраста и происхождения. Очаги заболачивания на этой территории также возникли в атлантический период. К этому времени относится развитие лесного низинного болота в южной части современного массива и осокового низинного болота в его центральной части. Скорее всего, болота возникли

в позднеатлантический период. Основное развитие они получили в суббореальный и субатлантический период, когда произошло отложение слоев бедного низинного и переходного осоково-сфагнового, пушицевого и сфагнового торфов. Появление верхового торфа произошло местами в самое недавнее время.

Историю развития части болота, прилегающей с юга к озеру Паломох, трактовать очень трудно. Заложённых в этой части двух скважин оказалось недостаточно. Картина отложений торфа в них очень разная. Можно предположить, что здесь существовали два разных болота. Одно развивалось как приозерная сплавина и большую часть времени, за исключением начального периода, было переходным осоково-сфагновым болотом. Другое, расположенное между ним и основной частью массива Паломох, было приречным низинным тростниковым болотом. Река, или ручей, сохраняются до сих пор то в виде внутриболотного водотока пересекающего болота, то в виде хорошо выраженного русла, то в виде погребенного водотока. В конце субатлантического периода эти массивы слились в один. На месте приречного болота образовался участок с развитым грядово-мочажинным комплексом аапа-типа. Это также интенсивно развивающийся в настоящее время болотный массив (система), как и Щучья Гладь, поглощающая участки прилегающего леса.

Болото у озера Белого появилось на рубеже атлантического и суббореального периодов в результате снижения уровня воды в озере. После стадии богатого низинного болота, развивающегося на подстилке озерного сапропеля, оно быстро перешло на стадию олиготрофного сфагнового болота. Однако *Sphagnum fuscum*, как и к северу от Щучьего озера, стал господствовать в растительном покрове уже в настоящее время. Сейчас заболачивания озера не происходит, положение на границе экосистем озеро – болото стабильно.

Результаты проведенного исследования согласуются с ранее полученными данными в соседних регионах. Так, и на аапа болотах в Республике Коми встречаются топяно-лесные, лесо-топяные, топяные и многослойные топяно-лесные торфяные залежи. Максимальная их глубина достигает 5 м, средняя – 2 м. В нижних слоях часто встречаются хвощовые торфы<sup>2</sup>. Мощность торфяной залежи аапа болот Карелии достигает 6,5 м, но обычно не превышает 6 м, а на большей части площади болот ее значения находятся в пределах 4,0–4,5 м. В нижних слоях залежи там, также как и в Архангельской области, часто залегают хвощовые низинные торфы, а также древесно-травяные<sup>3</sup>. Отличаются от исследованных нами гипновые торфы, часто подстилаемые озерным сапропелем<sup>4</sup>. Их возраст определяется в 6500–7000 лет<sup>5</sup>.

#### Примечания

<sup>1</sup>Кузнецов О.Л., Елина Г.А. Болота северо-западной Карелии и история их формирования // Комплексные исследования растительности болот Карелии. Петрозаводск, 1982. С. 13–29; Алексеева Р.Н. Болота Припечорья. Л., 1988. 136 с.

<sup>2</sup>Алексеева Р.Н. Болота Припечорья. Л., 1988. 136 с.

<sup>3</sup>Кузнецов О.Л. О развитии аапа болот северной Карелии // Болота Европейского

Севера СССР. Петрозаводск, 1980. С. 92–113.

<sup>4</sup>Кузнецов О.Л., Шевелин П.Ф., Максимов А.И. Растительность, генезис и динамика болот западного побережья озера Пяозеро (северо-западная Карелия) // Био-разнообразие, динамика и охрана болотных экосистем восточной Фенноскандии. Петрозаводск, 1998. С. 31–63.

<sup>5</sup>Кузнецов О.Л., Елина Г.А. Указ. соч. С. 13–29.

Ю.И. Смирнов  
(г. Москва)

## Тяга Земная

Человеку, наверное, всегда было свойственно желание жить в согласии с самим собой, с близкими и другими людьми, даже с окружающим миром природы. Видя в нем залог благополучия, человек мечтал о таком согласии и стремился к нему хотя бы и в своих помыслах. Фольклору любого народа известно состояние согласия. И в русском фольклоре тому имеется множество подтверждений. Обычно состояние согласия, семейного или общественного, описывается в начале или в конце фольклорного текста. Сказав об этом состоянии в начале, творцы и исполнители фольклора спешат затем поведать о внезапном нарушении состояния и далее, более или менее подробно, рассказывают о том, каким образом и с чьим участием восстанавливалось былое состояние, о счастливом возвращении которого и говорится в конце текста. Фольклор нацелен на описания нарушений идеального состояния. Повествовательные фольклорные произведения по существу и состоят из описаний таких нарушений. Рассказывая о нарушениях, творцы и исполнители внушали себе, друг другу и слушателям обязательность соблюдения традиционных норм поведения и даже мышления.

Судя по записям текстов, несть числа нарушениям и их описаниям. Среди нарушений видное место занимает похвальба героя чем-либо, всегда предосудительная и очень часто наказуемая. Если же своей похвальбой герой как-то задевал небесные силы или, того хуже бросал им вызов, то кара постигала его неумолимо и быстро. Так произошло, между прочим, и со Святогором. На Кенозере былины о Святогоре начал записывать А.Ф. Гильфердинг. Ему 14 августа 1871 года случилось записать двухчастную и сильно стяженную контаминацию «Илья Муромец попадает в карман Святогора + Святогор примеряет гроб и остается в нем»<sup>1</sup>. Ее собирателю пропел П.Я. Меншиков, житель Тамбичозера, что в 18 км к юго-западу от Кенозера. В отличие от певцов других мест, Меншиков не позволил Святогору произнести что-либо вызывающее. У него запираение Святогора в гроб не мотивировано. Слабый намек на причину запираения слышится в скупой и смиренной догадке Святогора:

Видно мне-ка туто Бог и смерть судил<sup>2</sup>

Теперь известно, что, помимо Тамбичозера и Кенозера, эту контаминацию находили еще в немногих местах на Пудогге, Кулое, Мезени и Печоре, а с добавлением еще одного сюжета — также на Кенозере и в Заонежье<sup>3</sup>.

Гильфердингу явно захотелось найти и другие тексты о Святогоре. На другой день, 15 августа он спросил и записал еще одну былинку об этом герое, тоже двухчастную и очень стяженную: «Илья Муромец попадает в карман Святогора + Святогор не смог поднять переметные сумы и, надорвавшись, умер»<sup>4</sup>. Ее сказывал

© Смирнов Ю.И., 2012

И.А. Гурьбин из деревни Кривцово. У него Святогор отождествлен с библейским Самсоном: герой назван то двойным именем, Самсоном-Святигором<sup>5</sup>, то исключительно Самсоном<sup>6</sup>. Сам ли сказитель совершил это отождествление или он его усвоил вместе с текстом от предшественника, осталось невыясненным.

Здесь похвальба героя мотивирована с помощью сравнений. Самсон-Святигор спрашивает у Ильи Муромца, велика ли в нем сила, и тот скромно признается:

Ай во мне еще сила небольшая есть,  
Еще только побиваю я ведь храбростью своей<sup>7</sup>.  
На это Самсон сразу же отвечает похвальбою:

...

25 Да во мне-то сила да такая есть,  
Кабы в земною-то обширности был столб,  
Да как был бы-то в небесной вышины,  
Да кабы было в столби в этом кольцо,  
Поворотил бы я всю землю подвселенную<sup>8</sup>.

Вскоре богатыри наезжают на две переметные сумы. Самсон велит Илье поднять их. Илья пытается, но не может этого сделать. Тогда Самсон сходит с коня и сам «за сумы да принимается». Сказитель предельно краток:

Еще те ли-де сумы да с места не здымаются,  
А все жилы и суставы у Самсона ропущаются,  
45 И по колену-то в землю Самсон убирается.  
(Тут Илья его и похоронил.)<sup>9</sup>

Гурьбин, наверное, знал, но почему-то не пожелал передать на запись стихи о том, кто положил перед богатырями переметные сумы и что содержалось в них. По записям в других местах, сумы, а чаще торбу положил на дороге сам Господь Бог, и там содержалась почти вся или даже вся тяжесть земли, понимаемой как планета.

Гурьбин оказался единственным человеком, кто на Кенозере передал на запись сюжет о тяге земной, привязанный именно к Святогору. Экспедиции братьев Соколовых однажды удалось записать на Кенозере очень сложную контаминацию, в которой помещалось перенесение «Илья Муромец с трудом поднимает сумочку старичка»<sup>10</sup>. Трудно говорить за своих предшественников. Что же касается собирателей МГУ, то, хотя они проявляли известные усилия, чтобы добыть на Кенозере этот сюжет, им отыскать его не удалось. Благодаря записи от Гурьбина, подкрепленной перенесением-привязкой к Илье Муромцу, на Кенозере открылось бытование еще одного, помимо запираения в гробу, сюжет о кончине Святогора.

Песни с этими сюжетами несомненно были принесены на Кенозеро из каких-то дальних исходных мест. Там, в разных местах люди уже соглашались друг с другом

в том, что Святогор для них — общий эпический герой, но расходились во мнениях, когда потребовалось поведать о кончине Святогора. Где-то возникла привязка сюжета о тяге земной, а где-то решительно запирали Святогора в гроб. Совершенно очевидно, что оба сюжета не могли создаваться одновременно и в пределах только одной местной традиции. Ясно так же, что сюжет о гробе возник позже сюжета о тяге земной. Лишь позже, когда в одном месте стали совместно проживать выходцы из разных исходных краев, там начинали бытовать противоречащие друг другу фольклорные формы. Со временем могли складываться такие обстоятельства, когда процесс унификации брал верх — из двух или даже из большего числа форм со сходной темой отбиралась для последующего бытования только одна. Так, по-видимому, произошло и на Кенозере, где бытование сюжета «Святогор примеряет гроб и остается в нем» неоднократно отмечено записями на протяжении десятилетий, тогда как сюжет о тяге земной с привязкой к Святогору попался лишь однажды и притом в самом начале собирания былин на Кенозере.

Не только на Кенозере, но и в других местах носители традиции передавали на запись тексты с сюжетом о гробе значительно чаще, чем тексты о тяге земной с привязкой к Святогору. Помимо Кенозера, эти последние изредка находили еще на Выгозере (своя версия), на западном побережье Онежского озера, в Заонежье<sup>11</sup>. Из сюжета о тяге Святогор обычно вытеснялся Ильей Муромцем, а кое-где даже Аникой-воином. Будь вытеснение более решительным, и еще до времени активного собирания имя Святогора совсем исчезло бы из текстов, содержащих сюжет о тяге.

Зная об этой смене персонажей, допустимо предположить, что и предыдущая пара персонажей в лице Святогора и христианского Бога тоже могла некогда заменить более ранних героев. Такое предположение уместно, если лелеять мысль о том, что сюжет о тяге земной создавался в эпоху сложения праславянской этнической общности или даже раньше; великан мог быть безымянным или мог носить любое имя в зависимости от желания певцов или рассказчиков; небожитель соответственно мог принадлежать дохристианской системе представлений. Чтобы убедиться в этом, недостаточно опираться на записи в одной русской среде. Требуется отыскать подтверждения им. Вполне убедительным доказательством древнего времени создания сюжета о тяге служат сходные фольклорные формы, бытовавшие там, где не имелось каких-либо связей с русской фольклорной традицией.

В славянском мире сходные фольклорные произведения обнаруживались лишь в Вардарской Македонии (ныне Республика Македония) и в Болгарии. Десятью годами раньше, чем Гильфердинг сделал свою запись от Гурьбина, на другой окраине славянского мира, в Загобебе вышел сборник народных песен, собранных братьями Д. и К. Миладиновыми в Вардарской Македонии. Явно в своем пересказе, а следовательно, в самозаписи в конце сборника братья прибавили несколько местных преданий. Среди них они поместили и рассказ:

Маркова похвальба. Говорят, что Марко был таким [сильным] юнаком, что однажды похвалился копьем поднять всю землю. Господь, чтоб узнать его силу, послал

ангела, который наполнил землей торбу и сделал торбу столь тяжелой, как вся земля, и остановился у дороги, где должен был проехать Марко. Когда Марко приблизился, ангел сказал ему: «Ай же ты, незнаемый удалый молодец, подними мне торбу!» Марко едва поднял ее ему на плечи копьём, которое погнулось от тяжести. С того времени Марко потерял силу (юнащина) и только хитростью и обманом побеждал других юнаков вроде Гины, Груицы и др.<sup>12</sup>

Для понимания характера текста и для определения эволюционных связей текста с другими очень важно, чтобы текст был как можно более содержательным. В тексте же, помещенном братьями Миладиновыми, явно опущены многие подробности. Не сказано, в частности, где и при каких обстоятельствах Марко произнес свою похвальбу. Не раскрыто, каким же образом Марко потерял свою силу и всю ли: то ли потому, что надорвался, то ли из-за того, что сам Господь произнес свой приговор и притом прямо в глаза Марку. Участие ангела в качестве посредника впоследствии не подтвердилось ни единой записью. По сути оно избыточно. Оно появилось в тексте потому, что рассказчик или передатчики его рассказа не допускали мысль о встрече Марка с самим Господом.

Почти тридцать лет этот текст оставался единственной фиксацией в Вардарской Македонии сюжета о тяге земной. Только в 1889 году в малотиражном и потому почти недоступном для любознательных людей была опубликована уже длинная песня с названием «Крала Марко утрачивает свою силу»<sup>13</sup>. По сравнению с записями многих и любых юнацких песен эта поражает своей художественной выразительностью, что и теперь производит сильное впечатление на читателей. Спустя несколько десятилетий выяснилось, что более подробной песни о тяге земной не удалось найти никому. Издание песни сопровождалось очень скупым примечанием о том, что текст записан уроженцем города Ресен, который находится на юго-западе Вардарской Македонии, на большой дороге к северу от Преспанского озера и к востоку от Охридского. Выдающаяся по своим художественным качествам песня нуждалась в подтверждении каким-либо записями в том же Ресене, однако никто, насколько известно, там и не пытался поспрашивать об этой песне. Кое-кто из любителей или знатоков фольклора порой бросался утверждением о том, что эта песня — «авторская», увы, без приведения каких-либо доводов. Песня до сих пор остается в сущности не изученной.

В ней Марко представлен могучим юнаком (богатырем), победившим всех противников и соперников и тщетно ищущим еще кого-нибудь, с кем бы он мог померяться силой. Он обращается за советом к звезде Вечернице, но и та не может указать ему возможного противника. Услышав это, Марко надменно объявил ей:

Да сойди Господь с небеси,  
И с ним на поединок выйду!  
Имей край мать черная земля,  
Одной рукой ее подниму!<sup>14</sup>

Не может не смущать, что тут одна за другой приведены две формы похвальбы

Марка. В других южнославянских и в русских текстах вызов Небу и похвальба перевернуть землю обычно не соединяются. Носители традиции приводили их порознь, в разных текстах.

Спустя несколько десятилетий довольно старательное «поэтическое» переложение подстрочника автора этих строк появилось и на русском языке<sup>15</sup>. В примечании к нему уже тогда было высказано убеждение, что македонский текст и соответствующие русские былины имеют «общий генетический источник».

Почти одновременно с ресенской песней была опубликована еще одна, записанная в самом Прилепе, былой столице исторического прототипа доброго юнака Крали Марка<sup>16</sup>. Эта песня с заглавием «Марко похитил Ангелину» оказалась сложной по составу. В первой из ее пяти частей повествуется о тяге земной. Здесь слушателям предложена иная мотивированность похвальбы Марка на пиру среди 70 (!) королей. Все они хвалились своим юначеством (богатырством). Всех их выслушал Марко, скромно сидевший с краю, и только после этого он произнес свою похвальбу:

Если бы ручку земля имела,  
Я бы мог, ей-богу, ее перевернуть<sup>17</sup>.

Короли высмеяли Марка и засрамили его. Устыженный юнак поехал домой, а на дороге его уже поджидал сам дедо Господь с торбой земли. Хотел Господь

Пол-юначества у него взять,  
А не то землю он перевернет,  
35 Большую пакость тогда сотворит<sup>18</sup>.

По просьбе Господа Марко прямо с коня попытался копьём поднять торбу — копьё разлетелось на кусочки, попробовал поднять торбу правой рукой — у коня лопнули подпруги, а Марко утратил половину того юначества, какое имел, и получил от Господа «благословение» впредь быть очень хитрым. Этим наказом Господа сказитель завершил первую часть песни и резко перешел ко второй. Сопоставляя его повествование с текстом в сборнике братьев Миладиновых, можно заметить их близость. Текст братьев определенно зависим от этой песенной версии. По каким-то причинам братья воспроизвели краткое ее изложение.

Прошло более четверти века, прежде чем болгарскому фольклористу М. Арнаудову случилось попасть в 1916 году в села около города Тетово, что к западу от Скопья и близ границы с Албанией. Там ему однажды рассказали предание, состоящее из трех частей: В первой из них юный Марко получил силу, вкусив молока самодивы (женского мифического существа); во второй юнак завладел диким конем и приручил его; в третьей без какой-либо похвальбы Марко одним мизинцем поднял торбочку, наполненную землей, что и побудило Господа лишить его половины силы<sup>19</sup>. В полевой записи несколько иначе, чем в переложении собирателя, приведены слова старца, увидевшего, как легко одним мизинцем Марко поднял торбочку: «Ах, сынок, ну и юнак же ты: коль разозлишься, так и землю перевернешь! Только от половины половина силы пусть тебе останется!»<sup>20</sup>.

Не позже 1932 года в горах Мариово, к югу от Прилепа и близ границы с Грецией,

было услышано еще одно предание о «тяжести (тежина) земли», помещенной Богом в мешок. Предание, к сожалению, было неважно с недосказанностями передано собирателю и столь же неважно было им записано. В нем Марко, не слезая с коня, концом сабли поднял мешок на плечо старца, чем напугал того и побудил произнести нечто вроде заклятья: «Какой имеешь век (срок жизни) — проживешь его, но с обманами, с магиями, а не с большим юначеством и не с Божьей силой!»<sup>21</sup>.

В своем пренебрежении к сведениям о месте и времени записи Б. Петровский вполне последователен. В другой своей статье он мимоходом сообщает о записи, по его терминологии, «легендарного предания»(!), содержащего соединение двух сюжетов. Первый из них Б. Петровский даже кратко пересказывает, очевидно, из-за его необычности, — вместо получения силы от самодивы «малый ребенок» Марко наделяется ею от святого Илии (Ильи пророка): тот, проходя мимо виноградника увидел, как мучается ребенок, копая там землю; он пожалел ребенка и «духанием» одарил его огромной силой. О втором сюжете читателю дано удовлетвориться несколькими словами: «конец этого предания известен — следует встреча с Господом и утрата силы Марком»<sup>22</sup>.

Помимо кратко описанных здесь текстов, как будто имеются еще три записи, сделанные в Вардарской Македонии, — они остались недоступными. Их подключение, возможно, позволило бы точнее увидеть картину распространения сюжета о тяге земной. Пока же бросается в глаза, что все эти редкие тексты найдены в удаленных друг от друга местах, находящихся исключительно к западу от реки Вардар. В местах же к востоку от Вардара, между его поречьем и границей с Болгарией бытование сюжета не обнаруживалось. Скорее всего это нужно объяснить неподготовленностью и невниманием людей почему-либо занимавшихся собиранием фольклора. Иначе трудно понять, отчего распространение сюжета о тяге разделено значительным «белым пятном» между македонскими землями к западу от Вардара и Западной Болгарией.

Только в начале 60-х годов XX века болгарские фольклористы вплотную занялись целенаправленным собиранием юнацких песен и сопутствующих им преданий. Их старания обернулись известными результатами. В частности, они, наконец нашли на своей территории и сюжет о тяге земной как в песенной, так и в прозаической форме. Правда, они почему-то записывали в том или ином селе всего лишь по одному тексту и никак не объяснили причин такой ограниченности.

Им было довольно отдельных образцов. Они явно не понимали, сколь важна запись как можно большего числа текстов на один сюжет. Без записи этого рода степень распространения текста остается по сути неизвестной. Гадательным оказывается и эволюционное положение текста: то ли он бытовал в виде однообразных вариантов, то ли — в виде некоторого множества версий.

В этом отношении показателен пример, описанный самой молодой собирательницей. Она спрашивает по эпической биографии Крали Марка и старательно записывает утверждение местной старушки: «Он, Марко, как забыл страх и срам

перед Богом, то Бог и взял у него половину силы»<sup>23</sup>. При этом собирательница лишь мельком признала, что старушке известна песня о том, как «Бог взял у Марка силу», но не потрудилась сказать, записала ли она эту песню, пусть даже всего-то отрывок или пересказ. Ведь запись текста куда важнее приведенного утверждения старушки, тем более что собирательница нечаянно обнаружила бытование песни близ города Кюстендила — там, где ее ранее не находили. Казалось бы, надо было в первую очередь похвалиться записью в неизвестном дотолем месте и отыскать ее место среди ранее найденных. Этого не сделано. Поэтому остается полагать, что собирательница не стала записывать песню.

Найденные в Западной Болгарии песенные тексты<sup>24</sup> заметно перекликаются с ресенским из Македонии. Они тоже начинаются с диалога Марка и звезды, а это указывает на то, что они восходят к общей с ресенским текстом версии. Вместе с этим диалог Марка со звездой содержится и в песне с иным сюжетом — «Марко и дитя Дукадинче», где юнак узнает от звезды о том, что на свете есть мальчик семи лет от роду, и он уже в семь раз сильнее Марка, — юнак находит мальчика и с помощью обмана губит его. За недостатком места здесь приходится удержаться от разбора связи разных песен с диалогом Марка и звезды.

Прозаические тексты Западной Болгарии значительно разнообразнее, чем песенные. По существу каждый из прозаических текстов содержит свою версию. Это означает, что бытование подобных произведений имеет давнюю историю. У носителей традиции было достаточно времени для того, чтобы независимо друг от друга создавать, утверждать и передавать из поколения в поколение свои версии. Перевод на русский язык этих текстов расширяет круг читателей и позволяет ввести их в более широкий научный оборот. Здесь приходится ограничиться представлением этих прозаических текстов, извлеченных из фундаментального эпического корпуса. Надо надеяться, что в дальнейшем воспоследует и сопоставительный анализ этих текстов, и их сравнение с русскими формами.

Марко теряет свою силу. Марко хвалился, что он очень силен: может Старую Планину перекинуть, поднять ее всю и перекинуть. Господа мука замучила, и он сел на дороге, притворился старцем и взял торбу, из которой коней кормят, и ее положил перед собой на дороге. Подъехал Марко, и он спросил его: «Юначе, можешь ли эту торбу переместить оттуда?» Он сказал: «Ногтем мизинца ее подниму!» Он сказал: «А ну перемести ее оттуда!» И подошел Марко, поднимал — не ногтем, а пальцем — не может, не шевельнул торбу! Взял ее двумя пальцами — никак не шевельнул. Всей рукой взял — и не пошевелил торбу!

И тогда Марко догадался, что это был дедо Господь. До того он был очень силен, а после того уже нет. Марко понял, что сила у него отнята<sup>25</sup>.

Марко теряет силу наполовину. Марко был такой [сильный] юнак, и он похвалился: «Будь у земли ручка, я бы схватил ее, поднял бы землю!»

Это дедо Господь услышал и поставил камень, тяжкий как вся земля, поставил его посреди дороги. И решил испытать Марка. Встретились там, и тогда дедо Го-

сподь сказал: «Эй, юнак, можешь ли поднять этот камень?» — «Ха, — сказал, — я бы землю поднял, мог бы ее подхватить, не то, что этот камень!» И с коня копьём зацепил камень, чтобы его поднять. Копье сломалось — камень не сдвинулся! И Марко тогда разгневался, и слез с коня, и (камень) схватил руками и его поднял.

И тогда Господь увидел, что с такой силой Марко не может быть, и убавил ему силу наполовину<sup>26</sup>.

Марко не смог поднять землю. Он, как ездил Марко, кричал: «Да упади Господь с неба, и с ним буду бороться!»

Он, Господь, сделался старым человеком и сказал: «А ну-ка подними мне эту торбочку!» Он нес торбу и, как встретил Марка, опустил торбу на дорогу и попросил его поднять ее. Марко сказал: «Ты что, смеешься надо мной?» И как был на коне, нагнулся и саблей попробовал поднять торбочку. Как сказал, что ее поднимет, и сразу провалился по щиколотки. Соскочил с коня и попробовал левой рукой, как поднатужился — пропал до колен. Попробовал правой рукой — и весь провалился. Вся земля была в этой торбе, как же ее поднимет?<sup>27</sup>

Господь взял от силы у Крали Марка и дал ему больше ума.

Понял Господь, что Крали Марко стал большим юнаком, и испугался, чтобы тот не попытался перевернуть землю и погубить людей на ней. Надумал уменьшить ему силу и отправился впереди Крали Марка на один день конного пробега. В руках он держал торбу с землей. Когда тот его догнал, Господь попросил его поднять торбу. Нагнулся Марко с коня, поднял торбу, но что-то у него лопнуло в груди. Марко сказал: «Э, дедо, ты вроде взял у меня от силы?» Господь ему ответил: «Верно, я взял от силы, потому что ты меня напугал ею. Боюсь, как бы ты не наделал беды. Теперь я дам тебе побольше ума, чтобы ты побеждал хитростью.» Тогда Марко стал послабее и — похитрее<sup>28</sup>.

Марко получил большую силу от самодивы, но Господь ее уменьшил. Марко пас телят своего отца и, когда выгонял их с житного поля, увидел — там в люльке плачет дитя, и он взял и стал его укачивать. А оно было самодивское. И та осталась очень довольна тем, что Марко его укачал, и сказала ему: «Что хочешь, чтобы я тебе дала?» А Марко был очень слаб, и все мальчишки его били, и сказал самодиве: «Хочу, чтобы ты дала мне силу, чтобы и я их бил!» И тогда она ему сказала: «Хорошо!» — и дала ему пососать свою грудь. И с тех пор Марко стал очень силен.

А отец его Волкашин три года строил церковь и как раз собрал гостей, чтобы ее освятить. А Марко пришел и похвалился перед гостями тем, что он очень силен: «Я, — сказал, — такой сильный, что, имей земля ручку, ухватился бы за нее и поднял бы землю».

А Волкашину стало очень стыдно за то, что Марко так хвалится перед гостями, и он схватил его и стал бить. А Марко не дается. И как начали биться, три дня и три ночи бились. И церковь стала шататься и падать.

Тогда гости сказали Волкашину: «Ты эту церковь три года строил, а теперь из-за слова ребенка ее разрушишь?»

И Волкашин отпустил Марко, и тот побежал в поле. Он мог бы одолеть своего отца, но не хотел, ведь он ему отец. И когда он шел по дороге, увидел — старец отдыхает, и сел рядом с ним, и посидели часа два. И Марко сказал ему, что он очень силен и что, имея земля ручку, поднимет ее, А старец сказал ему: «А ну подними торбочку мне на плечо!»

И Марко посмеялся тому, что старец не может поднять такую маленькую торбочку. А когда сам захотел ее поднять, не смог. Опять попробовал и опять не смог. И удивился: «Что же это за торбочка?» Напрягся ее поднять и не смог. Тогда старец ему сказал: «Ты не сможешь ее поднять, это — земля. Моя земля это, и ты не сможешь ее поднять.»

А это был Господь, да Марку откуда это знать! И с тех пор уменьшилась сила Марка. Опять был силен, но кое-кто мог и одолеть его<sup>29</sup>.

Чтобы возвратиться, Марко ждет, когда исчезнет нынешнее оружие. Марко поехал в монастырь и сказал: «Имей земля ручку, я бы ее перевернул!» Как сказал это, и все попадало, и птенцы со страху попадали из гнезд. Тогда Бог испугался и положил землю в торбу, и вышел на дорогу, и сказал ему: «Сынок, подними эту торбу, чтобы мне понести!» Марко не хотел слезть с коня, да саблей поддел торбу — и сабля сломалась. Марко нагнулся с коня, чтобы обеими руками поднять торбу. Конечек его утоп по колена, а он не смог поднять торбу. А старец ему сказал: «Оставь, сынок, ты не сможешь ее поднять!» — и поднял ее сам, и стал невидим.

И когда Марко поехал, почувствовал, что нет силы в груди. И тогда появился другой старец на белом коне и сказал: «Марко, ты потерял свою силу, потому что не смог поднять землю. Отдай ключи туркам, чтобы вошли! Вернись, походи в свою башню и спустись в подземелье, отпусти конечка пастись на поляне и жди. Когда исчезнет нынешнее оружие, ты выйдешь со своим оружием,»

И ныне спит там Марко на белом камне и ждет, когда исчезнет нынешнее оружие<sup>30</sup>.

Марко получил большую силу от самодивы, но Господь уменьшил ее наполовину. Крали Марко был бедняцким сыном и слабеньким — все дети его били. Проходили пастушата волон и его били.

На одной груше было самодивское гнездо, и самодива имела маленьких. И собрались сороки и вороны, и хотели выпить очи у маленьких. И маленькие пищали там, пищали, и увидел Марко эти чудеса. И прибежал к груше. И начал кидать палки и камни, разогнал сорок–галок, разогнал их.

Вскоре явилась самодива, мать их. И маленькие пожаловались матери своей: «Галки хотели выпить у нас очи!» Мать спросила их: «Кто вас спас?» Они сказали: «Вон то дитя, что там стоит!»

И она пошла, и подошла к Марку. Спросила его: «Кто тебе велел защитить моих маленьких?» Он сказал: «Сам. Они так пискали, что мне стало жаль, и пошел и защитил их.» Она спросила: «Как тебя зовут?» — «Меня зовут Марком.» — «Что хочешь, Марко, от меня в награду за то, что ты спас маленьких?» Он сказал: «Очень

меня бьют дети, я хочу их одолевать, только это хочу», — сказал. Самодива сказала: «Давай пососи левую грудь у меня и получишь силу как у меня».

Он стоял поодаль, дивился-дивился и подошел к самодиве, — лишь бы его не била. Самодива сказала: «Пососи из моей груди!» Как пососал, сказала ему: «Иди, мальчик, подними вон тот белый камень, — сказала, — посмотрим, имеешь ли теперь силу.» А камень был очень большой. Пошел мальчик, хотел его поднять и не смог.

И самодива опять ему крикнула: «А ну еще пососи!» Еще пососал, и еще она послала второй раз: «Иди, теперь его подними!» Марко пошел и едва коснулся камня мизинцем, сразу поднял его! Самодива ушла, а он остался самым сильным на земле.

Добро, да ведь он чудеса вытворял. Прошел год — что подумает, то сделает. Дом — едва его коснется, дом завалит, людей погубит, пакости начал устраивать. Как ходил по земле, вдруг сказал: «Эх, имея земля ручку, перевернул бы ее: что сверху было, то стало бы внизу!»

Добро, а там дедо Господь его услышал. И понес дедо Господь большую торбу — тяжелую, никто не мог ее носить. И он велел Марку: «Пойди, — сказал, — парень, и принеси мою торбочку!» И он пошел, и поднял ее, и принес. И Господь спросил парня: «Тяжела ли торба?» Марко сказал: «Нет.» Тогда проговорил дедо Господь, сказал: «Слушай, парень, коль ты можешь носить эту торбу, еще большие чудеса можешь сотворить. Будет лучше, — сказал, — чтоб ты был наполовину силен, а наполовину ты дьявол — хитрый! Хитрость тебе да поможет.»

И так и стало. Марко утратил половину силы, и где силой не успевал, боролся с хитростью, и опять всегда побеждал.

Это нам рассказывал дедо Димитр. 105 лет было ему, когда он нам рассказывал<sup>31</sup>.

Крали Марко за ручку поднял землю. Дети избили Марко. Он очень стыдился этого и попросил Господа приделать ручки у земли. Господь сделал ручки. Тогда Марко схватил ручку и поднял землю. Как увидели дети его силу, разревелись от стыда и разбежались<sup>32</sup>.

### Примечания

<sup>1</sup>Онежские былины, записанные А.Ф. Гильфердингом летом 1871 г. Изд. 4-е. Т. III. М.; Л. 1951. № 273. В 1961 г. собиратели МГУ нашли такую же контаминацию на самом Кенозере.

<sup>2</sup>Там же. С. 420.

<sup>3</sup>Смирнов Ю.И. Былины. Указатель произведений в их вариантах, версиях и контаминациях. М., 2010. С. 22–25. (Далее — БУП). О кенозерских соединениях разных сюжетов о Святогоре: Смирнов Ю.И. Циклизация былин кенозерской записи // Кенозерские чтения — 2009 // отв. ред. Е.Ф. Шатковская, сост. М.Н. Мелютин. Архангельск. 2011. С. 375–376.

<sup>4</sup>Онежские былины, записанные А.Ф. Гильфердингом... № 270.

<sup>5</sup>Там же. С. 407, ст. 8, 20.



- <sup>6</sup>Там же. С. 407, ст. 18. С. 408, ст. 33, 41, 44, 45.
- <sup>7</sup>Там же. С. 407–408.
- <sup>8</sup>Там же. С. 408.
- <sup>9</sup>Там же. С. 408.
- <sup>10</sup>Чтобы не повторяться, см.: Смирнов. Циклизация... С. 378.
- <sup>11</sup>Указание на варианты БУП. С. 19–20.
- <sup>12</sup>Български народни песни собрани од братъя Миладиновци Димитрия и Константина и издани од Константина. Загреб. 1861. С. 528.
- <sup>13</sup>Более доступно переиздание: Българско народно творчество в дванадесет тома. Том първи. Юнашки песни. Отбрал и редактирал И. Бурин. София. 1961. С. 413–420.
- <sup>14</sup>Там же. С. 415.
- <sup>15</sup>Песни южных славян / вступ. ст., сост. и прим. Ю. Смирнова. М., 1976. Т. 11. С. 202–208.
- <sup>16</sup>Сборник за народни умотворения, наука и книжнина. София. 1890. Кн. II. С. 116–120.
- <sup>17</sup>Там же. С. 116.
- <sup>18</sup>Там же. С. 117.
- <sup>19</sup>Текст не раз издавался самим собирателем. Последний раз: Арnaudов М. Очерци по българския фолклор. София. 1968. Т. 1. С. 516–517. Только сравнительно недавно выяснилось, что собиратель публиковал текст в своем переложении, которое можно принять и за самозапись. Извлеченный из полевой тетради текст оказался записанным с сохранением черт местного диалекта. Публикаторы почему-то воспроизвели его двумя кусками, без нужных отсылок друг на друга и неполностью: Пенчев В., Анчев А. Михаил Арnaudов — една научна командировка в Македония. София. 1999. С. 293 (юный Марко напоил водой детей самодивы). С. 84–85 (Марко завладевает конем и поднимает торбочку старца).
- <sup>20</sup>Пенчев В., Анчев А. Указ. соч. С. 85.
- <sup>21</sup>Сборник с первой публикацией этого текста остается недоступным. Поэтому тут используется его воспроизведение в статье: Петровски Б. Марко Крале ја губи силата // Македонски фолклор. № 13. Скопје. 1974. С. 151. Как ни странно, в статье, посвященной именно македонским текстам о тяге земной, не приводятся полные сведения об их записях и хотя бы о местах их бытования.
- <sup>22</sup>Македонски фолклор. Скопје. № 14. 1974. С. 153.
- <sup>23</sup>Симеонова Н. Фантастичното в българския юнашки епос. // Български фолклор. 1979. № 2. С. 45.
- <sup>24</sup>Български юнашки епос. Научен ръководител Ц. Романска. Авторски коллектив: Р. Ангелова, Л. Богданова, Ц. Романска, Е. Стоин, С. Стойкова // Сборник за народни умотворения и народопис. Т. LIII. София, 1971. (Далее — БЮЕ).
- <sup>25</sup>БЮЕ. С. 768. № 25. Зап. в 1961 г. в с. Бистрица Софийского округа. Старая Планина — Балканский хребет, по широте рассекающий Болгарию почти на

равные части.

- <sup>26</sup>БЮЕ. С. 768. № 26. Зап. в 1963 г. в с. Бучино Софийского округа.
- <sup>27</sup>БЮЕ. С. 769. № 27. Зап. в 1962 г. в с. Дяково Дупницкого округа.
- <sup>28</sup>БЮЕ. С. 771. № 30. Зап. в 1964 г. в с. Михайлово Врачанского округа.
- <sup>29</sup>БЮЕ. С. 769. № 28. Зап. в 1961 г. в с. Бусманци Софийского округа.
- <sup>30</sup>БЮЕ. С. 778–779. № 45. Зап. в 1961 г. в с. Долна Бана Ихтиманского района.
- Об этом тексте: Смирнов Ю.И. Герои курганов и пещер // Балто-славянские исследования. М. 2002. С. 402–404.
- <sup>31</sup>БЮЕ. С. 770. № 29. Зап. в 1962 г. в с. Дяково. Дупницкого округа.
- <sup>32</sup>БЮЕ. С. 781. № 9. Зап. в 1965 г. в с. Калояново Пловдивского округа.

*М.А. Смирнова  
(г. Архангельск)*

### **Научная библиография о Кенозерье: достижения, проблемы и перспективы**

В середине 2012 года завершилась многолетняя работа по составлению научной библиографии, посвященной Кенозерью<sup>1</sup>. Северная библиография стала складываться в начале XX века в дореволюционном Архангельске. Инициатором был вице-губернатор Архангельской губернии, организатор АОИРС – Архангельского общества изучения Русского Севера (1908–1918) – А.Ф. Шидловский (1863–1942)<sup>2</sup>. Созданные им научные библиографические указатели не потеряли своего значения и в наши дни. Продолжил эту деятельность его ученик, член АОИРС, а затем член-учредитель АКО – Архангельского краеведческого общества (1923–1937) – , сотрудник Дома книги имени М.В. Ломоносова А.Н. Попов (1890–1939)<sup>3</sup>. Последующие события, связанные с репрессиями (в ссылке умер А.Ф. Шидловский, погиб в лагере А.Н. Попов) приостановили деятельность научного сообщества Архангельска.

В 1980–1990-х годах Архангельская областная научная библиотека имени Н.А. Добролюбова совместно с районными библиотеками издала серию библиографических указателей «Города и районы области». Однако работа осталась незавершенной, и создать качественные указатели по всем районам Архангельской области не удалось<sup>4</sup>. Инициаторами и составителями библиографических указателей также стали отдельные районные библиотеки и музеи. Так появились библиографические навигаторы по Каргополью, Поважью, Устьянскому краю, Вычегодскому краю<sup>5</sup>.

Ценно, что консультантами районных библиографов были известные исследователи Русского Севера. Их знания по историографии края, полученные в крупных книжных хранилищах страны, помогали приобретать опыт научной работы по созданию библиографии края.

Музеи также были вовлечены в процесс создания библиографических указателей. Новым и успешным опытом стало сотрудничество музеев с профессиональным библиографическим сообществом. Указатель о музее «Кижы» подготовлен сотрудниками Национальной библиотеки Республики Карелии<sup>6</sup>. На основе фондов Архангельской областной научной библиотеки имени Н.А. Добролюбова созданы указатели литературы о Соловецком музее-заповеднике<sup>7</sup>. Антониево-Сийский монастырь Архангельской епархии совместно с библиографами АОНБ имени Н.А. Добролюбова также опубликовал указатель литературы. Достоинством издания стало включение в него книг, выявленных не только в светских библиотеках страны, но и в монастырских хранилищах, а также публикация редких архивных документов<sup>8</sup>.

© Смирнова М.А., 2012

В ряд изданий по северной библиографии включен новый библиографический указатель «Кенозерье», размещенный на сайте Кенозерского национального парка<sup>9</sup>. Основоположником этой деятельности стал Ю.М. Критский, подготовивший «Аннотированную библиографию», содержащую материалы по истории и культуре Кенозерья. Авторская рукопись включала информацию о дореволюционных, советских изданиях и деятельности Кенозерского национального парка. Дополненная сотрудниками парка и привлеченными специалистами рукопись была издана в 2005 году<sup>10</sup>.

Основой структуры нового указателя стала «Аннотированная библиография» Ю.М. Критского. Однако активная издательская деятельность Кенозерского национального парка и привлеченных специалистов, современные библиографические поисковые технологии, дающие иные возможности для изысканий, позволили значительно расширить и изменить структуру «Аннотированной библиографии».

Указатель «Кенозерье» дает представление о локальной территории: природных особенностях и историко-культурном наследии. В специальном разделе отражена многогранная деятельность Кенозерского национального парка.

Кенозерье сегодня входит в состав двух районов Архангельской области (Каргопольского и Плесецкого), но в историческом пространстве административная принадлежность территории неоднократно менялась. Систематизация литературы по административно-территориальным границам, исторической системе расселения, конкретным населенным пунктам составляет первый раздел указателя.

Природное наследие Кенозерья уникально. Библиография по этой теме, выявленная Ю.М. Критским, дополнена публикациями российских и иностранных специалистов естественнонаучного профиля. В статьях и книгах авторов – геологов, почвоведов, гидрологов, гидробиологов, биологов и других – детально описано исследование территории.

Раздел «Историко-культурное наследие Кенозерья» составлен по хронологическому принципу и дает представление о развитии территории с древнейших времен (археологические памятники) до наших дней. Тематические подразделы: архитектура, иконопись, кенозерские «небеса», топонимика, эпическая поэзия, песенная культура, диалектология, этнография и т.д., многосторонне представляют культурное наследие Кенозерья.

Впервые была предпринята попытка представить материал по теме «Научно-исследовательские экспедиции по Кенозерью». В печатные источники информация о многих экспедициях не попадала, оставаясь в научных архивах, обследование которых не входило в задачи составителя указателя. Раздел «Кенозерье в литературе и искусстве» тоже требует расширения. Выявление информации по этой теме представляет сложность, т.к. география мест проживания творческой интеллигенции, посетившей Кенозерье, весьма обширна. По этой причине затруднен поиск материалов по этому разделу. Случайные находки такой информации могут быть в любом регионе. Поиск, безусловно, будет продолжаться, но основные произведения выявлены.

Раздел «Кенозерский национальный парк» представлен очень подробно. Подраздел «Официальные документы» показывает главные постановления, регламентирующие деятельность парка. Историки и биологи уже в конце 1970-х годов стали доказывать необходимость организации здесь охранной территории, к полемике подключились филологи. Для специалистов почти любого направления здесь была возможность для исследований.

За основу структуры раздела о Кенозерском национальном парке были взяты направления его деятельности. Природоохранная деятельность поддерживает благоприятное состояние биологических объектов, выявляет экологические нарушения. Природопользование старается не нарушить природный баланс. Культурный ландшафт – относительно новое понятие, объединяющее природу и архитектуру, озеро и деревню, все, чем гордится парк. Управление культурным ландшафтом – одно из направлений его деятельности.

Научная деятельность парка представлена информацией об издательской деятельности, сборниках научных трудов конференции «Кенозерские чтения» (подготовлено 4 сборника), формировании музейного фонда, экспозициях и выставках. Выявлено 29 диссертаций, защищенных на материалах Кенозерского национального парка.

Реставрационные работы проводятся в Кенозерском национальном парке с 1970-х годов, принимают в этом участие не только россияне, но и норвежские специалисты. Экологическое просвещение – важная составляющая деятельности парка. Это различные конкурсы и викторины, семинары и практики, организация и проведение Архангельского областного конкурса юношеских исследовательских работ имени М.В. Ломоносова (состоялось 7 таких конкурсов), участие кенозерских школьников во Всероссийском конкурсе юношеских исследовательских работ имени В.И. Вернадского, организация и проведение детских экологических лагерей, участие в «Маршах парков».

Деятельность парка тесно соприкасается с жизнью местного населения, проживающего в деревнях на его территории. Парк решает задачи взаимоотношений с населением. На территории парка в деревнях возрождаются ярмарки, проводятся этнофестивали, современные праздники, подготовленные на основе древних традиций. Это привлекает потоки туристов. Сотрудники парка разрабатывают новые маршруты экскурсий, включая деревни в туристические объекты.

В Кенозерском национальном парке успешно развивается проектная деятельность. Наиболее яркие проекты выделены в указателе в отдельные подразделы.

Международное сотрудничество с разными странами проходит по многим направлениям – научному, просветительскому, туристическому. Издательская деятельность парка показана как перечень всех печатных изданий. Чтобы оценить весь изданный объем литературы, решено было повторить в указателе библиографическое описание полностью, без использования отсылок к другим разделам.

Раздел «Повседневная жизнь Кенозерского национального парка» знакомит чи-

тателя с сотрудниками парка, рассказывает о прошедших юбилеях и заслуженных наградах.

Вспомогательные указатели прежде всего помогают ориентироваться в основном тексте. Именно они превращают библиографический перечень литературы в научный указатель. Подготовка вспомогательных указателей – наиболее трудный процесс при составлении библиографических изданий. В библиографическом указателе «Кенозерье» их несколько.

Именной указатель объединил авторов (соавторов, редакторов, составителей) и персоналии. Круглые скобки, в которые заключены номера записей, позволяют выделить персоналии, т.е. лиц, которым посвящены публикации. Имена авторов и персоналий не раскрыты, а обозначены инициалами, поскольку расшифровка имен привела бы к дополнительным временным затратам.

Географический указатель традиционен. Географические дефиниции соответствуют тексту библиографических записей.

Алфавитный указатель изданий – наиболее интересный указатель, которому предназначена роль справочника. Описание изданий сделано в соответствии с действующими библиографическими стандартами, с указанием международного книжного номера (ISBN). Имея под рукой этот указатель, не надо искать в библиотечных каталогах нужное описание. Библиотечные каталоги составляются в разные периоды по-разному, меняются правила описания. Специалистам в той или иной сфере науки не всегда удается правильно записать использованный источник литературы. Ссылки к научным публикациям часто оказываются выполнены с ошибками, порой недостает отдельных элементов записи. При дальнейшем использовании подобных описаний такая ошибка тиражируется и со временем может затруднить поиск нужного источника.

Международный книжный номер в России пока мало используется, но издание, не имеющее его, не подлежит государственной регистрации, которую осуществляет Российская книжная палата. Это поисковый элемент в электронных каталогах. Вполне возможно, что вскоре он станет таким же обязательным элементом для списков, ссылок, как указание автора или заглавия публикации. Восстановление ISBN в том случае, если самого издания под рукой нет, потребует времени. Удобнее воспользоваться уже готовым, проверенным справочником.

Периодические издания, представленные в «Алфавитном указателе изданий», показаны с дефинициями учредителей или издающих организаций. Это позволяет сориентироваться в уровне научности издания, в географии мест издания.

В указателе «Кенозерье» часть изданий относится к научно-популярным публикациям, но без них не состоялись бы подразделы «Кенозерье в искусстве и литературе», «Повседневная жизнь Кенозерского национального парка» и некоторые другие.

Часть газетных публикаций о Кенозерском парке не включалась в библиографический указатель целенаправленно, чтобы не перегружать его популярными или

информационными материалами; но эта информация не забыта, она передана в библиотеку парка.

В Архангельске нет многих изданий, отраженных в указателе. Их поиск проводился в библиотеках других городов, в смежных по тематике указателях, по сноскам научных публикаций с последующей проверкой правильности описаний. Малую часть записей проверить не удалось, они отмечены звездочкой и имеют недостающие элементы. Электронные каталоги и библиотеки помогли решить проблему на расстоянии, однако этот современный информационный ресурс все же не дает полного поиска. Почти не затронуты в указателе ресурсы иностранных библиотек. Не удалось проверить массив «Летописей» Российской книжной палаты и информационных бюллетеней ВИНТИ и ИНИОН, где может содержаться необходимая информация.

Все это свидетельствует о том, что работу нельзя останавливать. Тематический библиографический указатель сконцентрировал основные издания за определенный период. Спустя пять, десять или более лет появится новый массив информации по той же теме, который также придется выявлять, структурировать и создавать.

Указатель готов к использованию. Электронная версия появилась на сайте и, хочется верить, окажет реальную помощь всем исследователям Кенозерья.

#### Примечания

<sup>1</sup>Кенозерье: библиогр. указатель / сост. М.А. Смирнова; консульт. М.Н. Мелютин. Архангельск, 2012. (1700 назв.).

<sup>2</sup>Шидловская В.П. Литературная, историческая и географическая деятельность А.Ф. Шидловского // Европейский Север России: прошлое, настоящее, будущее: материалы Междунар. науч. конф., посвящ. 90-летию со дня учреждения АОИРС (1908 г.). Архангельск, 1999. С. 305–310.

<sup>3</sup>Смирнова М.А. Краеведческие общества Архангельска и становление северной библиографии // Библиотека в контексте истории: материалы 4-й междунар. науч. конф. (Москва, 24–26 окт. 2001 г.) / сост. М.Я. Дворкина. М., 2001. С. 167–172; Ее же. Библиографическая деятельность архангельского краеведа Андрея Николаевича Попова (1890–1939). СПб., 2013 (в печати).

<sup>4</sup>Вельский район: библиогр. указ. лит. / сост.: Г.М. Кошелева, Т.В. Петрова. Вельск, 1980. 78 с. (58 назв.); Мезенский район: библиогр. указ. лит. / сост.: З.В. Истомина, А.Л. Шамсатова. Архангельск, 1990. 96 с. (1037 назв.); и др.

<sup>5</sup>Поважье в XVIII–XX вв.: Важский уезд – Вельский уезд – Вельский район: аннот. библиогр. указ. / Вел. район. краевед. музей Арханг. обл.; [сост.: Г.А. Веревкина (отв. сост.) и др.; науч. ред. М.И. Мильчик]. Вельск, 1999. 325, [1] с.; Страницы истории Устьянского края (с древнейших времен до нач. XX в.): библиогр. указ. лит. / Устьян. центр. район. б-ка; [сост.: Г.А. Молчанова, Л.А. Хватаева]. п. Октябрьский, 1999. 18 с.; Каргопольский край: природа, история, экономика, культура: библиогр. указ. / сост. С.В. Кулишова. Каргополь, 1999. 446, [1] с. (Материалы для библиографии о Каргопольском крае; вып. 1); Каргопольский край, XX век. Вып. 1:

1901–1929 гг.: библиогр. указ. / ГУК «Каргоп. гос. ист.-архитектур. и худож. музей», ГОУ «Каргоп. пед. колледж»; [сост. С.В. Кулишова]. Каргополь, 2008. 406 с., [1] л. ил.: карты; (Материалы к библиографии о Каргопольском крае); Край Вычегодский (Яренский уезд – Ленский район Архангельской области): рек. указ. лит. / Ярен. б-ка; [сост. Г.П. Протопопова]. с. Яренск (Архангельская обл.), 2007. 271 с.: ил.

<sup>6</sup>Кижы: указ. лит. / Нац. б-ка Респ. Карелии; сост.: Т.В. Осипова, Т.В. Терпугова. Петрозаводск, 1995. (1162 назв.)

<sup>7</sup>Соловки – это целый мир: рек. указ. лит. / Соловец. гос. ист.-архитектур. и природ. музей-заповедник, АОНБ им. Н.А. Добролюбова; сост.: М.А. Смирнова, З.В. Истомина, Л.А. Радикайнен. Архангельск, 2002. (638 назв.); СЛОН – СТОН: Соловецкие лагеря и тюрьма особого назначения (1923–1939): рек. указ. лит. / Соловец. гос. ист.-архитектур. и природ. музей-заповедник, АОНБ им. Н.А. Добролюбова; сост.: М.А. Смирнова, З.В. Истомина, Л.А. Радикайнен. Архангельск, 2003. (610 назв.)

<sup>8</sup>Свято-Троицкий Антониево-Сийский монастырь: библиогр. указ. / Свято-Троицкий Антониево-Сийский муж. монастырь Арханг. и Холмогор. епархии, АОНБ им. Н.А. Добролюбова; сост.: М.А. Смирнова, З.В. Истомина. Архангельск: Помор. ун-т, 2007. 244, [1] с.: [2] л. ил. (Северная библиотека). (1013 назв.).

<sup>9</sup>URL: <http://www.kenozero.ru>

<sup>10</sup>Аннотированная библиография / сост.: Ю.М. Критский, В.Н. Матонин, А.В. Иванова, М.Л. Мироненко // Критский Ю.М. Кенозерье: история и культура: (очерки, материалы, исследования) / подгот. текстов В.Н. Матонина. Архангельск, 2005. С. 173–205 (312 назв.).

Л.П. Тарасенко  
(г. Москва)

### К истории почитания преподобного Макария Унженского и Желтоводского в XVI – первых десятилетиях XVII века

Как известно, немало подвижников благочестия почиталось задолго до официальной канонизации. У каждого святого этот начальный этап почитания имел свои отличительные особенности, но, выявить их не просто, так как нередко о доканонизационном периоде нет достоверной информации, сохранилось лишь благочестивое предание. Традиционно за причислением к лику святых следует написание иконы, создание жития и службы. Изображение подвижника на иконе с нимбом, как правило, интерпретируется как созданное уже после канонизации. Но сохранившиеся литературные и документальные источники, позволяющие реконструировать историю почитания преп. Макария Желтоводского и Унженского, в период, предшествующий причислению его к лику святых, показывают, что иконы, житие и служба святому появились значительно раньше официальной канонизации, а почитание еще в XVI веке вышло далеко за пределы Унженского монастыря.

Житие преподобного сохранилось в нескольких редакциях, древнейшая из которых включает, помимо жития, десять чудес. Она датируется исследователями серединой XVI века<sup>1</sup>. Корпус сохранившихся рукописей краткой редакции жития (в количестве не менее 25 списков) датируется XVII–XVIII веками. Нам удалось выявить два наиболее древних списка этой редакции, относящихся к последней трети XVI века и к рубежу XVI и XVII веков<sup>2</sup>, то есть к доканонизационному периоду почитания.

Н.В. Поньрко было высказано осторожное предположение о существовании протографа краткой редакции без посмертных чудес<sup>3</sup>. Мнение было основано на существовании двух списков, где прижизненное чудо святого о дочери Феодора включается в текст жития до преставления святого. Предположение было поддержано Д.Р. Ерофеевым, указавшим на существование еще одного аналогичного списка. К спискам «протографа»<sup>4</sup> мы можем добавить еще три рукописи<sup>5</sup>. Распространенность такого варианта Жития подтверждает предположение о существовании протографа. Это, в свою очередь, говорит о том, что история текста жития и его распространения началась еще до середины XVI века, когда сформировалась краткая редакция.

Житие преп. Макария дает интересный материал для реконструкции начального этапа почитания. В двух чудесах краткой редакции отразились особенности политической ситуации в России первой половины XVI века, когда на территорию Поволжья регулярно вторгались татарские отряды, разоряя города и села, уводя в плен

сотни людей. В Чуде о граде Унжа, посвященном нападению татар на город в 1522 году, рассказывается о молитве во время осады города воеводы по имени Федор Супонев перед хранившимся в местном соборе образом преп. Макария<sup>6</sup>. Из контекста следует, что граждане Унжи многие годы почитали преподобного как своего помощника и избавителя, который «град той возлюби и к нему прииде и в нем же отдасть дух свой...». В соборе Унжи хранилась чтимая икона святого. Записей чудес Макария тогда еще, видимо, не было, так как горожане, согласно житию, обратились к воеводе с просьбой: «...о чудесех святого писанию предати...»<sup>7</sup>, что возможно и было сделано. Со временем записи об осаде 1522 года могли стать основой для текста Чуда о граде Унжа. Воевода Супонев – известная историческая личность, чье имя неоднократно встречается в Разрядных книгах 20–50-х годов XVI века, согласно которым Федор несет службу в костромских городах<sup>8</sup>.

Следующее чудо жития посвящено осаде города Соль Галическая в январе 1532 года. В нем упоминается чудотворная икона преп. Макария, хранящаяся в Успенском соборе. С этой иконой связывается избавление города от захватчиков. После избавления Солигалича от татар жители города «заложиша церковь во имя чудотворца Макария»<sup>9</sup>. Храм, посвященный святому, предполагает службы ему и иконы – местный и поклонный образы. Как известно, Служба святому, по началу, могла правиться по общей минее. Но с появлением храма, освященного во имя святого, должна была быть создана и специальная служба.

Для истории почитания святого важно, что житие позволяет говорить о том, что уже в первой половине XVI века в костромской земле существовали его храмы и бытовали иконы.

В Чуде о граде Унжа повествуется, о нападении на монастырь отделившегося от войска казанских татар отряда. Они хотели снять с церкви железный крест, приняв его за серебряный. Один из нападавших попытался подняться к кресту, но был чудом сброшен на землю. Другие, пришедшие грабить церковь, «начаша раку святого обоимати», то есть грабить, обдирать, но были поражены слепотою. Татары бежали из монастыря, «...иным варваром заповедающе ходити ко обители святаго». Из этого текста следует, что место погребения святого уже в первые десятилетия XVI века было уже отмечено особым образом. Возникает вопрос, что «обоимали» грабители? Рака преподобного должна была иметь, как минимум, традиционное убранство – шитый покров. В Житии не сообщается об иконах святого у гроба. Но образ основателя обители у раки должен был быть, тем более что традиция надгробных образов к этому времени существовала<sup>10</sup>. Образ мог иметь оклад, который и «обоимали» татары. Именно «гробная» икона преп. Макария Желтоводского и Унженского, хранившаяся после смерти основателя в монастыре на раке, должна была стать протографом унженского и солигалического образов святого, первых упомянутых в житии икон, а также основным источником для иконографии преп. Макария.

Кроме двух «исторических» 1522 и 1532 годов чудес, следует выделить еще одно, давшее основание для датировки краткой редакции. В нем упоминаются две из-

вестные исторические личности – Иван Григорьевич Выродков и князь Семен Константинович Заболоцкий, имена которых помогают наметить дополнительные хронологические и географические вехи в распространении культа преп. Макария.

Это чудо об Иване Выродкове, «некоем от синглита», который незадолго до Казанского похода 1552 года исцелился от тяжелой «внутренней огненной болезни» в Макарьево-Унженском монастыре. Выродков – один из участников Казанского взятия и строительства Свияжской крепости, отчасти, видимо, военный инженер, постоянное действующее лицо Разрядных книг, где его имя встречается десятки раз<sup>11</sup>. По документам середины – третьей четверти XVI века он все время в гуще событий. Исцеленный Иван Выродков делает вклад в монастырь – литургический набор из олова.

В Разрядных книгах неоднократно упоминается окольный князь Семен Константинович Заболоцкий. В чуде об Иване Выродкове Заболоцкий дает дьяку советы, что, судя по письменным источникам, вполне возможно: их пути должны были постоянно пересекаться. Кстати, сам князь Заболоцкий, также известный деятель эпохи Ивана Грозного, представитель семейства, члены которого служили в качестве воевод в разных городах России, а в 1540 году он сам служил в Нижнем Новгороде<sup>12</sup> и мог быть наслышан о местном святом.

Почти во всех чудесах жития упоминается гробница святого, к которой припадают, жажда исцеления, герои сюжетов. Это позволяет утверждать, что гробница в середине XVI века была оформлена в соответствии с традицией. Кстати, уже в первых чудесах отмечено и почитание в Унженском монастыре воды из кладезя, ископанного руками преп. Макария (об Иване Выродкове, о Марии из Чухломы).

Сведения, говорящие о создании Макарьевого храма до канонизации, есть в документальных источниках. Согласно вкладной записи в Кормчей, эта книга была вложена в 1571 году «в пресвятую обитель к святым страстотерпцам Христовым Флору и Лавру и преподобному отцу Макарию Унежскому и Желтоводскому чудотворцу...»<sup>13</sup>. Это говорит о том, что в монастыре к 1571 году уже имелся Макарьевский престол.

Неопубликованная монастырская опись 1613 года<sup>14</sup> дает представление об убранстве Макарьевого храма в конце XVI – начале XVII века. Это был «холодной», полуразрушенный шатровый храм, простоявший, видимо, уже много десятилетий<sup>15</sup>. В храме было скромное убранство<sup>16</sup>. В описи указан один местный образ «Макария з деяниями на золоте»<sup>17</sup>. Рака чудотворца, скорее всего, стояла на южной стороне у алтаря, где было традиционное почетное место погребения, но в описи это специально не оговорено<sup>18</sup>. У гроба чудотворца «образ местной» чудотворца «на празелени стоячей, венец обложен серебром басмяна...»<sup>19</sup>. Приклады указывают на почитание образа: это единственная икона с крестами и цатами в Макарьевской церкви 1613 года. У гроба еще одна пядничная житийная икона чудотворца «на празелени»<sup>20</sup>. Это говорит о развитой к началу XVII века иконографии святого.

Гроб преподобного имел несколько покровов<sup>21</sup>. В их числе лицевой покров<sup>22</sup>,

возможно, произведение XVI века, так как отмечено, что золотом и серебром шиты только нимб (венец) и тропарь на кайме. Второй интересный покров – с вышитым крестом – это «данье государево» (вклад царя Михаила Феодоровича. – Л.Т.). Согласно описи 1613 года, «у чудотворца на престоле» была «книга служба и житие чудотворца Макария Желтоводцакого»<sup>23</sup>. Кроме алтаря, закрытого небольшим трехъярусным иконостасом, и раки преп. Макария в храме более ничего не было. Небольшой деревянный храм представлял собой своего рода ковчег, реликварий, служивший задаче хранения мощей подвижника.

Важный материал дает опись вкладов в монастырь, зафиксированных в 1613 году. Именитых благотворителей, судя по монастырским книгам и описям, было не так много. Первый из них – царь Иван Грозный, который пожертвовал бумажные ризы с «червчатым» бархатным оплечьем, к 1613 году – ветхие. «Ризы полотенные камка червчата» были вложены Андреем Клешнинным<sup>24</sup>, окольным царя Феодора Иоанновича, приверженцем Бориса Годунова, участником следствия по делу царевича Дмитрия в Угличе. В конце XVI – начале XVII века среди дарителей есть посадские люди, подьячие, представители духовенства из Унжи, Нижнего Новгорода и др. Так, архимандрит нижегородского Печерского монастыря Трифон (1595–1604)<sup>25</sup> пожаловал на Унжу Апостол московской печати.

При получении жалованных грамот, поставлении игуменов, передаче царских вкладов, иконы основателя монастыря должны были подноситься царю, митрополиту, представителям церковных и светских властей. Как мы видим, хотя он не был канонизирован на соборах середины XVI века, со второй половины XVI века преп. Макарий и основанная им обитель хорошо известны членам царской фамилии, боярам, высшему духовенству.

Очень интересные сведения в связи с этим есть в переписке патриарха Филарета с сыном: «Да в Макарьеже, Государь, житие написано про бывшего Московского митрополита Макария, что известно и ему было про Макарьево Желтоводцакого добродетельное житие...»<sup>26</sup>. Это подтверждает известность преподобного в середине XVI века и, возможно, указывает на какую-то особую редакцию его жития, имевшую хождение в XVI веке и не сохранившуюся до нашего времени.

Подводя итоги распространения почитания святого до канонизации, укажем на города и села, где к началу XVII века, помимо Унжи и Солигалича, должны были быть макарьевские храмы. В древнем Галиче, бывшем наиболее крупным центром этого региона, не могло не быть с давних времен престола, посвященного преподобному. Этот город неоднократно упоминается в службе Макарию («Днесь град твой Галич тобою хвалится...», тропарь), да и сама служба святому, скорее всего, была написана именно здесь<sup>27</sup>. В главном храме Галича, Спасо-Преображенском соборе (1774 г.), основание которого уходит в древнейшие времена, был придел, посвященный Макарию<sup>28</sup>, хотя время основания этого престола не ясно.

В 1609 году, жителями с. Немда Костромской губернии Макарьевого уезда Коряковской волости был основан в благодарность за чудесное избавление от по-

ляков Макарьевский мужской монастырь<sup>29</sup>.

В XVI – начале XVII века в Нижнем Новгороде, скорее всего, почитание преп. Макария было сосредоточено в местах его рождения и начальных монашеских подвигов. Древний Синодик Печерского монастыря, где святой принял постриг, – «Синодик Трифона» (1595 год – до конца XVIII века) содержит упоминание о Дионисии Суздальском и его учениках архимандрите Евфимии и преп. Макарии<sup>30</sup>. Возможно, в XVI веке в Печерском монастыре были иконы Макария, но документальных сведений об этом не сохранилось. В начале столетия в нижегородской Мироносицкой церкви, в приходе которой Макарий родился, был Макарьевский придел<sup>31</sup>, а, следовательно, и иконы святого. Наиболее ранние сведения об иконах преп. Макария в Нижнем Новгороде относятся ко времени после канонизации. Согласно Сотной грамоте 1621 года «окладной» образ преп. Макария находился в ветхой Георгиевской церкви, стоящей «без пения», то есть икона была написана до канонизации<sup>32</sup>.

Издавна чтилась икона св. Макария в Пурехе<sup>33</sup>, о чем царю Михаилу Феодоровичу писал патриарх Филарет, узнавший об этом от князя Дмитрия Михайловича Пожарского. От этой иконы преп. Макария «в его князь Дмитриеве поместье в пурецкой волости чюдеса и исцеления многие годы»<sup>34</sup>. Очевидно, что почитание святого было в этих краях еще задолго до его канонизации. Кстати, предки Д.М. Пожарского участвовали в Казанской компании Ивана Грозного и служили в Свияжске и Казани в 1560-е годы<sup>35</sup>. Встречи нижегородских князей Пожарских с Иваном Выродковым были вполне возможны, так же как и их знакомство с историей исцеления в Макарьевской обители у гроба нижегородского уроженца.

Таким образом, для XVI века и самых первых лет XVII века определяется несколько храмов, посвященных Макарию, довольно-таки значительное число церквей, где, несомненно, были образы преподобного, а также круг лиц, которые могли иметь его иконы. Безусловно, бытовали и книги с Житием и Службой святому, хотя выявлены всего две рукописи доканонизационного периода. Уже до общероссийского прославления география почитания преподобного была широка, чему трудно найти аналогии, хотя сам факт длительного существования местного культа святого, как уже отмечалось, до официальной канонизации нередок<sup>36</sup>.

К 1619 году закончилась Смута, к власти пришла новая царская династия. Как это бывало и раньше, ключевые моменты Смутного времени были отражены в посвящениях храмов, возводившихся вскоре после его окончания<sup>37</sup>.

Нижегородско-костромской культ преп. Макария Желтоводского и Унженского приобрел после Смуты исключительную важность. Из местнотимого подвижника преп. Макарий стал одним из особо чтимых Царской фамилией святых. Это была первая канонизация новой династии; был создан еще один поистине царский культ, внимание к которому исходило, прежде всего, от самого Патриарха.

Во время пребывания в польском плену Филарета Никитича юным Михаилом был дан обет о паломничестве в Унженскую обитель к чудотворцу, где, согласно преданию, он побывал с матерью во время Смуты. Спасение от плена Филарета

Никитича во многом связывалась именно с помощью преп. Макария. В конце лета 1619 года молодой царь отправляется в паломничество к русским святыням<sup>38</sup>. Как раз во время этого паломничества преп. Макарий был причислен Русской Церковью к лику святых. Письма патриарха Филарета служат главным документом, свидетельствующим о времени общерусской канонизации преподобного: «...по нашему общему духовному совету о Святем Дусе, проповедати дела Божия преславно есть, и угоднику его, преподобному отцу Макарию, честь воздаяти такожь, якожь и прочимъ святымъ преподобнымъ отцемъ»<sup>39</sup>. Таким образом, незадолго до 3 сентября – дня отправки процитированного письма – произошла канонизация святого («общий духовный совет о Святем Дусе»). В письме от 3 сентября 1619 года Патриарх рассказывает об освидетельствовании исцеленных унженским святым, которых насчитывается семьдесят четыре человека.

Официальная канонизация святого в 1619 году стала мощным стимулом к дальнейшему развитию его культа.

После посещения Унженского монастыря царем Михаилом Феодоровичем положение монастыря меняется. Неопубликованная опись 1624 года, содержащая исключительно интересную информацию, позволяет реконструировать убранство храмов обители, гробницы ее основателя, иконографию ранних икон преподобного через пять лет после канонизации, а также увидеть разительные перемены в благосостоянии монастыря, и, главное, явные знаки резко возросшей популярности святого<sup>40</sup>.

При игумене Зосиме в 1614 году над гробом чудотворца был построен новый деревянный холодный храм с приделами во имя Благовещения и свв. Бориса и Глеба. В новом Макарьевском храме икон преподобного стало больше, чем в 1613 году, но указания на характер фона отсутствуют: все иконы покрыты окладами. В храме в это время уже семь разнообразных по композиции икон основателя. В местном ряду образ Макария со многими прикладами, в том числе с двумя иконками под хрусталем<sup>41</sup>. Такого рода предметы, как правило, заказные и очень дорогие, появляются в XIV веке<sup>42</sup>. Если в описи 1613 года было указано, что местной иконой храма была житийная, то эта опись заставляет предположить, что в это время местный образ был без житийного цикла.

Главным сокровищем монастыря, его сакральным центром была цельбоносная рака преп. Макария, изливающая «велия чюдеса». К ней стекались паломники и приносились благодарственные дары, около нее возносились молитвы жаждущих исцеления. Устройству и украшению реликвий традиционно придавалось большое значение. Новый храм игумена Зосимы соответствовал этим задачам.

У гроба в киоте помещены крупные («семи пядей») «местные» образа. Среди них «Троица Живоначальная, а к ней молящеся пр(епо)добный Макарий Желтоводский да пр(епо)добный Макарий Египтянин». Скорее всего, на этой иконе были представлены двое соименных святых в молении «Троице Ветхозаветной», помещенной над ними в небесном сегменте. Подобные изображения нередки в патро-

нальных образах, они характерны и для надгробных икон<sup>43</sup>. Известно, что 19 января, на день преп. Макария Египетского, в Солигаличе проходили торжественные все-народные празднования Макарию Унженскому в память чуда 1532 года, состоявшегося 19 января<sup>44</sup>, а в одном из толковых иконописных подлинников даже память преподобного указывается на 19 января, на день памяти Макария Египетского, а не на 25 июля<sup>45</sup>.

Эта икона обложена серебряной басмой, украшена семью венцами разного размера, серебряной цатой. Часть прикладов (20 цат золоченых и 42 золотых) хранилась на подушечке около образа. Далее идет перечисление огромного количества прикладов – крестов, в том числе с мощами, колец, цат, монет<sup>46</sup>. Денежные приклады – это 400 серебряных золоченых копейки, пять московок серебряных золоченых и др. Позолоченные монеты традиционно являлись предметом украшения икон<sup>47</sup>. Многие из них попали к своим первым владельцам как войсковые награды<sup>48</sup>, а затем были вложены в монастырь. Среди перечисленных в описи монет есть очень редкая – так называемый «корабельный»<sup>49</sup>. Это английская золотая монета большого веса, на которой с одной стороны изображен корабль. На Руси они нередко служили наградами высшему командному составу за воинские победы, использовались в качестве денежных даров<sup>50</sup>. Отдельно описан значительно меньший приклад к образу преп. Макария Египетского, изображенного на этой же иконе<sup>51</sup>.

В описи упомянут один «старый образ» Макария с серебряным басменным окладом, с серебряным резным золоченым венцом, с серебряной басменной золоченой цатой, украшенной камнями. У образа множество привесов в виде цат, монет разного достоинства, крестов.

О «гробовой» иконе преподобного написано: «Да на раке чудотворца образ чудотворца Макария обложен серебром, басмен, с трубами, венец серебрян сканой золочен, подпись серебряная резная, над нимъ Троица во облацех, венцы сканные, золочены»<sup>52</sup>. У иконы не много прикладов, что заставляет предположить, что это новый образ.

В ризнице храма в 1624 году находилось три покров, но нет указания на лицевой покров.

В одном из приделов («у чудотворца Макария в пределах вверху») в деисусе, перенесенном из старого храма в новый, есть новописанные иконы, среди которых «Успение Богородицы с преп. Макарием» «на краске». Мы видим, что после официальной канонизации, иконы Макария стали включаться в деисусные чины<sup>53</sup>. Это самое раннее упоминание деисусного образа святого в источниках и свидетельство его высокого положения в местном пантеоне – преподобный включается в один ряд с великими вселенскими святыми, выступает как сугубый молитвенник за унженскую братию и за всех обращающихся к нему.

В Троицком храме в 1624 году сохраняется старый образ Макария, но к нему были сделаны новые приклады, среди которых «цата серебряна резная золочена, а в ней два камени, на середине Макарей чудотворецъ резной»<sup>54</sup>. Скорее всего, это

образ, выгравированный на серебряной цате. В монастыре имелись иконы с изображением преподобного и в других храмах. Иконографический состав этих икон отражал посвящение монастырских престолов.

В первые годы после канонизации по всей России начинают строиться храмы, посвященные Макарию Желтоводскому и Унженскому. Уже в 1618–1619 годах в самом центре Москвы в Чертолье возводится такой храм<sup>55</sup>. В Ярославле в 1620–1621 годах строится первая посадская каменная церковь – храм Николы Надеина с приделом преп. Макария Унженского. Примерно в это же время в Костроме возводится церковь Успения близ Волги с приделом «Макарья Желтовоцкого Унженского чудотворца»<sup>56</sup>. При поддержке Михаила Феодоровича возобновляется Желтоводский монастырь (1620 год). В Пурехе князь Дмитрий Пожарский строит монастырь, в соборе которого были приделы Макария Желтоводского и Евфимия Суздальского<sup>57</sup>.

Имя Макария Желтоводского было включено в Чиновник Московского Успенского собора под 25 июля в числе небольшого числа наиболее чтимых русских святых с указанием на торжественную службу<sup>58</sup>. В 1636–1639 годах имя Макария в Чиновнике еще есть<sup>59</sup>, позднее его имя выводится оттуда<sup>60</sup>. Скорее всего, уменьшение количества святых происходит в 1656 году. В Служебнике этого года русских святых стало в половину меньше, чем в Служебнике 1655 года<sup>61</sup>.

В июльской Служебной минее, впервые изданной Московским Печатным Двором в 1629 году, уже есть Служба преп. Макарию, текст которой явно прошел редактирование и отличается от древнего. Показательно, что в каноне первоначальной службы преп. Макарий воспевается как «галичестей стране похвала и утверждение»<sup>62</sup>, а в новой редакции святой становится защитником «всей земли российской».

В 1630-е годы почитание преп. Макария распространяется в Каргополье, где он никогда не был, но становится одним из наиболее популярных местных святых. Центром макарьевского культа на Севере была Хергозерская пустынь, основанная в 1630-е годы – период служения на новгородской кафедре митрополита Афонии (1635–1648 гг.), давшего благословение на строительство. Пустынь стала местом хранения чудотворной иконы преп. Макария, что и определило характер местного почитания святого и жизнь обители на многие годы. В данном случае именно образ, принесенный на Хергозеро и прославившийся там как чудотворный, стал «субъектом» формирования культа, получавшего от иконы импульсы к развитию. Несколько позднее это нашло свое отражение в «Сказании о чудесехъ чудотворного образа преп. Макария Желтоводского и Унженского чудотворца иже есть в Каргопольских пределах в Хергозерской пустыни обретающихся», относящемся к 1660-м годам или несколько более позднему времени<sup>63</sup> и впервые опубликованном местным краеведом К.А. Докучаевым-Басковым в 1902 году. Текст «Сказания» не совсем ясно говорит о происхождении чудотворного образа. О создании некоего образа преп. Макария рассказывается в первом чуде «Сказания» 1633 года. В соответствии с ним священнику Троицкой Каргопольской церкви Герасиму было «сонное видение», во



время которого ошевенский игумен благословил его на заказ иконы преп. Макария для своего монастыря. Образ, написанный каргопольскими иконописцами, перенесли в обитель, поставили в церковь преп. Александра Ошевенского, где сразу от иконы начались чудеса. Дальнейший рассказ посвящен хергозерской иконе. О чудотворной монастырской иконе в «Сказании» больше не говорится. Отсюда напрашивается вывод, что отцы-основатели пришли на Хергозеро из Ошевенского монастыря с ошевенской иконой святого, ставшей со временем одной из наиболее чтимых местных святынь в Каргополье. Иная интерпретация «Сказания» предложена А.В. Пигиным<sup>64</sup>. Народные представления отразились в версии о том, что икона была явлена<sup>65</sup>.

Описание чудотворного образа в «Сказании» отсутствует, но благодаря публикации священника Хергозерского прихода Алексея Кипреева, посвященной иконе, мы можем отчасти реконструировать иконографию каргопольской святыни<sup>66</sup>. Икона имела размеры 97,4 × 71 см. Небольшой средник, размером 30,8×26,4, вынимался (как пишет автор – «снимался»). В среднике был изображен преп. Макарий в храме «в молении о народе». На раме были клейма с житием преподобного: 1) «Рождество»; 2) «Обмен риз и поступление в монастырь»; 3) «Обретение отцом Иоанном сына своего преп. Макария в монастыре и целование его руки»; 4) «Уход на Желтое озеро и созидание там церкви, собиране братии»; 5) «Нападение варваров на Желтоводский монастырь и пленение преп. Макария»; 6) «Воевода варварский отпускает преп. Макария, похороны убиенных»; 7) «Уход на Унжу, обретение лося во время поста»; 8) «Обретение лося на день апостолов Петра и Павла»; 9) «Преп. Макарий ставит крест на Унже-реке»; 10) «Преставление преп. Макария»; 11) «Перенесение тела преподобного из г. Унжи в пустынь». Эта икона находилась во Введенской церкви, а в Троицком храме была аналогичная, но более поздняя, по мнению о. Алексия, чем во Введенском, икона.

Описание средника иконы, сделанное о. Алексеем (Кипреевым), кратко и совсем не ясно. Исходя из распространенных в это время вариантов изображений русских святых, на чудотворной иконе преп. Макарий, скорее всего, был представлен в молении, возможно, «Троице Ветхозаветной», на фоне храма. Так, на иконе Нила Столобенского XIX века преподобный изображен молящимся Спасителю в небесном сегменте. Монастырь на фоне написан компактно, как единый объем, и создает впечатление храма<sup>67</sup>.

Надо думать, что первоначально, как в других подобных случаях (иконы «Свт. Никола Великорецкий», «Богоматерь Курская Коренная» и другие), рамы с житием не было. Обычно рама появляется, когда икона широко прославилась. Важно, что структура чудотворного хергозерского образа (средник и рама с клеймами) воспроизводилась в иконах региона.

Исключительная популярность святого, а также житие преп. Макария, не слишком богатое информацией, со временем вызвали к жизни немало легенд, в XIX веке прочно вошедших в церковную и краеведческую литературу.

В одной из поздних редакций жития преп. Макария имеется сообщение, что он знал преп. Григория Пельшемского, постриг его в иноческий чин, имея уже к тому времени игуменский, был его наставником. Скорее всего, это не соответствует действительности. В древнейшей редакции Жития преп. Макария этот сюжет отсутствует, а появляется только в редакциях второй половины XVII века под влиянием жития Григория. Преп. Григорий был современником Макария. Места его служения были в Ростовской епархии. В 1426 году он основал на реке Пельшме общежительный во имя Собора Богоматери монастырь, где и прожил до своей смерти<sup>68</sup>. Григорий Пельшемский почитался учеником преп. Дионисия Глушицкого. Житие святого, составленное в конце XV – начале XVI века, имело несколько редакций<sup>69</sup> и сохранилось в немалом числе списков. Оно частично исследовано<sup>70</sup>. В тексте «редакции сборников»<sup>71</sup>, сохранившем немало конкретных сведений, юноша принял постриг в Богородицком монастыре в «Галицкой державе» близ озера. Позднее, там же, принял Григорий и священнический сан. В более поздней редакции жития Богородицкая обитель у озера в «Галицкой державе» превращается в Троицкий монастырь у Желтоводского озера, очень далеко отстоящий от Галича, а непоименованный архимандрит становится преп. Макарием. Возможно, что некоторые параллели в житиях Макария и Григория связали этих двух подвижников в представлениях древнерусских монастырских книжников, вследствие чего и были внесены дополнения в их жития. Одна из редакций жития Григория получила наименование «минейной», так как встречается, помимо, Великих Четых Миней, во многих минейных сборниках<sup>72</sup>. Знаменательно, что еще не причисленный к лику святых Макарий представлен в этой официальной редакции как опытный духовный наставник будущего святого (преп. Григорий канонизирован в 1549 году).

К одной из поздних легенд относится предание, что преп. Макарий был знаком и с преп. Тихоном Лухским<sup>73</sup>. Это явный исторический анахронизм, так как годы жизни преп. Тихона Лухского исключают подобную возможность – преп. Тихон приехал в Россию из Литвы вместе с правнуком Ольгерда князем Ф.И. Бельским лишь в 1482 году. Скончался преп. Тихон в 1503 году<sup>74</sup>.

Еще несколько легенд возникло в связи с основанием некоторых обителей в нижегородских и костромских землях. Так, преп. Макарию приписывалось основание близ Решмы Юрьевецкого уезда церкви во имя Богоявления Господня<sup>75</sup>, а также монастыря «Макарий Пурех» в Балахнинском уезде на Волге и Макарьевой Свяжской подгородней пустыни. Оба монастыря возникли значительно позднее, в XVII веке<sup>76</sup>.

### Примечания

<sup>1</sup>Ключевский В.О. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1982. С. 324; Словарь книжников и книжности Древней Руси: Вторая половина XIV–XVI в. Л., 1988. Вып. 2. Ч. 1: А–К. С. 291–293 (статья Н.В. Поньрко).

<sup>2</sup>Списки жития преп. Макария из РГБ (Ф. 310, № 332, 333) датируются

XVI–XVII вв. Рукопись Ф. 310, № 332 можно датировать (по филиграням) последней третью XVI в.; № 333 (по филиграням) относится к концу XVI – началу XVII в.

<sup>3</sup>Словарь книжников и книжности Древней Руси: Вторая половина XIV–XVI в. Л., 1988. Вып. 2. Ч. 1: А–К. С. 292. Далее – Словарь книжников. 1988.

<sup>4</sup>Ерофеев Д.Р. Редакции жития Макария Желтоводского и Унженского // *Опыты по источниковедению. Древнерусская книжность*. СПб., 2001. Вып. 4. С. 60–61.

<sup>5</sup>ИРЛИ. Древлехранилище. Кол. Евсева. № 1; РГАДА. Ф. 188. Оп. 1. № 1184; РНБ Общество любителей древней письменности. Q 516.

<sup>6</sup>РГБ. Отдел рукописей. Ф. 304, 332. Л. 41 об.

<sup>7</sup>Там же. Л. 40 об.

<sup>8</sup>Федор Супонев служит в 1528–1529 гг. в Чухломе (с. 207, 213), в 1537 и 1540 гг. в Галиче (с. 270, 282). См.: *Разрядные книги 1977*. Т. 1. Ч. 2. С. 207, 213, 270, 282.

<sup>9</sup>РГБ. Отдел рукописей. Ф. 304. 332. Л. 49 об.

<sup>10</sup>Голубинский Е.Е. История канонизации русских святых в Русской церкви. Изд. 2-е. М., 1903. С. 274. Известно, что нередко, в первые годы после смерти, порой задолго до канонизации, на гробах чтимых подвижников ставились их иконы, а агиографические сочинения и богослужебные тексты создавались позднее (Баканова Е. Реликвии у истоков культа святых / ред.-сост. А.М. Лидов // *Восточно-христианские реликвии*. М., 2003. С. 33). Хотя бывало, что у раков уже прославленных святых не было их изображений. У гробниц преп. Саввы Крыпецкого в 1584–1587 гг., преп. Ферапонта Можайского в Лужецком монастыре в 1596–1598 гг., свт. Иоанна Новгородского и кн. Владимира Ярославича в 1617 г. не было икон. См.: Мельник А.Г. Гробница святого в пространстве русского храма / ред.-сост. А.М. Лидов // *Восточно-христианские реликвии*. М., 2003. С. 544.

<sup>11</sup>См.: *Разрядные книги*. 1977. Т. 1. Ч. 3. С. 349, 397, 400. В 1554 г. дьяк Иван Выродков служит в Астрахани, затем идет в литовский поход «с ногайскими людьми». В 1567 г. он ставит город «на Наровском устье у моря» (Ч. 3. С. 66).

<sup>12</sup>*Разрядные книги*. 1977. Т. 1. Ч. 2. С. 286, 511.

<sup>13</sup>Херсонский И.К. *Летопись Макариева Унженского монастыря Костромской епархии*. Кострома, 1888. Вып. 1. С. 5–6. По описи монастыря 1613 г. приделы Флора и Лавра и Макария находились при Троицком храме, который во вкладной записи не упомянут, но, возможно, в тот год он был закрыт (требовал ремонта?). В 1601 г., по разрешению патриарха Иова, при строителе Давиде Хвостове в монастыре возводится новый теплый Троицкий храм.

<sup>14</sup>Государственный архив Костромской области (далее ГАКО). Ф. 1486. Оп. 1. Ч. 1. Ед. хр. 9. Опись не опубликована.

<sup>15</sup>Там же. Л. 233.

<sup>16</sup>Об убранстве Унженского монастыря по описям 1613 и 1624 гг. см.: Тарасенко Л.П. Реконструкция убранства храмов Макарьево-Унженского монастыря по древнейшим описям обители // *Светочъ. Альманах*. Кострома, 2008. Выпуск 3. С. 83–89.

<sup>17</sup>ГАКО. Ф. 1486. Оп. 1. Ч. 1. Ед. хр. 9. Л. 233 об.

<sup>18</sup>Мельник А.Г. Гробница святого в пространстве русского храма / ред.-сост. А.М. Лидов // *Восточно-христианские реликвии*. М. 2003. С. 536–538.

<sup>19</sup>ГАКО. Ф. 1486. Оп. 1. Ч. 1. Ед. хр. 9. Л. 234.

<sup>20</sup>Там же.

<sup>21</sup>Покров – один из важнейших элементов убранства гробницы. См.: Самойлова Т.Е. Священное пространство княжеского гроба в Древней Руси // *Иеротопия. Исследование сакральных пространств*. М., 2004. С. 147–148; Маясова Н.А. Образ преподобного Сергия Радонежского в древнерусском шитье (К вопросу об иконографии) // *Древнерусское искусство. Сергей Радонежский и художественная культура Москвы XIV–XV вв.* СПб., 1998. С. 40–53.

<sup>22</sup>«Пелена камка таусинная (лиловая. – Л.Т.), а на ней вышит образ преподобного чудотворца Макария, а венец шит золотом, а кругом венца веревочка жемчужная, а по краям камка голубая, шит тропарь серебром» ГАКО. Ф. 1486. Оп. 1. Ч. 1. Ед. хр. 9. Л. 235.

<sup>23</sup>ГАКО. Ф. 1486. Оп. 1. Ч. 1. Ед. хр. 9. Л. 238 об.

<sup>24</sup>Андрей Клешнин, принявший постриг с именем Левкия, умер в 1599 г. будучи монахом Пафнутьево-Боровского монастыря.

<sup>25</sup>Строев П.М. *Списки иерархов и настоятелей монастырей российской церкви*. СПб., 1877. С. 610.

<sup>26</sup>Письма русских государей и других особ царского семейства, изданные Археологическою комиссиею. Т. I. М., 1848. С. 28.

<sup>27</sup>Ср.: *Словарь книжников*. 1988. Вып. 2. Ч. 1. С. 291.

<sup>28</sup>В Галиче, после разорения Лисовским, когда был сожжен Спасо-Преображенский собор, строится новый собор, где были приделы преп. Макария, а так же Михаила Малеина. См.: Беляев И. *Статистическое описание соборов и церквей Костромской епархии*. СПб., 1863. С. 67. В церкви Космы и Дамиана аналогичный придел зафиксирован уже в начале XVII в. См.: Крживоблоцкий. *Материалы для географии и статистики Костромской губернии*. СПб., 1861. С. 8.

<sup>29</sup>Зверинский В.В. *Монастыри, закрытые до царствования императрицы Екатерины II*. СПб., 1897. С. 91. № 1727.

<sup>30</sup>Государственный архив Новгородской области (далее ГАНО). Ф. 2636. Оп. 2. № 1. Л. 66.

<sup>31</sup>Макарий, архим. *Памятники церковных древностей*. Нижегородская губерния. СПб., 1857. С. 103.

<sup>32</sup>Там же. С. 96–97.

<sup>33</sup>Село Пурех называлось уже в начале XVII в. Макарьевскою полуслободкою, из чего можно предположить, что здесь ранее была Макарьевская церковь.

<sup>34</sup>Письма русских государей и других особ царского семейства, изданные Археологическою комиссиею. Т. I. М., 1848. С. 27.

<sup>35</sup>Антонов В.А. *Разрядная книга XVII века в Историческом музее г. Владимира*

// Материалы исследований. Владимир, 2003. С. 18–19.

<sup>36</sup>Благоверный князь Александр Невский стал почитаться практически сразу после смерти; но канонизирован к общерусскому почитанию был в середине XVI в. Преп. Авраамий Галичский скончался в 1375 г. Как предполагает Е. Голубинский, ему стали праздновать в 1553 г., тогда же стали писать и его иконы. Общецерковная канонизация – 1619 г. Преп. Александр Ошевенский (ум. 1479 г.) начал почитаться в монастыре сразу после смерти, вскоре после кончины было написано житие и созданы иконы. Между 1576 и 1581 гг. было установлено местное празднование, тогда же составлена служба.

<sup>37</sup>Тарабарина Ю.В. Победа над королевичем Владиславом 1 октября 1618 г. и мемориальное храмостроительство 1620-х гг. // Сакральная топография средневекового города: Известия Института христианской культуры и средневековья. М., 1998. Т. 1. С. 100.

<sup>38</sup>ПСРЛ. М. 1965. Т. 14. С. 89.

<sup>39</sup>Письма русских государей и других особ царского семейства, изданные Археологической комиссией. Т. I. М. 1848. С. 28.

<sup>40</sup>ГАКО. Ф. 1486. Оп. 1. Ч. 1. Ед. хр. 8. Л. 201–221. Описание не опубликовано.

<sup>41</sup>ГАКО. Ф. 1486. Оп. 1. Ч. 1. Ед. хр. 8. Л. 206–206 об.

<sup>42</sup>Рындина А.В. Классифицирующие тенденции в Московском ювелирном искусстве последней четверти XVI – первых десятилетий XVII в. // Русское искусство позднего Средневековья. Образ и смысл / отв. ред. А.Л. Баталов. М., 1993. С. 158–160.

<sup>43</sup>Сорокатый В.М. Некоторые надгробные иконостасы Архангельского собора Московского Кремля // Древнерусское искусство. Проблемы и атрибуции. М., 1977. С. 413–415.

<sup>44</sup>Исторические сведения, относящиеся к истории города Солигалича // Московитянин. 1842. Ч. II. № 3. С. 262.

<sup>45</sup>В Подлиннике из коллекции Бобкова (ИРЛИ) указан день празднования не 25 июля (представление преп. Макария Желтоводского и Унженского), а 19 января.

<sup>46</sup>ГАКО. Ф. 1486. Оп. 1. Ч. 1. Ед. хр. 8. Л. 209–210.

<sup>47</sup>Ширяков И.В. Монеты-привески к иконам в храмах допетровской Руси // Нумизматика. Научно-популярный журнал. М., 2003. № 2. С. 12–19; Глазунова Е.В., Ширяков И.В. Русские монеты XIV–XV вв. с признаками внеэкономического использования (по материалам собрания ГИМ) // Нумизматический сборник. М., 2008. Т. XVIII. С. 124.

<sup>48</sup>Спасский И.Г. Монетное и монетовидное золото в Московском государстве и первые золотые Ивана III // Вспомогательные исторические дисциплины. Т. VIII. Л., 1979. С. 124.

<sup>49</sup>Приношу благодарность заведующему Отделом нумизматики ГИМ И.В. Ширякову, обратившему мое внимание на эту монету.

<sup>50</sup>Потин В.М. Корабельники на Руси // Нумизматика и эпиграфика. Т. VIII. М.,

1970. С. 105.

<sup>51</sup>ГАКО. Ф. 1486. Оп. 1. Ч. 1. Ед. хр. 8. Л. 210 об.

<sup>52</sup>ГАКО. Ф. 1486. Оп. 1. Ч. 1. Ед. хр. 8. Л. 211.

<sup>53</sup>ГАКО. Ф. 1486. Оп. 1. Ч. 1. Ед. хр. 8. Л. 219.

<sup>54</sup>ГАКО. Ф. 1486. Оп. 1. Ч. 1. Ед. хр. 8. Л. 211.

<sup>55</sup>Павлович Г.А. Храмы средневековой Москвы по записям ладанных книг (опыт справочника-указателя) // Сакральная топография Средневекового города. Известия Института христианской культуры средневековья. М., 1998. Т. 1. С. 165.

<sup>56</sup>Писцовая книга г. Костромы 1627/28–1629/30 гг. сост. Ковалева Л.А., Кивокурцева О.Ю., Кострома, 2004. С. 281.

<sup>57</sup>ЖМВД. 1831. № 4–6. Ч. V. С. 165–171.

<sup>58</sup>Голубцов А.П. Чиновники Московского Успенского собора и выходы патриарха Никона. М., 1908. С. 66.

<sup>59</sup>Голубинский Е.Е. История канонизации русских святых в Русской церкви. Изд. 2-е. М., 1903. С. 422.

<sup>60</sup>Там же. С. 423.

<sup>61</sup>Там же. С. 426.

<sup>62</sup>ОР РНБ. Колобов. Ф. 359. № 294. Сборник житий, слов, поучений. Первая треть XVII в. Л. 9 об.

<sup>63</sup>Тарасенко Л.П. «Сказание о чудесех чудотворного образа преп. Макария Желтоводского и Унженского в Хергозерской пустыни обретаемой» // Искусство Древней Руси и Византии. М., 2002. С. 86; Пигин А.В. Материалы к истории Макарьевской Хергозерской пустыни в Каргопольском уезде // Кенозерские чтения. Архангельск, 2004. С. 268.

<sup>64</sup>Пигин А.В. Материалы к истории Макарьевской Хергозерской пустыни в Каргопольском уезде // Кенозерские чтения. Архангельск, 2004. С. 268.

<sup>65</sup>Мелехова Г.Н., Носова В.В. Традиционный уклад Лекшмозерья. М., 1994. Ч. II. С. 123.

<sup>66</sup>Кипреев А., свящ. Чудотворная икона Преподобного Отца нашего Макария Унженского и Желтоводского чудотворца, находящаяся в Хергозерском приходе Каргопольского уезда // Олонецкие Епархиальные ведомости. № 33. 1910. С. 687–689.

<sup>67</sup>Икона «Преп. Нил Столобенский». Середина XIX в. ГРМ. ДРЖ. Б-472. Опубликована: Русские монастыри 1997. С. 149.

<sup>68</sup>В разных изданиях указаны разные годы смерти святого.

<sup>69</sup>Словарь книжников. М., 1988. Вып. 2. Ч. 1. С. 254–257.

<sup>70</sup>Жития Димитрия Прилуцкого, Дионисия Глушицкого и Григория Пельшемского / под ред. А.С. Герда, сост.: Азарова И.В., Алексеева Е.А., Захарова Л.А., Лемешев К.Н. СПб., 2003. Исследование: С. 48–68; текст: С. 149–180. (Далее: Жития 2003).

<sup>71</sup>Жития 2003. С. 51.

<sup>72</sup>Жития 2003. С. 50.

<sup>73</sup>В 1569 г. были обретены мощи преп. Тихона Лухского, канонизация святого относится к 1570 г. См.: Илинский 1898. С. 18.

<sup>74</sup>Описание Николаевского Луховского Костромской епархии третьеклассного мужского монастыря, составленное из подлинных монастырских бумаг в 1836 г. М., 1836. С. 1–3. Годы смерти преп. Тихона Лухского и обретения мощей в различных изданиях разные. Так, в “Словаре историческом о русских ... святых” (репринт. изд.: М., 1991. С. 229) приводятся следующие данные: год смерти – 1492, обретения мощей – 1565.

<sup>75</sup>Макарий, иеромонах. Сказание о жизни и чудесах преподобного Макария Желтоводского и Унженского чудотворца. М., 1851. С. 29.

<sup>76</sup>Денисов Л.И. Православные монастыри Российской империи. М., 1908. С. 246–247.

Д.В. Тормосов  
(г. Каргополь)

### Водораздельный ландшафт как историко-географическая составляющая территории Каргополя

Опыт работы по сохранению историко-культурного наследия был приобретен автором статьи в начале 2000 годов, в период работы в Кенозерском национальном парке. Я был участником нескольких проектов по сохранению наследия и управлению культурными ландшафтами, в том числе, в рамках Российско-Норвежского сотрудничества. Параллельно занимался изучением традиционной системы сельского расселения Кенозерья и Лекшмозерья, научными исследованиями в области исторической географии территорий Каргополя и Онежского Поморья – двух составных частей Поонежья. Уже в то время вопрос комплексного сохранения культурного наследия был одним из самых актуальных. В Кенозерском национальном парке данный аспект определяет сама территория – реликтовый культурный ландшафт, специфическая локальная традиция, выраженная в укладе жизни людей, наследии из сплава нескольких культур – славянской и финноугорской. Разнообразие, уникальность расположения и пространственного взаимодействия сохранившихся объектов – часовен, «святых рощ», поклонных крестов, церквей и объектов традиционной гражданской застройки, инженерных и гидротехнических сооружений, сакральных мест, диктовало особое отношение, где исключительно важен был комплексный подход к сохранению и поддержанию различных составляющих культурного и природного наследия. Посетители Парка нередко задавали вопрос: «Кенозерье и Лекшмозерье находятся на территории двух разных административных районов и по-своему уникальны. Почему две разные территории объединены и охраняются в целом, как национальный парк»? Ответ напрашивался следующий – это единая территория. Кенозерье и Лекшмозерье имеют общую историко-географическую специфику. По-сути – это единый уникальный район в составе исторического Каргополя, реликтовый культурный ландшафт Озерного края.

Вопрос более широкого «историко-географического единства» встал естественным образом, когда в Каргопольском, Плесецком, Няндомском и Коношском районах стали организовываться общественные музеи, что явилось показателем интереса местных жителей к своим историческим корням. Работая с информацией по системе сельского расселения разных «микрорегионов» Каргополя, я всегда упоминал о том, что данная небольшая территория – его составная часть. Воспринималось это по-разному. Однажды столкнулся с замечанием: «Какого такого Каргополя? Нам исследователь из Москвы сказал, что именно наш маленький уголок – родоначальник традиционной культуры Русского Севера, собранные у нас пояски, кокошники, прялки являются образцом для других территорий». Возразить было нечего. Оставалось

© Тормосов Д.В., 2012

поприветствовать патриотизм. Но я всерьез задумался, имеет ли смысл вообще говорить об «историко-географическом единстве» отдельных регионов Севера и их составных частей? Необходимость этого стала более ощутимой, когда появились новые названия муниципальных образований, далекие от исторической логики, утратился статус сельских советов и видоизменились наименования их территорий в связи с административным укрупнением. Зная, по примерам, что даже через десяток лет после административных изменений полностью забываются многие исторические названия, уходят люди, меняется ландшафт, утрачиваются традиции – проблема сохранения и интерпретации комплексных сведений об историческом регионе становится особо актуальной. Таким образом, возникла необходимость определить новый «угол зрения» на малый исторический регион.

Источников периода, когда формировалась сеть поселений и структура их взаимодействия на Русском Севере (XI–XIV вв.), выявлено недостаточно. Историография этого периода дает лишь приблизительную географическую картину исторического процесса. По настоящее время наиболее конкретные материальные свидетельства об историческом периоде рубежа I и II тыс. предоставляет археологическая наука. Существенную роль играют результаты археологических исследований средневековых памятников, проведенные в конце XX века под руководством Н.А. Макарова (Институт археологии РАН, Москва). Многие, ранее известные данные письменных источников, историко-этнографические и топонимические исследовательские данные были территориально привязаны, возникла цельная картина географии древнерусской колонизации на Севере. В ходе своих исследований, в том числе он сказал следующее: *«В качестве некоторой альтернативы... можно рассматривать то направление, которое ориентировано на изучение истории заселения Севера, и сравнительную характеристику культуры отдельных областей и может быть условно названо историко-географическим или культурно-географическим»*<sup>1</sup>. Я попытаюсь действовать в этом направлении для выявления некоторых специфических особенностей исторического региона Каргополья и его составляющих.

Каргополье – район водоразделов. Через него проходит географическая граница Балтийского кристаллического щита и Русской платформы. Гранитно-моренные гряды и скалистые кряжи соседствуют здесь с карсто-известняковыми плато, озерные и болотные системы находятся в непосредственной близости к практически безводным территориям, имеющим, однако, большой ресурс для земледельческого использования. Здесь расположен Великий Андомский водораздел по названию одноименной возвышенности, далее назовем его условно «Большой водораздел» (ил. 1, зона 1). Именно здесь, три основных российских водораздела сходятся в одной уникальной географической точке, условно называемой Атлека<sup>2</sup>, находящейся в 70 км к западу от Каргополя. Она – одна из трех в мире, и единственная в России точка разделения трех водных систем уровня океанов – Атлантического, Северного Ледовитого и Каспийской внутриконтинентальной морской системы. Это одно-

временно район водораздела трех морских систем – Беломорской, Балтийской и Волго-Каспийской. Беломоро-Балтийский участок Большого водораздела (далее Беломоро-Балтийский водораздел) совпадает с западной границей Поонежья, и проходит параллельно течению реки Онеги условно в направлении юг-север. Он совпадает с современной административной границей Архангельской области и Республики Карелия. Беломоро-Каспийский участок водораздела проходит в направлении север – юго-восток и разделяет бассейны озер Воже и Лаче с бассейном Белого озера. В части бассейна озер Лаче и Воже он совпадает с границей Архангельской и Вологодской областей. Балто-Каспийский участок водораздела проходит в направлении восток – юго-запад. И в своей восточной части совпадает с границей Карелии и Вологодской области. Участок разделяет бассейны Белого и Онежского озер. Большие водоразделы более низкого уровня (ил. 1, зона 2) – между бассейнами крупных рек одной морской системы. На Каргополье это водоразделы бассейнов Онеги и Северной Двины, Онеги и Сухоны. В среднем течении Онегу перпендикулярно пересекает скалистый кряж Ветряной пояс (ил. 1, зона 3). Этот внутренний, перпендикулярный течению главной реки большой водораздел выделен потому, что формирует географическую зону с особой спецификой в отношении рельефа, ландшафта, болотных и озерных систем, расположения истоков рек. Как пример – расположенный в районе кряжа исток реки Емцы Двинского бассейна, находящийся всего в нескольких километрах от русла Онеги. На схеме выделены малые водоразделы (на схеме обозначены тонкими линиями) между крупными притоками Онеги и бассейнами систем крупных озер для показа характера внутренних ландшафтных зон Каргополья. Крупные водоразделы (ил. 1, зоны 1, 2, 3) в этом географически небольшом регионе находятся в непосредственной близости друг к другу. Их взаиморасположение, единственное в своем роде, создало особые исторические условия формирования системы расселения.

Ранний этап формирования традиционной системы сельского расселения Севера (XI–XIV вв.) обычно называют периодом «заселения и славянской колонизации северных окраин». Не подлежит сомнению мнение Н.А. Макарова, который рассматривает этот период, в частности, как устойчивый процесс взаимодействия различных этнических групп (финно-угорской, скандинавской и славянской) на обширной северной территории. *«...Под колонизацией надо понимать весь комплекс демографических, социальных и этнокультурных изменений, связанных с интеграцией северных окраин в экономическую жизнь и политическую систему Древнерусского государства»*<sup>3</sup>. Этот процесс мог существовать в то время только на устойчивом историко-географическом каркасе с системой расселения постоянного характера и сетью транспортных магистралей того времени – водных путей. Взаимодействие перечисленных этнических групп было выражено в различных формах. Это, прежде всего торговля, промыслы, сбор дани.

Район Большого водораздела играл здесь особую роль. Пересечь водоразделы, несмотря на многочисленность «близкосходящихся» истоков рек и ручьев можно

было только в нескольких географически удобных для этого местах. Ширина и глубина русел рек должна быть достаточна для прохода небольших грузовых судов. Водораздельный участок должен был иметь ровный характер (обычно небольшой болотный массив, или плато). В этих географических точках уже в XI–XIII веках существовали транзитные волоки с удобной, расчищенной дорогой и поселениями на ее концах. Для транспортировки использовалась конная тяга, что ставило охотников-промысловиков, торговцев и сборщиков дани в определенную зависимость от владельцев коней – местных жителей. *«Освоение волоковых микрорегионов в XI–XIII вв., сопровождавшееся расчисткой дорог, устройством постоянных поселений, появление лошадей, коренным образом изменяло условия перевоза, сокращая его время, снижая риск, физическое напряжение и затраты труда»*<sup>4</sup>. Естественно, основных «волоков» транзитного характера с постоянными поселениями на Русском Севере было всего несколько. Из достоверно используемых в Древнерусское время (данные подтверждены результатами археологических исследований), это волоки: Славенский, Ухтомский, Бадожский, Кенский, Емецкий, Мошинский (ил. 2)<sup>5</sup>. Все они располагались в районе Большого водораздела и территорий, непосредственно прилегающих к нему (ил. 3)<sup>6</sup>. Это достаточно небольшая площадь, относительно к общему пространству территории Русского Севера. Именно здесь собрано большинство археологических находок, историко-этнографических материалов, раскрывающих особенности данной территории, и ее различие с другими большей насыщенностью средневековыми древностями. Характеризуя данную картину, Макаров пишет: *«Эти различия, очевидно, указывают на разницу в самом характере заселенности севера и юга Поморья в X–XII вв., отражая не только большую плотность населения на юге, но и его стабильность»*<sup>7</sup>. К северу и северо-востоку от условной линии Кенский волок – Емецкий волок – Мошинский волок была другая картина: *«...характер освоения этих территорий имел особые формы – они использовались главным образом, для временных сезонных промыслов, не предполагавших стабильного заселения»*<sup>8</sup>.

«Водораздельными регионами Русского Севера» можно назвать:

- 1) регион **Белозерья** в Волго-Каспийской части верховий рек Большого водораздела (ил. 3, зона 1);
- 2) регион **Восточного Обонежья** (Вытегра и Пудожская Карелия) в Балтийской части Большого водораздела (ил. 3, зона 2);
- 3) регион **Каргополья** в Беломорской части Большого водораздела (ил. 3, зона 3).

Данные регионы с ранней системой расселения постоянного характера располагаются на землях, лежавших между Древнерусской метрополией и Беломорско-Северодвинским краем (ил. 3). Проживавшее здесь на рубеже I и II тысячелетий население занималось обслуживанием транзитных волоков. Отметим в каждом регионе волоки, которые, как показывают материалы археологических исследований, регулярно использовались в период Древнерусского государства. Добавим к

ним предположительно существовавшие<sup>9</sup> (археологические исследования пока не проводились) в Белозерье и Восточной части бассейна Онежского озера волоки выстраиваются скорее в прямые линии взаимодействия (упускаю слово освоения), образуя в Онежском случае направление запад – восток, а в Белозерском случае – юго-запад – северо-восток. Нетрудно заметить, что только в Каргополье волоки образуют некий условный «круг». Он очерчивает южную половину Поонежья, и замыкает Каргополье со всех сторон «волоковыми» водоразделами. Условно назову это **историко-географическим каркасом Каргополья**.

Каргополье имеет равнинный рельеф и включает в себя Коношско-Няндомскую возвышенность (на востоке), Андомскую возвышенность (на западе), Кенозерские гряды на северо-западе, кряж Ветряной пояс на севере и северо-востоке. Это моренная равнина вытянулась вдоль берегов Верхнего течения реки Онеги, озер Лаче и Воже. Она лежит на высоте, несколько превышающей 100 м над уровнем моря. Гранитно-моренные водораздельные гряды в Каргополье образуют круг, кайму своеобразного «блюдца». Находящиеся по окружности волоковые микрорегионы – «водно-транспортные двери» исторической территории, являются важнейшими узлами формирования сети поселений раннего периода. В центре «блюдца» расположена «Каргопольская сушь» – огромное карсто-известняковое плато с богатыми ресурсами для развития земледелия, несмотря на отсутствие значительных водоемов. Густая ковровая сеть традиционных поселений «Каргопольской суши» с большим количеством деревень; удаленные, «суземные» районы волоковых водоразделов с локальной, но при этом самодостаточной сетью поселений и погостов; водные транспортные магистрали, с возможностью транзита небольших грузовых судов – реки Онега, Кена, Моша, Волошка, Ухта, Вохтомица, Вожега – вот ландшафтный портрет региона Каргополье времени расцвета традиционной системы сельского расселения. Благодаря уникальному географическому положению регион имеет в наличии непосредственное соседство «больших» водоразделов, и многообразие важных гидрографических точек на них (участки бывших транзитных волоков и «волочков» местного значения). Эти точки сыграли важную роль в формировании традиционной системы сельского расселения региона Каргополье в период XII–XIV веков. Замкнутый крупными водоразделами регион оказался своеобразным центром пересечения водных путей транзитного характера на Русском Севере до появления сети сухопутных дорог. Это сыграло свою роль в формировании статуса Каргополя как территориально-географического, административного, торгового и социокультурного центра всей этой территории. К XVI веку Каргополь считается одним из крупных городов Московского государства. Сеть пересечения сухопутных дорог гармонично легла в ходе исторического развития на то же географическое место, что и центр пересечения водных путей – город Каргополь.

Но именно с волоковых микрорегионов начала формироваться ранняя земледельческая сеть поселений Каргополья. От обустроенных «участков преодоления» – нескольких транзитных волоков, зависела возможность нормального передвижения

судов. В непосредственной близости от волоков на берегах крупных водоемов ранее, чем в других местах сформировались важнейшие поселенческие узлы территории – сеть водораздельных приозерных поселений и погостов – волости-сообщества<sup>10</sup>, стабильные территориальные единицы. Волоковые микрорегионы играли роль своеобразных «рубежей», важных узловых участков всей территории исторического региона. Они находились на некотором пространственном удалении от густой сети поселений вокруг Каргополя, и содержали в себе участок крупного водораздела, протяженностью 50–200 км, и транзитный волок. Можно сделать предположение, что до появления сухопутных дорог они играли роль ранних центров организации пространства и постепенного формирования земледельческой системы расселения всего исторического региона по водным путям от транзитных волоков (ил. 4). Уже к XV веку водные пути и транзитные волоки не имели былого значения, постепенно уступая место сухопутным дорогам. Но сеть поселений на водораздельных территориях уже полностью сформировалась, в отличие от поселений Каргопольской суши (XVII в.).

Возникла потребность обозначить эти водораздельные территории (некоторые из которых уже достаточно известны, а другие нет), попытаться понять и определить их структуру, индивидуальные особенности в контексте водоразделов. Все это соответствует общей цели культурно-ландшафтного районирования, проблема которого возникла в ходе исследований. «В основе культурно-ландшафтного районирования лежит выявление наиболее устойчивых пространственно локализованных компонентов культурного ландшафта, определяющих его самые существенные черты»<sup>11</sup>. Это стало логическим продолжением работы по культурно-ландшафтному районированию<sup>12</sup> территории Кенозерского национального Парка в начале 2000-х годов. Тогда на территории Парка были выделены культурно-ландшафтные зоны традиционных волостей-сообществ<sup>13</sup> Кенозерья по территориально-географическому принципу. Был исследован их состав: культурно-ландшафтные комплексы – кусты деревень XIV–XV веков и их пространственная структура. Опыт районирования позволил тогда сделать более эффективным процесс внутреннего управления культурным ландшафтом с большой сохранностью традиционных составляющих. Вопрос о различии ландшафтных зон Кенозерья и Лекшмозерья в ходе исследовательской работы отпал сам собой. Это – общая географическая и историческая территория, стержнем которой является Беломоро-Балтийский водораздел с древним транзитным волоком. Единственным существенным различием между Кенозерской и Лекшмозерской культурно-ландшафтными зонами были наиболее выраженные признаки специфической локальной традиции в культурном ландшафте Кенозерской волости-сообщества, находившейся «в створе» древнего водного пути. Возникла необходимость всерьез говорить о понятии «**водораздельный район**» – территории, имеющей историко-географическую общность составляющих, и возможность рассмотрения других волоковых микрорегионов в контексте этого понятия (ил. 5)<sup>14</sup>.

Выделим в Каргополье водораздельные районы, охватывающие пространство

крупных водоразделов с волоками транзитного характера. Обозначим три подобных территории только у известных на сегодня волоков, достоверно используемых в Древнерусское время (с поселениями постоянного характера). Три волока – **Кенский**, **Емецкий** и **Мошинский** являются достоверно существовавшими в Древнерусский исторический период.

1. **Кенозерский** водораздельный район (ил. 5, зона 1), (Каргопольский озерный край – Кенозерье (**Кенский волок**)).

2. **Пабережский** водораздельный район (ил. 5, зона 2), (Средняя Онега – район кряжа Ветряной пояс и Бирючевских порогов (**Емецкий волок**)).

3. **Мошинский** водораздельный район (ил. 5, зона 3), (южный район бассейна реки Моши (**Мошинский волок**)).

Ниже будет обрисована модель пространственной структуры водораздельного района на примере **Кенозерья** (ил. 6) («Кенозерский водораздельный район»).

#### 1. Естественные структурообразующие элементы.

Главным естественным структурообразующим элементом Кенозерского водораздельного района является Беломоро-Балтийский **водораздел** (участок водораздела протяженностью 180 километров, находящийся по линии юг – север от Атлеки до места пересечения с водоразделом кряжа Ветряной пояс). Водораздел имеет место для возможности устройства транзитного волока (верховья реки Черева и озера Волоцкого в районе водораздела).

Вторым важным элементом является древний «**водно-волоковой путь**» – водный транспортный коридор, водораздельный и речно-озерный участок в створе «водного пути». Перечислю водоемы всей линии водного пути по направлению с запада на восток, выделив жирным шрифтом Кенозерский участок: Онежское озеро – р. Водла – **река Черева – Кенский волок – оз. Волоцкое – р. Волошева – р. Поча – оз. Кенозеро – р. Кена** – р. Онега от устья Кены по двум направлениям – вниз по течению до Емецкого волока, вниз по течению до устья реки Моши и далее вверх по течению Моши до Мошинского волока.

Третьим элементом является крупный водоем, ближайший к транзитному волоку – **озеро Кенозеро** со значительным ресурсом земли для сельскохозяйственного использования.

Менее значимыми элементами являются **многочисленные верховья небольших рек и ручьев, малые озера в створе водораздела и другие озера** с ресурсами сельскохозяйственной **вне линии «водного пути».**

#### 2. Искусственные структурообразующие элементы.

Главным искусственным структурообразующим элементом Кенозерского водораздельного района является **историческое место Кенского волока** с участками двух древних селищ на его концах.

Вторым важным элементом являются сформировавшаяся **главная дорога транзитного характера**, изменившая или частично изменившая в ходе истории транспортное значение «водного пути» - **Пудожский тракт** линии Каргополь – Лядины –

**Лекшмозеро** – Колодозеро – Пудож.

Менее значимыми элементами являются **дороги**, повывисившие свое транзитное значение в результате искусственных административных изменений в ходе истории, такие как **Пудожский тракт** – 2<sup>15</sup> линии Пудож – Колодозеро – **Кенозеро** – Бережная Дуброва – Лельма – железная дорога Москва-Архангельск.

Определенную роль как структурообразующие элементы ландшафта водораздельного района сыграли **исторические места «волочков» местного значения** по всей линии Беломоро-Балтийского водораздела Кенозерского района, что способствовало созданию «малой сети водных транспортных магистралей» в ходе исторического развития на «участках преодоления» водораздела.

### 3. Характерные составляющие водораздельного района – волости-сообщества и сакральные центры-пустыни.

1.1. Кенозерская **волость-сообщество на водном пути**. Сеть многочисленных поселений на берегах озера Кенозеро в створе водного пути. Это волость, ближайшая к волоку – поселенческое «ядро» водораздельного района. Имела удобное географическое положение, выгодное для дальнейшего исторического развития всей водораздельной территории. В конце XIX – начале XX века она насчитывала 61 поселение.

1.2. **Соседние волости-сообщества**. Волости, сформировавшиеся у водоемов, ближайших к участку «водного пути» у зоны водораздела – Лекшмозерская волость-сообщество (18 поселений), Порженская волость-сообщество (3 поселения), Почозерская волость-сообщество (9 поселений).

1.3. **Сакральные центры-пустыни**. Выделены как характерная историческая и культурная составляющая водораздельных районов. Факт нахождения сакральных центров – пустыней вблизи крупных водоразделов присутствует во всех упомянутых ранее водораздельных районах, что говорит, о возможности изучения как особенности, процесса сакрализации мест вблизи крупных водоразделов. В Кенозерье эта особенность выражена наиболее сильно (на небольшой территории – 4 монастыря-пустыни, многочисленные малые сакральные центры). В других районах это пустыни Емецкая (Пабережский водораздельный район) и Елгомская (Мошинский водораздельный район). Что характерно, бочковидные завершения в архитектуре храмов водораздельных районов характерны так же и для часовен вблизи водоразделов, а в других районах Каргополья и Онежского Поморья не встречаются.

Попытаюсь на основе выделенных акцентов приведенной выше пространственной структуры водораздельного района провести небольшое сравнение между тремя водораздельными районами в ходе их исторического развития.

Пабережский водораздельный район расположен непосредственно в месте «прорезания» кряжа Ветряной пояс рекой Онегой (ил. 7). Он имеет уникальную природную-географическую специфику с наличием двух крупных водоразделов (бассейнов Двины и Онеги, кряжа Ветряной пояс) и наличием места древнего Емецкого волока непосредственно от русла Онеги в месте перпендикулярного пересечения

водоразделов. Но при этом, ресурса развития сельскохозяйственных угодий здесь не было. Обширная Пабережская волость в районе волока, с поселениями на реке Онеге и Емецкой (Ямецкой) пустыню в месте волока, на протяжении всего исторического развития была «малой», «глухой», труднодоступной по отношению к другим. Сакральное значение места Емецкого волока было значительно (с упразднением обители там стал функционировать погост), но немногочисленные деревни волости находились на удалении от него. Поселения Маркомусы, Ракулы и Пустынька вблизи волока, были так или иначе больше связаны с обеспечением прохождения Больших Онежских порогов. В результате Пабережская волость на водном пути к XVIII веку уже имела «подчиненное» значение по отношению к соседним волостям и не стала «центром тяготения» для них. Прохождение губернского тракта Санкт-Петербург – Архангельск через волость Шелексу бассейна Северной Двины определило тяготение Пабережской волости к Шелексе, а ее в свою очередь к Архангельску и Онежскому Поморью, а не к Каргополю. Дороги к этому времени стали важными структурообразующими элементами историческо-географического каркаса Каргополья, несколько «подкорректировав» его контуры. Пабережская волость не смогла, аналогично Кенозерской, занять ключевое по отношению к соседним волостям положение в новой структуре и была подчинена другому «центру тяготения» естественным образом.

Два водораздельных района – Кенозерский и Мошинский (ил. 8) имели много общего. Озеро Мошинское, в створе водного пути, ближайшее к транзитному волоку, имело аналогичный Кенозеру ресурс земли. Сформировавшаяся по берегам Мошинского озера одноименная волость-сообщество насчитывала в XIX веке 77<sup>16</sup> поселений. Соседние волости – Воезерская, Лимская и Шежемская были значительно меньше. В Мошинском районе так же присутствовала яркая локальная традиция, определяемая хронологически более ранними и специфическими моментами, чем в других, далеких от водоразделов, волостях Каргополья. В ней присутствовал сильный элемент сакрализации, присущей как материальной (Елгомская пустынь, многочисленные сакральные места), так и духовной культуре (былины, старинные обряды жертвоприношений животных). Мошинская волость как «волоковая» имела характеристики, аналогичные Кенозерской – потенциал «малого центра тяготения и дальнейшего формирования» для других соседних волостей. Отличием было то, что сформировавшаяся к XVI веку главная транзитная сухопутная дорога этого района – Шенкурский тракт, прошла в непосредственной близости от волока и сделала этот район более доступным, в отличие от Кенозерья. «Мошинский водораздельный рубеж» следуя естественной исторической логике, оставался административной границей Каргопольского уезда в XVIII – первой четверти XX века. Но в XX веке, с развитием железной дороги Архангельск-Москва (прошедшей на рубеже столетий через Каргопольский уезд в районе Коношко-Няндомской возвышенности, минуя Каргополь), дальнейшими историческими событиями в России (смена политического строя), в Мошинском водораздельном районе произошли сильные



изменения. Благодаря развитию «промышленного вектора» экономики, искусственному административному разделению Каргополя на несколько маленьких районов, развитию поблизости нового районного центра Няндомы, снизилось территориальное значение бывшей Мошинской волости. Развитие в дальнейшем Шенкурского-Няндомского тракта как автомобильной подъездной дороги к федеральной трассе М-8, предопределили «урбанизацию» Мошинского водораздельного района, и в связи с этим, отмеченное многими исследователями последующее угасание и исчезновение элементов локальной традиции в Моше.

На Кенозерье ситуация складывалась иным образом (ил. 6). К XVI веку главная сухопутная дорога транзитного характера – Пудожский тракт прошла через водораздел на удалении от древнего волока. С одной стороны, это способствовало развитию Лекшмозерской волости-сообщества (через которую прошел тракт) как «малого центра тяготения» в южной части водораздельного района. С другой стороны, это обеспечило некоторую «сухопутную транспортную изоляцию» Кенозерской волости-сообщества, что на нее никак не повлияло, лишь способствовало консервации элементов локальной традиции. Волость-сообщество оставалась центром тяготения для соседних малых волостей, будучи исключительно «водно-транспортной» волостью. В конце XVIII века, в результате административных реформ Кенозерская волость-сообщество была искусственно разделена на две одноименных административных волости, относящихся к разным уездам – Каргопольскому и Пудожскому. Административная граница разделила оз. Кенозеро пополам более чем на столетие, но внутренние территориальные связи между поселениями Кенозерского сообщества были настолько сильны, что административное разделение на дальнейшее развитие территории не повлияло. Уникальная система расселения озерного типа, органично связанная с водоразделом и самодостаточная, при незначительной роли сухопутных дорог, смогла остаться единым целым во многом благодаря системе функциональных взаимосвязей (использованию малых водных путей и «волочков» в хозяйственной деятельности населения) по всей линии Беломоро-Балтийского водораздела. Сильная сакрализация ландшафта так же способствовала «внутреннему единству территории». До середины XX века в культурном и сакральном использовании находились центры-пустыни, даже с потерей своего статуса. На месте Кенского волока сохранялись обе поселенческие точки. Несмотря на удаление от основного волостного массива, место волока на протяжении всего исторического периода было почитаемым, отмечено часовней. В 1919 году разделенный водораздельный район был на десять лет объединен административно в составе Каргопольского уезда Вологодской губернии (ил. 9). В этот короткий период административная граница Каргополя наиболее соответствовала своему историко-географическому каркасу. Граница уезда проходила в основном по линии крупных водоразделов. В дальнейшем изменения административных границ следовали иной логике. Но ландшафт водоразделов все так же оставался для исторического региона важным рубежом, имея общую территориальную целостность, несмотря на административные

границы. Любой искусственный административный разрыв для района с высоким качественным составом культурного и природного наследия отрицательно влияет на его сохранность. Территория уже не воспринимается в целом, ее «лицо» разбивается на отдельные составляющие (ил. 10). В Кенозерье объединению исторической водораздельной территории в конце XX века, к счастью, способствовали несколько факторов, как положительных (общественное движение по приданию территории статуса особо-охраняемой), так и отрицательных (прямая угроза ее интенсивного лесохозяйственного использования). Территория в 1991 году была объединена в составе Кенозерского национального парка. Его границы в настоящее время меньше естественных исторических границ водораздельного района и обоснованных природоохранных, но уже двадцать лет здесь проводится эффективная работа в деле комплексного сохранения культурного и природного наследия.

В своей работе я старался усилить историко-географический аспект при оценке исторической территории, в частности водораздельного ландшафта. Сохранение историко-культурного и природного наследия региона и его отдельных составляющих напрямую зависит от использования комплексных сведений о наследии и их дальнейшего применения. На сегодняшний день остается фактом большой количественный и высокий качественный состав культурного наследия Каргополя. Таким же фактом остается угроза потери важнейших компонентов состава наследия. Разрушение системы расселения – старых деревень и погостов, а так же безграмотная трансформация и деградация культурного ландшафта лишает регион уникальности, и препятствует дальнейшему развитию. Выделив важнейшие составляющие исторической территории Каргополя – водораздельные районы, я пытался определить их высокую значимость как объектов наследия, показать их внутреннюю структуру, сравнить характер их развития в ходе истории.

#### Примечания

<sup>1</sup>Макаров Н.А. Колонизация северных окраин Древней Руси в XI–XIII веках. М., 1997. С. 16.

<sup>2</sup>Атлека – от «АТ» (Атлантический), «ЛЕ» (Ледовитый), «КА» (Каспийская внутриконтинентальная система). Одна из трех в мире и единственная в России географическая точка схождения водоразделов трех водных систем уровня океанов. Географически определена, пространственно обозначена, исследована и названа Карельским научным центром РАН в ходе работ, проходивших в конце XX в.

<sup>3</sup>Макаров Н.А. Указ. соч. С. 7.

<sup>4</sup>Макаров Н.А. Указ. соч. С. 101–102.

<sup>5</sup>Достоверно используемые волоки, подтвержденные археологией, обозначены более жирным условным знаком.

<sup>6</sup>Схема водораздельных территорий-регионов на Русском Севере дана на время заселения территории славянами и водно-волокового сообщения.

<sup>7</sup>Макаров Н.А. Указ. соч. С. 47.

<sup>8</sup>Макаров Н.А. Указ. соч. С. 47.

<sup>9</sup>Макаров Н.А. Указ. соч. С. 96. Рис. 32.

<sup>10</sup>Волость-сообщество – территориальное понятие. Имеет в своем составе несколько кустов деревень с сильными историческими, суб-культурными и функциональными взаимосвязями друг с другом, реке – пространственными. Искусственное административное деление на территориальную и функциональную целостность территории волости-сообщества часто существенного влияния не оказывало. Волость-сообщество содержит в себе главный куст деревень, где располагался погост. Так же содержит другие кусты деревень, тяготеющих друг к другу и имеющих часовни.

<sup>11</sup>Веденин Ю.А. Введение в проблему культурно-ландшафтного районирования // Культурный ландшафт как объект наследия. М.; СПб., 2004. С. 335.

<sup>12</sup>Веденин Ю.А., Тормосов Д.В. Культурно-ландшафтная дифференциация территории Кенозерского национального парка // Культурный ландшафт как объект наследия. М.; СПб., 2004. С. 426–427.

<sup>13</sup>Тормосов Д.В., Тормосова Н.И. Система сельского расселения Каргополья конца XIX – начала XXI в. Эволюция. Типология // Сохранение культурного наследия народов мира. Тез. докл. МГУКИ. М., 2005.

<sup>14</sup>Схема водораздельных районов Каргополья дана на период второй половины XIX – начала XX в.

<sup>15</sup>Цифра 2 означает условное название Кенозерского Пудожского тракта. Тракт усилил свое транзитное значение после административного разделения Кенозера в результате искусственных административных преобразований XVIII в. Связывал Кенозерье Пудожского уезда с г. Пудож и с конца XIX в. – с железной дорогой Москва-Архангельск. Имел одноименное местное название с трактом Каргополь-Пудож.

<sup>16</sup>Тормосова Н.И. Социально-экономический анализ системы сельского расселения Каргополья // Историко-культурное наследие Русского Севера. Проблемы изучения, сохранения и использования. Каргополь, 2006. С. 116–117.

С.В. Торхов  
(г. Архангельск)

## Леса и лесостроительство Кенозерского национального парка

Лесами покрыто не менее 76% территории Кенозерского национального парка. По данным лесостроительства 1997 года площадь лесных земель составляла 105,5 тыс.га. Кроме того, необходимо учитывать площадь заросших лесом неиспользуемых сельскохозяйственных угодий, общая площадь которых в 1997 году составила 4896 га.

Архангельской лесостроительной экспедиции повезло стоять у истоков образования Кенозерского национального парка в 1991 году, помочь в подготовке документов о передаче земель и лесов от лесхозов и совхозов в национальный парк.

После организации национального парка перед экспедицией была поставлена задача обеспечить парк картографическими материалами, составленными на основе разновременных и разномасштабных материалов лесостроительства, землеустройства, топографических карт и космических снимков. Примечательно, что эти карты до сих пор используются лесной охраной парка.

В 1996–1997 годах силами Архангельской лесостроительной экспедиции прошло первое лесостроительство Кенозерского национального парка с объединением в одно целое мозаики из лесов бывших трех совхозов и лесхозов, трех лесничеств и ранее неустroенных земель.

Подробность работ значительно превзошла требования лесостроительной инструкции: в таксационное описание и на лесные карты занесено 16,7 тыс. выделов. Средняя площадь одного таксационного выдела составила 7,3 га.

Итогом камеральных лесостроительных работ стала одна из первых в Рослесхозе геоинформационная система<sup>1</sup>.

О лесах Кенозерского парка по материалам лесостроительства написано немало, как технической документации (лесостроительный проект, раздел менеджмент-плана), так и научно-популярной литературы. Поэтому мы не будем останавливаться на этом подробно<sup>2</sup>.

Отметим только, что леса парка при некотором доминировании сосняков (43% от площади всех лесов) разнообразны по породному составу и возрастной структуре. В значительной мере леса национального парка – продукт подсечного земледелия. На старопашотных почвах сформировалось 15–20 тыс. га высокопродуктивных насаждений<sup>3</sup>. Об этом же говорит и пирогенное происхождение почти половины лесов (49 тыс. га лесов имеют возраст от 80 до 100 лет).

Малонарушенных (старовозрастных лесов старше 160 лет) выявлено 5852 га лесов или 5,5% от лесопокрытой площади парка. В пространственном плане это 790 участков (271 сосновый и 519 еловых). Возраст отдельных участков коренных

© Торхов С.В., 2012

лесов парка колеблется от 160 до 210 лет. Возраст самого старого дерева, подсчитанный по годичным кольцам на керне, составил 330 лет.

В насаждениях парка не так уж редко, на площади (1899 га) встречается лиственница. В соседней Карелии она занесена в республиканскую Красную книгу. В лесах Архангельской области охраняется, как исчезающий реликтовый вид. В XVII–XIX – веках лиственница обеспечивала нужды кораблестроения. По указу Петра I участки лесов с высокоствольными деревьями лиственницы и сосны выделялись в корабельные рощи с запретом рубки для иных, нежели судостроение целей. Одна из таких рощ – Наглимозерская, общей площадью 1778 десятин или 1942 гектара была выделена и в границах современного парка. Роща давно вырублена, но на ее месте вновь сформировались насаждения высокой продуктивности<sup>4</sup>.

Леса, как ожерелья окружают многочисленные памятники истории и культуры Кенозерья. У многих из них сохранились остатки священных рощ и святых деревьев. Картировано и изучено более 45 святых рощ. Все они представляют собой естественные насаждения, по каким-то признакам обособленные местным населением<sup>5</sup>.

Святые деревья на перекрестках дорог почитаются и в настоящее время. Более того, сохранилась традиция освящать деревья. Высокий возраст святых деревьев – 300, 500, 600 лет не что иное, как поддерживаемая местным населением легенда. Предельный возраст сосны на старопдохотных почвах 250–300 лет, древовидного можжевельника – 120–150<sup>6</sup>. В легендах нет ничего плохого, скорее наоборот надо ценить и поддерживать верность традициям, верованиям предков.

Доклад по теме этой статьи прозвучал на «Кенозерских чтениях – 2011». Программа конференции была столь насыщенной, что сразу после выступления не оставалось времени на продолжительные дискуссии и вопросы. Тем более, что тема лесостроительства для многих собравшихся в зале была не совсем знакома. Но в кулуарах прозвучал все-таки вопрос: а зачем нужно лесостроительство в национальном парке? Затраты большие, хлопоты лишние в период его проведения, да еще и не исключены всякого рода ограничения в использовании лесов по его результатам. Промышленной заготовки древесины нет, сколько и где можно рубить для местного населения и собственных нужд, сотрудники национального парка и так знают.

До принятия в 2007 году нового Лесного кодекса лесостроительство являлось обязательным мероприятием. Прежний Лесной кодекс напоминал о лесостроительстве 26 раз и завершался ключевой фразой «ведение лесного хозяйства и лесопользования без проведения лесостроительства запрещается». Авторы нового Лесного кодекса воздержались от прямых указаний на необходимость лесостроительства, а доводы о его необходимости не воспринимаются прокуратурой как руководство к действию. Но дело, даже не в принуждении к лесостроительству. Гораздо более важно, что бы сам национальный парк был заинтересован в лесостроительстве.

Каким же, в таком случае, должно быть лесостроительство?

Действующая лесостроительная инструкция определяет особенности лесосу-

строительства в лесах, расположенных на землях ООПТ, одним предложением: «в лесах, расположенных на особо охраняемых природных территориях, лесостроительство осуществляется с учетом функционального зонирования и правового режима особо охраняемых природных территорий».

Положение о Федеральном государственном учреждении «Национальный парк «Кенозерский» утверждено приказом Министерства природных ресурсов Российской Федерации в 2003 году. Взяв его за стержень анализа, разберемся с особенностями лесостроительства.

Внешние границы национального парка отмежеваны. В этом случае на лесостроительство возлагается задача – в ходе полевых работ проверить точность межевых планов и при необходимости инициировать вопрос о признании ошибки кадастрового учета.

Кроме того, необходимо учесть при лесостроительстве включенные в полном объеме в границы национального парка земли (общей площадью 7673 га) других собственников и пользователей без изъятия их из хозяйственной эксплуатации. По сути это означает расширение нормативных требований к таксационному разряду. Работа предполагает скрупулезное нанесение на карты лесостроительства границ земель коллективной долевой собственности, включая самые мелкие участки площадью 0,1–0,2 га.

В этом случае сотрудникам парка будет легче контролировать использование этих земель и реализовать права на их приобретение. Уже сами по себе лесные карты с таксационным описанием, статистические данные, проектные ведомости – не что иное, как инструмент для обеспечения выполнения задач, возложенных на национальный парк.

Прежде всего, материалы лесостроительства необходимы для проведения лесохозяйственных, лесозащитных, биотехнических мероприятий, охраны лесов от пожаров, вредителей и болезней, а также выполнения парком контрольных функций над соблюдением режима охраны функциональных зон и других требований лесного и природоохранного законодательства.

Кроме того, без актуальных и подробных тематических карт и описания лесов невозможно оценить масштабы мероприятий по сохранению и восстановлению исторически сложившихся культурных ландшафтов, нарушенных природных комплексов.

Материалы лесостроительства служат консолидирующим началом для обобщения научных исследований в области изучения болот и лесов.

Только зная состояние лесов и степень их устойчивости к рекреационным нагрузкам можно с минимальным ущербом природе организовать и обустроить эколого-образовательные тропы и туристические маршруты.

Сравнительный анализ материалов лесостроительства разных лет необходим для осуществления экологического мониторинга.

Далеко не главным, но желательным результатом лесостроительства следует считать

повышение дохода национального парка за счет интенсификации лесных пользований: реализация древесины, полученной при проведении ухода за лесами, обеспечение местного населения и нужд парка продукцией деревообработки, заготовки продуктов побочного пользования, рекреации.

В лесах, прилегающих к Кенозерскому национальному парку, заготовку древесины ведут 23 организации с расчетной лесосекой 560 тыс. м<sup>3</sup>. В соответствии с приложением 4 к Лесоустроительной инструкции вокруг национального парка должна быть выделена охранная зона шириной не менее 1 км с отнесением ее к особо защитным участкам лесов с правовым режимом, запрещающим рубки с целью заготовки древесины.

Охранная зона парка на прилегающих к его границам землях лесного фонда формально не является объектом лесоустройства. Но, с целью оценки современного состояния охранной зоны и контроля за соблюдением ее правового режима, парк должен быть обеспечен, как минимум, планами лесонасаждений и таксационным описанием прошлого лесоустройства, а также материалами актуальной аэро- или космосъемки на всю территорию охранной зоны.

На территории парка выделены три функциональные зоны: особо охраняемая, рекреационная и зона охраны культурных ландшафтов с дифференцированным режимом охраны, защиты и использования. Соответственно и лесоустройство по зонам должно проводиться дифференцировано. Вроде бы нет необходимости проводить в особо охраняемой зоне ландшафтную таксацию с дополнительным определением 6 показателей: тип ландшафта, санитарно-гигиеническая оценка, эстетическая оценка, устойчивость, дигрессия среды, рекреационная ценность с последующим исчислением потенциальной рекреационной емкости. Но это, только на первый взгляд. В действительности деление на функциональные зоны является абсолютным только для отдельных участков, обособляемых для охраны редких видов животных, растений, грибов, ценных лесных насаждений и других природных объектов, а также памятников истории и культуры, чья сохранность вызывает особую озабоченность. И такие участки по мере изучения территории могут быть выделены или наоборот аннулированы в любой зоне.

Территория национального парка мозаична. Следы освоения территории прослеживаются повсюду, поэтому и границы зоны охраны культурных ландшафтов и рекреационной зоны достаточно условно проведены по квартальным просекам. Функциональное зонирование территории определяет приоритет использования данной местности, но не является чем-то косным, неизменным. С учетом периодичности лесоустройства 10 и более лет, нет уверенности, что сокращение описания лесов в текущий момент, не окажется препятствием для дальнейшей работы парка. Тем более, что самый дорогой и трудоемкий вид работ при лесоустройстве – натурная таксация. Если инженер-таксатор выехал в район полевых работ, обустроился на месте, вышел на маршрут, то сокращение в этой ситуации таксационного описания выглядит, по крайней мере, неразумно.

При таксации лесов не проектируются охранные зоны памятников, но возраст, состав, густота лесных насаждений в сочетании с анализом изображения на аэро- или космоснимках позволят реконструировать прежний облик и границы ландшафта, окружающего памятник архитектуры, а также запроектировать рубки формирования ландшафтов.

Лесоустройством охватывается вся территория парка, а не только лесные насаждения и находящиеся среди них болота, озера, прогалины и др. Это позволяет использовать материалы лесоустройства для проектирования развития инфраструктуры территории: дорог, линий электропередач, связи и других коммуникаций. На заселенной территории принять правильное решение, пройти все этапы согласования и экспертизы без материалов лесоустройства практически невозможно.

Лесоустройство парка должно опираться на Генеральную схему развития Кенозерского национального парка, но не прикрываться ею. И не только в части предложений по корректировке функционального зонирования территории, но и по другим вопросам. Например, выделение водоохраных зон и прибрежных защитных полос. С вступлением в силу нового Водного кодекса (с 1 января 2007 г.) нормативы выделения водоохраных зон изменились. Поэтому задачей нового лесоустройства является отображение этих зон на картах в соответствии с современным законодательством.

В полном виде знаменитый афоризм профессора М.М. Орлова о связи лесоуправления и лесоустройства звучит так «Лесоустройство без лесоуправления мертво. Лесоуправление без лесоустройства слепо»<sup>7</sup>. Прошло 82 года, но эти слова не потеряли своего значения. Понимать это следует не только, как аргументация важности лесоустройства для лесной охраны парка. Существенна роль лесоустроителей в организации научно-исследовательской деятельности парка. Мониторинг природных экосистем, инвентаризация и сохранение культурно-ландшафтных комплексов, ведение кадастров природных ресурсов, оценка антропогенного воздействия на природный комплекс, разработка программы восстановления природных экосистем, редких и исчезающих видов растений и животных; использование ГИС-технологии для решения научных и практических задач – эти направления научной деятельности парка в той или иной степени перекликаются с задачами и лесоустройства.

В чисто техническом плане перед лесоустройством и парком стоит много задач, в том числе: повышение точности геодезической основы и построение цифровой модели рельефа, создание многофункциональной геоинформационной системы, автоматизированное ведение лесного реестра.

В завершение заметим, что лесоустройство не следует ограничивать системой технических мероприятий. И это не ново. Вспомним классику российского лесоустройства: «Лесоустройство, регистрируя красоты леса и охраняя их от истребления, берет на себя высококультурную миссию и может лишь заслужить благодарность потомства»<sup>8</sup>.

Истинная культура не знает времени и границ. «Природные ландшафты – «лицо

отечества»<sup>9</sup> – это высказывание английского философа Джона Рескина относится и к ландшафтам Кенозерского национального парка.

#### Примечания

<sup>1</sup>Торхов С.В. К вопросу о лесоустройстве // Кенозерские чтения: материалы Первой Всерос. науч. конф. Архангельск, 2004. С. 331–336.

<sup>2</sup>Природное и культурное наследие Кенозерского национального парка = Nature and Culture Heritage of the Kenozero National Park : сб. науч. статей / авт.-сост.: Е.Ф. Шатковская, С.В. Торхов, Д.В. Тормосов [и др.]. Петрозаводск, 2002. 176 с.

<sup>3</sup>Трубин Д.В. Отражение видов прошлого земледелия в структуре современных лесов // Генезис, география, антропогенные изменения и плодородие почв (Сибирцевские чтения): тез. докл. XI съезда РГО (Архангельск, 2000 г.). СПб., 2000. Т. 6. С. 61–63.

<sup>4</sup>Третьяков С.В., Коптев С.В., Косарев В.П. (Архангельский государственный технический университет, Архангельская лесоустроительная экспедиция). Проект «Устойчивое лесопользование в Каргопольском районе Архангельской области». Компонент № 1, подпроект № 5 // Личный архив автора; Корабельные рощи Каргопольского района Архангельской области. Архангельск, 2000. 8 с. (рукопись).

<sup>5</sup>Третьяков С.В., Коптев С.В., Козыкин А.В., Торхов С.В., Косарев В.П. Святые рощи и деревья, как элементы природных и историко-культурных ландшафтов Кенозерского национального парка // Экология северных территорий России: проблемы, прогноз ситуации, пути развития, решения: материалы междунар. конф. Архангельск, 2002. Т. 2. С. 1079–1083.

<sup>6</sup>Барзут О.С. Биология можжевельника обыкновенного, произрастающего в условиях средней подзоны тайги // Ломоносовские аспирантские и студенческие научные чтения : Россия и Европейский Север в XX веке. Архангельск, 2000. Вып. 2. С. 171–172.

<sup>7</sup>Орлов М.М. Лесоуправление как исполнение лесоустроительного планирования. Л., 1930. 491 с.

<sup>8</sup>Цит. по: Лесной журнал. 1917. № 7–8. С. 369–386.

<sup>9</sup>Там же.

В.В. Фофанова  
(г. Архангельск)

#### Очерки по истории духовенства Почезерского прихода Пудожского уезда Олонецкой губернии

Почезерский храмовый комплекс – интереснейший ансамбль-тройка, состоящий из двух церквей и колокольни, один из трех, сохранившихся в Архангельской области и один из пяти – на Русском Севере. Его образование датируется 1783 годом<sup>1</sup>.

Целью настоящей работы является изучение истории духовенства Почезерского прихода с середины XIX века по 1930-е годы. По причине позднего вхождения территории Почезерского прихода в состав Архангельской области (1929 год – Северный край, 1937 год – Архангельская область) в Архангельском государственном областном архиве состоит на хранении неполный комплекс документов, не позволяющий в полной мере исследовать поставленную тематику.

Согласно метрическим книгам Почезерского прихода Пудожского уезда Олонецкой губернии, до начала июля 1850 года в Почезерском приходе служил священник **Иоанн Васильев** (примерно 1776 г.р.), который 14 июля 1850 года (ст.ст.) скончался в преклонном возрасте – 74 лет<sup>2</sup>. Кроме него в приходе служили в то время: дьячок Николай Иванов и пономарь Иван Васильев. На освободившееся место священника в сентябре 1850 года прибыл новый батюшка – **Петр Федорович Кудряшов**, который прослужил здесь почти до начала августа 1880 года<sup>3</sup>. Во время его служения – 4 ноября 1876 года состоялось открытие Почезерского сельского земского мужского училища. На открытии присутствовали 25 учеников со своими родителями и почетные прихожане, член Пудожского уездного училищного совета, Пудожский уездный исправник П.П. Петров и член Пудожской уездной земской управы и одновременно попечитель новооткрываемого Почезерского училища – Н.М. Патракеев. Отец Петр отслужил водосвятный молебен, обращаясь с молитвой к Святым равноапостольным отцам Кириллу и Мефодию, просветителям словенским. Икона Святых Учителей была прислана вновь открываемому училищу в подарок. В заключение торжества учителем Почезерского училища Григорием Луговским было организовано чаепитие, а детям были вручены подарки-пряники, приобретенные на средства благотворителей<sup>4</sup>.

10 августа 1878 года по своему прошению в недавно открытое Почезерское сельское земское училище был перемещен учителем и Законоучителем бывший учитель Шежемского земского училища Каргопольского уезда **Петр Яковлевич Фомин**, священнический сын. На учительской должности он состоял до 20 сентября 1880 года. 1 августа 1880 года Преосвященнейшим Палладием епископом Олонецким и Петрозаводским Петр Яковлевич был рукоположен во священника к церкви Всемилостивого Спаса Почезерского прихода. Одновременно со священническим

© Фофанова В.В., 2012

служением о. Петр Фомин исполнял должности Законоучителя в Почезерской церковно-приходской школе и вышеупомянутом земском училище. «За добрую и полезную службу» о. Петр был награжден, согласно указам Олонецкой духовной консистории: в ноябре 1884 года – набедренником, в апреле 1887 года – скуфьею. За устройство дома для Почезерской церковно-приходской школы 26 ноября 1887 года батюшка был удостоен Архипастырской благодарности. В послужном списке о. Петр характеризуется как «весьма хорошего поведения и знания церковного круга, пения и катехизиса». 23 августа 1888 года по своему прошению о. Петр Фомин был перемещен во Введенскую церковь Ундозерского прихода Пудожского уезда. На период 1890 года он был вдов и имел двух дочерей: Марию – 9 лет и Александру – 6 лет<sup>5</sup>.

На освободившееся место священника 14 сентября 1888 года в Почезерский приход был рукоположен молодой батюшка – **Василий Константинович Любимский**. На семье Любимских хотелось бы остановиться подробнее. Отец Василия – **Константин Иоаннович Любимский**, примерно 1839 г.р., священнический сын, после окончания в 1863 году обучения в Олонецкой духовной семинарии, в феврале 1864 года был рукоположен во священника Преосвященнейшим Аркадием епископом Олонецким и Петрозаводским к Воскресенской церкви Исаевского погоста Вытегорского уезда. С 1871 года был назначен помощником настоятеля при той же церкви. 30 декабря 1872 года о. Константин был определен духовником священно-церковнослужителей того же благочиния. 21 октября 1877 года батюшка был перемещен помощником настоятеля в Яндомозерский приход Петрозаводского уезда. В августе 1878 года за нетрезвость он был уволен от должности священника с запрещением священнодействия. Впоследствии с 1880 года исполнял должности псаломщика в Исаевском и Ошевенском приходах, а в январе 1883 года ему было разрешено священнодействовать в храме и он был назначен в июле того же года сначала в Лелемский, а затем в Ольховский приход – настоятелем. С февраля 1884 года о. Константин вновь служил псаломщиком в Полуборском приходе, а с 27 июля 1887 – священником на диаконской вакансии в Лепшинском приходе. 25 июля 1888 года он был определен священником в Веральско-Федосиевский приход Каргопольского уезда<sup>6</sup>.

Вместе со своей женой Александрой Савичной (1846 г.р.) о. Константин воспитал семь детей. Старшая – Мария Константиновна (1865 г.р.) – вышла замуж за диакона Ошевенского прихода Каргопольского уезда Алексея Даманского. Вторая дочь – Раиса Константиновна (1868 г.р.) по окончании курса в Олонецком епархиальном женском училище в 1885 году по своему прошению в августе того же года, согласно резолюции Его Преосвященства была определена наставницей к церковно-приходскому училищу в Устьмошском приходе Каргопольского уезда Олонецкой епархии и состояла на этой должности, по известным нам данным, вплоть до 1891 года. Характеризовалась она как «весьма благонаправленного поведения»<sup>7</sup>. Третья дочь – Анна Константиновна (1870 г.р.), также обучалась в Олонецком епархиальном женском

училище и после его окончания в 1887 году первоначально была определена Его Преосвященством епископом Олонецким и Петрозаводским Павлом учительницей Ковежской церковно-приходской школы. Однако, 7 марта 1889 года тем же Преосвященным Анна Константиновна была перемещена на должность учительницы в церковно-приходскую школу Саунинского прихода<sup>8</sup>. Кроме вышеупомянутых детей в семье Любимских была младшая дочь Вера (1872 г.р.) и сын Александр (1877 г.р.), который на период 1890 года обучался за свой счет в Каргопольском духовном училище<sup>9</sup>, а в 1899 году учительствовал во второклассной церковно-приходской школе в деревне Шестовой<sup>10</sup>.

Интересно сложилась судьба самого младшего сына Любимских – Николая Константиновича (1880 г.р.). После окончания курса обучения в Олонецкой духовной семинарии в 1902 году он был определен учителем образцовой церковно-приходской школы при Мошинской второклассной школе Каргопольского уезда и занимал данную должность почти три года. 19 марта 1905 года Николай Константинович был рукоположен во священника и определен на место второго священника в Слободско-Благовещенский приход Шенкурского уезда Архангельской и Холмогорской епархии, в котором прослужил не менее 25 лет. С 1907 года о. Николай Любимский состоял членом благочиннического совета, а с 25 марта 1913 года – участковым попечителем о народной трезвости. Одновременно со священническим служением о. Николай исполнял должность Законоучителя в одноклассной и двухклассной Благовещенских церковно-приходских школах и был заведующим в Леонтьевской одноклассной церковно-приходской школе. В 1913 и 1915 годы благочинным о. Николай аттестовался как «поведения весьма хорошего, трезвый и по службе исправен»<sup>11</sup>. «За ревностное отношение к школьному делу» в 1909 году о. Николай Любимский был награжден грамотой с Архипастырским благословением, в 1910 – был награжден набедренником, в 1914 – скуфьею. Также он имел серебряную медаль в память 25-летия образования церковно-приходских школ. Батюшка и его жена Лидия Степановна, которая также окончила епархиальное училище и была учительницей в церковно-приходской школе, воспитали шестеро только известных нам детей: Ксению – 1905 г.р., Зинаиду – 1907 г.р., Калерию – 1911 г.р., Бориса – 1914 г.р., Ольгу – 1916 г.р. и Валентина – 1918 г.р.<sup>12</sup>.

С приходом советской власти о. Николай Любимский, как и все духовенство в стране, еще в 1920-х годах был лишен избирательных прав. На заседании от 3 июня 1930 года Няндомской особой комиссии по рассмотрению списков лиц, лишенных избирательных прав, лишение избирательных прав о. Николая Любимского и его жены с дочерью Зинаидой Николаевной было вновь подтверждено<sup>13</sup>. Благовещенская деревянная церковь Ровдинского района Няндомского округа (бывшего Шенкурского уезда) была закрыта постановлением Президиума Няндомского окрисполкома от 14 февраля 1930 года с поручением адмтделу провести ликвидацию церкви и использовать ее здание под клуб<sup>14</sup>. Дальнейшая судьба о. Николая Константиновича Любимского пока неизвестна.

**Василий Константинович Любимский** – второй ребенок и старший сын в семье Любимских, родился 27 июля (ст.ст.) 1866 года в Исаевском погосте Вытегорского уезда Олонецкой епархии. Как и его отец, он окончил Олонецкую духовную семинарию в 1888 году и в июне того же года был определен псаломщиком в Туломозерский приход Олонецкого уезда. 14 сентября 1888 года Его Преосвященством Павлом епископом Олонецким и Петрозаводским по своему прошению был рукоположен во священника к Почезерской Спасской церкви Пудожского уезда<sup>15</sup>. В тот же год перед рукоположением Василий Константинович вступил в брак с дочерью священника Типиницкого прихода Петрозаводского уезда Аполлоса Светлова – Клавдией Аполлосовной (1868 г.р.). Как удалось выяснить, о. Василий Любимский со своей женой имели семеро детей. Старшую их дочь звали Вера – (1889 г.р.), старшим сыном стал – Михаил (1891 г.р.), второй дочерью была Евдокия (1894 г.р.), третьей – Мария (1896 г.р.), затем родились сыновья: Николай (1899 г.р.), Сергей (1901–1908) и Феодор (1904 г.р.)<sup>16</sup>.

На 1890 год в Почезерском приходе в 224 дворах всего проживало населения 1425 человек. В состав прихода входило 23 деревни<sup>17</sup>. Параллельно со священническим служением о. Василий Любимский исполнял обязанности заведующего Почезерской церковно-приходской школы, учителем которой на период 1904 года состоял Иван Андреевич Логинов, а попечителем – Стефан Петрович Попов. Кроме о. Василия на 1904 год в причте Почезерского прихода состояли: диакон Иоанн Стефанович Попов и псаломщик Михаил Федотович Велеславов<sup>18</sup>. В 1911 году о. Василий Любимский был назначен благочинным 2-го Пудожского округа Олонецкой епархии<sup>19</sup>. 27 января 1915 года о. Василий возглавил торжественное освящение новопостроенного храма в селе Кузьминском, располагавшегося в 10 верстах от Почезерской приходской церкви, и в котором проживало на тот момент около 400 человек. Строительство храма было начато еще в июле 1912 года, и строился он в основном на средства серпуховского купца Леонтия Ивановича Каштанова. Всего на постройку храма было затрачено 9500 рублей. Торжество освящения началось 26 января с вечерни с акафистом Иисусу Сладчайшему, а затем всенощное бдение отслужил священник Янгорского прихода Иоанн Стефанович Попов, служивший ранее в Почезерском приходе диаконом. Всего же в освящении храма 27 января участвовало пять священников из соседних приходов. После литургии был отслужен молебен с многолетием храму<sup>20</sup>.

28 февраля 1916 года в Каргопольском духовном училище состоялось открытие церковно-православного братства во имя преподобного Александра Ошевенского, возглавляемое епископом Варсонофием<sup>21</sup>. В Пудожском уезде Олонецкой губернии было открыто его отделение, а при Почезерском приходе, как и при других приходах уезда, в том же году был создан церковно-приходской совет Александро-Ошевенского братства. В состав совета входили: 8 действительных членов-годовых, вносящих ежегодно не мене 25 копеек, в частности – священник Василий Любимский, диакон Никандр Павловский, псаломщик М. Велеславов, К. Попов, Ф. Колобов,

П. Воронин, И. Прокопьев и С. Попов; а также 7 членов-соревнователей, а именно – П. Патракеев и И. Патракеев, П. Новожилов, Ф. Калитин (имена и фамилии остальных трех членов неразборчивы). Для увеличения членов братства велись частные беседы в домах прихожан.

Деятельность Почезерского церковно-приходского совета заключалась в проведении внебогослужебных собеседований после утрени в церковно-приходской школе. В 1916 году было проведено шесть таких собеседований, на которых присутствовало от 30 до 60 человек<sup>22</sup>. Одновременно учащие церковно-приходской школы проводили религиозно-нравственные чтения, и в 1916 году их было проведено восемь. При совете имелся просветительско-миссионерский кружок, состоящий из членов приходского совета. Они посещали те дома прихожан, где были замечены неурядицы и «порочные члены прихода убеждались в оставлении дурных наклонностей и привычек». Также при совете имелся церковный хор, в котором принимали участие кроме учащихся – до 20 взрослых человек. Как указывалось в отчете совета: «Поется больше понаслышке. Платы певцам не выдается. Общее пение в храме вводится постепенно»<sup>23</sup>. Библиотека при Почезерском церковно-приходском совете не была образована, так как при местной церковно-приходской школе имелись целых две библиотеки. Не было создано и благотворительное общество, однако материальные средства в приходе собирались: так в 1916 году в пользу братства было собрано всего 4 р. 3 коп, которые были отправлены через благочинного в Совет братства. В пользу церковно-приходского совета для удовлетворения местных нужд собрали 220 рублей, из которых было израсходовано на ремонт храма – 200 рублей и в остатке на 1917 год состояло – 20 рублей<sup>24</sup>. В том же 1916 году о. Василий Любимский был избран депутатом XXIII Олонецкого епархиального съезда<sup>25</sup>.

В 1922 году Почезерская волость в числе других волостей Пудожского уезда Олонецкой губернии вошла в состав Каргопольского уезда Вологодской губернии. В эти сложные и смутные для Русской Православной Церкви, как и для всей России, 1920-е годы следы о. Василия Константиновича Любимского ненадолго теряются. Новая советская власть для лучшего контроля над верующими более-менее регулярно проводила перерегистрацию религиозных объединений и общин. Так 1 сентября 1923 года на общем собрании учредителей Почезерской религиозной общины, где присутствовало 50 человек, было заслушано предложение Каргопольского административного отдела о регистрации Почезерской общины с предложенным уставом. Собрание постановило зарегистрировать Почезерскую общину и принять предложенный адмотделом устав общины<sup>26</sup>.

В списке духовенства Почезерской общины, или как тогда говорили «служителей культа», значились: «**Священник Смирнов Георгий Васильевич** – служитель культа, из духовного сословия, имущественное положение – середняк, принадлежит к культуре от рождения, место жительства – Вершининское п/о Почезерской волости Каргопольского уезда Вологодской губернии; **диакон Павловский Никандр Ива-**

**нович** – служитель культа, из духовного сословия, имущественное положение – середняк, принадлежит к культуре от рождения, место жительства – Вершининское п/о Почезерской волости Каргопольского уезда Вологодской губернии»<sup>27</sup>. В списке исполнительного органа Почезерской общины на тот же 1923 год состояли: председатель – вышеупомянутый священник Смирнов Георгий Васильевич и секретарь – «**Урбанов Николай Иванович** – служитель культа, из духовного сословия (сын священника Троицкого прихода Каргопольского уезда – Иоанна Антоновича Урбанова – В.Ф.), имущественное положение – середняк, принадлежит к культуре от рождения, место жительства – Вершининское п/о Почезерской волости Каргопольского уезда Вологодской губернии»<sup>28</sup>. 27 марта 1927 года на собрании членов Почезерской общины, где присутствовало 70 человек, было решено избрать духовным руководителем общины епископа Каргопольского Василия и просить его «принять под свое духовное водительство православную Почезерскую приходскую общину»<sup>29</sup>.

Установить, где находился в 1920-е годы о. Василий Константинович Любимский, пока не удалось. Поиски в архиве ФСБ и ИЦ УВД по Архангельской области результатов не дали, сведений о высылке батюшки также не обнаружено. По всей видимости, он был переведен в другой приход, не входивший в состав Каргопольского уезда, и по документам Государственного архива Архангельской области это сложно выяснить. Тем не менее, вначале 1930-х годов о. Василий возвращается в Почезерье. В списке лиц, лишенных избирательных прав по Приозерному району в перевыборную кампанию 1934 года, утвержденном на заседании Президиума Приозерного райисполкома, по Почезерскому сельсовету значились: «**Любимский Василий Константинович** – лишен прав как служитель религиозного культа верующих по ст. 15 п. «И», и его жена (имя ее в документе не указано, статья та же), причем было указано, что «оба находятся на территории сельсовета»<sup>30</sup>. В результате поисков удалось установить, что о. Василий Константинович Любимский скончался 25 февраля 1936 года от паралича в деревне Филипповской Почезерского сельсовета, не дожив до своего 70-летия чуть более пяти месяцев<sup>31</sup>. Жена о. Василия – Клавдия Аполоссовна проживала вместе со своей дочерью Евдокией Васильевной в деревне Филипповской Почезерского сельсовета и позднее – в 1938 – 1939 годах, и обе они значились в графе «прочее (неколхозное) население»<sup>32</sup>.

Точную дату закрытия Почезерской церкви установить пока не удалось. В списках о количестве церковных зданий по Приозерному району за 1943, 1944 и 1951 годы указывалось, что закрытая Почезерская церковь ни под что не используется, а Сретенская церковь в деревне Кузьминской – не функционирует с 1936 года и занята под склад сельпо<sup>33</sup>.

В заключение хотелось бы отметить следующее. Факты длительного служения духовенства в Почезерском приходе на одном месте (Петр Федорович Кудряшов – 30 лет, Василий Константинович Любимский – более 20 лет) говорят о их ревностном служении, радении о своей пастве и приходе, ведении ими трезвого образа жизни

и активной просветительской деятельности среди своих прихожан. Можно предположить, что сохранение до наших дней замечательных храмов Почезерья произошло не только из-за их архитектурной значимости, но и благодаря служившему в них духовенству, последней яркой личностью которого был о. Василий Константинович Любимский.

#### Примечания

<sup>1</sup>Заручевская Е.Б. Храмовый ансамбль Почезерского прихода деревни Филипповская // Небеса и окрестности Кенозерья. Расписные потолки, иконы, деревенские часовни и церкви, составляющие историко-культурный ландшафт Национального парка «Кенозерский». М., 2009. С. 400.

<sup>2</sup>Государственный архив Архангельской области (далее ГААО). Ф. 29. Оп. 15. Д. 42. Л. 14 об.–15.

<sup>3</sup>Там же. Д. 42. Л. 6–11, 14, 16, 20–388; Д. 43. Л. 73–81, 87–91, 63–68, 93–628.

<sup>4</sup>Макаров Н.А. Церковные приходы и монастыри Кенозерья и Среднего Поонежья. Архангельск, 2007. С. 33.

<sup>5</sup>ГААО. Ф. 1342. Оп. 2. Д. 199. Л. 82 об.–83.

<sup>6</sup>Там же. Л. 57 об.–58 об.

<sup>7</sup>Там же. Л. 12 об.–13 об.

<sup>8</sup>Там же. Оп. 2. Д. 202. Л. 38 об.

<sup>9</sup>Там же. Д. 199. Л. 58 об.

<sup>10</sup>Там же. Ф. 29. Оп. 39. Д. 508. Л. 608.

<sup>11</sup>Там же. Ф. 29. Оп. 32. Д. 94. Л. 1 об.–3.

<sup>12</sup>Там же. Ф. 187. Оп. 1. Д. 749 а. Л. 507, 548, 618, 758, 1042, 1304.

<sup>13</sup>Там же. Ф. 489. Оп. 1. Д. 136. Л. 22.

<sup>14</sup>Там же. Д. 39. Л. 225.

<sup>15</sup>Национальный архив Республики Карелия (далее НАРК). Ф. 501. Д. 1/8. Л. 28 об.

<sup>16</sup>ГААО. Ф. 29. Оп. 39. Д. 212. Л. 240 об.–241; Д. 261. Л. 202 об.–203; Д. 339. Л. 159 об.–160; Д. 397. Л. 128 об.–129; Д. 508. Л. 607 об.–608; Д. 582. Л. 200 об.–201; Д. 692. Л. 174 об.–175; Д. 841. Л. 161 об.–162.

<sup>17</sup>Макаров Н.А. Указ. соч. С. 33.

<sup>18</sup>URL :<http://www.petergen.com/bovkalosp/olon1904.html>

<sup>19</sup>Макаров Н.А. Указ. соч. С. 34.

<sup>20</sup>Там же. С. 33, 34.

<sup>21</sup>ГААО. Ф. 1512. Оп. 1. Д. 1. Л. 9-9 об., 31.

<sup>22</sup>Там же. Д. 11. Л. 17, 18.

<sup>23</sup>Там же. Л. 18 об., 19.

<sup>24</sup>Там же. Л. 19–19 об., 20.

<sup>25</sup>Макаров Н.А. Указ. соч. С. 34.

<sup>26</sup>ГААО. Ф. 786. Оп. 1. Д. 223. Л. 586, 590–590 об.

<sup>27</sup>Там же. Л. 589.



---

---

<sup>28</sup>Там же. Л. 588.

<sup>29</sup>Там же. Ф. 5281. Оп. 1. Д. 13. Л. 1–1 об.

<sup>30</sup>Там же. Ф. 2171. Оп. 1. Д. 4. Л. 13.; Оп. 2. Д. 1а. Л. 13.

<sup>31</sup>Агентство ЗАГС Архангельской области. Актовая запись № 7 от 28 февраля 1936 г.

<sup>32</sup>ГАОО. Ф. 2050. Оп. 1. Д. 6. Л. 8 об.–9.

<sup>33</sup>Там же. Ф. 2171. Оп. 2. Д. 8. Л. 7, 31, 87.

---

---

**Деревянное зодчество Русского Севера:  
прошлое и настоящее**

Л.И. Вольфсон, Е.М. Юхименко  
(г. Москва)

### Редкая житийная икона Артемия Веркольского из частного собрания\*

Св. праведный Артемий Веркольский принадлежит к числу популярных северных святых. Его прославление и почитание отражают характерные черты народного религиозного сознания. Юный отрок, еще не успевший стяжать славу добродетельного жития и внезапно убитый молнией, не был погребен на христианском кладбище; согласно Житию, тело его, обернутое берестой, положили «на пустѣ мѣстѣ в лѣсѣ, еже нарицается Сосония, верхъ земли непогребено, одалъ церкви», т.е. так, как хоронили «нечистых» покойников. Народные поверья и книжный материал свидетельствуют о двойственном отношении к убитым молнией: с одной стороны, таких внезапно скончавшихся, умерших без покаяния гнушались, а с другой, почитали праведными, полагая, что как безвинно убитые они по воле Бога попадали в царство небесное<sup>1</sup>. Примечательно, что, согласно народным представлениям, таким орудием божественного промысла часто служил Илья пророк – огнеколесничник и громовержец. В традиционной культуре к Ильину дню (20 июля по старому стилю) относился ряд запретов, многие из которых были связаны с сельскохозяйственным трудом крестьянина и его бытом; в частности, считалось, что в Ильин день нечистые духи вселялись в зверей и пресмыкающихся и только Илья-пророк громом мог разогнать этих врагов<sup>2</sup>.

В Житии Артемия Веркольского причина внезапной смерти отрока не получает объяснения, но на сближение в народном сознании истории веркольского мальчика с культом пророка Илии может косвенно указывать тот факт, что изначально память святого отмечалась 23 июля, т.е. на третий день после Ильина дня. В тексте Жития двух ранних редакций эта дата не указывается, но она внесена в заглавие, к примеру, двух монастырских списков 50-х годов XVII века<sup>3</sup>; этот день сохранила и старообрядческая традиция. Новообрядческая церковь память св. Артемия Веркольского отмечает месяцем ранее, 23 июня<sup>4</sup>.

Чудесное обретение в 1577 году мощей святого, их перенесение в приходской Никольский храм, а затем в храм во имя великомученика Артемия Антиохийского (в 1635 г.), основание вокруг этого храма монастыря, рассказы о многочисленных чудотворениях стали видимым проявлением почитания праведного отрока, которое весьма скоро вышло за границы его родных мест. Литературная история Жития Артемия Веркольского, подробно исследованная Л.А. Дмитриевым и Н.В. Савельевой, свидетельствует об устойчивости агиографического текста, основные этапы

развития которого были связаны необходимостью записи новых чудес<sup>5</sup>. Так, установлено существование четырех редакций памятника: Первой (с 53 чудесами), составленной около 1618 года по поручению новгородского митрополита Макария, Второй (с 72 чудесами), написанной вскоре после 1648 года, когда мощи Артемия были перенесены из мирской часовни в монастырский храм; Третьей (с 85 чудесами) и Четвертой, составленными в начале XVIII века в Артемиевом Веркольском монастыре.

Память о праведном Артемии прочно сохранялась на протяжении XVIII–XIX веков. Центром почитания веркольского чудотворца стала упомянутая обитель, в которой почивали мощи святого. Эта часть традиции хорошо известна<sup>6</sup>. Однако, параллельно ей, существовала и другая традиция, уходящая своими корнями в более древние, дораскольские времена.

Архангельские земли, как и все Поморье, были местом преимущественного распространения старообрядчества поморского согласия, берущего свое начало от Выго-Лексинского поморского общежития. Утвердившись и обустроившись в глухих лесах Обонежья, оно развернуло обширную программу церковного и культурного строительства. Выговская киновия не только географически принадлежала к Русскому Северу: она была тесно связана с его религиозными традициями и культурой. Эту преемственность обеспечивали многочисленные насельники, перебравшиеся на Выг из городов и деревень северного и северо-западного региона и принесшие с собой свои привязанности, объекты почитания. На примере преподобных Зосимы и Савватия Соловецких, Александра Свирского и Александра Ошевенского нам уже приходилось показывать, как творчески Выговское общежитие продолжило почитание севернорусских святых<sup>7</sup>.

Первыми киновиархами Выга была выработана и успешно осуществлялась программа собирания письменных и иконографических памятников о русских святых, в том числе подвижниках Русского Севера. Если выговские старообрядцы сумели раздобыть такие редкости, как Житие и изображение Евфимия Архангелогородского<sup>8</sup>, то что говорить о гораздо более популярном Артемии Веркольском.

Согласно уставу, память праведного отрока отмечалась на Выгу 23 июля; служба пелась полиелеосная, с трезвоном<sup>9</sup>. Под этим же числом Житие Артемия Веркольского вошло в составленные в 1713–1715 годах трудами первого уставщика Петра Прокопьева Четии Минеи<sup>10</sup>. В Лексинской соборной часовне наряду со знаменитым «Выголексинским сборником» XII века и рукописями XVI века, хранились сборник XVII века (по-видимому, второй четверти) с Житием Артемия Веркольского<sup>11</sup>, выполненные выговским полууставом в 20–30-е годы XVIII века сборник служб и житий со службой и канонем Артемию Веркольскому<sup>12</sup> и в 10-е годы XIX века сборник житий Прокопия Устюжского и Артемия Веркольского и служб им<sup>13</sup>. Обращает на себя внимание то, что и в составе выговских Четиих Миней, и в последнем из сборников читается текст Второй редакции веркольского чудотворца. Зная широту и глубину выговских агиографических разысканий, не приходится сомневаться, что

© Вольфсон Л.И., Юхименко Е.М., 2012

\*Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 12-04-00095а).

книжникам Выга были известны обе ранние редакции, но они сознательно предпочли самую полную из них и именно этот текст переписывался в выговском скриптории для широкого распространения. Похвала св. Артемию была включена Семейном Денисовым в «Слово воспоминательное о святых чудотворцах, в России воссиявших», написанное в 30-е годы XVIII века и содержащее обширнейший (из 176 имен) перечень русских святых. Веркольский чудотворец назван в паре с другим праведником и рядом с двумя местночтимыми святыми, разыскать сведения о которых стоило большого труда: «Евфимий Архагелоградский, мироблаговонное чудотворений излиание. Праведная Иаковъ Боровицкий и Артемии Веркольский отрокъ, всепресвѣтлая дивныхъ знаменій свѣтильника. Евфросинъ Андомский, на западѣ лѣтъ возсиявшая всекрасная благодатная заря»<sup>14</sup>.

В Выговской старообрядческой пустыни собирали не только письменные памятники и местные предания о русских святых, но и их иконографические изображения. Из этого материала не позднее 30-х годов XVIII века выходец из Каргополя иконописец Даниил Матвеев разработал новый «Образ всех российских чудотворцев», на котором 187 русских святых были сгруппированы по чинам святости<sup>15</sup>. На иконе Артемий Веркольский помещен в левом верхнем ряду в числе близких ему по характеру святости юродивых и праведных, также подвизавшихся в севернорусских местах: от центра к краю изображены Никола Кочанов, Прокопий Устюжский, Иоанн Устюжский, Георгий Новгородский, Иаков Боровицкий, Иоанн Яренгский, Логин Яренгский, Артемий Веркольский, Прокопий Устьянский.

Существенно расширяет этот предметный ряд, свидетельствующий о глубине почитания старообрядцами св. Артемия и сохранении древней традиции в старообрядческой среде Русского Севера, впервые вводимая в научный оборот житийная икона Артемия Веркольского из частного собрания (ил. 1). Она датируется первой половиной XIX века и включает 16 житийных клейм и две житийные сцены в среднике. Доска размером 45 × 38,5 × 2,5 имеет две встречные профилированные и две торцевые шпонки на всю ширину доски, что удерживает ее в идеально ровном состоянии.

В среднике изображен веркольский чудотворец (надпись: «**СТ҃ХІЙ АРТЕМІЙ ВЕРКОЛСКИЙ**») в рост в длинной рубахе и портах с посошком в левой руке, правая рука прижата к груди, но пальцы сложены в двуперстие. Слева от него – сцена «**Погрѣбениѣ тѣла ст҃аго Артемїа Верколскаго**», заметим, что это изображение противоречит тексту Жития, согласно которому, как уже отмечалось выше, праведный отрок не имел церковного погребения. Иконописец же представил этикетную сцену: умерший лежит в гробу, рядом священник, осеняющий умершего двуперстным крестным знамением, диакон, кадящий кадильницей на цепях, и еще двое – мужчина и женщина, оплакивающие покойника, и третий, держащий крышку гроба. Справа от фигуры святого представлено «**Обрѣтениѣ мощей ст҃аго Артемїа Верколскаго**». Святой также изображен лежащим в гробу, рядом снятая крышка, стоят очевидцы и диакон прикасается к главе святого; за ними Никольский храм, на

что указывает икона святителя с подписью «**Ст҃ъ Никола чюд**». При верности некоторых деталей (участие в обретении мощей в 1577 году диака (диакона) церкви святого Николы Агафоника и последующее положение мощей святого в этом храме) обращает на себя внимание отступление от текста Жития в двух важнейших моментах: Агафоник обнаружил место, где лежало тело праведника, по чудесному свету («**И возсия свѣтъ от мѣста того – Господь Богъ прославляетъ святыхъ своихъ**», л. 390 об.) и, конечно, мощи обнаружились вовсе не в гробу («**Христиане же неразумиємъ взяша просто тѣло ст҃аго Артемїа, и привезоша к церкви, и положиша его тѣло в паперти ст҃аго Николы**» (л. 390 об.)).

Вокруг средника иконы размещены 16 клейм, повествующих главным образом о чудесах святого.

Первой клеймо – «**Рождество ст҃аго Артемїа Верколскаго**» включает две сцены, имеющие иконографический аналог – «Рождество Богоматери»: мать святого возлежит на ложе, а отец подносит ей питье, служанка готовится к омовению младенца в купели. Житие не сообщает никаких подробностей рождения святого, ограничиваясь единственно необходимой фразой: «**родися сеи богомудрыи праведныи Артемии от христиану благочестиву родителю – отца его именовемъ Козмы, рекомаго Малаго, и матери Полинариѣ**» (л. 390). Безусловно, в этой бедной крестьянской семье вряд ли была какая-либо служанка.

Второе клеймо – «**обрѣтениѣ громом и молнією ст҃аго Артемїа**» – самый популярный сюжет в иконографии св. Артемия, часто встречающийся на отдельных иконах (ил. 2). Иконописец изобразил отрока, боронящего почву; грозовую тучу с молниями и простертое на земле тело убитого подростка. По большей части именно так передавался на иконах данный сюжет, хотя внимательное прочтение Жития святого обнаруживает, что он скончался от испуга: «**Бывшу же многу гласу громному. И абие над праведнымъ Артемиемъ зелнѣйша и крѣпчайша, с прещениємъ велимъ громъ возшумѣ, блаженныи же ужасеся, и от того великаго ужаса и грому испусти дух, и предасть душу свою в руцѣ Господеви**» (л. 390 об.).

Далее следуют 11 чудес, совершенных святым в тот период времени, когда мощи его находились в приделе Никольского храма.

Клеймо 3 «**Чудо ст҃аго Артемїа о муже, емуже обратиса лице назадъ**» посвящено первому чуду, описанному в Житии праведника (мы сохраняем нумерацию чудес такой, какой она дается в двух ранних редакциях) и произошедшему в 1584 году с неким человеком по имени Павел. На иконе он изображен молящимся перед образом св. Артемия (надпись на верхнем поле изображенной иконы: «**Артемїи**»), тогда как в Житии сказано, что он «**моляшеся Богу и святому чудотворцу Николѣ**» и только «**вспомянувъ ст҃аго Артемїа**» (л. 392).

Клеймо 4 «**Чудо ст҃аго Артемїа о младенце, емуже высть рѣка съха, прикосновениемъ же до гроба ст҃аго исцели**» соответствует второму чуду из Жития Артемия, однако мы замечаем, что иначе отразил это событие. В Житии говорится о том, что «**прииде жена нѣкая, принесе своего младенца, рукою разслаблена. И**

молебная сотвори Господу Богу и святому Николѣ, и приложи отроча ко гробу святого Артемия, и бысть отроча здраво рукою» (л. 392 об.). В клейме иконы совершенно очевидно изображен отрок, не младенец, самостоятельно припадающий ко гробу святого (женщин иконописец изображает обязательно с покровенной головой).

Клеймо 5 «**Чюдо ст҃го Артемїа о мѣже Андрее, емѣже исцелишася очи от болизньи**» посвящено чуду 4-му, рассказывающему о человеке, который «помолися Господу Богу и святому Артемию, и абие здравъ бысть очима» (л. 392 об.). Примечательно, что и в этом клейме обращение с молитвенной просьбой к праведнику изображается как моление перед образом Артемия (надпись: «**Артемїи**»).

Клеймо 6 «**Чюдо ст҃го Артемїа о мѣже Аврамі, болившемъ зѣною болизнью, и о жене его, одержимѣи трасавницею**». Как и в предыдущем клейме, оба героя 6-го чуда молятся перед иконой св. Артемия.

Клеймо 7 «**Чюдо ст҃го Артемїа о мѣже Ермолае, одержимѣи дѣхомъ нечистымъ**» соответствует 10-му чуду Жития, текст которого весьма краток и не содержит таких изображенных на иконе подробностей, как моление перед образом праведника и исхождение нечистого духа.

Клеймо 8 «**Чюдо ст҃го Артемїа о мѣже Иоанні, иже посмѣася чудесемъ ст҃аго и ослѣпе и бысть здравъ по мѣтви**» иллюстрирует 17-е чудо. Иконописец добавляет одну «говорящую» деталь: Иоанн, молясь св. Артемию, держит в руке палку, с которой ходят слепые, тогда как в Житии нет прямого указания на то, что человек этот был долгое время объят слепотой, слова «много ему молящуся о том» можно отнести и к одной усердной молитве.

Клеймо 9 «**Ст҃ын Артемїи ависа во снѣ мѣжѣ Иоаннѣ, исцели его от раслабленїа**» относится к чуду 22 (ил. 3), в котором, единственном, рассказывается о чуде исцеления расслабленного, которому праведный Артемий предстал в видении. Вместе с тем в подписи к изображению допущена очевидная и вполне объяснимая ошибка: исцеленный назван Иоанном, тогда как в Житии это Иев Иванов сын: «В то же время, на память святого Николы, человекъ нѣкто именемъ Иевъ Иванов сынъ, пинеженинъ из веси, рекомыя Лѣтопалы, повѣда намъ: Бывшу мнѣ в недузѣ, раслабленъ мѣсяць пять, не могии двинути. И нача молитися святому Артемию. И явися ми святыи в видѣнии, рече ми: «Иди ко гробу моему, помолися, и исцѣлѣши». Аз же возбнув, в той часъ здравъ бысть и, хвалу воздавъ Богу и святому Артемию, прииде дозѣ днесь» (л. 395).

Клеймо 10 «**Чюдо ст҃го Артемїа о отроки Исаїи вѣснѣющемъ, иже приведоша его ко гробѣ ст҃аго и исцели**» отсылает нас к 31-му чуду Жития (ил. 4), происшедшему в 1607 году с сыном дворянина Евфимия Игнатъева. Текст краткого агиографического повествования иконописец интерпретировал по-своему: он не только изобразил беса, покинувшего Исаию, но и представил родителей отрока, приведших его ко гробу святого, тогда как в Житии об этом прямо не говорится, лишь употребляются глаголы в форме аориста 3-го лица множественного числа («ведоша», «при-

ложиша»). Надо заметить, что благодаря этим «домысленным» деталям композиция данного клейма, в отличие от других, посвященных чудесам, приобрела динамичность.

Клеймо 11 «**Чюдо ст҃го Артемїа о мѣже Калинникѣ, емѣже исцели ѣтробнаа болизнь**» относится к 38-му чуду, правда, не вполне ясно, что заставило иконописца выбрать именно этот фрагмент Жития, рассказывающий сразу о трех исцелениях: «Бысть убо нѣкто человекъ Калинник да Матрона Ивановы дѣѣти, рекомыя Захаровы. У Калинника же бѣ болѣзнь утробная, а у дѣвицы болѣша очи. А ина жена именемъ Улита очми же болна вельми от бури. И моляшеся святымъ чудотворцемъ Николѣ и Артемию Верколскимъ и многимъ молениемъ здравие получиша от святыхъ» (л. 396 об.). В Житии нет другого героя по имени Калинник, и только он один изображен в рассматриваемом клейме.

Клеймо 12 «**Чюдо ст҃го Артемїа о жене Дарїи, иже не можаше родити**» иллюстрирует результат усердного моления, описанного в трех строках 39-го чуда: «Бѣ нѣкая жена именемъ Дария, не можаше чад родити. И обѣтъ положи ко святому Артемию молитися, и от святого исцѣление получаше» (л. 396 об.). На иконе изображена Дария, к ложу которой подносят новорожденного младенца, а она рукой указывает на висящий над ее ложем образ святого Артемия (надпись: «**Артемїи**»).

Клеймо 13 «**Чюдо ст҃го Артемїа о мѣже Алимпїи, иже не можаше ходити, и исцели**» отсылает нас к тексту 42-го чуда: «Бѣ нѣкто человекъ именемъ Алимпей Дмитриевъ, верхотомец, и рукодѣлие сребренное имѣя. И случися ему в болѣзнь пасти, ногама своима не можаше ходити шесть недѣль. И помолися с вѣрою святому Артемию. И бысть здравъ человекъ той, благодаря Бога и святого Артемия» (л. 397–397 об.). На иконе мы замечаем интересную деталь: две подушки на полу для коленапреклоненной молитвы человека с больными ногами.

Клеймо 14 «**Пренесение мощей ст҃аго Артемїа ис предѣла в црковь ст҃ Николы чудотѣ**» посвящено событию, происшедшему 6 декабря 1609 года, описанному в 46-м чуде Жития. Гробницу с мощами святого переносят из придела Никольской церкви в главное храмовое пространство; направление перемещения подчеркивается изображением разновеликого архитектурного пространства. Место действия обозначается также иконой св. Николы (надпись: «**Ст҃ Николѣ чудѣ**»). Носилки несут четыре диакона, за ними следует священник с книгой.

Из целого ряда чудес, совершившихся у мощей праведного Артемия на новом месте их пребывания, иконописец выбирает только одно (чудо 47-е) – клеймо 15 «**Чюдо ст҃го Артемїа о мѣже именемъ Патрикїи, егоже три краты исцели от болизньи грыжной**». Эта подпись содержит неточность, свидетельствующую о недостаточно внимательном прочтении текста. В Житии рассказывается об устюжанине Патрикии Игнатъеве, который в 1602 году, боля грыжей, дал обет прийти в Верколу и поклонится праведному Артемию. Святой исцелил болящего, но поскольку тот своего обета не исполнил, в 1610 году болезнь возобновилась. События повторились. В 1612 году пренебрегавший своими обетами Патрикий заболел в

третий раз, но не грыжей, а слепотой: «нападе на очи человека того темень, и не видѣвъ ничтоже пред собою». Вновь он с мольбой обратился к Артемию («даждь ми прозрѣние очию моею», л. 398), и на этот раз, получив исцеление, исполнил свой обет.

Клеймо 16 «Пренесеніе мощей свѣтаго Артемія в црковь, поставленнѣю во имя его» изображает торжественную процессию перенесения мощей праведного Артемия в 1648 году из Никольской церкви в храм, построенный на месте обретения мощей святого (ил. 5). Это событие описывается в 73-м чуде, причем в тексте правильно (в отличие от подписи под клеймом) указывается наименование престола – во имя святого великомученика Артемия. Композиция клейма имеет иконографический образец – так традиционно изображалось перенесение мощей святых, в частности святителя Николы из Мир Ликийских в Бари.

Наличие именно этого клейма позволяет точно определить, что основой для житийной иконы Веркольского чудотворца послужила II редакция его Жития, которая была представлена в списках в Выговской старообрядческой пустыни.

Принадлежность данной иконы старообрядческому мастеру не вызывает сомнений в силу не только стилистики, но и наличия «видимых оказательств раскола»: дважды изображено двуперстие (в среднике), в старообрядческом варианте приведены имя архиепископа Мир Ликийских («Никола») и слово «рожество».

Судя по качеству письма, икона выполнена профессиональным иконописцем; в ней нет приемов, характерных для так называемых «северных писем». Место действия везде изображено условно, палатным письмом, хотя и рождение праведника, и многие с ним связанные чудеса происходили в крестьянских избах.

При сравнении чудес, выбранных для изображения на житийной иконе, с полным корпусом чудес по II редакции можно сделать несколько наблюдений. Во-первых, на иконе представлены, условно говоря, нейтральные чудеса – исцеления от широкого спектра болезней (трясавицы, зубной, глазной, утробной, ножной болезней, расслабления, беснования); не получили зримого образа чудеса особенные, характерные именно для св. Артемия (чудо 13 – исцеление преподобного Трифона Вятского, чудеса 19, 20, 54 – исцеление от образа, писанного на доске от гробницы св. Артемия, от стружек и кусочков бересты от гробницы) или для Поморья (чудо 35 – исцеление увечья, полученного на морском промысле, чудеса 57, 61 – спасение от потопления на реке Пинеге и на море). Во-вторых, на иконе изображены чудеса, происшедшие с людьми, точное место рождения или жительства которых в Житии не указано (из изображенных 12 чудес только три имеют такую географическую привязку: 22 – с пинежанином Иевом Ивановым, 42 – с жителем Верхней Тоймы Алимпием Дмитриевым и 47 – жителем Устюжского уезда Патрикием Игнатьевым), тогда как герои многих других чудес, описанных в Житии, – уроженцы конкретных мест Поморья. В-третьих, выборка для иконы носит мирской, а не монастырский характер, поскольку для иллюстрирования выбрано единственное в Житии чудо о жене Дарии, «не могушей родити».

Таким образом, анализ состава клейм житийной иконы позволяет предположить, что этот памятник, отразивший несомненное почитание веркольского чудотворца, все же был создан не в его родных местах, хотя и на Севере России.

Этот вывод косвенно подтверждается и другим изобразительным материалом.

В настоящее время известно, помимо рассматриваемой, еще 5 житийных икон св. Артемия Веркольского. И по своему происхождению, и по характеру выборки чудес, и по стилистике они четко распадаются на две группы.

Одну из них составляют 4 образа, находившиеся в храмах синодальной церкви: икона конца XVII века (16 клейм) из Никольской церкви в деревне Волок Боровичского уезда Новгородской области (ГРМ)<sup>16</sup>, икона начала XVIII века (13 клейм) из села Едома Пинежского района Архангельской области (Архангельский областной музей изобразительных искусств – АОМИИ)<sup>17</sup>; икона второй половины XVIII века (21 клеймо) из церкви Воздвижения Креста Усть-Кижского погоста на Онеге (Соловецкий государственный историко-архитектурный и природный музей-заповедник – СГИАПМЗ)<sup>18</sup>; икона XVIII века в окладе (12 клейм) из Юсуповского дворца в Петербурге (ГРМ)<sup>19</sup>. Для этих икон, несмотря на разное количество клейм, характерно более пристальное внимание к жизни отрока (икона ГРМ, клейма 1–4; икона АОМИИ, клейма 1–3; икона СГИАПМЗ, клейма 1–2; икона из Юсуповского дворца, клейма 1–2), обстоятельствам обретения мощей св. Артемия (икона ГРМ, клейма 7–10; икона АОМИИ, клеймо 7–9; икона СГИАПМЗ, клеймо 4–5; икона из Юсуповского дворца, клейма 5–6), к особым чудесам праведного отрока (икона СГИАПМЗ, клеймо 6, исцеление от бересты; икона из Юсуповского дворца, клейма 9–10), к поморским чудесам (икона СГИАПМЗ, клеймо 15). Данные иконы не обнаруживают между собой никакой близости, каждая из них имеет самостоятельное происхождение.

Вторая группа состоит из двух икон (включая ту, которая составляет предмет настоящей статьи). Их объединяет не только старообрядческая среда бытования, но и общность происхождения.

Большое сходство с рассматриваемой иконой представляет памятник, датированный серединой XIX века, из собрания ЦМиАР<sup>20</sup> (ил. 6). По сути дела, он является усеченным вариантом иконы из частного собрания: 12 клейм этой иконы в точности, до мельчайших деталей, совпадают с описанными выше клеймами 1–11 и 16, они выполнены по одним прорисям, цветовое наполнение рисунка также совпадает. Фигура святого в среднике той и другой иконы выполнена по единому образцу, о чем свидетельствует как общий рисунок, так и расположение складок одежды (обратим внимание на своеобразную прорисовку складок в районе шеи и плеч). В иконе с 12 клеймами отсутствуют две житийные сцены в среднике. Дословно совпадают подписи к клеймам на обеих иконах. Икона с 16 клеймами характеризуется несомненной полнотой замысла и цельностью исполнения, поэтому можно предположить, что икона ЦМиАР по отношению к ней (или к их общему протографу) является вторичной.

Авторы каталога «Слово и образ» отметили, что в стилистике иконы с 12 клеймами «прослеживается влияние художественной культуры старообрядцев Выга», и место ее создания локализовали следующим образом: «Поморье, старообрядческая мастерская».

Внимательно рассматривая обе иконы, происходящие, безусловно, из одной мастерской, можно выделить несколько характерных приемов письма. На иконе из частного собрания в среднике и в клеймах 2, 16 скудный северный пейзаж передается чередующимися мазками сине-зеленой краски различного тонового наполнения, что создает не лишнюю декоративности «полосатость». Окраска крон небольших деревьев также имеет переход тона от темного к светлому, но по вертикали. По всему фону средника и указанных клейм разбросаны «композиции» из трех точек, расположенных как бы в вершинах равностороннего треугольника и имитирующих ягоду «клюкву» (ил. 7). Лещадки в среднике и клейме 16, скорее всего, идут от иконописного навыка мастера: они не являются реальной приметой северного пейзажа. Площадки этих двухвершинных лещадок простираются влево и наведены белильными мазками, правый склон по контуру очерчен более темной красно-коричневой краской. Икона с 12 клеймами выполнена проще: нет лещадок, дробная «полосатость» стала крупнее, превратившись в два широких всхолмия с двумя рядами маленьких деревцев в среднике и клейме 12, но сохранилась «клюковка» (с трудом различимая на воспроизведении иконы в каталоге). И в той, и в другой иконе наверх палат прорисованы по охристому фону черной краской, в ряде случаев они даже лишены реальной конфигурации крыш и сводов и превращаются в черневые декоративные узоры, например, в клеймах 1, 3, 5–9, 13 иконы из частного собрания и в клейме 9 иконы из ЦМиАР. Художников данной мастерской отличало также стремление к легкой декоративной разделке стен интерьеров: выполненные тонкими линиями с небольшой тонировкой рокайльные узоры обрамляют окна, небольшая гирлянда из полукружий пущена ниже по стене под окнами и даже под иконами. Это можно заметить во всех клеймах с палатным письмом.

Отмеченные приемы мы можем обнаружить еще на нескольких иконах старообрядческого происхождения, введенных в научный оборот в последнее время.

На иконе «Преподобный Антоний Римский Чудотворец с житием в 12 клеймах» первой четверти (?) XIX века (ГРМ)<sup>21</sup> находим «полосатый» фон, «клюковку», схожие лещадки и декоративную разделку стен. Удивительным образом «полосатый» фон с елями оказался включен в сцену «Благовещение у кладезя» на иконе «Благовещение» первой трети XIX века (ГРМ)<sup>22</sup>, и уже вслед за этой характерной деталью можно увидеть схожие черневые узоры палатного письма и выявленные белилами архитектурные детали красных колонн и арок (см. клейма 1, 3, 5, 7, 8, 11, 12 иконы из частного собрания). Специалисты отмечают несомненную близость житийной иконы Антония Римлянина к образу «Святого Василия Великого с житием в 16 клеймах» первой трети XIX века (ГРМ)<sup>23</sup>. К этому же кругу памятников принадлежит икона «Великомученик Димитрий Солунский с житием» первой половины

XIX века из собрания А.Ф. Кожевникова<sup>24</sup>. Здесь близкие к житийной иконе Артемия Веркольского с 16 клеймами фон, деревья с переходом тона, лещадки. И еще один памятник заслуживает включения в выявленную группу – «Образ всех российских чудотворцев» (ГТГ)<sup>25</sup>, находившийся в Чаженском скиту в Каргополье (напомним, что этот скит принадлежал Выговскому общежителю). Небольшой фрагмент фона в нижней части иконы выполнен в виде трех широких всхолмий с маленькими елочками и «клюковкой», что явно напоминает фон на иконе Артемия Веркольского из ЦМиАР.

Происхождение четырех из вышеперечисленных икон (за исключением «Образа всех российских чудотворцев») в каталогах связывается с Выгом. В случае с тремя иконами Русского музея эта связь имеет прямое подтверждение. Они происходят из Долговой моленной – подворья Выговского общежития в Петербурге. Икона «Благовещение», по мнению Ф.А. Каликина, была написана в Березовском скиту Выговского общежития. Житийный образ Антония Римлянина имеет дарственную надпись на обороте: «Василью Ерофеевичу от Семена Стефанова», без сомнения, выполненную на Выгу и адресованную наставнику Долговой моленной с 1830 по 1840-е годы Василию Ерофееву<sup>26</sup>.

Таким образом, с учетом данного письменного свидетельства, факта нахождения трех икон в иконостасе поморского храма в Петербурге и общности стилистических признаков, мы имеем основания утверждать, что семь известных нам памятников были созданы в мастерской, находившейся в одном из крупных скитов Выговского суземка. Пока трудно с определенностью сказать, был ли это Березовский скит или Чаженский, поскольку и тот и другой были связаны с иконописанием. Березовский скит, в котором жили известные иконописцы первого поколения Алексей Гаврилов из Вязников, его дядя Василий Ларионов и Михаил Иванов Вышатины, действительно, специализировался на этом виде искусства<sup>27</sup>. В Чаженском скиту в 1759–1772 годы настоятельством иконописец Поликарп Яковлев<sup>28</sup>.

Мастерская, существовавшая в первой половине XIX века в выговском скиту, продолжила заложенные основателями Выга традиции по собиранию и распространению агиологического материала. В этом центре профессионального иконописания отдавалось предпочтение житийным иконам (даже икона «Благовещение» включает восемь дополнительных эпизодов), наиболее подробно рассказывающим о святом. Сохранилось преимущественное внимание к русским подвижникам, о чем свидетельствует и «Образ всех российских чудотворцев», и икона Антония Римлянина, и два образа Артемия Веркольского. Создаваемые здесь иконы предназначались для одноверцев, живущих во внешнем мире (напомним чудо о жене Дарии). Особое место в выявленном круге памятников принадлежит иконе «Св. Артемий Веркольский» из частного собрания, представляющей наиболее развернутый иллюстративный ряд житийного повествования и свидетельствующей о творческом развитии в старообрядческой среде традиций почитания веркольского чудотворца.

### Примечания

<sup>1</sup>Рыжова Е.А. Севернорусская агиография в контексте традиционной народной культуры («почему убитые громом – святые») // Локальные традиции в народной культуре Русского Севера (Материалы IV Международной научной конференции «Рябининские чтения–2003»). Петрозаводск, 2003. С. 368–372; Савельева Н.В. Сказания XVII века о святых, святых и подвижниках Русского Севера: Пинега и Мезень. СПб., 2010. С. 199–200.

<sup>2</sup>Рыжова Е.А. Севернорусская агиография в контексте традиционной народной культуры... С. 371.

<sup>3</sup>БАН. Архангельское собр. Д. 255. Л. 1; ГИМ. Собр. Щукина. № 424. Л. 1. Об этих списках см.: Савельева Н.В. Сказания XVII века... С. 163–167, 417.

<sup>4</sup>См., например: Словарь исторический о святых, прославленных в российской церкви, и о некоторых подвижниках благочестия, местно чтимых. СПб., 1862. С. 38–39; Булгаков С.Н. Настольная книга для священно-церковно-служителей. М., 1993. Т. 1. С. 233–234; Православная энциклопедия. М., 2001. Т. 3. С. 463–464. Отмечается также день 20 октября, по одним источникам, как день перенесения мощей, по другим – как день тезоименитства (Булгаков С.Н. Настольная книга... Т. 1. С. 418).

<sup>5</sup>Дмитриев Л.А. Житийные повести Русского Севера как памятники литературы XIII—XVII вв. Л., 1973. С. 249–261; Савельева Н.В. Сказания XVII века... С. 180–242.

<sup>6</sup>Православная энциклопедия. М., 2001. Т. 3. С. 454–456, 464–465.

<sup>7</sup>Юхименко Е.М. 1) Почитание Зосимы и Савватия Соловецких в Выговской старообрядческой пустыни // ТОДРЛ. СПб., 1993. Т. 48. 351–354; 2) Выговские похвальные слова Александру Ошевенскому // Святые и святые севернорусских земель. Каргополь, 2002. С. 25–33; 3) Выговские похвальные слова Зосиме и Савватию Соловецким // Книжные центры Древней Руси: Книжники и рукописи Соловецкого монастыря. СПб., 2004. С. 380–404; 4) Выговские похвальные слова Александру Свирскому // Русская агиография: Исследования. Публикации. Polemica. СПб., 2005. С. 667–693.

<sup>8</sup>Почитание этого святого было отменено епископом Холмогорским Афанасием в 1683 г., и, думается, разыскать памятники, связанные с «опальным» преподобным, требовало большого труда. «Повесть о обретении мощей и о чудесах преподобного Евфимия Архангелогородского» входит в состав знаменитого созданного на Выгу в 30-е гг. XVIII в. «Поморского сборника», которым пользовался В.О. Ключевский (ГИМ. Музейское собр. № 1510. Л. 340–345 об. В начале XVIII в. на Выгу был написан миниатюрный образ преподобного, помещенный в центральной створе трехстворчатого складня, – это одно из двух известных на сегодняшний день иконных изображений Евфимия Архангелогородского (еще один памятник – икона конца XVII – начала XVIII в. Об этом, а также воспроизведение икон см.: Кольцова Т.М.

Искусство Холмогор XVI–XVIII веков. М., 2009. С. 129–130).

<sup>9</sup>Устав. Круг вселетного богослужения Поморского Выгорецкого монастыря. Саратов, 1913. Л. 160–160 об.

<sup>10</sup>ГИМ. Музейское II собр. № 89. Л. 389–403 (Месяца июля въ 23 день. Житие святого и праведного богомудраго отрока новоявленного Артемия Веркольскаго чудотворца, списано по благословению Макария митрополита Новгородскаго. Нач.: Иже прежде всѣхъ сый и всякая за всѣхъ подобаетъ истинному человку вдати...). Далее по тексту приводятся цитаты из этого документа.

<sup>11</sup>Описание рукописно-книжного собрания Выго-Лексинского общежития // Юхименко Е.М. Выговская старообрядческая пустынь: Духовная жизнь и литература. М., 2002. Т. 2. С. 406, № 195.

<sup>12</sup>Там же. С. 401, № 168.

<sup>13</sup>Там же. С. 399, № 165.

<sup>14</sup>ГИМ. Музейское собр. № 1510. Л. 15 об.

<sup>15</sup>См.: Юхименко Е.М. Агиологические разыскания выговских старообрядцев и образ всех святых российских чудотворцев // XIV Научные чтения памяти Ирины Петровны Болотцевой: сборник статей. Ярославль, 2010. С. 152–167.

<sup>16</sup>Святые земли русской / Русский музей / Альманах. Вып. 287. СПб., 2010. С. 178–179. Кат. 255.

<sup>17</sup>Кольцова Т.М. Искусство Холмогор... С. 310, № 153.

<sup>18</sup>Там же. С. 117–119.

<sup>19</sup>Святые земли русской... С. 180–181. Кат. 256.

<sup>20</sup>Слово и образ: Русские житийные иконы XIV – начала XX в. Каталог выставки. М., 2010. С. 146–147. № 58.

<sup>21</sup>Образы и символы старой веры: Произведения старообрядческого искусства в собрании Русского музея / Автор концепции и составитель издания Н.В. Пивоварова. СПб., 2008. С. 95. № 78.

<sup>22</sup>Там же. С. 96–97. № 80.

<sup>23</sup>Там же. С. 94. № 77. См. также: Пивоварова Н.В. Оазис древнего благочестия: Об идейной программе внутреннего убранства Долговой моленной в Петербурге // Старообрядчество в России (XVII–XX вв.). М., 2010. Вып. 4. С. 550–552.

<sup>24</sup>Слово и образ. С. 84–85. № 29.

<sup>25</sup>ГТГ. Инв. ДР-528. Опубл.: *Icones russes. Les saints / Fondation Pierre Gianadda. Paris, 2000. P. 142–143.*

<sup>26</sup>Пивоварова Н.В. Оазис древнего благочестия. С. 550, 552.

<sup>27</sup>Серебрякова Е.И., Юхименко Е.М. Иконописная школа // Неизвестная Россия: К 300-летию Выговской старообрядческой пустыни. Каталог выставки. М., 1994. С. 31.

<sup>28</sup>Юхименко Е.М. Выговская старообрядческая пустынь: Духовная жизнь и литература. Т. 1. С. 280.

Н.О. Киришина  
(г. Вологда)

## Проблемы сохранения памятников деревянного зодчества на примере Архитектурно-этнографического музея Вологодской области

Вологодская область – часть обширной территории Русского Севера. Основная часть населения Вологодской губернии конца XIX – начала XX века проживала в сельской местности, поэтому особо актуальным является сохранение памяти о жизни и укладе северно-русской деревни. Особый интерес представляет русское деревянное зодчество. Ведь именно на Русском Севере оно получило наибольший масштаб и развитие.

Стремление к сохранению хотя бы в виде резервации основных элементов народной культуры подтолкнуло в 1979 году к созданию на Вологодской земле музея деревянного зодчества, который сегодня называется Архитектурно-этнографическим музеем Вологодской области – музеем «Семеново». В музее предпринимается попытка сохранить стремительно уходящий из жизни культурный слой, связанный с жизнью и традициями русской деревни: воссоздается историческая среда конца XIX – начала XX века, моделируется исторический ландшафт, сохраняются подлинные элементы материальной и духовной культуры.

Генеральным планом, разработанным в 1982 году авторским коллективом института «Спецпроектреставрация» (г. Москва), в состав которого вошли такие архитекторы, как Е.Ю. Барановский, С.В. Гельфер, О.Г. Севан, предусмотрено формирование музея по секторному принципу на основе архитектурно-этнографического зонирования области. **Данный проект получил высокую оценку и в 1986 году на Всесоюзном смотре архитектурных проектов был признан Союзом архитекторов РСФСР лучшим в номинации «Реставрация».**

В 1983 году был разработан и выпущен Проект детальной планировки Сухонского сектора музея – первого сектора по обзорному в музее экскурсионному маршруту, наиболее представительному по занимаемой площади. Сухонский регион в масштабах Вологодчины представляет особый интерес, как наиболее ранний по заселению, испытавший и сохранивший следы влияния новгородской культуры, а позднее низовской колонизации. На основе данных историко-архивных изысканий и комплексного экспедиционного обследования памятников народного зодчества была определена типология крестьянского жилища, представленная домами-дворами однорядной связи различной модификации, традиционных хозяйственных построек, а также памятников культурного значения. Проектом предложено создание обобщенной модели крестьянского поселения с характерной для древних населенных пунктов региона рядовой планировкой, увязанной в соответствии с особенностями окружающей среды в единый архитектурно-природный комплекс.

© Киришина Н.О., 2012

В 1985 году положено начало реставрационным работам на территории музея. Первыми объектами переноса явились дом А.Е. Болотовой, амбары Чадромцева и Парыгиной из деревни Королевская Нюксенского района. Планировочная структура именно этой деревни была положена в основу при проектировании модели поселения Сухонского сектора.

За период с 1979 по 1990 годы в условиях плановой экономики и стабильного финансирования в музее появились девять домов, но лишь четыре из них были собраны в полном объеме. В 1992 году, когда стало ясно, что финансовая ситуация в стране критическая и ждать поддержки от государства не имеет смысла, было принято решение об открытии музея для посетителей.

Безденежье 1990-х годов серьезно отразилось на состоянии памятников. Прошедший в 1998 году над территорией музея сильнейший ураган существенно повредил кровли домов и поставил под вопрос сам факт существования музея. В воздухе витали самые радикальные настроения, вплоть до его закрытия, как бесперспективного, затратного, никому ненужного объекта. Лишь в 2000-е годы ситуация начала меняться. Стало очевидно, что деревянные постройки, определявшие когда-то облик русских деревень, достигнув предельного возраста жизнеспособности, бесследно уходят из жизни, а вместе с ними стирается память об историческом прошлом.

В 2001 году на основании проведенного предварительного натурного обследования музея, выявившего крайне сложное состояние объектов показа, а также с учетом мнения о высокой стоимости содержания музея под открытым небом была произведена корректировка проекта детальной планировки Сухонского сектора в сторону уменьшения количества предполагаемых к экспонированию построек. Согласно новому документу в структуре музея выделяется:

- «деревня» – модель поселения конца XIX – начала XX века с рядной застройкой, основной единицей которой является усадьба (16 усадеб);
- церковный погост;
- сельскохозяйственный комплекс, состоящий из разнообразных сооружений, связанных с одним из важнейших занятий вологодского крестьянства – производством и переработкой зерна. В экспозицию войдут зерновые амбары (общественного назначения – магазина, небольшие амбары при мельницах), овины разных типов (верховой и низовой), гумно и несколько ветряных мельниц;
- ярмарочный комплекс, представляющий торговые ряды и сцену-карусель (зона основной антропогенной нагрузки);
- входная группа, административное здание, здание охраны, автомобильная стоянка.

Музей получил поддержку из областного бюджета. За период с 2004 по 2012 годы за счет региональных целевых программ на развитие было направлено около 76,9 млн. рублей, из них существенная часть использована на реставрационно-восстановительные работы. **Помимо региональных целевых программ музей получал**



**финансовую поддержку из федерального бюджета.** Доля областного бюджета в общем объеме финансирования музея за период с 2004 по 2012 годов составила 84,8%.

За последние годы музей сильно изменился. Если в 2003 году в экспозиции была представлена одна культовая постройка (часовня св. Ильи Пророка из деревни Григоровская Верховажского района); девять домов, при этом пять из которых собраны только в объеме жилой части и восемь хозяйственных построек, то в 2012 году в музее можно увидеть уже две культовые постройки, двенадцать домов, на одиннадцати из которых реставрация практически завершена, а также 16 хозяйственных построек. Всего 30 памятников деревянного зодчества.

Однако следует принять во внимание, что генеральным планом развития к переносу в музей намечено 86 построек, среди них 2 культовых сооружения, 16 домов, 68 хозяйственных построек. Одним из целевых показателей деятельности музея, который позволяет гибко отслеживать динамику реставрационных работ на объекте является удельный вес укомплектованности генерального плана. Максимально возможное значение этого показателя для музея «Семенково» составляет 45 баллов и является суммой произведений удельного веса каждого объекта на степень его завершенности. Максимальный удельный вес объекта – величина условная, для культовой постройки принят за «3», для дома за «1», баня, амбар, ледник – «0,1» и т.д. Степень завершенности – величина, напрямую зависящая от объема выполненных работ на объекте, предусмотренных проектно-сметной документацией, а также его техническим состоянием на данный момент. По состоянию на 1 июля 2012 года величина удельного веса укомплектованности генерального плана составила 14,8 баллов или 32,8 %.

Очевидно, что существует острая необходимость в проведении комплексного исследования Вологодской области (регион Средней Сухоны) на предмет выявления утраченных объектов, ранее рекомендованных к переносу в музей, и подбора типологической замены из числа сохранившихся образцов деревянного зодчества. В результате последних экспедиций (2003–2004 годы), организованных ФГУП "Институт по сохранению памятников истории и культуры "Спецпроектреставрация" (г. Москва) по заказу Вологодского государственного музея-заповедника:

– были выявлены утраты 10 объектов, представляющих интерес для музея, из них 2 дома и 8 хозяйственных построек;

– удалось достичь договоренности о передаче в музей дома В.В. Храпова из деревни Бор Нюксенского района, амбаров Тереховой из деревни Верхняя Горка Нюксенского района, Уланова из деревни Заречье Нюксенского района;

– произведена замена ранее утраченного объекта дома А.Г. Вахрушевой (1884 г.) из деревни Овсянниково Бабушкинского района на дом В.Н. Копылова (1881 г.) из деревни Коростелево Сямженского района.

В результате рабочей командировки в Тотемский район, которая состоялась весной 2011 года, зафиксировано обрушение ветряной мельницы-столбняки «на реке»

из деревни Борок Тотемского района, намеченной к переносу в музей. По имеющимся на сегодняшний день данным – это последняя мельница середины XIX века, дошедшая до наших дней. К сожалению, объем средств, предусмотренных бюджетом на ближайший период времени, недостаточен, чтобы осуществить работы по спасению памятника.

Таким образом, на пути создания полноценной экспозиции музея перевозимого типа в современных условиях следует констатировать:

– значительная часть объектов, ранее рекомендованных к переносу в музей, утрачена;

– в условиях недостаточного финансирования не производится постоянный мониторинг на предмет выявления наиболее интересных объектов деревянного зодчества для построения музейной экспозиции;

– в отдельных случаях наблюдается сопротивление муниципалитетов к переносу объектов в музей, при этом понимания и стратегии в деле сохранения памятников на местах нет. Так были утрачены: дом Лобанова, конца XIX – начала XX века, из деревни Быково Нюксенского района, дом В.А. Колупаева, конца XIX – начала XX века из деревни Заболотье Нюксенского района и др.

Однако немало затруднений возникает и в создании оптимальных условий для обеспечения сохранности памятников на территории музейного комплекса. Ввиду того, что музей находится в условиях естественного понижения рельефа, весной и осенью происходит подтопление его объектов. Единственный выход из этой ситуации – это реализация дорогостоящего проекта вертикальной планировки и благоустройства территории. Предпринятые ранее музеем шаги по внесению предложений в долгосрочную целевую программу «Инвестиции в объекты капитального строительства на 2010–2012 годы», на этом этапе, к сожалению, не увенчались успехом. Мировой финансовый кризис затронул экономику Вологодской области, в результате мероприятия по строительству дорог, инженерных сетей, пожарных водоемов, отведению воды от музейных объектов были вычеркнуты из числа приоритетных.

Тревожит наметившаяся тенденция сокращения объема финансирования музея за счет ведомственной целевой программы «Развитие Архитектурно-этнографического музея Вологодской области на период 2011–2012 годы». Объем выделенных средств не позволит продолжить и завершить работы на многих музейных объектах в 2012 году, как планировалось ранее: Георгиевская церковь (1700 г.) из деревни Поцкий погост Тарногского района, дом В.Н. Копылова (1881 г.) из деревни Коростелево Сямженского района, дом В.И. Поповой (конец XIX – начало XX вв.) из деревни Ефимовской Тарногского района. Будут приостановлены работы и по формированию усадьбы дома Уланова из деревни Заречье Нюксенского района.

В настоящее время остро нуждаются в реставрации объекты, перевезенные в музей еще в 1980-е годы: дом Поповой (конец XIX – начало XX вв.) из деревни Внуково Тотемского района, дом Слободиной (конец XIX в. – начало XX в.) из де-

ревни Подлипное Тотемского района, дом Болотовой (конец XIX в. – начало XX в.) из деревни Королевская Нюксенского района и другие. Отсутствие в структуре музея собственной ремонтно-эксплуатационной службы делает невозможным осуществление текущих плановых противоаварийных и ремонтных работ на памятниках.

С целью привлечения внимания широкой общественности к проблемам музея разработана и реализуется PR-стратегия «Строим вместе!». Предпринимается попытка создания информационного поля вокруг музейной деятельности, направленной на формирование экспозиции под открытым небом, ликвидирующей пробелы в знаниях вологжан о характере деятельности по спасению деревянных памятников от момента их выявления до окончательного завершения реставрационно-восстановительных работ. Возможно, это позволит расширить круг волонтеров, партнеров, друзей музея, готовых участвовать в его судьбе. Радует тот факт, что уже сейчас можно подвести некоторые итоги работы в этом направлении. Так при участии Генерального Консульства США в Санкт-Петербурге была поддержана заявка музея на грант Фонда американских послов по сохранению культурного наследия Госдепартамента США на продолжение реставрационно-восстановительных работ на памятнике – дом Копылова (1881 г.) из деревни Коростелево Сямженского района в рамках проекта «Сохраним русский дом на Русском Севере». При спонсорской поддержке предприятия ОАО «Северсталь» были осуществлены работы по маркировке, разборке и перевозу ветряной мельницы «на реже» из деревни Борок Тотемского района в музей. Многие лесные хозяйства области откликаются и предоставляют материалы для благоустройства территории музея: обустройства настилов, мостков, скамеек. Очевидно, что строительство музея в современных условиях – это дело рук не только музейных работников. Только объединив усилия бизнеса, власти, широкой общественности, можно сохранить деревянное прошлое.

*Г.Я. Лаптева  
(г. Архангельск)*

### **Памятники деревянного зодчества в правовом поле и реальном контексте**

Ситуация в любой точке российского пространства – это, с одной стороны, локальная версия региональных, национальных и общемировых процессов, а с другой – нечто уникальное.

Итак, «вечная» тема – памятники истории и культуры. С одной стороны, бесспорно – памятники необходимо охранять и сохранять. С другой – как жить в гармонии с памятниками? И как жить в памятниках?

**Правовое поле объектов культурного наследия.** Посмотрим на ситуацию с точки зрения законодательства. Положения основного закона, регулирующего отношения в области сохранения, использования, популяризации и государственной охраны объектов культурного наследия (памятников истории и культуры), – Федерального закона от 25 июня 2002 года № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» – свидетельствуют о следующем:

– в Российской Федерации гарантируется сохранность объектов культурного наследия в интересах настоящего и будущего поколений многонационального народа Российской Федерации (преамбула);

– объекты культурного наследия подлежат государственной охране в целях предотвращения их повреждения, разрушения или уничтожения, изменения облика и интерьера, перемещения и предотвращения других действий, могущих причинить им вред, а также в целях их защиты от неблагоприятного воздействия окружающей среды и от иных негативных воздействий (статья 33);

– государственная охрана объектов культурного наследия включает в себя, в том числе (статья 33):

- установление ответственности за повреждение, разрушение или уничтожение, перемещение объекта культурного наследия, изменение предмета охраны;
- разработку проектов зон охраны объектов культурного наследия;
- установление границы территории объекта культурного наследия;
- установку на объектах культурного наследия информационных надписей и обозначений;

– исключение из реестра объекта культурного наследия осуществляется только на основании акта Правительства Российской Федерации (статья 23) при обязательном проведении государственной историко-культурной экспертизы (статья 28);

– собственник объекта культурного наследия несет бремя содержания принадлежащего ему объекта культурного наследия (статья 48);

© Лаптева Г.Я., 2012

– в случае, если собственник объекта культурного наследия не выполняет требования к сохранению объекта культурного наследия или совершает действия, угрожающие его сохранности, он может быть лишен права собственности на основании решения суда по иску об изъятии у него бесхозно содержимого объекта (статья 54);

– физическое или юридическое лицо, владеющее на праве аренды объектом культурного наследия, являющееся его собственником либо пользующееся им на основании договора безвозмездного пользования, вложившее свои средства в работы по сохранению объекта культурного наследия и обеспечившее их выполнение, имеет право на льготную арендную плату, на компенсацию произведенных им затрат (статья 14).

Это основные положения закона, на которых базируется деятельность по сохранению, государственной охране и использованию объектов культурного наследия.

Тем не менее, правоприменительная практика в сфере государственной охраны объектов культурного наследия, опирающаяся на перечисленные законодательные нормы, затруднена, поскольку отсутствует порядок и способы реализации ряда важнейших правовых норм, таких, как:

– единые требования к порядку определения предмета охраны объекта культурного наследия;

– единая методика разработки и утверждения границ зон охраны объектов культурного наследия;

– порядок оформления охранных обязательств собственников объектов культурного наследия и пользователей объектами культурного наследия, ответственность за использование объекта культурного наследия без охранных обязательств;

– методика определения страховой стоимости объектов культурного наследия в целях обеспечения сохранности, использования и приватизации памятников, а также для определения размера ущерба, нанесенного им.

До настоящего времени не решен вопрос по определению размера возмещения ущерба.

Отсутствуют меры, стимулирующие привлечение частного капитала, механизм компенсации части расходов на реставрацию объектов культурного наследия за счет средств соответствующих бюджетов.

Все большую остроту приобретает несовершенство законодательства по вопросам, связанным с землепользованием и градостроительной деятельностью, а также имущественными отношениями.

Уязвимость объектов культурного наследия в условиях агрессивной градостроительной деятельности связана, в том числе с современным вектором развития градостроительного законодательства, доминирующего в этом секторе и не учитывающего вопросы охраны объектов культурного наследия как объектов градостроительной деятельности особого регулирования, упрощающего возможности застройки в ущерб памятникам.

Территориальный подход к вопросам охраны памятников не имеет адекватного отражения важности этого вопроса в современном законодательстве.

Так, земельные участки в границах территорий объектов культурного наследия относятся в соответствии с законодательством Российской Федерации к землям историко-культурного назначения. Однако большинство объектов культурного наследия расположены на землях иных категорий и требуют перевода этих земель в земли историко-культурного назначения. Вместе с тем, процедура перевода затруднена и законодательно, и организационно, и финансово.

Современное понимание сохранения культурного наследия – это не только предотвращение материального разрушения или утраты памятников, но, прежде всего, деятельность, предполагающая включение объектов культурного наследия в социальный контекст, требующая согласованных усилий всех заинтересованных сторон по сохранению культурного наследия и обеспечению доступа к нему.

Примером устранения законодательных препятствий может служить закон Италии об общественных работах, в котором восемь статей посвящено работам на культурных ценностях, что снимает ограничения для общественной инициативы по сохранению объектов культурного наследия.

Благодаря наличию закона в Италии не стоит вопрос, заданный одним из участников Международной конференции «Культура дерева – дерево в культуре» (Ростов Великий Ярославской области, 2010): Памятник сохранен, но закон нарушен. Как к этому относиться?

**Контекст: что происходит на самом деле.** Деревянная архитектура – один из главных национальных вкладов России в мировую культуру. Это основной вывод прошедших за последние четыре года конференций, совещаний и других мероприятий, посвященных памятникам истории и культуры, услышанный органами исполнительной власти федерального и регионального уровней.

Не случайно в федеральной целевой программе «Культура России (2006–2011 годы)» выделен комплексный проект «Культура Русского Севера», посвященный преимущественно объектам деревянного зодчества. Так, финансирование проведения мероприятий по сохранению объектов культурного наследия Архангельской области в рамках проекта в 2010 году составляло 23,7 млн. рублей; в 2011 – 37,4.

Министерство культуры Российской Федерации подтвердило свое намерение выделить в проекте федеральной целевой программы «Культура России (2012–2016 годы)» отдельное направление, посвященное сохранению наиболее ценных памятников русского деревянного зодчества.

Вопросы финансового сопровождения обеспечения государственной охраны памятников поставлены в долгосрочной целевой программе Архангельской области «Культура Русского Севера (2011–2014 годы)».

Действительно, деревянное зодчество Русского Севера – одна из самых ярких составляющих архитектурного наследия России. Шедеврами являются многие де-

ревянные памятники. Это, прежде всего, культовые объекты: Преображенская церковь в Кижях Республики Карелия, деревянные церкви в поморских селах и деревнях Архангельской области, таких, как Ненокса в Приморском районе, Кимжа в Мезенском.

Один из способов сохранения объектов культурного наследия – передача их эффективному пользователю / собственнику.

Так, наиболее прочное положение культовых деревянных комплексов в селах Лядины и Саунино Каргопольского района, переданных в безвозмездное пользование государственному учреждению культуры Архангельской области «Каргопольский государственный историко-архитектурный и художественный музей». Большую ценность представляют часовни, расположенные на территории федерального государственного учреждения «Национальный парк “Кенозерский”», который взял на себя бремя по их сохранению.

Однако данный способ сохранения объектов культурного наследия имеет изъяны, поскольку вопрос передачи сопряжен подчас с перемещением объекта.

Известен неоднозначно воспринятый пример передачи памятника – перемещение Георгиевской церкви<sup>1</sup> из Верхнетоемского района Архангельской области в государственное учреждение культуры «Московский государственный объединенный музей-заповедник “Коломенское”» (Москва, 2005). Этот забытый в настоящее время пример заставляет ставить и решать один из важных вопросов: новая жизнь памятника и возможности его современного использования.

Как было отмечено на конференции, посвященной 45-летию федерального государственного учреждения культуры «Архангельский государственный музей деревянного зодчества и народного искусства “Малые Корелы”» (Архангельск, 2009), инфраструктура любого музея фрагментарна, она не дает того восприятия памятника, которое может дать территория его бытования. Возникает проблема маргинализации места. Теряется окружение, соответствующее значению памятника.

Вот почему музей «Малые Корелы», принимая в оперативное управление архитектурный комплекс села Ненокса и Никольскую церковь в селе Лявля Приморского района, не ставил задачу перемещения их на свою территорию.

Часто забывается, что к памятникам истории и культуры относится большое количество объектов жилой застройки.

Архитектура с точки зрения объектов культурного наследия деревянного зодчества, являющихся жилой застройкой, представляет рядовую застройку. Вместе с тем она формирует городскую и сельскую среду, создавая неповторимый образ территории. Все это набирает цену, в том числе туристическую, но утрачивается, имея непрезентабельный вид.

Судьба объектов жилой застройки, являющихся объектами частного и муниципального жилого фонда, проблематична. Решая вопросы сохранности этих памятников, приходится вступать в диалог с самыми незаинтересованными участниками процесса сохранения объектов культурного наследия – собственниками и нанима-

телями жилых помещений по договору социального найма, органами местного самоуправления, застройщиками.

Их незаинтересованность объясняется, в том числе тем отсутствием юридических и экономических стимулов, способствующих желанию сохранять деревянные постройки.

По неполным данным в Архангельской области 455 объектов и комплексов деревянной жилой застройки, или 21% от всех объектов культурного наследия.

30% памятников деревянного зодчества утрачено. 20%, – в неудовлетворительном состоянии, аварийные, руинированные. 5% не используется, что означает быструю деградацию зданий.

Наша деревянная застройка ждет реабилитации. А пока рассматривается как ветхое жилье, объекты низкой инвестиционной привлекательности, резерв территории под новую застройку.

В настоящее время инспекцией в содружестве с муниципальным образованием «Каргопольское» и при партнерстве с ассоциацией «Совет муниципальных образований Архангельской области» готовится проведение круглого стола «Объекты жилищного фонда – памятники истории и культуры: пути сохранения и использования», цель которого изменить отношение к объектам наследия – жилой застройке, обратить внимание на их судьбу.

*Единовременная и крупномасштабная реставрация в ущерб превентивным (предупреждающим, профилактическим) мерам – еще одна особенность, отличающая российский подход к сохранению памятников, – не является решением проблемы сохранения деревянного наследия.*

Для их сохранения необходим комплекс мер, включающих как поддержание, то есть регулярный уход за памятниками, так и древесиноведческий мониторинг, результаты которого могли бы стать практическим руководством в деле сохранения памятников.

Концепция профилактики – мощная концепция сохранения объектов культурного наследия в Италии, с которой познакомились участники семинара «Итальянский опыт реставрации памятников архитектуры для России» (Архангельск, 2011). Исходя из данной концепции разрушение памятников воспринимается в Италии не как негативное явление, а как неизбежное. Ставится задача максимально продлить жизнь объекта культурного наследия, для чего определяются циклы его жизни и графики профилактических работ.

Тему профилактики как комплекса работ по контролю над целостностью и идентичностью памятников поддерживает итальянское законодательство.

Вопросы, актуальные для многих российских территорий: какова практика снятия с учета памятников, как решается вопрос об утрате памятником признаков объекта культурного наследия, в Италии не стоят. Даже если объект пережил полную реставрацию, он остается объектом культурного наследия. Итальянские архитекторы убеждены: воссоздавая утраченный объект культурного наследия, мы вос-

становливаем среду.

Культурный потенциал территорий Русского Севера – это не только количество памятников. Деревянная архитектура индивидуальна, что повышает привлекательность традиционных территорий, сохранивших традиционную застройку, и требует средового подхода к сохранению наследия, где основным объектом охраны становится культурный ландшафт<sup>2</sup>.

Как комплексные территориальные объекты культурного и природного наследия небольшие традиционные территории живописны и органично вписываются в природное окружение<sup>3</sup>.

Одной из таких территорий в Архангельской области является деревня Кимжа Мезенского района, в 2011 году прошедшее государственную историко-культурную экспертизу, необходимую для создания здесь достопримечательного места.

Россия ратифицировала Конвенцию об охране всемирного культурного и природного наследия, выделив культурный ландшафт в качестве самостоятельной единицы – достопримечательного места. Однако пока в нашей стране *преобладает не ландшафтная, а объектная концепция сохранения памятников*. Это оборачивается утратой среды.

По мнению ученого-географа Поля Клаваля (Сорбонна, Франция)<sup>4</sup>, ландшафт обладает сильной притягательностью для людей благодаря своей красоте, а также вследствие своей экологической сложности, продуктивности и уязвимости. Эта привлекательность может находить разные области применения: в некоторых случаях она используется для подчеркивания местного своеобразия и признает законным желание защитить его от любого внешнего воздействия.

В каких условиях ландшафт может стать полезным инструментом создания современной идентичности и средством реализации стратегии устойчивого развития?

Можно ли надеяться на новую восприимчивость к ландшафту как на механизм осознания современных угроз экологического характера и создания новой основы идентичности, связанной с местными проблемами?

Как отметил П.М. Шульгин<sup>5</sup>, заместитель директора Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачева, через Конвенцию об охране всемирного культурного и природного наследия, добавим – а также через включение памятников в Список всемирного наследия, каждая страна-участник получает возможность подчеркнуть свою специфику в мировом культурном развитии, заявить о своих национальных ценностях как одной из составляющих «семи чудес света».

В Списке всемирного наследия 15 российских объектов культурного наследия. Из них единственным деревянным объектом, определяющим идентичность нации, является архитектурный ансамбль Кижского погоста (1990), Республика Карелия.

Репутация места – его актив. Но она должна подтверждаться. Подтверждается ли репутация России как территории традиционной архитектуры, деревянного зод-

чества наличием в Списке всемирного наследия одного деревянного объекта?

Культурное наследие разрушается из-за недостаточных ресурсов, уничтожается в результате промышленного развития территорий, модернизации городских центров, подвергается угрозам от загрязнения окружающей среды.

Все это заставляет искать адекватные времени пути решения проблем.

На научно-практической конференции, посвященной 45-летию музея «Малые Корель» (Архангельск, 2009), звучали вопросы: Хотим ли мы сохранить национальный тип жилья? Что нужно сделать для этого?

Участники Международной научно-практической конференции «Культура дерева – дерево в культуре» (Ростов Великий Ярославской области, 2010)<sup>6</sup> постарались аккумулировать позитивный международный опыт в этом направлении:

- свойственное Северной Европе превращение деревянной застройки в престижный тип современного жилища;
- мексиканский опыт сохранения памятников деревянного зодчества, показавший, что лучший способ сохранить деревянную архитектуру – показать преимущества традиционного жилья;
- улучшение знаний о традиционной архитектуре и плотницкой культуре; составление кодекса профессиональной чести для плотников в Италии;
- формирование «деревянного» пространства – использование низких ограждений, палисадников, газонов, небольших деревянных строений, навесов как предложение российских архитекторов;
- создание в музеях под открытым небом «внутреннего музея»<sup>7</sup>, формирующего собрание подлинных элементов деревянного зодчества (бревен, показывающих традиционную рубку, например), плотницкого инструментария.

Конференция поставила в центр внимания важный вопрос: Кто и как сохранит деревянный город?

Современный «тренд» – от «бюджетного» сохранения к сохранению жителями, неправительственными организациями, заинтересованными в решении существующих территориальных проблем, или сохранение «снизу», – был отмечен всеми участниками конференции как наиболее эффективный способ сохранения.

С ними целесообразно сотрудничать, нежели навязывать регулятивные нормы. Однако *запретительная практика игнорирует общественную инициативу как субъекта права*.

Где «окно» возможностей для сохранения деревянных объектов культурного наследия?

Позаимствуем ответ на этот вопрос у К.Э. Разлогова, директора Российского института культурологии, из его полемического выступления на Международной конференции «Культура дерева – дерево в культуре» (Ростов Великий Ярославской области, 2010), сказавшего, что мы наблюдаем два вектора перестройки – культуру «Магдональдса» и «храма Христа Спасителя в Москве». Обе эти генеральные линии не подразумевают сохранение деревянной архитектуры. Поэтому донесение темы

сохранения традиций деревянного зодчества до общественности, создание атмосферы ее понимания – общая задача.

*Охранительный пафос не в логике нашего времени*, основная магистраль которого – модернизация. Пафос должен быть устремлен в будущее, и деревянная архитектура должна быть понята не как прошлое, а как будущее.

Сейчас много говорится о модернизации. Это повод создать действенные механизмы согласования интересов государства, бизнеса и общества. Возникновение таких механизмов вокруг столь значимой темы, как объекты культурного наследия, само по себе ведет к демократизации. Это возможность обсудить саму проблему новой социальной среды, наши традиции взаимодействия и взаимоотношений государства, власти, общества – и решить, какие из этих традиций мы хотели бы изменить. Даже простая «проработка вопроса» может заставить задуматься о серьезных и важных вещах.

Где начинается и где заканчивается общественная инициатива? Каковы социальные конструкции, которые могли бы соединить интересы жителей, власти, общественных организаций, застройщиков? Точка соединения, как представляется, – равнодушное отношение к территории.

#### Примечания

<sup>1</sup>Объект культурного наследия регионального значения «Георгиевская церковь» (1685 г.) из с. Семеновское муниципального образования «Тимошинское» Верхнетоемского района Архангельской области. Перемещена в 2005 г.

<sup>2</sup>Веденин Ю.А. Пути формирования интегральной системы особо охраняемых историко-культурных и природных территорий (основные принципы и методы современного подхода к сохранению культурного и природного наследия) // Культурное и природное наследие Европейского севера: сборник / сост.: П.С. Журавлев [и др.]; отв. ред.: Н.М. Теребихин, Е.Ф. Шатковская; Архангельск, 2009. С. 15–16.

<sup>3</sup>Федорцова Т.А. Малые города Беларуси как комплексные территориальные объекты культурного и природного наследия и возможности их туристского освоения // Экология культуры: Информационный бюллетень. Архангельск, 2007. № 2 (42). С. 102–103.

<sup>4</sup>Клаваль П. Новые стратегии управления ландшафтами и укрепления идентичности как инструмент устойчивого развития // Экология культуры: Информационный бюллетень. Архангельск, 2009. № 3 (49) С. 52–53.

<sup>5</sup>Шульгин П.М. Всемирное наследие: идеи и воплощение // Всемирное культурное и природное наследие: документы, комментарии, списки объектов. М., 1999. С. 243.

<sup>6</sup>Культура дерева – дерево в культуре: тез. междунар. науч.-практ. конф., 24–28 сентября 2010 г. / отв. ред.-сост. О.Г. Севан. М.; Ростов Великий, 2010. 200 с.

<sup>7</sup>Выражение М.В. Нащекиной (НИИ теории архитектуры и градостроительства Российской академии архитектуры и строительных наук) из доклада на научно-практической конференции, посвященной 45-летию Архангельского государственного музея деревянного зодчества и народного искусства «Малые Корелы» (Архангельск, 2009 г.).

М.И. Мильчик  
(г. Санкт-Петербург)

### Общий взгляд на домовые росписи Поважья

В бассейне реки Ваги во второй половине XIX – начале XX века сложилась относительно самостоятельная школа домовой и прялочной росписи, открытая экспедициями 1969–1974 годов под руководством московского искусствоведа З.Я. Швагер (1901–1978) и 1981–1983 годов Вельского и Шенкурского музеев во главе с автором этих строк. Результаты экспедиционной работы превзошли все ожидания: было найдено более полусотни домов, на фасадах или в интерьерах которых сохранилась роспись<sup>1</sup>. Эти итоги оказались особенно впечатляющими, учитывая то, что ранее об этих памятниках ничего не было известно, а экспедициям Научно-исследовательского института художественной промышленности по Вельскому и Шенкурскому районам Архангельской области в 1950-х годах «не удалось найти там домов с расписными фасадами за исключением избы в с. Долматове»<sup>2</sup>.

Несмотря на фрагментарный характер полученной общей картины развития домовых росписей<sup>3</sup>, мы можем утверждать, что она возникла в середине XIX века в среде состоятельных крестьян на стыке двух художественных культур – демократической городской, ориентированной на классицизм, и традиционно народной. Дом М.С. Бураковой в селе Долматове ныне Вельского района – первый по времени среди известных нам домов на Ваге с экстерьерной росписью – был почти целиком основан на приемах и темах, характерных для так называемых «комнатных живописцев»<sup>4</sup>.

Это большой дом-комплекс (в конце 1960-х гг. были разобраны хозяйственный двор и зимняя изба), жилая часть которого представляет собой одноэтажный пятистенки на высоком подклете с семью окнами. В центре фронтона – дугообразный в плане балкон с портиком. Как рассказывала в 1970-х годах хозяйка дома А.Ф. Буракова, правнучка его строителя Василия Ивановича Суетина (1804 – после 1851)<sup>5</sup>, ее прадед вместе с сыном «держал извоз», отправляя в некоторые годы в столицу до 25 парных подвод с разными товарами. Примерно в 1850 году В.И. Суетин купил себе дом в соседней деревне Бьяково и перевез его сюда, в село, стоящее у перекрестка Пуйского и Московско-Архангельского трактов (на правом кронштейне точная дата «1850»). Можно полагать, что тогда же или вскоре дом был расписан. В середине XIX века, когда селение состояло главным образом из низких курных изб, он был, без сомнения, самой видной постройкой.

Главное украшение дома – балкон с арочным портиком, в котором колонки поставлены так, что они вторят его дугообразному основанию. Большая часть плоскости фронтона покрашена в темно-зеленый цвет и лишь на краях появляется изобразительный мотив – небольшая плетеная корзина с тщательно выписанными

© Мильчик М.И., 2012

садовыми цветами и декоративными травами, скомпанованными строго симметрично. В простенках между окнами светелки-вышки написана фигура человека, держащего над головой вазу на широкой ножке с пышным цветочным букетом, подобным тому, что изображены по краям фронтона (ил. 1).

На подшивке балкона в 1970-х годах еще можно было заметить остатки сложной композиции: в центре – ваза с такими же цветами, какие изображены выше; по бокам – в позе предстояния – два льва; под ними – роца, слева от нее – в другом масштабе – дом, перед домом – черная собака. Правая сторона росписи уже тогда была утрачена, но жители села вспоминали, что там была изображена церковь с колокольней, перед которой шло стадо коров, погоняемое пастухом.

Приглушенная колористическая гамма, мотивы, характерные для росписей классицизма (вазоны<sup>6</sup>, кариатиды, симметричные букеты и т.п.), явное неумение найти верный масштаб композиции, в результате чего ее элементы несколько теряются на плоскости фронтона, все это позволяет утверждать, что здесь работал мастер, прошедший выучку в городе, а связи строителя дома с Петербургом, Архангельском и Вологдой были столь тесными, что предположение о приглашении оттуда «комнатного живописца» представляется вполне вероятным. По поводу их работы в нижегородском Поволжье исследователь художественных промыслов Д.В. Прокопьев писал: «Маляры оказались преемниками бродячих иконописцев и сформировали свое мастерство и стиль в соприкосновениях с городом <...> Городу нужны были балаганы, карусели, вывески, харчевни и чайные, где маляру доставалась почетная роль декоратора. Он учился, присматривался к убранству дворянского и купеческого дома, любившего роспись в виде садов <...> Многообразие примеров и наблюдений сложилось в манеру росписей избы, использованных в течение XIX столетия, когда в народной жизни господствовал вкус к яркой декоративности во всех отраслях бытового искусства»<sup>7</sup>.

Балконы с ордерными элементами и строгой симметричностью, столь характерными для ампириной архитектуры, широко распространенные на Архангельском Севере, становятся главным декоративным акцентом на фасаде. Экстерьерная же роспись началась, вероятно, с простого раскрашивания крылец и подзоров, что впервые было отмечено еще в 1882 году как раз применительно к домам Поважья<sup>8</sup>. Тогда еще лишь формировались иконографические типы домовых росписей, мотивы которых, возможно, заимствовались как из арсенала «комнатных живописцев», так и из традиционного крестьянского искусства. Например, шестилепестковые розетки – единственное украшение подшивки балкона дома в Усть-Паденьге. Владельческая надпись («Домъ [утр.] 1856 года») расположена там в тимпане балконной арки (ил. 2).

Дом в Долматове относится приблизительно к 1850-м годам, ко времени появления домовых росписей, причем не только на Ваге. Точно зафиксированные даты на Урале и Северной Двине – 1853 год<sup>9</sup>, однако надо заметить, что сама традиция росписи деревянных построек – хором и церквей – уходит в глубокую древность.

Вскоре после росписи долматовского дома в течение второй половины века для

домовых росписей Поважья определяющим стало творчество Петровских, тесно связанных с Петербургом, – семейного коллектива мастеров Алешкиного дома (д. Чурковская Вельского района), названного так по имени Алексея Ивановича (1821–1893), главы семейства<sup>10</sup>. На фронтоне этого дома в 1980-х годах еще сохранились остатки росписи: под окном вышки написано фальшивое полуциркульное окно, среднюю часть фронтона отделяют полуколонки, по подшивке свеса кровли над фронтоном написаны сухарики – попытка изобразительными средствами вызвать ассоциации с усадебным домом или городским особняком.

На подшивке балкона в центре в круге был представлен портрет (не сохранился), по сторонам от которого изображены лев и единорог. Эти же звери повторены и на самом фронтоне, но лев представлен не в профиль, как требует геральдическая композиция, а повернувшим голову к зрителю. Некогда грозные стражи дворцов и храмов, здесь они превращаются в почти домашних животных, свидетельствующих о достатке семьи, красоте и великолепии окружающего мира (ил. 3). Ориентация на убранство городских домов проявилась и в своеобразной «портретной галерее», восходящей к академическим разновидностям этого жанра: парадный портрет в рост главы семейства, поясные портреты членов царствующего дома и бытовые – членов семьи.

Первый находился на внутренней стороне входной однополотной двери. Старик с седой бородой изображен как бы возвращающимся в собственный дом после охоты (ил. 4). На створках посудного шкафа, обращенного к основному пространству избы, по словам последней хозяйки дома М.М. Петровской (1905–1983) – портреты двух сыновей Алексея Ивановича: слева – старшего Василия (1848–1905), справа – младшего Алексея (1859– после 1912).

Еще более загадочными представляются парные поясные портреты на филенках опечка: две дамы в декольте и двое молодых мужчин (вверху – в генеральском мундире, внизу – в полковничьем), представленные, как это было принято в парадных постановочных портретах. Об изображении здесь кого-либо из Петровских не может быть и речи. Сочетание высоких чинов с почти полным отсутствием орденов и медалей указывает на то, что перед нами – великие князья<sup>11</sup> (ил. 5). И это не удивительно: их литографированные и лубочные портреты были широко распространены. Ими украшали избы, постоялые дворы, почтовые станции. Наличие подобных портретов – почти непременная принадлежность дворянских и мещанских домов в городах. Здесь живописные портреты и сюжетные композиции заменили собой лубочные картинки.

Дом потомственных маляров в Чурковской отразил стремление повысить репрезентативность родового гнезда, сделать его своеобразной выставкой семейного мастерства, соединившей в себе традиции крестьянского и городского полупрофессионального искусства. Он же, являясь своего рода эталоном, помог выявить 16 домов, расписанных Петровскими, которые на протяжении почти полувека являлись чуть ли не законодателями художественных вкусов сельского

населения всей округи<sup>12</sup>.

С 1880-х годов начало набирать силу и второе направление в домовую росписи – живописное, поначалу связанное с пришлыми мастерами, по преимуществу костромичами-отходниками<sup>13</sup>. Все больше крестьянских домов стало отапливаться по-белому, волоковые окна уступали место красным, что приводило к лучшей освещенности изб и горниц, а это, в свою очередь, усилило интерес к их украшению, как внешнему выражению достатка и благополучия. Массовый спрос на живописные работы оказал влияние на саму технологию росписи: на смену предварительной разметке композиции, преобладанию графического начала пришли лаконичные приемы скорописи, в которых преобладали живописные приемы<sup>14</sup>, что позволяло сравнительно быстро исполнять малярные работы. Это обуславливало ее сравнительную дешевизну, что нередко приводило к снижению качества. На реке Пуе – притоке Ваги – мы несколько раз слышали такую частушку:

Красил Ваня костромской,  
Красил красочкой баской.  
Как пошел Иван домой,  
Так и красочка долой.

Среди бродячих мастеров на Архангельском и Олонецком Севере костромичи составляли основную часть<sup>15</sup>. Так, из одной только Воскресенской волости Галичского уезда летом 1911 году ушло на промыслы 544 маляра<sup>16</sup>.

Ее наиболее ранний памятник, обнаруженный нашей экспедицией, – дверь горницы дома А.А. Соболевой (д. Монастырская около Кодимы Шенкурского района) 1888 года<sup>17</sup>. Полотнище двери имеет черную обводку, напоминающую раму. Внутри по охристому фону свободным контуром почти на всю высоту двери очерчено некое подобие древа. С его внешней стороны белыми написаны розы и выходящие побеги, а внутри – стебель с цветами. На вершине древа – две птицы как символы добра и семейного счастья, внизу, по сторонам от стебля – лев и львица, стоящие на задних лапах. Так древний образ мирового древа сливается здесь с христианским райским деревом – цветочным кустом и соединяется с темой геральдического предостояния зверей-стражей<sup>18</sup> (ил. 6). Там же в 1982 году я фотографировал замечательную прялку, написанную другим мастером-отходником столь характерным для них приемом живописной «скорописи» (ил. 7), чаще всего использовавшимся при росписи интерьеров.

В качестве еще одного примера приведем филенку монументального шкафа-заборки из деревни Лепшинской Гарнянской сельской администрации Шенкурского района (ил. 8)<sup>19</sup> и двери со львами из деревни Ексинской Хозьминской сельской администрации Вельского района (ил. 9, 10). На верхних филенках шкафа написаны пышные цветочные кусты с бледно-синей розой в центре, на нижних – самовар и львы, обрамленные цветочной гирляндой. Здесь и на двери львы с ярко-красными языками и на тонких лапах из грозных стражей стали центром красочной орнаментальной композиции.

Многоцветье этой и подобных ей росписей отвечало эстетике народного мироощущения (напомним, что вся лирика русского свадебного обряда построена на образах цветов).

Итак, одно направление в монументальной живописи Поважья связано с использованием традиций «комнатных живописцев» и попыткой представить традиционный крестьянский дом в облике дворянской усадьбы. Второе являлось разновидностью широко распространенной во всей крестьянской России техники свободной кистевой росписи, в которой превалирует живописное начало. Соединение этих двух направлений в домовую росписи, графического и живописного, в 1860–1880-х годах во многом определило особенности росписей важских прялок<sup>20</sup>, благодаря чему мы легко узнаем их среди других.

### Примечания

<sup>1</sup>Мильчик М.И. Алешкин дом // Памятники культуры. Новые открытия: ежегодник (далее ПКНО). 1989. М., 1990. С. 417–431; Его же. Дома с росписью мастеров Петровских в Поважье // Проблемы исследования, реставрации и использования архитектурного наследия Российского Севера: межвуз. сб. Петрозаводск, 1991. С. 90–103; Его же. Львы на домах // Памятники архангельского Севера. Архангельск, 1991. С. 235–246; Его же. Домовые росписи Поважья: традиции и новации // История и культура Важского края: тез. докл. Вельск, 1992. С. 42–47; Его же. Петровские – мастера домовая росписи Поважья // ПКНО. 1993. М., 1994. С. 252–256; Его же. Росписи крестьянских домов на Ваге. Традиции и новации // Народное искусство. Исследования и материалы: сб. ст. к 100-летию ГРМ. СПб., 1995. С. 23–47; Его же. Монументальная живопись Поважья // Крестьянская живопись Поважья: из собрания музеев Архангельской области: каталог / сост. Т.М. Кольцова. М., 2003. С. 11–21.

<sup>2</sup>Работнова И.П., Вишневская В.М., Кожевникова Л.А. Народное искусство Архангельской области // Сб. трудов НИИХП. М., 1962. Вып. 1. С. 8.

<sup>3</sup>Общую характеристику росписи домов Поважья см.: Севан О.Г. Росписи жилых домов Русского Севера. М., 2007. С. 73–93.

<sup>4</sup>Мильчик М.И. Живописный декор дома Бураковой в селе Долматове и вопрос о возникновении важской прялочной росписи // Важский край: источниковедение, история, культура. Исследования и материалы. Вельск, 2002. С. 192–110.

<sup>5</sup>Государственный архив Архангельской области. Ф. 29. Оп. 29. Д. 313 (Духовная роспись Шенкурского уезда за 1841 г.). Л. 492; Д. 318. Л. 232; Оп. 28. Д. 386. Л. 682 об.

<sup>6</sup>Ребристые вазоны с узким горлышком на высоких ножках – распространенный мотив расписной мебели XVIII – начала XIX в. (см., например: Сокровища русского искусства. Резьба и роспись по дереву / С.К. Жегалова и др. М., 1967. С. 62, 88; Русское народное искусство в собрании Гос. Русского музея, Л., 1984. С. 40).

<sup>7</sup>Прокопьев Д.В. Художественные промысла Горьковской области. Горький, 1939. С. 129.



<sup>8</sup>«Особенную красоту придают избе крутые высокие крыльца... и яркая оригинальная раскраска по подзорам, охлупням, по конькам, подкрылкам, по ставням, наличникам и карнизам» (Берг Ф.Н. Нечто о древности типа деревянных построек и резьбы в Важском крае. СПб., 1882. С. 3).

<sup>9</sup>Чижикова Л.Н. Архитектурные украшения русского крестьянского жилища // Русские. Историко-этнографический атлас. М., 1970. С. 54; Чагин Г.Н. Росписи по дереву Северного Прикамья // Искусство современной росписи по дереву и бересте Севера, Урала и Сибири: сб. научн. тр. НИИХП. М., 1985. С. 108; Барадудин В.А. Народные росписи Урала и Приуралья. Крестьянский расписной дом. Л., 1988. С. 73, 81.

<sup>10</sup>Мильчик М.И. Алешкин дом // Крестьянская живопись Поважья: из собрания музеев Архангельской области: каталог / сост. Т.М. Кольцова. М., 2003. С. 22–29.

<sup>11</sup>Об идентификации изображенных великих князей и княжон см.: Мильчик М.И. Алешкин дом // ПКНО. 1989. С. 231 (прим. 31).

<sup>12</sup>Мильчик М.И. Дома с росписью мастеров Петровских... С. 90–103; Его же. Петровские – мастера домовой росписи Поважья... С. 252–256.

<sup>13</sup>Подробнее об этом см.: Кондратьева В.Г. Росписи костромских отходников // Крестьянская живопись Поважья: из собрания музеев Архангельской области: каталог / сост. Т.М. Кольцова. М., 2003. С. 179–181.

<sup>14</sup>Вишневская В.М. Резьба и роспись по дереву мастеров Карелии. Петрозаводск, 1981. С. 75–77.

<sup>15</sup>Тилло А. Кустарная промышленность Костромской губернии // Труды Комиссии по исследованию кустарной промышленности в России. СПб., 1885. Вып. 13–14. С. 43; Арбат Ю.А. Путешествие за красотой. М., 1966. С. 108; Шмакова В.Т. Принципы декора крестьянских домов и изб // Русское народное искусство Севера. Л., 1968. С. 67; Гончарова Л.Н. Экспедиция музея народного искусства в Архангельскую область // Сб. трудов НИИХП. М., 1975. Вып. 8. С. 86.

<sup>16</sup>Барыков С. Ученичество в отхожем малярном промысле в Воскресенской волости Галичского уезда // Труды Костромского научного общества по изучению местного края. Кострома, 1914. Вып. 1. С. 117.

<sup>17</sup>На косяке двери, за полочкой, сохранилась надпись «кра 1888 года».

<sup>18</sup>Чекалов А.К. Народная деревянная скульптура Русского Севера. М., 1974. С. 14–15. О многозначной символике львов в средневековом искусстве подробнее см.: Вагнер Г.К. Скульптура Древней Руси XII века: Владимир, Боголюбovo. М., 1969. С. 207; Гладкая М.С. Изображение львов в резьбе Дмитриевского собора во Владимире. Владимир, 2002. С. 8–9.

<sup>19</sup>Целиком шкаф-заборку см.: Кондратьева В.Г. Росписи костромских отходников... С. 180–181.

<sup>20</sup>Мильчик М.И. Живописный декор дома Бураковой... С. 102–110.

## Народная архитектура как основа для современного деревянного строительства в России

Сегодня леса занимают около трети территории земли. Они играют важную роль в формировании жизни людей, атмосферы и климата планеты, это место обитания различных животных; но их площадь неуклонно сокращается от пожаров, вредителей, неблагоприятных погодных условий и множества причин, связанных с деятельностью человека.

В 2011 году, который был признан Международным годом леса (дерева), эта тема обсуждалась на Берлинском кинофестивале, где была представлена книга «Holy Wood». Ее послание авторы формулируют так: «*Не мы обычно защищаем деревья – деревья защищают нас*». Название книги не случайно. Помимо непосредственной связи с киноиндустрией применительно к данному мероприятию, подобное название – это полемика с американским Голливудом, чаще всего далекого от идей сохранения природы.

«Суперзатратность, избыточность, экстравагантность, изобилие, богатства, "звезды" и... пластик, искусственность, поддельность. Этот современный символ *рога изобилия* использует все мифы нашего мира... При этом и он использует образ Дерева как основы жизни и энергии, что видно на примере одного из самых экономически успешных фильмов, "Аватара" Джеймса Кэмерона. Проект "Holy Wood" – попытка установления новых стандартов, как в реальной практике промышленного использования дерева, так и в его культурном освещении. В то время, как Голливуд пытается завоевать мир, проект Holy wood стремится принести мир всем нам»<sup>1</sup>. И помимо «живой» инсталляции в берлинском парке «Holy Wood» предлагал несколько виртуальных лесных экскурсий по разным странам мира.

Дерево – экологический материал для строительства и традиционный элемент культуры во многих странах, в том числе и в России, где сегодня часто бушуют пожары и на глазах исчезают уникальные памятники деревянной архитектуры. Именно поэтому сегодня следует рассматривать «дерево как предмет культуры», исследовать его символику и роль в историческом и современном развитии разных стран<sup>2</sup>.

Большое число памятников сохраняются по всему миру в музеях под открытым небом – «скансенах» – или на местах их создания (in situ). В Европе их насчитывается более 2090<sup>3</sup>, в России – около 40. Один из наиболее крупных и известных – это музей «Малые Корелы» около Архангельска (ил. 1–2)<sup>4</sup>. Такие музеи рассматривались как институты, в которых может проходить подготовка специалистов в сфере народного зодчества, в сохранении и поиске новых образцов региональной архитектуры. Успешные примеры сохранения, в частности сельской среды, памятников и куль-

турных ландшафтов, имеются в национальных парках, например в Кенозерском Архангельской области, где многие вопросы рассматриваются в комплексе со сложными социально-экономическими, демографическими и культурными аспектами.

Вопрос же о том, как строить в исторических городах с деревянной застройкой, как впрочем и в селах, стоит на повестке дня уже давно.

Еще в начале XX века в молодой России в период появления конструктивизма стали проектировать и строить современные сооружения из дерева. Проект архитектора И. Мельникова победил на конкурсе и был представлен на Международной выставке декоративных искусств в Париже в 1925 году (ил. 3). Двухэтажное остекленное здание из деревянного каркаса, по замыслу архитектора, было перерезано по диагонали широкой деревянной лестницей, ведущей наверх. Она была перекрыта двумя рядами наклонных пересекающихся плит. «Красный павильон» – это «анти-дворец», выполненный в духе революционной идеологии того времени. Э. Корбюзье говорил, что это был единственный павильон, который стоило смотреть.

Подобные уникальные сооружения ставят вопрос о встраивании новых объектов в исторический контекст города или села. Этой проблеме был в свое время посвящен международный проект «Культурное развитие в Европе и региональная архитектура». В нем участвовали архитекторы-градостроители, реставраторы, современные проектировщики, а также историки, социологи и музеологи. Проект в 1988–1994 годах был поддержан ЮНЕСКО, Европейской ассоциацией музеев под открытым небом, Комитетом ИКОМОС – CIAV, Союзом архитекторов России. К работе привлекались как европейские, так и российские специалисты. Обсуждались принципы сохранения и развития среды исторических поселений, а также пути формирования таких сред. Был сформулирован основной вопрос: «Как следует строить в исторических местах, сохраняя местную идентичность, региональное своеобразие, с тем, чтобы не превратился мир в одну большую деревню?». Материалы обсуждений, семинаров<sup>5</sup> и конференций<sup>6</sup> были опубликованы.

То, каким образом можно сохранить «дух места» и как современное деревянное строительство должно способствовать поддержанию исторической среды, обсуждается специалистами и общественностью и сегодня. Вряд ли мы сможем предложить конкретные примеры и методы такого строительства, но можно наметить путь, в котором стоит продвигаться, решая поставленную задачу. В любом случае стоит проанализировать потенциал современного деревянного строительства как важного фактора социально-культурного и экономического развития страны.

Идея сохранения и развития деревянного города, столь распространенная в Северной Европе еще 30 лет назад, не получила поддержки в нашей стране. Есть редкие примеры городов: Томск, Иркутск, некоторые малые: Елабуга и Городец, где специалисты с трудом пытаются реализовать принцип совмещения сохранения и развития исторических анклавов города (ил. 4).

Разные подходы к современному деревянному строительству заслуживают пристального внимания. Их можно наблюдать сегодня в своеобразных формах: в копиях

деревянных сооружений, в храмах и часовнях, в туристических деревнях, выполненных в национальном духе («а ля рюс»), в жилых постройках, расположенных на торговых улицах, где все ориентировано на продажу. И здесь очевидна своеобразная игра и копирование деталей традиционных деревянных образцов применительно к торговому и туристическим комплексам. Имеется пример многоэтажного частного дома, появившегося на «заре перестройки» и уже не выдержавшего проверку временем (ил. 5). Новые же интересные деревянные здания, выполненные российскими архитекторами, нельзя увидеть, поскольку они строятся для частных лиц и закрыты от глаз окружающих за высокими заборами.

Проблемы, которые очевидны сегодня в сфере работы с деревом, были частично поставлены в рамках проводившейся в Москве в 2011 году международной выставки «Уилл Прайс. Параллели. Деревянная архитектура вчера, сегодня и везде»<sup>7</sup>. Опыт исследований и поездок английского архитектора был представлен фотографиями в книге «Архитектура в дереве»<sup>8</sup>. Она-то и стала основой предложенной экспозиции. Многие из представленных в книге памятников сохраняются в музеях под открытым небом или стали объектами Всемирного наследия ЮНЕСКО (ил. 6). На выставке были показаны деревянные памятники, построенные за прошедшие 20 веков в разных странах мира (ил. 7–8). Параллельно демонстрировались современные постройки последнего десятилетия, где можно было увидеть и российские сооружения, пока еще мало известные миру (ил. 9)<sup>9</sup>.

Идея данного проекта – это сопоставление и сравнение деревянной архитектуры: старой и новой, исторической и современной, традиционной и новаторской, отреставрированной и заброшенной. Факт поиска аналогий показывает необходимость понимания того, почему именно сегодня встал вопрос о таком объединении и сравнении в российской архитектуре в частности и вообще в мировой культуре.

Отобранные в книге памятники – это дворцы императоров и знати, купцов, держащих в подчинении города и пр. А здания нашего времени – это куда как более демократичная и стилистически молодая архитектура последнего десятилетия. Да и назначение объектов, как и их функции и обитатели – разные.

В нашей стране современная деревянная архитектура стала развиваться начиная с 2000-х годов. Она находится в поиске образцов, новых конструкций и технологий. Одновременно с этим повсеместно исчезают памятники уникального деревянного зодчества<sup>10</sup>. Естественно, встает вопрос: если исчезнут памятники XVII – начала XX века, то что можно будет взять в будущем за образцы и творческие примеры поиска или подражания? В чем будет проявляться не только историческая, но и современная российская самобытность?

Имена сегодняшних российских мастеров известны: Александр Бродский, Николай Белоусов и Тотан Кузембаев, Евгений Асс, Юрий Григорян и пр. Можно назвать и зарубежных архитекторов: Томас Херцог, Герман Кауфман, Сами Ринтала, Имре Маковец и другие, чьи работы представлены в экспозиции упоминаемой выставки.

В российской деревянной архитектуре можно условно выделить несколько направлений<sup>11</sup>.

*Традицию как пример гротеска* можно наблюдать в работах Николая Белоусова и других проектировщиков. Эта линия берет начало в национальных плотницких традициях, но развивает их порой с гротеском. Архитектор изучает и анализирует традиционный рубленый дом или баню, но явно его утрирует (ил. 10, 11). Он увеличивает выпуски бревен иногда более чем на два метра или подчеркивает их в контрасте с современным поликарбонатом. Так деревянные поверхности защищаются от влаги, а перед фасадом возникает уютная лоджия. При этом фасады решены предельно лаконично, украшают их лишь четкие переплеты окон в домах или прорезы между бревнами в бане; т.е. это не просто сруб, как он есть, а его художественная идея, его образ (ил. 12, 13).

«У нас в стране, – говорит Белоусов, – столетиями формировалась культура деревянного строительства, однако та социальная среда, в которой она существовала, полностью разрушена, поэтому сложно говорить о преемственности. То, что я делаю, я не стал бы относить к возрождению традиций русского деревянного зодчества, скорее это технологичный и современный подход к материалу, который представляется мне необычным и интересным. Мы работаем с деревом вручную, но пропускаем все это через призму сегодняшнего дня. Мне важно, чтобы дома, которые я строю, были личностными, обладали образностью, вызывали эмоции. Еще я стараюсь добиться, чтобы они сохраняли связь с окружающим пейзажем, чтобы изнутри было видно небо, поэтому я часто применяю большие остекленные поверхности, прозрачную кровлю»<sup>12</sup>.

*Лирический экспрессионизм* связан с именами архитекторов Тотана Кузембаева, Светланы Головиной и др. Опираются они, с одной стороны, на русский авангард, а с другой – на новые технологические возможности дерева. «Кажется, что их дома летят (над землей или над водой), стены и крыши гнутся и круглятся, выделяясь непривычным красным цветом или привычным гонтом. Поэтому у каждого такого сооружения появляется имя: "дом-скат", "дом-удав" или "дом-телескоп". Ресторан "Кот д'Азур" продолжает линию аналогично построенных красных гостевых домов. Окна обеденного зала открывают вид на окрестные пейзажи, а просторная веранда за стеклом напоминает палубу корабля»<sup>13</sup> (ил. 14, 15).

*Поэтизация обыденного.* Это направление возглавляет Александр Бродский, но дерево не является для него определяющим, как и каждый его проект шире и глубже любого стилистического направления. Его работы стоят особняком, он называет себя «архитектор-художник». Каждая его постройка как бы «несерьезная», но при этом она неизменно становится метафорой. Эстетика Бродского, как отмечается в публикациях о его творчестве, идеально отвечает чаяниям нарождающегося «креативного класса»: прекрасное можно создавать из простого, бедного, из вторсырья. «Эта же идеология воплощается не только в арт-объектах, но и в жанре жилого дома... Так, например, Дом в Тарусе похож на штабель ящиков, накрытый временным

навесом: трехэтажный деревянный объем подведен под полупрозрачную пластиковую кровлю, опирающуюся на свободно стоящие столбы» (ил. 16)<sup>14</sup>.

Вместе с перечисленными направлениями специалисты отмечают в «русском современном дереве» *европейскую минималистическую линию*<sup>15</sup>. Это группа архитекторов: Евгений Асс и его ученики (бюро «Панакон», «Группа ДНК») и др. Их работы – строгие сдержанные дома, лишённые, как правило, всяких украшательств, призванные научить русского домостроителя ценить простоту и рациональность.

Мастером деревянной отделки является Д. Долгой. Поездка архитектора в Японию изменила его подход к дереву. С точки зрения декоративности, возможностей детализации дерево – бесценный материал. Д. Долгой работает с ним не как с конструктивным материалом – оно для этих целей, считает архитектор, слишком живое, а в основном для декоративной отделки. И съёмные фасады не являются ни несущей конструкцией, ни утеплением, они прикрывают минималистичную архитектуру, придавая ей образность.

Примеров новых подходов к проектированию, умения работать с деревом как уникальным строительным материалом – множество. Это демонстрируется в поездках по обследованию и рисованию памятников и среды городов и сел, во время проводимых совместных семинаров архитекторов, имеющих такой опыт работы, на конференциях, на специальных лекциях по истории и современным технологиям и пр. Важным представляется совместная деятельность исследователей, реставраторов, проектировщиков и строителей<sup>16</sup>. Без такого взаимодействия молодым специалистам трудно вписаться в контекст исторической среды, понять и прочувствовать «дух места»<sup>17</sup>. Это касается не только проектирования, но и непосредственной работы с деревом на объектах Land-art в городах и сельских районах страны<sup>18</sup>.

Выставка, о которой шла речь в начале статьи, как и многие современные проекты, заставляет думать и ставит много вопросов. Можно ли представить те или иные объекты современности, не существующими сами по себе, а вписанными в культурную среду, в определенный контекст? Могут ли быть не параллели, а пересечения в деревянной архитектуре прошлого, нынешнего и, быть может, завтрашнего дня? Можно ли говорить о самобытности, глядя не только на памятники, но и на сегодняшние постройки, и какие из них пополнят список объектов Всемирного наследия ЮНЕСКО?

### Примечания

<sup>1</sup>Ludwig Berndl, Soren Harms, Jost Kaiser, Bruno Pischel, Cord Riechelmann. 2011 «Holy Wood», ENTEGA.

<sup>2</sup>URL: <http://www.ecovast.ru/novosti.htm>

<sup>3</sup>Здесь и далее количественные данные о музеях, даты основания приводятся по материалам статьи: Czajkowski J. Музеям под открытым небом – 100 лет // На пути к музею XXI века. Музеи-заповедники / отв. ред.: Н. Никишин, О. Севан. М., 1991. С. 10–27.

<sup>4</sup>Севан О.Г. Музей деревянного зодчества «Малые Корелы». История создания, методика проектирования, современное состояние // Прогресс-Традиция. М., 2011.

<sup>5</sup>Historische Kulturlandschaften. ICOMOS // Deutschland, 1993 (main editor C. Machat).

<sup>6</sup>Исторические города и села в процессе урбанизации /отв. ред. О.Г. Севан. М., 1994.

<sup>7</sup>Куратор выставки – Н.С. Малинин, научный консультант – О.Г. Севан. См.: URL: <http://www.ricur.ru/page.php?r=141>

<sup>8</sup>Will Pryce. Building in wood // Rizzoli International Publication, Inc. New York, 2005

<sup>9</sup>URL: <http://www.archiwood.ru>

<sup>10</sup>URL: <http://www.ecovast.ru/zodchestvo.htm>

<sup>11</sup>Малинин Н.С. Современная российская архитектура из дерева: основные тенденции и направления // Культура дерева – дерево в культуре. М., 2010. С. 74–77.

<sup>12</sup>Там же.

<sup>13</sup>Там же.

<sup>14</sup>Загородный дом // Новое деревянное. 1999–2009 / отв. ред. Н.С. Малинин. М., 2010. С. 88–89.

<sup>15</sup>Малинин Н.С. Указ. соч.

<sup>16</sup>URL: <http://www.ecovast.ru/novosti.htm>

<sup>17</sup>Севан О.Г. Реконструкция образа жизни и духа места в музеях под открытым небом // Культурное многообразие – от прошлого к будущему. СПб., 2009. URL: <http://www.ecovast.ru/images/reconstruction08.pdf>

<sup>18</sup>URL: <http://goroda-fest.ru/index.htm>

*И.Н. Шургин  
(г. Москва)*

### **Древнейшие памятники русского деревянного зодчества: современное состояние и первоначальный облик**

Абсолютное большинство деревянных храмов, срубленных более двух столетий назад и ранее, дошли до наших дней с переделками последней четверти XIX – начала XX века. Состав архитектурно-строительных изменений этого времени хорошо известен, они повторяются почти на всех памятниках. Это обшивка сруба снаружи досками, переделка завершений, увеличение оконных и дверных проемов (нередко устройство новых и заделка старых), отделка стен в интерьере: обшивка досками, штукатурка, оклейка обоями, устройство ложных сводов и т.п., а также масляная покраска храма снаружи и внутри.

Когда началось целенаправленное изучение русского деревянного зодчества в 1870-х годах, первые исследователи оказались непосредственными свидетелями грубых переделок древних церквей на Русском Севере, и они были уверены, что если избавиться от последних «поновлений», то храмам вернется первоначальный, древний вид.

Теоретические предпосылки подобным представлениям дали высказывания И.Е. Забелина. Он полагал, что строительные приемы и формы русского деревянного зодчества «неизменно существуют целые века ... видоизменяются в частности, но никак не в основных частях»<sup>1</sup>. Это суждение авторитетного историка было основано на представлении исторической науки второй половины XIX века о том, что «общие начала жизни» народа оставались неизменными с домонгольского времени до конца XVIII века.

Большую часть двадцатого столетия многие ученые придерживались точки зрения И.Е. Забелина на деревянную архитектуру. Такая позиция позволяла им привлекать известные храмы XVII–XVIII веков и избы XIX века для иллюстрации рассуждений о древнем строительном искусстве, а также в качестве образцов для реконструкции построек более раннего, даже домонгольского времени.

В 1910-х годах М.В. Красовский детализировал суждение И.Е. Забелина об историческом развитии деревянного зодчества: «... наше плотничное искусство представляло собою самобытную, изолированную область, куда посторонние влияния проникали в очень малой степени; другими словами, принципы этого искусства передавались по наследству из рода в род, причем выработанные с течением времени типы зданий в основе не менялись, а лишь варьировались, совершенствовались и украшались иногда новыми деталями»<sup>2</sup>. «Недаром же в старинных актах (договорах о постройках) часто встречаются выражения: „по подобию“, „как водится“, т. е. сделать ту или иную часть здания по образцу существующих»<sup>3</sup>.

© Шургин И.Н., 2012

Ф.Ф. Горностаев и И.Э. Грабарь сопоставляли древние храмы с избами XIX века и находили тождественность между ними в строительных приемах и украшениях<sup>4</sup>. Оба исследователя не принимали в расчет факт существования двух строительных направлений в деревянной архитектуре. Одно из них представляют собственно народные постройки – каждый северный крестьянин владел топором: мог сам себе поставить дом и срубить обетную часовню. Второе направление объединяет произведения по существу профессиональной деятельности – только опытные мастера могли «спроектировать» в голове сложные храмы, красота архитектуры которых привлекает и поражает внимание людей и в XXI веке.

Во второй половине прошлого столетия забелинский подход к изучению деревянной архитектуры наиболее ярко проявляется в статье П.Н. Максимова и Н.Н. Воронина в Истории русского искусства. Ученые писали: «Из-за относительной устойчивости крестьянского быта деревянное зодчество развивалось очень медленно, раз найденные приемы и архитектурные решения повторялись в течение долгого времени. В отличие от каменного зодчества, деревянное долго оставалось вне непосредственного надзора церкви и государства, и в нем удерживались излюбленные строительные приемы и типы зданий...»<sup>5</sup>. «Многие конструктивные приемы, разработанные поколениями зодчих-плотников, были доведены до такого совершенства, что не нуждались в изменениях в течение столетий. Традиционность технологических и композиционных приемов русской деревянной архитектуры позволяет относить многие черты позднейших, сохранившихся до нашего времени построек к глубокой древности»<sup>6</sup>.

А.А. Шенников – первый обосновано высказался о динамичном развитии русской деревянной архитектуры, используя собранные им данные о крестьянских постройках: «... до сих пор гипотезы о древности типов крестьянских усадеб и построек основывались на предположении о некоей исключительной консервативности всякого крестьянского зодчества вообще, в том числе и русского. ... Теперь мы видим, что ... русское крестьянское зодчество не было столь косным и застойным, каким его принято считать. В XVI и XVII веках формы этого зодчества изменялись столь же непрерывно и быстро, как и впоследствии. Нет оснований сомневаться, что подобное же развитие происходило и до XVI в.»<sup>7</sup>. Подводя итог своим многолетним исследованиям, А.А. Шенников пишет в монографии: «... формы русских, карельских и других крестьянских усадеб и построек XIX – начала XX века в лесной зоне Европейской России оказываются не столь древними, как их считают с легкой руки И.Е. Забелина; ... выяснение действительно древних форм крестьянского зодчества – это задача, которая не решается одними лишь натурными обследованиями сохранившихся построек, но требует кропотливого, многотрудного исследования письменных и археологических материалов»<sup>8</sup>.

Вслед за А.А. Шенниковым и другие ученые в своих исследованиях пришли к выводам о том, что деревянная архитектура, как бытовая, так и церковная значительно изменялась со временем. Так, Ю.П. Спегальский сумел выявить развитые

архитектурные формы деревянных жилищ Пскова домонгольской эпохи, совершенно не похожих на дома XVII века<sup>9</sup>. Убедительные суждения об изменении архитектурно-художественной образности деревянных храмов в течение XVII–XIX веков принадлежат А.В. Ополовникову<sup>10</sup>.

Накопившиеся знания о русском деревянном зодчестве вновь возбудили интерес исследователей к его древнейшим сохранившимся постройкам – клетским церквям конца XV – начала XVI века. В частности, автором настоящей статьи был выявлен ряд общих архитектурно-конструктивных признаков, присущих этим памятникам и не встречающихся в церквях позднее<sup>11</sup>.

Большое внимание уделялось церкви в честь Положения риз Богоматери, перевезенной из деревни Бородавы за стены Кирилло-Белозерского монастыря (ил. 1)<sup>12</sup>. Ее интерьер обладает уникальной особенностью. В помещении для молящихся прихожан потолок не горизонтальный, как в абсолютном большинстве известных церквей, и не в виде пологой усеченной пирамиды, называемой «небом», как в некоторых памятниках второй половины XVII–XVIII веков. В церкви Ризположения потолок двускатный (ил. 2), причем гребень его проходит поперек помещения, по оси север-юг.

В поисках объяснения причин устройства подобной конструкции перекрытия, автор настоящей статьи обнаружил один интересный архивный документ 1773 года, в котором содержится перечень неисправностей церквей в одном из благочиний Белозерского уезда. Обращало на себя внимание подробное описание интерьера «церкви Флора и Лавра, что на Кулде», срубленной в 1679 году: «Построена по древнему обыкновению клинчатая, и как в ней, так и в олтаре **подволоки не имеется, а вместо подволоки со стен под самой верх ведено по длинным стенам повалом**<sup>13</sup> ... стены, как в олтари, так и в церкви и в трапезе не обиты, с южную сторону паперть, с западную крыльцо отвалилось, а с зимнюю у выходных дверей и крыльцо почти едва [слово вписано позднее – И.Ш.] не значится ... Олтарь в длину 2-ву сажень и дву аршин с половиною и поперег одна сажень и один аршин с половиною ... во оном олтаре два окна волоковых малых ... Она церковь **в длину две сажени один аршин поперег три сажени один аршин с четвертью ... окошок в церкви не имеется**, а свет бывает от южных, западных и северных дверей ... Трапеза в длину одна сажень и один аршин с половиною поперег тож, в ней святых образов не имеется ... При той церкви колоколни не имеется, а повешены колокола на крыльце у церкви, которых имеется два ...»<sup>14</sup>.

Процитированный текст дает достаточно оснований для заключения о том, что даже во второй половине XVII века строились клетские храмы с открытым в интерьере завершением центральной части здания – собственно церкви. На основе этого заключения автор настоящей статьи объясняет происхождение двускатного потолка в церкви Положения риз Богоматери из деревни Бородавы как промежуточный этап перехода от интерьеров, открытых до самой кровли, к интерьерам с плоскими потолками.

Пример церкви из деревни Бородавы показывает, что далеко не всегда можно воссоздать первоначальный облик памятника, используя только сведения о переделках XIX – начала XX веков. Приступая к реставрации очередного древнейшего деревянного храма, необходимо отдавать себе отчет в том, что этот храм должен быть тщательно исследован на современном уровне. Недопустимо вновь пропустить информацию, прежде незамеченную и непрочитанную по объективной причине – недостаточности знаний об архитектурно-строительных особенностях деревянных строений в конкретный исторический период. Это наше суждение подтверждает пример недавней реставрации церкви из деревни Бородавы А.В. Поповым. Опытный реставратор сумел выявить и воссоздать конструкцию кровли, неизвестную прежде на деревянных храмах<sup>15</sup> (ил. 3, 4).

Церковь из деревни Бородава показывает: чем дальше вглубь веков отстоит дата строительства храма, тем больше его нынешний вид отличается от древней архитектуры. Зачастую только реставрация с использованием переборки дает потенциальную возможность в процессе производства работ получить максимальную информацию о строительной истории памятника за все время его существования. В этом отношении показателен реставрационный опыт А.В. Попова: при вдумчивом отношении к делу, по следам утраченных архитектурных деталей и конструкций ему удалось узнать не только историю, но и технологию строительства церкви Дмитрия Солунского в селе Верхняя Уфтюга<sup>16</sup> и еще некоторых памятников<sup>17</sup> Только такой подход гарантирует положительный результат реставрации.

В настоящее время, когда большинство деревянных храмов требует неотложной и глубокой реставрации, включающей переборку, уникальным памятникам, построенным ранее XIX века, должно уделяться особое высокопрофессиональное внимание. Всегда ли выполняется это условие в реальности, показывает один из характерных примеров из реставрационной практики последнего времени, о котором рассказывается ниже.

К уникальным памятникам, из числа сохранившихся деревянных храмов, относится и Никольская церковь в селе Ковда Кандалакшского района Мурманской области (ил. 7). Автору настоящей статьи удалось установить, что основная часть памятника – собственно церковь и алтарь – срублена в 1597 году<sup>18</sup>. Широкая и обширная трапезная, сруб которой конструктивно не связан с четвериком собственно церкви, вероятно, относится к XVIII веку. Притвор и крыльцо были пристроены к трапезной с запада в XIX веке.

Двусветный четверик храма покрыт на два ската в два яруса, с отвесным бревенчатым уступом между ярусами посередине высоты кровли. Алтарь первоначально имел двускатное покрытие с полицами в основании. До начала XIX столетия церковь освещалась маленькими проемами. Два из них имели косячатое заполнение. Они располагались «в два света», то есть в два яруса в южной стене четверика (ил. 8, 9). В отличие от других древних клетских церквей заполнение проемов составляли не четыре косяка, а только три: нижнего косяка не было сделано. На уровне первого

«света» кроме косячатых были еще волоковые окна. В алтаре, вероятно, существовало только два волоковых окна.

Никольская церковь в Ковде обладает такими архитектурными и конструктивными свойствами, которые сближают ее с другими известными древнейшими деревянными храмами<sup>19</sup>. По планово-объемной композиции она весьма близка церквам в Юксовичах (ил. 5), Шеменичах и Ребове<sup>20</sup>. Как и они, Никольская церковь обладает совсем небольшим по площади, но высоким четвериком и значительно меньшим по объему, чем четверик, прямоугольным алтарем. Так же, как и те древние храмы, ее четверик и алтарный прируб покрыты на два ската без куриц и потоков (отличаясь, правда тем, что у кровли четверика есть уступ, а в основании кровли алтаря – полицы). Также интерьер храма освещают маленькие окна.

Как и в случае с церковью Георгия в Шеменичах, при существовании трапезной, закрывавшей стену четверика, невозможно узнать, каким было первоначальное устройство ковдского памятника с запада: имелся ли у него притвор, аналогичный этой части храмов в Юксовичах и Ребове, или подобно церкви в Лиственке (ил. 6)<sup>21</sup> непосредственно к четверику примыкала паперть? Ответ на этот вопрос можно было получить только после разборки трапезной, полностью закрывавшей западную стену древнейшей части храма.

Также было неизвестно и устройство первоначального завершения. Форма существовавшей главы поздняя: она двухъярусная, вычурного профиля, на непропорционально толстой шее. Нельзя исключить вариант, по которому первоначально храм был увенчан непосредственно крестом, без главы. Судя по письменным источникам, такие случаи не были редкими даже во второй половине XVII века<sup>22</sup>. К тому же, по заключению А.В. Попова, основанному на результатах натурных исследований, на крыше церкви в честь Положения риз Богородицы из деревни Бородавы не было даже креста<sup>23</sup>.

Однако, после произведенной реставрации Никольской церкви в селе Ковда, включавшей ее полную переборку, эти вопросы так и остались без ответов. Памятник целиком вновь наглухо закрыт обшивкой (ил. 10), научных публикаций по результатам этой работы нет. Автор настоящей статьи оставляет в стороне подробности дискуссии в интернете по поводу результатов реставрации Никольской церкви и колокольни в селе Ковда, но присоединяется к мнению тех участников дискуссии, которые считают, что произведенную работу можно назвать «реставрацией» только в кавычках. По существу, это замена новоделом одного из древнейших деревянных храмов России.

Наряду с клетскими церквами древнейшими типами деревянных храмов считаются срубленные восьмериком от земли с двумя прирубами, с востока и запада (ил. 11, 14), а также крестчатые в плане церкви (рис. 12). У первого из названных мною типов храма восьмерик, идущий от земли, завершается шатром, у второго типа шатровый восьмерик возносится над средокрестием. По мнению некоторых исследователей-реставраторов, в храмах, относящихся как к первому, так и ко вто-

рому типам были обнаружены признаки первоначально открытых внутрь шатров. Первым к такому заключению пришел П.Д. Барановский при обследовании в 1922 году Ильинской церкви (1600 г.) Выйского погоста Архангельской области (ил. 11). Существовавший в церкви потолок не врубался в восьмерик. Следовательно, потолок-перекрытие был сделан не сразу при строительстве храма, но позднее. К сожалению, ни чертежей, ни фото изнутри шатра Выйской церкви нет. П.Д. Барановский чуть не разбился насмерть, провалившись сквозь потолок на пол. Саму церковь уже после войны разобрали на дрова<sup>24</sup>.

По некоторым сведениям, открытые внутрь шатры первоначально были в церкви крестчатого типа села Уны и церкви восьмериком от земли с двумя прирубами села Панилова (оба села расположены в Архангельской области, памятники не сохранились). Однако нет никаких чертежей или изображений, подтверждающих информацию о первоначально открытых в них шатрах.

После П.Д. Барановского о существовании открытых внутрь храма шатров в русской деревянной архитектуре заявил С.Л. Агафонов. Он в 1947 году обследовал Воскресенскую церковь, срубленную в 1652 году в селе Водоватово и перевезенную в конце 1910-х годов в село Костылиху Нижегородской области<sup>25</sup>. По результатам натурного обследования и архивным материалам С.Л. Агафонов пришел к выводу: первоначально в церкви был «открытый внутрь шатер сплошной рубки». Действительно, из архивных чертежей следовало, что шатер над центральным восьмериком не обладал внутри плоским перекрытием. Вместе с тем, остается неизвестным, с какого времени шатер был открытым: с первоначала или после переделок церкви в девятнадцатом столетии. На архивных чертежах начала XX века конструкция шатра закрыта поздней отделкой.

После перевозки в Костылиху шатер церкви не был восстановлен – его место занял купол, под которым сохранились только несколько венцов утраченного шатра. Эти сведения дали основание С.Л. Агафонову утверждать о том, что шатер был срублен не «в режь» (то есть с зазорами между венцами), а плотно, и бревна его были гладко стесаны, как и стены<sup>26</sup>.

После публикации С.Л. Агафопова проблема открытых внутрь шатров не обсуждалась в науке. Правда, В.П. Орфинский в 1980-е годы не сомневался в том, что потолки в храмах распространились в XVI веке с целью – утеплить холодные интерьеры. Но было не ясно, как без потолков могли выглядеть интерьеры древних шатровых храмов.

Между тем, Л.Е. Красноречьев при исследовании и реставрации одной из древних крещатых церквей – Рождества Богородицы (1530-е гг.), перевезенной из села Передки в Музей Витославицы Новгородской области (ил. 12)<sup>27</sup>, установил, что ветви крестчатого сруба этого памятника первоначально не имели верхних перекрытий. После реставрации в интерьере этих частей церкви видна ничем не закрытая тыльная сторона двускатных кровель: слези и между ними нижний ряд тесового покрытия (ил. 13).

Таким образом, открывается одна из особенностей внутреннего устройства древ-

них шатровых церквей. Подобно тому, как строились без потолков-перекрытий клетские храмы, например, церковь Флора и Лавра, «что на Кулде», шатровые церкви тоже бывали открытыми на всю высоту в интерьере. Причем открытые внутрь храма шатры рубились «в режь». Церковь Рождества Богородицы из села Передки и Никольская церковь в селе Лявле (о ней речь ниже) это показывают в реальности. Но не исключено, что в XVII веке, когда начинают распространяться росписи деревянных храмов, открытые в интерьер шатры стали рубить плотно и стесывать неровности стены («пузо» бревен). Изменение устройства шатра могло быть вызвано потребностью расписывать его внутренние грани. Действительно ли были в таких случаях росписи или нет, пока неизвестно. Но пример появления перекрытий в виде «небес» показывает, что сначала их грани были из чистых досок. Росписи на них появились позднее, в конце XVII века<sup>28</sup>.

Вместе с тем, следует принять во внимание, что об открытых шатрах типа костылихинского в других церквях ничего неизвестно – это единственный пример. К тому же, Воскресенский храм срублен не на Севере. Время его постройки близко времени появления «небес» с сюжетными росписями. «Небеса» устраивают и в старых, восьмериком от земли храмах. Новые восьмериковые храмы с середины XVII века больше рубятся со стропильными шатрами. В последней четверти XVII века церкви восьмериком от земли уже не строят. На основании этих фактов можно предположить, что, если росписи на гранях открытых бревенчатых шатров и существовали, то очень недолго – место их расположения вскоре закрыло «небо».

К древнейшим сохранившимся шатровым церквям, имеющим восьмигранный сруб от земли, относится и Никольская церковь в селе Лявля под Архангельском (ил. 14). Ее общепринятая датировка – 1589 год. Но А.И. Давыдов узнал из архивных источников, что храм старше: он освящен в 1584 году<sup>29</sup>.

Шатровый восьмерик Никольской церкви имеет два прямоугольных прируба: алтарь – с востока и притвор-трапезную – с запада, которые завершаются бочками. Прежде с трех сторон сруб храма опоясывала каркасная тесовая галерея, следы существования которой хорошо видны на стенах сруба<sup>30</sup>.

Все исследователи памятника отмечали черты архаичности в его облике и, в частности, существование такой уникальной детали, как рубленая бревенчатая глава (ил. 15)<sup>31</sup>. Однако никаких других особенностей в архитектуре церкви не было выявлено. Только недавно, осмотрев этот памятник очередной раз, автор настоящей статьи обнаружил в нем ряд особенностей, не замечавшихся прежде. Первое: бочки прирубов очень пучинистые, они выступают за стены прирубов, переходя на соседние грани восьмерика (ил. 14) (на других известных памятниках того же типа, что и Никольская церковь в Лявле, но построенных позднее, в XVII веке, бочки не шире прирубов, которым служат завершением.) Второе: стены в интерьере не стесаны, оставлены круглыми в поперечном сечении (ил. 17). Третье: шатер срублен «в режь» с небольшими зазорами между венцами (ил. 16). Наконец, четвертое – главное: существующий ныне горизонтальный потолок-перекрытие из коротких

досок, уложенных «в елку» между несколькими балками, по всей вероятности, не первоначальный (ил. 17). Балки потолка опираются не на бревна сруба, между которыми они обычно врубались при строительстве – в срубе нет следов такой конструкции. Опорой потолочным балкам служат особые брусья, большинство которых поддерживается кронштейнами, прибитыми коваными гвоздями к стенам восьмерика (ил. 17). Только со стороны прирубов – алтаря и притвора, в которых потолки ниже, чем в центральном срубе, балки перекрытия восьмерика опираются на верхние брусья каркаса тесовой стенки-«заборки». Эта стенка закрывает внутреннее пространство бочек над алтарем и притвором в интерьере восьмерика.

Учитывая новые уникальные данные о первоначальной, древней архитектуре Никольской церкви, необходимо очень серьезно, вдумчиво подходить к проекту реставрации памятника и, тем более, к реализации проекта.

Приведенные примеры показывают, с одной стороны, как далек первоначальный древний облик памятников – деревянных храмов от их вида в первой половине XIX века, то есть до известных переделок, включавших и обшивку сруба. С другой же стороны, становится ясно, сколь ценную информацию содержат, вернее, скрывают древние деревянные церкви, и как легко эту информацию не прочитать, не узнать и даже вовсе потерять в результате непрофессиональной реставрации. Эту информацию может извлечь из памятника только высокопрофессиональный реставратор-исследователь.

Лишь благодаря настоящей реставрации, возможно, получать те драгоценные сведения о первоначальном архитектурном облике древних храмов – архитектурных памятников. Эти сведения позволят составить также истинное представление об изменении отдельных памятников во времени, и восстановить характер и динамику изменений деревянной архитектуры в целом. В противном случае мы, люди XXI века, так и останемся в темноте невежества – не сумев собрать, навсегда потеряем крупицы этих драгоценных знаний.

#### Примечания

<sup>1</sup>Забелин И.Е. Русское искусство. Черты самобытности в древнерусском зодчестве. М., 1900. С. 67.

<sup>2</sup>Красовский М.В. Курс истории русской архитектуры. Пг., 1916. С. 14.

<sup>3</sup>Забелин И.Е. Указ. соч. С. 14.

<sup>4</sup>Горностаев Ф., Грабарь И. Деревянное зодчество русского севера // Грабарь И. История русского искусства. М., 1910. Т. I. С. 338.

<sup>5</sup>Максимов П.Н., Воронин Н.Н. Деревянное зодчество XIII–XVI веков // История русского искусства. М., 1955. Т. 3. С. 245.

<sup>6</sup>Там же. С. 248.

<sup>7</sup>Шенников А.А. Крестьянские усадьбы XVI–XVII веков (Верхнее Поволжье, северо-западная и северная части Европейской России) // Архитектурное наследство. М., 1963. № 15. С. 101.

<sup>8</sup>Шенников А.А. Длинный дом и крытый двор. СПб., 1992. С. 184.

<sup>9</sup>Спегальский Ю. П. Жилище северо-западной Руси IX–XIII вв. Л., 1972.

<sup>10</sup>Ополовников А.В. Русское деревянное зодчество. М., 1986. С. 7–10.

<sup>11</sup>Шургин И.Н. Исчезающее наследие. М., 2006. С. 11–17.

<sup>12</sup>Шургин И.Н. Новые данные об устройстве деревянных церквей на Русском севере // Традиционная культура Русского Севера: истоки и современность: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 45-летию музея «Малые Корелы» (Архангельск, 8–11 июля 2009 года). Архангельск, 2010. С. 99–110.

<sup>13</sup>Здесь и далее выделено нами. – И.Ш.

<sup>14</sup>ГАВО. Ф. 496. Оп. 1. Д. 2955. Л. 219–220 об.

<sup>15</sup>Попов А.В., Иванова Г.О. Отчет о проделанных реставрационных работах на памятнике архитектуры 1485 года «Церковь Ризположения из деревни Бородавы». URL: [www.rcapo.ru/arh/index.php?page=kirk&lang=ru](http://www.rcapo.ru/arh/index.php?page=kirk&lang=ru)

<sup>16</sup>Попов А., Шургин И. О воссоздании русской плотничной технологии XVII–XVIII вв. при реставрации церкви Дмитрия Солунского в селе Верхняя Уфтюга. М., 1993.

<sup>17</sup>Мальцев А.П. Реставрация церкви Пророка Ильи, что на Цыпинском погосте // Церковь Пророка Ильи на Цыпинском погосте. 1755: История, реставрация, люди / сост. М.Н. Шаромазов. Кириллов, 2009. С. 7–52.

<sup>18</sup>Шургин И.Н. Исчезающее наследие. М., 2006. С. 18–28.

<sup>19</sup>Там же. С. 15–16; Бодэ А.Б. Деревянные храмы с каскадными покрытиями. Архитектурные решения, ареалы, аналогии // Архитектурное наследство. М., 2010. Вып. 52. С. 81–97.

<sup>20</sup>Селения Юковичи и Шеменичи относятся к Подпорожскому району Ленинградской области. Ребовский погост числился в Тихвинском уезде. Изображения церквей в Шеменичах и Ребове см.: Шургин И.Н. Исчезающее наследие. М., 2006. Рис. 1.4, 1.5.

<sup>21</sup>Бокситогорского района Ленинградской области. О ней см.: Коляда М.И. Реставрация церкви Рождества Богородицы в деревне Лиственка // Народное зодчество. Межвузовский сборник. Петрозаводск, 1998. С. 235–247.

<sup>22</sup>Писцовая книга старых сел Верхоценской волости Тамбовского уезда. Извлечено из архивов членом Тамбовской Архивной комиссии П.И. Пискаревым. Тамбов, 1888; Шургин И.Н. Деревянные церкви первой половины XVII века без алтарного прируба // Сборник материалов Каргопольской научной конференции «XVII век в истории и культуре Русского Севера» (К 400-летию отражения осады польско-литовских интервентов Каргопольской крепостью) [В печати.]

<sup>23</sup>Попов А.В., Иванова Г.О. Отчет о проделанных реставрационных работах на памятнике архитектуры 1485 года «Церковь Ризположения из деревни Бородавы»

<sup>24</sup>Миличик М.И. По берегам Пинег и Мезени. Л., 1971. С. 14.

<sup>25</sup>Агафонов С. К вопросу об открытых внутри шатрах в русском деревянном



---

---

зодчестве // Архитектурное наследство. М., 1952. № 2. С. 187–192.

<sup>26</sup>На конференции в Нижнем Новгороде в 1994 году С.Л. Агафонов повторил свои прежние выводы.

<sup>27</sup>Архитектурное наследие Великого Новгорода и Новгородской области. СПб., 2008. С. 346–348.

<sup>28</sup>Кольцова Т.М. Росписи «неба» в деревянных храмах Русского Севера. Архангельск, 1993. С. 94.

<sup>29</sup>Давыдов А. Древнейшая из шатровых // Памятники Архангельского Севера. Архангельск, 1991. С. 150–151.

<sup>30</sup>Крохин В.А. Система построения формы в древнерусском деревянном зодчестве XVI–XVIII веков // Вопросы охраны, реставрации и пропаганды памятников истории и культуры. М., 1976. Вып. IV. С. 205, 206.

<sup>31</sup>Ополовников А.В. Русское деревянное зодчество. М., 1986. С. 28.

---

---

## **Ресурсы развития территорий. Российский и зарубежный опыт**

Т.М. Гудима  
(г. Москва)

## Кенозерье как земля реализации творческого потенциала человека

Проведение международной научно-практической конференции по крайне актуальной проблеме «Человек и среда: гармония и противоречия» именно здесь, на Кенозерской земле, закономерно и обоснованно. Сама история становления и развития общества на кенозерской земле дает интересный и крайне востребованный опыт взаимодействия человека и природы. Коллектив Кенозерского национального парка за 20 лет своей непростой работы многое сделал для изучения и продолжения этого опыта. Многие исследования, осуществленные по инициативе и поддержке коллектива парка учеными России и других стран, являются новаторскими, совершают открытия в теме, избранной для обсуждения на конференции.

Для своего доклада я избрала тему, в которой постараюсь доказать, что Кенозерская земля с ее природными особенностями, особым складом жизни способствует формированию и развитию творческих способностей человека.

Данное утверждение достаточно убедительно подтверждается богатым историческим и культурным наследием Кенозерья. Именно на этой земле русские ученые П.Н. Рыбников и А.Ф. Гильфердинг услышали и записали 83 былины (книга «Онежские былины» вышла в 1873 г.). Былины, песни, сказания передавались из уст в уста, от поколения к поколению, бережно сохранялись мелодии, напевы и тексты. Все это создавало естественный фон, атмосферу жизни, вдохновляющую творить.

Эти произведения – сокровища русского языка, его словарного, интеллектуального и эмоционального богатства. Одна из главных содержательных идей этого наследия – сопротивление насилию, хвала труду и таланту.

Это наследие, как и известное всему миру деревянное зодчество: храмы, часовни, погосты и дома, свидетельствуют о том, что люди, живущие на Севере, осваивающие его, обладали особым чувством природы, окружающей среды. Это чувство формировалось веками: человек жил здесь, по данным современных исследований, с четвертого тысячелетия до новой эры. В мировоззрении людей причудливо соединялись черты анимизма и магизма, религиозных учений и научного знания, и во всем этом сохранялось отношение к природе как животворящей основе, стремление гармонизировать свою жизнь с законами природы. Исследователи справедливо говорят о сложившихся на этой земле «культуре леса», «культуре моря», «культуре поля» как культуре особого отношения труженика к основным, природным объектам деятельности.

На этих территориях сложился и утвердил себя особый тип поселения – деревня. Каждая из них имеет свою композицию, согласующуюся с окружающей природой

© Гудима Т.М., 2012

(на территории Кенозерского парка это особенно наглядно). Деревня – это не только дома и улицы, но и сложившиеся отношения людей: добрососедство, взаимопомощь, коллективная забота о подрастающем поколении, память о порядках, свои обычаи и традиции. Как правило, жизнь людей в деревне характеризуется высоким нравственным уровнем. Достаточно точно это выражено словами известной и любимой народом песни: «Но не бойся, тебя не обидим мы, Не пугайся земляк земляка, Здесь держать можно двери открытыми, Что надежней любого замка. За полями, лесами, за пасекой Не уйти от придирчивых глаз. Тем, кто держит свой камень за пазухой, Ох, и трудно в деревне у нас».

Судьбы культуры неразрывно связаны с судьбой деревни. И оправдана тревога одного из лучших современных писателей, глубоко знающего и умножающего нашу отечественную культуру, Владимира Личутина. Он пишет: «Когда исчезают деревни, происходит сжатие живого пространства, необходимого для культуры. Само пространство, где создавалась культура, немеет, становится безгласным. Уже нет той атмосферы, в которой создавались знаменитые произведения Марьи Кривополоновой, Марфы Крюковой, Бориса Шергина. Обезлюдившая земля не может родить своего певца»<sup>1</sup>.

Великая заслуга деятельности Кенозерского парка – возрождение этой земли. В невероятно сложных условиях непонимания масштабности, сложности этой задачи государственными органами, местными органами власти да и обществом, парку все же удалось многое сделать за прошедшие 20 лет. Речь идет не только о сохранении природы в ее естественной природной чистоте и разнообразии, речь идет о сохранении жизни на этой земле да и всей человеческой цивилизации в целом.

Взаимодействие человека и природы – не новая проблема. Она всегда существовала. Осмысление человеком своего места в природной среде прошло несколько этапов. Сначала человек приспособивался к природе, ее законам, ее ритму и строил жизнь в соответствии с этим. Потом пришла эпоха, когда человек старался подчинить природу, стать ее хозяином. Основания для этого были: человек научился многое делать лучше, совершеннее, чем давала природа, он вырвался за пределы атмосферы, преодолел земное тяготение. Казалось, уму, таланту человека нет преграды. Однако во второй половине XX века, а особенно в начале века XXI природа активно вмешалась в процесс жизни на Земле. Многие события последнего времени, природные катаклизмы со всей очевидностью показали, что человек бессилён предотвратить и даже предвидеть катастрофы, которые грозят самой жизни на Земле. Проблема отношения человека и природы встала с новой силой, в новом звучании.

В науке давно исследуется тема соотношения и особенностей традиционной и техногенной цивилизаций. (Есть разные подходы к характеристике цивилизаций и их классификации, но этапы традиционного и техногенного развития выделяют все исследователи.) Одной из характерных черт каждой цивилизации является ее культура. Техногенная цивилизация закономерно приходит на смену традиционной: она побеждает в конкуренции, основой ее развития становится технико-технологиче-

ский прогресс. На протяжении жизни одного поколения радикально меняется предметная среда, в которой живет человек, а следствием этого является изменение и отношений людей, и социальных институтов. Техногенная цивилизация динамична, традиционная консервативна. В традиционных цивилизациях новые поколения живут в основном в тех же условиях, что и их родители и в непосредственном общении воспринимают их опыт.

В нашей проблеме: соотношение общества и природы, мы останавливаемся только на одном, но, с нашей точки зрения, самом принципиальном различии традиционного и техногенного общества.

Техногенное общество представляет человека как активно действующего субъекта, который противостоит природе, он покоряет природу и подчиняет ее своей власти. Одна из основных ценностей культуры этого общества – преобразующая творческая деятельность. Благодаря такому подходу, человек смог многого достичь, создал могучие производительные силы. Стремление утвердить техногенную цивилизацию – общая тенденция развития планеты. Все страны закономерно переходят от традиционной к техногенной стадии развития.

Вместе с тем, техногенная цивилизация породила целый ряд проблем, поставивших под угрозу само существование человечества.

Во-первых, глобализация – неотъемлемая характеристика техногенной цивилизации – своим следствием имеет разрушение духовной самобытности и уникальности национальных культур. Это вызывает сопротивление культурных сообществ и существенно обостряет обстановку на планете.

Во-вторых, происходит разрушение человеческой личности. Сошлюсь на мнение одного из ведущих ученых России нашего времени, академика Российской Академии наук и ряда зарубежных академий Вячеслава Семеновича Степина: «Впервые в истории человечества возникает реальная опасность разрушения той биогенетической основы, которая является предпосылкой индивидуального бытия человека и формирования его как личности, основы, с которой в процессе социализации соединяются разнообразные программы социального поведения и ценностные ориентации, хранящиеся и вырабатываемые в культуре»<sup>2</sup>.

Современный мир требует включения человека в многообразие социальных структур, следствием чего являются гигантские нагрузки на психику, разрушающие здоровье.

И в-третьих, реальностью стали кризисы: энергетический, продовольственный и экологический, то есть существование человека как части природы (а это одно из оснований традиционной культуры) и как деятельного субъекта, преобразующего природу, пришли в конфликтное столкновение.

Можно назвать и целый ряд других оснований, которые вызывают оправданную тревогу по поводу последствий того магистрального пути, которым идет сегодня большинство стран, в том числе Россия.

Приоритетом развития начиная с XIX века провозглашена экономика, а главным

экономическим механизмом свободный рынок. За социальный образец принято возникшее на Западе общество потребления. Чем больше потребляем, тем лучше живем. Стимулировать потребление, значит повышать спрос, который, в свою очередь, стимулирует экономику. На это работает реклама, мода, упрощенная технология производства вещей (вещи должны быстро изнашиваться и заменяться), система дешевого кредитования: жизнь в рассрочку, в долг. Все эти элементы массовой культуры составляют атмосферу общества потребления. Массовая культура – закономерность общества потребления. Пример такого развития – самая богатая страна США, в которой потребление существенно превышает производство. Это потребление осуществляется за счет других стран и будущих поколений.

Самое тревожное, что данный принцип берется за ориентир и другими странами. Однако природные ресурсы ограничены, и это становится все очевидней. И прав академик В.С. Степин, который на основании анализа современной ситуации на планете делает вывод: «По-видимому, на рубеже двух тысячелетий по христианскому летоисчислению человечество должно осуществить радикальный поворот к каким-то новым формам цивилизационного развития»<sup>3</sup>. В нашем Отечестве многие из этих проблем звучат особенно остро.

В связи с этим представляется закономерным возрастание интереса – и научно-исследовательского и практического, к традиционной культуре, в том числе к восточной культуре, где многие особенности традиционной культуры проявляются ярко и убедительно.

В восточных культурах (японской, китайской, индийской) преобладает принцип отношения к природе как к живому организму. Так, известный древнекитайский принцип «у-вэй» провозглашает идеалом отношение к природе минимальное воздействие, осуществляемое в соответствии с пониманием и чувством ритмов мира.

Традиционные культуры составляют фундамент, основание любой современной культуры. Однако на стадии техногенного развития многие ценности этих культур, обладающие потенциалом развития, были преданы забвению, объявлены устаревшими. Это, например, приоритет нематериальных (духовных) ценностей над материальными. Мы понимаем под понятием «духовность» способность человека выйти за пределы своекорыстного существования, служить высоким целям, исповедовать добро и милосердие. Принятая ЮНЕСКО Конвенция «О нематериальном культурном наследии» (2003 г.) – свидетельство того, что в мире началось осознание принципиальной важности этой составляющей цивилизационного развития.

В традиционной культуре поиск истины, знания был неразрывно связан с нравственностью. Нравственное совершенствование – условие и основание для постижения истины. Это не отрицание объективности истины, а стремление дать ответ на вопрос: как и во имя чего используется знание, служит оно добру или умножает зло на земле. Исследование, изучение и актуализация животворных ценностей традиционной культуры, восстановление продуктивных жизнеспособных традиций – обязательное условие для определения нового пути развития человечества. Необходимо

---

преодолеть губительные последствия техногенной цивилизации, которые обозначились столь очевидно, сохранив с благодарностью ее колоссальные позитивные результаты.

Безальтернативным, с нашей точки зрения, является то, что человек должен воспринимать природу (биосферу) как глобальную экосистему, целостный организм, в который включен сам человек. Без гармонии экосистемы невозможны ни благополучие, ни счастье человека.

Наша конференция актуальна именно потому, что исследуя опыт Кенозерья – земли, где русская традиционная культура проявляется ярко и животворно, мы стараемся найти ответ на главные вопросы, вставшие перед человечеством на рубеже XIX и XX веков.

Свой вклад в поиски ответа на эти вопросы вносит опыт Кенозерского национального парка, 20-летию которого посвящена конференция. Много интересных реализованных проектов, сотни мероприятий, восстановленные и включенные в культурную жизнь памятники деревянного зодчества, ожившие народно-художественные промыслы и многое другое способствует решению главной задачи – вернуть на северную землю жизнотворчество человека, жизнотворческое настроение. В начале XX века секреты жизни на Севере изучал один из самых ярких и талантливых писателей, кудесник русского слова Б.В. Шергин, оставивший яркие, необычайно глубокие по мыслям произведения. «Природа Севера, неяркая, тихая под жемчужным светом широкого неба, но и суровая, строгая к человеку, и эта строгость побуждает человека всегда искать с ней согласия. Такое согласие человек нашел, закрепил его в письменной и устной памяти и вот нам удивительно, сколько тут мудрости, поэзии, любви к нам, наследникам, и заботы о нас». В произведениях Шергина («Отцово знание», «Государь-кормищик», «Древние памяти», «Изящные мастера», «У Архангельского города», «Народ-художник» и других) «двери распахнулись в мир духовной жизни, в которой человек живет свободно и прямо, и дела его прекрасны, даже, если это и гнев, и досада, помыслы благородны... И так он живет потому, что дело его, труд его – радостное творчество, а не подневольная бесконечная работа, и цель этого творчества единственная – жизнь и человек в этой жизни»<sup>4</sup>.

Давайте поразмышляем на эту тему. В чем смысл обустройства нового экологического маршрута в Кенозерском парке под названием «Тропа раздумий» и «Чайного дома» в деревне Морщихинской? Это деликатное приглашение человеку подумать о главном, о вечном, хотя бы на час отключиться от каждодневных волнений и забот. Мудрые мысли на стендах вдоль тропы станут стимулом к размышлениям, а информация о растущих деревьях и кустах приблизит их, сделает понятней и необходимей. Как часто, особенно в ритмах городской жизни, человек испытывает потребность именно в таком отдохновении, размышляющем и вдохновляющем.

А мудрый маршрут «Тропа муравейников», особенно когда рассказывают о загадочном муравьином царстве дети...

---

Таких открытий в Кенозерье сделано немало. Уверена, что наша конференция существенно обогатит и знание, и опыт по важнейшей теме взаимодействия человека и природы.

Что уже сейчас реально создано, заслуживает изучения и распространения? Издательский проект «Наследие Кенозерья», в котором вышли в свет книги Ю.И. Смирнова, других авторов. На этой земле записано более 300 произведений устного народного творчества, с докладом на конференции выступают ведущие ученые Института мировой литературы, Пушкинского Дома, многих университетов.

Парк стал многопрофильной школой, обучающей многочисленным народно-художественным промыслам и ремеслам: плотницкому делу, ткачеству, кузнечному и гончарному мастерству, многим другим традиционным искусствам.

Здесь в парке ежегодно собираются на свои семинары активисты ТОСов (товарищества общественного самоуправления – органы управления жизнью деревень, поселков, маленьких городов, рожденные инициативой самих людей и широко распространенные в Архангельской и других областях). Люди, уставшие от обещаний, потерявшие надежду на то, что власть сверху о них позаботится, берут судьбу в свои руки. Семинары проводят в Кенозерье не случайно. Здесь же есть ТОСы, использующие полезный опыт дедов и отцов в организации деревенской жизни.

Имеет хорошие перспективы и сельский туризм, который после долгих лет разъяснений и организации принят жителями деревень как полезное дело и в экономическом, и в человеческом смысле. Притом горожанину предоставляется возможность не просто «пожить в деревенском доме», но и заняться сельским трудом, не просто полюбоваться природой, а породниться с ней, почувствовать ее живительную силу.

Много лет Кенозерский парк проводит юношеские научные конференции «Ломоносовские чтения», выявляя талантливых молодых людей и давая им рекомендации для дальнейшего образования.

Парком осуществляется программа экологического образования. Особо парк работает с детьми с ограниченными возможностями: наукой доказано, что этим детям природа особенно необходима, полученные от общения с ней эмоции восполняют недостатки интеллектуального развития.

Национальные парки (их в стране более 40) созданы, чтобы сохранять природу, способствовать ее гармоническому развитию, но делать это можно по-разному. Можно огородить эти прекрасные земли (а парки, как правило, создаются в уникальных местах) от людей и выставить охрану, а можно организовать этих людей, помочь им так устроить жизнь, чтобы и люди, и природа радовались друг другу. Кенозерский национальный парк избрал второй путь, опираясь на бесценный опыт, созданный поколениями людей, живших на это земле.

Закончить хочу цитатой из редакционной статьи эколого-просветительской газеты «Кенозерье», издаваемой в парке: «Разве не чудо, что во времена, когда большие города задыхаются от дыма, а их жители проводят свою жизнь в пробках, когда мерилами становятся пачки купюр и быстротечная мода, живет земля, которая впу-

скает в свою жизнь цивилизацию очень мудро, вплетает ее в традиционный быт, бережет часовни, построенные предками, хранит природу, поет детям песни, что пели их родителям матери. И на этой земле невозможно не быть собой, она оставляет один на один со своей душой и с тем, кто ты есть на самом деле»<sup>5</sup>.

#### Примечания

<sup>1</sup>Литературная газета. 2011. № 8.

<sup>2</sup>Цит. по: Запесоцкий А. Теория культуры академика В.С. Степина. СПб., 2010. С. 73.

<sup>3</sup>Там же.

<sup>4</sup>Галкин Ю. [Предисловие] // Шергин Б. Изящные мастера. М., 1990. С. 15.

<sup>5</sup>Попова Е. Колонка редактора // Кенозерье. 2009. № 1. С. 3.

*Л.С. Котикова  
(Тульская обл.)*

### **Историко-культурное наследие Куликова поля как ресурс развития территории (Из опыта Государственного военно-исторического и природного музея-заповедника «Куликово поле»)**

Куликово поле неразрывно связано с выдающимся событием в истории России. 21 сентября 1380 года у слияния рек Дон и Непрядва объединенные русские полки под началом великого Московского князя Дмитрия Ивановича одержали победу над войсками Золотой Орды. Куликовская битва, ставшая крупнейшим сражением Средневековья, положила начало объединению русских княжеств вокруг Москвы. Это историческое событие является важной вехой в становлении российской государственности и утверждении русского национального самосознания, нравственных основ и идеалов нашего общества.

Наиболее емко значение Куликовской битвы определил известный отечественный историк Л.Н. Гумилев: «Суздальцы, владимирцы, ростовцы, псковичи пошли сражаться на Куликово поле как представители своих княжеств, но вернулись оттуда русскими...»<sup>1</sup>. Это событие оставило яркий след в становлении православия, истории России, ее культуре.

На протяжении многих веков сражение 1380 года на Куликовом поле привлекало пристальное внимание ученых в различных сферах политической, дипломатической и научной жизни русского общества<sup>2</sup>. Согласно одному из преданий, Петр I, посещая строительство шлюзов на Иван-озере, осмотрел место Куликовской битвы и приказал пометить клеймами оставшиеся дубы Зеленой Дубравы, чтобы их не рубили. Рост народно-патриотических настроений русского общества после Отечественной войны 1812 года и вышедшая из под пера Н.М. Карамзина «История государства Российского» способствовали возникновению нового интереса к памятникам Куликова поля в начале XIX века. По инициативе тульского помещика, декабриста, поэта, деятеля образования и просвещения, первого исследователя Куликова поля С.Д. Нечаева, тульский губернатор В.Ф. Васильев в 1820 году выступил с ходатайством перед императором Александром I о создании памятника Дмитрию Донскому на Куликовом поле<sup>3</sup>. Место, на котором планировалось установить памятник, было определено на основе конкретных находок на месте сражения, обнаруженных С.Д. Нечаевым и И.Ф. Афремовым. Тульские краеведы достаточно точно определили район битвы – между селом Монастырщино и Красным холмом. На Красном холме и было решено установить монумент. И.Ф. Афремов высказал также идею о необходимости создания музея при памятнике, чтобы каждый посетитель поля мог познакомиться с реликвиями Куликовской битвы.

© Котикова Л.С., 2012

По указанию императора Александра I планировалось возведение обелиска Дмитрию Донскому и храма Сергия Радонежского – идейного вдохновителя Куликовской битвы. Согласно рескрипту императора на территории мемориала предполагалось также строительство жилья для ветеранов наполеоновских войн, которые не только должны были охранять обелиск, но и знакомить любого посетителя с героической историей этого места.

Памятник-колонна Дмитрию Донскому была торжественно открыта 8 сентября 1850 года. Ее автором стал А.П. Брюллов. И несмотря на то, что многие идеи мемориализации Куликовской битвы и Куликова поля, рожденные в XIX веке, не были воплощены в то время, основные формы сохранения исторического и природного наследия Куликова поля были наработаны. К ним можно отнести охрану элементов исторического ландшафта, возведение памятников и строительство мемориальных храмов на легендарной территории, проведение праздничных торжеств, приуроченных к годовщине битвы, создание музея на Куликовом поле, который призван знакомить посетителей с историей сражения.

Эти традиции получили свое продолжение накануне празднования 500-летнего юбилея Куликовской битвы в 1880 году. Общественные деятели, ученые, тульское земство ратовали за создание музея Куликовской битвы на Красном холме, за экспонирование находок, обнаруженных на поле сражения, из коллекций местных дворян. К этому времени относится и сооружение на месте захоронения воинов, павших в Куликовском сражении, каменного храма Рождества Пресвятой Богородицы в селе Монастырщино.

В начале XX века воплощается идея о строительстве храма-памятника Сергию Радонежскому на Красном холме Куликова поля. Он был возведен в 1917 году по проекту архитектора А.В. Шусева и составил гармоничный ансамбль с обелиском Дмитрию Донскому.

Филиал Тульского областного краеведческого музея был основан на Куликовом поле в 1965 году. В ходе подготовки праздничных торжеств 600-летнего юбилея Куликовской битвы в музее на Красном холме создается полновесная мемориальная экспозиция, посвященная Куликовскому сражению. Также в преддверии этой юбилейной даты открывается выставка в монастырщинском храме Рождества Пресвятой Богородицы, проводится реставрация памятников Куликова поля и благоустройство памятных мест.

1996 год стал годом создания Государственного военно-исторического и природного музея-заповедника «Куликово поле». В рамках подготовки празднования 50-летия победы в Великой Отечественной войне выходит постановление правительства Российской Федерации «О создании и мерах по обеспечению деятельности Государственного военно-исторического и природного музея-заповедника "Куликово поле" в Тульской области». Музей создан в рамках осуществления государственной политики сохранения и обустройства особого рода национальных святынь – «полей ратной славы Отечества» (Куликово поле – Бородинское поле – Прохоровское поле).

Государственный музей-заповедник «Куликово поле» расположен на юго-востоке Тульской области в Кимовском и Куркинском муниципальных районах на границе с Липецкой и Рязанской областями. Музейный комплекс Куликовской битвы – это комплексный объект наследия, в котором неразрывно соединены историко-ландшафтные, археологические, природные и мемориальные памятники.

В ведении музея-заповедника на сегодняшний момент находятся мемориальные архитектурные ансамбли Куликовской битвы на Красном холме и в селе Монастырщино. Эти два объекта обустроены при исторически сложившихся памятных местах и составляют мемориальную основу в границах Куликова поля.

Историко-культурный и архитектурный ансамбль Куликовской битвы на Красном холме включает старейший монумент воинской славы России – памятник-колонну Дмитрию Донскому и храм-памятник Сергия Радонежского. В 2010 году здание храма-памятника было передано Русской Православной Церкви, и расположенная здесь экспозиция «За землю русскую и веру христианскую» прекратила свое существование. Храм-памятник Сергия Радонежского и культурные объекты на Красном холме сегодня по-прежнему открыты для посещения.

Историко-культурный и архитектурный ансамбль Куликовской битвы в селе Монастырщино расположен у слияния Дона и Непрядвы на месте легендарного захоронения павших в Куликовской битве русских воинов. На территории мемориала находятся: храм Рождества Пресвятой Богородицы (1865–1884 гг., архитектор А.Г. Бочарников), музей с экспозицией «Руси великое начало», памятник Дмитрию Донскому (1980 г., скульптор О.К. Комов) и Аллея Памяти и Единства, посвященная воинам Куликовской битвы и Великой Отечественной войны 1941–1945 годов.

Мемориалы на Красном холме и в селе Монастырщина – это граница главного достопримечательного места музея-заповедника – поля сражения 1380 года. Это редкий тип памятника национальной истории, несущий огромный исторический и культурно-воспитательный потенциал, неразделимый с уникальной природной составляющей.

Наряду с мемориалами, посвященными Куликовской битве, на территории Куликова поля находятся 12 архитектурных памятников церковного зодчества XVIII – начала XX века, элементы парковых ансамблей, сооружений и построек дворянских усадеб Олсуфьевых, Нечаевых, Бобринских, Голицыных, Писаревых, остатки знаменитого в истории российской гидротехники Иваноозерецкого канала Петра Великого.

Помимо свидетельств Куликовской битвы Куликово поле сохранило память о древнерусских поселениях на этой территории. Исследования археологов открыли в бассейне Верхнего Дона более 250 сельских поселений древнерусского времени. Они возникли в XII–XIV веках, когда территория осваивалась русскими земледельцами. Благодаря изучению этих поселений можно восстановить планировку древних деревень, характер жилищ, систему традиционного сельского природопользования, материальную культуру предков.

На территории музея-заповедника «Куликово поле» также выявлены 11 уникальных памятников природы. Наиболее интересными в ботаническом отношении являются Нижний Дубик, Средний Дубик, Водяное поле, Тагинки. Здесь на небольших участках прослеживается сочетание как участков луговых степей, так и участков типичных остепненных дубрав. Фактически эти памятники – единственные территории, где сохранилась собственно растительность Куликова поля. Их изучение помогло специалистам составить представление о том, какой была луговая степь на Куликовом поле, и приступить к комплексным работам по ее восстановлению.

В 2009 году указом Президента Российской Федерации Государственный музей-заповедник «Куликово поле» включен в Государственный свод особо ценных объектов культурного наследия народов Российской Федерации.

Своей социокультурной миссией Государственный музей-заповедник «Куликово поле» видит актуализацию культурного наследия Куликовской битвы как определяющего события для истории Российского государства, а также превращение культурного наследия Куликова поля в ресурс развития территории. В связи с этим его деятельность направлена на выявление всей совокупности наследия Куликова поля, его сохранение и возрождение<sup>4</sup>.

Главное направление научных работ в музее на современном этапе – Куликовская битва и поле сражения. В связи с этим на Куликовом поле проводятся комплексные научно-поисковые работы по изучению территории, находок и вооружения участников Куликовской битвы. Работы ведутся по трем направлениям.

1. *Исследование места Куликовской битвы и реликвий сражения.* За последние 10 лет на Куликовом поле найдено свыше 40 находок, относящихся к сражению. Они позволили определить на местности эпицентр сражения 1380 года. Наряду с полевыми исследованиями проводятся архивные поиски, изучение фондовых коллекций российских музеев, что позволит определить судьбу реликвий Куликовской битвы из дворянских коллекций, бесследно исчезнувших в годы революции.

2. *Поиск братских захоронений русских воинов на поле битвы.*

3. *Научно-исследовательские работы по реконструкции вооружения воинов Куликовской битвы.* Эта работа имеет своей целью представление посетителям Куликова поля реалий Куликовской битвы.

Работы по изучению культурно-исторического наследия Куликова поля включают:

1. *Исследования археологических памятников Куликова поля.* Наибольший интерес для ученых сегодня представляет изучение древнерусских памятников, близких по времени к Куликовской битве. Изучение процессов заселения этой территории в XII–XIV веках, отдельных селищ и групп поселений, городищ, грунтовых могильников, ремесленного производства, культурных и торговых связей дает целостную картину жизни населения русского пограничья в преддверии и на момент сражения 1380 года.

2. *Исследование военно-исторического наследия Куликова поля.* Многие аспекты

военно-исторической проблематики дают богатый материал для изучения боевой славы Куликова поля в истории России XVI–XX веках, военно-патриотической работы с подрастающим поколением. К основным научным темам данного направления работы относятся архивно-поисковые исследования событий Великой Отечественной войны на Куликовом поле и биографические исследования военно-служилого сословия и военных формирований Куликова поля в войнах и битвах России XVI–XX веках.

3. *Историко-ландшафтные исследования Куликова поля.* Данное направление работы по изучению историко-культурного наследия Куликова поля включает в себе полевые и архивные исследования дворянских усадеб Куликова поля и судеб их владельцев – видных государственных деятелей России: Голицыных, Олсуфьевых, Писаревых, Бегичевых, Раевских, Измайловых, Урусовых и многих других, изучение сооружений Ивановской водной системы Петра I начала XVIII века на Куликовом поле, а также сложных миграционных процессов заселения этой пограничной территории в различные периоды истории.

4. *Представление результатов научной деятельности.* Научные конференции и семинары музея-заповедника, отражающие все научные направления его деятельности, позволяют аккумулировать и применять на практике лучшие достижения отечественной и зарубежной науки, обмениваться опытом и привлекать для своих научных проектов лучших специалистов. Музей оперативно публикует материалы исследований, источники по истории и археологии Куликова поля, научные сборники по итогам конференций.

Знакомство с историко-культурным наследием Куликовской битвы и Куликова поля возможно сегодня во многих формах. В музее действуют историческая экспозиция «Руси великое начало» в селе Монастырщино, посвященная Куликовской битве, историко-этнографическая экспозиция в поселке Епифань, музейно-выставочный центр «Тулские древности» в Туле, включающий археологическую экспозицию и интерактивную этнографическую экспозицию «Секреты тульских мастеров».

Используя колоссальный воспитательный потенциал, заложенный в историко-культурном наследии Куликова поля, музей-заповедник организует ежегодные событийные мероприятия, которые привлекают на Куликово поле тысячи туристов. Каждый туристический сезон на Куликовом поле открывается фестивалем народных традиций «Былина», возрождающим народные фольклорные традиции, пробуждающим интерес подрастающего поколения к русской лапте. На фестивале авторской песни «Куликово поле», приуроченном ко Дню памяти святого Дмитрия Донского, собираются авторы, исполнители и почитатели бардовской песни. Фестиваль «Епифанская ярмарка», проходящий под девизом «На Дону стоим! Дон славим!», собирает мастеров и умельцев со всего Подонья, возрождая исторические традиции некогда крупного уездного города Епифань, известного своими ярмарками.

Особый смысл для будущих защитников Отечества приобретает посещение Куликова поля в День России и накануне Дмитриевской родительской субботы, уста-

новленной Дмитрием Донским для поминания павших в Куликовской битве русских воинов. В эти дни дважды в год на Куликовом поле в присутствии близких, родных, ветеранов юные россияне принимают участие в проводах в армию. А накануне празднования Дня защитника Отечества юноши и девушки из районов Тульской области и ближайших регионов участвуют в военно-спортивной игре-зарнице «Марш-бросок «Куликово поле», где одним из главных испытаний становится лыжная гонка по месту сражения от села Монастырщино до Красного холма Куликова поля.

Самым ярким событием и традицией, берущей свое начало еще в XIX веке, являются торжества, посвященные годовщине Куликовского сражения. Их открывает военно-исторический фестиваль «Поле Куликово», в котором принимают участие военно-исторические клубы со всей России и ближнего зарубежья. В дни проведения фестиваля на Дону у Татинских бродов, где переправлялось войско Дмитрия Донского накануне битвы, около 500 современных ратников живут в традициях Руси и Золотой Орды XIV века, представляя древние промыслы и ремесла, вооружение и тактику ведения боя, традиционные костюмы, быт и кулинарию своих предков. Участники военно-исторического фестиваля в третьи выходные сентября заняты в самой популярной части программы праздничных торжеств – в реконструкции Куликовского сражения. Наряду с ней на Красном холме проходит гражданский митинг, парад воинских частей с воинскими почестями героям Куликовской битвы, принятие присяги, демонстрация современной военной техники, в храмах на Красном холме и в селе Монастырщино торжественные панихиды по воинам, павшим за Отечество во все времена. Здесь же разворачиваются массовые гуляния – Краснохолмская ярмарка, знаменитая еще с XIX века, выступления профессиональных и самодеятельных коллективов, конно-спортивные состязания, показательные выступления спецподразделений Минобороны и МВД.

Аудитория мероприятий музея представлена самыми разными регионами нашей страны и ближайшего зарубежья и может превышать 50 тысяч человек в день.

Не менее важным в деятельности Государственного музея-заповедника «Куликово поле» является изучение и сохранение природного наследия, а также возрождения традиционных форм природопользования на этой исторической территории.

Изучая изменение природной среды за последние 10 тысяч лет, особое внимание природоведы обращают на процессы, которые происходили на этой территории в XIV веке. Эта работа помогает определить новые факты в изучении Куликовской битвы, а также восстанавливать исторический ландшафт места сражения. Это уникальная научная программа, беспрецедентная как в российской, так и мировой научной практике.

Благодаря исследованиям историков, археологов, географов, биологов из ведущих научных учреждений страны была создана карта реконструкции природно-исторического ландшафта поля Куликовской битвы 1380 года. Она и стала научной

основой восстановительных работ.

Научным коллективом музея на поле битвы восстанавливаются лесные и степные участки исторической территории. Сегодня на месте битвы степная растительность произрастает на 10 полях общей площадью около 30 га. Это чистые посевы 4 видов ковылей – летописного символа Куликовской битвы, коллекционный участок, на котором собрано до 90 видов степных, луговых и лесных травянистых и кустарниковых растений, и экспериментальные поля, где проводятся исследования по восстановлению степной растительности.

В течение нескольких лет на Куликовом поле проводились работы по восстановлению Зеленой Дубравы. По преданиям, в урочище Зеленая Дубрава укрывался Засадный полк русского войска, решивший исход Куликовской битвы. Учеными-палеогеографами с точностью до 10 метров была определена территория, на которой в XIV веке располагался легендарный лесной массив. Сегодня на места сражения высажено около 25 га саженцев широколиственных пород деревьев (дуба, ясеня, клена, липы). В восстановлении Зеленой Дубравы в ходе всероссийской акции памяти «Зеленая Дубрава» приняли участие как специалисты, так и простые граждане.

Сотрудниками музея-заповедника «Куликово поле» изучается растительный и животный мир Куликова поля, проводятся наблюдения за экологическим состоянием ландшафта в условиях современных сельскохозяйственных, рекреационных и туристических нагрузок.

Работы по возрождению традиционных форм природопользования на территории музея-заповедника «Куликово поле» ведутся с момента его создания. Работа хозяйственного комплекса стала неотъемлемой составляющей успешной деятельности музея, цель которого – координация сохранения и использования культурно-природного наследия Куликова поля и социально-экономическое развитие региона. В связи с этим в музее проводится историко-хозяйственная деятельность по восстановлению природно-исторического ландшафта и возрождению традиционных форм природопользования, а также текущая хозяйственная деятельность, необходимая для успешного функционирования музея-заповедника и улучшения социально-экономической ситуации в регионе.

В ходе историко-архивных исследований было установлено, что сельское хозяйство издревле являлось основной формой хозяйственной деятельности местного населения. Здесь выделялись: растениеводство (выращивание зерновых, зернобобовых, технических и кормовых культур), луговое хозяйство и животноводство (скотоводство, коневодство), пчеловодство и рыболовство.

Наиболее значительных успехов музей добился в возрождении растениеводства на Куликовом поле. Были распланированы поля, исследованы заброшенные сельскохозяйственные территории. Некоторые бывшие сельскохозяйственные поля были выведены из хозяйственной деятельности, сохранены для наблюдения за естественным восстановлением на них степной растительности и проведения экспериментов



по восстановлению ковылей. Другие поля стали использоваться как кормовые угодья. Третьи в силу своей малопродуктивности используются под пашню. Сегодня общая площадь полей на территории музея-заповедника составляет 835 га, из них в обработке под зерновые – 711 га, под кормовые – 124 га.

Используя традиционную трехпольную систему земледелия, музею удалось добиться высоких результатов урожайности зерновых, которая на Куликовом поле превысила среднерайонные показатели по области. Также сделаны первые шаги по возрождению луговодства на территории музея-заповедника, определены участки, на которых традиционно шло заготовление сена для скота. В 2010 году музеем-заповедником создан проект по возрождению коневодческого комплекса. В ближайших планах – создание пасеки, возрождение прудового хозяйства и разведение рыбы.

Для возрождения традиционного для Куликова поля собирательства и огородничества проводятся работы по изучению состояния лекарственных трав (шалфей, адонис, хвощ и др.) и дикорастущих плодово-ягодных угодий (земляника, терн, степная вишня и др.).

На территории усадебного комплекса мещан Байбаковых конца XIX – начала XX века в Епифани – структурном подразделении музея-заповедника «Куликово поле» – воссоздан садово-огородный участок, на котором выращиваются и перерабатываются издавна используемые виды овощных и ягодных культур. Собранная и переработанная продукция используется для обеспечения интерактивных занятий с посетителями музея-заповедника «Куликово поле». Многие из возрождаемых музеем традиционных отраслей природопользования в будущем способны стать для местного населения новыми формами заработка.

Сегодня на территории Куликова поля существует 9 населенных пунктов (350 жителей), крупнейшим из которых является село Монастырщино (225 жителей). На территории зон охраны расположено 27 населенных пунктов (около 2000 жителей), крупнейшим из которых является деревня Ивановка (473 жителя). В целом преобладает население нетрудоспособного возраста. В Ивановке из 208 человек трудоспособного возраста практически 25% работает в музее-заповеднике, около 40% работает вахтовым методом в крупных городах (Москва, Тула), остальные не трудоустроены. В Монастырщино – 69 человек (30%) трудоспособного возраста, из них 30% работает в музее-заповеднике, около 30% работает вахтовым методом в крупных городах, более 40% не трудоустроено. За последние 10 лет ситуация значительно изменилась. На сегодняшний момент в сельском хозяйстве работает менее 1% (ранее от 30 до 40%). При этом в музее появились новые рабочие места, и часть высвободившихся в сельском хозяйстве работников нашла работу в музее.

Только половина сельских населенных пунктов Куликова поля несет какие-либо хозяйственные, административные и инфраструктурные функции, у остальных эти функции полностью отсутствуют.

В селе Монастырщино имеется 9-летняя школа, медицинский пункт, магазин. В деревне Ивановке Куркинского района – детский сад, клубное учреждение, библи-

отека, медицинский пункт, средняя школа и два магазина. Состояние объектов социально-культурной сферы неудовлетворительное: низкое материально-техническое обеспечение, высокая степень износа зданий и оборудования. Сегодня на деятельность музея – крупного динамично развивающегося научно-просветительского и культурного центра – жители Куликова поля возлагают большие надежды, которые связаны у них с новыми возможностями для трудоустройства, сохранением семей и уменьшением оттока молодежи в города.

#### **Примечания**

<sup>1</sup>Гумилев Л.Н. От Руси до России. Очерки по русской истории. М., 1996. С. 180.

<sup>2</sup>Горский А.Д. Куликовская битва 1380 г. в исторической науке // Куликовская битва в истории и культуре нашей Родины: материалы юбилейной научной конференции. М., 1983. С. 15–42.

<sup>3</sup>Наумов А.Н. Основные этапы изучения и мемориализации Куликова поля и сражения 1380 г. М.; Тула, 2000. С. 19.

<sup>4</sup>Программа первоочередных мероприятий по сохранению и развитию государственного военно-исторического и природного музея-заповедника «Куликово поле» на 2011–2015 гг. / В.П. Гриценко и др. Тула, 2010. С. 7.

М.Е. Кулешова  
(г. Москва)

### Методический инструментарий Европейской ландшафтной конвенции применительно к наследию Кенозерья

Ландшафтный подход к наследию получает все более широкое распространение и признание на международном уровне. Достаточно напомнить, что категория «культурные ландшафты» была выделена в составе объектов всемирного культурного наследия в 1992 году в соответствии с Руководящими указаниями по применению Конвенции о всемирном наследии<sup>1</sup>. Близкий аналог культурного ландшафта – культурное пространство – выделяется в ряду объектов нематериального культурного наследия согласно Конвенции о нематериальном наследии. В Комитете Всемирного наследия обсуждается вопрос о широком внедрении ландшафтного подхода в практику работы с городскими номинациями. В ЮНЕСКО идет работа по подготовке проекта новой конвенции, посвященной именно ландшафтам. Европейские страны работают с опережением в этом направлении, приняв в 2000 году Европейскую ландшафтную конвенцию, 10-летие которой в прошлом 2010 году было отпраздновано во Флоренции. Россия пока не является стороной Конвенции, и ее официальные представители не заявляют сегодня о готовности к ее подписанию. Однако содержание Конвенции находит широкий отклик у российских специалистов, а ее принципы и подходы полностью согласуются с методологией и стратегией российской прикладной науки в этой сфере.

В 2005 году Совет Европы принимает еще одну конвенцию, которую называют «младшей сестрой» ландшафтной конвенции – это Конвенция о ценности культурного наследия для общества (Фаро, 2005). Она вступила в силу только в июне этого года, после подписания ее десятью государствами. Этот документ претендует на новое, более широкое, понимание наследия, определяемое как совокупность ресурсов, унаследованных из прошлого, которые сообщество воспринимает как отражение и выражение своих постоянно меняющихся ценностей, верований, знаний и традиций. Наследие может заключаться в любых аспектах окружающего нас мира, и представляет результат длительного взаимодействия между людьми и территорией.

Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачева (Институт Наследия) с самого начала своего образования в 1992 году стал уделять особое внимание сельскому наследию, поскольку именно сельские ландшафты определяют образ России в мире, а сельские сообщества являются хранителями традиционной культуры, включая и формы хозяйствования. Подходя к рассмотрению сельского наследия в контексте конвенциональных соглашений, отметим, что сформировавшаяся в Институте практика работы с насле-

© Кулешова М.Е., 2012

дием основывается на следующих принципах<sup>2</sup>:

– территориальный подход к наследию: объект наследия всегда связан с местом своего возникновения и бытования, его ценность зависима от сохранности места, а совокупность таких объектов во взаимодействии друг с другом и с территорией образует территориальный комплекс – культурный ландшафт, представляющий новое качество наследия;

– культурное и природное наследие должны рассматриваться в единстве и взаимодействии вопреки сложившимся отраслевым разделением, любая территория обладает природно-культурным континуумом ценностей, которые зачастую невозможно расчленивать, принцип природно-культурного континуума должен быть положен в основу управления территориальным комплексом наследия и отчасти реализуется в национальных парках и музеях-заповедниках;

– живая культура является неотъемлемой частью любого (за исключением археологического) территориального комплекса наследия и определяет его существование, она заслуживает такого же внимания и государственной поддержки, как и недвижимые объекты, относимые к памятникам, ансамблям и достопримечательным местам;

– аутентичность (подлинность) и целостность – важнейшие условия сохранности как отдельных объектов наследия, так и территориальных комплексов наследия, культурных ландшафтов и феноменов живой культуры; создание новых конструкций и сооружений на исторических территориях должно осуществляться с максимальным тактом, чтобы не приводить к системным изменениям их облика и функций, что делает невозможным их адекватное восприятие последующими поколениями.

В рамках Европейской ландшафтной конвенции ландшафты рассматриваются в двух аспектах – как среда каждодневного пребывания человека и как наследие. Любой ландшафт, от обыденного до уникального, попадает в сферу ее применения. Это особенно важно, ведь многие проблемы, которые обозначились в России за последние 10 лет, привели к осознанию ценности ландшафта и как наследия, и как среды пребывания человека.

В научно-методическом отношении важны не только и не столько тексты конвенций, сколько развивающие их содержание руководства и рекомендации. В развитие Европейской ландшафтной конвенции было разработано два интересных документа: Руководство по применению Европейской ландшафтной конвенции<sup>3</sup> и Руководство по выявлению сельского наследия.

В первом из них сказано, что «ландшафт способствует формированию местной культуры и является основополагающим компонентом европейского природного и культурного наследия, вносящим вклад в благосостояние людей и укрепление европейской самобытности». Целью Конвенции является содействие «охране, управлению и планированию ландшафтов», что подразумевает наличие осознанной ландшафтной политики. «Вовлечение населения в принятие решений о предполагаемых действиях в ландшафте, а со временем – в осуществление и управление такими

решениями – рассматривается не как формальный акт, а как неотъемлемая часть процедур управления, охраны и планирования». В России сегодня нет ни ландшафтной политики, ни работающих механизмов привлечения населения к ее реализации.

Чтобы стать стороной Конвенции, страна должна принять на себя обязательства, которые сформулированы как «общие меры» (ст. 5) и как «специальные меры» (ст. 6). Первой позицией в «общих» мерах значит юридическое признание ландшафтов «как важнейшего компонента условий жизни населения, как выражения разнообразия общего культурного и природного наследия человека и как основы самобытности населения». В российском законе «Об объектах культурного наследия народов Российской Федерации» (№ 73-ФЗ, 2002) сказано, что культурные и природные ландшафты могут быть отнесены к достопримечательным местам – одному из видов объектов культурного наследия. Данный закон в рамках своей компетенции вполне удовлетворяет условиям Конвенции. Другой закон – «Об особо охраняемых природных территориях» (№ 33-ФЗ, 1995) позволяет взять под охрану наиболее ценные территориальные комплексы (ландшафты), имеющие «особое природоохранное, научное, культурное, эстетическое, рекреационное и оздоровительное значение».

В законе «Об охране окружающей среды» (№ 7-ФЗ, 2001) используется понятие природных ландшафтов как природных объектов, которые входят в состав окружающей среды. Понимание и окружающей среды, и ландшафта в этом законе ограничено компонентным подходом, а основными методами охраны выступают различного рода нормативы и отраслевые требования, что не вполне адекватно требованиям Конвенции. Поэтому данный закон, в случае принятия Конвенции Россией, потребует существенных дополнений, однако именно он может стать базовым для юридического воплощения идей Конвенции в деятельности по управлению и планированию ландшафтов. Вопросы территориального планирования в российском законодательстве относятся к компетенции Градостроительного кодекса (№ 190-ФЗ, 2004), что имеет самое непосредственное отношение к будущему ландшафтов. Данный документ в действующей редакции предназначен для урегулирования вопросов капитального строительства и недостаточно обеспечивает комплексность территориального планирования, которая может быть достигнута при условии введения ландшафтного аспекта в эту сферу деятельности. В целом можно сказать, что юридические рамки для принятия Ландшафтной конвенции есть, но надо их дополнить соответствующим правовым содержанием.

Вторым важным обязательством страны – стороны Конвенции является определение и осуществление ландшафтной политики. Это подразумевает «разработку специальной ландшафтной политики и одновременно систематическое включение ландшафтной составляющей во все виды отраслевой политики». Ландшафтная политика предполагает разработку стратегии действий: охраны, управления и планирования. «Охрана ландшафтов» означает действия по сохранению и поддержанию

важных или характерных черт данного ландшафта, составляющих его ценность как наследия. ... «Управление ландшафтами» означает действия по уходу за ландшафтом». Управление можно рассматривать как форму адаптивного планирования, которое развивается по мере того, как сообщества меняют свой образ жизни и окружающую среду. «Планирование ландшафтов» означает активные, нацеленные на перспективу действия по поддержанию, восстановлению или формированию ландшафтов».

Официальными кругами российский ландшафт воспринимается пока как совокупность земельных участков – важный ресурс приватизации, источник извлечения сырьевых ресурсов и планировочная площадка для строительных инвестиций, но не как общественная ценность и место жизни российских граждан. Властные структуры не всегда осознают, что значит ландшафт и каковы последствия принятия властных решений для судеб миллионов россиян, каждодневно пребывающих именно в ландшафте, а не в объекте недвижимого имущества. В то же время российские граждане все чаще объединяются в разнообразные общественные движения и начинают отвоевывать свое место жизни, свой «кормящий» ландшафт. Российская Федерация обладает огромными ландшафтными ценностями, при этом многонациональный состав и культурное разнообразие страны предопределили многообразие способов обустройства ландшафта и адаптации к ландшафтным условиям.

К важнейшим обязательствам стороны Конвенции относится обеспечение участия населения и всех заинтересованных сторон в разработке и применении ландшафтной политики. Российское законодательство предусматривает участие граждан во многих сферах принятия решений через публичные слушания и общественные экспертизы. Однако все еще до сих пор гражданам не предоставляется реальная возможность участия в управлении. В результате наблюдается социальный протест двух типов – пассивный и активный. Пассивный протест проявляется в отказе принимать участие в официальных формах общественной жизни (в выборах представителей власти, например). Активный – принуждение власти к диалогу и учету мнения тех, чья жизнь проходит в ландшафте и тех, кто понимает ценность ландшафта. Благодаря конфликтам с властью по поводу будущего тех или иных ландшафтов оформились общественные движения – в защиту Байкала, в защиту Западного Кавказа (включая место будущей олимпиады), в защиту Подмосковных лесов, в защиту архитектурного наследия Москвы и Петербурга. В этой связи интересно отметить социальную роль конфликта как формы управления ландшафтом. Однако есть и позитивные примеры, когда административные органы и местные сообщества договариваются о мерах защиты сельского культурного ландшафта (деревня Кимжа, озеро Светлояр – град Китеж). Ряд музеев-заповедников и национальных парков обладают интересным опытом сотрудничества с местными сообществами и включения их в процессы управления и планирования ландшафтов (Кенозерский национальный парк, национальный парк Угра, музеи-заповедники «Куликово поле», Шолоховский, «Ясная Поляна», Алтайский государственный заповедник).

Конвенция обязывает внедрять ландшафтную компоненту во все отрасли деятельности, воздействующие на ландшафт – транспорт, промышленность, энергетику. Кроме того, большое значение для ландшафта имеет природно-ресурсная сфера деятельности, и в особенности такие отрасли, как лесное хозяйство (Лесной кодекс), сельское хозяйство (Земельный кодекс), водопользование (Водный кодекс), недропользование (Закон о недрах), охота на диких животных (Закон об охоте), рыболовство (Закон о рыболовстве). Природные ресурсы – важнейшие составляющие ландшафта, но отсутствие этических и юридических ограничений на их добычу может обезобразить самый ценный ландшафт.

«Специальные» меры работы с ландшафтами, на которые ориентирует Конвенция – это распространение знаний, профессиональная подготовка и образование, идентификация и классификация ландшафтов, определение целевых показателей качества ландшафтов, определение мер реализации ландшафтной политики. Надо сказать, что большая их часть осуществляется в локальных рамках отдельных образовательных и исследовательских центров. К таким центрам относится и Институт Наследия, в котором концепция ландшафта пронизывает всю идеологию его деятельности. Любой ландшафт может представлять определенную ценность, важно лишь выявить ее и связать с программами развития территории.

«Изучение ландшафтов является первой и главной стадией в процессе выбора решений в ландшафтной политике или определения тех лиц, чья деятельность влияет на ландшафт. Изучение предваряет определение целевых показателей качества ландшафта и ландшафтного планирования». «Определение целевых показателей качества должно основываться на знании характерных особенностей и качеств местности, выявлении ее динамики и потенциала, понимании того, как ландшафт воспринимается людьми».

Значительное внимание уделено в Руководстве работе с населением. Люди, пребывающие в ландшафте, должны принимать участие на всех этапах разработки и реализации ландшафтной политики. От их восприятия ландшафта и общественных ожиданий зависит выбор методов охраны, управления и планирования. Чтобы это участие было плодотворным, необходимо повышать осведомленность (привлекать внимание) и гражданского общества, и отдельных институций, включая властные структуры, к ландшафту и его достоинствам. Это осуществляется через разнообразные публикации, выставки, публичные выступления, теле- и радиопередачи. К интересным методам актуализации ландшафтной тематики относится организация посещения местности и обсуждения территориальных проблем диалоговыми группами из местных жителей, представителей власти, ученых и экспертов. Привлечение внимания к ландшафту и вовлечение местных сообществ в управление неразрывно связано с обучением и образованием. Эти дидактические сферы деятельности используют ландшафт как образовательный ресурс, «чтение» ландшафта способствует самоидентификации сообщества, через наблюдение и изучение места своего проживания постигаются основы территориального планирования.

В Руководстве названы механизмы реализации ландшафтной политики. К ним отнесены: ландшафтное планирование, территориальное планирование, отраслевое планирование; подписание соглашений, контрактов, договоров; оценка воздействий; создание охраняемых территорий; охрана объектов культурного наследия; целевое финансирование и выделение ресурсов на проведение ландшафтных работ; поддержка позитивного опыта – ландшафтные премии; создание специализированных исследовательских центров и пр. В этом ряду нет ничего неожиданного, за исключением разве что ландшафтного планирования и ландшафтных премий, которые пока не получили практического применения в России. Тот факт, что сохранение наследия отнесено к механизмам реализации ландшафтной политики, подчеркивает разносторонность и значимость концепта наследия. Наследие – не просто некий результат деятельности поколений и ресурс развития, это еще и важный методологический подход, формирующий бережное отношение к любому ландшафту и воспитывающий в гражданах ответственность за место своего пребывания, а во властных вертикалях – ответственность за будущее народов, зависимых от своего ландшафта. Ландшафтная конвенция имеет огромное значение для этого будущего, и мы надеемся, что Российская Федерация придет к осознанию необходимости присоединения к ней.

Второй из вышеназванных документов – Руководство по выявлению сельского наследия – разработано под эгидой Совета Европы и Европейской конференции министров по территориальному планированию (СЕМАТ).<sup>4</sup> Руководство интересно тем, что предназначено оно не для профессионалов в области наследия, а для самих сельских жителей. Оно упорядочивает знания местного жителя о своей малой родине, ее истории и традициях и помогает приобрести более активную позицию в отношении определенных ландшафтных ценностей, поскольку местное сообщество может и должно иметь влияние на способы освоения и развития территории своего проживания.

Переборка возможных составляющих сельского наследия в Руководстве представляет собой сплошное сканирование сельской жизни, причем значительную его часть составляют элементы живой культуры. Так, из 7 выделяемых компонентов первые два – ландшафты и постройки – можно отнести к недвижимым объектам наследия, которые в российской практике попадают в сферу правоприменения закона «Об объектах культурного наследия народов Российской Федерации». Остальные пять являются проявлениями живой культуры, это: особенности частной жизни (семейно-бытового уклада), сельскохозяйственная деятельность, промыслы – ремесла – производства, формы общественной жизни и фольклор, местные диалекты и топонимика. Такое распределение акцентов – принципиальная особенность Руководства, принципиально иной подход к наследию, изменяющий укоренившееся во многих российских органах управления представление о наследии как некой совокупности памятников. Памятники здесь занимают не ведущее место.

Другая особенность – выделение ландшафта как наследия, что вполне согласу-

---

ется с наблюдаемыми мировыми тенденциями. Ландшафт мы понимаем широко – как территориальный комплекс, включающий природную основу (природные компоненты), планировочную структуру, структуру землепользования, характер застройки, топонимическую структуру, способы сакрализации пространства, основные технологии и формы живой традиционной культуры с их носителями и т.д. Чаще всего такой ландшафт понимается как культурный.

В российской академической науке широко развито представление о природных ландшафтах как территориальных природных комплексах, компонентами которых являются литологическая основа ландшафта, почвы, растительность, воздушный бассейн, подземные и поверхностные воды, животный мир. Воздействие человека и его хозяйственная деятельность рассматриваются как антропогенный фактор, антропогенное воздействие, провоцирующее трансформацию природных ландшафтов в антропогенные с усугублением проблем охраны природы, проблем экологического толка.

Понятие о культурном ландшафте преодолевает узость отраслевых трактовок и позволяет приблизить общенаучные представления к общечеловеческому восприятию определенной характерной местности. Собственно европейский ландшафт – это ландшафт культурный. Для него важны и природный колорит, и система землепользования, и топонимика, а также хозяйственные и строительные навыки, запахи и звуки, праздники и ритуалы, системы сакрализации пространства, и многое другое, что не укладывается в обычные отраслевые схемы, но составляет окружение и жизнь человека. Из этого многообразия надо выбрать систему ценностей – наследие.

Несомненно, позитивное влияние наследия на формирование личности, на экономику, на престиж отдельных регионов. В связи с этим в европейских странах значительное внимание уделено вопросам образования и обучения, начиная со школьного образования и учитывая различные иные формы обучения и обмена опытом (сельские «университеты», форумы, ассоциации) для разных групп населения. Общество должно «признать» свое наследие, иначе все усилия по его сохранению теряют смысл, с чем нельзя не согласиться. В российских образовательных системах работе с наследием специально не обучают, однако многие предметные области непосредственно касаются наследия – история, география, биология, архитектура, искусствоведение и пр. Особо следует выделить краеведение – отрасль знаний, которая «опредмечивает» наследие именно на уровне локального сельского мира – малой родины. В системе школьного образования краеведение фигурирует сегодня как дополнительный, малозначимый предмет, однако именно через краеведение формирующаяся личность может получить наиболее полное представление о системе ценностей своей малой родины и ее отличительных особенностях.

В Руководстве по сельскому наследию отмечено, что *«сельское наследие часто игнорировалось и презиралось, и как следствие, разрушалось и все еще находится под угрозой, поскольку его ценность до сих пор не признана должным образом»*.

---

Наследие должно использоваться, не обязательно в коммерческих целях, но только условие использования позволяет наследию стать фактором развития – этот тезис постоянно озвучивается в тексте. Наиболее общеизвестной формой использования наследия является туризм – эта форма всегда называется первой. Действительно, для многих стран с богатым наследием туризм стал одной из ведущих форм индустрии. В то же время нельзя не замечать, что эта форма освоения наследия таит в себе немало угроз для него, вплоть до его уничтожения. В ряду прочих угроз – доступность для массового посещения объектов наследия, которые не должны быть доступны ввиду их сакральных свойств, либо ограниченно доступны ввиду их особой роли для местного сообщества, либо доступны только при соблюдении определенного регламента посещения.

Другие способы развития местной экономики за счет наследия – производство местной сельскохозяйственной продукции, промыслы, ремесла. В Руководстве подчеркивается, что экономический потенциал наследия должен быть изучен и оценен профессионалами, выбирать формы и способы использования местного наследия должно местное население, а вот органы власти обязаны поддерживать и даже инициировать эти процессы. Российские реалии не очень согласуются с этими постулатами, в России местное население в общем случае отстранено от принятия решений, а тем более – выбора направлений развития территории своего проживания. Местные инициативы редко поддерживаются властью, гораздо более характерно противостояние власти и общества. Изменение вектора конфликта на вектор сотрудничества и соработничества – огромная задача, стоящая перед российским обществом.

Для сельских регионов, испытывающих экономическую стагнацию, наследие может стать фактором привлечения людей и ресурсов, если оно должным образом выявлено и представлено. Наследие может стать катализатором развития, если оно формирует позитивные образы региона. Воздействие образа места на человеческое сознание может быть очень значительным и повлиять на процессы миграции и самоорганизации населения, на потенциальных инвесторов.

Сфера нормативно-правового регулирования общественных отношений по поводу объектов наследия основана сегодня преимущественно на ограничивающих, запретительных и разрешительных мерах. Диалог, согласование, обсуждение, поиск консенсуса – меры, упоминаемые законом, но не имеющие базового значения. Так, законом предусмотрены согласительные процедуры между ведомствами и уровнями властной вертикали, сформированы Общественная палата РФ и общественные палаты в субъектах федерации, в определенных законом случаях проводятся общественные слушания. Все эти формы установления диалога имеют применение в России, однако их эффективность крайне невысока. В перспективе эти формы либо начнут реально работать, либо превратятся в марионеточные структуры при углублении наблюдаемого конфликта между обществом и властью. Наследие – категория общественная, это общественное достояние и его судьба должна определяться при

непосредственном участии общества. На местном уровне есть немногочисленные примеры решения этой задачи с помощью территориальных общественных самоуправлений (ТОС). Если для недвижимых объектов наследия, в частности архитектуры, велика роль законодательства, то для большей части сельского наследия важно осознание его местным сообществом как ценности, освоение его в рамках существующих социальных институтов и включение в культурную жизнь сообщества.

Основное внимание в Руководстве по выявлению сельского наследия уделяется проектам по наследию и их составлению. Проектом в сфере наследия могут стать и инвентаризационные работы с последующим опубликованием результатов, и реставрация памятника, и проведение традиционного праздника, и экономически мотивированное возрождение исторических ремесел и промыслов, и разведение местных пород животных или сортов растений, исконно присущих данной местности, и многое другое. Со своей стороны отметим, что любой такой проект будет содействовать и способствовать сохранению историко-культурной среды и исторического ландшафта, хотя ландшафтные проекты могут иметь и самостоятельное значение. Очень важное условие успешности любого проекта – это его непротиворечивость общим направлениям развития территории, которые фиксируются в различных общегосударственных, региональных и муниципальных программных документах и документах территориального планирования. Согласованность с такими документами и общими направлениями социально-экономического развития – это возможность найти дополнительный источник финансирования.

Существенным условием проекта должно стать соблюдение принципа «добросовестного использования» наследия (good use). В ходе реализации проекта ценность наследия должна увеличиваться, объект наследия должен быть представлен и включен в современную жизнь таким образом, чтобы присущие ему свойства могли максимально проявляться, чтобы наследию не наносился ущерб в процессе его «освоения». Эта, казалось бы, очевидная норма на практике слишком часто нарушается. Например, неграмотное туристское использование создает множественные проблемы для наследия, особенно живого наследия, превращая его в «игрушку», развлечение для туристов, китч, вместо того чтобы пропагандировать истинную ценность наследия. Достаточно посмотреть в Список нематериального наследия ЮНЕСКО, чтобы убедиться, что наиболее часто регистрируемой проблемой сохранения наследия является нерегулируемое туристское использование, не «good use». Часто под флагом сохранения наследия реализуются проекты, которые фактически разрушают наследие, заменяя аутентичную подлинную ценность некой подделкой под нее, ведь подделку сделать проще, чем сохранить сам шедевр, в работе с которым требуются знания, культура и такт.

Характерная черта европейских проектов – максимально широкое информирование людей о проекте, вовлечение в проект заинтересованных лиц. Эти лица могут быть подразделены на несколько категорий: 1) активно желающие сохранить конкретные ценности наследия на основании личных и коллективных привязанностей;

2) проживающие в месте реализации проекта, по соседству с объектов проектирования; 3) имеющие имущественные права и интересы; 4) автохтонные носители знаний, технологий, навыков; 5) профессионалы в сфере наследия и, наконец, 6) представители власти, влияющие на процесс принятия решений.

При выборе партнеров и привлечении внимания к проекту следует учитывать различия мнений и интересов этих групп при том, что целевые установки проекта следует четко обозначить, а также представлять его последствия и эффекты для каждой из этих групп. Наследие может быть целью проекта, а может быть и методом, с помощью которого решаются задачи, к примеру, развития малого бизнеса или привлечения молодежи в сельскую местность. Целевая установка проекта должна быть ясной. В Руководстве подчеркивается, что целевая установка выполняет роль объединяющего начала, мобилизует и объединяет потенциальных партнеров, что является ключевым условием успеха проекта. При этом местное население – главное действующее лицо в заботах о наследии.

Россия не имеет богатого опыта разработки проектов, инициированных с мест, поскольку здесь всегда превалировал централизованный тип принятия решений. Тем не менее, в последние годы таких проектов и заинтересованных в сохранении наследия коллективов становится больше. Россия отличается и непропорциональным развитием разнообразных бюрократических процедур, которые могут препятствовать осуществлению проектов ввиду их бюрократических несоответствий либо зависимости от принятия процедурных решений органами власти. Опыт показывает, что российские власти начинают реагировать на обращения к ним только под влиянием явно выраженного и формально обозначенного широкого общественного мнения.

Поддержка проектов по наследию может осуществляться опосредованно или прямо – через финансирование конкретных проектов по наследию и государственные программы. Опосредованная поддержка может проводиться через различные сферы деятельности – образование, средства массовой информации, развитие производств, основанных на использовании традиционных технологий, изучение истории становления отдельных отраслей. Например, изучение истории становления и развития лесохозяйственной отрасли в России может способствовать выявлению интересных аспектов сельского наследия, связанного с лесопользованием. Повышение качества жизни и образования также может способствовать сохранению наследия – за счет привлечения молодежи в сельскую местность и привитие ей чувства идентичности своей малой родине. Любая сфера деятельности может содержать в себе компоненты наследия. Ожидать консолидированной опосредованной поддержки наследию можно в том случае, когда наследие во всей его полноте признано на государственном уровне и государство в той или иной форме обозначило свое отношение к нему. К сожалению, государственная позиция России в отношении наследия остается достаточно невнятной. В этой позиции просматривается и потребительское отношение к наследию, и желание избавиться от ответственности и

---

обременения, проводя компании приватизации наследия как имущества, и отсутствие необходимого культурного уровня управленческого звена.

Прямое государственное финансирование работ по наследию в России осуществляется через государственные программы – федеральные целевые программы (ФЦП) и программы по отдельным регионам. Так, например, уже несколько лет реализуется ФЦП «Культура России», включающая 11 направлений и состоящая из отдельных проектов, в т. ч. двух комплексных – «Культура Русского Севера» и «Культурное наследие Юга России как фактор экономического развития регионов». Это единственная программа, значительная часть которой уделяется вопросам культурного наследия. К сожалению, никакого даже близкого аналога в отношении природного наследия не существует, что отражает современную экологическую политику государства. Среди направлений программы по культуре выделяются такие, как сохранение историко-культурного наследия и поддержка культуры народов Российской Федерации. В рамках сохранения историко-культурного наследия численно и финансово преобладают проекты по ремонтно-реставрационным работам на памятниках архитектуры. Направление по поддержке культуры народов РФ включает проекты по выявлению и сохранению нематериального наследия. Здесь преобладают конкурсы, фестивали, выставки, праздники.

Проблемы наследия отражены и в некоторых других программах, в частности программе «Социальное развитие села до 2012 г.». В число мероприятий этой программы включено развитие культурно-досуговой деятельности, куда отнесены «возрождение и развитие традиционных форм самодеятельного художественного и научно-технического творчества, народных промыслов, ремесел, приобщение сельской молодежи к традициям народной культуры, выявление и поддержка талантов и дарований», а также «сохранение и обогащение историко-культурного наследия, национальных, местных обычаев, обрядов и фольклора». Программа «Экономическое и социальное развитие коренных малочисленных народов Севера до 2008 г.», продленная до 2011 года, при всей двусмысленности ее наименования, тем не менее, содержит в числе задач «второго направления» «сохранение и развитие национальной культуры, традиций и обычаев коренных народов», «возрождение национально-территориального, или общинного самоуправления коренных народов». Программа «Сохранение и восстановление плодородия почв земель сельскохозяйственного назначения и агроландшафтов как национального достояния России на 2006–2010 гг. и на период до 2012 г.» при всей солидности ее звучания ориентирована исключительно на повышение плодородия почв как экономического аргумента без всякого ее соотнесения с вопросами наследия.

Уровень понимания проблем сельского наследия в управленческих кругах России пока не отвечает современным европейским требованиям. Соответственно не следует пока ожидать развитой нормативно-правовой базы и других управленческих институций. Эта тема с должным вниманием и глубиной обсуждается в научных кругах, среди специалистов-исследователей. Но самое главное то, что местные со-

---

общества стали вполне осознавать ценности окружающего их мира в категориях наследия и свое право на защиту и поддержание этих ценностей. Сохранность и будущее сельского мира как категории наследия в первую очередь зависит от гражданской позиции сельских сообществ.

#### **Примечания**

<sup>1</sup>Operational Guidelines for the Implementation of the World Heritage Convention. UNESCO. 2008. URL: <http://whc.unesco.org>.

<sup>2</sup>Подробнее об этом можно прочитать в публикациях: Веденин Ю.А., Шульгин П.М. Новые подходы к сохранению и использованию культурного и природного наследия в России // Известия РАН. Сер. географ. 1992. Вып. 3. С. 90–99; Веденин Ю.А. Роль географической науки в изучении, сохранении и актуализации наследия как фактора устойчивого развития территории // Наследие и современность. М., 2008. Вып. 16. С. 21–57; Кулешова М.Е. Управление культурными ландшафтами и иными объектами культурного наследия в национальных парках. М., 2002. 46 с.

<sup>3</sup>Перевод этих документов на русский язык и комментарий к ним можно найти на сайте Института Наследия ([www.heritage-institute.ru](http://www.heritage-institute.ru)) либо сайте Совета Европы ([www.coe.int](http://www.coe.int))

<sup>4</sup>European Rural Heritage Observation Guide. CEMAT. 2003. 99 p.

*А. Нордерхауг  
(Норвегия),  
А. Михельсон  
(Финляндия)*

## Овцы, шерсть и ландшафты Кенозерья

**Кенозерские овцы.** В результате археологических исследований стало известно, что процесс одомашнивания овец, возможно, начался 11 тысяч лет назад в приграничной зоне между Ираком и Ираном. В Европе первые овцы появились примерно 6,5 тысяч лет назад, и их потомками сегодня являются короткохвостые породы, разводимые на севере континента. Во многих странах они считаются исчезающим видом, поскольку вытесняются своими более «современными» длиннохвостыми сородичами. В условиях значительной генетической изменчивости имеющиеся популяции коренных пород овец представляют собой ценный генофонд и особый объект культурного наследия.

Кенозерские овцы относятся к короткохвостым. О происхождении этой низкорослой породы с треугольным хвостом известно не много (ил. 1). У самцов, в отличие от самок, есть рога (ил. 2). Шерсть на теле растет в два слоя, а на голове и ногах не растет вовсе. Обычно животные имеют одноцветный или пятнистый окрас – белый или сероватый. Встречаются и особи темной масти (ил. 3). Помет многоплодный – три-четыре ягненка. Подобной плодовитостью отличаются далеко не все породы овец. Столь же плодовиты и короткохвостые финские овцы. Вполне вероятно, что ближайшими родственниками кенозерских являются коренные восточно-финские овцы, также известные как карельские.

**Шерсть.** Являясь важным предметом промысла, шерсть способствовала развитию европейской торговли, промышленности и культуры. Во многом благодаря этой прибыльной статье экспорта в Англии произошла промышленная революция и начался рост благосостояния Британской империи. Богатые традиции и сохранившиеся изделия ручной работы говорят о том, что в условиях сурового климата шерстяные ткани на Севере были незаменимы. Традиции рукоделия зиждятся на глубоком знании о рациональном использовании природных ресурсов. Поддерживая их, мы научимся ценить ресурсы ландшафта и сможем лучше понимать как технологию, так и экологию древних ремесел.

Большое количество прялок, экспонирующихся в музее деревни Вершинино (ил. 4), говорит о том, что шерсть в Кенозерье также была ценным ресурсом и что поголовье овец раньше было довольно многочисленным. Рукодельницы Кенозерского национального парка до сих пор используют традиционные пряслица. В музее представлены различные виды веретен, которые были распространены

© Нордерхауг А., Михельсон А., 2012

© Безнаева О.А., перевод, 2012

и в иных областях Европы.

Шерсть короткохвостых овец, обитающих на севере Европы, обычно двухслойная. Она обеспечивает надежную защиту от дождя и холода. Подшерсток мягкий и хорошо удерживает тепло, а наружный, более плотный слой обеспечивает сток влаги с тела животного. Длина и диаметр волокон подшерстка и наружного слоя могут быть различны, обуславливая качество шерсти. Волокна пропитаны ланолином – веществом, обеспечивающим лучшую защиту как шерсти, так и самого животного от воздействия солнечных лучей, дождя и механических повреждений. Благодаря ланолину шерсть легко пряхть, а пряжа обладает водоотталкивающими свойствами.

Весной и летом – в период линьки – шерсть с животных можно просто снять. Однако не все особи так легко расстаются со своей шерстью, и многих приходится стричь. Первым методом обработки шерсти, наверное, можно считать валяние. Изделия из войлока датируются железным веком. Впервые они были обнаружены на северном побережье Черного моря. Представленные в музее Санкт-Петербурга подушки, головные уборы и иные изделия из высококачественного фетра были созданы в 400–200 годах до н.э. и найдены на Алтае.

Подшерсток и наружный слой шерсти можно валять и пряхть одновременно. Однако мягкая пряжа получается только из подшерстка. Нити вязальной пряжи, изготовленной из наружного слоя овечьей шерсти, – прочные и лоснящиеся, а нити, изготовленные из подшерстка, – мягкие и эластичные. Хотя точное время возникновения шерстепрядения не известно, это старинное ремесло, придуманное 9 тысяч лет назад для производства полотен из волокон животного происхождения.

В 2009 году из своей поездки в Кенозерье, где проходил очередной семинар, Анника Михельсон (Финский институт прикладных наук) привезла несколько образцов овечьей шерсти. Шерсть была чистой, без примесей и мусора, поскольку овцы обычно паслись в местах с короткой травой. Все образцы имели в своем составе и подшерсток, и наружный слой (ил. 5). Они легко поддавались расчесыванию, особенно черные и белые образцы (ил. 6).

В представленной выборке образцов шерсти можно выделить четыре типа:

1. Светло- и темно-серая шерсть с очень тонким серым подшерстком и жесткими черными волокнами верхнего слоя. Волоски наружной шерсти легко разъединяются. Блеск и волнистость отсутствуют (или волнистость незначительная).

2. Шерсть с белым подшерстком и черным наружным слоем. Оба слоя мягкие с приятным блеском, волнистость отсутствует.

3. Темно-коричневая или черная шерсть с довольно тонким подшерстком и более плотным наружным слоем. Самый мягкий наружный слой отмечен у образцов черного цвета. Шерсть имеет приятный блеск, немного волнистая.

4. Шерсть цвета слоновой кости. Очень мягкая, без блеска, не волнистая.

Все образцы хорошо поддаются валянию. Наилучшими для производства тонких тканей свойствами обладали темно-коричневая и черная шерсть.



Волокна верхнего слоя шерсти некоторых овец, разводимых в Кенозерском национальном парке, были чрезмерно пропитаны ланолином. Поскольку обработка такой шерсти затруднена, ее приходится отрезать, и шерсть в результате – короче. Во избежание такой проблемы овец рекомендуется стричь два раза в год.

**Выпас овец.** Качество шерсти во многом определяется состоянием здоровья животных. Потребляемая овцами пища должна быть сбалансированной, обладать достаточной энергетической ценностью и содержать белки, минералы и микроэлементы. Необходимость в качественной пище особенно возрастает в период перед окотом и во время кормления ягнят. Самки, беременеющие на первом году жизни, рискуют недополучить питание для собственно развития и остаться некрупными. Потомство таких особей по сравнению с пометами других овец также будет некрупным. Особенно хорошая шерсть – длинная с однородными волокнами – у молодых самок без потомства.

Овцы, пасущиеся в местах с разнообразной и не слишком удобренной растительностью, получают разнообразное питание. Эти животные легко приспосабливаются к различным условиям окружающей среды. Они настоящие «эксперты» в области использования пастбищных ресурсов. Расщепленная форма губ позволяет овцам поедать растения одно за другим, выбирая нужные, а обостренная способность чувствовать вкус помогает им различать травы и растения. Овцы способны запоминать, где и когда им встретились вкусные растения, а трав, из-за которых у них могло возникнуть недомогание, они обычно избегают.

Самым питательным кормом для овец – особенно для самок с молодыми ягнятами – является весенняя поросль. На пастбищах с разнообразной растительностью животные могут найти травы с обилием питательных веществ и растительных волокон. Сбалансированная диета включает в себя различные травы, в том числе осоку, злаки, листья, карликовые кустарнички, веточки, кору, грибы и т.д. Если пастбища однородны по видовому составу растительности или если ее не достаточно, качество питания животных резко снижается. В этом случае рекомендуется дополнить их рацион ветками и листьями. Однако лучше всего обеспечить овцам доступ к различным местам выпаса. Животные, которые из года в год пасутся на одних и тех же пастбищах с недостатком растительности, чаще страдают от внутренних паразитов. Чтобы избавиться от них, овцы стараются потреблять растения с высоким содержанием танина, например, иву. Угроза заражения может ослабнуть, если на пастбищах вместе с овцами пасется иной домашний скот и/или лошади.

**Овцы позаботятся о ландшафте.** В результате изменения в XX веке практики землепользования и вывода из оборота обширных сельскохозяйственных угодий страны Северной Европы столкнулись с проблемой зарастания территорий кустарниками и деревьями. Это, в свою очередь, во многом изменило ландшафт и поставило под угрозу существование биоразнообразия, а также культурного наследия.

Сохранившиеся на территории Кенозерского национального парка ландшафты представляют собой сложную структуру целых поколений природных местообита-

ний с высоким уровнем биоразнообразия и множеством объектов культурного наследия. Кенозерье является ценной территорией, иллюстрирующей традиции поддержания сельского ландшафта севера Европы. Однако и здесь природа ландшафтов находится под угрозой зарастания и истощения лесных ресурсов в результате неиспользования земельных угодий. В целях ее сохранения необходимо поддерживать сельское хозяйство и делать это в соответствии с принципами экстенсивной модели.

Пасущийся скот останавливает процесс зарастания. Выпас двух-трех видов домашних животных сам по себе является эффективным способом поддержания биоразнообразия, а также улучшения рациона питания скота. При этом овцы сами могут «позаботиться» о ландшафте. Поскольку эти животные очень разборчивы в еде, содержание их на подножном корму должно быть достаточно интенсивным, но не чрезмерным, чтобы животные обеспечили себя разнообразным питанием. В целях сохранения богатого видового разнообразия пастбища не рекомендуется удобрять.

**Будущее ландшафтов и производства шерсти.** Сохранению ценных ландшафтов Кенозерского национального парка способствует поддержание земледелия и сельского хозяйства. Кроме того, сельскохозяйственная продукция является еще и ресурсом для развития села и источником выгоды как для местных жителей, так и для национального парка. Овцы и их шерсть представляют собой особый интерес, поскольку продукцию из шерсти легко вывезти и продать, в том числе за пределами парка.

На протяжении тысячелетий одежда и иные изделия из шерсти были для народов Северной Европы предметом первой необходимости. Шерсть удерживает тепло, впитывает влагу и согревает, даже если она сырая. Более того, она обладает огнеупорными свойствами. Одежда из шерсти долго носится и не мнется. Несмотря на разнообразие материалов, из которых сегодня шьется одежда, шерсть никогда не выйдет из моды, а предметы одежды из шерсти всегда есть в ассортименте магазинов.

В Норвегии наработана успешная практика коммерческого производства как предметов одежды из шерсти, так и изделий ручной работы. На странице [http://www.lfd.lv/upload\\_file/28554/Nordic\\_Baltic\\_Belarus.pdf](http://www.lfd.lv/upload_file/28554/Nordic_Baltic_Belarus.pdf) можно узнать о том, как предприятие малого бизнеса по производству ремесленных изделий и изделий из шерсти успешно сочетает свою деятельность с мероприятиями по сохранению ландшафта в рамках проекта «Разведение коз для поддержания ландшафта и производства шерсти». Еще одним примером эффективного использования ремесленных традиций Норвегии является проект «Олеана» ([www.oleana.no](http://www.oleana.no)). Деятельность предприятия, поставляющего на рынок свою продукцию уже 18 лет, не прекращается и сегодня. На его сайте написано: «Мир меняется, и мы верим в то, что впереди нас ждет много хорошего. Во всем мире покупатели становятся все более компетентными в своем выборе. Осознавая свободу выбора предлагаемых магазинами товаров, каждый из

---

---

нас может проявить заботу о нашей планете. Одежда из материалов естественного происхождения, например шерсти или шелка, – это всегда выбор в пользу экологии».

Высокий уровень продаж изделий из шерсти при этом определяется способностью производителя спрогнозировать, какой продукт будет пользоваться особым спросом, и умением с учетом этого разрабатывать удачные модели. В связи с этим целесообразным представляется привлечь к сотрудничеству прогрессивных дизайнеров, способных увидеть уникальность продукции и работать вместе с жителями Кенозерского национального парка.

*Е.Г. Репицкая  
(Архангельская обл.)*

### **ТОС: от пассивности и разобщенности к гражданскому обществу**

Деревня Кимжа расположена на берегу реки с одноименным названием. Первые упоминания о деревне в летописи датируются началом XVI века. Уникальна Кимжа прежде всего тем, что достаточно полно сохранила свой старинный облик. На ее примере мы можем видеть то, как выглядело поморское село 100 или даже 200 лет назад. Когда в 2004 году на сельском сходе было принято решение о создании общественной организации ТОС «Кимжа», вопрос о направлении деятельности организации не вызывал споров. Основной задачей тосовцев стало сохранение уникальной деревянной архитектуры, культурного наследия и как сопутствующий фактор – развитие гостевого туризма.

Наследие нам досталось богатое. Памятником федерального значения является пятикупольная шатровая церковь, построенная в 1709 году в честь Смоленской Иконы Божией Матери Одигитрии (в настоящее время находится на реставрации).

Памятниками регионального значения признаны:

- мельница-столбовка 1897 года постройки;
- обетный крест, установленный в 1887 году;
- симметричные пяти- и шестистенки – жилые дома, бани, амбары.

Всего на территории Кимжи выявлен 71 исторический памятник. Село дышит стариной.

Чтобы наши гости могли более полно окунуться в атмосферу прошлого, первое, за что взялись кимжане, стал музей деревенского быта (деньги на покупку здания получены благодаря пилотному проекту «Экологическая деревня Кимжа»). Впоследствии он получил название «Политов дом». 29 июля 2004 года прошло первое организационное собрание, а в августе мы уже провели первые субботники по ремонту здания. В 2006 году ТОС получил грант по проекту «Кимжа – живая старина», что позволило провести капитальный ремонт дома. В том же году при содействии российско-американской программы АЙРЕКС в музее создана экспозиция «Мир мезенской женщины», которая используется при проведении экскурсий. В 2008 году музей был открыт официально, введено штатное расписание. На базе музея и Кимженского Дома культуры был создан Кимженский культурно-музейный центр.

Количество приезжающих постепенно стало увеличиваться, возник вопрос с их размещением. Первое время расселяли всех в частном секторе, затем местная администрация передала ТОСу в оперативное управление дом, которому также требовался ремонт. Для этого был разработан проект «Приют путника». В рамках его

© Репицкая Е.Г., 2012

реализации проведен ремонт фундамента и косметический ремонт помещения. Сейчас в доме имеется четыре комнаты для размещения неприхотливых туристов.

Кимженская начальная школа – малокомплектная, она постоянно находится под угрозой закрытия. На ее базе в рамках районного конкурса проектов мы реализовали проект «Топерица истовенно как лони» («Сейчас в точности как прежде») по сохранению и освоению давно забытых нами ремесел. Участники проекта сами изготовили несколько гончарных кругов. От местных жителей был получен в дар ткацкий станок. Попутно в одном из пустующих классов разместили экспозицию «Хлеб наш насущный, хоть черный, да вкусный». Здесь во время экскурсии можно проследить путь от вспашки до выпечки хлеба.

Проект считается очень удачным, поскольку при минимальных финансовых затратах решено сразу несколько задач: наличие турпродукта, развитие старинных ремесел, сохранение школы в деревне.

«Самые северные мельницы в мире» – так мы назвали проект по восстановлению ветряной мельницы-столбовки. Ровно 50 лет мельница – памятник регионального значения – бездействовала и разрушалась. После осмотра объекта специалистами было установлено, что возможно его восстановление. Проект стал международным, т.к. в реставрации объекта приняли участие молинологи (специалисты по мельничному устройству) из Голландии. Работы продолжались в течение трех лет. Силами ТОСа делали, что могли. Для кузнечных работ привлекали кузнеца из соседнего села, а для сборки механизма – плотника из Поморской плотницкой школы, что в Архангельске. Сегодня мельница готова к работе, а мы решаем новые вопросы. Нужно вырастить зерно, следовательно, необходимо вспахать землю, посеять ячмень, восстановить забор. Для этого пишем небольшие проекты, мечтаем печь житники.

В окрестностях Кимжи – много старинных крестов. Многие из них уже падают и установить их на прежнем месте оказывается невозможно из-за ветхости основания. Мы решили их собирать в одном месте. Для этого написали проект «Двоежирной амбар» (амбар, который используется в двух назначениях). Здание старинного двухэтажного амбара уже отремонтировано. Первый этаж планируется занять под экспозицию «Кимженские кресты», а на втором будут размещены материалы, посвященные мезенской лошадке.

Большую тревогу вызывает реставрация храма, которая ведется очень медленно. Деньги на памятник федерального значения выделяются Министерством культуры нестабильно. Реставрационные работы ведутся один месяц в году, это в лучшем случае, да и то, как правило, глубокой осенью. Чтобы получить финансирование, нужно написать множество обращений и писем в различные инстанции. Кимжа сейчас борется за присвоение ей статуса «Достопримечательное место», а без церкви деревня уже не столь привлекательна, и работа по присвоению статуса теряет всякий смысл.

Справедливости ради нужно сказать, что мы работаем, развиваемся при большой

поддержке местной и районной администрации, районного отдела культуры и Министерства культуры Архангельской области.

Что касается гостевого туризма, то, пусть небольшими темпами, но все же он развивается. Имеется два гостевых дома, где туристам предоставляется необходимый набор услуг, а за качество развлекательных мероприятий и экскурсионную деятельность отвечает Культурно-музейный центр. Члены ТОСа проводят экскурсии, мастер-классы, зимой организуют катание с горок на санках, прогулки на лыжах. Особый восторг вызывает у гостей катание на лошади, запряженной в сани. Обязательно знакомим приезжих с традиционной поморской кухней, проводим для них мастер-классы по выпечке.

Хранителем певческой поморской культуры является Кимженский фольклорный хор. Коллектив, исполняющий старинные мезенские песни, – неперемный участник всех проводимых в деревне праздников.

Вот какие проекты были реализованы ТОСом «Кимжа» с 2004 по 2011 год.

2004 год – «Экологическая деревня Кимжа» – пилотный проект, в ходе реализации которого было приобретено здание, где разместился музей «Политов дом».

2005 год – «Мастер-класс по мезенской росписи» – выездной мастер-класс специалистов из школы искусств г. Мезени по обучению кимженских учеников азам мезенской росписи.

2006 год – «Кимжа – живая старина» – капитальный ремонт здания под этнографический музей «Политов дом».

2006 год – «Мир мезенской женщины» – при содействии российско-американской программы АЙРЕКС создание этнографической экспозиции в «Политовом доме».

2007 год – «Приют путника» – капитальный ремонт старинного дома с четырьмя комнатами для размещения приезжающих.

2007–2010 года – «Самые северные мельницы в мире» – международный российско-нидерландский проект по восстановлению ветряной мельницы-столбовки 1897 года постройки.

2008 год – «Кимженские снежинки» – создание лыжной базы.

2008–2009 года «Топерица истовенно как лони» («Сейчас в точности как прежде») – создание школы ремесел на базе Кимженской начальной школы.

2009 год – «Кимженские житники» – разработка и сохранение посевных площадей для выращивания ячменя.

2010 год – «Двоежирной амбар» – ремонт старинного амбара для размещения двух экспозиций. На первом этаже – «Кимженские кресты», на втором – «Мезенская лошадь».

2011 год – «Огороду городить» – установка нового забора вокруг территории, где расположена мельница.

2011 год – «Горшечных дел мастера» – проведение мастер-классов в школе ремесел с участием преподавателя – гончара из поселка Каменка.

С.А. Синяговский  
(г. Калининград)

## Экомузей Кенозера (К проблеме сохранения культурных ландшафтов Кенозерского национального парка)

На сегодняшний день национальным парком «Кенозерский» успешно решаются вопросы в области исследования, реставрации и интерпретации историко-культурного наследия этой особо охраняемой территории Русского Севера. За годы существования национального парка создана уникальная образовательная среда, позволяющая эффективно проводить работу по дополнительному образованию и просвещению самых различных категорий населения. Созданные на основе историко-культурного и природного наследия эксклюзивные туристические продукты позволяют предлагать сегодня Кенозерье на рынке туристических услуг как исключительное и неповторимое место в Северо-Восточной Европе.

Проблемными для национального парка были и остаются вопросы сохранения, реставрации и использования памятников истории и культуры, взаимодействия с местным населением и другие самые различные проблемы развития и жизнедеятельности охраняемой территории.

Пристального внимания требуют проблемы, связанные с сохранением и использованием культурного ландшафта национального парка. Сегодня Кенозерский национальный парк определяют как «выдающийся образец североевропейского культурного ландшафта, сохранившего на своей территории традиции и реликтовые формы народного творчества, хозяйствования и природопользования»<sup>1</sup>. Время, а также различные формы развития территории значительно повлияли на состояние ландшафта национального парка. К примеру, исчезли такие традиционные формы природопользования как подсечное земледелие, лесные промыслы и многое другое. Вырубка лесов привела к изменению растительного и животного мира, социальные потрясения привели к запустению и исчезновению многих кенозерских деревень, уходу местного населения в другие места в поисках более достойного существования. В этой связи, особую роль в области сохранения и восстановления традиционного культурного ландшафта, социально-экономического развития территории может стать организация сети экомузеев под эгидой национального парка и муниципальной власти.

Один из первых проектов экомузеев традиционного земледелия был предложен автором для федеральной программы развития национального парка на 2004–2010 годы. В данном проекте подчеркивалось, что организация экомузеев на территории национального парка может явиться не только новой и актуальной формой интерпретации наследия, но и одним из эффективных способов сохранения культурного

© Синяговский С.А., 2012

ландшафта, решения вопросов занятости местного населения и развития территории национального парка в целом.

Экомузей как особый тип музея не получил своего развития в России, хотя некоторые его принципы сегодня весьма эффективно используются отечественными музеями под открытым небом. Как известно, к середине 1980-х годов музеи стали выходить за пределы традиционных задач и функций и перешли к осуществлению более широких программ, которые позволили им активно участвовать в жизни общества и полнее интегрироваться в окружающую среду. Чтобы достичь этого и вовлечь посетителей в свою деятельность, музеи все чаще обращаются к принципу междисциплинарности, к применению в культурно – просветительской деятельности новейших методов коммуникации и современных форм работы с населением. Сохраняя наследие, экомузеи, музеи общин и другие типы музеев, основанные на широком участии населения в работе, уделяют много внимания развитию общины, что очень важно для таких территорий, как Кенозерье. Напомним, что Кенозерье на сегодняшний день одна из редких территорий России, сохранившая практически в полном объеме не только свое наследие, но и русское коренное население, пришедшее на берега этого таежного озера в XII–XIV веках. Являясь носителями подлинного русского языка, активно документируя народную культуру и охраняя ее, кенозерцы нуждаются в дополнительной государственной и другой поддержке по сохранению своего наследия.

Первые экомузеи начали создаваться около 40 лет назад во Франции (Ле-Крезе, 1971 г.), далее получили распространение в Канаде, Швеции, Португалии и ряде других стран. Экомузеи создавались и в настоящее время функционируют на тех территориях, которые отвечали следующим принципам: наличие наследия, коренного местного населения, желание последнего участвовать в сохранении наследия. Следует заметить, что наиболее устойчивыми к развитию стали экомузеи, созданные на базе природных и национальных парков. Один из идеологов экомузеев Жоржи Анри Ривьера в 1980 году сформулировал эволюционное определение экомузеев:

1. Экомузей планируется, создается и используется совместно населением и местными органами власти. Последние участвуют в этой деятельности, предоставляя специалистов и все необходимое, в том числе и финансовые средства. Участие индивида зависит от его запросов, уровня знаний и отношения к данной деятельности.

2. Экомузей посвящен человеку и природе. В нем индивид представлен в привычной среде. Животный и растительный мир также показан здесь в естественном состоянии и вместе с тем таким, каким его воспринимает традиционное или индустриальное общество.

3. Экомузей — это зеркало, в котором люди могут увидеть и узнать себя, а также приобрести знания о местности, в которой они проживают, и о тех, кто жил здесь раньше, независимо от того, существовала преемственность поколений или нет. Приезжие также получают возможность взглянуть в это зеркало, лучше познако-

миться с трудом, традициями населения<sup>2</sup>.

Одним из основных в сети экомузеев Кенозерья может быть экомузей традиционного земледелия. Как известно, земледелие и огородничество являлось основой культурного комплекса у кенозер, равно как и у большинства русских вообще<sup>3</sup>. Влияние этого занятия на образ жизни очевидно как в материальной, так и в духовной сферах. В материальной сфере — земледелие как основное занятие, которым занималось большинство населения, оказало существенное влияние на образ жизни (сопутствующие промыслы и ремесла, например, мельничный промысел и др.), пищевой рацион, костюм и пр.

В духовной сфере земледелие способствовало сохранению древнего дохристианского цикла календарной обрядности, оказывало влияние на семейную обрядность, фольклор, верования. Земледелие исторически развивалось вблизи деревень. Все поля вокруг деревень, включая косогоры и неудобные земли распахивались. Высеивали и выращивали все необходимое для крестьянской семьи: рожь, овес, жито (ячмень), горох, лук, морковь, брюкву, репу, капусту. Из технических культур выращивали лен. Земледелие, включая такую архаичную форму как подсечное земледелие оказало существенное влияние на формирование культурных ландшафтов национального парка.

Экомузей традиционного земледелия Кенозерья в деревне Зехново (северный сектор парка) может быть создан в целях восстановления культурных ландшафтов парка, на основе наследия сохраненного местным населением и национальным парком. Деревня Зехново сохраняет в своей структуре гражданские и культовые памятники XVIII – начала XX века, культурный ландшафт XVI – начала XX века. Префикс «эко» в слове «экомузей» означает связь. В нашем случае связь с природным окружением. Экомузей создается в сотрудничестве с местными жителями и отражает их стремления к сохранению и изучению, документированию своего края. Экомузей тесно связан с коренным местным населением, дает ему широкие возможности в развитии территории, решении актуальных вопросов жизнедеятельности Кенозерья. К примеру, при организации Экомuzeя промыслов и ремесел Кенозерья, могут возникнуть вопросы, волнующие местное население: загрязнение Кенозера, Лекшмозера, зарастание сенокосов, вырубка лесов, прилегающих к территории парка, очистка нерестилищ и пр.

Эти и другие подобные проблемы составляют важную часть традиционной окружающей среды и того природного наследия, которое активно используется местным населением и является для него источником экономического благополучия. Оно в свою очередь стимулирует развитие мелких промыслов и туризма.

Важным аспектом деятельности экомuzeя является территориальный. В условиях Кенозера он приобретает особую значимость и становится отражением разного рода «микронационалистических» фантазий<sup>4</sup>. Так, например, местные жители, восстанавливая утраченную ограду «косяк» — «журавлинное крыло» или часовню XVIII века не только информируют приезжего о их существовании, но и подчерки-

вают отличительные и уникальные особенности своей территории. Проявление интереса и непосредственное участие иностранных государств (Норвегия) в сохранении и реставрации наследия национального парка, многократно усиливает значимость кенозерских памятников в России и мире.

Экомузей традиционного земледелия в деревне Зехново мог бы включать в себя восстановленное подсечное земледелие в объеме: выбор участков, рубку деревьев, подготовку и обработку почвы традиционными орудиями сохой и бороной, весь цикл посева, сбора и обработки собранного урожая, включая его обработку на восстановленном мельничном производстве. Для организации комплексного мониторинга на территории Парка можно заложить дополнительные участки подсечного земледелия в деревнях Гужево, Масельге (район озера Синее), Лекшмозеро. В последней деревне при поддержке взрослых жителей возможно создание детского экомuzeя растениеводства и огородничества (выращивание и обработка льна, «репище», огородные культуры)

Несмотря на то, что тема создания экомuzeев на территории Парка является дискуссионной, можно предположить:

1. В результате реализации проекта на территории Парка будет восстановлена одна из древнейших форм формирования культурных ландшафтов — подсечное земледелие.

2. В течение определенного времени на территории национального Парка будет разработана концепция создания сети экомuzeев и реализован один из важнейших проектов сети — экомузей традиционного земледелия при непосредственном участии местного населения.

3. Будет создана основа для дальнейшего развития сети экомuzeев национального парка и, в первую очередь, посвященных традиционным промыслам и ремеслам: столярному, кузнечному, изготовлению лодок и рыболовству, гончарному производству и другим.

4. В результате реализации проектов прогнозируется увеличение численности боровой дичи (глухаря, тетерева) на проектируемых участках, привлечение медведей и других млекопитающих. Коренное население территории получит от реализации проекта не только новые (забытые знания) о своей территории, но и материальную поддержку. При условии успешной реализации проектов и их продолжении материальное стимулирование может быть стабильным. А это немаловажно для жителей национального парка. Предполагаемые проекты несут важную образовательную и просветительскую функции. Так, например, местные и иногородние школьники получают оригинальную интерактивную образовательную программу, а посетители Парка — эксклюзивный туристический продукт.

5. Сохранение традиционной культуры Кенозерья невозможно без существования исторического окружения, среды, культурных ландшафтов. Это возможно при сохранении традиционных видов природопользования – сельского хозяйства, лесопользования, рыбной ловли, охоты — активного вмешательства в естественные

процессы развития экосистем, трансформированных человеком за сотни лет хозяйственной деятельности. Возвращение роли местному населению, как главному действующему лицу в охране и возрождении культурных традиций, своего наследия — возможно, это единственный реальный путь решения проблемы<sup>5</sup>.

Надеемся, что наше сообщение будет интересно для национального парка, региональной и муниципальной власти, Министерства природных ресурсов и экологии РФ. В дальнейшем предложения по организации экомузеев на территории Парка (проекта) могут получить поддержку международного музейного сообщества (международный комитет экомузеев в рамках ИКОМ, ассоциированное с ИКОМ и ИКОМОС международное объединение музеев новых типов), Евросоюза, ООН по вопросам образования, науки и культуры.

#### Примечания

<sup>1</sup>Путеводитель по Кенозерскому национальному парку / сост.: Е. Шатковская и др. Архангельск, 2009. С. 15.

<sup>2</sup>MUSEUM. 1985. № 148. С. 1–2.

<sup>3</sup>См.: Мелехова Г.Н. Русские. Традиционный уклад Лекшмозерья. М., 1993. Ч. 1; Сияговский С.А. Традиционное земледелие и огородничество крестьян Кенозерья // Методические пособия и образовательные программы по дополнительному экологическому образованию. Архангельск, 2001. С. 5–11; Давыдов А.Н. Этнографическая проблематика изучения Кенозерья // Разработка научной документации для проектируемого национального парка на Кенозере Плесецкого района Архангельской области. Архангельск, 1982. Т. 2. / Научный архив ФГБУ «Национальный парк «Кенозерский».

<sup>4</sup>MUSEUM. Указ. соч. С. 8.

<sup>5</sup>Природное и культурное наследие Кенозерского национального парка: сб. науч. ст. / авт.-сост.: Е.Ф. Шатковская, С.В. Торхов, Д.В. Тормосов и др. Петрозаводск, 2002. С. 106.

Г.В. Старицына  
(Архангельская обл.)

### ТОС как один из ресурсов развития территории

Сегодня мы все чаще слышим фразы о том, что власть необходимо сделать более доступной, т.е. приблизить ее к народу. Действительно, эта проблема с каждым днем становится все острее. Граждане стали чаще задумываться о своих возможностях и потребностях, в результате чего в их умах созревают толковые идеи, грамотные предложения и перспективные программы. Граждане хотят и, что немаловажно, готовы принимать участие в местном самоуправлении, правотворческой деятельности, решении вопросов местного значения и т.п.

Сейчас довольно-таки интенсивно идет процесс развития низовых структур общественного самоуправления, например объединения жителей одной улицы, дома, деревни, поселка и т.д.

Решающий фактор, инструмент поддержки, контроля и влияния на местную власть – это самоорганизованное в ТОС население.

ТОС – это первичная, наиболее простая, близкая и понятная для населения форма решения местных проблем, затрагивающих и индивидуальные, и коллективные интересы граждан; это гражданская активность снизу, движимая общими интересами жителей, когда забота об общественном благе становится не менее важной частью жизни, чем личные заботы. ТОС обеспечивает связь между обществом и органами местного самоуправления, а через них и с государством.

Сегодня местная власть уже поняла, какой потенциал развития заложен в территориальном общественном самоуправлении и энергии активистов.

Власти важно работать не «для», а «вместе», и престиж ТОС сразу вырастет. Задача всех уровней власти – поддерживать инициативу населения и обеспечивать условия для реализации такого естественного права человека, как право на территориальное общественное самоуправление.

На территории Плесецкого района за 2011 год проделана большая работа по вовлечению населения в местное самоуправление. Пока это еще первые шаги на пути создания сильного гражданского общества. Главная задача, поставленная районными депутатами в этом году, – достучаться до отдаленных территорий. Количество ТОС выросло почти в пять раз. Общими усилиями удалось добиться возможности участия рабочих поселков в конкурсе проектов ТОС. Пять городских поселков, где организованы ТОС, выиграли гранты Правительства Архангельской области. Это Самодед, Емца, Пуксоозеро, Оксовский, Североонежск.

Администрацией района принята программа «Развитие ТОС на территории муниципального образования «Плесецкий муниципальный район» на 2011–2013 годы». Кроме того, при Собрании депутатов создан координационный совет, в которой

© Старицына Г.В., 2012

---

---

вошли активисты ТОС, представители администрации, депутаты и представитель национального парка «Кенозерский». Отрадно отметить, что в лице Кенозерского национального парка мы нашли заинтересованного партнера и друга в сохранении местных традиций и развитии территориального общественного самоуправления. Огромную роль в поддержке инициатив местного населения играют бизнес-сообщества.

Объединившись всем миром, мы способны на многое, чтобы улучшить жизнь на своей малой родине, причем часто без значительных денежных средств. Будем стремиться... От чистоты и благоустройства территорий – к чистоте и благоустройству человеческого душ и отношений.

*В. Ф. Шухов  
(г. Москва)*

### **Заповедные туристические территории: дальнейшие пути развития (на примере города Мышкин Ярославской области)**

**История города.** Как-то раз один князь после охоты прилег отдохнуть на высоком берегу Волги. Он проспал несколько часов, а разбудила его мышка, пробежав по лицу. Князь вначале разгневался, но затем заметил подползавшую змею. Мышка спасла ему жизнь! Тогда он собрал дружину и велел построить на этом месте часовню во имя Святых Бориса и Глеба. Вокруг храма возник город и стал называться Мышкин.

Такова легенда. Можно верить ей, можно не верить – все равно ни доказать, ни опровергнуть невозможно. Факты же говорят о том, что люди на месте современного Мышкина жили еще в V–III тысячелетиях до нашей эры.

Высокий холм на берегу Волги против устья крупной реки Юхоть был идеальным местом для древнерусского города. Материалы археологических исследований говорят о существовании на этом месте городка в XI–XIII веках. К сожалению, город простоял недолго: он пострадал в войне новгородских и суздальских князей середины XII века, а в 1238 году был полностью уничтожен татарами. Позже Мышкин был отстроен как село (ил. 1).

В XV–XVII веках земли вокруг Мышкина принадлежали князьям Шуморовским, Ушатым, Юхоцким, Мезецким, Мстиславским, а позже – московскому Чудову монастырю. В 1551 году во владениях князей Ушатых между Мышкиным и Мологой были срублены стены и башни города Свияжска, перевезенного затем вниз по Волге и ставшего опорным пунктом русских войск при взятии Казани.

Положение Мышкина оказалось благоприятным из-за близости волжских порогов, среди которых сложностью прохождения судов выделялись Мышкинские ворота. Предприимчивые мышкинцы освоили лоцманское ремесло и неплохо зарабатывали, проводя купеческие суда через пороги.

По административной реформе Екатерины II Мышкин получил в 1777 году городской статус, в 1778-м – герб с ярославским медведем в верхней части и мышкой в нижней, а в 1780-м – план застройки, которым была предусмотрена квартальная структура, сохранившаяся в основном до наших дней. Композиционными центрами города стали два собора: Никольский, существовавший еще до объявления Мышкина городом, и Успенский, построенный в первой половине XIX века на пожертвования мышкинских купцов.

XIX век стал периодом расцвета Мышкина. Богатые купцы Ситцковы, Чистовы, Столбовы были известны во многих городах России, а уроженец деревни Каюрово Мышкинского уезда Петр Арсеньевич Смирнов прославился на весь мир как соз-

© Шухов В.Ф., 2012

датель русской водки. Дворянин Федор Константинович Опочинин создал в Мышкине прекрасную библиотеку, которая, по утверждениям современников, могла бы составить гордость любого губернского города.

Пришедшим к власти в 1917 году коммунистам Мышкин как культурный центр был не нужен, и они стремились уничтожить все, что было создано до них. Опочининская библиотека была закрыта, большая часть книг уничтожена, остатки вывезены в Рыбинск и Ярославль. Все храмы закрыты, часть из них разрушена. В 1927 году Мышкин второй раз за свою историю утратил городской статус и был превращен в село Мышкино (с 1943 г. – поселок городского типа). В 40-х годах XX века при строительстве Рыбинского водохранилища и затоплении обширных земель треть Мышкина была снесена с лица земли. От окончательного запустения город спасло строительство в 1969 году компрессорной станции Севергазпрома.

В 1991 году населенному пункту возвращен городской статус и исконное название.

**Краеведческое движение.** Краеведческий музей был основан группой краеведов в 1966 году. Долгие годы музей жил как детское и молодежное объединение, не имеющее никакой материальной поддержки ни от государства, ни от местной власти. После активного вмешательства областной прессы детская краеведческая организация получила в свое распоряжение плохо сохранившееся здание кладбищенской церкви (храм Иконы Божией Матери Всех Скорбящих Радости) (ил. 2).

Никакого государственного или районного обеспечения музей по-прежнему не имел. Продолжались поисковые походы (примерно раз в неделю), два раза в год организовывались длительные экспедиции в соседние области и на Русский Север, формировалась большая коллекция «Прялки Нечерноземья», коллекция крупных кованных изделий. Была поставлена задача всестороннего показа местного городского и сельского уклада жизни.

Сегодня всей работой здесь управляет совет музея, чьим бессменным председателем остается Владимир Александрович Гречухин (сперва каменщик, потом сотрудник редакции газеты «Волжские зори»).

Благодаря многочисленным газетным статьям про «музейную мальчишескую республику» росла известность этой «музейной автономии», расширялся поток гостей, появилось немало друзей в городе и далеко за его пределами. Туризм зарождался с местных школ, пионерских лагерей, домов отдыха. В 1991 году был открыт музей мыши и сразу стал символом и торговым знаком города Мышкина.

Город, располагающий самобытным музейным комплексом, совершенно отличающимся от всех музеев Ярославской области, смело вошел в туристический бизнес: с 5 тысяч гостей число посещений выросло до 150 тысяч в год.

Некоммерческое учреждение «Мышкинский народный музей» на сегодняшний день включает пять музеев: музей столицы лоцманов (историко-бытовой), музей мыши, музей П.А. Смирнова, этнографический музей и музей уникальной техники. За год проводится несколько научно-краеведческих конференций (Опочининские

чтения, Касьяновские чтения, Тютчевская конференция, Межобластная экологическая конференция). Ежегодно издается до 6 научных и художественных книг. Музей теперь содержит штат сотрудников (12 чел.), а летом в нем трудятся многочисленные юные помощники. Всей работой по-прежнему управляет общественный совет – многоопытная, авторитетная организация.

20 декабря 2008 года прошло освящение Тютчевского дома и открытие в городе Мышкине Академии краеведения.

Почему именно здесь была открыта эта академия? Причин тому множество:

1. Город Мышкин является одним из старейших краеведческих центров России. Последовательная краеведческая работа здесь ведется с XVIII века.

2. Мышкинскому краеведению изначально присущи полнота и многогранность исследований своего края – от его истории до хозяйственной деятельности и социальных отношений.

3. В XX и XXI веках местное краеведение работает с высокой организованностью и последовательностью. В городе и сельской части района созданы и активно действуют два краеведческих клуба («Мышкин» и «Кацкая летопись»). Эти клубы охватывают своей работой широкий круг вопросов – от исследовательских до гражданских.

4. В Мышкине ведется интенсивная научно-краеведческая работа. Здесь ежегодно проходит от 2 до 4 межрегиональных чтений и конференций по вопросам истории, духовности, экологии, туризма.

5. Достигнуты высокие показатели в издательской деятельности. Ежегодно выходит от 4 до 10 книг о крае и России. Здесь печатается краеведческая газета «Мышгород», создаются кинофильмы о городе и обо всем Мышкинском Верхневолжье.

6. Активная краеведческая работа обеспечила создание здесь 20 музеев и других объектов показа.

7. Краеведческий клуб «Мышкин» активно работает в сети Интернет, начиная от российского портала музеев до выпуска электронной версии газеты «Мышгород».

8. Мышкину изначально присущ конструктивный, созидательный характер краеведческой деятельности. В качестве примера можно указать на создание еще в XIX веке первых библиотек в городе и учреждение книгоиздательства (второе в России издание Полного собрания русских летописей было осуществлено в Мышкине). А сегодняшнее краеведение обеспечило городу широкую известность и популярность в большом туризме.

9. Качественным отличием современного мышкинского краеведения от краеведения традиционного является его нацеленность на создание теоретической базы и практических разработок для продвижения города и создания на базе краеведческих исследований основ городской идеологии и городской созидательной политики.

10. Одновременно мышкинское краеведение решает задачу создания для самих



краеведческих работ достойной материальной базы и финансового обеспечения своими силами и средствами. Тем самым постепенно оно становится субъектом городской общественной и хозяйственной деятельности.

**Идея создания музея мыши.** Идея создания музея мыши была любезно подарена старым другом города, столичным журналистом Ильей Борисовичем Медовым. Он и привез в Мышкин первые экспонаты музея: фигурки мышей из Германии, Польши, Франции. Начиналось все это в 1990 году, а в 1991-м музей уже смело распахнул свои двери многочисленным посетителям и широко заявил о себе во многих газетах и журналах. Особенно способствовали его известности публикации в «Пионерской правде» и «Веселых картинках» (ил. 3).

С каждым годом известность забавного музея возрастала, он попал в «русский Гиннес» (книга «Диво»), поступили подарки из сотни российских городов. О музее узнали даже в Японии. Музей подружился с академиком Дмитрием Сергеевичем Лихачевым и поэтом Булатом Шалвовичем Окуджавой.

**Деятельность фонда «Шуховская башня» в Мышкине.** В 2003 году фонд «Шуховская башня», обратив внимание на такое уникальное явление как Мышкинский народный музей, начал сотрудничать с ним. Фонд принял участие в финансировании ряда проектов музея. Волонтеры фонда принимали участие в краеведческих экспедициях (д. Юрьево на р. Сить), в работах по реставрации и восстановлению памятников архитектуры Мышкинского муниципального округа (с. Рождествено), в создании сайта Мышиной страны ([www.mouseland.ru](http://www.mouseland.ru)). Был осуществлен детский художественный проект «Святые Земли Русской глазами детей Земли Русской» с представлением его в Российском фонде культуры (<http://yaroslavl.rfn.ru/rnews.html?id=1651&cid; http://rusk.ru/newsdata.php?idar=205288>). В 2008 году в городе была открыта творческая дача фонда «Шуховская башня», на которой за прошедший период побывало более сотни студентов художественных вузов, много художников-профессионалов и представителей творческой интеллигенции (ил. 4).

В ходе совместных акций и обсуждений стало понятно, что потенциал развития Мышкина как уникального объекта туристической индустрии достаточно велик.

В 2004 году фондом был подписан договор о совместной деятельности с администрацией Мышкинского муниципального образования. В 2005 году администрация обратилась к фонду «Шуховская башня» с предложением принять участие в разработке концепции создания в городе туристически-развлекательного комплекса «Мышиные палаты».

Фонд предложил свою концепцию, которая заключалась в следующем:

1. Приложить максимальные усилия как со стороны администрации, так и со стороны частных инвесторов для того, чтобы сохранить и восстановить облик Мышкина конца XIX – начала XX столетий.

2. Расположить развлекательно-музейный комплекс «Мышиные палаты» в зеленом пригороде города на берегу Волги.

3. Придать основному зданию комплекса максимально необычную, оригиналь-

ную и в дальнейшем узнаваемую форму, используя при строительстве традиционные строительные материалы и технологии, используемые в этих местах. (Предлагалось построить здание в виде огромной, в 15 м высотой, мыши и расположить внутри музей, а в голове сделать кафе-ресторан с открытой террасой на языке мыши и большими панорамными окнами в виде мышиных глаз. Внутренние лестницы и переходы придали бы зданию еще большую оригинальность и загадочность, что очень важно в такого рода объектах. Основным материалом для наружной отделки должен был служить тес хвойных пород, специально тонированный и обработанный как старинные постройки Русского Севера – светло-серый и серебристый. Внутреннюю отделку и решения пространств также предлагалось решить в традициях русского северного деревянного зодчества.)

4. Как основную концепцию создания комплекса использовать не столько саму мышь как объект живой природы и все что с ней связано, сколько легенду об основании города.

Вышеперечисленные решения позволяли вместо одного получить сразу два уникальных туристических объекта (комплекс «Мышиные палаты» и сам город) с возможностью дальнейшего развития каждого из них. Городская администрация не утвердила концепцию, предложенную фондом «Шуховская башня», а приняла за основу свою программу. Вот ее основные положения:

1. Строительство в центральной части исторической застройки города объекта под названием «Мышиные палаты». Объект должен быть выполнен в «русском» стиле.

2. Разработка специальной программы посещения «Мышиных палат».

3. Приведение центральной части города в порядок в соответствии с требованиями современных российских городов.

4. Развитие инфраструктуры города (магазины, кафе, рестораны, гостиницы и т.д.).

По просьбе администрации фонд подобрал ведущих специалистов, работающих в области привязки подобного рода проектов к конкретным объектам с уже имеющейся социально-экономической базой, создающих на этой основе реальный план реализации программы и бизнес-плана начального уровня.

В результате тщательной проработки проекта специалистами фонда его дальнейшая реализация не вызвала сколько-нибудь серьезных проблем, была полностью поддержана и профинансирована областной администрацией.

**Имидж Мышкина и индустрия туризма.** В 2006 году было принято окончательное решение о строительстве в городе комплекса «Мышиные палаты». Строительство закончилось в конце 2008 года. Был построен развлекательный комплекс в псевдорусском кичевом стиле Измайлова в Москве, из бетона, обшитый блокхаузом (доски, фабричным способом обструганные под ¼ бревна) розоватого цвета с множеством башенок, заборчиков, решеточек и прочих украшений, с ручейком, лавочками и фонариками. Одним словом, это была русская пародия на Диснейленд (ил. 5).

Как ни странно, при всех своих недостатках это оказалось как раз тем, что нужно нынешнему, пока еще неискушенному российскому туристу, и турист пошел, а за ним потянулась и инфраструктура – гостиницы, рестораны, магазины, банкоматы.

И если в европейских городах все эти очень необходимые объекты цивилизации пытаются разместить в исторических зданиях с соблюдением всех требований по сохранению исторического наследия или выстроить новое здание, которое по своей стилистике будет гармонировать с общим историческим обликом, то здесь все получилось наоборот. Часть зданий исторической застройки была обшита сайдингом разных цветов, появились крыши из металлочерепицы и профнастила самых немыслимых цветов. Были выстроены новые постройки самых разнообразных форм, не имевшие ничего общего с требованиями архитектуры. Одним словом, центральная историческая часть города практически полностью потеряла свое лицо. Вместо города классической русской провинции оно превратилось в зеркальное отражение современного российского массового сознания.

Несмотря на то, что Мышкин стал являть собой смесь деревянных избышек, построек из силикатного кирпича, кичевых торговых рядов «а ля Русь», образцов «хрущевских» построек 50-60 годов XX столетия и «современных» зданий, больше похожих на бараки, цифры говорят сами за себя. Если в 2003–2004 годах Мышкин посещало около 30–40 тысяч туристов в год, то в настоящий момент эта цифра составляет 150–160 тысяч. Интересно другое: если в 2001–2004 годах на 100 российских туристов приходилось 15–20 иностранных, то в настоящий момент на 100 русских туристов приходится 1 иностранный турист.

Вывод напрашивается сам собой: искушенного туриста не устраивает мышкинский новодел, и теперь опытные российские и зарубежные туристы все больше и больше предпочитают Углич, Томск, Архангельск с их аутентичными памятниками культуры или уникальные природные объекты Алтая, Сибири, дальнего Востока и Архангельской области.

В целом же в российской туристической индустрии у Мышкина и Мышкинского муниципального округа сложился имидж динамично развивающегося и очень перспективного туристического региона.

Его примеру последовали многие, и теперь у нас в России кроме родины Деда Мороза есть родина Бабы-Яги, родина Кикиморы, родина Серого Волка и даже родина Колобка. С одной стороны, это очень напоминает доперестроечный туризм на родину знаменитых революционеров и деятелей партии, но тот туризм был дотационным и отчасти обязательным, а новые «родины» новых героев вступают между собой в обычную рыночную конкуренцию. В этом случае дальнейшее укрупнение и развитие таких центров туризма становится очень спорным, т.к. они постепенно становятся клонами друг друга и рассредоточивают без того немногочисленный туристический поток. Это очень похоже на сеть известных ресторанов Макдональдс, которые отличаются внешним и внутренним оформлением, не отличаясь по сути, чья успешность зависит только от места расположения и сезон-

ности. Особую опасность это представляет для искусственно созданных туристических моногородов. Без исторической или природной привязки такие места будут подвержены большому риску потери туристических потоков и, как следствие, безработице.

Несмотря на все вышеперечисленные недостатки, на сегодняшний день развитие российского внутреннего туризма по мышкинскому сценарию является наиболее правильным, т.к. создает одно из основных условий массового туризма – наличие необходимой инфраструктуры.

В дальнейшем же необходимо не стихийное и самодеятельное, а более профессиональное создание туристических территорий, объединенных одной общей концепцией, чья деятельность координировалась бы на уровне местных и федеральных властей. Особо важным в связи с этим представляется не только создание новых развлекательных центров по образцу Мышкина сегодняшнего, но самое главное – сохранение уже имеющихся объектов культурно-природного наследия.

**Роль личности в российской индустрии туризма.** В создании новых и сохранении уже имеющихся объектов туризма огромную роль играют отдельные личности. Не является исключением и Мышкин. Назовем их.

1. Отец-основатель Мышкина краеведческого и Мышкина туристического, плотник и каменщик, ученый, писатель, музейщик – Владимир Александрович Гречухин. Этот человек, без преувеличения, всю свою жизнь посвятил и продолжает посвящать Мышкину историческому и Мышкину музейному.

2. Академик Дмитрий Сергеевич Лихачев, полностью поддержавший идею музейного развития города.

3. Губернатор Ярославской области Анатолий Иванович Лисицын, поверивший в идею развития туризма в городе с помощью комплекса «Мышиные палаты» и решившийся выделить средства (около 2,5 млн. долларов США) из областного бюджета на реализацию этого проекта.

4. Глава администрации Мышкинского муниципального округа Анатолий Геннадьевич Курицын – радушный и рачительный хозяин и фанат мышиной темы, а также всего, что с ней связано, неустанно и очень целенаправленно способствующий развитию туризма в регионе.

5. Волонтеры фонда «Шуховская башня», тратящие свое время и силы на развитие туризма и краеведения в Мышкинском муниципальном округе и многие другие.

**Будущее уникальных туристических объектов России.** Будущее уникальных туристических объектов вызывает большую тревогу, а проще говоря, находится в опасности. Причин для такой тревоги много, и основные из них следующие:

- отсутствие необходимой законодательной базы в отношении заповедных и уникальных территорий и отдельных объектов природно-культурного наследия;
- отсутствие четкого исполнения законодательства со стороны государственных органов;

---

• отсутствие должной финансовой и информационной поддержки со стороны государства.

С сожалением надо признать, что поток зарубежных туристов в Россию год от года не растет, а сокращается. Похоже, он будет сокращаться и дальше. Отсутствие уникальных, в мировом понимании, объектов туризма в России – одна из причин такого сокращения. Например, в Москве к уникальным объектам мы можем отнести храм Василия Блаженного, Кремль, Новодевичий монастырь, Шуховскую башню, дом Константина Мельникова, несколько особняков русского модерна (включая псевдорусский стиль) и, как курьез, памятник Петру Первому. В результате, если за год Москву посещает около 1 миллиона 200 тысяч зарубежных туристов, то площадь Сан Марко в Венеции – 50 тысяч в день, или 18 миллионов 250 тысяч зарубежных туристов в год.

На фоне скудного списка уникальных туристических объектов в России их количество продолжает сокращаться в результате частичного искажения или полного их уничтожения.

Подводя итог, следует сказать об опасности практически полного исчезновения аутентичных культурных объектов и огромных перспективах природных объектов.

**Возможная модель эксклюзивного туризма на базе Кенозерского национального парка.** Проект можно условно назвать «Жизнь в кенозерской деревне – реконструкция образа жизни XVIII–XIX веков».

Целевая аудитория:

1. Семьи, желающие обратиться к своим истокам, восстановить утраченные знания и навыки жизни в единении с природой – 40%.
2. Любители эксклюзивного активного отдыха – 20%.
3. Люди, подверженные стрессам городской жизни, – 20%.
4. Любители экстремального туризма – 10%.

Это предложение предназначено для одиночных туристов, небольших групп, семей с детьми и без детей для того, чтобы короткое или длительное время пожить так, как жили предки в XVIII–XIX веках, а может быть и раньше.

В домах нет электричества, водопровода и пр. Обустройство быта максимально приближено к историческим реалиям тех времен. В распоряжении гостей – свечи и лучины, русская печь, погреб-ледник, лошадь или лодка, коса, топор, ложка да плошка...

Огород может быть заранее подготовлен к их приезду. В леднике могут быть небольшие запасы. По желанию в хозяйстве могут содержаться корова, коза, гуси, куры, собака или кошка. Тем, кому будет сложно управляться в доме без знатока деревенской жизни, помогать могут местные бабушки или дедушки – гостеприимные хранители очага, проводники, хранители секретов старины на каждый день, знатоки сказок, местных трав, гаданий, рыбалки и пр.

Конечно, банька на берегу озера, тишина, покой, все это должно быть экологи-

---

чески чистым: обувь, одежда изо льна, самогон, квас, наливки и настойки, сушеные травы, чай из шиповника...

Использование радио, телевидения, мобильного телефона запрещено, как и использование прочих электронных устройств. Разрешено пользоваться только солнечными часами и средствами экстренной и аварийной связи. Машины остаются за пределами поселения на достаточно большом расстоянии.

Желающие могут научиться ткачеству, вышиванию, росписи по дереву, верховой езде, традиционным для этих мест способам рыбной ловли, резьбе по дереву, кузнечному делу.

Возможно поселение по принципу хутора или по принципу большой деревни. Многого можно взять из традиции старообрядцев.

Этот проект может быть очень успешным в виде психотерапии для жителей больших городов и, прежде всего, Москвы и Санкт-Петербурга. Велика вероятность, что он окажется очень привлекательным и для туристов из других стран.

Данный проект может быть поддержан частными инвесторами, государственными и неправительственными организациями.

## Сведения об авторах

**Анциферова Анна Ивановна** – начальник научно-методического и экспозиционного отдела Национального парка «Кенозерский» (Архангельская обл.).

**Бахтина Валентина Александровна** – доктор филологических наук, главный научный сотрудник Института мировой литературы РАН (г. Москва).

**Бычкова Яна Вячеславовна** – старший научный сотрудник кафедры геохимии геологического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (г. Москва).

**Власова Марина Никитична** – кандидат филологических наук, научный сотрудник Института русской литературы им. А.М. Горького РАН (Пушкинский Дом) (г. Санкт-Петербург).

**Вольфсон Лев Исаакович** – эксперт аукционного дома Macdougals (г. Москва).

**Воробьева Таисия Яркиевна** – кандидат биологических наук, заведующая лабораторией пресноводных и морских экосистем Института экологических проблем Севера УрО РАН (г. Архангельск).

**Грейдинг Юрий Леонидович** – переводчик (г. Москва).

**Гудима Тамара Михайловна** – кандидат философских наук, старший научный сотрудник Российского института культурологии (г. Москва).

**Гусева Марина Сергеевна** – старший научный сотрудник Национального парка «Кенозерский» (Архангельская обл.).

**Денисенков Виктор Павлович** – кандидат географических наук, доцент кафедры биогеографии и охраны природы географического факультета Санкт-Петербургского государственного университета (г. Санкт-Петербург).

**Евсеева Лилия Михайловна** – кандидат искусствоведения, заведующая научно-исследовательским отделом Центрального музея древнерусской культуры и искусства им. Андрея Рублева» (г. Москва).

**Едовин Алексей Геннадьевич** – кандидат исторических наук, заведующий отделом археологии Архангельского областного краеведческого музея (г. Архангельск).

**Ермолин Борис Васильевич** – кандидат географических наук, профессор кафедры географии и геоэкологии Северного (Арктического) федерального университета им. М.В. Ломоносова (г. Архангельск).

**Забелина Светлана Александровна** – кандидат биологических наук, старший научный сотрудник лаборатории пресноводных и морских экосистем Института экологических проблем Севера УрО РАН (г. Архангельск).

**Захарова Екатерина Владимировна** – стажер-исследователь сектора языкознания Института языка, литературы и истории КарНЦ РАН (г. Петрозаводск).

**Зудин Александр Иванович** – геолог, главный геолог Плесецкой геолого-разведочной экспедиции 1990–2004 гг. (Архангельская обл.).

**Киршина Наталья Олеговна** – директор обособленного подразделения Архитектурно-этнографического музея Вологодской области (Музей «Семенково») ГУК «Вологодский государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник» (г. Вологда).

**Климов Сергей Иванович** – научный сотрудник лаборатории пресноводных морских экосистем Института экологических проблем Севера УрО РАН (г. Архангельск).

**Котикова Любовь Сергеевна** – специалист по связям с общественностью Государственного военно-исторического и природного музея-заповедника «Куликово поле» (Тверская обл.).

**Кулешова Марина Евгеньевна** – кандидат географических наук, заведующая сектором управления культурными ландшафтами Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачева (г. Москва).

**Куликова Виктория Владимировна** – доктор геолого-минералогических наук, ведущий научный сотрудник Института геологии КарНЦ РАН (г. Петрозаводск).

**Куликов Вячеслав Степанович** – доктор геолого-минералогических наук, ведущий научный сотрудник Института геологии КарНЦ РАН (г. Петрозаводск).

**Лаптева Галина Яковлевна** – эксперт Инспекции по надзору за сохранностью памятников истории и культуры Архангельской области (г. Архангельск).

**Лютикова Наталья Павловна** – старший научный сотрудник Архангельского государственного музея деревянного зодчества и народного искусства «Малые Корель» (г. Архангельск).

**Мелютина Марина Николаевна** – кандидат философских наук, заместитель директора по научной работе Национального парка «Кенозерский» (Архангельская обл.).

**Мильчик Михаил Исаевич** – кандидат искусствоведения, заместитель генерального директора НИИ «Спецпроектреставрация» (г. Санкт-Петербург).

**Михельсон Анника** – старший преподаватель Института прикладных наук (Финляндия).

**Морева Ольга Юрьевна** – научный сотрудник лаборатории пресноводных и морских экосистем Института экологических проблем Севера УрО РАН (г. Архангельск).

**Муллонен Ирма Ивановна** – доктор филологических наук, профессор Петрозаводского госуниверситета, директор Института языка, литературы и истории КарНЦ (г. Петрозаводск).

**Нечаева Татьяна Никитична** – заведующая научно-фондовым отделом Центрального музея древнерусской культуры и искусства им. Андрея Рублева (г. Москва).

**Нордерхауг Анн** – менеджер проектов Норвежского Института сельскохозяйственных и экологических исследований (Норвегия).

---

**Покровский Олег Сергеевич** – кандидат геолого-минералогических наук, ведущий научный сотрудник лаборатории пресноводных и морских экосистем Института экологических проблем Севера УрО РАН (г. Архангельск), сотрудник лаборатории механизмов и транспорта в геологии Национального Центра научных исследований CNRS Университета Тулузы (Франция).

**Репицкая Евдокия Гавриловна** – председатель ТОС «Кимжа» (Архангельская обл.).

**Севан Ольга Георгиевна** – кандидат архитектуры, президент Российского комитета Европейского Комитета по селам и малым городам (ЕКОВАСТ), заведующая сектором проблем культурной среды поселений Российского института культурологии (г. Москва).

**Седова Галина Евгеньевна** – заведующая научно-исследовательским сектором Центра консервации документов и сохранения книжных памятников Архангельской областной научной библиотеки им. Н.А. Добролюбова (г. Архангельск).

**Синяговский Сергей Афанасьевич** – историк (Калининградская обл.).

**Смагин Виктор Алексеевич** – кандидат биологических наук, старший научный сотрудник Ботанического института РАН им. В.Л. Комарова (г. Санкт-Петербург).

**Смирнов Юрий Иванович** – кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник Института мировой литературы РАН (г. Москва).

**Смирнова Марина Александровна** – кандидат исторических наук, ведущий редактор редакции гуманитарных и естественнонаучных изданий научно-организационного управления Северного (Арктического) федерального университета им. М.В. Ломоносова (г. Архангельск).

**Собко Елена Иосифовна** – научный сотрудник лаборатории пресноводных и морских экосистем Института экологических проблем Севера УрО РАН (г. Архангельск).

**Старицына Галина Владимировна** – председатель Собрания депутатов МО «Плесецкий муниципальный район», председатель координационного совета по развитию территориального общественного самоуправления (Архангельская обл.).

**Тарасенко Людмила Петровна** – кандидат искусствоведения, заведующая отделом древнерусской живописи Государственного исторического музея (г. Москва).

**Тормосов Дмитрий Владимирович** – ландшафтный архитектор (г. Каргополь).

**Торхов Сергей Васильевич** – главный инженер Архангельского филиала ФГУП «Рослесинфорг» (г. Архангельск).

**Фофанова Вера Владимировна** – главный специалист Государственного архива Архангельской области (г. Архангельск).

**Чупаков Артем Васильевич** – младший научный сотрудник лаборатории пресноводных и морских экосистем Института экологических проблем Севера УрО РАН (г. Архангельск).

**Шатковская Елена Флегонтовна** – директор Национального парка «Кенозер-

ский» (Архангельская обл.).

**Широкова Людмила Сергеевна** – кандидат биологических наук, старший научный сотрудник лаборатории пресноводных и морских экосистем Института экологических проблем Севера УрО РАН (г. Архангельск).

**Шорина Наталья Валерьевна** – кандидат химических наук, старший научный сотрудник лаборатории пресноводных и морских экосистем Института экологических проблем Севера УрО РАН (г. Архангельск).

**Шургин Игорь Николаевич** – кандидат искусствоведения, научный руководитель Фонда «Поддержка памятников деревянного зодчества», старший научный сотрудник реставрационной фирмы ПРК «КАРЭНСИ» (г. Москва).

**Шухов Владимир Федорович** – председатель DO.CO.MO.MO – Международной организации документации и консервации памятников модернизма; президент фонда «Шуховская башня» (г. Москва).

**Юхименко Елена Михайловна** – доктор филологических наук, главный научный сотрудник Государственного исторического музея (г. Москва).

---

---

## ИЛЛЮСТРАЦИИ

---

---

### Иллюстрации к статье А.И. Анциферовой



*Ил. 1. Единственный сохранившийся дом в д. Кумбасозеро. Фото А. Полежаева*



*Ил. 2. Расписной шкаф-заборка, расписная двухстворчатая дверь (д. Кумбасозеро). Фото А. Шутихина*



*Ил. 3. Часовня Казанской иконы Божией Матери (д. Минеино). Фото Н. Кулебякина*



*Ил. 4. Часовня Георгия Победоносца (д. Минеино). Фото Ю. Пальмина*



*Ил. 5. Церковь Ильи Пророка (д. Кумбасозеро). Фото А. Анциферовой*



*Ил. 6. Киот в церкви Ильи Пророка (д. Кумбасозеро). Фото А. Полежаева*



*Ил. 7. Резной наличник на окне рыбацкой избушки (д. Кумбасозеро). Фото А. Шутихина*



*Ил. 8. Большой камень в центре д. Кумбасозеро. Фото А. Шутихина*



*Ил. 9. Берестяной каюк на берегу озера Кумбасозеро. Фото А. Шутихина*



*Ил. 10. Перенос каркасной лодки «берестяной каюк». Фото А. Анциферовой*



*Ил. 11. Плавание А. Шутихина на берестяном каюке по озеру Педозеро. Фото А. Полежаева*



*Ил. 12. Испытания А. Полежаевым берестяного походно-промыслового снаряжения. Фото С. Шеметова*

## Иллюстрации к статье Ю.Л. Грейдинга



*Ил. 1. Степан Васильевич Курмин (с. Порженское)*



*Ил. 2. Село Порженское*



*Ил. 4. Николай Филиппович и Клавдия Ефимовна Ножкины (д. Мамонов остров)*



*Ил. 3. Деревня Мамонов остров*



*Ил. 5. Ильинская часовня (д. Мамонов остров)*



Ил. 6. Паром на Онеге



Ил. 7. Жители д. Поромский остров



Ил. 8. В д. Першлахта



Ил. 10. Лилия Михайловна Евсеева исследует иконы в амбаре д. Коровино

Ил. 9. Представитель молодого поколения д. Першлахта



Ил. 1. Архангел Михаил. Из деисусного чина иконостаса Преображенской церкви Пахомиева Кенского монастыря. Последняя четверть XVI в., запись 1867 г.



Ил. 2. Архангел Михаил. Из деисусного чина иконостаса Преображенской церкви Пахомиева Кенского монастыря. Фрагмент: складки зеленого хитона. Последняя четверть XVI в.





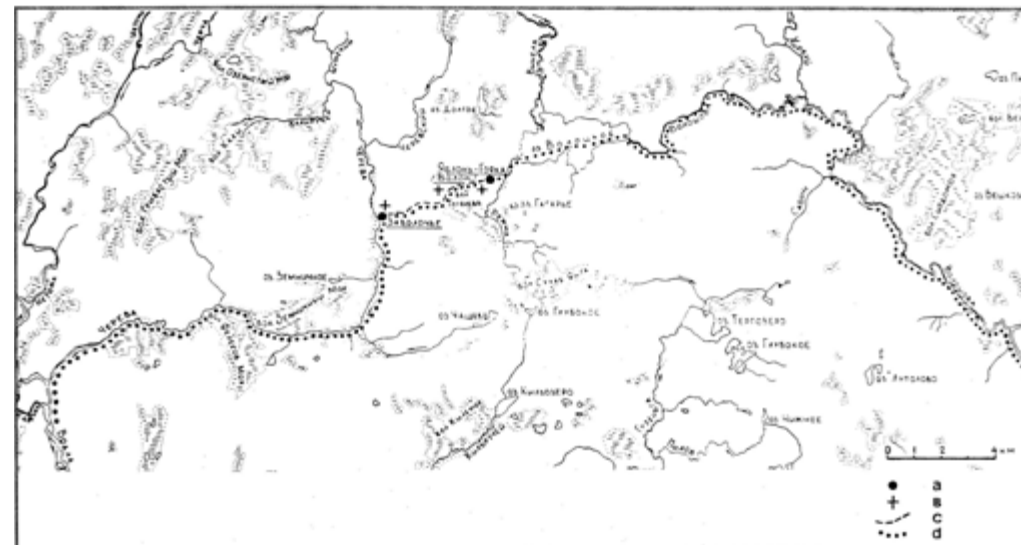
Ил. 3. Неизвестный пророк. Из пророческого чина иконостаса Преображенской церкви Пахомиева Кенского монастыря. Последняя четверть XVI в.



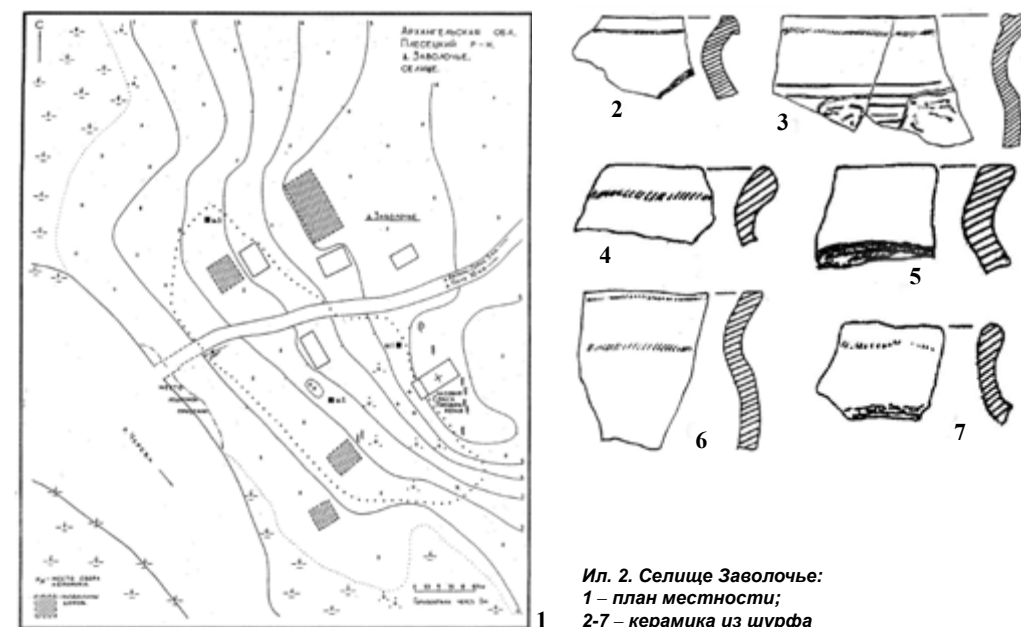
Ил. 4. Неизвестный пророк. Из пророческого чина иконостаса Преображенской церкви Пахомиева Кенского монастыря. Фрагмент: лик. Последняя четверть XVI в.

Ил. 5. Неизвестный пророк. Из пророческого чина иконостаса Преображенской церкви Пахомиева Кенского монастыря. Фрагмент: складки синего хитона. Последняя четверть XVI в.

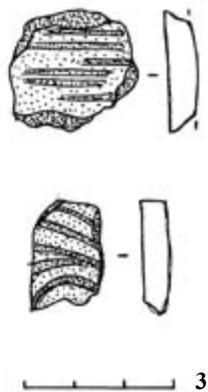
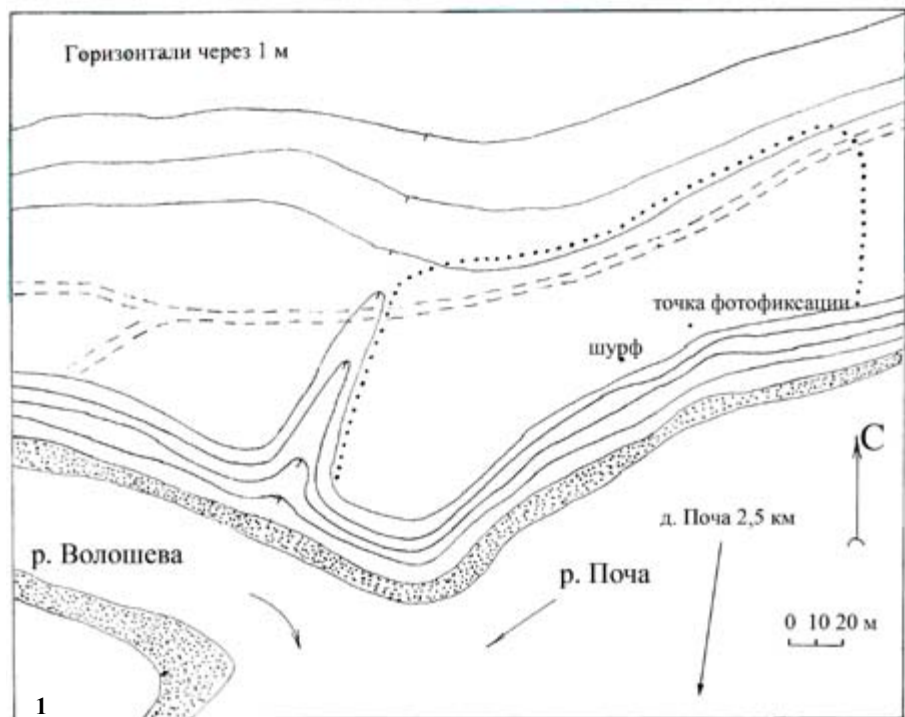
## Иллюстрации к статье А.Г. Едовина



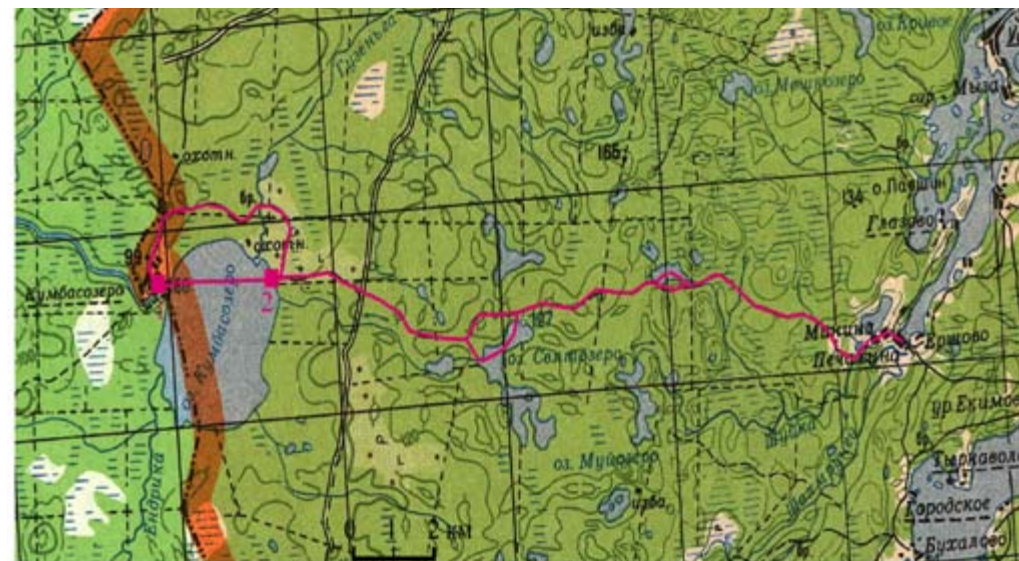
Ил. 1. Схема Кенского (Черевского) воюка по Н.А. Макарову. Археологические памятники в районе Кенского воюка: а – селища; в – часовни; с – волоковая дорога; d – трасса водно-волокового пути из Водлозера в Кенозеро



Ил. 2. Селище Заволожье: 1 – план местности; 2-7 – керамика из шурфа



Ил. 3. Селище Устье Волошевы. Кенский волок: 1 – топографический план; 2 – фото с востока; 3 – фрагменты средневековой керамики



Ил. 4. Трасса волока на карте масштабом 1 : 10000



Ил. 5. Участники экспедиции 2010 года на привале у Святозера



Ил. 6. Перенос «березаного каяка» сквозь лесную чащу

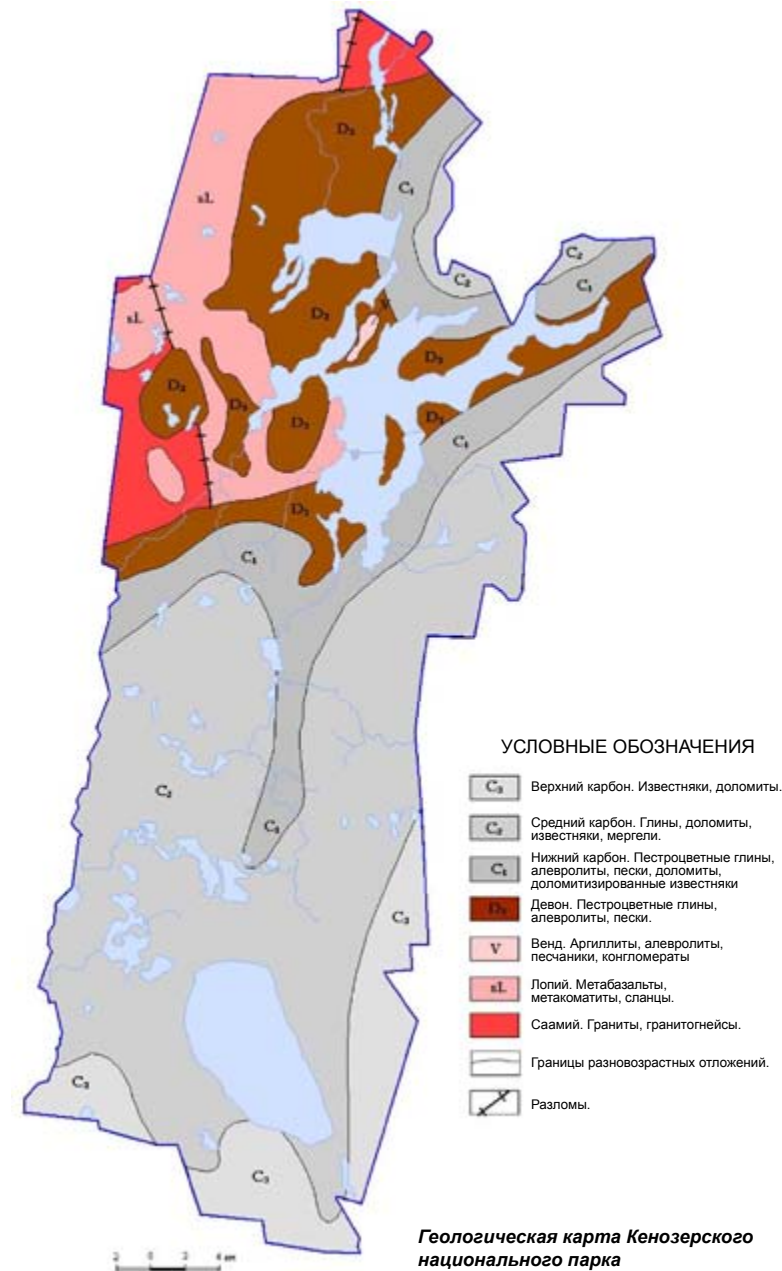


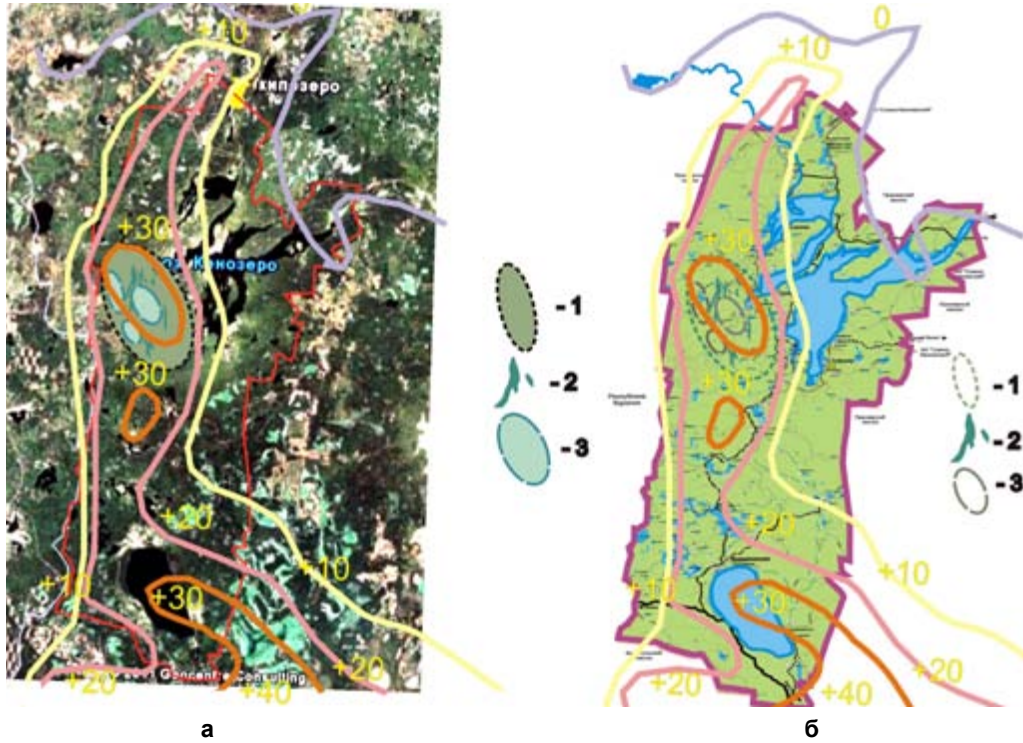
**Ил. 7. Селище Кумбасозеро.**  
**Кумбасозерский волок:**  
 1 – топографический план селища Кумбасозера;  
 2 – вид на селище с юга;  
 3-7 – керамика



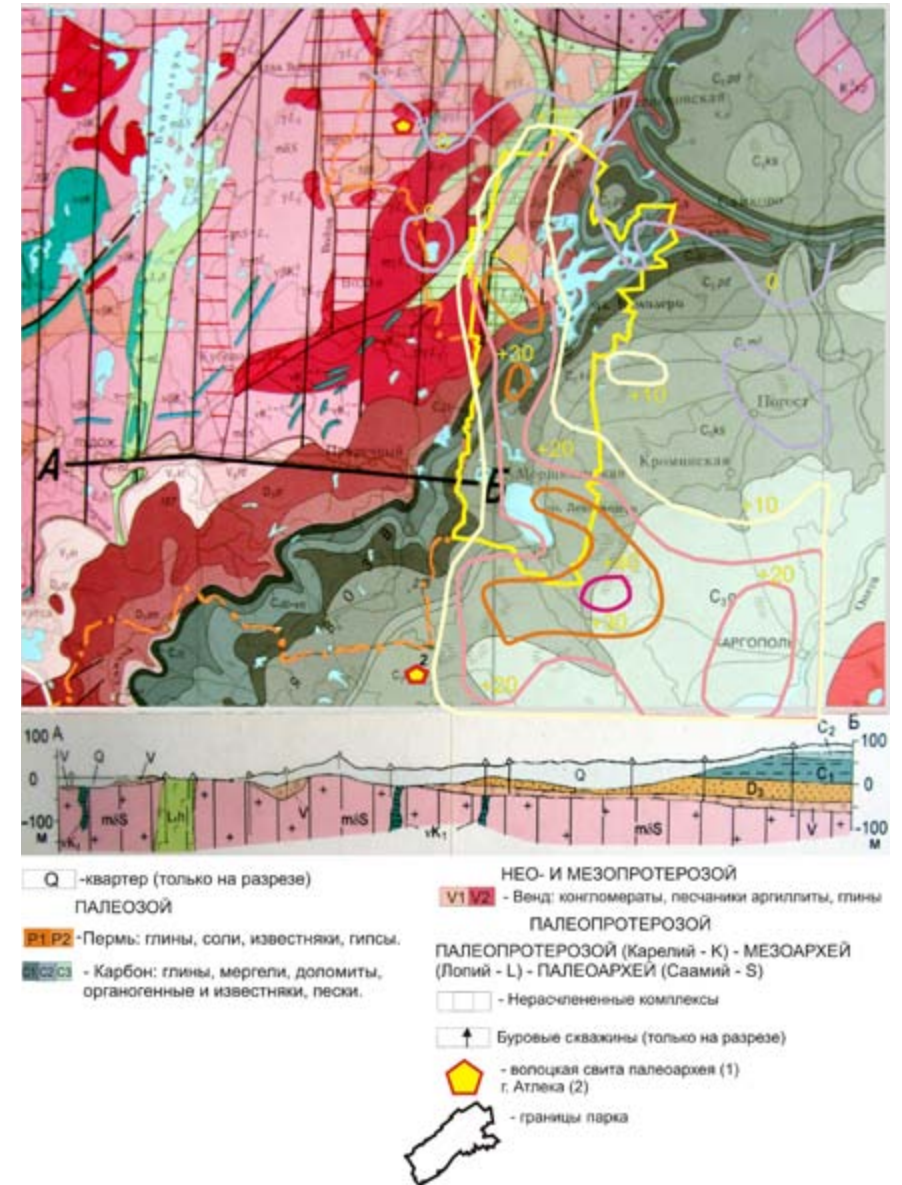
**Ил. 8. Сани-волокуши. Фото А. Полежаева**

**Иллюстрации к статье А.И. Зудина**

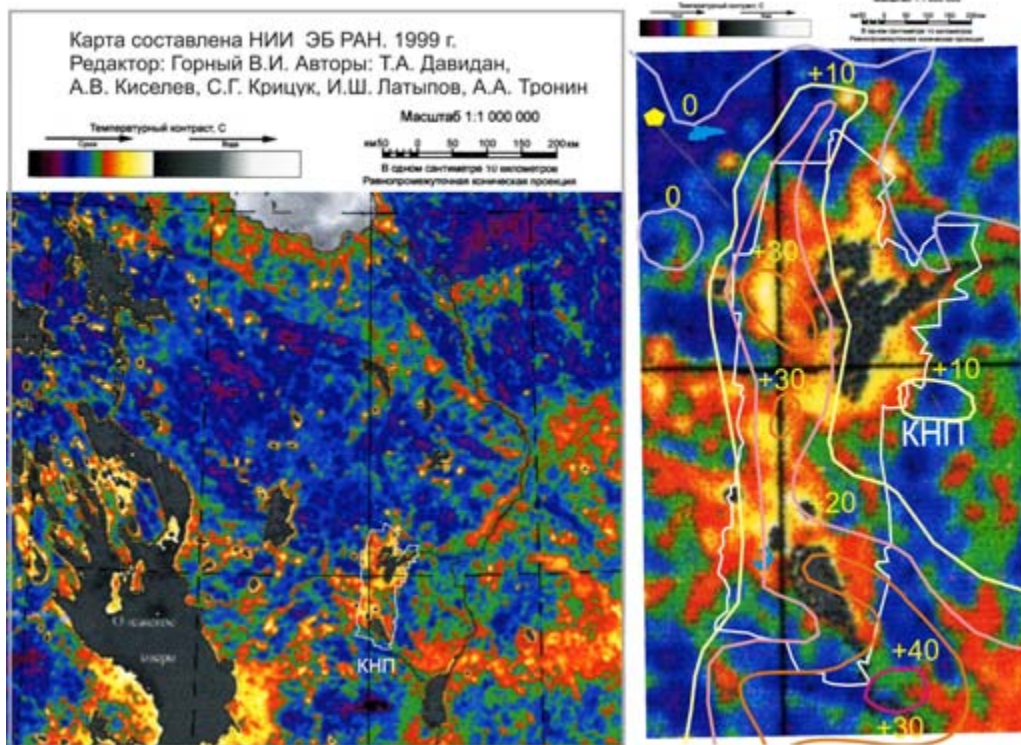




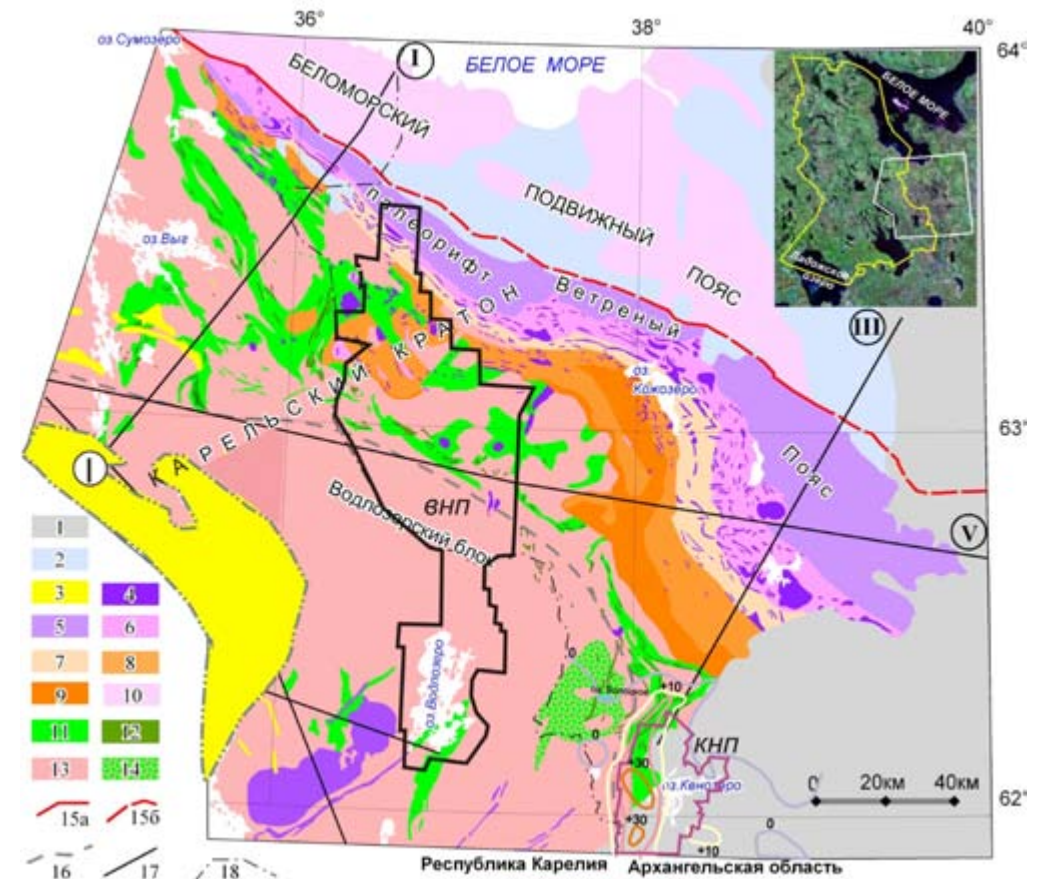
Ил. 1. Контуры Кенозерского национального парка с основными характеристиками гравитационного поля  $\Delta g$  и внешним (1) и внутренними (3) контурами аномалии ртути, а также солевыми аномалиями Ni-Cu-Co (2): а – космический формат; б – географический формат



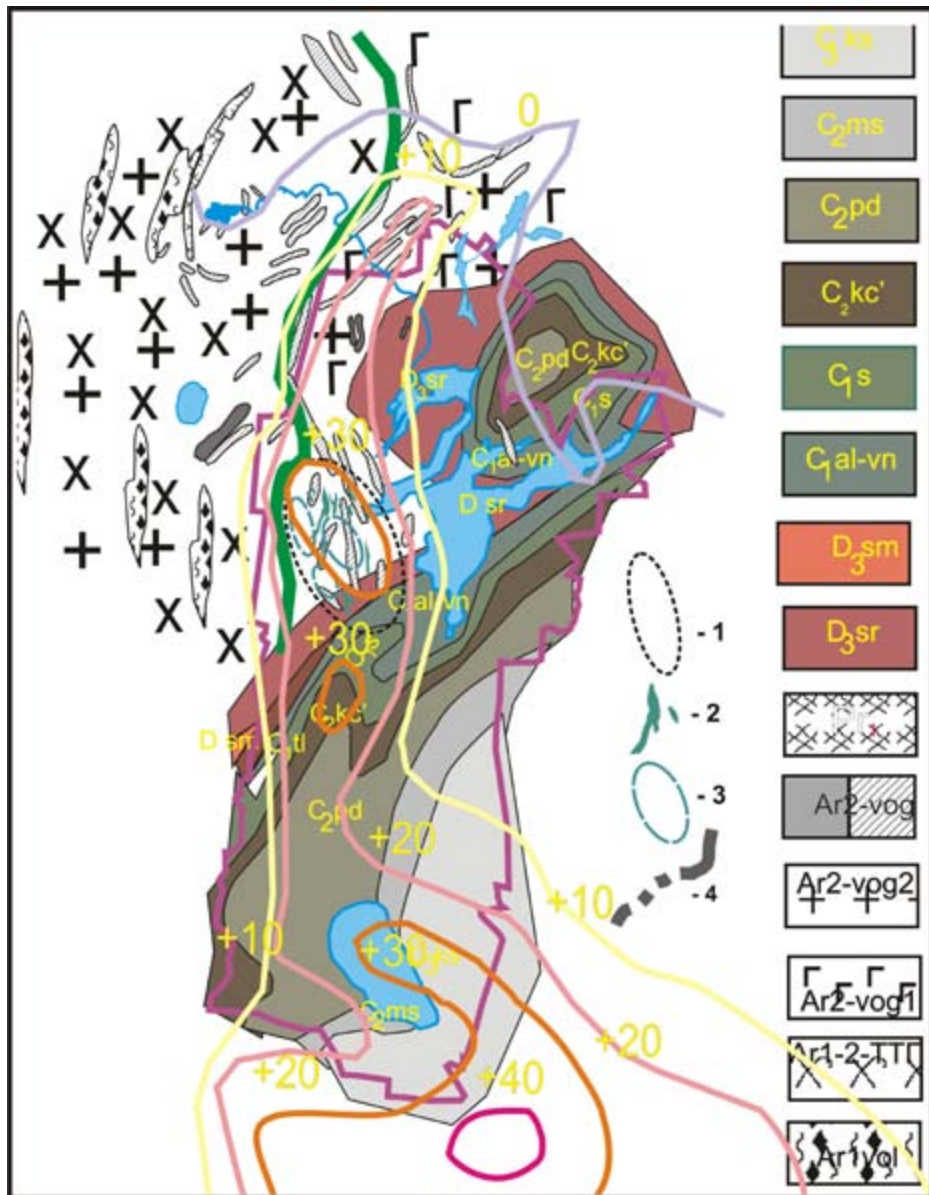
Ил. 2. Фрагмент Государственной геологической карты Российской Федерации с нанесенными границами Кенозерского национального парка и с основными характеристиками гравитационного поля  $\Delta g$ . Лист Р-(35)-37-Петрозаводск. Масштаб 1:1 000 000



Ил. 3. Тепловое поле севера Восточно-европейской платформы и его фрагмент с контурами Кенозерского национального парка



Ил. 4. Геологическая карта приграничного региона Республики Карелия и Архангельской области (сост.: В.С. Куликов, В.В. Куликова, Я.В. Бычкова, А.К. Полин и Н.В. Шаров). Фанерозой. 1 – осадочные породы палеозоя. Неопротерозой. 2 – осадочные породы венда. Палеопротерозой. Людиковий и ятулий. 3 – осадочные, основные вулканические и субвулканические породы (2.2–1.96 Ga). Сумий. 4 – мафит-ультрамафитовые интрузивы, в т.ч. расслоенные, силлы и дайки (2.5–2.4 Ga); 5 – коматиитовые базальты свиты Ветреный Пояс (2.45–2.41 Ga); 6 – осадочные породы виленской и калгачинской свит; 7 – терригенные, карбонатные породы и толеитовые базальты кожозерской свиты; 8 – основные и средние вулканы киричской свиты; 9 – терригенные породы токиинской свиты, местами гранитизированные (р-н оз. Кожозеро). Архей. 10 – гнейсы и амфиболиты беломорской серии, гранитоиды (в т.ч. более молодые); 11 – кремнистые и углеродсодержащие осадки, вулканы (коматииты, базальты, риодациты и туфы) вожминской серии (3.0–2.8 Ga); 12 – интрузивные мафиты и ультрамафиты лопийских зеленокаменных поясов; 13 – тоналиты, трондьемиты, гнейсы, амфиболиты палеоархей (>3.2 Ga) и гранитоиды мезо-неоархей (2.8–2.6 Ga); 14 – амфиболиты по базальтам и коматиитам волоцкой свиты (~3.4Ga); 15 – Северный надвиг (а), то же – под вендским и палеозойским чехлом (б); 16 – граница палеоархейского Водлозерского блока; 17 – профили глубинного сейсмического зондирования и их номера (I–V); 18 – административная граница. На врезке – контуры Республики Карелия и рассматриваемого здесь приграничного региона



Ил. 5. Фрагменты карты магнитного поля и поля силы тяжести с нанесенными контурами границ Кенозерского национального парка



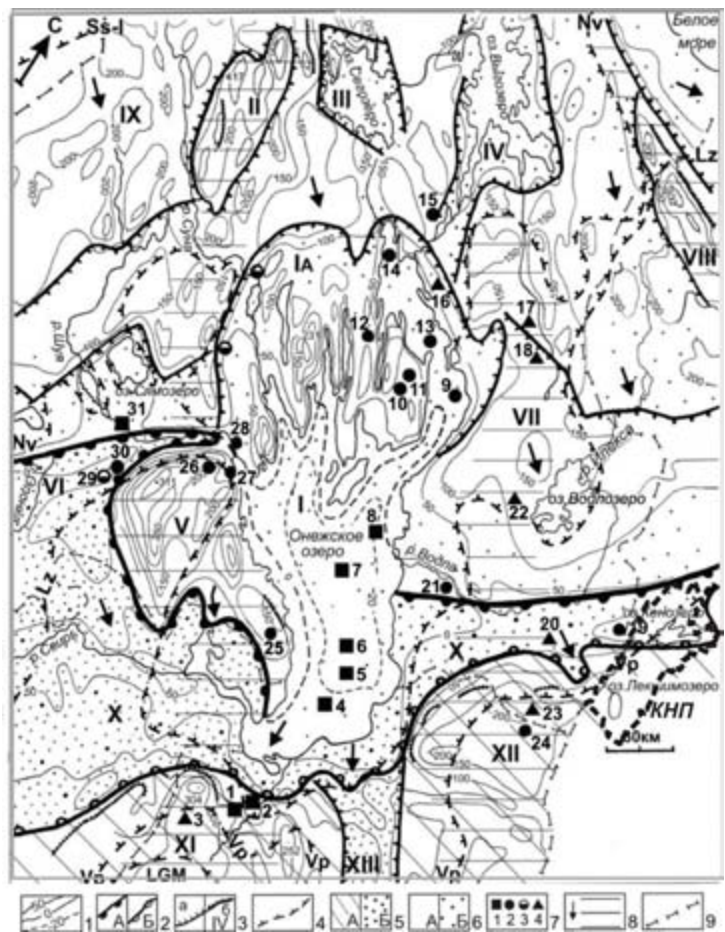
Ил. 6. Схема геологического строения Кенозерского национального парка. Карбон. C2 kc – известняки, мергели, глины, алевролиты, конгломераты мощностью 150 м; C2 ms – песчано-глинистая, глинисто-карбонатная толщи дельтового и прибрежного происхождения, органогенные известняки; C2 rd – известняки, доломиты, реже мергели общей мощностью до 50 м; C2 kc' – красноцветные слюдистые песчаники, алевролиты, известковистые глины с прослоями конгломератов и известняков общей мощностью 60–70 м; C1 s – мелководные доломитизированные известняки, доломитами с отдельными прослоями глины мощностью 40–60 м; C1 al-vn – переслаивание песчано-глинистых разностей с известняками мощностью 5–65 м. Девон. D3 st – переслаивание глины и алевролитов в верхней части разреза и тонко- и мелкозернистыми песками и песчаниками – в нижней мощностью ~ 50 м; D3 sr – толща чередующихся песков, песчаников, глины и алевролитов мощностью 40–95 м. Pr1 – Винельская дайка ультрамафитов, Ar2 vog – габбро (серое) и ультрамафиты, Ar2 vog2 – гранитоиды неогархея, Ar2 vog1 – осадочно-вулканогенные породы вожминской свиты мезогархея, Ar1-2 – ТТГ, Ar1 vol – волоцкая свита палеогархея. 1 – внешний контур аномалии ртути в почвах КНП, 2 – солевые аномалии Ni-Cu-Co, 3 – внутренние контуры ртутных аномалий, 4 – условная граница палео- и мезо-неогархея



Ил. 7. Сейсмогеологический разрез по профилю III (оз. Кенозеро — р. Нижняя Телза) [Земная..., 1978] с дополнениями авторов: 1 – отражающие границы, соответствующие интенсивным волнам (а) и волнам с малой амплитудой записи (б); 2 – предполагаемые разрывы (а – глубинные, определяющие, границы крупных тектонических структур, б – внутривидовые); 3 – фанерозой и неопротерозой (осадки венда и палеозоя). Палеопротерозой: 4 – коматиитовые базальты свиты Ветреный Пояс; 5 – терригенные осадки, доломиты, туфосланцы, филлиты, конгломераты виленгской и кохозерской свит; 6 – основные и средние вулканиты киричской свиты; 7 – аркозы, кварциты токшинской свиты. Архей: 8 – интрузивы основных и ультраосновных пород архея и палеопротерозоя; 9 – вулканиты и осадки вожминской серии; 10 – гнейсы беломорской серии; 11 – метаморфические породы и гранитоиды верхней коры; 12 – предположительно переработанные гранитоиды и амфиболиты средней коры; 13 – предполагаемые раскристаллизованные резервуары ветренитовой магмы палеопротерозоя



Ил. 8. Девонские осадки на горе Андома (юго-восточный берег Онежского озера). Фото И.Н. Демидова



Ил. 9. Основные типы ледниковой морфоскульптуры (А) и дегляциация бассейна Онежского озера (Б–Г) с дополнением контуров Кенозерского национального парка: 1 – краевые образования различных стадий оледенения; 2 – аккумулятивные ледораздельные возвышенности: I – Соловецкая, II – Сумозерская, III – Волозерская, IV – Волозерская, V – Колодозерско-Кенозерские гряды, VI – Андомская, VII – Суландозерская, VIII – Вепсовская, IX – Олонецкая, X – Урокская гряда и Ведлозерская возвышенность, XI – Вохтозерско-Вешкельская; 3 – озовые гряды и флювиогляциальные дельты; 4 – ледоразделы; 5 – уступы; 6 – край активного ледника и направление движения льда; 7 – зандры; 8 – водоемы, их абсолютная высота и направление стока; 9 – массивы мертвого льда; 10 – пассивный ледник; 11 – стагнированная и отделившаяся при периферийной ареальной дегляциации часть ледникового покрова; 12 – стагнированная и отделившаяся при ареальной дегляциации ледоразделов часть ледникового покрова; 13 – районы преобладания рассекающего типа дегляциации в крупных водоемах; 14 – лед, обогащенный дебрисом подстилающих пород и перекрытый супрагляциальным комплексом осадков; 15 – территории, свободные ото льда. Черными квадратами и цифрами обозначено положение и возраст разрезов озерно-ледниковых и озерных отложений. Штриховой линией в юго-восточном углу схем показаны контуры парка



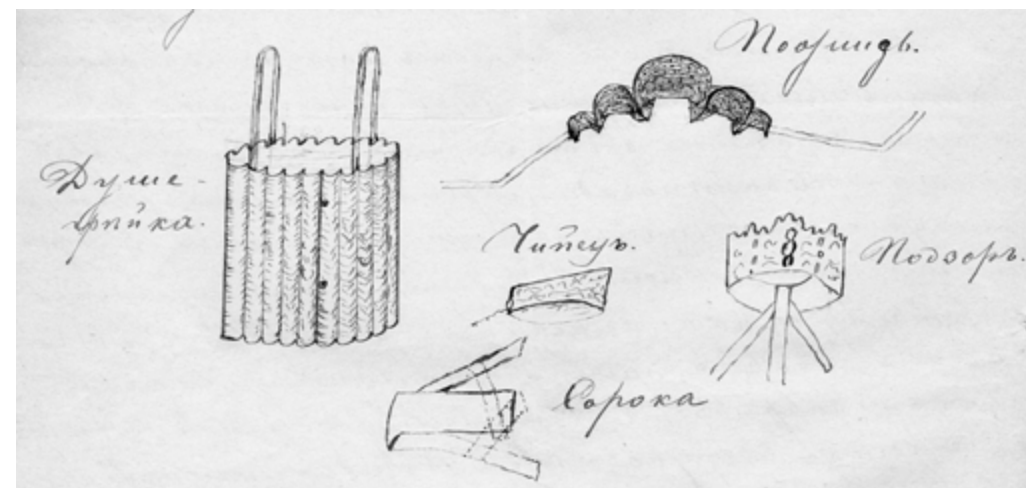
Ил. 10. Структурно-геоморфологическая схема района Онежского озера: 1 – абсолютные высоты рельефа коренных пород; 2 – границы Балтийского щита (А) и Карбонового уступа пород (Б); 3 – границы структур и их номера (а) и уступы коренных пород (б); 4 – границы ледниковых стадий и положение максимума оледенения (LGM), Lz – лужская; Nv – нельская; Ss-I – сальпауссельская I (ругозерская); 5 – области развития осадочных пород карбона (А), девона и венда (Б); 6 – районы с маломощным, <20 м (А), и мощным, >20–30 м (Б), четвертичным покровом; 7 – изученные разрезы, начавшие формироваться: 1 – в среднем дриасе и ранее (>12,0 тыс. лет назад), 2 – раннем аллереде (11,8–11,5 тыс. лет), 3 – позднем аллереде (11,5–10,8 тыс. лет), 4 – молодом дриасе и раннем голоцене (<10,8 тыс. лет); 8 – ледораздельные зоны и направление движения льда; 9 – границы Республики Карелия. Макроформы рельефа: I – Онежский грабен, IA – Онежская мульда, II – Янгозерская структура, III – Сегозерский грабен, IV – Выгозерский грабен, V – Западно-Онежская синклиналь, Олонецкая возвышенность, VI – Петрозаводский грабен, VII – Восточно-Карельское поднятие, VIII – краж Ветренный пояс, IX – Западно-Карельская возвышенность, X – зона сочленения Балтийского щита и Русской плиты, XI – Вепсовская возвышенность, XII – Андомская возвышенность, XIII – Онежско-Белозерская депрессия. Разрезы: 1 – Горнозеро, 2 – Педозеро, 3 – Черное, 4–9 – донные отложения Онежского озера, 10 – Путкозеро, 11 – Падмозеро, 12 – Нижнее Мягрозеро, 13 – Сельг, 14 – Пергуба, 15 – Морская Масельга, 16 – ламба в р-не Волозера, 17 – Куносозеро, 18 – Кузьминское, 19 – Тамбичозеро, 20 – Пичозеро, 21 – Филимониха, 22 – Педозеро, 23 – Кольцозеро, 24 – Лайнозеро, 25 – Кодозеро, 26 – Малое Гурвич, 27 – Четырехверстное, 28 – Сулажгора, 29–30 – р-н Святозера, 31 – Киндасово. Штриховой линией в юго-восточном углу схем показаны контуры Кенозерского национального парка





Ил. 11. Культурные памятники в гравитационном поле

Иллюстрации к статье Н.А. Лютиковой



Ил. 1. Головные уборы и душегрейка (Олонецкая губ., Пудожский уезд, Нигижемская вол., с. Нигижма). Рис. Т. Верещагина. 1890 г.



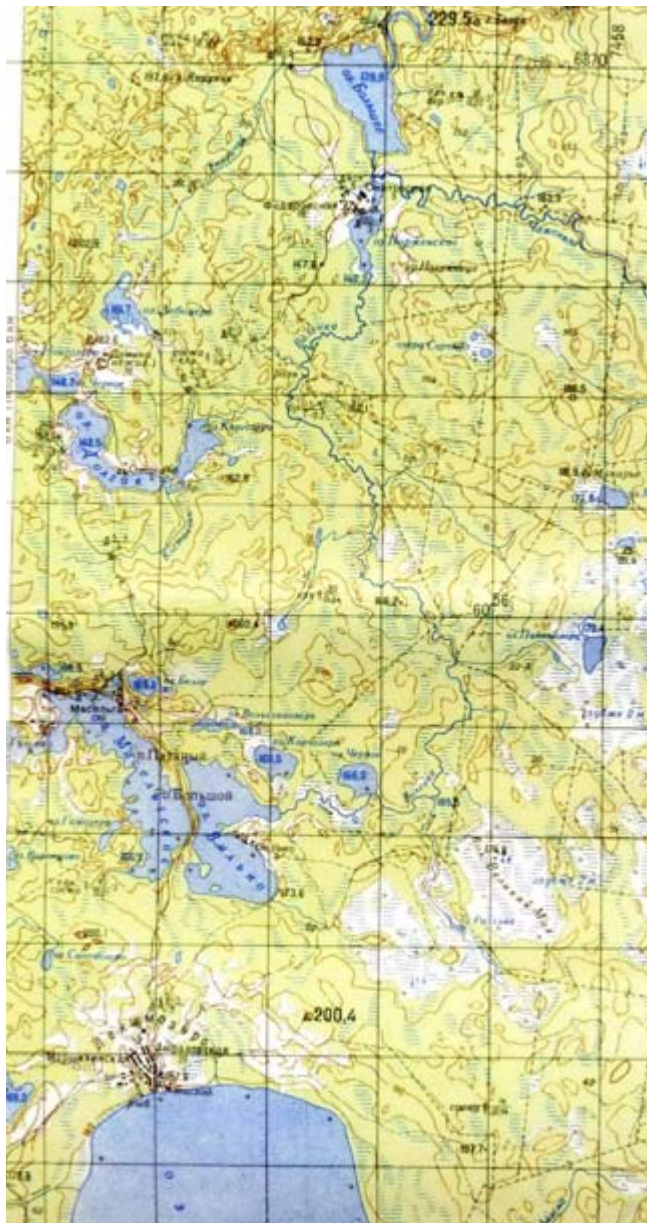
а



б

Ил. 2. Кукель (Олонецкая губ., Каргопольский уезд, Лекшмозерская вол., д. Морцихинская): а – вид сбоку, б – вид сзади. Начало XX в. Из собрания Кенозерского национального парка

Иллюстрации к статье М.Н. Мелутиной



Ил. 1. Карта Кенозерского национального парка



Ил. 2. Хергозерский приход (упраздненная Макарьевская Хергозерская пустынь). 1960-е гг. Архив З.Я. Нефедовой



Ил. 3. Генеральный план Каргопольского уезда Олонецкой губернии. 1788 г. РГАДА



Ил. 4. Паломнические тропы на карте Олонецкой губернии. 1918 г. ВХНРЦ им. академика И.Э. Грабаря



Ил. 5. Карта Каргопольского уезда Олонецкой губ. 1848 г. ГААО



Ил. 6. Вид на д. Ожегово. 2012 г.  
Фото Д. Тормосова



Ил. 9. Фотография жителей д. Думино. Конец XIX – начало XX в. Архив Кенозерского национального парка



Ил. 7. Думинские поляны. 2011 г. Фото А. Ерошина



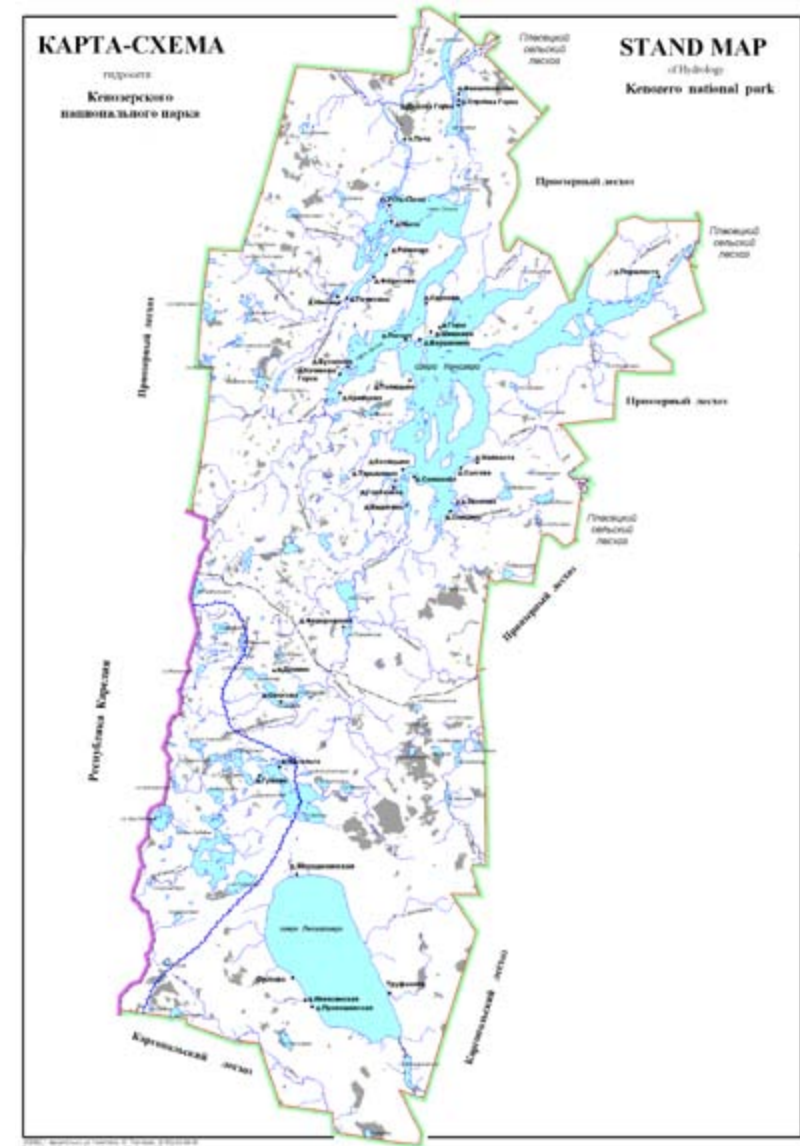
Ил. 10. Вид на д. Думино. 1960-е гг.  
Архив И.Н. Курминой



Ил. 8. Думинские «Островки». 2005 г.  
Фото М. Кудрявцева



Ил. 11. Деревня Ожегово. 1970-е гг.  
Архив С.Б. Томиловой



Ил. 12. Карта гидросети Кенозерского национального парка.  
Архангельская лесоустроительная экспедиция



Ил. 13. Карта водяных мельниц Кенозерского национального парка



Ил. 14. Остатки водяной мельницы на р. Вилена. 2007 г. Фото М. Мелютиной



Ил. 17. Жители д. Думино. 1960-е гг. Архив И.Н. Курминой



Ил. 15. Деревня Думино. Первый слева мельник И.Ф. Морозов. 1960-е гг. Архив И.Н. Курминой



Ил. 18. Деревня Ожегово на Долгом озере. 1970-е гг.



Ил. 16. Дом Сухаревых в д. Думино. Слева Г.О. Басов. 1960-е гг. Архив И.Н. Курминой



Ил. 19. Святая роща в д. Думино. 2012 г. Фото Д. Тормосова

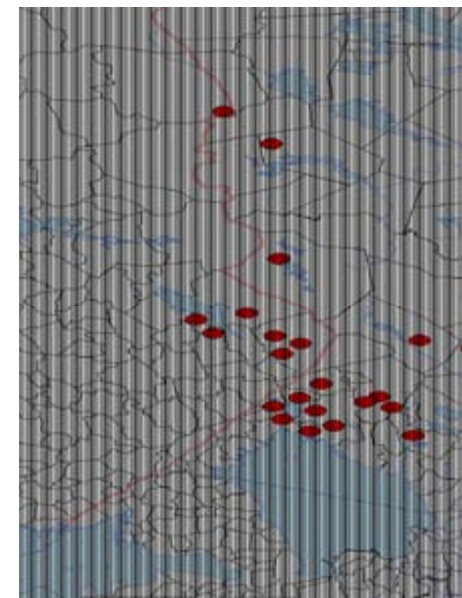


Ил. 20. Священник С.Ф. Морозов. 1958 г.  
Архив В.А. Морозова

Иллюстрации к статье И.И. Муллонен, Е.В. Захаровой



Ил. 1. Распространение карельской топоосновы  
Jytmäkkö/Гульмяки



Ил. 2. Модель Острец-/Остреч-



Ил. 3. Модель Залазный

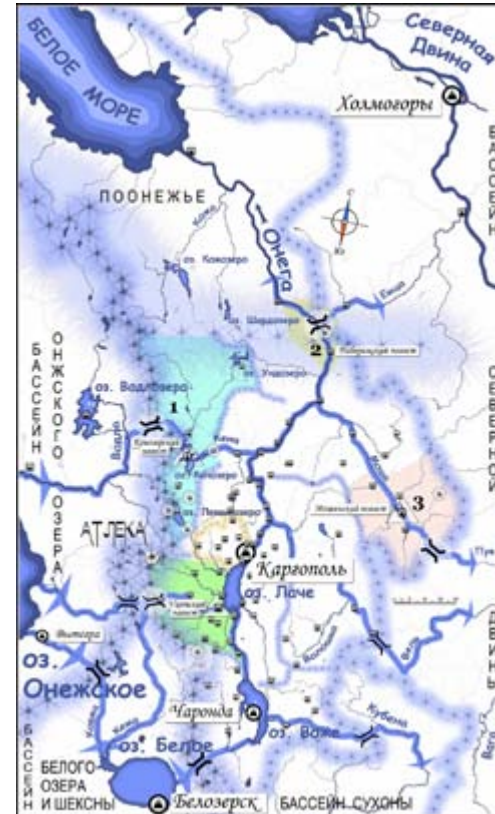
Иллюстрации к статье Д.В. Тормосова



Ил. 1. Водоразделы Русского Севера



Ил. 2. Транзитные волоки времен колонизации северных окраин Древней Руси



Ил. 4. Схема водораздельных территорий Каргополя с обозначением водно-волоковых путей



Ил. 5. Схема водораздельных районов Каргополя



Ил. 3. Водораздельные территории-регионы Русского Севера



Ил. 6. Кенозерский водораздельный район



Ил. 7. Пабережский водораздельный район



Ил. 8. Мошинский водораздельный район



Ил. 9. Каргопольский уезд Вологодской губернии. 1919 г.



Ил. 10. Поонежье с современными границами Каргопольского района





Ил. 1. Икона «Св. Артемий Веркольский, с житием в 16 клеймах». Выговская пустынь. Первая половина XIX в. Частное собрание. Публикуется впервые



Ил. 2. Клеймо 2 «Убиение громом и молнией св. Артемия»



Ил. 3. Клеймо 9 «Св. Артемий явился во сне мужу Иоанну и исцелил его от расслабления»



Ил. 4. Клеймо 10 «Чудо св. Артемия о беснующемся муже Исаии, который исцелился у гроба святого»



Ил. 5. Клеймо 16 «Пренесений мощей св. Артемия в церковь, поставленную во имя его»



Ил. 6. Икона «Св. Артемий Веркольский с житием в 12 клеймах». Выговская пустынь. Середина XIX в. ЦМиАР



Ил. 7. Фрагмент иконы «Св. Артемий Веркольский, с житием в 16 клеймах»

Иллюстрации к статье М.И. Мильчика



Ил. 1. Средняя часть фронтона дома М.С. Бураковой (ок. 1850 г.) в с. Долматово. 1974 г. Фото М.И. Мильчика



Ил. 2. Дом (1856 г.) в с. Усть-Паденьга Шенкурского района. Фототека Государственного музея архитектуры им. А.В. Щусева



Ил. 3. Центральная часть расписного фронтона дома Петровских (Алешкин дом, сер. 1860-х гг.) в д. Чурковской Вельского района. 1974 г. Фото М. Мильчика



Ил. 4. Фрагмент росписи входной двери: старик – хозяин («охотник») в доме Петровских. 1969 г. Фото М.И. Мильчика



Ил. 5. Печь с расписным филенчатым опечком в доме Петровских. 1969 г. Фото М. Мильчика



Ил. 7. Прялка А.А. Соболевой (1880-е гг.), д. Монастырская (Одино) Шенкурского района. 1972 г. Фото М. Мильчик

Ил. 6. Дверь горницы в доме А.А. Соболевой (1883 г.) в д. Монастырской (Одино) Шенкурского района. 1972 г. Фото М. Мильчика



*Ил. 8. Филенка шкафа-заборки из дома А.П. Павловского в д. Лепшинской (Петрова) Шенкурского района. 1972 г. Фото М. Мильчика*



*Ил. 9. Филенчатая дверь из дома В.А. Кокина (кон. XIX в.) в д. Ексинской (Елань) Вельского района. 2012 г. Фото М.И. Мильчика*

*Ил. 10. Верхняя филенка двери из дома В.А. Кокина д. Ексинской (Елань) Вельского района. 2012 г. Фото М.И. Мильчика*



## Иллюстрации к статье О.Г. Севан



*Ил. 1. Мезенский сектор в Музее деревянного зодчества «Малые Корелы» (г. Архангельск). 2006 г. Фото О. Севан*



*Ил. 2. Деревня Зехнова (Кенозерский национальный парк, Архангельская обл.). 2006 г. Фото И. Митяшиной*



*Ил. 3. Проект павильона СССР – символ деревянного конструктивизма в архитектуре. 1924 г. Архитектор И. Мельников*



*Ил. 4. Торговый и ремесленный комплекс на Волге: копирование исторических форм русской архитектуры (г. Городец). 2008 г. Фото А. Ивановой*



*Ил. 5. 13-этажный безлифтовый деревянный дом Н. Сутягина – символ современной российской архитектуры (г. Архангельск). 1998 г. Фото А. Ложкиной*



*Ил. 6. Деревянные дома XVII–XVIII вв. и закрытые лестницы на улице старой части города (г. Берген, Норвегия)*



*Ил. 7. Фахверковый жилой дом XV века (г. Амьен, Франция). Фото У. Прайса*



*Ил. 9. Жилой дом-телескоп (курорт «Пирогово», Московская обл.). Архитекторы Т. Кузембаев, Д. Кондрашов. 2004 г. Фото И. Иванова*



*Ил. 8. Фахверковый жилой дом (Шампань, Франция). Архитектор Э. Пасе. 2004 г. Фото Э. Пасе*



*Ил. 10. Жилой дом (Московская обл.). Архитекторы Н. Белоусов, В. Белоусов. 2009 г.*



*Ил. 11. Баня (Московская обл.). Архитекторы Н. Белоусов, В. Белоусов. 2009 г.*



*Ил. 13. Опорная конструкция перехода от бани к беседке на участке загородного дома, рубленая «в реж» (пос. Кузнецово, Московская обл.). Архитектор Н. Белоусов. 2005 г.*



*Ил. 12. Опорная конструкция, рубленая «в реж», ветряной мельницы XIX века с берегов Мезени (Музей «Малые Корелы», г. Архангельск). 2005 г. Фото О. Севан*

Иллюстрации к статье И.Н. Шургина



Ил. 14. Дом-скат (курорт «Пирогово», Московская обл.). Архитекторы Т. Кузембаев, Д. Кондрашов. 2004 г. Фото И. Иванова



Ил. 15. Жилой дом-телескоп (курорт «Пирогово», Московская обл.). Архитекторы Т. Кузембаев, Д. Кондрашов. 2004 г. Фото И. Иванова



Ил. 16. Загородный дом (г. Таруса, Калужская обл.). Архитекторы А. Бродский, Н. Корбут. 2006 г. Фото Ю. Пальмина



Ил. 1. Церковь Положения риз Богоматери из д. Бородава (1485 г.). 1985 г. Фото И.Н. Шургина



Ил. 2. Интерьер Церкви Положения риз Богоматери из д. Бородава (1485 г.). 2001 г. Фото И.Н. Шургина



Ил. 3. Церковь Положения риз Богоматери из д. Бородава (1485 г.). 2010 г. Компьютерная реконструкция А.В. Попова и А.П. Мальцева



Ил. 5. Церковь Георгия в селе Юковичи (1495, 1632 гг.). 1999 г. Фото И.Н. Шургина



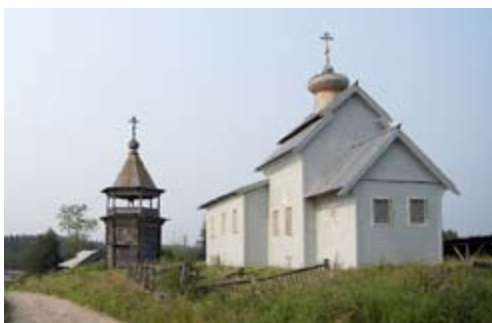
Ил. 4. Дом в д. Пожегдин (Республика Коми). Боковой фасад. Пример конструкции безвозвездового крепления кровли. 1980 г. Фото И.Н. Шургина



**Ил. 6.** Церковь Рождества Богородицы в д. Лиственка (1599 г.). 1996 г. Фото М.И. Коляды



**Ил. 8.** Никольская церковь (1597 г.) в с. Ковда. Проект реставрации 1971 г. Авторы А.В. Ополонников, И.Н. Шургин.



**Ил. 10.** Колокольня и Никольская церковь (1597 г.) в с. Ковда после реставрации. 2010 г.



**Ил. 7.** Никольская церковь (1597 г.) и колокольня в с. Ковда. 1970 г. Фото И.Н. Шургина



**Ил. 9.** Никольская церковь (1597 г.) и колокольня в с. Ковда. Церковь без обшивки, колокольня уже испорчена «реставрацией». 1994 г. Фото Е.И. Кудрявцевой



**Ил. 11.** Ильинская церковь Выйского погоста (1600 г.). Начала XX в.



**Ил. 13.** Фрагмент интерьера алтаря в церкви Рождества Богородицы из с. Передки (1530-е гг.). 2004 г. Фото И.Н. Шургина

**Ил. 12.** Церковь Рождества Богородицы из с. Передки (1530-е гг.). 2004 г. Фото И.Н. Шургина



Ил. 14. Никольская церковь в с. Лявля (1585 г.). 2009 г. Фото И.Н. Шургина



Ил. 16. Внутренний вид шатра Никольской церкви в с. Лявля (1585 г.). 2009 г. Фото И.Н. Шургина



Ил. 15. Сруб первоначальной главы, хранящийся в Никольской церкви в с. Лявля (1585 г.). 2009 г. Фото И.Н. Шургина



Ил. 17. Фрагмент потолка в восьмерике Никольской церкви в с. Лявля (1585 г.). Видны кронштейны, поддерживающие пристенную балку. 2009 г. Фото И.Н. Шургина

## Иллюстрации к статье А. Нордерхауг, А. Михельсон



Ил. 1. Кенозерские овцы – короткохвостые. Фото А. Михельсон



Ил. 3. Кенозерские овцы: окрас белый, сероватый или темный. Фото Х. Сиккель



Ил. 5. Все виды шерсти имеют подшерсток и наружный слой. Фото А. Михельсон



Ил. 2. У самцов – рога. Фото Х. Сиккель



Ил. 4. Расписные прялки – экспонаты музея в д. Вершино. Фото А. Михельсон



Ил. 6. Все виды шерсти легко поддаются расчесыванию. Фото А. Михельсон

Иллюстрации к статье В.Ф. Шухова



Ил. 1. План исторической застройки города Мышкин



Ил. 3. Музей мыши



Ил. 4. Творческая дача фонда «Шуховская башня» (г. Мышкин)



Ил. 2. На территории Краеведческого музея



Ил. 5. Комплекс «Мышиные палаты»

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Шатковская Е.Ф.</i> Настоящее и будущее нашего прошлого.....	3
<b>Наследие Кенозерья: природа, история, культура</b> .....	19
<i>Анциферова А.И.</i> Реконструкция средневекового пути «Кенский волок» и водно-волокового судна «берестяной каюк» .....	20
<b>Бахтина В.А.</b> Стихи Кенозерья (по материалам экспедиции Б.М. и Ю.М. Соколовых 1926–1928 гг. «По следам Рыбникова и Гильфердинга») ...	31
<i>Власова М.Н.</i> Водная стихия и водяные Кенозерья .....	38
<i>Власова М.Н.</i> Серия «Былины» «Свода русского фольклора» – фундаментальный научный проект отдела фольклора ИРЛИ РАН (принципы и проблемы публикации; былины Кенозера) .....	45
<i>Воробьева Т.Я., Собко Е.И., Забелина С.А., Широкова Л.С., Климов С.И., Морева О.Ю., Покровский О.С., Чупаков А.В., Шорина Н.В.</i> Пространственно-временная динамика планктонных сообществ и компонентов их среды обитания в озерах южной части Кенозерского национального парка ..	53
<i>Грейдинг Ю.Л.</i> Кенозерье 1968 года .....	62
<i>Гусева М.С.</i> Социально-экономическое положение деревень Почезерского прихода конца XIX – начала XX века (по материалам Статистического бюро Олонецкого губернского земства) .....	65
<i>Евсеева Л.М.</i> Вновь раскрытые иконы из иконостаса Преображенской церкви Пахомиева Кенского монастыря .....	72
<i>Едовин А.Г.</i> Кенский волок – история и археология .....	80
<i>Ермолин Б.В.</i> Динамика среднего максимума температуры воздуха в районе Кенозерского национального парка .....	91
<i>Зудин А.И.</i> Геологическое строение территории Кенозерского национального парка .....	95
<i>Куликова В.В., Куликов В.С., Бычкова Я.В.</i> Главные геолого-геофизические параметры строения территории и их возможное влияние на био- и ноосферу Кенозерского национального парка .....	101
<i>Лютикова Н.П.</i> Одежда населения Пудожского уезда Олонецкой губернии (по письменным источникам XIX века) .....	108



<i>Мелютина М.Н.</i> Сокровенные образы Кенозерья (на примере Думино-Долгозерского ландшафтного комплекса) .....	128
<i>Муллонен И.И., Захарова Е.В.</i> Многослойная топонимия Кенозерья .....	152
<i>Нечаева Т.Н.</i> Иконы из Пахомиева Кенского монастыря: к атрибуции поздней записи .....	163
<i>Седова Г.Е.</i> Книжные памятники Кенозерского национального парка .....	168
<i>Смагин В.А., Денисенков В.П.</i> Генезис и динамика растительности минеротрофных грядово-мочажинных болот Кенозерского национального парка .....	173
<i>Смирнов Ю.И.</i> Тяга Земная .....	182
<i>Смирнова М.А.</i> Научная библиография о Кенозерье: достижения, проблемы и перспективы .....	194
<i>Тарасенко Л.П.</i> К истории почитания преподобного Макария Унженского и Желтоводского в XVI – первых десятилетиях XVII века .....	200
<i>Тормосов Д.В.</i> Водораздельный ландшафт как историко-географическая составляющая территории Каргополя .....	215
<i>Торхов С.В.</i> Леса и лесоустройство Кенозерского национального парка ...	227
<i>Фофанова В.В.</i> Очерки по истории духовенства Почезерского прихода Пудожского уезда Олонецкой губернии .....	233
<b><i>Деревянное зодчество Русского Севера: прошлое и настоящее</i></b> .....	241
<i>Вольфсон Л.И., Юхименко Е.М.</i> Редкая житийная икона Артемия Веркольского из частного собрания .....	242
<i>Киришина О.Н.</i> Проблемы сохранения памятников деревянного зодчества на примере Архитектурно-этнографического музея Вологодской области ...	254
<i>Лаптева Г.Я.</i> Памятники деревянного зодчества в правовом поле и реальном контексте .....	259
<i>Мильчик М.И.</i> Общий взгляд на домовые росписи Поважья .....	267
<i>Севан О.Г.</i> Народная архитектура как основа для современного деревянного строительства в России .....	273
<i>Шургин И.Н.</i> Древнейшие памятники русского деревянного зодчества: современное состояние и первоначальный облик .....	279

<b><i>Ресурсы развития территорий. Российский и зарубежный опыт</i></b> ....	289
<i>Гудима Т.М.</i> Кенозерье как земля реализации творческого потенциала человека .....	290
<i>Котикова Л.С.</i> Историко-культурное наследие Куликова поля как ресурс развития территории (из опыта Государственного военно-исторического и природного музея-заповедника «Куликово поле») .....	297
<i>Кулешова М.Е.</i> Методический инструментарий Европейской ландшафтной конвенции применительно к наследию Кенозерья .....	306
<i>Нордерхауг А., Михельсон А.</i> Овцы, шерсть и ландшафты Кенозерья .....	318
<i>Репицкая Е.Г.</i> ТОС: от пассивности и разобщенности к гражданскому обществу .....	323
<i>Синяговский С.А.</i> Экомuseum Кенозера (к проблеме сохранения культурных ландшафтов Кенозерского национального парка) .....	326
<i>Старицына Г.В.</i> ТОС как один из ресурсов развития территории .....	331
<i>Шухов В.Ф.</i> Заповедные туристические территории – дальнейшие пути развития (на примере города Мышкин Ярославской области) .....	333
Сведения об авторах .....	342
Иллюстрации .....	346

## КЕНОЗЕРСКИЕ ЧТЕНИЯ – 2011

Человек и среда: гармония и противоречия

*Сборник материалов*

*V Всероссийской научно-практической конференции*

Составитель **Мелютина** Марина Николаевна

Фото на обложке *Н.А. Кулебякина*

Дизайн обложки *А.В. Мартыновой*

Редакторы: *И.М. Кудрявина, М.Н. Мелютина*

Оригинал-макет *О.В. Батурина*

Подписано в печать 10.12.2012. Формат 60×90/16. Бумага писчая.

Усл. печ. л. 25,63. Тираж 300 экз. Заказ № 198.

Типография ЗАО «Партнер НП»

164500, г. Северодвинск, пр. Беломорский, 48

тел.: (8184) 55-08-48

### Иллюстрации к статье Е.Ф. Шатковской



*Еще все впереди! На Маселье, середина 1990-х гг.*



*Сергей Афанасьевич Синяговский с кенозерскими школьниками*



*Татьяна Александровна Калитина*



*Александр Вячеславович Балакирев*



*Мария Михайловна Аникиева*



*Валентин Васильевич Портнов и Сергей Александрович Боголепов*



*Юрий Викторович Тишинин*



*Иван Александрович Роймуев*



*Константин Станиславович Воробьев*



*Сергей Васильевич Ершов*



*Юрий Александрович Венгерь*



*Василий Алексеевич Нефедов, Нина Федоровна Пиялкина*



*Александр Николаевич Подгорних*



*Михаил Николаевич Капустин*



*Сергей Павлович Аникиев*



*Николай Никитич Болознев*



*Галина Ивановна Емельянова*



*Алексей Александрович Боголёпов*



*Александр Геннадьевич Полвинин и Владимир Викторович Худяков*



*Игорь Александрович Коренев*



*День лесника на Почозере, 2006 г.*



*Елена Андреевна Вторьгина и Павел Николаевич Балакшин, 2008 г.*



*Виталий Сергеевич Фортыхин с участниками «Кенозерских чтений – 2011»*



*Юрий Александрович Веденин (в центре) в д. Зехново*



*Юрий Иванович Смирнов на первых Кенозерских чтениях, 2003 г.*



*Анатолий Антонович Ефремов (1952–2009) в Парке, 2002 г.*



*Тамара Дмитриевна Румянцева (в центре). Путешествие по Кенозеру*



*Реставрация Никольской часовни*



*Часовня после реставрации. Фото Е. Ломакова*



*Юрий Михайлович Критский (1931–1996)*



*Татьяна Михайловна Кольцова в часовне в д. Рыжково*



*Татьяна Юрьевна Хохлова (справа)*



*Гужовская мельница до реставрации. Фото И. Шпиленка*



*Мельница после реставрации. Фото К. Кокошкина*



*Норвежские коллеги на открытии Гужовской мельницы, 2006 г.*



*Тамара Михайловна Гудима*



*Экспозиция «Губернский почтамт» в визит-центре Парка, Архангельск*



*Дизайн-проект экспозиции «В начале было Слово», д. Вершинино. Дизайн И. Привалова*



*Гостевой дом «Как у бабушки», д. Масельга. Фото Е. Креханова*



*В интерьере гостевого дома. Фото Е. Креханова*



*Архитектурный парк «Кенозерские бирюльки». Фото К. Кокошкина*



*На «Тропе муравейников». Фото Е. Самсоновой*



*Чайный домик на «Тропе раздумий». Фото К. Кокошкина*



*Мастер-класс по войлоковалению. Фото Е. Креханова*



*Мастер-класс по лепке из глины. Фото Ю. Артемовой*



*Знатный бондарь Федор Васильевич Калитин,  
д. Усть-Поча. Фото В. Шевелева*



*Анна Николаевна Губина на открытии Визит-  
центра в д. Вершинино. Фото Е. Шатковской*



*Вера Николаевна Болознева, д. Зехново*



*Мария Васильевна Капустина, д. Зехново.  
Фото В. Шевелева*



*Клавдия Александровна Ершова, пос. Усть-Поча.  
Фото В. Шевелева*



*«Дорогие мои старики» из д. Семеново: Антонина  
Ефимовна Панфилова, Анна Федоровна Силуянова,  
Александра Степановна и Николай Александрович  
Третьяковы. В центре – директор Парка  
Елена Флегонтовна Шатковская*